А. А. Николаевъ.

Очерки по исторіи Японскаго народа.

Томъ I.

Изданіе
„Общественной Пользы"
С.П.Б. 1905.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. Доисторическая Японія	1
2. На зарѣ японской исторіи	7
3. Введеніе буддизма въ Японіи	13
4. Начало феодализма въ Японіи	29
5. Періодъ феодализма въ Японіи	39
6. За закрытыми дверями (эпоха Токугавы)	75
7. Японское общество наканунѣ революціи	92
8. Революціонный періодъ японской исторіи (до паденія шогуната)	110
Отъ паденія шогуната до объявленія конституціи	130
9. Конституціонная Японія	158
Алфавитный указатель	170
Приложеніе I. Хронологическая табличка	173
Приложеніе II. Очеркъ по исторіи японской торговли	175
Приложеніе III. Японская конституція 13 февраля 1889 г.	188

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЯПОНІЯ.

I.

Легенды и миѳы играютъ въ исторіи японскаго народа, быть можетъ, большую роль, чѣмъ въ исторіи другого народа, съумѣвшаго также пробиться на широкую дорогу цивилизаціи. Искусство письма и печати было занесено на японскій архипелагъ изъ Китая лишь въ 284 г. по Р. Хр., и такимъ образомъ японскій народъ прожилъ девять или десять вѣковъ, не имѣя возможности оставить ни одного письменнаго памятника о своемъ быломъ. Надо прибавить къ этому крайнюю запутанность хронологическихъ датъ, что обусловливалось неточностями календарныхъ исчисленій и чрезвычайно сложною системою собственныхъ именъ, которая прилагалась ко всѣмъ выдающимся лицамъ, и тогда легко будетъ понять, что только тщательное изученіе и осторожное обращеніе съ многочисленными легендами и миѳами этого народа можетъ хотя бы слегка приподнять завѣсу того далекаго прошлаго, когда Японія не имѣла никакихъ письменныхъ памятниковъ своей исторіи.

Но мы не будемъ здѣсь все-таки излагать японской миѳологіи, а разскажемъ лишь заключительные эпизоды миѳической Японіи, необходимые, какъ введеніе къ лѣтописной и научной исторіи этого интереснаго народа.

Давно-давно на острова японскаго архипелага прибыли довольно высоко (конечно, сравнительно) цивилизованные люди. Пе-

[1]) Необходимо условиться относительно транскрипціи японскихъ именъ. Разнообразіе въ нарождающейся русской литературѣ по японскому вопросу въ этомъ отношеніи чрезвычайно велико. Мы съ своей стороны слѣдовали пріему Миччау (le Story of Japan V), т. е. принимали англійское начертаніе словъ, при чемъ согласныя произносились по англійскому выговору, а гласныя—по нѣмецкому. (Въ англ. выговорѣ мы придерживались «Анг.-рус. Словаря» Александрова).

переселенцы эти явились съ юга и основались на одномъ изъ южныхъ острововъ архипелага—Кіусіу. Здѣсь они нашли прекрасную страну, покрытую роскошной растительностью и рѣдко населенную дикарями, которые вели чисто звѣриный образъ жизни. У нихъ не было никакой системы управленія, и они были не въ силахъ оказать сколько нибудь достаточное сопротивленіе пришельцамъ, обладавшимъ и лучшимъ оружіемъ и большей дисциплиной. Такъ безъ всякихъ затрудненій обосновались пришельцы въ новообрѣтенной ими землѣ.

На главномъ островѣ въ то же самое время жили два племени людей, сильно отличавшихся отъ этихъ дикарей. Одно изъ нихъ устроилось главнымъ образомъ въ провинціи Изумо и объявило свою власть надъ всей страной. Другое сосредоточилось въ Ямато. Ни одно изъ этихъ племенъ не знало о существованіи другого, такъ какъ Изумо и Ямато лежали далеко другъ отъ друга. Сначала переселенцы на Кіусіу воображали, что они имѣютъ дѣло только съ однимъ народомъ, который жилъ въ Изумо, и отправили туда пословъ. Первый изъ этихъ пословъ, подкупленный правителемъ Изумо, остался навсегда въ странѣ, развѣдка которой была ему поручена. Второй позабылъ о своихъ обязанностяхъ въ объятіяхъ изумской красавицы. Третій вѣрно выполнилъ свои обязательства, но былъ убитъ въ Изумо. Въ результатѣ этихъ событій послѣдовала война между Изумо и южными новоселами. Побѣдителями остались южане, которые воображали, что съ покореніемъ Изумо покоренъ будетъ и весь островъ. Но мало-по-малу они замѣтили свою ошибку. Тогда они вступили въ кровавую войну съ жителями Ямато и подчинили ихъ своему владычеству. Въ это время во главѣ южныхъ пришельцевъ находился правитель Джимму.

Джимму Тенно считается первымъ микадо въ Японіи. Онъ былъ сыномъ божества. Не смотря на то, что онъ былъ самый младшій изъ четырехъ братьевъ, отецъ назначилъ его начальникомъ небольшой колоніи переселенцевъ, осѣвшихъ тогда въ Кіусіу, и старшіе братья повиновались ему. Онъ представлялъ изъ себя тогда что-то въ родѣ викинга. Узнавъ о Ямато и его правителяхъ отъ путешественника, который посѣтилъ Кіусіу, онъ посадилъ свои войска на военные корабли и пустился въ набѣгъ. Обогнувъ восточные берега Кіу-сіу, онъ вступилъ, наконецъ, во внутреннее море японскаго архипелага. Отъ острова къ острову, отъ залива къ заливу подвигался онъ на сѣверъ, останавливаясь мѣстами, чтобы вступить въ битву съ прибрежными жителями или пополнить свои запасы,

или построить новую военную лодку. Послѣ пятнадцати лѣтъ бродячей и боевой жизни выбрались они, наконецъ, сѣверными проливами изъ внутренняго моря и остановились въ Ямато, которая съ тѣхъ поръ и стала императорской провинціей Японіи. За эту долгую военную кампанію Джимму потерялъ всѣхъ трехъ своихъ братьевъ: одинъ палъ въ бою; два другихъ бросились въ море, чтобы успокоить расходившуюся бурю, которая грозила уничтожить весь флотъ ихъ. Смерть на полѣ битвы и принесеніе себя въ жертву ради интересовъ родины всегда считались въ Японіи лучшими способами свести свои счеты съ бренной жизнью. Самъ Джимму, имя котораго значитъ: „человѣкъ божественной храбрости“, показываетъ, какой почетъ тогда на этихъ островахъ окружалъ военную профессію.

Изъ этого заключительнаго отрывка японской миѳологіи напрашивается тотъ выводъ, что доисторическая Японія, поскольку она нашла свое отраженіе въ народныхъ легендахъ, должна имѣть дѣло съ тремя потоками болѣе или менѣе уже цивилизованныхъ переселенцевъ и полуварварскимъ племенемъ туземцевъ. И, дѣйствительно, новѣйшія археологическія и этнологическія изысканія въ значительной степени подтверждаютъ эти предположенія. Въ настоящее время установлено съ достаточной достовѣрностью, что туземцы того времени сложились изъ двухъ потоковъ колонистовъ, пришедшихъ изъ Сибири и явившихся одинъ за другимъ чрезъ большой промежутокъ времени.

II.

Первый потокъ состоялъ изъ „пещерныхъ людей“. Въ этомъ археологія убѣждается на основаніи жилищъ-поръ и „кухонныхъ остатковъ“. Представителями ихъ въ настоящее время, какъ полагаютъ, являются жители Сахалина, Курильскихъ острововъ и Южной Камчатки.

Второй потокъ состоялъ изъ Айну — волосатаго народа съ плоскими лицами и тяжелыми челюстями. Они совершенно вытѣснили своихъ предшественниковъ и завладѣли страной. Айну того времени вели во многихъ отношеніяхъ чисто животный образъ жизни. Они вырывали себѣ жилище въ землѣ; въ брачныхъ связяхъ не стѣснялись никакимъ кровнымъ родствомъ; одѣвались въ кожи, пили кровь, были людоѣдами; были неблагодарны, мстительны и жестоки; обладали лишь каменными орудіями. Въ упорной борьбѣ съ болѣе ци-

вилизованными переселенцами они остались побѣжденными и были отброшены въ концѣ концовъ на сѣверные острова. Но въ процессѣ борьбы совершенно измѣнился ихъ характеръ: они стали робкимъ, ласковымъ, покорнымъ народомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособнымъ къ прогрессу и безразличнымъ къ какимъ бы то ни было улучшеніямъ, — неизмѣннымъ контрастомъ съ энергичными, умными и честолюбивыми японцами.

Но кто же были первоначально эти самые японцы? Откуда направлялись сюда тѣ три или болѣе потока переселенцевъ, которые потомъ слились, чтобы образовать одно общее племя, нынѣ стоящее во главѣ восточныхъ народовъ? Мнѣнія ученыхъ въ этомъ отношеніи рѣзко расходятся. Хайдъ-Кляркъ полагаетъ, что они принадлежали къ турано-африканскимъ племенамъ,— которыя двинулись на востокъ черезъ Египетъ, Китай и Японію; Маклеодъ видитъ въ нихъ одно изъ затерявшихся племенъ Израиля; нѣкоторые писатели считали ихъ малайскими переселенцами; Гриффондъ удовольствовался утвержденіемъ, что они являются просто-на-просто современными Айну, а новѣйшіе ученые склонны относить ихъ къ татаро-монгольскому племени Центральной Азіи. Такое разнообразіе во взглядахъ несомнѣнно обусловливается тѣмъ, что японцы не представляютъ изъ себя чистой расы; среди нихъ легко намѣчается, по крайней мѣрѣ, два типа— народный и аристократическій. Представители японскаго плебса имѣютъ довольно темную кожу, выдающіяся скулы, широкій ротъ. плоскій носъ, совершенно прямо посаженные глаза, крѣпкій и сильный костякъ. У представителей аристократическаго типа мы находимъ болѣе тонкое сложеніе, почти бѣлую кожу, глаза узкіе, посаженные слегка наклонно къ носу, маленькій ротъ, овальное лицо, орлиный носъ, замѣчательно тонкія и ловкія руки. Окончательно установленныхъ теорій относительно происхожденія этихъ типовъ не имѣется. Наиболѣе вѣроятное предположеніе говоритъ за то, что свой аристократическій типъ Японія получила изъ Центральной Азіи, народный—изъ Южной Азіи. Первые пришли сюда изъ Кореи, но то не были ни корейцами, ни китайцами; вторые пришли сюда моремъ по тому теченію (Куросиво), которое отъ Филиппинскихъ острововъ идетъ къ сѣверу и и касается восточныхъ береговъ японскаго архипелага.

Но если исторія сохранила слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы можно было прослѣдить, изъ какихъ племенъ сложился японскій народъ, то археологія напротивъ даетъ обильныя доказательства сравнительно высокой культурности новоселовъ японскаго архи-

пелага. Прекрасный матерьялъ въ этомъ отношении былъ доставленъ раскопками могильныхъ земляныхъ холмовъ и дольменовъ *). То племя, которое дѣлало земляныя насыпи, переживало бронзовый вѣкъ цивилизации; строители же дольменовъ—желѣзный; въ этомъ легко убѣдиться по тѣмъ предметамъ, которые неизмѣнно попадаются въ каждомъ изъ этихъ могильныхъ памятниковъ: въ могильныхъ холмахъ никогда не встрѣчается желѣзныхъ предметовъ, а въ дольменахъ—бронзовыхъ.

Но что же говорятъ еще эти земляныя насыпи и дольмены? Принадлежатъ ли они одному и тому же племени на различныхъ только ступеняхъ его развитія или они—дѣло рукъ совершенно различныхъ племенъ и народовъ? Правильнымъ несомнѣнно придется признать лишь послѣднее предположение. Въ самомъ дѣлѣ, если бы японскіе могильные курганы постепенно перешли въ дольмены, то неизбѣжно попадались бы курганы, гдѣ была положена часть желѣзныхъ вещей, и дольмены, гдѣ часть вещей была бронзовая, такъ какъ переходъ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному могъ бы происходить лишь постепенно. Но этого въ дѣйствительности наблюдать не приходится. Слѣдовательно дольмены и курганы принадлежали двумъ народамъ, находившимся на различныхъ ступеняхъ промышленнаго развитія.

Такимъ образомъ археологія, показавъ своими раскопками, что на территоріи японскаго архипелага одновременно находились тогда племена, переживавшія, по крайней мѣрѣ, три степени промышленнаго развитія: каменный, бронзовый и желѣзный вѣкъ,—тѣмъ самымъ подтвердила справедливость историческаго остова, извлеченнаго изъ легендарныхъ разсказовъ доисторической Японіи. Болѣе же высокая культурность завоевателей Японіи въ значительной степени объясняетъ намъ, почему этимъ завоевателямъ было приписано божественное происхожденіе.

Присматриваясь къ содержанію могильныхъ холмовъ, можно убѣдиться, что люди, руками которыхъ они были сдѣланы, населяли Японію за три—четыре столѣтія до Рождества Христова и стояли на уровнѣ промышленнаго развитія болѣе низкомъ, чѣмъ тотъ, на которомъ тогда находилась азіатская цивилизація. Но вотъ по странѣ разлился новый потокъ пришельцевъ, который принесъ съ собой болѣе высокую культуру, и вся цивилизація страны

*) Дольмены—комнаты и галлереи, сложенныя изъ каменныхъ глыбъ надъ мѣстомъ погребенія останковъ.

быстро поднялась. Страна сразу перешла изъ бронзоваго вѣка въ желѣзный и быстро развила свои промышленныя силы и въ другихъ соотвѣтственныхъ направленіяхъ. Но то же сравненіе содержимаго въ могильныхъ курганахъ и дольменахъ показываетъ, что послѣдняя волна пришельцевъ, не смотря на всю разницу своей культуры, принесла съ собою представителей той же расы, изъ которой сложилось и предыдущее переселенческое движеніе на берега японскаго архипелага. Выходило какъ будто такъ, что какая-то метрополія, выславъ въ Японію толпы колонистовъ, стала быстро двигаться по пути прогресса, въ то время какъ самые колонисты остановились въ своемъ развитіи. Этой близостью двухъ культуръ, стоявшихъ на разной высотѣ развитія, быть можетъ, и объясняется та легкость, съ которой была, повидимому, усвоена новая культура.

Военное вооруженіе этихъ послѣднихъ пришельцевъ было уже высокаго качества: мечъ, рукоятка котораго была иногда тщательно изукрашена, лукъ и стрѣлы, металлическій шлемъ и латы. Узды и сѣдла показываютъ, что конница у нихъ играла выдающуюся роль.

Костюмъ ихъ рѣзко отличался отъ того, который носятъ теперь японцы. Верхняя одежда ихъ состояла изъ свободной рубашки, перехваченной у таліи поясомъ и длинныхъ же, свободныхъ штановъ. Но чѣмъ особенно отличались они отъ современныхъ японцевъ, такъ это—обиліемъ всякаго рода украшеній въ видѣ всевозможныхъ колецъ, серегъ, браслетъ, застежекъ, которыхъ въ средніе вѣка и новѣйшее время въ Японіи совершенно почти не носятъ. Въ этомъ отношеніи вкусы и привычки народа измѣнились удивительно рѣзко.

Въ пищу они тогда употребляли рыбу, мясо и зерновые хлѣба. Было въ ходу и какое-то вино. Посудой служили изящные горшки, но не глазированные, а покрытые архаическими украшеніями. Неизвѣстно, имѣли ли они рогатый скотъ и какимъ способомъ добывали огонь.

Судя по тѣмъ же дольменамъ, можно сказать, что японцы того времени вѣрили уже въ загробную жизнь, такъ какъ снабжали умершаго всѣмъ, что ему можетъ понадобиться по ту сторону могилы. Приношенія, которыя дѣлались на могилѣ усопшаго, показываютъ на довольно высокое развитіе культа предковъ; объ отсутствіи идолопоклонства и сильно распространенныхъ суевѣрій можно судить по тому, что среди могильныхъ вещей не попадается ни амулетовъ, ни идоловъ.

II.

НА ЗАРѢ ЯПОНСКОЙ ИСТОРІИ.

I.

Какую же политическую организацію представляла изъ себя Японія къ тому моменту, когда послѣдніе колонисты окончательно осѣли и окрѣпли на территоріи японскаго архипелага? Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Японія была тогда автократическимъ государствомъ. Во главѣ орды иммигрантовъ стоялъ военачальникъ, который однако не пользовался властью абсолютнаго монарха и къ которому его ближайшіе сподвижники тотчасъ же предъявили требованія относительно участія въ управленіи вновь образованнымъ государствомъ. И эти требованія казались вполнѣ законными и были немедленно удовлетворены. Новые участники въ управленіи государственной машины смотрѣли на свои должности, не какъ на милость, полученную отъ верховнаго правителя, а какъ на законную награду за труды и лишенія, понесенныя ими во время военныхъ походовъ. Они считали себя поэтому несмѣняемыми на этихъ должностяхъ и стали передавать свои почетные посты по наслѣдству своимъ сыновьямъ.

Такимъ образомъ національная политика приняла въ первое время патріархальныя формы. Общественныя дѣла оказались въ рукахъ нѣсколькихъ семей, во главѣ которыхъ стоялъ прямой потомокъ божественныхъ предковъ.

Но и всѣ эти выдающіяся семьи считали себя въ большемъ или меньшемъ родствѣ съ самимъ императоромъ, а слѣдовательно въ окончательномъ счетѣ тоже вели свое происхожденіе отъ боговъ. Положеніе этихъ аристократическихъ фамилій въ значительной степени обусловливалось той близостью къ центральному пра-

вительству, которая имъ выпала на долю въ сферѣ отведенной имъ дѣятельности. Одне составили исключительно придворную знать, другія помѣстную, провинціальную. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторымъ, попавшимъ въ пограничныя области, пришлось вести упорную и тяжелую борьбу съ туземцами. Въ этой борьбѣ они выработали прочныя мѣстныя организаціи и отвоевали себѣ большую долю независимости отъ центральнаго правительства.

Организація административнаго управленія, само собою разумѣется, долгое время не отличалась достаточной точностью и опредѣленностью. Такъ, напр., жреческія функціи были не отдѣлены отъ обязанностей правителя, и это смѣшеніе оставалось въ силѣ до послѣднихъ дней. Даже больше того, отправленіе религіозныхъ обрядовъ стояло во главѣ всѣхъ административныхъ функцій.

Впрочемъ религія японскаго народа того времени отличалась чрезвычайной упрощенностью. Они вѣрили, какъ мы уже говорили, въ загробную жизнь, но сколько нибудь ясныя представленія объ этой загробной жизни у нихъ совершенно отсутствовали. Главнымъ небеснымъ божествомъ, по ихъ представленіямъ, была богиня Солнца и съ молитвъ, обращенныхъ къ ней или другимъ меньшимъ божествамъ, обыкновенно начиналось всякое общественное дѣло. Императоръ, какъ первосвященникъ всего народа, приносилъ жертвы и совершалъ моленія въ своемъ дворцѣ, гдѣ находились и эмблемы его верховной власти—зеркало, мечъ и драгоцѣнный камень божественнаго происхожденія. Всего только за столѣтіе до Р. Хр. стали появляться алтари внѣ стѣнъ императорскихъ дворцовъ. Ихъ пантеонъ, который въ началѣ заключалъ лишь божества высокаго неба, вскорѣ сталъ насчитывать въ своей средѣ и души умершихъ героевъ и сверхъестественныя существа, которымъ поклонялись туземцы. Другими словами, болѣе культурные колонисты начали поклоняться предкамъ полудикихъ туземцевъ, съ которыми они вели постоянныя войны. Такимъ образомъ религія туземцевъ, о которыхъ не осталось никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, въ концѣ концовъ наложила свой отпечатокъ на религію переселенцевъ. Эти послѣдніе, встрѣчая постоянный и дружный отпоръ своимъ завоевательнымъ стремленіямъ, думали, очевидно, расположить въ свою пользу души погибшихъ въ бою героевъ своихъ враговъ. Они вѣрили, значитъ, въ то, что безсмертныя существа продолжаютъ жить тѣми же чувствами, которыя они питали, когда жили на землѣ въ видѣ человѣческихъ существъ. Но идеѣ о возмездіи и наказаніи въ будущей жизни въ ихъ религіи

не было мѣста. Тотъ, кто попадалъ въ темное царство загробной жизни, никогда уже не возвращался изъ него, если только ему пришлось съѣсть какую-нибудь пищу, приготовленную тамъ. Для того, чтобы избавить душу умершаго отъ такого несчастья, на могилѣ его дѣлались приношенія. Эти же приношенія служили вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ сыновней любви. Но какъ ни были развиты въ то время всякаго рода приношенія богамъ и умершимъ, религія японцевъ того времени совершенно не признавала закланія людей въ честь боговъ.

Не допуская идеи возмездія на томъ свѣтѣ за грѣхи и преступленія, совершенныя въ земной жизни, японцы того времени поступали совершенно логично, вполнѣ согласуясь съ своими взглядами на преступленія. Они считали, что хотя преступные акты и оскверняютъ душу человѣка и требуютъ послѣ этого очищенія ея, но они совершаются неизбѣжно. Оцѣнка преступныхъ дѣяній показываетъ, что японцы того времени уже высоко ставили земледѣліе и сдѣлали многое для его развитія. Самымъ важнымъ преступленіемъ считалось уничтоженіе межевыхъ знаковъ на рисовыхъ поляхъ; затѣмъ слѣдовали запруживанье источниковъ, порча колодцевъ. Такое же презрѣніе заслуживалъ каждый, кто рѣшался содрать кожу съ живого или мертваго существа; менѣе тяжелыми преступленіями считались убійство, нанесеніе, кровосмѣшеніе, колдовство.

Таковы были основныя положенія *шинто*, древней религіи японскаго народа. Само собою разумѣется, что на той ступени развитія, на которой тогда находилось японское государство, религіозные принципы проникали глубоко не только государственныя воззрѣнія народа, но и большинство частно-правовыхъ его отношеній.

II.

Право первородства совершенно не признавалось японцами того времени. Отецъ свободно выбиралъ себѣ наслѣдника изъ всѣхъ своихъ сыновей. Выборъ очень часто падалъ на самаго младшаго. Брачный союзъ ограничивался лишь фактомъ сожительства. Мужъ не принималъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ женѣ, не несъ никакой отвѣтственности за нее. Мужъ безусловно не обязанъ былъ сохранять вѣрность своей женѣ Онъ могъ имѣть столько связей,—сколько хотѣлъ. Дѣти оставались у матери. Одна

семья могла ничего не знать о другой. Бракосочетанія, какъ обряда, не было. Брачные союзы свободно устанавливались между всѣми степенями родства; запрещены были только браки между дѣтьми одной и той же матери.

При такой организаціи семьи очевидно и родственныя чувства складывались совершенно особымъ образомъ. Сыновья одного и того же отца, выросшіе въ различныхъ семьяхъ, могли совершенно не знать другъ друга. Поэтому неудивительно, что между такими братьями вспыхивала иногда жестокая ненависть, и лѣтописи междуусобной войны полны подобнаго рода эпизодами.

Громадное большинство семей ютилось въ пещерахъ и норахъ, вырытыхъ въ землѣ. Только богатые и знатные имѣли свои дома, да и то крайне незатѣйливой архитектуры и почти негодные для зимы. Архитектура того времени, повидимому, гораздо сильнѣе отстала отъ другихъ видовъ производства, насколько объ этомъ можно судить по орудіямъ и оружію, добытымъ изъ дольменовъ. Но жилище японца и тогда поражало своей чистотой, которая предписывалась религіей шинто въ цѣляхъ очищенія души и тѣла.

Вообще уже и тогда въ характерѣ японскаго народа кое въ чемъ уже даетъ себя чувствовать особенная мягкость и любовь къ изяществу. Пѣсни и танцы были однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій народа. Они должны были дѣйствовать даже на мертвыхъ. Когда человѣкъ умиралъ, его тѣло клали въ особое помѣщеніе. Здѣсь онъ находился въ теченіе десяти дней, во время которыхъ родственники и друзья умершихъ собирались тамъ и ублажали духъ его пѣніемъ и танцами. Свои музыкальные инструменты японцы позаимствовали изъ Кореи.

Другимъ древнѣйшимъ развлеченіемъ былъ такъ называемый поэтическій пикникъ Ka-gaki. Группы людей и женщинъ сходились гдѣ-нибудь въ городѣ или деревнѣ и состязались въ составленіи куплетовъ, которые пѣлись подъ аккомпаниментъ инструментовъ. Среди мужчинъ были распространены еще пѣтушиные бои и охота на дикихъ животныхъ, которыми въ то время изобиловала Японія.

Но тѣмъ не менѣе въ общемъ нравы отличались значительной жестокостью. Китайскіе лѣтописцы восхваляли японцевъ того времени за то, что они очень рѣдко обращаются за разрѣшеніемъ споровъ къ судамъ. Но эта умѣренность объясняется не тѣмъ, чтобы японцы имѣли мало случаевъ, которые бы требовали судебнаго вмѣшательства, а тѣмъ, что уголовные законы тогда отличались необычайной

строгостью. Особенная жестокость проявлялась ко всякаго рода политическимъ преступленіямъ: въ такихъ случаяхъ наказаніе простиралось на всю семью преступника, а иногда всѣ родственники вплоть до самыхъ отдаленныхъ обращались въ рабство. Вообще же по отношенію къ аристократіи народъ долженъ былъ проявлять чисто рабскую угодливость. Если простолюдинъ встрѣчалъ на пути какое нибудь лицо высшаго положенія, то онъ обязанъ былъ посторониться и отвѣсить низкій поклонъ. Передъ всякимъ же знатнымъ лицомъ онъ падалъ на колѣни, упираясь обѣими руками въ землю. Этотъ обычай сохранился почти до самыхъ послѣднихъ дней.

Между тѣмъ общеніе съ высокою культурой Китая чрезъ Корею продолжалось. Оттуда было заимствовано разведеніе тутовыхъ деревьевъ, тканье шелковыхъ матерій, улучшенное искусство тонкой и художественной вышивки. Китай же снабдилъ тогдашнюю Японію искусствомъ письма и первыми книгами по философіи, которая въ то время вся была проникнута ученіемъ Конфуція. Правда, появленіе китайскихъ классиковъ и философіи Конфуція на территоріи японскаго архипелага относится къ концу того періода, характеристику котораго мы здѣсь приводимъ. Правда и то, что новая, болѣе высокая философія этого мудреца туго прививалась къ японскимъ нравамъ того времени; такъ, проповѣдь конфуціанства началась въ четвертомъ вѣкѣ по Р. Хр.; но и въ слѣдующемъ пятомъ—очень мало замѣчалось вліяніе ея на нравы японскаго общества. По крайней мѣрѣ, на престолѣ мы видимъ цѣлый рядъ деспотовъ, которые открыто ведутъ развратную жизнь, разнообразя ее кровавыми расправами со всѣми, кто имъ приходился не по нраву.

Но если жизнь двора и аристократіи представляла въ первыя пять столѣтій нашего лѣтосчисленія печальную картину распущенности и жестокости, то и народная жизнь не давала наблюдателю ничего утѣшительнаго. Тѣ небольшія семьи, которыя тысячу лѣтъ тому назадъ, когда послѣдняя волна переселенцевъ только-что разлилась по японскому архипелагу, стали во главѣ управленія страны и захватили его въ наслѣдственное пользованіе, разрослись теперь въ огромные кланы. Вся эта праздная толпа правителей и и ихъ родичей жила на счетъ народа, готовая каждую минуту схватиться за оружіе, чтобы силой подавить недовольство угнетаемыхъ. Единственной задачей большинства было пожить сытно и весело, въ свое удовольствіе.

Между тѣмъ народная жизнь совершенно запуталась въ суевѣріяхъ все ниже и ниже падающей религіи шинто. Нравственные устои общества осѣдали все ниже и ниже, и это паденіе народа въ моральномъ отношеніи представляло особенно сильный контрастъ съ ростомъ матерьяльной культуры, подбадриваемой цѣлымъ рядомъ высоко разумныхъ нововведеній, заимствованныхъ изъ Китая. Долго продолжаться такимъ образомъ дѣло очевидно не могло, тѣмъ болѣе, что внутри японской жизни не было такого источника, который могъ бы освѣжить и поднять духъ времени. Въ самомъ дѣлѣ, литературы и науки не существовало, а религія шинто не давала ни кодекса морали, ни малѣйшихъ указаній относительно будущей жизни, ни высокаго представленія о божествѣ и потому была не въ силахъ дѣйствовать на пробуждающіяся къ сознательной жизни массы. Ученіе же Конфуція не могло исправить этихъ недостатковъ: оно обращалось къ уму и совершенно не затрогивало чувства, а потому опять таки оказывалось чуждымъ для массъ.

III.

ВВЕДЕНІЕ БУДДИЗМА ВЪ ЯПОНІИ.

I.

Въ это-то время и прорвался въ Японію буддизмъ. Его массивные и великолѣпные храмы, его величественные идолы, великолѣпныя ризы его священниковъ и живописная торжественность его богослуженій въ значительной степени давали вѣрующимъ то, недостатокъ чего чувствовался поклонниками шинто. Однако не этими своими особенностями обязанъ онъ главнымъ образомъ своими успѣхами въ Японіи того времени. Буддизмъ тогда тѣсно былъ связанъ со своей китайской цивилизаціей. И въ своей философіи, и въ своихъ привычкахъ и обычаяхъ, и въ своихъ представителяхъ онъ являлся носителемъ высшей культуры, до которой такъ жадны были всегда правящіе классы японскаго государства. Буддійскіе священники и монахи составили тотъ мостъ, по которому почти безпрерывной цѣпью стали двигаться изъ Китая въ Японію и новыя идеи, и новыя формы жизни.

Буддизмъ сначала сдѣлалъ попытку проникнуть въ народныя массы своими собственными путями, обходя то ложе, по которому шла правительственная жизнь тогдашней Японіи. Въ началѣ шестого столѣтія по Р. Хр. въ Японію прибыли буддійскіе миссіонеры и начали проповѣдь своей вѣры среди японскаго народа. Но усилія ихъ не увѣнчивались успѣхомъ. Народъ слишкомъ привыкъ идти за правительствомъ для того, чтобы на собственный страхъ и рискъ могъ создать массовое движеніе въ пользу новой религіи. Неизвѣстно, какая судьба постигла бы этихъ новыхъ миссіонеровъ, если бы на выручку ихъ не явился случай, который увлекъ въ новую вѣру правительственныя сферы тогдашней Японіи.

Въ царствованіе императора Киммеи Тенно (двадцать девятаго изъ династіи Джимму) въ 552 г. прибыло изъ Кореи посольство, которое принесло съ собой священныя изображенія и книги буддійской религіи и изложило передъ императоромъ основы этого вѣроученія. Ясно было, что новое ученіе подрывалось подъ самые устои религіи ишито, подъ сѣнью которой японскіе императоры чувствовали себя потомками и представителями боговъ на землѣ и крѣпко стояли на правительственной колесницѣ. Съ этой точки зрѣнія распространеніе буддизма было прямо невыгоднымъ для тогдашней системы управленія. Но къ счастью эта сторона новой вѣры осталась въ тѣни, а ярко бросалось въ глаза лишь то, что новая вѣра была крѣпкими узами сцѣплена съ высшей культурой и что вмѣстѣ съ нею слѣдовательно можно ожидать быстраго и сильнаго прогресса страны. Японскіе правители сразу стали на сторону новаго вѣроученія и начали усердно насаждать его въ народныхъ массахъ. Но, конечно, старая вѣра ишито не могла потѣснться и дать мѣсто новой религіи безъ всякой борьбы и протеста.

Горячимъ сторонникомъ буддизма выступилъ прежде всего первый министръ императора Сога-но-Инаме, который сталъ настаивать, чтобы изображенію Будды въ странѣ оказывались божескія почести. Но два другихъ министра воспротивились, говоря: „у насъ свои есть боги, и имъ, пожалуй, будетъ тяжело и досадно, если мы станемъ поклоняться чужому богу“. Однако императоръ сталъ на сторону перваго министра. И Инаме принялъ идола Будды отъ императора, установилъ его въ своемъ домѣ, устроилъ для него тамъ святилище и сталъ поклоняться ему.

Вскорѣ послѣ этого страна была охвачена сильной „повальной“ болѣзнью. И тогда Окоши и Кумако, министры, враждебные Согѣ, убѣдили императора, что причиною несчастья — гнѣвъ боговъ страны за поклоненіе буддійскому идолу. И велѣлъ тогда императоръ схватить идола и ввергнуть въ море, а храмъ, который былъ возведенъ для него, разрушить. Это было первое движеніе въ Японіи противъ буддизма.

Но уже слѣдующій императоръ Битатсу Тенно, сынъ Киммеи, въ 572 г. снова получилъ изъ Кореи эмблемы буддійской религіи, ея книги, ея служителей и священниковъ. Всѣ они были помѣщены въ одномъ изъ японскихъ храмовъ. Семь лѣтъ спустя, два посланника, отправленные въ Корею, принесли съ собою оттуда нѣсколько буддійскихъ каменныхъ идоловъ. Нѣкто Умако пріобрѣлъ ихъ себѣ въ собственность, построилъ нѣсколько буддій-

скихъ храмовъ, въ которыхъ помѣстилъ эти изображенія и другіе священные предметы и пріютилъ тамъ буддійскихъ монаховъ и священниковъ. Когда онъ заболѣлъ, онъ испросилъ у императора разрѣшеніе пользовать себя по буддійскому обычаю. На это послѣдовало разрѣшеніе подъ условіемъ, что это позволеніе имѣетъ въ виду только одного его.

Въ 585 г. умеръ и Битатсу, и на престолъ вошелъ Іёмеи, мать и жена котораго была изъ семьи Сога, перваго почитателя Будды среди японскихъ сановниковъ. При этомъ императорѣ постъ перваго министра достался Умако, который, конечно, выступитъ горячимъ защитникомъ новой вѣры. Во дворцѣ образовались двѣ сильныя партіи, враждующія на почвѣ религіозныхъ разногласій. Оппозицію Умако составлялъ Моріія. Когда вскорѣ императоръ заболѣлъ, Умако настоялъ, чтобы во дворецъ былъ допущенъ для лѣченія буддійскій священникъ. Но императоръ умеръ. Моріія воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поднять въ странѣ серьезные безпорядки. Однако партія буддистовъ въ странѣ оказалась достаточно сильной. Она одержала верхъ. Моріія былъ убитъ. На престолъ вошелъ престарѣлый Суджунъ, который все время оставался подъ сильнымъ вліяніемъ Умако. Буддизмъ окрѣпъ, появилось множество храмовъ и священниковъ; въ Корею правительствомъ было отправлено посольство для изученія новой вѣры.

Теперь на престолѣ установилось сильное и постоянное теченіе въ пользу буддизма. Особенно много сдѣлалъ для своего завоеванія буддизмъ въ царствованіе слѣдующей императрицы Суико, которая находилась подъ сильнымъ вліяніемъ глубоко образованнаго и талантливаго принца Шотоку Таиши, искренняго приверженца новой вѣры. Суико своими эдиктами совершенно утвердила буддизмъ въ правахъ гражданства; она приказала всѣмъ принцамъ крови и министрамъ имѣть у себя изображеніе Будды и назначала награды скульпторамъ, приготовлявшимъ этихъ идоловъ. Подъ руководствомъ Шотоку были возведены многочисленные буддійскіе храмы въ нѣсколькихъ многолюдныхъ округахъ страны. Въ 626 г. умеръ преданный сторонникъ буддизма Сога-но-Умако, а черезъ два года та же участь постигла и императрицу Суико. Такимъ образомъ съ исторической сцены Японіи сразу сошли два такихъ искреннихъ и вліятельныхъ друга новой вѣры. Но такіе удары теперь буддизму были уже не страшны: онъ успѣлъ окрѣпнуть, пустить корни. Къ тому времени въ Японіи насчитывалось 66 буддійскихъ храмовъ и 1385 буддійскихъ священниковъ

и монаховъ. Впрочемъ и на престолѣ продолжалось самое горячее участіе къ новой вѣрѣ. Особенно ревностными прозелитами по отношенію къ новой вѣрѣ являлись женщины: въ своемъ усердіи они доходили прямо-таки до истеріи. И каждая правительница оставляла въ данномъ направленіи глубокій слѣдъ, а ихъ за періодъ 591—759 гг. было пять. Но женщины же внесли въ буддизмъ и элементы разложенія. Онѣ втянули монаховъ и священниковъ въ политику. Дѣло доходило до того, что вдовствующая императрица Кокенъ (749—758) организовала духовное правительство, особое отъ свѣтскаго, издавала приказы, которыми думала урегулировать духовную жизнь человѣка, помогала монаху низвести съ трона императора, и если не санкціонировала, то, конечно, и не устраняла преступленія, которыя онъ совершалъ для того, чтобы себѣ самому подготовить путь къ тропу.

Къ концу восьмого вѣка буддизмъ пріобрѣлъ огромныя богатство и всеобщее признаніе. Даже больше того, огромное количество великолѣпныхъ храмовъ, ихъ пышное содержаніе, богатая жизнь многочисленныхъ священнослужителей,—все это, особенно быстро развившись за какія нибудь семьдесятъ лѣтъ (710—785), упало тяжелымъ налоговымъ бременемъ на народъ, вызвало голодовки и неизбѣжно сопутствующія имъ повальныя болѣзни и снова оживило реакцію противъ новой вѣры. Приверженцы шинто снова начали проповѣдовать, что всѣ бѣдствія постигли народъ за то, что страна измѣнила своимъ старымъ богамъ. Положеніе становилось опять опаснымъ, нужно было найти выходъ, при помощи котораго можно было бы примирить хотя бы до извѣстной степени враждующія стороны. Гибкій умъ буддійскихъ священниковъ и полнѣйшая вѣротерпимость буддизма помогли новой вѣрѣ выйти изъ тяжелаго положенія. Буддійскій священникъ Гіёги выдвинулъ новую теорію. Онъ сталъ учить, что богиня солнца, главнѣйшее изъ шинтоистскихъ божествъ есть не что иное, какъ воплощеніе Будды, что то же самое можно утверждать и относительно всего шинтоистскаго пантеона. Такимъ образомъ устранялось противорѣчіе двухъ религій; и въ память этого союза религій императоръ приказалъ отлить огромнаго идола Будды Daibutsu (великій Будда). Этимъ ловкимъ ходомъ буддизмъ вывертывался изъ того щекотливаго положенія, о которомъ мы говорили выше и которое заставляло его быть невольнымъ отрицателемъ божественнаго происхожденія императорскаго дома.

II.

Посмотримъ теперь, какія же услуги оказалъ буддизмъ японской жизни того времени. Мы можемъ дать здѣсь лишь самую бѣглую характеристику вліянія буддійской религіи на бытъ и нравы японскаго народа. А вліяніе это было велико. Въ самомъ дѣлѣ, седьмой и восьмой вѣка оказываются одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ въ исторіи Японіи. Быстрый прогрессъ тогда проникъ во всѣ стороны общественныхъ отношеній: и частную жизнь, и правительственный механизмъ, и производительныя силы страны.

Политическое положеніе страны къ началу этого періода было далеко изъ незавидныхъ. Мы уже говорили, что патріархальныя семьи, подѣлившія между собою фактическую власть, совершенно оттѣснили тронъ отъ живой жизни, а сами пользовались всѣмъ правительственнымъ механизмомъ, чтобы выжимать изъ народа средства на безпечальное и сытое житіе. Народъ былъ доведенъ почти до состоянія рабства. Иногда цѣлыя области поднимались и бѣжали съ насиженныхъ мѣстъ. Но хищные кланы не оставляли ихъ въ покоѣ и въ дикихъ горахъ. Они отыскивали ихъ тамъ и сгоняли опять на поля и луга для работы, плоды которой или мимо рта самихъ тружениковъ.

Соприкосновеніе съ китайскими классиками, китайской исторіей и мудростью буддизма не прошло даромъ для правителей тогдашней Японіи. Принцъ Шотоку, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ Японіи того времени, ясно видѣлъ неизбѣжность борьбы съ аристократическими кланами и организаціи Имперіи на конституціонныхъ началахъ. Его конституція, выражавшая наиболѣе дорогія мысли лучшихъ людей тогдашней Японіи, опиралась въ своихъ основныхъ чертахъ на уроки конфуціанства и буддизма. Этотъ замѣчательный историческій памятникъ гласилъ слѣдующее:

„1. Согласіе и гармонія—безцѣнны; повиновеніе установленнымъ принципамъ является основною обязанностью всякаго человѣка. Но въ нашей странѣ у каждой части народа свои взгляды, и немногіе обладаютъ свѣтомъ. Въ результатѣ—непокорность по отношенію къ верховному правителю и родителямъ, раздоры между сосѣдями. Высшіе классы должны находиться въ единеніи другъ съ другомъ и въ самыхъ задушевныхъ отношеніяхъ съ низшими; всѣ спорные вопросы должны разрѣшаться третейскимъ судомъ—

вотъ средства, при помощи которыхъ можно обосновать общество на фундаментѣ правосудія *)...

„3. Императорскіе эдикты должны быть уважаемы. На верховнаго правителя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на небо, на его подданныхъ, какъ на землю. Небо нависаетъ сверху, земля поддерживаетъ его снизу; четыре времени года слѣдуютъ другъ за другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ, и всѣ силы природы дѣйствуютъ удовлетворительно. Если бы земля была помѣщена надъ небомъ, то разрушеніе было бы неизбѣжнымъ исходомъ для вселенной. Такъ государь направляетъ, подданный подчиняется. Государь указываетъ путь; подданный слѣдуетъ по этому пути. Безразличное отношеніе къ императорскимъ эдиктамъ обозначаетъ національное разрушеніе.

„4. Вѣжливость—вотъ основа поведенія для всѣхъ министровъ и чиновниковъ Правительства. Мудрое управленіе національными дѣлами коренится въ соблюденіи этикета. Безъ этикета со стороны высшихъ нельзя управлять низшими, они несомнѣнно будутъ вовлечены въ преступленія. Общественный порядокъ и необходимыя различія между классами могутъ быть сохранены только при помощи строгаго согласованія съ этикетомъ.

„5. Наказаніе зла и вознагражденіе добра является лучшимъ закономъ человѣчества. Доброе дѣло не должно оставаться безъ воздаянія, а злое—безъ порицанія. Лесть и безстыдство скорѣе всего могутъ ниспровергнуть государство и погубить народъ. У льстецовъ никогда нѣтъ недостатка для низшихъ въ разсказахъ объ обманахъ, совершаемыхъ высшими, а для высшихъ объ ошибкахъ, сдѣланныхъ низшими. У такихъ людей нечего искать лойяльности по отношенію къ государю или симпатій по отношенію къ согражданамъ. Они являются главнѣйшими элементами всѣхъ національныхъ смутъ.

„9. Для того, чтобы быть справедливымъ, надо имѣть вѣру. Каждое дѣло требуетъ до извѣстной степени вѣры со стороны тѣхъ, которые исполняютъ его. Каждый вопросъ, каковъ бы онъ ни былъ по своей природѣ и тенденціямъ, требуетъ для своего рѣшенія вѣры и авторитета. Взаимное довѣріе между лицами оффиціальными дѣлаетъ возможнымъ исполненіе всякаго предпріятія; недостатокъ довѣрія между государемъ и подданными неизбѣжно ведетъ къ паденію.

„10. Гнѣвъ должно обуздывать, чувство мести отбрасывать прочь. Ошибки другого не должны возбуждать у насъ досады.

*) Здѣсь приводится не весь документъ.

Каждый человѣкъ долженъ слѣдовать влеченіямъ своихъ наклонностей. Если одинъ правъ, то другой заблуждается. Но никто не обладаетъ совершенствомъ. Оба являются жертвами страстей и предразсудковъ, и никто не обладаетъ неключительной компетенціей въ дѣлѣ различенія зла отъ добра. Прозорливость уравновѣшивается недальновидностью; малыя качества сочетаются съ великими, и никто не обладаетъ выдающимися качествами во всѣхъ отношеніяхъ такъ же, какъ нѣтъ шара безъ угловъ. Осуждать ошибки не значитъ, конечно, избѣгать ихъ повторенія, ибо и самъ цензоръ не можетъ быть обезпеченъ отъ заблужденій. Самый вѣрный путь къ совершенству—тотъ, который протоптанъ вмѣстѣ съ народомъ.

„14. Находящіеся у власти никогда не должны таить ни ненависти, ни зависти другъ къ другу. Ненависть порождаетъ ненависть, а зависть дѣйствуетъ безъ разбора. Благоразумнаго человѣка можно встрѣтить лишь одинъ разъ въ пятьсотъ лѣтъ, а истиннаго мудреца—едва ли одинъ разъ въ тысячу лѣтъ. Но безъ мудрыхъ людей ни одна страна не можетъ быть управляема мирно.

„15. Самой неотступной обязанностью человѣка въ качествѣ подданнаго является умѣнье приносить свои частные интересы въ жертву общему благу. Эгоизмъ мѣшаетъ сотрудничеству, а безъ сотрудничества не можетъ быть достигнуто ни одно изъ великихъ дѣяній“...

Мы видимъ, что здѣсь, въ этомъ памятникѣ лучшихъ идеаловъ того вѣка, дѣйствительно имѣются и положенія высокой общественной морали, и стремленіе вызвать общественныя силы къ самодѣятельности, и искреннее желаніе опереться въ дѣлѣ управленія страны на широкія народныя массы. И во всемъ этомъ процессѣ формированія общественнаго мнѣнія въ данномъ направленіи большія услуги японскому обществу оказалъ буддизмъ, внесшій цѣлый рядъ новыхъ философскихъ принциповъ и еще больше сблизившій тогдашнюю Японію съ великими китайскими классиками.

Идеалы эти до извѣстной степени реализовались въ тогдашней дѣйствительности. Императоры Японіи завязали упорную борьбу съ кланами и, спустя какую нибудь четверть столѣтія по смерти Шотоку, былъ уничтоженъ послѣдній могущественный кланъ. Это произошло въ серединѣ седьмого столѣтія. Исторія назвала это событіе „реформой Танква“ *).

*) „Танква“ по японски значитъ „великая перемѣна“.

Императоры вели свою борьбу съ кланами ради сближенія съ народомъ. Они добились этого и верховная власть теперь имѣла возможность непосредственно обращаться къ народу, и въ ихъ рѣчахъ явно отдавались мысли, высказанныя въ конституціи принца Шотоку. Такъ въ эдиктахъ Тенчи, этого отца конституціональнаго монархизма въ Японіи, говорится о томъ, что прежде чѣмъ пытаться управлять другими надо научиться управлять собою, что повиновенія со стороны другихъ можетъ достигнуть лишь тотъ, кто достоинъ быть начальникомъ, что высшая власть должна дѣйствовать въ строгой согласованности съ принципами имперіализма, опирающагося на помощь небесъ и на поддержку народа. Момму, четвертый императоръ (697—708) послѣ только что упомянутаго, началъ свое царствованіе подобнымъ же рескриптомъ, обѣщая съ помощью предковъ и боговъ увеличить благосостояніе своего народа. Момму постарался окружить провозглашеніе своего эдикта возможно большимъ торжествомъ и блескомъ но празднество по существу своему носило демократическій характеръ. Принцы крови, вся крупная родовая знать и главнѣйшіе чиновники должны были присутствовать на торжествѣ, на которое былъ приглашенъ и весь народъ. Глашатай прочелъ эдиктъ, повторивъ его громко на всѣ четыре стороны, и въ концѣ каждой части присутствующіе приглашались выражать свое согласіе.

Такимъ образомъ въ дѣйствительности буддизмъ, благодаря которому Японія сразу всосала всѣ лучшіе соки тогдашней китайской культуры, стоявшей тогда, говоря вообще, высоко на шкалѣ обще-человѣческой цивилизаціи, явился причиной революціи, которая глубоко передѣлала все государственное право того времени. Въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, Китай въ VII вѣкѣ сыгралъ по отношеніи къ Японіи такую же роль, какую по отношенію къ ней сыграли западно-европейскія державы въ XIX в.

Но аналогія между этими двумя блестящими періодами японской исторіи идетъ еще дальше.

Революціонный періодъ VII в. сопровождался въ Японіи и чрезвычайнымъ прогрессомъ матеріальной культуры и уничтоженіемъ цѣлаго ряда общественныхъ предразсудковъ.

Къ началу только что указанной эпохи реформъ между аристократической и плебейской частью общества была проведена глубокая пропасть. Низшіе классы были доведены почти до состоянія рабства; высшіе—повиновались только своимъ страстямъ и стремленію къ наживѣ. Аристократъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ

даже простымъ соприкосновеніемъ съ плебеемъ и браки между ними считались недопустимыми. Огромное значеніе приписывалось хорошо сохраненной родословной. Ради этого допускались даже браки между дѣтьми одного и того же отца, но разныхъ матерей, что, конечно, давало себя чувствовать на вырожденіи такихъ семей. Въ семейной жизни цѣликомъ царилъ деспотизмъ мужа, и положеніе женщины, которую по одному подозрѣнію въ измѣнѣ можно было предать всякаго рода страданіямъ и пыткамъ, было настолько тяжело, что многія женщины предпочитали замужеству простое положеніе прислуги. Подъ вліяніемъ буддизма многія изъ этихъ злоупотребленій были запрещены въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ актовъ, изданныхъ въ періодъ между 645—708 г.г. Нація сразу поднялась на болѣе высокій уровень цивилизаціи.

III.

Въ это же время крупнѣйшія перемѣны происходили и въ области матеріальной культуры: новые костюмы, новая архитектура, новые виды промышленности, новые источники знанія. Приготовленіе бумаги и чернилъ, искуество тканья ковровъ изъ шерсти и волосъ животныхъ, варки красокъ, выдѣлки точильныхъ камней, развитіе терапевтической медицины, составленіе календаря, кораблестроеніе—всему этому Японія научилась у Китая, который вмѣстѣ съ буддизмомъ щедрой рукой осыпалъ ее и практическими знаніями.

Тогда же сильно развертывается и торговля, и широкій размахъ торговыхъ операцій вызываетъ необходимость введенія оффиціально признанной системы мѣръ. Появляется необходимость въ цѣлой арміи обученныхъ и опытныхъ приказчиковъ; внутреннія провинціи оживляются наѣздомъ торговцевъ; въ приморскихъ портахъ появляются иностранные корабли.

Но коренныя перемѣны, происшедшія въ отношеніяхъ между правительствомъ и народомъ, естественно не могли не отразиться на всей конструкціи правительственнаго механизма. Особенно значительные удары были направлены въ этомъ отношеніи на провинцію, гдѣ аристократическія семьи чувствовали себя совершенно полновластными хозяевами. Сформированная правительственная машина представляла изъ себя тогда слѣдующую конструкцію: въ провинціи назначались мѣстные губернаторы и начальники окру-

говъ; во главѣ центральнаго правительства находился департаментъ храмовъ, вслѣдъ за нимъ кабинетъ съ бюро совѣтниковъ, два секретаріата и, наконецъ, восемь государственныхъ департаментовъ. Чиновники должны были подготовляться къ своимъ должностямъ и проходить извѣстный циклъ знаній. Юноши, желавшіе занять какой нибудь административный постъ, должны были вступить въ одинъ изъ образовательныхъ институтовъ, основанныхъ въ то время и послѣдовательно выдержать рядъ экзаменовъ. Вся эта система административнаго управленія сохранялась затѣмъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Присматриваясь ближе къ конструкціи японскаго общества того времени, мы видимъ, что оно было мало дифференцировано. Вообще говоря, оно раздѣлялось на два слоя: *sem-min* — незнатные, куда относились всѣ тѣ, кто хоть въ какомъ нибудь отношеніи находился къ другимъ въ рабской зависимости, и всѣ остальные — благородные, *ryo-min*. Военный классъ, какъ особенная часть общества, былъ уничтоженъ правительствомъ Танква въ 645 г. вмѣстѣ со всѣми остальными правами на наслѣдственное пользованіе тѣми или другими оффиціальными положеніями. Правительство отобрало все оружіе у ихъ собственниковъ и сложило всѣ эти сабли, луки и стрѣлы въ огромныхъ арсеналахъ. Но военная сила нужна была для незаконченной еще борьбы съ туземцами. Тогда была сдѣлана попытка организовать регулярныя войска, а императрица Джито ввела даже рекрутскіе наборы. Сначала на службу призывалось 25% всѣхъ молодыхъ людей, а въ началѣ восьмого столѣтія число ихъ было увеличено до одной трети всего ихъ числа. На службу брались лишь *ryo-min*'ы. И такимъ образомъ сегодня человѣкъ могъ заниматься торговлей или быть красильщикомъ тканей, а завтра онъ былъ уже при оружіи и получалъ военную выправку. Служба продолжалась три года и такимъ образомъ устранялась всякая опасность образованія военной касты.

Подражая Китаю, реформированная Японія ячейкой всего общества выбрала семью. Семья могла состоять изъ одного домохозяина, но она могла обнимать и нѣсколько хозяйствъ; но каждая семья, каковы бы ни были ея размѣры, имѣла лишь одного признаннаго главу. Отъ одного такого главы въ зависимомъ положеніи могли находиться собственно нѣсколько несамостоятельныхъ семействъ, состоящихъ изъ женъ, наложницъ, дѣтей и слугъ. Часто такимъ образомъ образовался цѣлый кланъ въ сто — полтораста человѣкъ. Такое положеніе главы семьи могли занимать только закон-

ные члены семьи. Это отвѣтственное положеніе, по закону, могла занимать и женщина, если ей исполнилось двадцать лѣтъ и она не была вдовой. По сравненію съ предыдущимъ періодомъ, когда положеніе женщины было такимъ жалкимъ, огромный шагъ впередъ! Семейныя отношенія были урегулированы далѣе болѣе точными законами объ усыновленіи, бракѣ, разводѣ и конкубинатѣ.

Пять семействъ, живущихъ въ одномъ округѣ составляли административную группу, которая избирала себѣ главу и передавала ему власть по вопросамъ общаго надзора. Такая группа (ho) была отвѣтственна за уплату членами налоговъ. Въ тѣ дни бывало нерѣдко, что люди бѣжали цѣлыми семьями для того, чтобы уклониться отъ слишкомъ тяжелыхъ налоговъ. Группа должна была выслѣдить такихъ своихъ бѣглецовъ, а во время ихъ отсутствія принять на себя всѣ ихъ обязательства.

Во взглядахъ на землевладѣніе также произошли очень важныя и глубокія измѣненія. Начиная со своихъ первыхъ историческихъ шаговъ, Японія признавала права короны на лучшія земли. Но во время патріархальнаго правительства огромные куски земли поступили во владѣніе крупныхъ правящихъ родовъ и сдѣлались ихъ собственностью, которая оставалась за ними вплоть до начала седьмого столѣтія, когда послѣ кровавой борьбы императора со знатью, вся политическая сила сосредоточилась въ рукахъ у императора, который и сталъ тогда на время представителемъ власти во всей ея полнотѣ и завладѣлъ всѣми частными землями. Вопросы землевладѣнія нашли тогда свое выраженіе въ новыхъ кодексахъ. Въ основу системы была положена та идея, что право на пользованіе землею принадлежитъ всей націи. А отсюда уже логически вытекалъ законъ, по которому каждый подданный имѣлъ право на клочекъ земли извѣстныхъ размѣровъ, съ котораго онъ могъ бы поддерживать свое существованіе. Мужчины получали по $^{2}/_{3}$ акра, женщины половину этого. На такой клочекъ земли имѣлъ право каждый, начиная съ пятилѣтняго возраста. Земля считалась его пожизненной собственностью, но по смерти владѣльца возвращалась коронѣ. Законъ предполагалъ сначала производить передѣлы земли каждыя шесть лѣтъ, но правительство вскорѣ отказалось отъ этой мысли, такъ какъ операціи передѣла были связаны съ цѣлымъ рядомъ очень сложныхъ затрудненій.

Представители знати и чиновники получали надѣлы, конечно, значительно большихъ размѣровъ. Такъ императорскимъ

принцамъ перваго класса назначалось двѣсти акровъ, второго — 150, третьяго — 125, четвертаго —100 акровъ. Чиновники, которые теперь были раздѣлены на десять классовъ, получали отъ 20 до 200 акровъ, смотря по рангу, каждымъ занимаемому. На женщинъ этихъ привилегированныхъ классовъ отпускалось $^2/_3$ того, что приходилось бы мужчинѣ соотвѣтственнаго класса. Наконецъ, земля раздавалась вмѣсто жалованья: первому министру—100 акровъ, второму и третьему по 75 акровъ, а остальнымъ чиновникамъ отъ двухъ до пятидесяти, смотря по положенію, которое каждый занимаетъ; та же система надѣленія земли практиковалась государствомъ и въ другихъ случаяхъ, когда ему требовались услуги своихъ гражданъ: почто-содержателей, курьеровъ, носильщиковъ багажа и т. п. Нечего и говорить, что особыя заслуги опять таки вознаграждались имѣньями, которыя поступали или въ вѣчную собственность даннаго семейства или удерживались имъ лишь въ теченіе двухъ поколѣній.

Покровительствуя шелководству и лаковому производству, правительство выдѣляло особые клочки земли для воздѣлыванія тутовыхъ и лаковыхъ деревьевъ. Такіе воздѣланные участки оставались наслѣдственной собственностью семьи до тѣхъ поръ, пока оставался въ живыхъ хоть одинъ изъ ея членовъ. Такую землю разрѣшалось сдавать въ аренду и даже продавать съ разрѣшенія соотвѣтственныхъ чиновниковъ. Но если земля оставалась невоздѣланной въ теченіе трехъ лѣтъ, то она отбиралась государствомъ и снова пускалась въ передѣлъ.

Однако, несмотря на сильную демократическую струю, пущенную правительствомъ въ свою политику, налоговое бремя, падавшее на населеніе, было тяжелымъ. Такъ, на мѣстную администрацію приходилось до 5% всѣхъ продуктовъ земли; бюджетъ центральнаго правительства слагался изъ различныхъ налоговъ на всѣ главнѣйшіе продукты производства: шелкъ, рыбу, ткань и т. п. Кромѣ того, каждый мужчина въ возрастѣ отъ 21 г. до 60 лѣтъ долженъ былъ отработать государству ежегодно 30 дней; не достигшіе же этого возраста—15 дней. Работа взрослаго при этомъ могла замѣняться уплатой трехъ кусковъ шелковой ткани опредѣленной величины. Работа была въ общемъ нетяжела и потому откупались въ немногихъ лишь случаяхъ. Харчи доставлялись государствомъ; въ дождливую погоду рабочіе не обязаны были выходить на работы, производившіяся на открытомъ воздухѣ. Лицо, заболѣвшее во время отправленія обязательныхъ работъ, содержалось на счетъ государства; въ случаѣ

его смерти государство принимало на свой же счетъ и его похороны. Отъ такихъ обязательныхъ работъ избавлены были женщины, больные, калѣки. Лица, занимавшія тотъ или другой оффиціальный постъ, не только сами были освобождены отъ такой обязательной работы, но и отцы и сыновья ихъ, а для высшихъ чиновъ кромѣ того, дѣды братья и внуки.

Если выразить въ % дохода всѣ эти налоги, то получимъ: обязательныя работы составляли $^1/_{12}$ рабочаго года, или 8% его заработка, мѣстные налоги, какъ мы уже говорили, около 5% всей жатвы и, наконецъ, налоги центральнаго правительства отъ 2—3%. Такимъ образомъ въ пользу государства уплачивалось не меньше 15% всего производства страны. Процентъ, конечно, достаточно значительный для того, чтобы разумное государство добивалось всѣхъ этихъ налоговъ ежегодно безъ всякихъ послабленій, не обращая вниманія на всѣ тѣ колебанія, которымъ подвержены результаты работы земледѣльческой страны. И, дѣйствительно, въ случаяхъ неурожая или, употребляя нашъ излюбленный россійскій терминъ, „недорода“, правительство допускало различныя льготы, смотря по серьезности положенія. Такъ, если жатва достигла едва 50% обычнаго сбора, то отмѣнялся сборъ мѣстныхъ налоговъ, если—30%. то не взимались и налоги въ пользу центральнаго правительства и если—20%, то ко всему этому прибавлялось и освобожденіе отъ обязательныхъ работъ.

Землей надѣлялись и рабы. Но въ то время, какъ общественнымъ рабамъ надѣлъ выдавался въ такихъ же размѣрахъ, какъ и всякому свободному, частные рабы получали его лишь въ размѣрѣ $^1/_3$ этой величины. Различіе въ землевладѣніи у свободныхъ и рабовъ заключалось также въ томъ, что свободный могъ оставить или даже продать съ разрѣшенія соотвѣтственнаго чиновника свою землю, рабъ же долженъ былъ ее обрабатывать самъ. Но за то рабъ не платилъ налоговъ и не долженъ былъ являться на обязательныя работы.

Переходя къ другимъ экономическимъ мѣропріятіямъ японскаго правительства этого періода, мы должны прежде всего отмѣтить, что оно совершенно не вмѣшивалось въ акты купли и продажи, если только дѣло не шло о землѣ и рабахъ. Но зато оно не хотѣло выпустить изъ-подъ своего контроля частный кредитъ. Такъ монахамъ и священникамъ было запрещено давать что бы то ни было въ займы за проценты; оффиціальнымъ лицамъ занимать у кого либо въ своемъ округѣ, а родственникамъ императора, до пятой ступени включительно, давать что либо въ ссуду въ округахъ своихъ

резиденцій. Размѣры процентовъ также были регулированы. Но возвратъ займа обезпечивался строгимъ взысканіемъ вплоть до рабства должника.

Главнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе, а рисъ—главнымъ земледѣльческимъ продуктомъ. Буддизмъ отразился и на организаціи народнаго продовольствія. Новая религія подъ страхомъ осквернения святости жизни запрещала употребленіе мяса и рыбы. Этимъ запретомъ народныя массы ставились нерѣдко прямо въ безвыходное положеніе, такъ какъ основа его питанія—рисъ, растеніе въ высшей степени капризное, и урожаи его сильно зависятъ отъ метеорологическихъ условій извѣстныхъ моментовъ года. Все это заставляло японское правительство, которое покровительствовало новой вѣрѣ, заботиться о введеніи въ народныя массы новыхъ культурныхъ растеній. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлали фанатически преданныя буддизму императрицы Джито (690—696 г.г.) и Генмио (715—725). Такимъ образомъ поощрялись посѣвы ячменя, кукурузы, пшеницы, кунжута, брюквы, перечковыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, грецкаго орѣшника. Въ началѣ первой половины IX ст. къ этому прибавились чайное дерево, гречиха и бобы. Вышеупомянутыя императрицы и императоры этой эры всѣми силами старались поощрять земледѣліе: такъ, разрѣшалось безвозмездно занимать пустыя земли и за воздѣлываніе ихъ давались награды, назначались денежныя ссуды на оросительныя работы: чиновники, въ округахъ которыхъ земледѣліе процвѣтало, были у правительства въ особомъ почетѣ; были, наконецъ, устроены запасные магазины, которые должны были обслуживать продовольственныя нужды того или другого края во время голода. Правда, японское правительство всегда высказывало заботливое отношеніе къ своему земледѣльческому населенію, но въ эпоху распространенія буддизма эта заботливость приняла особенно яркія формы, находя усиленную поддержку со стороны тогдашнихъ правительственныхъ protéges, буддійскихъ священниковъ. Если императоръ Тенчи (668—671 г.г.) отказался на три года отъ всякихъ налоговъ и сборовъ для того, чтобы дать народу совершенно оправиться отъ постигшихъ его неурожаевъ, и тѣмъ самымъ поставилъ свой дворъ на время прямо-таки въ безвыходное положеніе, или если императорскій принцъ (Ёошимуне, 803 г.) упорно работалъ надъ изобрѣтеніемъ мельничнаго колеса, то съ другой стороны мы видимъ въ то же время, что по странѣ путешествуютъ высшіе буддійскіе первосвященники и показываютъ народу, какъ надо строить дороги, возводить мосты, ко-

нать резервуары для запасной воды, ухаживать за ложемъ рѣкъ. Сильно развилось за это время и скотоводство. Однимъ словомъ, земледѣліе сразу поднялось на очень высокій уровень своего развитія.

О вліяніи буддизма на идейныя теченія того времени мы уже говорили. Мы укажемъ здѣсь только, что это оживленіе отражалось и на ростѣ литературы и въ особенности на развитіи искусства-живописи и скульптуры по преимуществу.

Въ этотъ же періодъ подъема народнаго духа было открыто правительствомъ въ столицѣ и первое учебное заведеніе (при имп. Тенчи, 668—671 г.г.). За нимъ черезъ десять лѣтъ послѣдовалъ университетъ и нѣсколько провинціальныхъ семинарій.

Однимъ словомъ мы видимъ, что нѣтъ такой стороны народной жизни, на которой буддизмъ не оставилъ бы неизгладимаго отпечатка.

IV.

Но на этомъ свѣтломъ фонѣ общаго прогресса намѣчался рядъ темныхъ точекъ. Мы уже говорили о безумной роскоши, которая охватила дворъ и правящіе классы, особенно въ VIII в. Мы говорили также о той распущенности, которая проникла глубоко въ среду буддійскихъ священниковъ подъ вліяніемъ опять-таки богатой жизни и доступа къ власти А буддійское священство того времени поставляло главнымъ образомъ наставниковъ и учителей народа во всѣхъ областяхъ его дѣятельности. Земледѣльческое населеніе начинало проявлять недовольство тѣми огромными налогами, которые стали поглощаться главнымъ образомъ роскошной жизнью правителей и буддійскаго священства. Къ тому же своеобразная система государственной общины, существовавшей въ то время въ Японіи, оказывала неблагопріятное вліяніе на земледѣліе. Фермеры, боясь близкихъ передѣловъ, не рѣшались производить на свою землю капитальныя затраты. Земли выпахивались, урожаи падали что сказать кстати, и побудило правительство начать переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ системѣ частной собственности.

Хотя общія условія, въ которыхъ приходилось существовать личности, въ этотъ періодъ значительно смягчились, тѣмъ не менѣе правительство, подражая организаціи китайскаго общества, очень усиленно поддерживало дѣленіе и своего общества на различные ранги и классы. Въ этомъ отношеніи дѣло заходило настолько далеко

что представители огромнаго количества всѣхъ общественныхъ подраздѣленій должны были отличаться другъ отъ друга внѣшнимъ покроемъ одежды и цвѣтомъ верхняго платья. И всякая попытка со стороны того или другого лица усвоить хоть малѣйшія особенности одного изъ высшихъ классовъ, навлекала на это лицо строгія кары.

Были и другіе промахи со стороны правительственной власти, которыя тяжелымъ бременемъ ложились на народъ. Такъ, напримѣръ, обязательныя работы назначались за много верстъ отъ мѣстожительства того или другого лица. Приходилось отправляться въ дальнее путешествіе для того, чтобы явиться для исполненія государственной повинности. Между тѣмъ условія путешествія, не смотря на оживленіе сношеній между провинціями, особенно для бѣдняковъ были очень тяжелыми. Не мало погибало въ такихъ случаяхъ на пути отъ голода и истощенія.

Наконецъ, то самое государство, которое такъ заботилось о правильной организаціи почтовыхъ сношеній, никакъ не могло отказаться отъ системы рогатокъ и заставъ, которой оно думало задержать плательщиковъ податей и налоговъ на ихъ мѣстахъ.

Нравы японскаго общества къ концу эпохи прогресса стали отмѣчаться большою изнѣженностью и распущенностью. Именно такой характеръ приняли многія развлеченія. Правда, они въ то же время служили и очищенію и, такъ сказать, утонченію нравовъ. Такъ сюда относятся всѣ эти праздники, когда принцы, высшіе государственные чины и придворныя дамы усаживались на берегу какого нибудь ручейка или рѣчушки, прихотливо извивающейся среди какого нибудь прекраснаго парка, бросали въ потокъ крошечныя чаши съ виномъ, слагая стихи или вышивая ихъ содержимое въ наказаніе за отсутствіе вдохновенія; всѣ эти цвѣточныя торжества, установленныя въ эту эпоху въ честь цвѣтовъ сливы,ириса, лотуса, когда народъ толпами отправлялся любоваться только-что распустившимися цвѣтами и слагать въ ихъ честь стихи и пѣсни; всѣ эти *utag ki*, когда сотни юношей и дѣвушекъ въ голубыхъ шелковыхъ платьяхъ съ длинными красными кушаками собирались у воротъ дворца и танцовали въ присутствіи императора, продолжая подъ пѣніе свой танецъ и по городскимъ улицамъ.

Все это подготовляло новыя условія, въ которыхъ должны были развиться и новыя формы японской жизни.

IV.

НАЧАЛО ФЕОДАЛИЗМА ВЪ ЯПОНІИ.

I.

Въ концѣ восьмого вѣка на императорскомъ престолѣ опять появилась энергичная и умная личность. Это былъ императоръ Квамму. Онъ ясно видѣлъ, что предшествующія ему столѣтія прогресса вскормили на своей тучной почвѣ цѣлый рядъ паразитныхъ общественныхъ формъ, которыя къ его времени стали поглощать ужъ слишкомъ много здоровыхъ соковъ націи. Дѣло такъ продолжаться не могло долго. Необходимо было внести въ жизнь существенныя измѣненія, дополненія, улучшенія. Свое вниманіе онъ прежде всего обратилъ на буддійскихъ монаховъ и священниковъ, которые слишкомъ усердно стали вмѣшиваться въ политическую жизнь страны. Но Нара, столица японскихъ императоровъ въ VIII ст., слишкомъ была переполнена буддійскими священнослужителями и храмами, слишкомъ долго была свидѣтельницей величія и всесилія буддійской религіи и слишкомъ воспитала своихъ согражданъ въ симпатіяхъ и послушаніи этому вѣроученію для того, чтобы борьба съ буддистами могла здѣсь оказаться продуктивной. Квамму рѣшилъ перенести свою столицу въ новое мѣсто, что и было исполнено въ 794 г. Такое передвиженіе столицы практиковалось не разъ японскими правителями и раньше. Для новой столицы былъ назначенъ городъ Кіото. Отсюда онъ попытался отдѣлить религію отъ политики. Всѣ буддійскіе священники были удалены съ административныхъ постовъ, ими занимаемыхъ. Былъ изданъ эдиктъ, которымъ воспрещалось возведеніе новыхъ буддійскихъ храмовъ безъ разрѣшенія на то со стороны императора.

Но спасти самостоятельность императорской власти путемъ борьбы

съ буддійскими священниками и монахами уже нельзя было. Само императорское правительство эпохи реформъ вырыло себѣ яму, подчеркивая и поддерживая раздѣленіе общества, содѣйствуя всѣми силами привилегированному положенію чиновничества и давая ему слишкомъ большую власть. Бюрократія, подавленная на время, снова подняла голову. Правда. теперь она не была наслѣдственной, но за этимъ дѣло долго не стало.

Власть императоровъ, при дворѣ которыхъ установились изнѣженные и распущенные нравы, къ концу восьмого вѣка значительно поослабѣла. Этимъ воспользовались туземцы, которые все еще не были окончательно покорены. На сѣверѣ Японіи вспыхнулъ цѣлый рядъ возстаній. Снова оказалась нужда въ людяхъ военныхъ и воинственныхъ. Провинціальные и столичные магнаты воспользовались духомъ времени и стали понемногу нарушать запрещенія относительно оружія. Мало-по-малу они окружили себя вооруженными дружинниками и снова почувствовали за собой значительную долю самостоятельности. Ослабленное правительство не рѣшалось лишать занимаемыхъ ими званій и постовъ. Бюрократія опять стала наслѣдственной.

Это возвышеніе и укрѣпленіе бюрократіи совпало съ другимъ процессомъ, незамѣтно и тихо протекавшимъ среди японской дѣйствительности и въ копнѣ концовъ оказавшимъ огромное вліяніе на весь строй японской жизни. Это именно—установленіе феодализма. Конечно, и этотъ процессъ работалъ надъ японскимъ обществомъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій прежде, чѣмъ дать какіе-либо замѣтные результаты, но начало его можно отнести именно ко второй половинѣ VIII и первой половинѣ IX столѣтія.

Какъ и вездѣ, феодализмъ въ Японіи тѣсно связанъ съ вопросами землевладѣнія. Мы видѣли, что земля считалась государственной собственностью, иначе говоря, что главнымъ распорядителемъ ея былъ императоръ. Мы видѣли далѣе, что болѣе или менѣе значительныя имѣнья раздавались за особыя заслуги тѣмъ или другимъ знатнымъ лицамъ, иногда въ потомственное владѣніе. Но благодѣтельствовать, такъ благодѣтельствовать... и императоры часто освобождали такія имѣнья отъ всякихъ податей и налоговъ. Такъ понемногу въ рукахъ наслѣдственной бюрократіи стали сосредоточиваться значительныя площади свободной отъвсякаго обложенія земли. Конечно, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась площадь привилегированной земли, возрастали налоги на остальныхъ землевладѣльцахъ.

Въ концѣ IX столѣтія такимъ образомъ фермеру приходилось уплачивать, кромѣ мѣсячнаго обязательнаго труда, еще почти

$^1/_{11}$ своей жатвы. Помимо всего этого, конечно, и мѣстные правители облагали жителей мѣстными налогами. И это было необходимо, такъ какъ число императорскихъ принцевъ возрастало очень быстро, и богатыхъ плодородныхъ имѣній, принадлежавшихъ двору, не хватало для приличнаго содержанія всего императорскаго дома. Тогда императорскіе принцы прикомандировывались, такъ сказать, для кормленія къ тѣмъ или другимъ провинціямъ, управленіе которыми затѣмъ переходило въ ихъ руки; власть ихъ здѣсь становилась наслѣдственной, и та или другая провинція государства такимъ образомъ становилась леномъ.

Но на историческую сцену Японіи теперь выступаетъ не только наслѣдственная бюрократія и феодальная знать, но и совершенно своеобразныя теченія внутри придворной жизни, которымъ опять-таки пришлось сыграть выдающуюся роль въ исторіи Японіи.

Въ періодъ расцвѣта императорской власти могучіе кланы были разбиты, разсѣяны и склонили свои головы передъ престоломъ. Но едва сошли окончательно со сцены старые, сильные роды, какъ исторія намѣтила имъ замѣстителей. Въ VIII в. была закончена борьба со старыми кланами, въ концѣ же VIII в. выступилъ новый родъ, который сталъ пріобрѣтать въ придворной жизни все большее и большее значеніе, сталъ оказывать на императорскую власть все большее и большее вліяніе. Это былъ родъ Фудживара. И пробиваться къ власти ему пришлось своими особыми путями.

Фудживара считался однимъ изъ самыхъ аристократическихъ родовъ. Онъ велъ свое происхожденіе изъ того же источника, къ которому относилъ себя и императорскій дворъ. Имя Фудживара и раньше не разъ заносилось на страницахъ японской исторіи. Но теперь оно стало играть при дворѣ совершенно особую роль.

Изнѣженные и распущенные нравы, установившіеся къ концу VIII в. при дворѣ, привели къ тому, что попеченіе о личной жизни императора было передано въ женскія руки. Состоять при особѣ императора было большою честью для женщины того времени. Это стоило и большихъ хлопотъ, и большихъ издержекъ. Но придворная знать не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы добиться возможности для своихъ матерей и дочерей окружать особу императора попеченіями и заботливымъ уходомъ. Къ тому же всѣ труды и затраты всегда могли возвратиться сторицей, если той или другой красавицѣ удавалось прибрать къ рукамъ, хотя бы на время, самого императора.

Роду Фудживара удалось не только ввести своихъ дѣвушекъ

и женщинъ въ самые интимные уголки императорскаго дворца, но онъ съумѣлъ еще устроить такъ, что постъ императрицы былъ закрѣпленъ за нимъ навсегда; подруга императора должна была непремѣнно избираться изъ пяти вѣтвей этого рода. Но дѣло пошло еще дальше. Когда у императора рождался сынъ, то ребенка уносили въ одинъ изъ дворцовъ Фудживара, гдѣ онъ росъ и получалъ воспитаніе. При вступленіи наслѣдника на престолъ, одинъ изъ Фудживара, - часто дѣдъ по матери, — становился регентомъ имперіи.

Регентство (kwampaku) представляло изъ себя совершенно особое и своеобразное учрежденіе. Право на регентство сдѣлалось къ концу IX в. наслѣдственнымъ. Регентъ не оставлялъ своихъ обязанностей даже и тогда, когда императоръ становился взрослымъ. Регентъ такимъ образомъ втерся между трономъ и націей. Мало по малу всякое оффиціальное дѣло, прежде чѣмъ достигнуть до императора, должно было проходить черезъ руки регента. Фактическая власть микадо слѣдовательно перешла въ руки Фудживара.

Въ этомъ же IX в. окончательно произошли крупныя измѣненія и въ организаціи военныхъ силъ Японіи. Усилившаяся наслѣдственная бюрократія и растущій феодализмъ позаботились, какъ было сказано, окружить себя вооруженными дружинниками. Эти дружинники стали составлять главное ядро тѣхъ армій, которыя посылались противъ возставшихъ туземцевъ. Значеніе народнаго войска по наряду падало, и мало по малу оно опять исчезло съ лица японскаго архипелага. Дворъ пересталъ располагать собственными военными силами.

II.

Для того, чтобы показать, насколько въ дѣйствительности Фудживара были фактическими управителями страны, достаточно будетъ упомянуть о широкой практикѣ отреченія императоровъ отъ престола, которая была проведена въ этотъ періодъ въ государственную жизнь Японіи.

Регентство стало наслѣдственной привилегіей рода Фудживара съ 880 г. Въ этомъ же году совершилось отреченіе отъ престола императора Сейва, который началъ свое царствованіе девятилѣтнимъ ребенкомъ, а кончилъ—двадцатишестилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Съ 931—952 г.г. царствовалъ императоръ Шуджаку, который вступилъ на престолъ восьми лѣтъ, а ушелъ отъ власти 23 л. Въ 1108 г. на престолъ вступилъ Тоба, которому тогда

было пять лѣтъ и который отрекся отъ престола двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Рокуджо вступилъ въ 1166 г. на престолъ, когда ему было два года, а отрекся, когда ему было всего только четыре года. Такакура, пріемникъ Рокуджо, при вступленіи на престолъ имѣлъ восемь лѣтъ, при отреченіи же девятнадцать. Иногда случалось такъ, что наряду съ царствующимъ императоромъ оставалось въ живыхъ нѣсколько императоровъ, отрекшихся отъ престола. Такъ, напр., когда Ичиджо (въ 987 г.) началъ свое царствованіе, будучи семилѣтнимъ ребенкомъ, на покоѣ жило еще три отрекшихся императора, а именно: Рейцей, который началъ царствованіе 18 л., а принесъ отреченіе 20 л.; Ениу, вступившій на престолъ 11 л. и отрекшійся 26 л.; Кваданъ, начавшій царствованіе 17 л. и удалившійся на покой 19 л. Однимъ словомъ, регентство не церемонилось и спѣшило отвязаться отъ императора, какъ только онъ достигалъ сознательнаго отношенія къ жизни и могъ оказывать какое нибудь вліяніе на управленіе.

Императоры, отрекаясь отъ престола, обыкновенно удалялись въ буддійскіе монастыри и принимали тамъ постриженіе. Это, конечно, было очень на руку буддійскимъ монахамъ: наличность такихъ высокихъ особъ въ ихъ средѣ чрезвычайно поднимала престижъ буддійскихъ монастырей, а, кромѣ того, каждое такое постриженіе приносило съ собой и новые вклады и деньгами, и землями.

Вообще буддійскіе монастыри этого времени разрослись, окрѣпли и стали замѣтной силой въ государственной жизни страны. Они образовали теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлые городки, населенные тысячами монаховъ. Не подчиненныя гражданской власти, эти общины священнослужителей вскорѣ начали слагаться въ военныя организаціи, которыя употребляли оружіе сначала въ дѣлѣ самозащиты, а затѣмъ и для совершенія всякаго рода беззаконныхъ и аггрессивныхъ дѣйствій. Эти страшныя вооруженныя банды или вели нескончаемыя войны другъ съ другомъ, или грабили и жгли дома и имущество своихъ свѣтскихъ враговъ. Если правительство пыталось подавить ихъ, или если у нихъ было какое нибудь основаніе жаловаться на административное вмѣшательство, они отправлялись всей массой въ императорскій дворецъ или въ резиденцію министра-премьера и приносили шумный протестъ и обыкновенно имъ удавалось добиваться своего. Можно было бы подумать, что такими пріемами буддійскіе монахи только отталкивали отъ себя своихъ приверженцовъ. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Буд-

дійскіе монахи никогда не поднимали своей руки на народъ. Ихъ вражда обрушивалась на аристократовъ, захватившихъ власть и особенно на военный классъ.

Напротивъ, буддисты пріобрѣли надъ массой огромное вліяніе. Правда, здѣсь они дѣйствовали на душу народа худшими сторонами своего вѣроученія. Религія ихъ, внося ясныя и точныя представленія о загробной жизни, влила новую, свѣжую кровь во всѣ предразсудки, которые распространила среди народныхъ массъ религія шинто. Ученіе о злыхъ духахъ, такъ или иначе преслѣдующихъ человѣчество, разрослось до колоссальныхъ размѣровъ, дѣлало фантазію безпокойной и нездоровой, а народъ нервнымъ и робкимъ. Чувственныя излишества, которыя такъ были распространены среди народа въ этотъ періодъ, поддерживали и усиливали этотъ безотчетный страхъ передъ подвигами злыхъ духовъ. Дѣло доходило иногда до истерій, до идіотизма. И все это встрѣчалось не только среди сѣрой народной массы, но и среди привилегированныхъ классовъ общества. Исторія сохранила память о нѣсколькихъ императорахъ, доведенныхъ до ужаснаго нервнаго разстройства подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ суевѣрныхъ ужасовъ. Понятно, что буддійскіе священники и монахи умѣло пользовались такимъ положеніемъ вещей, и огромныя богатства стекались въ ихъ руки, укрѣпляя и безъ того прочное положеніе буйныхъ монастырей.

III.

Въ то самое время, какъ „командующіе классы“ были поглощены борьбой за созданіе наслѣдственной бюрократіи, за укрѣпленіе и развитіе отдѣльныхъ японскихъ аристократическихъ родовъ въ провинціи, за основы феодальнаго порядка, ходъ цивилизаціи шелъ своимъ порядкомъ, продолжая работу въ томъ самомъ направленіи, которое было намѣчено предыдущими періодами японской исторіи.

Среди высшихъ классовъ и въ этотъ періодъ мы находимъ ту же утонченную распущенность, то же тяготѣніе къ роскоши, то же подражаніе китайскимъ образцамъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ перемѣнахъ, которыя, подъ давленіемъ указанныхъ факторовъ, произошли въ архитектурѣ, костюмахъ, украшеніи жилищъ, декоративномъ садоводствѣ, въ меню и т. д. Все это, конечно, интересно для характеристики высшихъ классовъ народа, которые продолжали развиваться въ указанныхъ направленіяхъ, но все это очень мало касалось широкихъ народныхъ массъ.

Но зато намъ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ развитіи пѣнія, танцевъ и музыки, такъ какъ эти искусства были широко разсѣяны и среди простого народа, и ихъ неизмѣнное и постоянное воздѣйствіе на народныя массы оставило несомнѣнно неизгладимый слѣдъ и въ національномъ характерѣ японцевъ.

Въ этомъ отношеніи Японія даннаго періода представляетъ въ высшей степени своеобразную картину: всѣ, начиная отъ принцевъ, министровъ и военныхъ магнатовъ и кончая конторскими писцами и дворецкими, наперерывъ упражнялись въ изученіи танцевъ, музыки и въ искусствѣ стихосложенія. Несложные пѣніе и танцы были широко распространены среди японскаго народа съ глубокой древности. Въ разсматриваемый же нами періодъ были сдѣланы въ этомъ отношеніи огромныя заимствованія изъ Китая и Кореи и къ этимъ позаимствованіямъ японскій геній прибавилъ много самобытнаго и интереснаго. Далѣе,— императорскія процессіи, публичныя празднества, религіозныя церемоніи, частныя вечеринки, однимъ словомъ, всякое сколько-нибудь выдающееся событіе служило поводомъ къ тому, чтобы въ дѣло тотчасъ же пускались музыкальные инструменты и компанація стиховъ. Изучая литературу эпохи, можно подумать, что вся японская нація этого времени только то и дѣлала, что танцовала въ цвѣтущихъ лѣсахъ или подъ ласковыми лучами мѣсяца; каталась на лодкахъ, на носу которыхъ выставлялись скульптурные драконы или фениксы, парусами которыхъ управляли изысканно разодѣтыя красивыя дѣвушки, а пассажиры которыхъ— придворная знать и высшіе чины государства,—играли на флейтахъ, гитарахъ и барабанахъ; маршировала на пышныхъ парадахъ, устраиваемыхъ въ честь боговъ; писала стихи для того, чтобы развѣшивать ихъ на цвѣтущихъ деревьяхъ и растеніяхъ или читать ихъ на праздничныхъ состязаніяхъ. До двадцати различныхъ инструментовъ были тогда въ ходу. Едва ли далѣе возможно дать полный списокъ всѣхъ танцевъ, бывшихъ въ то время въ употребленіи. Такъ насчитывалось восемь разновидностей одного только стариннаго японскаго танца, двадцать пять китайскихъ танцевъ, двѣнадцать индѣйскихъ, переданныхъ черезъ Китай, восемнадцать корейскихъ. А къ этому надо прибавить массу разнообразія въ самомъ стилѣ и деталяхъ всѣхъ этихъ танцевъ. Эта страсть къ танцамъ, представлявшимъ обыкновенно чрезвычайно много граціи и изящества, воспитала въ широкихъ народныхъ массахъ чрезвычайную чуткость ко всему красивому. Это чувство красоты, это пониманіе красоты составляетъ типичную особенность и современнаго японскаго народа.

Народное образованіе за этотъ періодъ почти совсѣмъ не подвинулось. Правда, число школъ нѣсколько увеличилось: теперь въ столицѣ содержалъ свою школу каждый изъ крупныхъ аристократическихъ родовъ. Но въ этихъ школахъ не преподавалось ни науки, ни философіи; всѣ занятія въ нихъ были посвящены китайскому письму и искусству составленія стиховъ. Впрочемъ, и самыя школы были доступны лишь очень небольшому числу лицъ: въ нихъ обучались дѣти аристократовъ, содержавшихъ школу, ихъ родственниковъ и вассаловъ.

Народъ, по-прежнему, совершенно не выступалъ на историческую сцену. Онъ попрежнему стоналъ подъ бременемъ налоговъ и податей, которыя, какъ мы видѣли, начали еще больше возрастать, по мѣрѣ того какъ стали все больше и больше обозначаться процессы феодализаціи страны. Протестомъ народныхъ массъ противъ такого рода безотраднаго положенія явилось широко развитое разбойничество, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Главнымъ контингентомъ этихъ хищныхъ бандъ являлись, конечно, тѣ самые фермеры, которые въ концѣ концовъ отчаялись дождаться хоть какого-нибудь облегченія своей участи. Вся провинція кишѣла разбойниками. Они наводняли даже столицу, въ которой нерѣдко бывали случаи, когда дома богатыхъ и знатныхъ гражданъ подвергались вооруженному нападенію и разграбленію. Знаменитый предводитель разбойничьихъ шаекъ нѣсколько лѣтъ открыто проживалъ въ Кіото. И это не смотря на всемогущество полицейской организаціи, которая обладала широкими не только административными, но и судейскими правами. Для того, чтобы можно было судить о размѣрахъ этого разбойничьяго движенія, которое является какъ бы признакомъ времени, достаточно сказать, что одно время только въ Кіото лежало заброшенными 14000 домовъ, жители которыхъ бѣжали въ провинцію на грабежъ. Система круговойпорук и „пятковъ“, о которой мы говорили выше, перестала дѣйствовать, такъ какъ пятки теперь снимались обыкновенно цѣлкомъ, никого не оставляя изъ своей гильдіи въ рукахъ правительства. Преслѣдовать бѣглецовъ было тѣмъ тяжелѣе, что тогдашняя Японія отличалась крайнимъ бездорожьемъ, а распоряженіямъ центральнаго правительства помѣстная аристократія не придавала никакого значенія, увѣренная, что все это неповиновеніе пройдетъ для нихъ безнаказаннымъ въ виду полнаго безсилія императорскаго двора.

Помимо появленія этихъ массовыхъ организацій разбойничьихъ бандъ едва ли и были сколько-нибудь крупныя измѣненія въ жизни

народа. Правда, богатые классы научились теперь цѣнить ремесленный трудъ, который далъ столько истинно художественныхъ произведеній, служившихъ предметами украшенія роскошныхъ дворцовъ и храмовъ. Поэтому всѣ эти художники, скульпторы, архитектора, лакировщики и гравировальщики по металлу быстро находили себѣ покровителей и занимали въ обществѣ болѣе или менѣе почетное положеніе. Но во всякомъ случаѣ они считались неизмѣримо ниже военныхъ патриціевъ.

Дѣленіе народа на классы оставалось прежнимъ и пріобрѣло только болѣе законченныя формы. Теперь мы находимъ здѣсь: *heimin*—простолюдины, куда относились земледѣльцы, ремесленники, торговцы и *semmin*, къ которымъ причислялись люди различныхъ отверженныхъ профессій и положеній. Эти послѣднія во многихъ отношеніяхъ находились въ чисто рабскомъ состояніи. Самый терминъ *semmin* въ первый разъ сталъ попадаться не раньше средины пятаго столѣтія христіанской эры. Лѣтопись здѣсь разсказываетъ объ одномъ благородномъ человѣкѣ, который, обвиненный въ заговорѣ противъ двора, былъ осужденъ на смерть; его же потомство до восьмого поколѣнія включительно было низведено на степень простыхъ рабочихъ. Съ тѣхъ поръ лѣтописи констатировали шесть случаевъ, когда свободный человѣкъ могъ быть низведенъ на степень простого *semmin*'а. Это именно: преступленіе, плѣненіе на войнѣ, долгъ, спеціальныя обстоятельства рожденія, натурализація и похищеніе дѣтей Среди нихъ были и временные рабы. Такъ, въ наказаніе за преступленія рабство назначалось не болѣе, какъ на три года. Обращеніе въ рабство путемъ похищенія дѣтей преслѣдовалось закономъ.

О цѣнахъ на рабовъ сохранились отъ того времени лишь немногія показанія. Такъ указывается въ восьмомъ вѣкѣ продажа трехъ рабовъ соотвѣтственно 34, 22 и 15 лѣтъ. Первые двое были проданы за тысячу сноповъ рису каждый, третій же за семьсотъ сноповъ. Три женщины въ возрастѣ 22, 20 и 15 лѣтъ, проданныя приблизительно въ то же самое время, были оцѣнены: первыя двѣ по 800 сноповъ каждая, а послѣдняя—въ шестьсотъ сноповъ. Сто сноповъ рису составляютъ одинъ *коку* (5.13 бушелей), что стоитъ въ настоящее время 12 іенъ. Такимъ образомъ взрослый рабъ оцѣнивался приблизительно въ 120 іенъ, а а взрослая рабыня въ 100 іенъ.

Всѣ эти условія обращенія въ *semmin* давали въ общемъ незначительное количество рабовъ: ихъ насчитывалось до 5% всего

населенія. Въ серединѣ 8-го столѣтія населеніе Японіи считалось въ 3.694,331 человѣкъ, изъ нихъ рабы составляли около 85 тысячъ, рабыни около 100 тысячъ.

Обращеніе съ рабами въ Японіи никогда не отличалось жестокостью. Обыкновенно насчитывалось пять классовъ рабовъ: стража императорскихъ гробницъ, слуги, употребляемые для административныхъ цѣлей, домашніе рабы, государственные рабы и частные рабы. Лица, принадлежавшія къ первымъ двумъ разрядамъ, очень мало отличались отъ обыкновенныхъ подданныхъ и легко выходили изъ своего рабскаго состоянія. Они имѣли свои собственныя учрежденія и могли пріобрѣтать свою собственность. Домашними рабами, повидимому, стали бѣдные родственники, которые сначала на правахъ свободныхъ людей находились въ роли прислуги въ богатыхъ домахъ, а затѣмъ были закрѣплены за этими домами; терминъ „рабы“ очень мало выражалъ сущность ихъ зависимаго положенія, но лѣтописи пользуются для обозначенія ихъ именно этимъ терминомъ. Государственными рабами были военноплѣнные. Самая худшая доля выпала частнымъ рабамъ. Они могли продаваться и покупаться, какъ всякая частная собственность подъ единственнымъ условіемъ, чтобы всѣ эти акты купли-продажи были тщательно регистрированы. Но хлыстъ или плетка никогда не употреблялись для подъема работоспособности и прилежанія; нѣтъ также никакихъ указаній на то, чтобы чиновнику или хозяину предоставлялось право заковывать раба въ цѣпи. Рабство также не было пожизненнымъ. Каждый государственный рабъ отпускался на свободу по достиженіи 76-лѣтняго возраста. Даже человѣкъ, низведенный въ рабство за измѣну, возстановлялся въ своихъ прежнихъ правахъ по достиженіи 80-лѣтняго возраста. Другіе случаи выхода изъ рабскаго состоянія были: отпущеніе на волю (что сопряжено было еще съ освобожденіемъ отъ податей въ теченіе трехъ лѣтъ со дня выхода на волю), рѣшеніе суда, прекращеніе (путемъ вымиранья) семьи хозяина, похвальная служба, допущеніе къ буддійскому священству...

Но, не смотря на всѣ эти мѣры облегченія положенія рабовъ, государство очень ревниво относилось ко всему, что могло бы такъ или иначе сгладить установленныя имъ социальныя градаціи. Не только были запрещены браки между аристократами и простолюдинами, или тѣми и другими съ одной стороны, а рабами съ другой, но и между рабами различныхъ классовъ.

V.

ПЕРІОДЪ ФЕОДАЛИЗМА ВЪ ЯПОНІИ.

1.

Однако изнѣженные нравы японской знати далеко не имѣли такого разлагающаго вліянія на провинціаловъ, какъ на столичныхъ жителей. Чѣмъ дальше люди жили отъ резиденціи императора, тѣмъ суровѣе были ихъ нравы. Въ дальнихъ сѣверныхъ провинціяхъ вся жизнь была полна военными приключеніями. Въ такой средѣ вырабатывались совершенно иные характеры, чѣмъ тѣ, которыхъ воспитывали придворные нравы. Провинціалы эти съ презрѣніемъ и негодованіемъ относились къ распущенной жизни аристократовъ столицы Кіото. Конечно, такого рода отношенія очень мало способствовали укрѣпленію связей между провинціальными аристократами и императорскимъ дворомъ. Провинція почти повсюду фактически освободилась отъ всякаго вліянія со стороны императорскаго правительства. И, дѣйствительно, въ XI и XII вѣкѣ начинаютъ постоянно вспыхивать возстанія возмутившихся феодальныхъ князьковъ и провинціальныхъ губернаторовъ. Это еще больше запутывало положеніе, и открывало путь къ вмѣшательству въ дѣла центральнаго правительства со стороны наиболѣе сильныхъ феодаловъ. Правительству приходилось заискивать у однѣхъ аристократическихъ провинціальныхъ фамилій для того, чтобы получить военную силу для усмиренія другихъ. А тутъ еще вездѣ царившіе разбойники, пираты, возстанія туземцевъ и вооруженныя нападенія буддійскихъ монаховъ. Все это требовало отъ императора военныхъ силъ, а ими онъ совсѣмъ не располагалъ. Такъ мало-по-малу въ верхнихъ слояхъ японскаго общества того времени намѣтились новыя группы, представлявшія въ общественномъ отношеніи строго законченные типы. Это были:

придворная знать (каде), военныя семьи (вике) и священнослужители.

Воинственные провинціалы обладали единственнымъ знаніемъ—знаніемъ оружія, единственнымъ искусствомъ—искусствомъ веденія войны. Китайскіе классики, тайны и прелести стихосложенія оставались имъ неизвѣстными. Опираясь на своихъ вооруженныхъ дружинниковъ и свое военное искусство, многіе изъ нихъ къ XII вѣку стали совершенно автономными правителями, которые не находили нужнымъ уплачивать центральному государству какія-либо подати. И императору пришлось смиренно принять и этотъ ударъ. Конечно, если бы среди фактическихъ правителей изъ рода Фудживара въ это время явился рядъ энергичныхъ и талантливыхъ лицъ, то провинціальная автономія едва ли бы могла отвоевать себѣ такое свободное поле дѣйствій. Но родъ Фудживара не избѣжалъ того вырожденія, на которое обрекала придворная жизнь всѣхъ находившихся въ ея цѣпяхъ. Онъ настолько ослабъ, что къ концу своего существованія далъ возможность, хотя на короткое время, прорваться къ самостоятельному существованію императорской власти.

Такую необычайную для микадо самостоятельность проявилъ Ширакава (1073—1086). Но его царствованіе особенно наглядно показываетъ, насколько въ правящихъ сферахъ тогдашней Японіи не связывались въ одно цѣлое представленія о фактической власти и о императорскомъ достоинствѣ и насколько управленіе оказывалось несовмѣстимымъ со всей организаціей придворной жизни. Тотъ самый Ширакава, который выступилъ въ качествѣ самовластнаго правителя Японіи, нанесъ императорскому званію непоправимый ударъ. Мы видѣли, что при Фудживарѣ фактическая власть перешла къ регентству, Ширакава, какъ бы освятилъ и дальше развилъ это раздѣленіе власти, придавъ только этимъ отношеніямъ форму. Номинально на тронѣ онъ пробылъ четырнадцать лѣтъ, но фактически въ теченіе 43 лѣтъ послѣ своего отреченія онъ продолжалъ управлять страной изъ буддійскаго монастыря, присвоивъ себѣ титулъ *Hoкe* (первосвященника).

Интересно также отмѣтить, что даже этотъ талантливый и энергичный человѣкъ не избѣжалъ вліянія своего времени. Его правленіе не отличалось ни бережливостью, ни правомѣрностью. Онъ построилъ нѣсколько великолѣпныхъ дворцовъ, окруженныхъ обширными и великолѣпными парками; онъ ввелъ въ обращеніе цѣлый рядъ новыхъ и дорогихъ развлеченій; онъ затрачивалъ огромныя суммы на возведеніе буддійскихъ храмовъ и грандіозныхъ церковныхъ цере-

моній. Онъ же дальше выступилъ горячимъ проповѣдникомъ буддійскихъ воззрѣній, запретивъ въ предѣлахъ своей имперіи умерщвленія птицъ, звѣрей, рыбъ или насѣкомыхъ; на своихъ дворцовыхъ празднествахъ онъ никогда не допускалъ ни рыбныхъ, ни мясныхъ кушаній. Но онъ свободно продолжалъ распродажу оффиціальныхъ постовъ, прекрасно видя въ этомъ одно изъ ужаснѣйшихъ золъ своего времени и подрывая еще больше довѣріе къ императорской власти, которая фактически въ данный моментъ находилась въ рукахъ императорскаго дома, хотя бы то и былъ только ex-императоръ.

Оставленная на свободѣ, не чувствуя узды центральнаго правительства, провинціальная аристократія начала вступать въ борьбу другъ съ другомъ не только въ такіе моменты, когда на такую борьбу ихъ наталкивало центральное правительство, но и по собственному почину. Такимъ путемъ въ японской жизни намѣтилось нѣсколько соперничающихъ помѣстныхъ родовъ. Изъ этихъ послѣднихъ къ началу XII вѣка выдѣлились особенно роды Таира и Минамото. И тотъ, и другой вели свое происхожденіе отъ императоровъ, и тотъ, и другой распадались на множество клановъ, разсѣянныхъ по различнымъ частямъ имперіи. Таира имѣлъ свою главную квартиру въ Кіото, а сфера его вліянія распространялась главнымъ образомъ на территоріи вокругъ столицы. Родъ же Минамото сосредоточивался главнымъ образомъ на сѣверѣ и востокѣ имперіи. Наконецъ, могучіе роды столкнулись, и тотъ, и другой желалъ захватить фактическую власть, уходившую изъ рукъ Фудживара. Наступилъ періодъ длинной борьбы между ними, которая кончилась побѣдой Кіёмори, главы рода Таира, въ 1156 г.

II.

Кіёмори былъ рѣдкій человѣкъ по мужеству и смѣлости, но ему совершенно недоставало оригинальности и политической проницательности. Его политика была продолженіемъ политики Фудживара. Онъ считалъ, что для него будетъ гораздо спокойнѣе, если на престолѣ будутъ находиться малолѣтніе императоры. Онъ заполнилъ всѣ высшія должности своими людьми; за собой онъ оставилъ постъ перваго министра, двухъ сыновей своихъ усадилъ также на министерскія мѣста. Онъ съорганизовалъ цѣлую шайку шпіоновъ, которая подслушивала и доносила все, что говорится о Таира въ городѣ. И тяжелыя кары обрушивались на тѣхъ, кто рѣшался ху-

лить всесильнаго узурпатора. Съ своими политическими врагами онъ обращался со страшной жестокостью. Экс-императоръ Шутоку и его сынъ были изгнаны въ провинцію Сануки, гдѣ Шутоку, какъ говорятъ, умеръ отъ голода. Таметомо изъ враждебнаго клана Минамото, славившійся своею силой и стрѣльбою изъ лука, былъ отправленъ въ изгнаніе на островъ Хачиджо. Іёшитомо, братъ только-что упомянутаго Таметомо, возмутился образомъ дѣйствія новаго тирана и устроилъ заговоръ, въ которомъ приняли участіе члены родовъ Микамото и Фудживара. Но заговоръ былъ открытъ. Кіёморн внезапно напалъ на заговорщиковъ въ Кіото и перебилъ ихъ, Іёшитомо долженъ былъ бѣжать изъ столицы, но былъ убитъ агентами временщика, у котораго теперь руки были совершенно развязаны и который теперь до конца искоренялъ всю оппозицію. Послѣдовалъ опять цѣлый рядъ казней и изгнаній.

Но у Іёшитомо, кромѣ четырехъ сыновей отъ законной жены, было еще три сына отъ наложницы Токива, славившейся своей красотой. Когда начались гоненія на Минамото, она бѣжала со своими дѣтьми, но въ концѣ концовъ все таки попалась въ руки солдатъ временщика. Тѣ пожалѣли красавицу и не выдали ее свирѣпому правителю. Отъ нихъ Токива узнала, что арестована также ея старуха мать. Японцы всегда ставили высоко чувство любви къ родителямъ. И вотъ молодой красавицѣ пришлось рѣшить тяжелую дилемму: или спасти своихъ дѣтей и ничего не сдѣлать для матери, или спасти мать и предать въ руки тирана своихъ дѣтей. Но она рѣшила пожертвовать собою и тѣмъ спасти свою мать и своихъ дѣтей. Она явилась къ Кіёморн и отдалась ему. Тронутый ея красотой Кіёморн взялъ ее къ себѣ въ наложницы, но зато отпустилъ ея мать, а дѣтей разослалъ по буддійскимъ монастырямъ, пощадивъ ихъ жизнь. Но изъ всѣхъ трехъ ея дѣтей особенно выдающуюся роль въ послѣдствіи пришлось сыграть ея младшему сыну Іёшитсуне, который былъ помѣщенъ въ одномъ изъ монастырей въ окрестностяхъ Кіото и который впослѣдствіи сталъ народнымъ героемъ. Изъ мальчика здѣсь въ монастырѣ вскорѣ выросъ сильный и дѣятельный юноша, который больше любилъ физическія упражненія, чѣмъ занятія науками и свои монастырскія обязанности. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, священнослужители стали убѣждать его, чтобы онъ сдѣлался монахомъ и отдалъ свою жизнь на молитвы за душу своего отца. Но онъ отказался и бѣжалъ вскорѣ послѣ этого изъ монастыря въ компаніи съ однимъ торговцемъ. Іёшитсуне достигъ Муту, гдѣ онъ посту-

шелъ на службу къ Фудживара но-Хидехира, который былъ тамъ тогда губернаторомъ; здѣсь ему пришлось всецѣло посвятить себя военной дѣятельности, такъ какъ провинція была изъ отдаленныхъ и глухихъ и ей приходилось вести почти безпрерывныя войны. Онъ сталъ такимъ образомъ опытнымъ военоначальникомъ, а вскорѣ и однимъ изъ любимыхъ героевъ народныхъ сказаній.

Старшій его братъ Іёоритомо, къ которому по наслѣдству перешло главенство въ родѣ Минамото, жилъ въ изгнаніи въ Изу, гдѣ онъ былъ отданъ на попеченіе и наблюденіе двухъ вѣрныхъ членовъ клана Таира, къ которому, какъ мы видѣли принадлежалъ и самъ временщикъ. Іёоритомо женился здѣсь на дочери Ходжо Токимаса, одного изъ этихъ своихъ надсмотрщиковъ, и съумѣлъ склонить Токимаса въ заговоръ противъ временщика. Іёоритомо кликнулъ кличъ ко всѣмъ разсѣяннымъ родичамъ своего клана и ко всѣмъ недовольнымъ элементамъ страны. Однако тиранъ успѣлъ въ достаточной степени терроризировать страну, и подъ знамена Іёоритомо, который къ тому же тогда еще не пользовался и достаточной извѣстностью, собралось лишь около трехсотъ человѣкъ. Неизмѣримо большее войско Кіёмори легко разсѣяло повстанцевъ, многіе пали на полѣ сраженія, и самъ Іёоритомо и его ближайшіе помощники едва едва спаслись отъ вражескаго войска, высланнаго на поиски за ними.

Іёоритомо бѣжалъ къ мысу Ава, откуда опять разослалъ вѣстниковъ собирать всѣхъ, кому надоѣла тиранія Кіёмори. Іёошитсуне поспѣшилъ теперь съ сѣвера на помощь къ своему брату со всѣми войсками, которыя ему удалось привлечь на свою сторону.

Въ то самое время, какъ слухи объ этихъ приготовленіяхъ достигли до Кіото, Кіёмори въ 1181 г. умеръ, достигнувъ 64 л. отъ роду. Онъ прекрасно понималъ, какія грозныя тучи стали собираться вокругъ его семьи. Умирая онъ, по словамъ лѣтописи, говорилъ: „я жалѣю объ одномъ только, что я умираю и не увижу головы Минамото. Пусть надъ моимъ тѣломъ не дѣлаютъ приношеній Буддѣ и не читаются священныя книги. Отрубите голову Іёоритомо и повѣсьте ее надъ моей могилой".

Но завѣщаніе это не пришлось исполнить. Смерть Кіёмори ускорила только тріумфъ Іёоритомо, который разбилъ войско клана Таира и побѣдоносно вступилъ въ столицу. Но здѣсь плодами его побѣды вздумалъ воспользоваться Іёошинака, его двоюродный братъ, которому было поручено командованіе одной изъ армій Минамото. Іёошинака присвоилъ себѣ высшее военное званіе сей-и-шогуна и

двинулся со своими войсками на Іёритомо. Однако войска этого послѣдняго подъ предводительствомъ Іёшитсуне одержали блестящую побѣду. Іёшинака кончилъ съ собою самоубійствомъ. Императорскій дворъ и всѣ приверженцы Таира бѣжали на югъ. Здѣсь, вблизи небольшой деревушки Симоносеки, въ узкомъ проливѣ у западнаго конца Внутренняго Моря произошла вторая битва между флотами Таира и Минамото. Это была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ въ японской исторіи. У Таира было пятьсотъ судовъ, у Минамото семьсотъ. Кромѣ того флотъ Таира былъ отягченъ множествомъ бѣжавшихъ женщинъ и дѣтей. Суда сошлись вплотную и воины вступили въ рукопашную схватку. На судахъ Таира находились императоръ, который тогда былъ совсѣмъ ребенкомъ, его бабушка и вдова Кіёмори. Обѣ женщины, не видя спасенія, схватили ребенка-императора и бросились съ нимъ въ море, гдѣ и погибли.

Месть клана Минамото по отношенію къ клану Таира была ужасной, нисколько не меньше той, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ Таира отпраздновалъ надъ Минамото. Власть теперь была обезпечена за Іёритомо.

Мы нарочно остановили съ такой подробностью надъ этимъ эпизодомъ, чтобы дать читателю болѣе реальное представленіе о тѣхъ смутахъ и гражданскихъ войнахъ, которыя съ этихъ поръ довольно часто стали прерывать мирное теченіе японской исторіи. Кромѣ того, только-что описанный періодъ борьбы между двумя кланами представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что имъ японскіе историки открываютъ эпоху феодализма въ Японіи.

III.

Іёритомо является одною изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ на исторической сценѣ Японіи за первыя восемнадцать столѣтій ея историческаго существованія. Высоко талантливый, холодный, расчетливый и до крайности честолюбивый, онъ умѣлъ ясно и отчетливо поставить назрѣвшіе политическіе вопросы и безстрашно и безжалостно проводить свои рѣшенія въ жизнь.

Для укрѣпленія своей власти и своей самостоятельности Іёритомо сдѣлалъ огромный шагъ. Мы видѣли, что уже при Фудживара императорская власть въ дѣйствительности представляла лишь тѣнь власти, тогда какъ фактическая власть цѣликомъ находилась въ рукахъ регента.

Но фактическіе правители страны,—регенты,—все же скрывались въ тѣни, падающей съ престола. Они жили въ Кіото, находились при императорскомъ дворцѣ, принимали живѣйшее участіе во всей придворной жизни и съ внѣшней стороны decorum отношеній между регентомъ и императоромъ былъ вполнѣ соблюденъ. Но Іёоритомо пошелъ дальше. Онъ не захотѣлъ жить въ столицѣ императора, а обосновалъ свою собственную столицу, въ сотняхъ миль отъ Кіото,—въ Камакурѣ и перенесъ туда всѣ административныя функціи, предоставивъ императорскому двору лишь оффиціальное представительство и исполненіе сложнаго церемоніала.

Но, сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приложилъ всѣ усилія, чтобы успокоить страну, по крайней мѣрѣ, наиболѣе безпокойные и встревоженные ея элементы. Онъ сохранилъ при императорскомъ дворѣ всѣ высокіе чины и званія, хотя они теперь не имѣли фактической власти; онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы склонить на свою сторону буддійскихъ монаховъ и расположить къ себѣ провинціальную знать, сохранивъ за нею все ея оффиціальное положеніе и всѣ ея имѣнья и помѣстья

Сокрушивъ своихъ противниковъ, кланъ Тайра, онъ обратилъ вниманіе на то, что гражданскіе губернаторы (kokushi) въ провинціи въ дѣйствительности представляли изъ себя автократовъ, не отвѣтственныхъ ни передъ какой иной властью; онъ обратилъ также вниманіе на то, что знать, имѣвшая въ своемъ наслѣдственномъ обладаніи огромныя помѣстья, пользовалась безграничною властью надъ личностью и собственностью своихъ арендаторовъ и болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ въ своемъ округѣ. Для того чтобы оказалось возможнымъ фактическое, а не только номинальное управленіе мѣстными дѣлами, надо было такъ или иначе сократить права этихъ губернаторовъ и помѣстной знати. Онъ убѣдилъ поэтому дворъ дать ему разрѣшеніе назначать въ каждую провинцію военнаго губернатора (Shugo) и земельнаго начальника (Jito), изъ которыхъ и тотъ и другой были отвѣтственны передъ центральнымъ правительствомъ за сохраненіе порядка въ своемъ округѣ и за сборъ податей. Всѣ эти оффиціальныя лица назначались изъ Камакуры, которая такимъ образомъ сдѣлалась дѣйствительнымъ центромъ административной власти.

За собою онъ удержалъ титулъ высшаго военнаго губернатора (*Sei-i-tai-shoshi*), къ которому затѣмъ былъ прибавленъ титулъ *Tai-i-Chogun*—генералиссимусъ, покоряющій варваровъ. Съ этихъ

поръ постъ шогуна начинаетъ играть выдающуюся роль въ исторіи Японіи, и мы должны нѣсколько остановиться на томъ, какъ на историческую сцену Японіи выдвинулся шогунатъ и какой объемъ власти представлялъ онъ ко времени описываемыхъ сейчасъ событій.

На зарѣ японской исторіи организація управленія отличалась большой простотой: не было различія между гражданской и военной организаціей; всѣ были солдатами. Никакихъ ни генераловъ, ни шогуновъ не было; имѣлись лишь ближайшіе помощники императора, которые никакого оффиціальнаго положенія въ арміи не занимали. Въ мирное время военная организація совершенно отсутствовала. Въ военное время во главѣ войскъ становился самъ императоръ или передавалъ эту обязанность кому-нибудь изъ ближайшихъ членовъ императорскаго дома. Но никогда права полководца не довѣрялись кому нибудь изъ подданныхъ. Такимъ образомъ верховная власть во всей ея полнотѣ сосредоточивалась въ рукахъ у главы государства.

Но мало по малу, какъ мы видѣли, Японія въ организаціи императорскаго правительства начала подражать Китаю, и прежде всего были установлены различія между гражданскими и военными функціями. Во главѣ императорскихъ войскъ былъ поставленъ особый военоначальникъ; въ числѣ другихъ отраслей управленія появилось военное министерство. Была введена очень детальная организація арміи, во главѣ отдѣльныхъ частей которой были поставлены отдѣльные офицеры. Путемъ набора во всякое время государство могло располагать арміей въ 10,000 человѣкъ; начальство же экспедиціей теперь довѣрялось особому лицу, которое называлось *Сіогит*. Когда одновременно созывались три такихъ арміи, то надъ всѣми ними назначался одинъ общій начальникъ—генералиссимусъ арміи *Tai- siogun*... Свои права такой полководецъ получалъ непосредственно изъ рукъ императора, который передавалъ ему мечъ. Пока арміи находились на военномъ положеніи, шогунъ былъ воленъ въ жизни и смерти любого изъ своихъ подданныхъ. Императоръ раньше имѣлъ полное право назначать генералиссимусомъ своей арміи того, кого онъ хотѣлъ. Но при Фудживара обычай установилъ, чтобы офицерскія должности исключительно принадлежали въ качествѣ наслѣдственной привилегіи только двумъ кланамъ: Минамото и Таира. Теперь мы видимъ, что Іёоритомо, одинъ изъ Минамото, сдѣлалъ временную должность Tai-i-Shogun постоянной и сохранилъ ее, конечно, со всѣми ея правами за собой.

Но самъ Іёоритомо не отличался большими военными талантами. И онъ охотно уступалъ въ этомъ отношеніи пальму первенства своему блестящему брату Іёошитсуне. Вообще онъ умѣлъ выбирать себѣ талантливыхъ и дѣльныхъ помощниковъ. Слава его въ законодательной области въ значительной степени должна оспѣнять и его ближайшаго помощника Оёе-но-Хиромото, который, какъ говорятъ, принималъ участіе во всѣхъ реформахъ, исходившихъ отъ правительства Камакуры.

У себя, въ Камакурѣ, ставшей въ скоромъ времени столицей военнаго феодализма, новый шогунъ установилъ новую правительственную организацію: цѣлый рядъ министровъ, совѣтниковъ и другихъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Но Іёоритомо, какъ мы уже говорили, при этомъ тщательно старался, чтобы всѣ новыя должности нисколько не намекали на узурпацію фактической власти и не обозначали тѣхъ или другихъ придворныхъ должностей. По наружному виду при дворѣ все оставалось по прежнему, хотя теперь онъ не располагалъ и крохами фактической власти.

Вся эта постановка правительственнаго механизма привела къ радикальнымъ перемѣнамъ въ управленіи страной. Она обозначала полное передвиженіе центра тяжести политической власти. Въ первыя 18 столѣтій страна управлялась съ юга; теперь верхъ взялъ сѣверъ. Долгая и упорная борьба съ туземцами, которая выпала здѣсь на долю японской націи, создала крѣпкія военныя организаціи, которыя дали странѣ и новыхъ правителей.

На успѣхи Іёоритомо, вообще говоря, можно смотрѣть, какъ на побѣду военной демократіи надъ императорской аристократіей. Многіе изъ подвижниковъ этого замѣчательнаго человѣка происходили отъ людей, которые первоначально были рабами кіотской знати и были посланы въ провинцію пахать землю и поставлять своимъ господамъ все нужное для жизни. Возвышеніе камакурскаго правительства было такимъ образомъ двойной революціей: во первыхъ, она замѣнила военной демократіей императорскую аристократію, а затѣмъ освободила часть національныхъ силъ, которыя до этого находились въ рабской зависимости.

Однако и Іёоритомо сдѣлалъ въ своей правительственной дѣятельности одинъ очень крупный промахъ. Онъ свои личные интересы поставилъ выше интересовъ клана, представителемъ котораго онъ являлся. Онъ убилъ всѣхъ главнѣйшихъ вождей Минамото, которые могли бы оспаривать у него власть,

и тѣмъ до крайности ослабилъ своей кланъ къ моменту своей смерти.

IV.

По смерти Іёоритомо въ Камакурѣ образовалось двѣ партіи: одна хотѣла доставить постъ шогуна одному сыну Іёоритомо, другая—другому (отъ разныхъ матерей). Затѣялась борьба, въ которой погибли оба претендента. Достоинство шогуна было обезпечено тогда за племянникомъ Іёоритомо, бывшимъ въ то время еще совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ. Надъ шогуномъ теперь назначенъ былъ вице-регентъ (Shikken), и передъ нами развертывается необычайная картина отдаленія фактической власти отъ ея юридическаго источника: шогунатъ отнялъ фактическую власть у императора, вице-регентъ—у шогуна.

Вице-регентъ Ходжо-Іёошитоки и сестра его Маза оказались выдающимися правителями того времени. Неподкупность въ судѣ, строго выдержанная политика безпристрастія, воздержанность въ жизни, обложеніе налогами главнымъ образомъ предметовъ роскоши, неуклонное преслѣдованіе подкуповъ — все это обезпечило имъ у народа высокое уваженіе и любовь. Съ ихъ стороны, повидимому, не дѣлалось ни малѣйшихъ попытокъ сокращать дальше прерогативы двора въ Кіото. Но императорскій дворъ самъ вызвалъ ихъ вражду, сдѣлавъ необдуманную попытку разбить могущество шогуна. Онъ съорганизовалъ военную силу, которую направилъ противъ арміи шогуна. Побѣда осталась за шогунатомъ, и съ тѣхъ поръ всѣ высшія должности въ Кіото раздавались лишь съ согласія Ходжо и даже наслѣдникъ, при восшествіи на престолъ, долженъ былъ получать разрѣшеніе со стороны представителей этого сильнаго клана.

Но и съ Ходжо повторилась та же самая исторія, которая такъ обычна для всѣхъ правящихъ семействъ и домовъ. Они выродились и погибли подъ давленіемъ своей собственной неумѣлости и безталанности. Первые восемь представителей этого дома были людьми способными и выдающимися администраторами. Они стояли за справедливость и простоту нравовъ; они съ презрѣніемъ относились къ роскоши и блеску; они были умѣренны и въ честолюбіи, и въ наживѣ; они никогда не искали поста шогуна для себя, предоставляя эту должность членамъ императорской фамиліи; они изгоняли изнѣженные и испорченные нравы Кіото.

Но при Такотоки, девятомъ вице-регентѣ изъ дома Ходжо, нравственная атмосфера въ Камакурѣ рѣзко измѣнилась. Самъ шогунъ и его окружающіе вмѣсто суровой и воздержанной жизни своихъ предшественниковъ начали вести жизнь, полную разгула и роскоши. Дворъ шогуна наполнился танцовщицами, профессіональными музыкантами и шутами.

Въ это же время престижу сѣверныхъ войскъ былъ нанесенъ сильный ударъ. На берега Кіусіу обрушились волны монгольскаго нашествія. Это была единственная попытка со стороны иноземцевъ вторгнуться съ оружіемъ въ рукахъ въ священную землю Японіи, единственная съ тѣхъ поръ, какъ Японія сложилась въ имперію Джимму; и потому этотъ эпизодъ заслуживаетъ болѣе детальнаго изложенія, чѣмъ многіе другіе.

Завязавшіяся и постоянно поддерживаемыя сношенія Японіи съ Китаемъ обратили вниманіе правительства этого послѣдняго на японское государство. Но свѣдѣнія, которыя такимъ путемъ проникали въ китайское общество, отличались необычайнымъ легендарнымъ характеромъ. Знаменитый путешественникъ Марко Поло, побывавшій въ то время въ Китаѣ, свидѣтельствуетъ, что при дворѣ царствовавшаго тогда Кублая-хана были распространены слухи о необычайныхъ богатствахъ Японіи. Говорили, напримѣръ, что на островахъ японскаго архипелага драгоцѣнные камни валяются, какъ простой плитнякъ. Естественно поэтому желаніе хана такъ или иначе подчинить себѣ эту богатую страну. Въ 1274 г. Кублай-ханъ отправилъ въ Японію посольство съ письмомъ, въ которомъ въ рѣзкой и заносчивой формѣ требовалъ изъявленія себѣ покорности, грозя въ противномъ случаѣ оружіемъ. Императоръ отослалъ это письмо къ вице-регенту Токимуне, который нашелъ его слишкомъ дерзкимъ и прогналъ посла безъ отвѣта.

Въ 1275 г. тотъ же самый посланникъ хана снова явился въ Японію и снова не былъ принятъ ни императоромъ, ни шогуномъ. Говорятъ, что было отправлено еще нѣсколько посольствъ, но всѣ безрезультатно. Это обстоятельство окончательно возмутило китайскаго владыку, который, получая періодически подарки отъ японскаго правительства, привыкъ считать Японію своею данницей. Тогда былъ собранъ и отправленъ флотъ изъ 450 китайскихъ и корейскихъ джонокъ противъ возставшей имперіи. Монголы опустошили острова Цушима и Ики, откуда ихъ флотъ направился къ Тенкузену и остановился тамъ въ гавани, которая и теперь еще носитъ названіе „китайскаго порта“ (Kara-tomari). Монголь-

скія войска двинулись на Да-дзан-фу, но были разбиты японцами, бросились на корабли и тотчасъ же почти скрылись съ горизонта японскаго архипелага.

Вскорѣ затѣмъ китайскій ханъ опять отправилъ въ Японію посла, котораго доставили въ Камакуру, гдѣ онъ и былъ обезглавленъ. Слѣдующаго за нимъ посла постигла та-же участь. Это былъ уже дерзкій вызовъ, брошенный со стороны японскаго правительства такому могучему государству, какимъ въ то время былъ Китай. Но фактъ подобной провокаціи со стороны тогдашняго вице-регента Токимуне не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ китайскіе и татарскіе историки повторяютъ въ данномъ отношеніи почти то же самое, что говорятъ и японскія лѣтописи. Впрочемъ смѣлость эта въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что Кублай ханъ не обладалъ флотомъ, и монголы были плохими моряками.

Выведенный окончательно изъ терпѣнія, правитель Китая рѣшается отправить огромный флотъ для полнаго покоренія Страны Восходящаго Солнца.

Весной 1281 г. новый флотъ, насчитывавшій нѣсколько тысячъ китайскихъ и корейскихъ джонокъ и нагруженный (по словамъ японскихъ историковъ) почти стотысячной арміей,—присталъ къ берегамъ Тсушимы. Монгольскія орды обрушились на берега Кіу-Сіу, и войска, которыя успѣлъ къ этому времени сосредоточить здѣсь Токимуне, потерпѣли нѣсколько пораженій. Паника охватила Японію. Молодого императора заставили написать собственноручное письмо духамъ (kami) неба и земли съ мольбой о предотвращеніи опасности. Японія напрягла всѣ свои силы. У Такашимы въ провинціи Хидзенъ произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ японцы одержали блестящую побѣду; вскорѣ послѣ этого монгольскій флотъ былъ разметанъ однимъ изъ тѣхъ страшныхъ урагановъ, которые бываютъ у береговъ Японіи. Тридцать тысячъ монголовъ, высадившихся на сѣверо-востокѣ Кіу-Сіу, были умерщвлены японцами. Такъ Страна Восходящаго Солнца освободилась отъ страшнаго нашествія монголовъ и спасла свою независимость.

Но столь счастливо отраженное нашествіе иноплеменниковъ оказало значительное вліяніе на внутреннюю политику страны. Прежде всего военная слава, такъ прочно установившаяся за сѣвернымъ кланами, въ данномъ случаѣ сильно поколебалась, такъ какъ югу во всей этой борьбѣ выпало больше лавровъ, чѣмъ сѣверу, и, благодаря этому право столицы на военное верховен-

ство было поставлено подъ большое сомнѣніе. Во вторыхъ, война эта сильно подняла религіозный духъ народа. Появленіе урагана, разметавшаго вражескій флотъ, приписывалось вмѣшательству божественныхъ силъ. Снова возросло вліяніе монаховъ на народъ и на общество. Снова стали быстро увеличиваться подати и налоги, которые въ большинствѣ случаѣ затрачивались на пышныя торжества и богатые храмы. Все это — и появленіе распущенности и роскоши при дворѣ шогуна, и военныя неудачи сѣверныхъ клановъ, и вспышка религіознаго фанатизма, и тяжелое обложеніе народа налогами — привело къ тому, что симпатіи народа къ дому Ходжо стали быстро убывать.

V.

Скипетръ въ это время принадлежалъ императору Го-дайго (1319—1339). Это былъ хорошо образованный человѣкъ, который имѣлъ возможность хорошо ознакомиться съ искусствомъ управленія еще въ то время, когда онъ былъ императорскимъ принцемъ, и который несомнѣнно еще задолго до своего восшествія на престолъ рѣшилъ возстановить императорскій тронъ во всей его административной силѣ.

Воспользовавшись общимъ недовольствомъ, которое чувствовалось въ странѣ противъ Ходжо, Го-дайго устроилъ противъ вице-регента заговоръ. Заговоръ этотъ былъ однако раскрытъ и участникамъ пришлось выпить горькую чашу жестокой расправы. Императоръ спасъ себя и свое положеніе только путемъ отреченія отъ заговорщиковъ, что, конечно, произвело на враговъ Ходжо удручающее впечатлѣніе и оттолкнуло отъ императора многихъ лицъ, преданныхъ его дѣлу. Но какъ бы тамъ ни было, въ скоромъ времени тому же Го-дайго удалось устроить второй заговоръ, однако еще болѣе неудачный, чѣмъ первый. Изъ Камакуры для уничтоженія заговорщиковъ были посланы большія силы; въ результатѣ этой военной экспедиціи сторонники императора были разсѣяны, и самъ онъ спасся лишь бѣгствомъ въ костюмѣ женщины. Однако вскорѣ онъ все таки попалъ въ руки Ходжо. Лишенный трона, онъ былъ отправленъ въ изгнаніе на маленькій островокъ Оки. Не смотря однако на всѣ эти неудачи, имперьялистическое движеніе окрѣпло, а ненависть къ вице-регенту пустила въ народѣ глубокіе корни. Го-Дайго продолжалъ свои интриги и

съ далекаго мѣста изгнанія. Наконецъ, съорганизовалась армія повстанцевъ, которой посчастливилось въ борьбѣ съ войсками вице-регента. Камакура была взята и сожжена. Послѣдній вице-регентъ изъ семейства Ходжо, видя свое дѣло окончательно проиграннымъ, покончилъ съ собой самоубійствомъ. Такимъ образомъ фактическая власть въ рукахъ этого воинственнаго и гордаго клана Ходжо оставалась въ продолженіи 134 лѣтъ: отъ дня смерти Іёоритомо въ 1199 г. до паденія Камакуры въ 1333 г. Императоръ теперь добился своей завѣтной мечты,—онъ могъ сосредоточить всю фактическую власть въ своихъ рукахъ.

Но императоръ Го-дайго не воспользовался въ достаточной степени уроками исторіи. Онъ собственными руками положилъ основаніе новой узурпаціи его власти. Среди лицъ, оказавшихъ замысламъ императора особо важныя услуги, былъ Ашикага Такауджи. Этотъ Такауджи былъ очень талантливымъ полководцемъ, вице-регентъ, когда собралась военная гроза, поручилъ ему свои войска. Однако, Такауджи былъ истиннымъ потомкомъ Іёоритомо и сыномъ своего вѣка. Онъ ненавидѣлъ вице-регента за то, что Ходжо отняли фактическую власть у шогуната, и Минамото оставались простыми пѣшками въ рукахъ вице-регентства. Онъ пылалъ мщеніемъ за своихъ поруганныхъ предковъ и, когда увидалъ, что настала удобная минута для этого мщенія, безъ малѣйшихъ колебаній перешелъ на сторону императора. Этой измѣной и была рѣшена вся участь кампаніи. Теперь благодарный Го-дайго осыпалъ Ашикагу Такауджи безмѣрными почестями.

Но въ это же самое время онъ чуждался остальныхъ офицеровъ своей арміи. Принцъ Морійоши, его сынъ отъ любимой наложницы, изъ-за котораго онъ впервые порвалъ свои отношенія съ правительствомъ вице-регента, сталъ во главѣ этихъ недовольныхъ элементовъ, къ которымъ принадлежали главнымъ образомъ представители южныхъ клановъ. Возмутившійся сынъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ опасеніями, что возвеличиваніе Ашикаги приведетъ къ тому, что фактическая власть снова ускользнетъ изъ рукъ императорскаго дома.

Съ другой стороны придворная знать вообразила, что пробилъ часъ, когда ей можно будетъ освободиться отъ гегемоніи военнаго класса и стала обращаться съ представителями его надменно, опираясь на нежеланіе императора вознаградить его за участіе въ походахъ. Го-дайго удалилъ представителей военнаго класса съ провинціальныхъ постовъ, замѣнивъ ихъ кіотскими аристокра-

тами; онъ роздалъ имѣнія множеству придворныхъ, начиная отъ принцевъ и кончая танцовщицами, обложилъ пятипроцентнымъ налогомъ имущество провинціальныхъ чиновниковъ и началъ выпускать бумажныя деньги.

Вскорѣ онъ замѣтилъ, какой ошибкой съ его стороны было возвеличиваніе Такауджи. Онъ попробовалъ ослабить его, выдвинувъ его соперника. Такимъ образомъ положеніе опять сдѣлалось тревожнымъ: придворная знать поднялась противъ военнаго класса; южные генералы въ лицѣ Кусуноки Масашиге и Нитты Ійошисады — противъ сѣверныхъ, представителемъ которыхъ являлся Ашикага Такауджи; партизаны Ходжо искали только удобнаго случая, чтобы возстановить пошатнувшееся счастье своего клана и принцъ Моринага, хотя и потерявшій довѣріе своего государя, продолжалъ командовать императорскими войсками. Ходжо открыли компанію. Сайонджи Кунимуне, предполагалъ отравить императора на банкетѣ. Заговоръ былъ открытъ, и въ смятеніи, вызванномъ этимъ событіемъ, принцъ Моринага увидѣли удобный случай, чтобы низвергнуть Ашикагу. Но императоръ добровольно выдалъ своего сына Такауджи, который подвергъ его тюремному заключенію въ Камакурѣ, гдѣ тотъ и погибъ. Вскорѣ послѣ этого партизаны Ходжо напали на Камакуру и завладѣли ею. Такауджи въ это время былъ въ Кіото. Противъ желанія императора онъ двинулся на Ходжо и отнялъ у нихъ Камакуру. Несомнѣнно, что при этомъ онъ руководился единственно желаніемъ освободиться отъ контроля двора. Такъ, когда императоръ приказалъ ему возвратиться въ Кіото, онъ не обратилъ на это приказаніе ни малѣйшаго вниманія.

Японскіе историки обыкновенно строго осуждаютъ Такауджи за его поведеніе по отношенію къ императорскому дому. Но по существу Такауджи не дѣлалъ ничего такого, что шло бы въ разрѣзъ съ духомъ времени и образомъ дѣйствія другихъ выдающихся его современниковъ и предшественниковъ. Онъ стремился къ военному диктаторству совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ Ійоритомо. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что послѣдній во всѣхъ своихъ стремленіяхъ опирался на согласіе императора и его двора, а первый обходился безъ такой санкціи и совершенно не скрывалъ этого. Когда Фудживара ниспровергли узурпатора Согу, когда Таира замѣстили деспотическимъ Фудживара, когда Минамото разбили самовластныхъ Таира — всѣ они дѣлали видъ, что дѣйствуютъ въ интересахъ двора, по суще-

ству же дѣла преслѣдовали лишь задачи своей собственной гегемоніи. Такауджи былъ только откровеніе другихъ.

Имперія теперь раздѣлилась на два враждебные лагеря. Сторонники двора стекались въ Кіото, приверженцы Ашикаги въ Камакуру. Во главѣ своей арміи императоръ поставилъ Нитту Ійошисаду. Сначала побѣда осталась на сторонѣ императорскихъ войскъ, но затѣмъ, когда Такауджи сталъ самъ во главѣ своей арміи, онъ разбилъ враговъ и захватилъ Кіото. Однако онъ не былъ въ состояніи удержать столицу за собой и отступилъ къ югу. Дворъ былъ крайне обрадованъ этимъ очищеніемъ столицы, полагая, что этотъ фактъ обнаруживаетъ всю слабость ихъ врага, и совершенно оставилъ всякія предосторожности. Одинъ Кусуноки Масашиге прекрасно понималъ, что опасность еще не миновала и убѣждалъ императора простить Ашикагу и заключить съ нимъ миръ. Его опасенія оправдались очень быстро. Такауджи собралъ большія сухопутныя и морскія силы и выбралъ Хіого базой своихъ военныхъ операцій. Императоръ приказалъ Масашигѣ и Ійошисадѣ выступить противъ враговъ. Но Масашиге хорошо сознавалъ рискованность вступить съ Такауджи Асашигой въ открытый бой и совѣтовалъ напасть на его коммуникаціонныя линіи. Его совѣтъ однако былъ отвергнутъ, такъ какъ придворная знать усмотрѣла здѣсь предательство. Однако Масашиге оказался правъ—Такауджи разбилъ императорскія войска и снова занялъ Кіото.

Императоръ бѣжалъ теперь въ монастырь, и Такауджи назначилъ ему преемника. Существенныхъ перемѣнъ Такауджи на императорскомъ престолѣ не создалъ: онъ замѣнилъ только старшую линію младшей. Какъ ни были демократично настроены представители сѣверныхъ клановъ, императорская власть въ ихъ глазахъ обладала божественными правами. Го-дайго и на этотъ разъ предалъ своихъ сторонниковъ: онъ добровольно возвратился въ Кіото къ Такауджи, который отнесся къ нему, какъ къ плѣннику. Остатки императорскихъ войскъ были тогда окончательно разсѣяны. Оба полководца ихъ погибли въ битвахъ.

Въ 1337 году императоръ, однако, надѣясь на поддержку провинціаловъ сбѣжалъ въ монастырь Ійошино. И съ этого момента на японской территоріи оказалось два императора: Ійошино было провозглашено резиденціей южной династіи, а Кіото—сѣверной. Эти пятьдесятъ пять лѣтъ были періодомъ безпрерывныхъ междуусобицъ.

Ашикага Такауджи, удержавъ за собою власть, тотчасъ же

сдѣлалъ рядъ грубыхъ ошибокъ. Онъ и не подумалъ вознаградить своихъ сторонниковъ или успокоить наиболѣе опасныхъ враговъ раздачей титуловъ и имѣній. Напротивъ, всѣ богатства и всѣ почести онъ постарался захватить для себя и своего семейства. Родственники Такауджи заняли всѣ выдающіеся административные посты, а себя онъ провозгласилъ шогуномъ.

Но крупнѣйшая ошибка Ашикаги Такауджи заключалась въ томъ, что онъ рѣшилъ возстановить свою резиденцію въ Кіото. Изнѣженная и распущенная атмосфера придворной жизни разрушительно подѣйствовала на сохранившіеся еще добрые нравы сѣверныхъ солдатъ. Красавицы Кіото вытравили изъ ихъ душъ остатки порядочности. Съ переходомъ двора шогуна въ Кіото открывается одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ японской исторіи Вѣрность и честность совершенно исчезли изъ нравовъ того времени. Еще при жизни Такауджи часть той власти, которую онъ думалъ передать своимъ дѣтямъ, была узурпирована его офицерствомъ. Предательство и интриги наполняли жизнь. Люди, которые сегодня сражались за дѣло сѣверной династіи, завтра оказывались уже на сторонѣ южной. Крупные бароны въ провинціи мало обращали вниманія на предписанія Ашикаги Такауджи. Каждый боролся только за себя.

VI.

Ійошимитсу, третьему шогуну изъ рода Ашикага, удалось, наконецъ, слить два императорскихъ двора,—сѣверный и южный, —въ одинъ. Этотъ историческій актъ пріобрѣлъ ему крупное имя и извѣстность.

Съ объединенія монархіи (1392 г.) начинается такъ называемая „эпоха Муромачи“, такъ какъ Ійошимитсу установилъ свою резиденцію въ Муромачи. Въ эту эпоху шогуну удалось хоть нѣсколько привести въ порядокъ свои дѣла. Ростъ матеріальной мощи провинціальной знати дѣлаетъ эту эпоху еще болѣе замѣчательной. Фудживара, Таира, Минамото, Ходжо и первые Ашикага своей важнѣйшей задачей считали полную централизацію власти въ своихъ рукахъ. Но Ійошимитсу пришлось довольствоваться меньшимъ. Постъ шогуна, правда, принадлежалъ ему, но ему же пришлось уступить большую долю мѣстной автономіи провинціальнымъ представителямъ военнаго класса подъ тѣмъ

условіемъ, что они берутъ на себя обязанность охранять въ своихъ округахъ законный порядокъ своей страны. Далѣе административный постъ опекуновъ, вновь созданный *Кванрю*, являвшійся вторымъ по своему значенію послѣ шогуната, былъ объявленъ наслѣдственной привилегіей трехъ могущественныхъ семействъ. Эти опекуны оказались почти независимыми отъ шогуна въ своей дѣятельности.

Со времени Ійошимитсу административная власть почти совершенно ушла изъ рукъ Ашикага. Это было сдѣлано *Кванрю* въ Камакурѣ. Въ Кіото бразды правленія были у регентовъ, въ Камакурѣ—у вице-регентовъ, а теперь то же самое выпало на долю опекуновъ въ то время, какъ сами шогуны жили лѣнивой и распущенной жизнью. Но ни у опекуновъ, ни у шогуновъ не нашлось достаточно талантливыхъ людей, которые сумѣли бы контролировать элементы смуты, разроставшіеся изъ системы мѣстной автономіи, установленной Ійошимитсу. Страна мало-помалу стала ареной, гдѣ всякій боролся лишь за свои личные интересы. Всякій, кто чувствовалъ за собой хоть какую-нибудь силу, старался возможно сильнѣе притѣснить болѣе слабыхъ. Особенно жестока была борьба, разгорѣвшаяся изъ-за шогуната и получившая въ исторіи названіе одиннадцатилѣтней войны.

Къ концу этой длинной борьбы почти все Кіото лежало въ развалинахъ. Храмы, дворцы и жилища частныхъ лицъ были разрушены до основанія. Народъ былъ настолько деморализованъ, что разбои и грабежи стали его главнымъ занятіемъ. Страна впала въ состояніе полной анархіи: семья поднялась на семью, князь на князя. Никто не заботился ни объ императорѣ, ни объ императорскомъ дворѣ. Средствъ едва хватало на текущую жизнь; когда же надо было произвести какіе-нибудь экстраординарные расходы въ родѣ похоронъ или коронованія, то приходилось прибѣгать къ займамъ и выпрашиваніямъ. Самъ шогунъ находился въ подобномъ же забросѣ.

Короткій промежутокъ мира и спокойствія смѣнилъ этотъ длинный періодъ ожесточенной борьбы. При Учи Ійошитоки Кіото достигло даже нѣкотораго процвѣтанія. Но вскорѣ послѣ этого всю страну опять охватило общее обѣднѣніе, и вскорѣ на улицахъ города появились принцы императорской крови, которые или выпрашивали милостыню на поддержаніе двора или предлагали за мелкую монету прочесть отрывокъ какого-нибудь произведенія, и самъ императоръ вынужденъ былъ продавать свои автографы для того, чтобы не умереть голодной смертью.

Однако, не смотря на ужасный характеръ борьбы, происходившей во всѣхъ частяхъ страны, въ нее были втянуты главнымъ образомъ Кіото и Камакура, какъ представители сѣвера и юга; и каждый ударъ, который наносили другъ другу могущественные кланы, сгруппировавшіеся вокругъ этихъ соперничающихъ центровъ, служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлу дальнѣйшаго освобожденія провинціи. Провинціальные феодалы пріобрѣли за это время полную самостоятельность и независимость.

Такія автономныя провинціи особенно развились въ округѣ Токандо, который отличался своими естественными богатствами и густотой населенія. Среди вождей Токандо, которые теперь начали играть руководящую роль, выдѣлялись Такеда Шингенъ изъ Кайя, Іійясуги Кеншинъ изъ Ійечиго, Ода Нобунага изъ Овари, Хашиба Хидейоши, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ *Таико* и Токугава Іійеязу изъ Микавы. Этотъ пятокъ и спасъ Японію. Безъ него она, подобно Кореѣ, была бы раздѣлена на множество княжествъ и, подобно Кореѣ, обезличилась бы во многихъ отношеніяхъ, которыя теперь ее сдѣлали великой націей.

VII.

Токеда Шингенъ былъ холодный, умный и твердый человѣкъ. Онъ не пренебрегалъ ни однимъ источникомъ, изъ котораго онъ могъ бы почерпнуть какія либо знанія или укрѣпить какія либо стороны своей даровитой натуры. Благо народа онъ считалъ такимъ же важнымъ элементомъ въ организаціи управленія, какъ дисциплину солдатъ—въ организаціи арміи.

Ода Нобунага напротивъ былъ веселый, безпечный воинъ. Талантливый вожакъ, неустрашимый и смѣлый военоначальникъ, онъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы обезпечить себѣ повиновеніе со стороны солдатъ и возбудить среди нихъ энтузіазмъ; его недостаткомъ было лишь то, что онъ слишкомъ много полагался на силу вооруженнаго удара, не заботясь о томъ, чтобы выбирать для этого удара мѣсто поудобнѣе. И вотъ эти два человѣка и выдвинулись какъ разъ въ тотъ моментъ, когда смута къ серединѣ XVI в. достигла своей кульминаціонной точки.

Въ это и безъ того смутное и кровавое время прибавилась въ исторіи Японіи еще новая причина для всякого рода смутъ и несогласій.

Въ 1542 г. на берегахъ Японіи впервые появились португальцы, которые затѣмъ повторили свои визиты сюда. Отъ нихъ японцы научились обращенію съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и методамъ приготовленія пороха.

Но въ 1547 г. случилось одно событіе, чреватое послѣдствіями. Къ стоянкѣ португальскихъ кораблей явилось два бѣглеца, по пятамъ за которыми шла вооруженная погоня. Не вникая въ поводы, которые создали для этихъ бѣглецовъ ихъ тяжелое положеніе, португальцы приняли ихъ къ себѣ на бортъ корабля и спасли отъ гибели. Затѣмъ они увезли своихъ нежданныхъ пассажировъ на Малакку, гдѣ тѣ попали въ руки энергичному іезуиту миссіонеру Франциску Ксавье. Тотъ обучилъ ихъ португальскому языку, обратилъ въ христіанство, наставилъ въ началахъ вѣры и сдѣлалъ изъ нихъ горячихъ и преданныхъ помощниковъ въ дѣлѣ пропаганды христіанской вѣры.

15 августа 1549 г. Ксавье со своими помощниками прибылъ въ Кагосиму, столицу провинціи Сатзумы. Князь Сатзумы принялъ ихъ очень сердечно и далъ имъ разрѣшеніе проповѣдывать христіанство въ Кагосимѣ. Между первыми обращенными оказались семья и родственники Анджиро, одного изъ укрытыхъ когда-то португальцами у себя на кораблѣ. Онъ самъ былъ жителемъ Кагосимы. Вскорѣ новой вѣрой заинтересовались и правящія сферы. Особое вниманіе къ ней стала выказывать принцесса Сатзумы.

Но благоволеніе къ миссіонерамъ у правителя Сатзумы опиралось, повидимому, главнымъ образомъ на желаніи завести съ португальцами прочныя торговыя отношенія. И когда португальцы выбрали для своихъ стоянокъ другую гавань —Хирадо, то въ Кагосимѣ имъ запретили заниматься проповѣдью христіанской вѣры. Тогда онъ отправился въ Хирадо, проповѣдывалъ здѣсь и затѣмъ отправился дальше по главному острову. Такъ онъ прибылъ въ Ямаучи въ провинцію Нагато. Одинокій и смиренный, онъ не произвелъ на народъ благопріятнаго впечатлѣнія, и злые толки заставили его бѣжать изъ города. Съ партіей японскихъ торговцевъ онъ отправился въ Кіото, куда и прибылъ въ 1550 г. послѣ труднаго пути. Онъ нашелъ столицу въ полномъ запустѣніи и разрушеніи. Проповѣдь его не нашла здѣсь ни малѣйшаго отклика, такъ какъ атмосфера оказалась для нея слишкомъ неподходящей. Въ слѣдующемъ году онъ уѣхалъ изъ Японіи, твердо рѣшившись устроить здѣсь миссію, и по дорогѣ умеръ.

Однако отъѣздъ и смерть Ксавье не прервали миссіонерской дѣя-

тельности въ Японіи. Оставшимся миссіонерамъ кое-гдѣ посчастливилось привлечь къ своему дѣлу и вліятельныхъ лицъ. Такъ, горячимъ послѣдователемъ новой вѣры былъ князь Омуры, который рѣшился даже на такія крайнія мѣры въ дѣлѣ пропаганды христіанства, какъ ниспроверженіе буддійскихъ идоловъ.

Въ 1573 г. портъ Нагасаки сталъ вполнѣ христіанскимъ городомъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ успѣховъ миссіонеровъ. Въ поискахъ хорошихъ гаваней, португальцы наткнулись на Нагасаки и нашли, что здѣсь могутъ имѣть прекрасную стоянку даже крупныя торговыя суда. Они уговорили князя Омуры, во владѣніяхъ котораго находилось Нагасаки, дать имъ разрѣшеніе обосноваться подъ условіемъ цѣлаго ряда льготъ. Это привилегированное положеніе миссіонеровъ привело къ тому, что городъ наполнился христіанскими церквами, которыя иной разъ поднимались рядомъ съ буддійскими храмами.

Естественно, что такой быстрый, хотя и происходящій только мѣстами, ростъ новой религіи не могъ не вызвать протеста со стороны религій, укоренившихся здѣсь уже съ давнихъ поръ—буддійской и шинтоистской. Особенно воинствующій буддизмъ сталъ теперь въ государствѣ большой силой. Въ наиболѣе темные моменты муромахской эпохи даже священники въ Кіото становились шулерами и мародерами. Только одна секта Икко обладала еще большимъ вліяніемъ, благодаря добродѣтельной жизни и краснорѣчію ея великаго проповѣдника, Ренджо. Но секта эта лучшимъ орудіемъ пропаганды считала мечъ и безъ малѣйшихъ колебаній привлекала въ свои ряды самые безшабашные элементы страны. Религіозные фанатики оказались достаточно сильными, чтобы не обращать совершенно никакого вниманія на правителей сѣверныхъ провинцій, гдѣ они себя чувствовали особенно могущественными. Шинтоистскіе первосвященники Изы также образовали военную организацію, насчитывавшую тысячи лицъ, вооруженныхъ алебардами. Буддійскіе и шинтоистскіе священники объединились теперь для того, чтобы оказать возможное сопротивленіе новой вѣрѣ.

Но христіанство въ данный моментъ нашло себѣ могучаго покровителя въ лицѣ Оды Нобунаги, который успѣлъ уже выдвинуться цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ борьбѣ съ феодальными князьями и князьками. Но среди его враговъ особенно опасными оказались буддійскіе монахи Хіэй-дзена и Хонгван-джи, монастыри которыхъ ему пришлось разорить, а монаховъ частью разогнать, частью казнить. Въ новой вѣрѣ Нобунага

надѣялся найти противовѣсъ буйнымъ и могущественнымъ организаціямъ буддійскаго монашества. И ему, дѣйствительно, удалось въ этомъ отношеніи достичь многаго: подъ его покровительствомъ, которое простиралось до того, что онъ разрѣшилъ перейти въ новую вѣру даже своему сыну, христіанство пріобрѣло въ одномъ только Кіото до 20,000 послѣдователей.

Ловкими политическими ходами и блестящими побѣдами надъ непокорными Одѣ Нобунагѣ удалось въ концѣ концовъ водворить въ странѣ миръ и спокойствіе и заставить повиноваться центральной власти даже самые буйные элементы общества. Впрочемъ и самую центральную власть онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Когда шогунъ попытался было возвратиться къ обычнымъ для шогуната пріемамъ усиленнаго обложенія своихъ подданныхъ съ цѣлью достать средства для своихъ дорогихъ затѣй, Нобунага выступилъ противъ него съ рѣзкимъ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ было изложено по пунктамъ семнадцать обвиненій.

Ода Нобунага погибъ отъ руки измѣнника: его убилъ одинъ изъ его же офицеровъ. Но мстителемъ за смерть этого одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей Японіи тотчасъ же выступилъ Хашиба-Хидейоши.

Хидейоши былъ сынъ самаго заурядnаго солдата, и будущее, повидимому, ему совершенно не улыбалось. Въ дѣтствѣ онъ не обнаруживалъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о томъ, что изъ этого ребенка выйдетъ выдающаяся личность: маленькій ростъ, некрасивое лицо, темный цвѣтъ кожи, равнодушное отношеніе ко всякаго рода знаніямъ. А между тѣмъ, благодаря своимъ талантамъ, честолюбію, глубокому пониманію человѣческой души, онъ быстро занялъ среди своихъ сверстниковъ выдающееся положеніе и быстро сталъ подниматься по лѣстницѣ военныхъ почестей и отличій. Родившись въ эпоху, когда мысль о націи или имперіи имѣла въ глазахъ военныхъ вождей очень мало значенія, онъ всетаки сумѣлъ поставить величайшей для себя задачей благосостояніе страны и достоинство имперіи и думалъ больше о величіи Японіи, чѣмъ объ увеличеніи какого нибудь лена.

Было бы утомительно останавливаться на всѣхъ тѣхъ походахъ и войнахъ, которые выпали на долю этого замѣчательнаго полководца. Достаточно сказать, что рѣдкое мужество и находчивость не разъ спасали его отъ неминуемой смерти. Послѣ смерти Оды Нобунаги ловкимъ политическимъ шагомъ ему удалось занять положеніе опекуна при дворѣ малолѣтняго шогуна. Но Ходейоши, получив-

шему впослѣдствіи еще имя Тойотоми, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ исторіи, положеніе шогунскаго опекуна было недостаточно, и онъ стремился занять постъ самого шогуна. Однако аристократическія традиціи того времени были настолько сильны, что даже такому всесильному человѣку, какъ Тойотоми Хидейоши, не удалось ихъ преодолѣть. Въ Японіи въ это время, въ дѣйствительности, было два трона, и одинъ изъ нихъ, императорскій, былъ занятъ „сыномъ неба“ (Tenshi), другой-же шогунатскій,—неизмѣнно оставался за одной изъ родовитѣйшихъ семей—Минамото. Теперь, когда во главѣ фактическаго правительства явился человѣкъ, поднявшійся изъ плебейскихъ слоевъ общества, онъ долженъ былъ встрѣтить особенно сильное сопротивленіе со стороны аристократовъ, ревниво оберегавшихъ свои привилегіи. Хидейоши, не смотря на свои огромныя и прекрасно организованныя военныя силы, не рѣшился прибѣгнуть къ прямому захвату шогунскаго престола и обратился къ Ійошіаки, экс-шогуну, низложенному Одой Нобунагой, съ просьбой усыновить его, Хидейоши, съ тѣмъ, чтобы дать императору возможность назначить его шогуномъ. Но Ійошіаки отклонилъ это предложеніе, ссылаясь на плебейское происхожденіе Хидейоши. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Хидейоши являлось назначеніе его на одну изъ высшихъ придворныхъ должностей, которая до этого момента всецѣло принадлежала роду Фудживара.

Главная забота Тойотоми Хидейоши была направлена на возможно полную концентрацію власти въ своихъ рукахъ. Насколько умно и осмотрительно онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, показываетъ его экспедиція на островъ Кіусіу противъ князя клана Сатзумы. Этотъ кланъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ горцевъ, съ давнихъ поръ отличался своей воинственностью и сумѣлъ подчинить власти своихъ феодальныхъ владѣльцевъ цѣлый рядъ сосѣднихъ провинцій. Для Тойотоми Хидейоши такимъ образомъ Шимодзу Ійошихиза, князь Сатзумы, являлся опаснымъ соперникомъ. Предлогъ къ войнѣ найти было легко, и вотъ Хидейоши высадился болѣе, чѣмъ съ двухсотъ тысячной арміей на горной территоріи гордаго князя и рядомъ побѣдъ загналъ гораздо меньшее войско Шимадзы Ійошихизы въ крѣпость Кагосиму, которую и обложилъ своими войсками. Кагосима, конечно, была въ рукахъ Хидейоши, но онъ не сталъ его штурмовать, а предложилъ Шимадзѣ весьма льготныя для побѣжденнаго князя условія: онъ долженъ былъ лишиться значительной доли своихъ владѣній, отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ въ пользу своего сына, который и считался бы по-

лучившимъ ленъ отъ императора. Такимъ путемъ онъ наносилъ непоправимый ударъ одному изъ могущественныхъ феодаловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ его въ значительной степени поводовъ къ особенно острой мести.

Тойотоми Хидейоши вообще ревниво относился къ своей власти, оберегая ее и цѣлость объединяемой имъ имперіи отъ всякихъ поползновеній, откуда бы они ни происходили. Этимъ объясняются тѣ крутыя мѣры, которыя онъ принялъ противъ христіанъ. Интриги іезуитовъ и францисканцевъ привели къ тому, что возбудили въ немъ подозрѣніе, не являются ли эти иностранные проповѣдники религіи просто агентами европейцевъ, которые затѣмъ не задумаются обрушиться на Японію вооруженными силами. Эти соображенія заставили его въ 1587 году издать эдиктъ, которымъ изгонялись изъ Японіи всѣ проповѣдники иностранныхъ религій. Въ результатѣ этого эдикта погибли на кострѣ шесть францисканцевъ и три іезуита (1593 г.). Это былъ первый случай преслѣдованія правительствомъ христіанской религіи.

Но конецъ жизни Хидейоши омрачился неудачной экспедиціей противъ Кореи. Онъ давно мечталъ напасть на Корею и завладѣть ею, но домашнія дѣла и хлопоты не позволили ему привести это намѣреніе въ исполненіе. Къ концу своей жизни онъ нашелъ однако для этого предпріятія и достаточный досугъ, и достаточно свободныя силы. Поводомъ къ войнѣ послужило непочтительное отношеніе корейскаго правительства къ посольству отъ Хидейоши. Въ 1592 г. начались военныя дѣйствія. Но Хидейоши на этотъ разъ самъ на войну не отправился, а собралъ двѣ арміи, изъ которыхъ одна попреимуществу состояла изъ христіанъ и находилась подъ предводительствомъ генерала, сочувствовавшаго христіанской религіи. Другая армія была арміей языческой. Обѣ арміи были совершенно самостоятельны и должны были лишь помогать другъ другу. Однаок обѣ арміи дѣйствовали слишкомъ самостоятельно; кромѣ того, на помощь Кореѣ были присланы довольно значительныя войска изъ Китая. Такимъ образомъ Корея, бѣдная и отвыкшая въ теченіе послѣднихъ столѣтій отъ всякихъ военныхъ дѣйствій, сумѣла оказать достаточное сопротивленіе огромнымъ и хорошо вооруженнымъ силамъ Японіи. Хидейоши умеръ, не дождавшись конца этого предпріятія. Преемники его поспѣшили возвратить японскія войска на острова и покончить съ этой неудачной войной. Впрочемъ и эта экспедиція на материкъ дала Японіи кое-что и хорошее. Вмѣстѣ съ возвратившимися войсками на японскій архипелагъ было вывезено много ремесленниковъ, которые дали большой толчекъ промышленному развитію страны.

VIII.

Подводя общій итогъ только что развернутому нами періоду феодализма, мы видимъ, что по сравненію съ имперіалистической системой, нашедшей свое яркое выраженіе особенно въ VIII ст., за это время въ жизни японскаго народа намѣтился цѣлый рядъ новыхъ теченій. Такъ, прекратила свое существованіе провинціальная армія, изъ среды которой центральное правительство набирало войска для службы въ столицѣ. Ученіе о томъ, что всякій подданный въ имперіи принадлежитъ императору такъ же, какъ ребенокъ принадлежитъ своему отцу, перестало быть активной вѣрой народа. Мѣстные вожди втерлись между народомъ и тономъ; они получили во владѣніе огромныя имѣнья, куда правительственные сборщики податей не смѣли ступить и ногой, и требовали отъ своихъ вассаловъ полнѣйшаго подчиненія вплоть до неповиновенія императорскимъ приказамъ и посламъ. У придворной знати въ Кіото также были свои вассалы, но они получали своихъ слугъ, какъ даръ отъ императора, и имѣли надъ ними лишь такую власть, которая была предусмотрѣна законами, тогда какъ провинціальные вожди распоряжались своими подчиненными безконтрольно, то награждая ихъ землями и почетными должностями, то бросая въ тюрьмы и осуждая на смертную казнь. Благодаря этой децентрализаціи, въ провинціи образовалось не мало людей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и гражданскомъ управленіи; они были привязаны къ своимъ мѣстнымъ вождямъ чувствами благодарности и законности; имъ строго воспрещалось, безъ особаго на то разрѣшенія, бросать службу у одного суверена и переходить къ другому. Японія въ представленіи этихъ вассаловъ не являлась чѣмъ-то цѣлымъ, единымъ, напротивъ, каждый ленъ казался обособленной страной.

При такихъ условіяхъ общественныя различія въ значительной степени потеряли свою остроту. Сталкиваясь съ придворной знатью, такіе провинціальные вожди по праву сильнаго отнимали у нея ея родовыя имѣнья и ея высокіе оффиціальные посты и даже отправляли представителей ея въ изгнаніе или осуждали на смертную казнь. Среди этихъ мѣстныхъ правителей и военоначальниковъ и ихъ помощниковъ было не мало людей, вышедшихъ изъ простого народа. Благодаря этому, различіе между *ryomin* (благородными) и *semmin* (простолюдіемъ) начало скрадываться. Стала намѣчаться новая общественная классификація не на основаніи случайностей

рожденія, а на почвѣ профессіональныхъ различій. На первомъ мѣстѣ теперь появился военный классъ (*shi*), за нимъ стоялъ земледѣльческій (*no*), далѣе промышленный (*ko*) и, наконецъ, торговый (*sho*). Такое уваженіе къ земледѣльческому классу объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ являлся главнѣйшимъ плательщикомъ всѣхъ податей и налоговъ.

Но эта классификація *shi-no-ko-sho* не охватывала еще цѣлаго ряда профессій, которыя имѣются въ каждомъ организованномъ обществѣ. Были еще отверженныя профессіи, которыя изданы были религіозными предразсудками того времени. Представленія о чистомъ и нечистомъ, которыя были разработаны буддійской и шинтоистской религіей съ крайней тщательностью и подробностью, считали оскверняющими человѣка цѣлый рядъ занятій. Такъ сюда относилась всякая работа, при которой необходимо приходить въ соприкосновеніе съ трупами животныхъ или человѣка и со всевозможными отбросами. Затѣмъ такимъ же пренебреженіемъ пользовались всѣ занятія, которыя посвящались удовлетворенію чувственной стороны человѣческой природы и для которыхъ не существовало опредѣленной шкалы вознагражденія. Такимъ образомъ значительной части населенія пришлось жить жизнью отверженныхъ.

Всѣ эти нечистыя профессіи описывались (не совсѣмъ точно), подъ однимъ терминомъ *eta*. Во главѣ *eta* стояли *chori*, которые первоначально были буддійскими монахами, посвятившими себя уходу за больными (болѣзнь тоже считалась явленіемъ оскверняющимъ), а затѣмъ это были оффиціальныя лица, которымъ (со временъ Іёоритомо) поручался полный контроль надъ лицами, не вошедшими ни въ одинъ изъ указанныхъ выше классовъ военныхъ, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ. Насколько такіе чиновники являлись господами положенія, видно по тѣмъ огромнымъ богатствамъ, которыя они скопили. Но тѣмъ не менѣе и они, какъ и всѣ ихъ подчиненные, оставались отверженными, которымъ было запрещено смѣшиваться путемъ браковъ съ остальными классами общества.

Феодальный періодъ былъ временемъ цѣлаго ряда конвульсивныхъ вспышекъ гражданскихъ междуусобицъ, которыя часто сопровождались разореніемъ и опустошеніемъ огромныхъ площадей территорій японскаго архипелага. При такихъ условіяхъ вся жизнь страны приняла характеръ такихъ же конвульсивныхъ вспышекъ. Если наставалъ промежутокъ нѣкотораго успокоенія, всѣ, кто могъ, отдавались роскоши и порокамъ. Въ это время устраивались грандіозныя празднества, возводились роскошные дворцы и храмы. Но

вотъ наступалъ періодъ борьбы, и недавнія мѣста веселья и радости лежали въ развалинахъ и пеплѣ. Кіото являлся въ этомъ отношеніи какъ бы политическимъ барометромъ. Когда этотъ городъ достигалъ наибольшаго великолѣпія и блеска, это значило, что у самыхъ воротъ его стояла революція. Зенитомъ славы его, вѣроятно, надо считать время Ашикаги Ійошимитсу (1368—1374), который энергично принялся за благоустройство столицы, полагая, что лучшаго употребленія для народныхъ денегъ трудно найти. Пагода въ 360 футовъ высотой и „золотой павильонъ" значатся въ числѣ построекъ, возведенныхъ имъ. А въ серединѣ слѣдующаго столѣтія столица Японіи уже лежала вся въ развалинахъ.

Но безпокойная жизнь первыхъ четырехъ столѣтій японскаго феодализма обусловила, однако цѣлый рядъ коренныхъ перемѣнъ въ обычаяхъ и привычкахъ націи. Мы уже видѣли, что сословныя рамки подверглись за этотъ періодъ кореннымъ измѣненіямъ. Такія же измѣненія можно было бы прослѣдить и въ матеріальной культурѣ страны: и въ архитектурѣ, и въ одеждѣ, и въ кухнѣ, и въ развлеченіяхъ, по крайней мѣрѣ, достаточнаго класса. Мы видѣли также, что за эти четыре столѣтія произошло значительное сближеніе высшихъ классовъ: придворной знати и воинственныхъ самураевъ. Это сближеніе привело къ тому, что грубые и суровые провинціалы-самураи усвоили многое изъ изнѣженныхъ и распущенныхъ нравовъ придворной аристократіи. Правительство время отъ времени пыталось пріостановить этотъ ростъ роскоши и распущенности, издавая соотвѣтственные законы, но они, какъ и слѣдовало ожидать, въ большинствѣ случаевъ не достигали цѣли.

Такой поворотъ привычекъ привилегированныхъ классовъ въ сторону болѣе утонченной и роскошной жизни представлялся тѣмъ болѣе опаснымъ, что обложеніе народа было и безъ того весьма значительнымъ, такъ какъ обширный военный классъ самураевъ, составлявшій армію того времени, жилъ исключительно на общественный счетъ, совершенно не участвуя въ производительной дѣятельности страны.

Мы уже говорили, что главная тяжесть налоговъ падала на земледѣльческій классъ; вотъ почему для государства было въ высшей степени важно не упускать изъ своихъ соображеній ни на минуту платежеспособность земледѣльца. Эту идею государство въ дѣйствительности никогда и не упускаетъ изъ виду, что особенно рельефно сказывается въ принятыхъ съ того времени единицахъ измѣренія площадей земли. Основной единицей для такихъ измѣреній была принята площадь, кото-

рая можетъ дать количество риса, достаточное для дневного пропитанія взрослаго мужчины — его дневной паекъ. Такая площадь составляетъ квадратъ, сторона котораго равняется двумъ шагамъ, или шести футамъ и называлась *tsubo*. Эта единица остается неизмѣнной и до настоящаго времени. Площадь, дающая мужчинѣ его годовой продовольственный паекъ риса, или 360 *tsubo*, называлась *tan*. Далѣе слѣдовали десятичныя отношенія: десятая доля *tan* была *se*, а десять *tan* составляли *cho*. Каждый *tan* въ среднемъ долженъ производить 50 сноповъ—*soku*, при чемъ каждый *soku* состоялъ изъ 32 связокъ—*ha*, а каждое *ha* изъ трехъ такихъ пучковъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть сразу захваченъ рукой,—*nigiri*. Надо замѣтить, что съ мѣрой *soki* мы постоянно встрѣчаемся во всѣхъ налоговыхъ разсчетахъ того времени. За единицу емкости былъ принятъ деревянный ящикъ, который заключалъ одну десятую вышелушеннаго сѣмени, полученнаго отъ снопа; точно измѣренный объемъ этой мѣры получилъ впослѣдствіи названіе *to*; десять *to* (или зерна, полученныя съ цѣлаго снопа) были *koku* (3.43 бушелей).

Древнѣйшая исторія страны показываетъ, что земельнымъ налогомъ былъ обложенъ каждый *tan*. Въ седьмомъ вѣкѣ обложеніе равнялось лишь $6^0/_0$ урожая. Къ серединѣ девятаго налогъ уже сообразовался съ производительностью земли: лучшія земли платили $20^0/_0$ урожая. Въ двѣнадцатомъ столѣтіи онъ уже возросъ до $32^1/_2{}^0/_0$, при чемъ $30^0/_0$ шли центральному правительству, а $2^1/_2$ — мѣстному.

Въ добавленіе къ сбору зерномъ жители должны были удѣлять государству извѣстное количество изготовленной ткани: шелковой, хлопчато-бумажной и др. Если перевести этотъ сборъ на стоимость риса и приложить вышеуказанные $32^1/_2{}^0/_0$ жатвы, то окажется, что сборщики податей отбирали въ наиболѣе напряженное время обложенія (конецъ V в.—половина XII) до $70^0/_0$ всей жатвы у населенія, которое къ тому же должно было поставлять военное оружіе и являться на принудительныя работы, составлявшія для каждаго взрослаго мужчины, въ возрастѣ отъ 21 г. до 66 л., тридцать дней въ году.

Нельзя, конечно, не признать такое налоговое бремя чрезмѣрно тяжелымъ, и правительство это само сознавало. Въ XIII вѣкѣ цѣлый рядъ наиболѣе способныхъ шогуновъ всѣ усилія свои приложилъ къ тому, чтобы облегчить обложеніе населенія. И, дѣйствительно, во второй половинѣ XIII столѣтія общіе налоги были уменьшены до $40^0/_0$ всей доходности земли.

Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ, однако, налоги

поднимались опять—при наиболѣе расточительныхъ шогунахъ,—до 70% всей жатвы.

Кромѣ того, правительство средневѣковой Японіи прибѣгало иногда и къ принудительнымъ займамъ, выдавая при этомъ своимъ заимодавцамъ соотвѣтствующія обязательства. Крупные земельные магнаты особенно часто практиковали подобныя мѣры по отношенію къ купцамъ. Въ такихъ случаяхъ проценты по займамъ обыкновенно не уплачивались, а иногда оказывалась потерянной и вся сумма, хотя, вообще говоря, проценты, уплачиваемые въ то время, были очень высоки. Нѣсколько разъ, когда народныя массы слишкомъ запутывались въ своихъ частныхъ долгахъ, правительство объявляло уничтоженіе всѣхъ обязательствъ такого рода къ извѣстному сроку. Само собою понятно, что подобная угроза еще больше заставляла поднимать процентъ по займамъ, побуждая заимодавца выше оцѣнивать свой рискъ. Такимъ образомъ эта мѣра, если и была для кого выгодна, то исключительно для крупныхъ магнатовъ и правительственныхъ чиновниковъ, которые, благодаря ей, сильно поправляли свои дѣла.

Тойтоми Хидейоши, крайне обременившій народъ высокими налогами и податями, вмѣстѣ съ тѣмъ провелъ нѣсколько разумныхъ законовъ, поставившихъ дѣло риска на болѣе высокій уровень, чѣмъ это было до него. Такъ онъ потребовалъ, чтобы обложенію подлежали и земли, находившіяся въ распоряженіи придворной знати и военнаго класса. Онъ запретилъ далѣе сборщикамъ податей брать въ свою пользу „за трудъ“ болѣе 2% собираемаго налога.

При такомъ тяжеломъ обложеніи плательщики при всякомъ удобномъ случаѣ стремились какъ нибудь уклониться отъ уплаты тяжелыхъ налоговъ. Конечно, при этомъ должны были процвѣтать и обманъ въ оцѣнкѣ жатвы, и подкупъ, и бѣгство со своихъ земель. Но послѣднее правительствомъ преслѣдовалось особенно сильно, при чемъ наказаніе распространялось не только на родственниковъ бѣжавшаго, но и на его друзей и сосѣдей.

Въ XVII и XVIII столѣтіи, къ которымъ намъ вскорѣ придется перейти, налоги упали до 40% валовой доходности земли и на этомъ уровнѣ оставались вплоть до эпохи великихъ реформъ.

Замѣтимъ кстати, что налоговая система далеко не отличалась однообразіемъ. Наиболѣе сильные феодалы не желали сообразоваться ни съ какими указаніями изъ Іедо и устанавливали системы обложенія по своему усмотрѣнію. Но тѣмъ не менѣе едва ли гдѣ налоги падали ниже только-что указаннаго уровня (40%).

IX.

Значительная доля всѣхъ этихъ налоговъ поглощалась, какъ мы уже сказали, военнымъ классомъ — самураями, которые въ XII столѣтіи образовали окончательно обособленную общественную группу, которая и съ внѣшней стороны, и по одеждѣ, и по праву носить двѣ сабли, — стала обладать цѣлымъ рядомъ особыхъ признаковъ. Но, несмотря на всю эту обособленность—и въ юридическомъ и въ профессіональномъ отношеніяхъ — самураи, или *bushi*, были плотью отъ плоти народныхъ массъ. Они не были отдѣлены отъ народа ни расовыми особенностями, ни отношеніями побѣдителей къ побѣжденнымъ; они просто-на-просто были профессіоналами, которые, въ силу временнаго спроса на свою профессію, заняли въ государствѣ выдающееся положеніе. Этимъ объясняется многое въ теченіи японской исторіи. Присмотримся же поближе къ духовному облику этихъ наиболѣе активныхъ силъ Японіи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Правила поведенія, предписываемыя для *bushi*, различались въ большей или меньшей степени въ различныхъ частяхъ Японіи: каждый феодалъ могъ измѣнять ихъ въ ту или другую сторону, сообразуясь со своими взглядами и убѣжденіями. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ этихъ провинціальныхъ кодексахъ оставалось очень много общаго и по тому или другому изъ типичныхъ сборниковъ этого рода можно составить себѣ ясное представленіе о томъ, чего требовало общество отъ самурая. Однимъ изъ самыхъ типичныхъ сборниковъ этого рода является работа Като-Кійомозы, знаменитаго генерала XVI столѣтія.

Изъ его работы мы видимъ, что между самураемъ и придворнымъ аристократомъ того времени лежала цѣлая пропасть. Танцы, красивые костюмы, игра стихами, роскошь совершенно были запрещены для *bushi*, и Кійомоза говоритъ обо всѣхъ этихъ утѣхахъ жизни въ такомъ тонѣ, который не могъ не оскорбить придворную знать. Напротивъ воздержанность, преданность и почтительность къ родителямъ считались основными добродѣтелями *bushi*. Получая все готовымъ отъ феодаловъ, которымъ они принадлежали, и занятые походами или сраженіями или подготовкой къ нимъ, *bushi* привыкли свысока относиться ко всякимъ мирнымъ занятіямъ и считали прямо-таки неприличными для себя какіе либо меркантильные

разсчеты. Bushi къ тому же были стойкими и считали полезнымъ воспитывать свою душу на страданіяхъ и лишеніяхъ. При такихъ условіяхъ они привыкали смотрѣть смерти прямо въ глаза и считать самоубійство, – знаменитое харакири—почетнымъ выходомъ изъ жизни, когда она не оставляла человѣку возможности продолжать почетное и честное существованіе. Право на самоубійство въ извѣстныхъ случаяхъ считалось почетнымъ правомъ самурая (bushi). Уйесуги Кентинъ, одинъ изъ выдающихся полководцевъ XVI ст., въ своемъ кодексѣ считалъ для bushi высшимъ наказаніемъ лишеніе оружія, а смертный приговоръ оказывался уже на второй ступени лѣстницы наказаній.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ характерѣ bushi выступаетъ много и темныхъ пятенъ. Безпечность, жестокость, жажда мести, для удовлетворенія которой всѣ средства считались одинаково пригодными.

Въ этическихъ взглядахъ ихъ было много своеобразнаго. Такъ они съ гордостью говорили, что самураи никогда не лгутъ. Но это не значило, что bushi никогда не рѣшится прибѣгнуть къ обману. Нѣтъ, правдивость онъ цѣнилъ не ради истины; позорнымъ было лгать изъ трусости, а не вообще лгать. Точно также и патріотизмъ у него былъ особый, феодальный. Выше всего онъ ставилъ успѣхи и процвѣтаніе того лена, къ которому онъ принадлежалъ. Японія въ цѣломъ, какъ отечество, для него не существовала, хотя преклоненіе передъ императоромъ и сохранялось въ его душѣ въ видѣ пережитковъ древней религіи. Впрочемъ, эта привязанность была скорѣе не къ императору, а къ императорскому трону. Вообще на любой страницѣ японской исторіи можно встрѣтить указанія на то, что въ этой странѣ на первое мѣсто выдвигались всегда тѣ или другія учрежденія, а личность отступала на задній планъ.

Духовный обликъ bushi въ значительной степени опредѣлялся запасомъ тѣхъ идей, которыя находились въ обращеніи въ его средѣ. Мы знаемъ уже, что основы своей матеріальной и духовной культуры Японія во многихъ отношеніяхъ позаимствовала отъ Китая. Отъ него она научилась считать основой общественнаго строя пять слѣдующихъ отношеній: правителя и управляемаго, мужа и жены, отца и сына, старшаго брата и младшаго брата и друга къ другу. На этихъ пяти отношеніяхъ, по мнѣнію тогдашняго японскаго общества, должно было обосноваться идеальное общество. Авторитетъ, руководимый справедливостью и благоволеніемъ, со стороны правителя, мужа, отца, старшаго брата, подчиненіе, руководимое справедливостью и искренностью со стороны управляемаго

жены, сына и младшаго брата, взаимное преуспѣяніе въ добродѣтеляхъ со стороны друзей—вотъ тѣ главнѣйшія движущія силы, которыя, по мнѣнію образованныхъ людей того времени, должны были придать обществу совершенныя формы. Все это были идеи Конфуція. Но китайскій мудрецъ, указывая на обязанности быть искреннимъ и вѣрнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не указывалъ, какимъ путемъ можно было бы эти обязанности реализовать въ жизни. Японская дѣйствительность справилась съ этой задачей самостоятельно: опираясь на требованія новой философіи, самураи оживили традиціи старой японской практики. Такимъ путемъ въ практикѣ самураевъ выступила опять *junshi*, „смерть сообща“. Кровавый обычай этотъ ведетъ свое начало изъ далекаго прошлаго. Еще въ доисторической Японіи, какъ мы видѣли, существовала вѣра въ то, что за гробомъ человѣкъ продолжаетъ такое же существованіе, какое онъ велъ и по сю сторону могилы. Вотъ почему вмѣстѣ съ останками закапывались и различные предметы домашняго обихода. Но этого было мало. Усопшему могли понадобиться слуги, вассалы и жены. Отсюда требованіе, чтобы всѣ эти лица отправлялись въ загробный міръ вслѣдъ за своимъ владыкой. Въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. законъ, повелѣвавшій такія убійства и самоубійства, былъ отмѣненъ, но обычай былъ сильнѣе закона. Правительство начало бороться съ этимъ предразсудкомъ и въ періодъ наиболѣе изнѣженныхъ нравовъ сумѣло добиться въ этомъ направленіи нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ. Теперь, когда нравы, по крайней мѣрѣ извѣстной части общества, опять стали болѣе суровыми и жестокими, жизнь подъ вліяніемъ новой философіи опять возстановила почти во всей силѣ старый, почти забытый обычай, и этотъ возвратъ къ пережитому является, конечно, типичной черточкой для описываемаго нами состоянія общественныхъ силъ. Люди снова стали совершать надъ собой самоубійства то въ одиночку, то цѣлыми сотнями сразу для того, чтобы сопровождать за могилу своего сюзерена и тамъ продолжать исполнять свои обязанности по отношенію къ нему. Насколько широко распространена была эта практика, можно судить по могиламъ вождей, которыя почти повсюду окружены могилами своихъ вассаловъ, отказавшихся продолжать свое существованіе, когда земной владыка ихъ уже ушелъ въ загробный міръ. Массовое исполненіе этого обычая продолжалось до половины XVII столѣтія, а отдѣльные случаи—даже до половины XIX ст. Правительству стоило огромнаго труда провести въ общество сознаніе новой мысли, что подобныя самоубійства являются преступленіемъ по отношенію къ наслѣднику усопшаго.

Это равнодушіе къ смерти впрочемъ является вообще типичной чертою японскихъ воиновъ. Наличность ея въ характерѣ японскихъ самураевъ объясняется традиціоннымъ воспитаніемъ молодежи, идеи котораго нашли себѣ поддержку въ буддизмѣ, проникшемъ на японскій архипелагъ изъ Китая. Японскій юноша съ малыхъ лѣтъ свыкался съ мыслью, что самоубійство можетъ явиться естественнымъ концомъ его земного существованія; онъ съ малыхъ лѣтъ усваивалъ себѣ ужасные пріемы хара-кири. Японская дѣвушка также прекрасно умѣла обращаться съ кинжаломъ, чтобы въ ужасный моментъ нанести имъ себѣ вѣрный ударъ въ сердце. Догмы буддизма, говоря вообще, распадаются на двѣ доктрины: спасеніе вѣрой и спасеніе дѣломъ. Главной представительницей послѣдней доктрины являлась секта Дзенъ, которая предписываетъ „созерцаніе“, какъ средство просвѣщенія, — „созерцаніе“, доводящее субъекта до полной оторванности отъ реальнаго міра, до того состоянія, при которомъ онъ долженъ быть готовъ всякую судьбу встрѣтить съ одинаковымъ безразличіемъ.

Но буддизмъ и конфуціанство, толкая японскаго самурая въ область безразличнаго отношенія къ смерти и безпредѣльной преданности къ своимъ вождямъ и повелителямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ учили его критически смотрѣть на окружающую дѣйствительность, не принижать своего собственнаго достоинства, справляться съ идеалами своей личности. Конфуцій признавалъ, что право на управленіе божественнаго происхожденія, но если личный характеръ и поведеніе правителя дѣлаютъ его недостойными той высокой чести, которая выпала на его долю, то этотъ правитель долженъ быть удаленъ или кѣмъ нибудь изъ членовъ его семьи, или однимъ изъ высшихъ государственныхъ чиновъ, или просто даже „слугою неба“.

X.

Но если военная эпоха въ исторіи Японіи создавала въ народѣ грубые и жестокіе нравы, понижала уровень духовной его культуры, то, съ другой стороны, въ силу какого-то контраста въ эту самую военную эпоху получилъ дальнѣйшее развитіе и свое окончательное завершеніе цѣлый рядъ самыхъ утонченныхъ обычаевъ, привычекъ и искусствъ, которыя оказывали сильное смягчающее и облагораживающее воздѣйствіе на народную душу.

Такъ именно въ это время достигло своего наивысшаго развитія

искусство садоводства. Это было дѣйствительно обширное искусство, которому отдавали свои силы многіе выдающіеся таланты, которому были посвящены многотомныя произведенія. Въ томъ видѣ, въ какомъ садоводство существовало тогда и существуетъ съ тѣхъ поръ въ Японіи, оно никогда не появлялось на европейскомъ континентѣ. Для японцевъ природа доставляла щедрой рукой лишь сырой матеріалъ, при помощи котораго они выражали свои символы. Какъ тщательно долженъ былъ изучаться весь этотъ сырой матеріалъ природы для того, чтобы символы, изображаемые при помощи его, отличались силой, яркостью, стройностью, цѣлостностью. И мы, дѣйствительно, видимъ, что, напр., однимъ только скаламъ и камнямъ, которые разбрасывались въ различныхъ частяхъ парковъ, помѣщались отдѣльныя обширныя литературныя произведенія. Въ классификаціи однихъ только камней мы находимъ 138 главнѣйшихъ камней и скалъ, кромѣ множества побочныхъ группъ: въ одномъ мѣстѣ должны помѣщаться скалы, изъѣденныя ударами бѣшеныхъ волнъ океана, въ другомъ — валуны, нѣжно обточенные свѣжими и тихими струями лѣснаго ручейка; здѣсь поднимается гряда, перерѣзавшая путь шумливому потоку и гордо сопротивляющаяся движенію бѣгущей воды, тамъ покорно и безпомощно лежатъ груды камней, выброшенныя разсвирѣпѣвшимъ водопадомъ. Внимательный глазъ истиннаго любителя природы подмѣчаетъ особенность формъ, красокъ, размѣровъ частей неодушевленной природы, поставленныхъ стихіями то въ драматическія, то въ идиллическія условія. Но если неодушевленная природа доставляла столько хлопотъ и работы искусному садоводу, когда онъ хотѣлъ, оставаясь вѣрнымъ природѣ, заставить ее говорить своимъ языкомъ, то еще больше труда выпадало на долю тѣхъ, кому приходилось добиваться того же отъ живого растительнаго царства: трава, кусты, деревья, цвѣты, мохъ, живыя изгороди и длинныя алеи высокихъ деревьевъ — все служило предметомъ тщательнаго и обширнаго изученія. И, надо сознаться, что въ области декоративнаго садоводства (и вообще декоративнаго искусства) японская нація достигла такихъ результатовъ, о которыхъ не можетъ быть рѣчи нигдѣ больше на земномъ шарѣ. Здѣсь геній японскаго народа развернулся во всю свою силу.

Это же тонкое пониманіе природы, это умѣнье пользоваться ея красотами сказалось въ комнатномъ садоводствѣ и цвѣтоводствѣ. Японецъ не понимаетъ прелести того грубаго и по формѣ и по яркости и пестротѣ красокъ набора цвѣтовъ, который представляютъ наши букеты. Японецъ беретъ растеніе въ цѣломъ; онъ умѣетъ найти

и подчеркнуть красоту не въ одной только формѣ и окраскѣ цвѣта; изгибы линій вѣтвей, контуры листьевъ, посадка вѣтокъ—все это даетъ обширный матеріалъ для того, кому открыто тонкое пониманіе красоты. Вотъ почему дома и окна японцевъ украшены не букетами, а отдѣльными цвѣтами и вѣтками, взятыми въ такой посадкѣ, въ какой вы найдете ихъ часто въ живой природѣ. Вотъ почему въ маленькихъ садахъ и на верандахъ ихъ маленькихъ домовъ вы такъ часто встрѣтите уголки изъ растеній-карликовъ, сохранившихъ всѣ специфическія черты настоящихъ большихъ деревьевъ и кустовъ и поставленныхъ въ такія комбинаціи, которыя невольно переносятъ ваше воображеніе изъ окружающей городской обстановки на вольную волю природы. Это искусство опять таки высшаго своего развитія достигло въ описанную нами эпоху смутъ и междуусобной борьбы.

Въ это же время опредѣлилась во всей своей граціи и сложности знаменитая японская чайная церемонія. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь на ея описаніи. Скажемъ только, что у ней былъ свой сложный ритуалъ, свои исполнители, свои костюмы, своя обстановка, что она имѣла свое философское обоснованіе, подсказанное ей буддійской религіей, и свои особыя этическія задачи, стремившіяся смягчить дикіе военные нравы, успокоить душу, разбушевавшуюся въ обстановкѣ борьбы. Церемоніи приготовленія чая были посвящены опять таки многотомныя произведенія; она ежедневно повторялась многими десятками лицъ въ безчисленныхъ чайныхъ домикахъ, разбросанныхъ по лицу японскаго архипелага, большею частью въ самой живописной и дикой обстановкѣ. Ритуалу этой церемоніи съ величайшей охотой и точностью слѣдовали самые выдающіеся дѣятели тогдашней Японіи. Вся она протекала въ такой эстетической и утонченной обстановкѣ, что оставила глубочайшій слѣдъ на всемъ бытѣ народа и вызвала цѣлый рядъ глубокихъ процессовъ въ искусствѣ и ремеслахъ страны.

Типичнымъ въ данномъ отношеніи является также то, что однимъ изъ любимыхъ развлеченій того времени была въ аристократическихъ и военныхъ кругахъ игра въ отгадываніе различныхъ благовонныхъ запаховъ, которые составлялись извѣстнымъ образомъ иногда изъ довольно сложныхъ комбинацій. Играющій долженъ былъ не только отгадать самый запахъ, но подыскать для него въ видѣ изреченія или стихотворенія подходящій поэтическій образъ. Сколько опять тутъ требовалось тонкости чувства, живости ума, яркости воспріятія!

Танцы, пѣніе и музыка и въ этотъ періодъ пользовались широкимъ гостепріимствомъ у японскаго народа. Въ этотъ періодъ борь-

бы Японія выработала и свой знаменитый речитативъ, который на островахъ ея подвергся такой глубокой разработкѣ. Къ этому же періоду слѣдуетъ отнести и начало драмы, которая выросла изъ танцевъ, пѣнія и музыки.

Конечно, всѣ эти теченія находили для себя наиболѣе яркое выраженіе въ достаточныхъ и богатыхъ классахъ. Но къ концу военной эпохи они сумѣли пробить себѣ достаточно глубокое ложе и въ народныхъ массахъ. Народъ въ это время имѣлъ и свои крошечные парки, составленные также съ тонкимъ пониманіемъ природы и съ рѣдкимъ умѣньемъ пользоваться ея красотами для выраженія своихъ идей и символовъ, и свои чайныя церемоніи, не столь пышныя, какъ у аристократовъ, но столь преисполненныя граціи и самой задушевной вѣжливости, и свои цвѣточные праздники, и свои танцы, въ которыхъ насчитывались иногда сотни участниковъ.

Однимъ словомъ, и въ эту темную японской исторіи—полосу феодальной борьбы,—душа японскаго народа не заснула. Она разработала рядъ этическихъ вопросовъ, она усовершенствовала и углубила свое эстетическое воспитаніе. Но, понятно, періодъ борьбы отозвался тяжело на благосостояніи народа и наложилъ немало темныхъ пятенъ на его національный характеръ

VI.

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ.

(Эпоха Токугавы).

I.

Хидейоши, умирая, оставилъ послѣ себя пятилѣтняго сына. Незадолго до смерти онъ успѣлъ учредить регентство, во главѣ котораго поставилъ одного изъ главныхъ своихъ подвижниковъ и ближайшихъ друзей Токугаву Ійейазу.

Какъ только Хидейоши закрылъ глаза, феодалы, вольности которыхъ при немъ были такъ сильно сокращены, попытались высвободиться изъ-подъ опеки шогуна. Составился заговоръ, и заговорщикамъ удалось выставить при Осака армію въ 128.000 человѣкъ. Ійейазу рѣшился дѣйствовать энергично. Правда, онъ располагалъ только семидесятипятитысячной арміей, но онъ разсчитывалъ на свою военную удачу и на свой военный опытъ. Дѣйствительно, въ кровопролитной битвѣ въ октябрѣ 1600 г. онъ разбилъ войска своихъ соперниковъ и умѣло воспользовался плодами побѣды. Теперь феодалы были у него въ рукахъ. Надо было сдѣлать ихъ безвредными. Политическій тактъ подсказалъ Ійейазу планъ ближайшихъ дѣйствій. Часть феодаловъ въ наказаніе были лишены или совсѣмъ, или отчасти своихъ леновъ. Ихъ земли были пожалованы наиболѣе преданнымъ вассаламъ Токугавы. Они составляли теперь больше половины всѣхъ феодальныхъ сюзереновъ: 158 дайміосовъ изъ 263. Но, оставляя нетронутыми многія изъ старыхъ враждебныхъ ему семействъ, онъ умѣло распредѣлилъ между ихъ землями своихъ приверженцевъ. Этимъ онъ устранялъ на будущее время возможность большихъ заговоровъ, охватывающихъ сплошь большія территоріи.

Ослабивъ дайміосовъ такимъ искуснымъ расположеніемъ ихъ ле-

новъ, онъ поторопился ограничить еще дальше ихъ сюзеренныя права. Такъ феодалу вмѣнялось теперь въ обязанность испрашивать согласіе шогуна, если онъ хотѣлъ вступить въ бракъ или приступить къ сооруженію крѣпости, или къ постройкѣ большого корабля, или начать какія либо военныя приготовленія, или основать новый храмъ. Вассаламъ было строго запрещено переходить со службы одного феодальнаго князя къ другому, а самихъ дайміосовъ обязали черезъ каждые два года проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ теперешней столицѣ шогуна —Іедо; сыновья же ихъ должны были оставаться здѣсь на всю свою жизнь въ качествѣ заложниковъ. Этой послѣдней мѣрой Ійейазу Токугава добился быстраго и пышнаго разцвѣта своей столицы: богатые феодалы стали тянуться за роскошью придворной жизни іедской знати и энергично принялись за постройку дворцовъ и разбивку парковъ, въ которыхъ они коротали мѣсяцы обязательнаго пребыванія въ резиденціи шогуна. Впрочемъ Ійейазу внимательно слѣдилъ, чтобы въ однѣхъ рукахъ не сосредоточивалось большихъ богатствъ: какъ только являлась такого рода опасность, на соотвѣтственнаго феодала тотчасъ же налагалась какая нибудь большая общественная работа.

Ійейазу прекрасно сумѣлъ урегулировать свои отношенія и къ императорской власти. Вскорѣ послѣ своей побѣды надъ соединенными силами враждебныхъ ему феодаловъ, онъ отправилъ своего сына къ императору съ докладомъ о всемъ случившемся. Императоръ былъ тронутъ такимъ непривычнымъ для него вниманіемъ, утвердилъ всѣ распоряженія Ійейазу, призналъ его шогуномъ и утвердилъ шогунатское достоинство въ качествѣ наслѣдственной привилегіи за его родомъ. Теперь подъ ногами у Ійейазу была твердая почва: онъ могъ утверждать, что всякій возставшій противъ него являлся мятежникомъ противъ императорской воли.

Но Ійейазу пошелъ дальше. Сохраняя за императоромъ весь внѣшній почетъ, какимъ только люди могли окружить сына боговъ, онъ постарался оттѣснить его отъ всякой возможности вмѣшиваться въ дѣйствительную жизнь. Людскія волненія и дѣла не должны были безпокоить мирнаго существованія этого земного божества. Число лицъ, имѣющихъ доступъ къ личности микадо, было строго ограничено, но зато ни одно распоряженіе императора не могло вступить въ силу безъ подписи шогуна. Шогунъ такимъ образомъ представлялъ изъ себя впервые въ исторіи Японіи отвѣтственное правительство.

Ійейазу оказался замѣчательнымъ политическимъ дѣятелемъ, и

его работа гладко подвигалась впередъ. Но на горизонтѣ его все-таки было одно темное облачко, которое грозило при удобномъ случаѣ обратиться въ громовую тучу. Это былъ Хидейори, сынъ Хидейоши, порученный отцомъ попеченіямъ Ійейазу. Онъ вмѣстѣ со своею матерью жилъ въ сторонѣ отъ активной политики. Но Ійейазу хорошо понималъ, что этотъ теперь двадцати-трехлѣтній юноша во всякій моментъ можетъ явиться ядромъ, вокругъ котораго сплотятся недовольные элементы страны. Выискавъ какой-то поводъ, Ійейазу отправилъ огромную армію противъ Хидейори, который засѣлъ въ крѣпости Осака. Послѣ упорной осады, Осака была взята, но ни Хидейори, ни его матери во взятой крѣпости не нашли: они, какъ говорятъ, погибли въ пламени пожарища.

Во внѣшнихъ отношеніяхъ Ійейазу старался вести возможно мирную политику. Онъ заключилъ миръ съ Кореей, отказался отъ всякаго участія въ междоусобіяхъ китайской имперіи, въ которыя его старались втянуть. Онъ сдѣлалъ, наконецъ, первыя попытки изолировать Японію, приказавъ уничтожить всѣ крупные корабли.

Хотя во внутренней политикѣ Ійейазу демократическія тенденціи и не успѣли выступить въ достаточно яркой формѣ, но тѣмъ не менѣе интересы низшихъ классовъ общества, повидимому, начали привлекать его вниманіе, какъ это видно изъ его завѣщанія, оставленнаго сыну и наслѣднику. Впрочемъ это увлеченіе демократическими теченіями объясняется у Ійейазу не только стремленіемъ опереться на народныя массы въ своей борьбѣ съ феодалами, но и идейными теченіями, начавшими обозначаться въ общественной мысли и вызванными къ жизни отчасти имъ самимъ. Желая смягчить военные нравы, онъ началъ усиленно покровительствовать литературѣ, которая тогда цѣликомъ заимствовалась изъ Китая. Японскіе ученые того времени особенно высоко ставили литературныя произведенія Конфуція. Подъ покровительствомъ шогуна мысли этого учителя жизни о томъ, что благо народа должно быть первой заботой правительства, начали все больше и легче проникать въ сознаніе общества, разсѣивая сѣмена новаго демократическаго настроенія.

II.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ шаговъ, предпринятыхъ Ійейазу и оставившихъ глубокій слѣдъ на всей исторіи Японіи, была первая попытка поставить острова японскаго архипелага въ изолированное

положеніе относительно всѣхъ чужеземцевъ. Это стремленіе пріемниками названнаго шогуна было проведено въ жизнь со всею послѣдовательностью до самаго логическаго конца его, и японскому народу пришлось провести почти два столѣтія за дверями, закрытыми отъ всего окружающаго міра. Послѣдствія такой политики, конечно, были огромны, и мы приведемъ здѣсь вкратцѣ тѣ причины, которыя опредѣлили ея наличность, и тѣ наиболѣе важныя историческія событія, которыми сопровождалась реализація этой политики въ жизни.

Японцы съ давнихъ поръ были способною морской націей. По крайней мѣрѣ, берега Кореи и Китая сильно страдали отъ японскихъ пиратовъ въ теченіе всей феодальной эпохи. Эти морскіе разбойники держали сосѣднія моря въ полной своей власти. Они грабили купеческіе корабли и жгли приморскіе города, умѣя во-время уклониться отъ ловушекъ, которыя устраивали имъ обиженныя государства. Ихъ похожденія вообще сильно напоминали похожденія нашихъ европейскихъ викинговъ. Но ни одни грабежи и разбои были задачей этихъ морскихъ дружинъ. При случаѣ они принимались за торговыя операціи, и такимъ образомъ завязывались и мирныя сношенія съ сосѣдними государствами. Во всѣ эти международныя сношенія правительство не вмѣшивалось: не мѣшало оно грабить, не мѣшало и торговать, кому и какъ хотѣлось. Если кто и извлекалъ изъ всего этого нѣкоторую выгоду, такъ это были прибрежные дайміосы, но и то всѣ распоряженія въ этой области являлись ихъ частнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ въ національномъ характерѣ японцевъ ничего не было такого, что обусловливало бы ихъ нетерпимость къ иностранцамъ. Напротивъ, они, какъ мы видѣли, очень охотно заимствовали многое отъ китайской и корейской культуры.

Но вотъ появились европейскіе торговцы. За ними въ японскую жизнь вторглась хитрая, настойчивая толпа іезуитовъ и другихъ христіанскихъ миссіонеровъ. Они принесли съ собой тѣ же пріемы, какіе они практиковали у себя на родинѣ: неразборчивость въ средствахъ, нетерпимость ко всѣмъ другимъ религіямъ и ученіямъ, интриги другъ противъ друга. Шогуны уже знали, какую опасную общественную силу могутъ представить изъ себя воинствующія религіозныя секты. Практика буддійскихъ монаховъ давала имъ въ этомъ отношеніи прекрасный матеріалъ. Вотъ почему они относились къ христіанамъ равнодушно или даже благосклонно до тѣхъ поръ, пока тѣ представляли изъ себя слабую и малочисленную организацію: они даже надѣялись отвлечь такимъ путемъ часть силъ отъ буддійской религіи, которая своими бандами монаховъ нерѣдко угрожала обще-

ственному спокойствію. Но какъ только христіанство окрѣпло, какъ только оно широко раскинуло свои сѣти по территоріи государства, какъ только оно привлекло въ число своихъ приверженцевъ сильныхъ и богатыхъ лицъ, шогуны насторожились тѣмъ болѣе, что миссіонеры теперь уже не стѣснялись въ средствахъ и ихъ безнравственные пріемы часто возбуждали негодованіе у всѣхъ безпристрастныхъ лицъ. Тогда начались гоненія. Объ этомъ у насъ уже была рѣчь. Но эти гоненія не носили пока планомѣрнаго характера и проведеніе ихъ въ жизнь не отличалось большой настойчивостью.

Теперь представьте себѣ Ійеязу, который задачей всей жизни поставилъ укрѣпленіе центральной власти, успокоеніе страны и слѣдовательно искорененіе всѣхъ безпокойныхъ элементовъ. И вотъ этотъ Ійеязу видитъ, что христіане начинаютъ мало-по-малу организовываться въ военную силу, которая не прочь при случаѣ силой оружія проводить въ жизнь свои интересы, совершенно чуждые интересамъ государства. Онъ видитъ далѣе какъ бы покушеніе на свой суверенитетъ со стороны представителей христіанской религіи. Таико повелѣлъ удалить изъ Японіи всѣхъ проповѣдниковъ христіанства; онъ, Ійеязу, подтвердилъ этотъ эдиктъ, а папа Павелъ V въ 1608 г. издалъ буллу, разрѣшавшую всѣмъ христіанамъ свободный доступъ въ Японію, тогда какъ до этого момента такимъ разрѣшеніемъ пользовались одни іезуиты. Конечно, ни папа не могъ и не хотѣлъ встать на точку зрѣнія шогуна, ни шогунъ—усвоить мотивовъ папы, но само собою понятно, что для такого автократа, какъ Ійеязу, упомянутая папская булла была оскорбленіемъ, попыткой сократить область его самодержавныхъ правъ. Онъ видѣлъ дальше, что іезуиты со всѣми своими приверженцами считали его гонителемъ и возлагали свои надежды на его невольнаго врага Хидейори, сына Таико; онъ видѣлъ въ нихъ слѣдовательно своихъ политическихъ недруговъ, и въ своихъ взаимныхъ интригахъ они успѣли достаточно упрочить убѣжденіе въ томъ, что каждое изъ христіанскихъ государствъ за авангардомъ монаховъ ждетъ только удобнаго случая, чтобы начать захватъ японской территоріи военными силами. Ійеязу понималъ, что идетъ въ направленіи историческаго теченія, что феодальное дробленіе страны отжило свой вѣкъ, что она ищетъ успокоенія отъ постоянныхъ междоусобицъ, что она пойдетъ за тѣмъ, отъ кого она надѣется получить миръ. Онъ дѣйствовалъ поэтому твердо и самоувѣренно и не задумался нанести поэтому ударъ и христіанству, когда замѣтилъ, что оно можетъ оказать противодѣйствіе на пути къ намѣченной имъ централизаціи.

Въ 1614 году онъ издалъ указъ, по которому всѣ члены проповѣдники и вожаки христіанской религіи—будутъ ли то европейцы или туземцы,—должны быть изгнаны изъ предѣловъ Японіи, церкви ихъ разрушены, а послѣдователи силой принуждены къ отреченію. Для того, чтобы избѣжать безпорядковъ при исполненіи этого распоряженія, на островъ Кіушу, гдѣ особенно много было приверженцевъ данной вѣры, была отправлена десятитысячная армія.

Въ силу даннаго указа изъ Японіи было вывезено около трехъ сотъ человѣкъ; лишь очень немногимъ удалось укрыться отъ преслѣдованія и остаться на территоріи японскаго государства. Христіане изъ туземцевъ подверглись усиленнымъ гоненіямъ. Была образована особая инквизиторская должность, на обязанности которой были розыски христіанъ и въ распоряженіи которой были всѣ средства для того, чтобы принудить къ отреченію отъ этой осужденной отнынѣ государствомъ религіи. Сыскъ, подкупъ, награды за предательство все это щедрой рукой стало культивироваться въ обществѣ. Изобличенныхъ подвергали страшнымъ мученіямъ.

Съ особенной жестокостью гоненія вспыхнули въ 1616 г. Въ этомъ году умеръ Ійсіазу, а его сынъ и наслѣдникъ продолжалъ проводить въ жизнь его программу съ свирѣпой послѣдовательностью. Мы не будемъ останавливаться на этихъ ужасныхъ страницахъ гоненій за вѣру; скажемъ только, что они, конечно, не страшнѣе тѣхъ страницъ, которыя вписывались въ исторію Европы религіозными войнами и преслѣдованіями почти въ то же самое время. Мы остановимся только на одномъ изъ заключительныхъ актовъ этой тяжелой трагедіи, на возстаніи Шимабара, тѣмъ болѣе, что это движеніе опиралось не на однѣ только силы изстрадавшихся христіанъ.

Возстаніе сначала поднялось во владѣніяхъ дайміоса Аримы, отличавшагося своимъ неумѣлымъ управленіемъ. Тогда дайміосъ этотъ былъ переведенъ шогуномъ въ другую провинцію. Уходя на новый ленъ, дайміосъ однако не взялъ съ собою арендаторовъ, державшихъ его землю, а новый напротивъ привелъ всѣхъ съ собою. Старыхъ арендаторовъ согнали съ ихъ мѣстъ и устроили новыхъ. Но дѣло не пошло. Большинство новыхъ арендаторовъ оказалось изъ числа самураевъ, которые совершенно не могли приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Дайміосъ оказался человѣкомъ жестокимъ и жаднымъ. Онъ обложилъ свой ленъ огромными налогами, а когда налоги стали поступать туго, то сталъ жестоко расправляться съ фермерами. Среди фермеровъ начало возрастать недовольство, которое и вылилось въ видѣ возстанія, когда сынъ этого дайміоса взду-

малъ продолжать политику своего отца. Къ повстанцамъ Арима присоединились крестьяне съ сосѣдняго острова Амакуза, также недовольные своимъ дайміосомъ.

Христіане, выведенные изъ терпѣнія преслѣдованіями и не сумѣвшіе до сихъ поръ дать отпоръ гонителямъ въ силу своей разбросанности, также рѣшили взяться за оружіе. Въ нѣсколько дней въ одной не большой деревушкѣ острова Амакуза собралось 8300 мужчинъ, 1000 женщинъ. Они выбрали своимъ предводителемъ Широ, сына одного изъ деревенскихъ старшинъ, и новый ихъ предводитель рѣшилъ двинуться прямо въ Нагасаки для того, чтобы тамъ тотчасъ же вступить въ непосредственныя сношенія съ иностранцами и, если возможно, получить отъ нихъ помощь войсками. Планъ этотъ однако былъ принятъ не всѣми; часть рониновъ послѣдовала за рониномъ Ашизукой, ворвалась въ крѣпость Шимабара и захватила сохранявшееся здѣсь оружіе, амуницію и продовольственные запасы. Широ же осадилъ; но безуспѣшно, небольшую крѣпость Томіока. Повстанцы захватили также много запасныхъ правительственныхъ магазиновъ съ рисомъ. Въ концѣ концовъ они всѣ собрались въ лагерѣ при Хара, гдѣ число ихъ (повидимому, преувеличенное) насчитывалось въ 40200 человѣкъ.

Мѣстные феодалы чувствовали себя не въ силахъ справиться съ этимъ возстаніемъ и обратились за помощью въ Іедо. Шогуномъ въ то время былъ Іемитсу, внукъ Іейазу Это былъ выдающійся человѣкъ, но также преисполненный всѣми предразсудками времени противъ чужеземцевъ и чужеземной религіи. Онъ боялся, что возстаніе это было поднято агентами иностранцевъ и приготовился къ отчаянной борьбѣ.

Въ декабрѣ того же года крѣпость повстанцевъ была обложена арміей шогуна и мѣстныхъ дайміосовъ. Численность осаждающихъ простиралась до 160000 человѣкъ. Отчаяніе осажденныхъ придало имъ силы; аттаки отбивались безрезультатно для войскъ шогуна. Осаждающіе даже прибѣгли къ помощи голландцевъ и португальцевъ, у которыхъ они позаимствовали пушки, не оказавшія однако имъ сколько нибудь цѣнныхъ услугъ. Крѣпость была взята однако 12 Апр. 1638 г. послѣ 120 дневной осады. Повстанцы продержались такимъ образомъ семь мѣсяцевъ. Теперь, по распоряженію изъ Іедо, всѣ попавшіе въ плѣнъ мужчины, женщины, дѣти были преданы смерти. Отецъ Широ былъ распятъ, а самому ему была отрублена голова, которая и была выставлена на семь дней въ Нагасаки. Обоимъ дайміосамъ, во владѣніяхъ которыхъ произошли эти возста-

нія, было приказано совершить надъ собой хара-кири. Мы остановились на этомъ возстаніи съ большой подробностью для того, чтобы дать представленіе о тѣхъ крестьянскихъ бунтахъ, которые стали вспыхивать то тутъ, то тамъ незадолго до того революціоннаго періода, къ которому намъ придется вскорѣ перейти. Ударъ, нанесенный здѣсь повстанцамъ, былъ окончательнымъ ударомъ и для японскихъ христіанъ. Христіанство въ Японіи съ тѣхъ поръ больше уже не поднимало своей головы. Правда, оно все-таки не было искоренено до конца. Небольшія общины его остались до самыхъ послѣднихъ дней, исповѣдуя вѣру, завѣщанную этой „развращенной сектой“, и дождались момента, когда, наконецъ, имъ дали полную свободу вѣроисповѣданія.

Но христіанство было принесено чужеземцами; христіанская пропаганда была тѣсно связана съ успѣхами иностранной торговли. Преслѣдованіе христіанъ нельзя было отдѣлить отъ преслѣдованія вообще иностранцевъ. Какъ эти понятія тѣсно переплетались въ умѣ тогдашнихъ японцевъ видно уже изъ того, что иностранецъ, человѣкъ съ запада, чужеземецъ въ народѣ обозначался словомъ *bateren* (padre). Такимъ образомъ нашествіе иноплеменниковъ и пропаганда христіанства отождествлялись въ глазахъ народа. Вотъ почему искорененіе христіанства обозначало собой полную изоляцію Японіи отъ всѣхъ чужестранныхъ вліяній. И шогуны довели эту изоляцію до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ: они запретили строить морскіе корабли, они не впускали въ свои гавани чужеземныхъ судовъ, они приказали своимъ подданнымъ не отлучаться изъ предѣловъ Японіи, а тѣхъ, которые не повиновались, не пускали назадъ на родную землю.

III.

Но возвратимся на минутку къ Ійейазу. Если Таико (Тойотоми Хидейоши) положилъ начало концентраціи власти силой оружія, то Ійейазу закрѣпилъ эту централизированную власть путемъ разумныхъ законодательныхъ актовъ. Но Ійейазу заботился не только о томъ, чтобы дать странѣ крѣпкую центральную власть, обезпечивающую ей мирное развитіе и процвѣтаніе, онъ приложилъ еще всѣ усилія къ тому, чтобы эта централизированная власть осталась въ рукахъ народа.

У него было двѣнадцать дѣтей: девять сыновей и три дочери. Дочери были выданы за различныхъ дайміосовъ. Старшій изъ его

сыновей умеръ ребенкомъ. Второй сынъ, Хидейазу, былъ усыновленъ Таико Самой и получилъ въ ленное владѣніе провинцію Ехидзенъ. Третій сынъ, Хидетада, раздѣлившій съ отцомъ командованіемъ надъ войсками въ рѣшительной битвѣ при Секигахара, женился на дочери Таико Сама и наслѣдовалъ отъ отца шогунское достоинство. Своимъ младшимъ тремъ сыновьямъ онъ назначилъ богатыя провинціи Овари, Кіи и Мито. Они образовали *Do-san-ké*, три почетныхъ фамиліи, сохранившихъ за собое право на шогунатское достоинство въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ шогуна не оставалось потомства по прямой линіи. Такимъ путемъ шогунская династія Токугава пустила глубокіе и сильные корни въ японскую жизнь.

Первые Токугавы отличались и силой характера и своими способностями. Особенно выдвинулся Ійемитсу, внукъ Ійейазу, продолжавшій энергично и послѣдовательно политику своего дѣда. Благодаря этому, Токугавамъ удалось дать странѣ давно желанный миръ. И, въ самомъ дѣлѣ, для періода ихъ власти является типичнымъ отсутствіе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній организованнаго возстанія. Единственными безпокойными элементами общества являлись *ронины*, „волны-люди“. Ронинами назывались тѣ самураи, которые, признавъ своей миссіей реформы общества, высвобождались отъ узъ службы того или другого лена и пускались за поисками такихъ приключеній, которыя соотвѣтствовали ихъ идеаламъ и желаніямъ. Между ними, конечно, было много и такихъ, которые становились въ положеніе бродячихъ элементовъ общества поневолѣ: они принадлежали къ тѣмъ феодаламъ, роды которыхъ были уничтожены въ междуусобной борьбѣ, а къ новымъ своимъ сюзеренамъ они не сумѣли или не захотѣли приспособиться.

Когда при четвертомъ шогунѣ, шогунатское достоинство перешло въ руки одинадцатилѣтняго мальчика, ронины вообразили, что пробилъ часъ, когда они могутъ нанести существующей государственной системѣ тяжелый ударъ и приспособить конструкцію общества къ своимъ идеаламъ. Они устроили заговоръ поджечь Іедо, и во время смятенія, вызваннаго пожарищемъ, напасть на крѣпость. Къ счастью, заговоръ былъ открытъ заблаговременно. Вожаки поплатились за свое неудавшееся предпріятіе своей жизнью, и миръ снова на долгое время былъ обезпеченъ японскому обществу.

Однако на рониновъ семнадцатаго столѣтія ни въ какомъ случаѣ нельзя смотрѣть только, какъ на политическіе отбросы того времени. Они являлись представителями убѣжденія, глубоко проникшаго въ душу японскаго общества, что каждому человѣку принадлежитъ не-

отъемлемое право проводить въ жизнь свои взгляды такимъ путемъ, который онъ найдетъ наиболѣе справедливымъ, принимая лишь на себя всѣ послѣдствія своего поведенія.

Время правленія четвертаго Токугавы (1661 г. — 1680), Ійетсуны, замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что съ него и въ родѣ Токугавы начинаютъ повторяться тѣ же процессы, которые протекали въ другихъ родахъ, обладавшихъ верховною властью; фактическая власть мало по малу начинаетъ переходить въ руки какого нибудь министра, а у шогуна остается лишь тѣнь власти. Сакай Такакійо былъ главнымъ виновникомъ этой перемѣны. Отдѣленный отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ, Ійетсуна, человѣкъ слабаго ума, воспринималъ впечатлѣнія окружающей дѣйствительности черезъ призму воззрѣній своего двора, персоналъ котораго составлялъ главнымъ образомъ женскій элементъ. Такакійо еще больше использовалъ такое безпомощное положеніе шогуна, издавъ приказъ, по которому доступъ ко двору имѣли только тѣ женщины, которыя получили на то разрѣшеніе отъ министра. Съ этого момента шогунъ для практической жизни страны сталъ нѣмъ и глухъ. Онъ ничего не зналъ о новыхъ путяхъ, которые начало пробивать себѣ общественное мнѣніе, о бѣдствіяхъ, разразившихся надъ народомъ въ это время, о неуваженіи къ трону, которое проявляли его чиновники. Когда его страну постигали повальныя болѣзни или голодовки, министры шогуна объявляли, что эти несчастья вызваны непригодностью императора къ своимъ великимъ обязанностямъ и заставляли его отказываться въ пользу его наслѣдниковъ. Они начали проводить въ свою политику демократическія идеи китайскихъ философовъ и не встрѣчали никакого протеста со стороны феодаловъ, совершенно придавленныхъ могущественной организаціей современнаго имъ шогуната.

Іейтсунѣ во всю его жизнь пришлось сдѣлать лишь одно личное распоряженіе, и то на смертномъ одрѣ. Къ умирающему шогуну пробрался потихоньку одинъ изъ министровъ и сообщилъ ему о томъ, что пущенъ въ ходъ проектъ отнять шогунатское достоинство отъ рода Токугавы и передать его одному изъ императорскихъ принцевъ. У шогуна хватило еще силъ обезпечить покидаемый имъ престолъ за своимъ братомъ Тсунайоши.

Данная эпоха представляетъ особенный интересъ для новѣйшей исторіи Японіи. Здѣсь впервые стали намѣчаться проявленія того общественнаго мнѣнія, которое съ такой силой развернулось къ серединѣ XIX столѣтія въ эпоху революціи. Министры шогуна, возлагая отвѣтственность за народныя бѣдствія на плечи императора, непро-

извольно подчинялись тенденціямъ времени, опредѣлившимся подъ давленіемъ текущихъ событій и оформленнымъ при помощи произведеній китайскихъ философовъ. Съ другой стороны въ томъ же направленіи дѣйствовали и сохранившіяся идеи шинто, которыя своимъ культомъ особы императора особенно подчеркивали ненормальность того положенія, когда императоръ въ сущности представлялъ изъ себя маріонетку въ рукахъ шогунскаго двора.

Въ ту же сторону толкали сознательную часть общества и философы-политики того времени. Во главѣ этого движенія стоялъ тотъ самый министръ Хотта Мазатоши, благодаря энергичному вмѣшательству котораго шогунатская власть осталась въ рукахъ Токугавы. Мазатоши былъ первымъ государственнымъ дѣятелемъ феодальной Японіи, который громко провозгласилъ доктрину, что основой національной жизни является народъ, и обратилъ вниманіе на процвѣтаніе земледѣлія, на защиту фермеровъ противъ чрезмѣрнаго обложенія, на пропаганду правилъ высокой морали не только среди плебеевъ, но и среди самураевъ. Смерть отъ руки убійцы положила предѣлъ его благородной дѣятельности, но данный имъ толчекъ не пропалъ даромъ. Онъ нашелъ горячую и послѣдовательную поддержку у Кумадзавы Бандзана, главнаго дѣятеля въ лент Окайама.

Этотъ замѣчательный публицистъ доказывалъ, что обязанность правителя заботиться о благѣ управляемыхъ; что императоръ былъ настоящимъ главой націи, а шогунъ является лишь его представителемъ; что попытки со стороны правительства уничтожить христіанство неразумны, ибо, если это истинная вѣра, то она переживетъ всякія преслѣдованія, если же ложная, то погибнетъ естественной смертью; что буддизму судьбой предназначено быть источникомъ національныхъ волненій, а священнослужители его выродятся въ концѣ концовъ въ бродягъ; что самураи въ сущности являются бандитами, которые получаютъ отъ государства незаработанное ими содержаніе. Эта проповѣдь смѣло раздавалась изъ устъ Бандзана, какъ разъ въ то время, когда власть шогуна казалась непоколебимой, когда христіане подвергались особенно жестокимъ преслѣдованіямъ, когда буддійскіе монахи снискали себѣ полное довѣріе правительства, самураи всецѣло пользовались всѣми своими сословными привилегіями. Свои теоретическія соображенія онъ, пользуясь въ Окайямѣ большою властью, широко проводилъ въ жизнь своими заботами объ оросительныхъ работахъ, о сохраненіи лѣсовъ, о распространеніи общаго образованія, о подавленіи злоупотребленій со стороны буддійскаго священства.

Его ученіе въ концѣ концовъ встрѣтило отпоръ со стороны мѣстныхъ самураевъ, и ему пришлось удалиться изъ общественной жизни. Но проповѣдь его не осталась безъ отклика, особенно въ этомъ отношеніи посчастливилось его имперьялистическимъ идеямъ. Въ Мито возникла школа мыслителей, которая всецѣло усвоила имперьялистическія тенденціи Бандзана, хотя и расходилась съ нимъ по вопросу о значеніи для жизни націи буддизма.

Мито была столицей феодальнаго сюзерена провинціи Хитачи, отданной въ качествѣ лена одному изъ сыновей Ійеязу. Какъ было сказано, правитель этой провинціи принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ трехъ родовъ, къ которымъ переходило шогунатское достоинство, когда у самого шогуна не оставалось наслѣдниковъ по прямой линіи. Потому можно было бы думать, что Мито является далеко неблагопріятнымъ мѣстомъ для развитія всякихъ политическихъ ученій, направленныхъ противъ шогуната. Но время сказалось и здѣсь. Именно здѣсь подъ руководствомъ Комона, внука Ійеязу, собралась группа ученыхъ, которая занялась академическимъ изученіемъ японскихъ лѣтописей. Въ результатѣ появилась работа *Dai-Nihon-Shi*, которая доказывала, что истиннымъ носителемъ власти долженъ быть императоръ, а шогунъ просто на просто—узурпаторъ. Сами изслѣдователи, конечно, не могли предвидѣть, что ихъ трудъ современемъ станетъ однимъ изъ опорныхъ пунктовъ имперьялизма въ его борьбѣ съ шогунатомъ и феодализмомъ. Такъ капля за каплей—демократическіе взгляды Мазатоши, борьба Бандзана съ феодальными воззрѣніями, пережитки шинто, оживленіе конфуціанства, имперьялизмъ Комона,—слагался новый потокъ общественнаго мнѣнія, направившаго свои симпатіи къ возстановленію императорской власти и объединенію націи вокругъ его трона.

Первый, кто правильно уловилъ эти новыя тенденціи революціонной мысли, былъ Араи Хакузски, министръ Ійенобу, шестого шогуна изъ рода Токугава. Онъ предполагалъ, что опасность еще можно устранить, если удастся укрѣпить положеніе той аристократіи, которая составляла іедскую администрацію. Слѣдуя совѣтамъ этого министра, шогунъ взялъ въ свои руки назначенія и перемѣщенія высшихъ должностныхъ лицъ во всей имперіи и съорганизовалъ свой дворъ такъ, чтобы онъ являлся снимкомъ съ императорскаго двора. Ійенобу присвоилъ себѣ титулъ „короля“ для того, чтобы дать аудіенцію корейскому посланнику; онъ думалъ взять себѣ въ жены принцессу изъ императорскаго дома. Но программѣ этой не удалось глубоко пустить корни въ японскую почву: Ійенобу вскорѣ умеръ, а

седьмой шогунъ сошелъ въ могилу также еще въ дѣтскомъ возрастѣ; восьмой же шогунъ Ійошимуне не захотѣлъ послѣдовать этой политикѣ. Но тѣмъ не менѣе и Ійошимуне и его министры ясно сознавали наличность общественнаго оживленія; но они не сумѣли истолковать его: видя все увеличивающееся обѣднѣніе самурайскихъ семействъ и всевозрастающую роскошь въжизни фермеровъ и торговцевъ, они думали разрѣшить задачу времени путемъ экономнаго отношенія къ государственной казнѣ и строгихъ законовъ противъ роскоши у непривилегированныхъ классовъ общества.

Но время ушло далеко впередъ и такими палліативами ничего нельзя было подѣлать. Въ самомъ дѣлѣ долгій періодъ мира, выпавшій на долю Японіи въ періодъ Токугавы, глубоко измѣнилъ существующія общественныя отношенія. Самураи, являвшіеся военной силой страны жившіе на средства государства, были теперь ненужными паразитами, которые тянулись въ своихъ привычкахъ за богатыми аристократами, не могли поэтому жить по средствамъ и постоянно требовали отъ правительства всякаго рода льготъ и пособій.

Но въ то же самое время возросло значеніе торговаго и земледѣльческаго класса. Нѣкоторыя перемѣны въ области землевладѣльческихъ отношеній были вызваны искусственнымъ путемъ. Закономъ воспрещалась продажа или дѣленіе земли, если въ результатѣ этихъ процессовъ должны получиться клочки земли, дающіе менѣе десяти *коку* (приблизительно 50 бушелей) рису. Въ результатѣ этого закона вторымъ сыновьямъ или младшимъ братьямъ во многихъ семействахъ приходилось дѣлаться простыми батраками или арендаторами; классъ мелкихъ землевладѣльцевъ исчезъ, а появились землевладѣльцы, жившіе на рентѣ и не принимавшіе въ обработкѣ земли ни малѣйшаго участія.

Параллельно съ этимъ шло и обогащеніе торговцевъ, которые нашли себѣ обширную кліентуру въ лицѣ богатыхъ феодаловъ, ведшихъ роскошную жизнь въ Іедо. Разбогатѣвшіе торговцы и лэндлорды не хотѣли уступать въ образѣ жизни не только дворянству того времени, но и князьямъ феодальныхъ родовъ. Они усвоили себѣ бездѣльную атмосферу этихъ родовитыхъ классовъ, но, далекіе отъ всякой общественной жизни, не могли усвоить ни ихъ патріотизма, ни ихъ этическихъ принциповъ. Эти представители нарождающейся плутократіи при такой обстановкѣ быстро усвоили широкій и утонченный развратъ, въ который все больше и больше стали втягиваться массы праздныхъ самураевъ, которыхъ жизнь окончательно выбила

изъ колен. Военный духъ и стоицизмъ все больше и больше отлеталъ изъ самурайскихъ семействъ.

Но умственное движеніе въ это же самое время продолжало разростаться и крѣпнуть. Демократическіе принципы морали Конфуція проникали все въ болѣе и болѣе широкіе слои общества. Однако типичной особенностью данной эпохи является не подражательность китайскимъ образцамъ, а исканіе своихъ собственныхъ національныхъ путей. И въ этомъ отношеніи въ данный періодъ изоляціи японской интеллигенціей было сдѣлано очень многое. Японская исторія пріобрѣтаетъ почти научную обработку въ рукахъ Араи Хакузеки. Эмоціональная сторона человѣчества и его страсти получаютъ прекрасное выраженіе въ произведеніяхъ великаго драматурга Шикаматсу Мондзайемона. Красота и гибкость языка совершенствуются въ замѣчательныхъ стансахъ Матсуо Башо. Нѣсколько блестящихъ поэтовъ возстановили память о самобытной поэзіи древней Японіи. Азума-маро и его великій ученикъ, Камо Мабучи очистили японскій языкъ отъ экзотическихъ элементовъ, оживили народную вѣру въ божественность трона и въ традиціи императорскаго правительства. Однимъ словомъ, японскій народъ, отдохнувшій въ первую половину управленія Токугавы отъ внутренней анархіи и междоусобныхъ войнъ и оправившись нѣсколько отъ матеріальныхъ невзгодъ, сталъ развертывать свои собственныя духовныя силы и отъ простой подражательности перешелъ къ самостоятельному творчеству. За закрытыми дверьми въ Японіи, такимъ образомъ, происходила напряженная работа.

Мы видѣли уже, что правительство шогуна въ лицѣ министра Араи Хакусеки (1709—1712), наконецъ, замѣтило угрожающую ему силу и направленіе потока общественнаго мнѣнія. Программа Араи Хакусеки, имѣвшая въ виду оживить деспотическія силы существующей правительственной организаціи, очень быстро отступила на задній планъ передъ другими мѣрами. Шогунъ Ійошимуне хотѣлъ отвести потокъ общественной жизни въ болѣе безопасное для него русло. Онъ думалъ достичь этого, поднявъ прежній воинственный духъ самураевъ и возстановить въ обыденномъ обиходѣ простой и незатѣйливый режимъ патріархальныхъ отношеній былого времени. Но на-ряду съ законами противъ роскоши онъ внесъ въ управленіе и жизнь страны много существенныхъ улучшеній: такъ, были усовершенствованы гражданскіе и уголовные законы, приняты многія мѣры для развитія промышленности, снято оффиціальное запрещеніе съ изученія иностранныхъ языковъ и наукъ, благодаря чему откры-

лась, хотя слабая, возможность вліянія европейской культуры на японскую жизнь. Во всемъ этомъ, конечно, сказалось безсознательное подчиненіе со стороны правительства тѣмъ самымъ идеямъ времени, которыя оно собиралось обезопасить и отвести на другое русло. Особенно же подчиненіе новымъ общественнымъ настроеніямъ дало себя знать въ неожиданномъ признаніи императорскихъ правъ и прерогативъ въ одномъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ жизни шогуната. Когда Ійошемуне пожелалъ передать (въ 1745 г.) шогунское достоинство своему сыну Ійешиге, то онъ позаботился заручиться на это санкціей императорскаго дворца. Ничего подобнаго до этого момента мы не находимъ въ практикѣ Токугавы.

Народъ и общество оцѣнили усилія Ійошимуне. Его царствованіе получило названіе *Kyoho*, „вѣкомъ реформъ“ (1716—1736 г.), въ отличіе отъ управленія Тсунайоши (1688—1703 г.), которое извѣстно подъ именемъ „вѣка злоупотребленій“.

Но Ійошимуне не могъ достичь существенныхъ измѣненій путемъ, хотя и большихъ, но тѣмъ не менѣе частичныхъ измѣненій въ строѣ, который все больше и больше не вмѣщалъ новыхъ общественныхъ отношеній, тѣмъ болѣе, что ему досталось управленіе страной не только въ такой моментъ, когда явно опредѣлились широкія противоправительственныя теченія, но и когда экономическое положеніе страны снова сильно опустилось книзу. Особенно въ этомъ отношеніи много сдѣлалъ расточительный Тсунайоши, при которомъ было выпущено огромное количество монетъ обычной номинальной цѣнности, но съ сильно пониженнымъ содержаніемъ благородныхъ металловъ. Результаты не заставили долго себя ждать: цѣны на всѣ предметы быстро повысились и сильно стали давить книзу уровень жизни тогдашняго общества.

Въ это же самое время обѣдпѣніе самураевъ продолжало подвигаться впередъ съ неуклонной силой: въ одномъ Іедо въ концѣ семнадцатаго столѣтія насчитывалось 7690 семействъ военнаго класса, которыя остались безъ всякихъ средствъ существованія и должны были жить на правительственную помощь. Тогда же народу пришлось пережить цѣлый рядъ стихійныхъ бѣдствій: въ 1703 г. землетрясеніе произвело огромныя опустошенія въ Іедо, пожаръ затѣмъ стоилъ жизни 37,000 человѣкъ, огромная приливная волна погубила около сотни тысячъ человѣкъ въ Округахъ Сагами, Кадзуза и Ава; въ 1708 г. внезапное изверженіе Фуджи опустошило огромную площадь земли.

Выпускъ пониженной по достоинству монеты продолжался и во

время шогуната Ійошимуне, и экономическія неурядицы продолжали свое дѣйствіе. Къ этому прибавился отливъ благороднаго металла черезъ ту щель, которая была оставлена Японіей для торговли съ голландцами. Японцы только покупали и почти ничего не продавали; въ результатѣ за періодъ 1596—1638 г. вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ выразился: золота на 95 милліоновъ рублей, серебра на 90 милліоновъ, мѣди на 30 милліоновъ рублей.

Необходимо также отмѣтить чрезвычайно быстрый ростъ городовъ, который имѣлъ мѣсто въ этотъ моментъ японской исторіи, не смотря на всѣ попытки со стороны правительства поставить этому явленію извѣстный предѣлъ.

Но если съ одной стороны самураямъ и фермерамъ было запрещено продавать земли торговцамъ, если законодательство пыталось прекратить стремленіе общества къ роскоши, то съ другой стороны и торговцы, и всѣ предметы роскоши находили обширную кліентуру среди феодаловъ, проводившихъ положенное имъ время въ столицѣ шогуна Іедо и устраивавшихъ себѣ здѣсь роскошные городскіе дворцы и прекрасныя загородныя виллы.

Ведя расточительный образъ жизни, феодалы принуждены были все чаще и чаще залѣзать въ карманы фермеровъ, жившихъ на ихъ земляхъ. Но теперь они встрѣчались уже не съ той послушной и покорной массой, которую они имѣли передъ собою раньше и которую такъ трудно было вывести изъ себя. Теперь пропасть, раздѣлявшая фермера отъ самурая замѣтно сузилась. Наиболѣе богатые фермеры чувствовали за собою силу вновь нарождающейся плутократіи, а обѣднѣвшіе самураи принимались кое-гдѣ за плугъ. Сопротивленіе земледѣльческаго класса возросло. На непомѣрныя подати народъ началъ отвѣчать все учащавшимися крестьянскими движеніями, и движенія эти понемногу пріобрѣтаютъ политическій характеръ: крестьянскія массы направляются иногда большими толпами съ жалобами къ центральному правительству, онѣ не удовлетворяются уже безсознательной борьбой противъ мѣстныхъ своихъ угнетателей. Правда, съ первыми такими протестами правительство расправлялось жестоко; но вожаки гибли не напрасно: сѣмя, брошенное ими, давало богатый урожай.

Къ концу восемнадцатаго вѣка и началу девятнадцатаго особенно стали чувствоваться и сознаваться недостатки существующаго правительственнаго механизма: взяточничество чиновниковъ, пауперизмъ городскихъ классовъ, бѣдствія земледѣльческихъ округовъ...

Но прежде чѣмъ перейти теперь къ тому бурному періоду революцій, за время котораго Японія перешла отъ феодально-крѣпостного строя къ правовому устройству конституціонныхъ государствъ, мы хотѣли бы дать общій обзоръ тѣхъ соціальныхъ массъ, надъ которыми оперировали силы исторій въ этотъ знаменитый періодъ жизни японскаго народа. Въ нижеслѣдующей главѣ намъ такимъ образомъ прійдется собрать въ одномъ фокусѣ многія черты, разбросанныя на предыдущихъ страницахъ.

VII.

ЯПОНСКОЕ ОБЩЕСТВО НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

Итакъ Японія съ самой отдаленной исторической эпохи и до настоящаго времени была имперіей. Но имперіей совершенно своеобразной: за исключеніемъ короткихъ и немногочисленныхъ моментовъ, когда на престолѣ оказывались личности, особенно даровитыя и энергичныя, Японія не знала абсолютной монархической власти. Источникъ власти—императоръ, сынъ боговъ, предметъ поклоненія и божескихъ почестей на землѣ среди своихъ подданныхъ,—не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ правителемъ имперіи, не былъ въ состояніи проводить свою волю въ жизнь народа, налагать отпечатокъ своихъ воззрѣній на ходъ государственной работы. Реальная власть была отдѣлена отъ него. Почти на всемъ протяженіи японской исторіи мы встрѣчаемъ постоянную узурпацію верховныхъ прерогативъ императора лицами и группами, не имѣющими на это прямого права, постоянное игнорированіе правъ императора на реальную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное преклоненіе передъ божественнымъ происхожденіемъ императора, цѣлый культъ особы императора. Всѣ исполнительныя функціи въ теченіе цѣлаго ряда послѣднихъ вѣковъ всецѣло находились въ рукахъ генералиссимуса японской арміи—шогуна. Шогунъ пользовался административной и законодательной властью во всей ихъ полнотѣ, совершенно не считаясь съ личностью императора. Онъ являлся фактическимъ правителемъ страны, за благосостояніе и спокойствіе которой и былъ отвѣтственнымъ лицомъ. Ни одно распоряженіе императора не могло стать закономъ до тѣхъ поръ, пока оно не было скрѣплено подписью одного изъ чиновниковъ шогуна,—таковъ былъ обычный порядокъ отношеній между императоромъ и его народомъ.

Права шогуна были наслѣдственными, и родъ, захватившій ихъ въ свои руки, нелегко уступалъ ихъ другому, столь же честолюбивому и сильному роду. Такія смѣны въ исторіи Японіи бывали не часто. Шогунатъ почти все время принадлежалъ наиболѣе аристократическимъ родамъ Японіи. Одни изъ нихъ вели свое происхожденіе непосредственно отъ боговъ, другіе находились въ ближайшемъ родствѣ съ императорской фамиліей.

Но фактическій правитель—шогунъ—такъ же рѣдко проявлялъ въ жизни японскаго народа свою личность и свою волю, какъ и фиктивный представитель власти—императоръ, окруженный пышнымъ дворомъ, совѣтниками и министрами, должности которыхъ въ большинствѣ случаевъ были также наслѣдственными; шогунъ слишкомъ мало соприкасался съ жизнью, чтобы играть въ ней какую нибудь активную роль. Фактическая власть непосредственно оказывалась въ рукахъ у той многочисленной бюрократіи, которая окружала дворъ шогуна, а организація управленія представляла *наслѣдственно-аристократическую бюрократію.*

Подобная организація власти, существовавшая въ теченіе ряда вѣковъ, должна была глубоко внѣдрить въ умѣ народа идею объ отдѣленіи отъ императорской власти всѣхъ ея административныхъ и законодательныхъ функцій или, по крайней мѣрѣ, значительной ихъ части и о передачѣ этихъ функцій другимъ, только номинально зависящимъ отъ него учрежденіямъ. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, такъ какъ оно въ извѣстной степени поможетъ намъ разобраться въ томъ сложномъ клубкѣ фактовъ, который представляетъ эпоха великихъ реформъ Японіи.

Послѣдній родъ, которому принадлежала власть шогуната, былъ родъ Токугава, который и далъ свое имя цѣлому періоду заключительному для исторіи феодализма въ Японіи.

Тронъ и въ эпоху Токугава, какъ и всегда, былъ непосредственно окруженъ наслѣдственной знатью, самую верхушку которой занимали четыре княжескихъ семьи, которымъ принадлежала исключительная привилегія наслѣдовать престолъ въ случаѣ, если отъ императора не останется наслѣдниковъ по прямой нисходящей линіи. За ними стояли роды, которымъ въ наслѣдственное обладаніе были переданы права занимать тѣ или другія высокія придворныя должности: такъ напримѣръ, регентъ на время малолѣтства императора назначался всегда изъ одного рода, государственный канцлеръ—изъ другого и т. д. Но въ сущности, всѣ эти придворныя должности, не смотря на весь ихъ блескъ, были столь же фиктивны, какъ и поло-

женіе императора, такъ какъ фактическая власть принадлежала шогупу и тѣмъ родамъ, которые составляли его дворъ.

Финансовое положеніе двора и самого микадо въ это время было очень тяжелымъ. Бюджетъ императорскаго двора не превышалъ 300.000 рубл. въ годъ, въ дополненіе къ которымъ шогунъ ежегодно же ассигновывалъ сумму отъ 350.000 до 450.000 рубл., кромѣ случайныхъ небольшихъ добавокъ по поводу какихъ-нибудь экстраординарныхъ событій. Годовой доходъ придворной знати считался въ 700.000 рубл. Дѣло доходило до того, что многіе изъ придворныхъ должны были поддерживать свое существованіе разнымъ мелкимъ заработкомъ ремесленнаго характера: разрисовывать игральныя карты, дѣлать зонтики, зубочистки и т. п. Самъ императоръ очень часто нуждался въ небольшихъ суммахъ на самыя неотступныя нужды. Бывали случаи, напримѣръ, когда тѣло императора оставалось не похороненнымъ по нѣскольку недѣль только потому, что у двора не имѣлось необходимой суммы для выполненія всѣхъ погребальныхъ обрядовъ.

Микадо жилъ, окруженный, главнымъ образомъ, женщинами, на которыхъ были возложены всѣ заботы о повседневномъ обиходѣ жизни императора. Доступъ во дворецъ былъ обставленъ неимовѣрными затрудненіями. Но этого мало. Для того, чтобы святилище, обитаемое этимъ земнымъ богомъ, было какъ можно дальше отъ всѣхъ земныхъ интересовъ, выходъ изъ дворца для придворныхъ дамъ былъ обставленъ цѣлымъ рядомъ затрудненій; выѣздъ же къ себѣ, на родину, имъ разрѣшался не болѣе трехъ разъ въ годъ, причемъ онѣ обязывались клятвой ничего не разсказывать о придворной жизни.

Дворъ шогуна съ внѣшней стороны во многихъ отношеніяхъ являлся копіей императорскаго двора. Но здѣсь сосредоточивались и дѣйствительная политическая сила, и дѣйствительныя богатства. Феодалы, находившіеся при дворѣ шогуна, занимали всѣ крупные административные посты и, въ большинствѣ случаевъ, какъ мы уже говорили, закрѣпили ихъ въ качествѣ наслѣдственныхъ привилегій за своими родами. Такимъ образомъ, было обезпечено въ значительной степени ихъ вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ и богатая знать. Такъ, 255 феодаловъ, находившихся среди придворныхъ шогуна, имѣли ежегоднаго дохода отъ 60.000 до 1.000.000 рубл., у четырнадцати ежегодный доходъ колебался отъ одного до двухъ милліоновъ рублей; у пятнадцати отъ двухъ до шести милліоновъ. Доходы самого шогуна далеко превос-

ходили даже эти огромныя суммы: въ сороковыхъ годахъ XIX ст. они достигали до 20.000.000 рубл. въ годъ.

Правда, далеко не всѣ эти суммы составляли частную собственность шогуна и феодаловъ его двора. Имъ приходилось тратить значительныя средства на военныя нужды государства и на администрацію своихъ леновъ. Такъ, самый захудалый феодальный князекъ долженъ былъ выставить, въ случаѣ войны, отрядъ въ 27 человѣкъ разнаго рода оружія, а на обязанности барона, получавшаго ежегодно доходъ въ 600.000 рубл., было въ любой моментъ явиться съ отрядомъ въ 750 человѣкъ, вооруженныхъ за его счетъ. Но и на долю самихъ феодаловъ оставались все же очень крупныя суммы, тѣмъ болѣе, что указанные доходы представляли въ то время въ Японіи бо́льшую цѣнность, чѣмъ это выходило бы по европейскому масштабу. Вотъ почему дворъ шогуна могъ тратить большія суммы на то, чтобы обставить свое существованіе роскошью и блескомъ. И онъ, дѣйствительно, тратилъ на себя огромныя средства. Дворецъ, въ которомъ живетъ въ настоящее время японскій императоръ, не стоитъ и трети той суммы, которая потребовалась бы для того, чтобы возстановить одинъ флигель того замка, гдѣ въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія жилъ шогунъ. Шогуну было легко пополнять недостающія ему средства. Такъ, при постройкѣ названнаго замка онъ обложилъ феодаловъ, обладавшихъ ежегоднымъ доходомъ свыше тысячи рубл., добавочнымъ принудительнымъ сборомъ: эта контрибуція дала ему около десяти милліоновъ руб.; кромѣ того, почти пять милліоновъ руб. было собрано феодалами и духовенствомъ добровольно, не считая подарковъ строительными матеріалами. Такимъ образомъ, шогунъ являлся большой финансовой силой, въ расиоряженіе которой легко стекались денежныя средства страны.

Какъ же сорганизована была эта „фамильная бюрократія“ шогуната къ началу реформаціоннаго движенія?

Кабинетъ шогуна состоялъ изъ премьера и пяти министровъ или „старшинъ совѣтниковъ“; кромѣ того, былъ совѣтъ шести „младшихъ совѣтниковъ“. Между этими-то лицами и были раздѣлены всѣ важнѣйшія административныя функціи. Отвѣтственны они были только передъ шогуномъ и многія изъ крупныхъ должностей сохраняли въ своихъ родахъ, какъ наслѣдственную привилегію.

Въ провинціи, на мѣстахъ, были двѣ категоріи крупныхъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ шогуна или отъ мѣстныхъ феодальныхъ князей: въ городскихъ округахъ — *bugyo*, въ деревенскихъ — *daikwan*. Первые были старшими гражданскими чинами: имъ при-

надлежало право ревизіи мѣстныхъ учрежденій, и они же представляли одну изъ высшихъ инстанцій мѣстнаго суда. Дайкваны должны были близко стоять къ народу. Они являлись, по схемѣ административнаго механизма, какъ бы попечителями и защитниками народныхъ интересовъ. Податное управленіе, продовольственное дѣло, земельныя мельораціи и другіе вопросы, касающіеся сельско-хозяйственнаго производства—все это входило въ сферу ихъ компетенціи. Кромѣ того, административныя права ихъ перепутывались съ судебными, увеличивая ихъ власть и усиливая ихъ опеку надъ народомъ. А опека эта, въ силу установившихся къ началу революціи обычаевъ и законовъ, была крайне назойливой и тяжелой. Государство самымъ невоздержнымъ образомъ позволяло себѣ вмѣшиваться въ частную жизнь своихъ гражданъ. Достаточно вспомнить хотя бы законы, изданные противъ роскоши. Такъ, напримѣръ, крестьянамъ воспрещено было употреблять на одежду какую бы то ни было иную матерію, кромѣ хлопчато-бумажной. Въ 1685 г. имъ запрещено было имѣть дома всякую дорогую посуду и утварь. Въ 1668 г. было предписано употреблять въ пищу поменьше рису и побольше другого, болѣе дешеваго хлѣба; дома имъ позволялось ставить лишь извѣстныхъ размѣровъ; позднѣе закономъ указывалось, въ какомъ размѣрѣ различными общественными классами должна употребляться рисовая водка, даны точныя указанія относительно обыденнаго меню и т. д. Правда, всѣ эти запрещенія часто носили характеръ обязательный для всего общества, но главною тяжестью, конечно, они обрушивались на низшіе классы. Вотъ почему сравнительно нерѣдки были случаи недовольства народа своими дайкванами.

Были на мѣстахъ и еще органы надзора и суда: это—такъ называемое „цензоры“ (metsuke). Главный metsuke съ тремя bugyo и однимъ или нѣсколькими совѣтниками образовали высшее судебное учрежденіе. Подобно тому, какъ всѣ крупныя должности въ верху правительственнаго механизма являлись наслѣдственнымъ достояніемъ выдающихся феодаловъ, такъ и низшія провинціальныя должности раздавались неизмѣнно только тѣмъ лицамъ, которыя близко стояли или къ семьямъ феодаловъ, или къ самому шогуну.

Вся эта организація фамильной бюрократіи и этикетъ двора шогуна далеко оттирали шогуна отъ народа и отъ живой жизни. Ему приходилось смотрѣть на все глазами людей, его окружавшихъ и подѣлившихъ между собой административную власть. Однако, въ рукахъ шогуна было одно средство, при помощи котораго онъ могъ при желаніи заглянуть въ современную ему дѣйствительность и черезъ

головы окружающей его феодальной знати. Средствомъ этимъ являлся ящикъ петицій, поставленный на мѣстѣ, для всѣхъ доступномъ. Сюда всякій желающій могъ опустить свое обращеніе къ шогуну. Цѣлый рядъ предосторожностей былъ выработанъ для того, чтобы ничто не пропадало изъ содержимаго ящика. Для тайнаго разслѣдованія дѣлъ, возбуждаемыхъ петиціями и жалобами, при дворѣ шогуна имѣлась особая организація. Благодаря этому, въ обществѣ широко установилась привычка обращаться по многимъ вопросамъ непосредственно къ высшей фактической власти съ увѣренностью въ томъ, что эти обращенія не будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Эта система петицій, какъ мы увидимъ ниже, сыграла выдающуюся роль въ послѣдней эпохѣ реформъ: она отстранила отъ японскаго народа цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и освободила исторію Японіи отъ цѣлаго ряда мрачныхъ, кровавыхъ страницъ.

II.

Но вліяніе центральной власти на мѣстную жизнь подвергалось большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ того, насколько крѣпкую и сильную историческую фигуру представлялъ самъ шогунъ. Захвативъ административную власть при дворѣ шогуна въ видѣ организаціи фамильной бюрократіи, феодалы, само собою разумѣется, не проявляли особенной склонности ограничивать свои права въ своихъ ленныхъ отношеніяхъ. И очень долгое время они оставались полновластными хозяевами своихъ владѣній, сохраняя за собой здѣсь чуть ли не всѣ суверенныя права: и въ финансовой, и въ судебной области во взаимныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Отношеніе къ шогуну исчерпывалось обязанностью доставлять по его требованію извѣстное количество вооруженныхъ людей. Но счастье центральной власти и горе народа заключалось въ томъ, что эти самостоятельные князьки вели другъ съ другомъ нескончаемыя войны, разоряя своихъ подданныхъ и ослабляя другъ друга. Время отъ времени въ раздоры ихъ вмѣшивался шогунъ и производилъ коренныя перетасовки въ распредѣленіи леновъ: совсѣмъ лишалъ феодальныхъ правъ, переводилъ на новые лены, сокращалъ или увеличивалъ границы владѣній, создавалъ новые роды владѣтельныхъ князей, заставлялъ отрекаться отъ своихъ правъ въ пользу тѣхъ или другихъ наслѣдниковъ и т. д. Мы здѣсь также подчеркнемъ, что случаи отреченія отъ сюзеренныхъ правъ подъ—давленіемъ ли внѣшнихъ обстоятельствъ, по созна-

нію ли личной непригодности и неприспособленности къ данному моменту, добровольно или насильственно---очень часто попадаются на страницахъ японской исторіи, и не только въ исторіи феодальныхъ князьковъ, но и въ исторіи шогуната и императорской власти. Съ этимъ пріемомъ прекращенія общественной сумятицы японскій народъ вполнѣ сжился и видѣлъ въ немъ удобную форму для предотвращенія всякаго рода гражданскихъ раздоровъ. На эту особенность японской государственной мысли мы опять-таки обращаемъ вниманіе, такъ какъ и ей пришлось сыграть извѣстную роль въ теченіе послѣдней японской революціи.

Столкновенія между шогуномъ и феодалами въ конечномъ результатѣ привели къ нѣкоторому усиленію власти шогуната. Права феодальныхъ князей были значительно ограничены, и ихъ значеніе въ государственномъ механизмѣ ослаблено. Но, не смотря на все это, феодальные бароны и князья въ періодъ, предшествующій реформамъ второй половины девятнадцатаго столѣтія, представляли большую экономическую и административную силу.

Политическая сила всѣхъ этихъ феодальныхъ князьковъ и бароновъ (daimyo, hatamoto, kanin, какъ, назывались они, смотря по размѣрамъ своихъ леновъ и богатствъ) опиралась, главнымъ образомъ, если не исключительно, на самураевъ, — японское дворянство.

Японское дворянство тѣсно связано съ ростомъ и развитіемъ военнаго дѣла въ Японіи въ началѣ среднихъ вѣковъ. Раньше военный классъ не былъ отдѣленъ отъ народа. Солдатами были всѣ; право носить оружіе не было наслѣдственнымъ; военное занятіе опредѣлялось исключительно лишь физической пригодностью лица къ этому дѣлу; третья часть всѣхъ способныхъ носить оружіе составляла армію. Оружіе было собственностью государства, оно хранилось въ его арсеналахъ.

Первымъ шагомъ къ выдѣленію военнаго класса былъ захватъ разными родами различныхъ оффиціальныхъ постовъ, причемъ на долю нѣкоторыхъ феодальныхъ семействъ пришлись военныя должности, которыя они стали сохранять въ своихъ родахъ, какъ наслѣдственную привилегію. Такимъ образомъ сложилось ядро военнаго класса, на которомъ лежала обязанность отражать нападенія чужеземцевъ, охранять порядокъ въ столицахъ и большихъ городахъ, подавлять возстанія... Все это стало требовать людей, которые бы спеціально посвятили себя военному дѣлу, стали солдатами по профессіи. Появившіеся такимъ образомъ дружинники подражали во всемъ, и во взглядахъ, и въ привычкахъ, тѣмъ знатнымъ феодаламъ

которые стояли во главѣ всей военной организаціи. Они стали выдѣляться понемногу изъ толпы, передавать и занятія свои, и привычки по наслѣдству своимъ дѣтямъ. Они,—эти солдаты по происхожденію,—уже окончательно оторвались отъ народа, получая все нужное для существованія отъ своихъ князей и бароновъ. Естественно, что такое положеніе самураевъ заставляло ихъ стоять на стражѣ интересовъ родовой аристократіи, которая въ то же время являлась и денежной аристократіей. Это взаимное довѣріе и взаимная поддержка самураевъ и владѣтельныхъ князей обусловила и благосклонное отношеніе законодательства и администраціи къ этому новому военному классу. Законъ обезпечилъ за ними исключительное право на ношеніе оружія, далъ имъ цѣлый рядъ административныхъ и соціальныхъ преимуществъ. Но, при всемъ томъ, дворянство японское все-таки являлось плотью отъ плоти японской народной массы, его привилегіи опирались на временныхъ профессіональныхъ отличіяхъ, а не опредѣлялись какими-нибудь расовыми или кастовыми особенностями, не вытекали изъ отношеній побѣдителей къ побѣжденнымъ. Вотъ почему, когда къ половинѣ минувшаго столѣтія назрѣли новыя соціальныя условія, самураи,—по крайней мѣрѣ, часть ихъ,—такъ легко слились съ народомъ, изъ котораго, сравнительно совсѣмъ недавно, вышли ихъ предки.

Самураи, какъ общественный классъ, складывались въ періодъ военной, подвижной, полной опасности жизни. Профессія наложила на ихъ характеръ цѣлый рядъ типичныхъ черточекъ, которыми они отличались, какъ отъ придворной знати, такъ и отъ народныхъ массъ. Воздержность, преданность своему долгу, смѣлость, презрѣніе къ деньгамъ и ко всѣмъ занятіямъ, связаннымъ съ добываніемъ денегъ, заносчивость, жестокость, равнодушное отношеніе къ смерти и страданіямъ упоминаются почти всегда при характеристикѣ самураевъ наиболѣе воинственнаго періода японской исторіи. Но въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій передъ послѣдней японской революціей Страна Восходящаго Солнца жила тихой и мирной жизнью. Отсутствіе всякихъ военныхъ волненій дѣлало самураевъ совершенно безполезными членами общества, не давая никакого оправданія дальнѣйшему содержанію ихъ на общественный счетъ, вызывая упреки среди народа за всѣ тѣ привилегіи, которыми они пользовались сотни лѣтъ. Да и на самихъ самураевъ въ массѣ эта праздная жизнь, построенная по принципамъ, уже несоотвѣтствующимъ дѣйствительности, оказывала далеко не облагораживающее вліяніе: дурныя стороны ихъ характера разростались и принимали часто не-

лѣпыя формы, хорошія — затушевывались. Разложеніе и обѣднѣніе этой общественной группы шло быстрыми шагами впередъ.

Но если условія молодой Японіи въ большинствѣ случаевъ выбивали самураевъ изъ ихъ исторической колеи, то, съ другой стороны, надо помнить, что самураи, какъ разъ были тѣмъ общественнымъ слоемъ, изъкотораго выдѣлялась японская интеллигенція того времени. Всѣ оффиціальные посты въ провинціи принадлежали самураямъ, для нихъ однихъ былъ открытъ университетъ, они располагали большимъ досугомъ. Все это помогало выдвигаться людямъ, которые стояли выше среды, ихъ вскормившей и воспитавшей, которые стали вдумываться въ окружающія общественныя условія, чутко относиться ко всей массѣ зла и несчастья народной жизни, которые, наконецъ, захотѣли въ эту жизнь внести новый распорядокъ, болѣе соотвѣтствующій тому, что они считали правдой и справедливостью. Однимъ словомъ, именно самураи выдвинули главный контингентъ тѣхъ интеллигентныхъ реформаторовъ-революціонеровъ, которые такъ много сдѣлали для того, чтобы обезпечить Японіи новое, болѣе правильное теченіе жизни.

Но если, съ одной стороны, самураи выдѣляли дѣятелей, сознательно вступавшихъ въ борьбу съ существующимъ порядкомъ и становившихся вожаками движенія, то съ другой — многія обѣднѣвшія семьи военнаго дворянства принимались за ремесленный трудъ и сливались съ народными массами, внося туда новыя идеи, новыя настроенія, новыя преданія. Они увеличивали, такимъ образомъ, живую силу народныхъ массъ.

Эти процессы „опрощенія“ поневолѣ и созданія интеллигенціи конечно, захватывали лишь крайнія группы самураевъ (самураи составляли въ XIX ст. приблизительно около 5% всего населенія). Многіе изъ нихъ продолжали жизнь привилегированнаго класса, оставались вѣрными и прежнимъ взглядамъ на жизнь, и прежнимъ требованіямъ къ ней, не замѣчая, что сама жизнь ушла далеко впередъ и не соотвѣтствуетъ ихъ идеаламъ. Это несоотвѣтствіе между идеалами и дѣйствительностью, между старыми привычками, требованіями и измѣнившимися условіями жизни не могло не отразиться на общемъ настроеніи самураевъ. Оно создавало постоянную неудовлетворенность, дѣлало настроеніе возбужденнымъ, неспокойнымъ и неустойчивымъ Незадолго до періода революціи это возбужденное настроеніе достигаетъ особаго напряженія. Объ этомъ можно судить уже по тому значенію, которое стали пріобрѣтать въ это время такъ называемые ронины. Ронины были всегда однимъ изъ самыхъ опас-

ныхъ для общественнаго спокойствія элементовъ, и шогуны не разъ пытались уничтожить или ограничить ихъ путемъ различныхъ законодательныхъ нормъ, но всѣ мѣры оказались недостаточными. Въ годы, предшествующіе коренной ломкѣ правительственнаго механизма Японіи, ронины особенно заставляютъ о себѣ говорить: убійства выдающихся государственныхъ дѣятелей, нападенія на иностранцевъ и на посольства, сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ заключенію торговыхъ договоровъ—все это было дѣломъ ихъ рукъ.

III.

Въ это же время на историческую сцену Японіи начинаютъ выступать и новыя группы населенія. Правда, онѣ были еще немногочисленны и не сумѣли еще выработать новыхъ общественныхъ идеаловъ, оставаясь во всемъ слѣпыми подражателями дворянства, но онѣ хорошо поняли, что и онѣ теперь не послѣдняя спица въ государственной колесницѣ. Это были разбогатѣвшіе купцы. Тѣ же самыя экономическія и бытовыя причины, которыя вели къ разоренію самураевъ, выдвигали торговый классъ и помогали ему сосредоточивать въ своихъ рукахъ большія денежныя средства. Такихъ причинъ было много: и ростъ городскаго населенія, и безумная роскошь феодаловъ, и безтолковая финансовая политика шогуновъ, и быстрое увеличеніе цѣнъ на рисъ... Какъ бы то ни было, въ XIX столѣтіи, съ самаго начала его, мы видимъ значительное количество разбогатѣвшихъ купцовъ, которые вели роскошную жизнь феодаловъ и держали въ рукахъ значительное количество самураевъ, оказавшихся ихъ должниками. Эта новая плутократія держалась теперь на равной ногѣ съ самураями, легко вступая съ ними въ родственныя отношенія — то путемъ выдачи замужъ въ дворянскія семейства своихъ дочерей, то путемъ усыновленія купеческихъ сыновей самурайскими фамиліями. Такими путями встревоженный и выбитый изъ колеи классъ самураевъ распространялъ свое безпокойное настроеніе на все большія и большія массы населенія.

Таковы были главнѣйшіе актеры исторической драмы въ Японіи къ началу реформаціоннаго движенія. Конечно, они составляли сравнительно довольно небольшую долю всего населенія Страны Восходящаго Солнца, но „народъ“,—въ широкомъ смыслѣ этого слова—не привыкъ еще здѣсь выступать на историческую сцену и обыкновенно очень спокойно принималъ всѣ тѣ измѣненія въ правитель-

ственномъ механизмѣ, которыя производились группами, подѣлившими между собою фактическую власть. Правда, бывали случаи массовыхъ возстаній, когда какой-нибудь феодалъ, черезчуръ зарвавшись въ своей алчности, налагалъ непосильные налоги и прибѣгалъ при сборѣ ихъ къ всевозможнымъ жестокостямъ. Такъ, напримѣръ, огромное возстаніе фермеровъ вспыхнуло въ семнадцатомъ столѣтіи во владѣніяхъ феодальнаго барона Аримы. Но все это были отдѣльные, немногочисленные, не систематизированные случаи. Гнѣвъ возставшихъ обрушивался не противъ общаго порядка, а лишь противъ частичныхъ злоупотребленій.

Однако, въ XVIII ст. и въ началѣ XIX-го крестьянскія возстанія стали повторяться все чаще и чаще, такъ какъ налоги, установленные расточительными феодалами, сдѣлались положительно невыносимыми.

Положеніе простого народа—земледѣльцевъ и ремесленниковъ—съ давнихъ поръ было очень тяжелымъ. Бывали періоды, когда они спускались до положенія простыхъ рабовъ. Но нерѣдко возставшій и волновавшійся народъ встрѣчалъ вниманіе къ своей участи со стороны императорскаго двора. И у того, и у другого, у народа и императора, былъ одинъ общій врагъ: аристократическая наслѣдственная бюрократія. Она всѣми силами принижала значеніе императорскаго дома и оттирала его отъ фактической власти; съ другой стороны, она грубо и жестоко относилась къ народу, который облагала огромными налогами. Вотъ почему, когда на императорскомъ престолѣ появлялись люди большого ума и сильной воли, они искали опоры въ народныхъ массахъ. Въ силу тѣхъ же условій и шогуны, когда имъ хотѣлось хоть нѣсколько высвободиться изъ-подъ стѣснявшей ихъ бюрократической опеки могучихъ клановъ, пускали въ свою политику сильную демократическую струю. Особенно теченія эти были сильно замѣтны въ послѣднее время передъ революціей—въ эпоху Токугава. Такимъ образомъ ни жестокія усмиренія крестьянскихъ возстаній, въ которыхъ принимали участіе войска шогуна, ни тяжелыя репрессіи, налагаемыя правительствомъ отъ имени императора на непокорныхъ плательщиковъ, не вытравили въ народныхъ массахъ извѣстныхъ симпатій къ императорскому дому. Благодаря этому, имя императора, сдѣлавшись однимъ изъ лозунговъ реформаціоннаго движенія, способствовало объединенію разношерстныхъ элементовъ оппозиціи противъ феодально-крѣпостническаго строя того времени.

Мы видѣли, что ко времени революціи выдвинулся на сцену

японской жизни торговый классъ, который, въ лицѣ своихъ наиболѣе богатыхъ представителей, сталъ въ значительной степени перемѣшиваться съ дворянскими слоями японскаго общества. Но это теченіе опредѣлилось отчетливо лишь за самое послѣднее передъ революціей время и свидѣтельствовало о глубокихъ измѣненіяхъ въ экономической структурѣ японской имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ среднихъ вѣковъ соціальная лѣстница японскаго общества располагала свои ступеньки и приступки въ совершенно иномъ порядкѣ. Сейчасъ же за феодальной знатью слѣдовалъ тогда военный классъ (*shi*), за нимъ земледѣльческій (*no*), еще дальше промышленный (*ko*) и, наконецъ, торговый (*sho*). Такимъ образомъ купеческій классъ находился въ самомъ низу общественной пирамиды; прямо надъ ними лежали уже вязкіе, почти неподвижные слои разныхъ отверженныхъ профессій и рабовъ. Такое предпочтеніе, оказываемое въ то время земледѣльческому населенію, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ томъ, что земледѣльцы были главными плательщиками всякаго рода податей и налоговъ, и на нихъ же лежала главная тяжесть натуральныхъ повинностей.

Мы видѣли, что бюрократія шогуна вмѣшивалась самымъ безцеремоннымъ образомъ въ частную жизнь крестьянства, пытаясь регулировать самыя интимныя стороны его существованія. Но во всѣхъ этихъ мѣрахъ сквозитъ единственно желаніе оградить интересы фиска, сохранивъ возможно крѣпкое экономически крестьянство, этого главнаго своего плательщика. Политика эта началась очень рано и тѣсно связана со всей исторіей землевладѣнія.

На зарѣ японской исторіи мы видимъ землю подѣленной между отдѣльными кланами и короной. Но въ седьмомъ столѣтіи нашей эры, когда императоры взяли временно всю власть въ свои руки, въ жизнь была проведена иная теорія. Вся земля признавалась собственностью государственной. Этой землей императоръ надѣлялъ лицъ императорской фамиліи; болѣе или менѣе значительныя имѣнія раздавались крупнымъ и мелкимъ чиновникамъ вмѣсто жалованья и наградъ за особыя услуги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ широко было распространено убѣжденіе въ правѣ всякаго на такой клочекъ земли, съ котораго онъ могъ бы получить средства для существованія и уплаты налоговъ.

Государство считало себя обязаннымъ давать соотвѣтственные клочки земли каждому изъ своихъ гражданъ: каждому ѣдоку мужскаго пола назначалось $^2/_3$ акра, женскаго $^1/_3$. Черезъ шесть лѣтъ производились общіе передѣлы. Такая государственная община,

однако, не привилась. Земли выпахивались, на мельорацію ихъ не обращалось никакого вниманія. Государство, всегда ревниво относившееся къ земледѣлію, какъ главному источнику своихъ средствъ, не могло не замѣтить невыгоднаго вліянія общинныхъ порядковъ въ томъ видѣ, въ какомъ они нашли свое выраженіе въ японской дѣйствительности того времени. Мало по малу начала насаждаться частная собственность. Но и при институтѣ частной собственности государство, конечно, не могло отрѣшиться отъ того взгляда, что каждый изъ частныхъ собственниковъ получилъ землю отъ него, государства, только для того, чтобы онъ могъ и самъ существовать, и доставлять государству необходимыя средства. Отсюда въ японскомъ законодательствѣ появляется цѣлый рядъ ограничительныхъ, по отношенію къ крестьянству, мѣръ. Такъ, свободному крестьянину позволялось продавать свою землю только съ согласія соотвѣтствующихъ чиновниковъ, а затѣмъ такая продажа была и вовсе воспрещена. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эпоху Токугава оставить землю невспаханной—для крестьянина было уголовнымъ преступленіемъ. За уклоненіе отъ уплаты податей налагались тяжелыя наказанія не только на родственниковъ бѣжавшаго, но и на его сосѣдей. Переходъ въ другія общественныя группы былъ также крайне затрудненъ: фермеру запрещено было, напримѣръ, заниматься торговлей. Въ случаѣ болѣзни фермера его земля, по требованію закона, должна быть раздѣлана сосѣдями. Крестьянинъ, который относился къ своей землѣ небрежно, могъ потерять ее путемъ конфискаціи и быть изгнаннымъ изъ округа. Старательнымъ же отношеніемъ къ землѣ и исправной уплатой податей въ теченіе 20 лѣтъ онъ получалъ право на постоянную аренду ея. При продажѣ земли подвергался тяжелымъ наказаніямъ не только продавецъ—крестьянинъ, но и покупатель.

Крестьянинъ, такимъ образомъ, былъ прикрѣпленъ въ интересахъ фиска къ землѣ, но онъ никогда не былъ рабомъ. Онъ никогда никому не принадлежалъ, не былъ ничьей собственностью. Напротивъ, не смотря на всю назойливую и мелочную регламентацію со стороны бюрократія шогуната, крестьяне все время обладали извѣстными общественными правами, которыя пріучали къ самодѣятельности широкіе слои населенія. Этому содѣйствовала въ значительной степени и административная группировка домохозяевъ, учрежденная первоначально опять-таки ради интересовъ фиска. Каждые пять домохозяевъ образовывали группу, которая была связана круговою порукой въ дѣлѣ уплаты податей и выполненія повинностей. Если кто-нибудь изъ членовъ этой группы бѣжалъ, не исполнивъ

своихъ обязательствъ передъ казной, то за бѣжавшаго отвѣчали оставшіеся члены группы. Они держали въ теченіе трехъ лѣтъ его землю, неся вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ обязательства, связанныя съ пользованіемъ этой землей; по прошествіи же этого срока земля возвращалась государству. Когда подати и повинности становились слишкомъ тяжелыми, начиналось бѣгство „пятками“. Съ мѣста снималась сразу вся группа, не оставляя въ рукахъ государства никого своимъ заложникомъ. Мало по малу административныя права этихъ группокъ, разростались, и въ концѣ концовъ онѣ оказались тѣми организаціями, черезъ посредство которыхъ правительство въ эпоху Токугава возложило отвѣтственность за порядокъ страны на самый народъ. Такъ, напр., ни одинъ домохозяинъ не могъ оставить на ночлегъ у себя путника, не оповѣстивъ объ этомъ свою группу; безъ такого же оповѣщенія онъ не имѣлъ права хотя бы на время переселиться въ другую деревню. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка и оскорбленія общественной нравственности наказанію подвергалась вся группа. Иногда же такая круговая отвѣтственность простиралась на цѣлые округи со всѣми ихъ выборными старшинами. Такія наказанія налагались, напр., за обращеніе запрещенной монеты, за перевозку подозрительныхъ лицъ и т. д. Эти же группы являлись отвѣтственными за лѣность и расточительность своихъ членовъ. На нихъ лежала обязанность прекращать по собственному почину всякія противоправительственныя организаціи. Наконецъ, онѣ играли выдающуюся роль во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законъ поручалъ самому народу слѣдить, чтобы сборщики податей не брали съ плательщиковъ ничего лишняго.

Итакъ, крестьяне не были рабами. Рабы представляли совершенно особый классъ, который заключалъ въ себѣ сравнительно небольшую часть (около 5%) всего населенія.

Обращеніе съ рабами въ Японіи никогда не отличалось жестокостью. Они раздѣлялись на пять классовъ: стража императорскихъ гробницъ, слуги въ различныхъ административныхъ учрежденіяхъ, домашняя прислуга, государственные рабы и частные рабы. Первые два класса мало чѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ подданныхъ и очень часто отпускались на свободу. У нихъ были свои установленія, и они могли пріобрѣтать свою собственность. Положеніе частныхъ рабовъ было гораздо тяжелѣе: ихъ могли продавать и покупать, какъ и всякую другую собственность. Но мы видимъ, что эти несчастные элементы общества составляли лишь незначительную долю населенія, а потому и не могли играть сколько-

нибудь выдающейся роли въ крупныхъ историческихъ событіяхъ японской имперіи.

Кромѣ перечисленныхъ классовъ японскаго общества, существовало еще большое количество лицъ, которыя находились въ положеніи, промежуточномъ между рабами и низшими классами свободныхъ гражданъ. Это были лица, занимавшіяся разными отверженными и нечистыми профессіями, какъ ихъ квалифицировали суевѣрія того времени. Число такихъ профессій было весьма значительно. Гражданскія права лицъ, занимавшихся ими, были ограничены. Какъ рабы, такъ и „отверженные“ стояли отъ государственной жизни страны очень далеко и не оказали эпохѣ реформъ никакихъ существенныхъ услугъ.

IV.

Что касается культурнаго развитія страны, то оно достигало въ разсматриваемую эпоху очень высокаго уровня. Японія—страна старой и своеобразной культуры. О высотѣ японской культуры еще въ очень ранніе эпохи говоритъ множество фактовъ. Быть можетъ, однимъ изъ самыхъ интересныхъ между ними надо считать установленіе всенародныхъ переписей еще въ то время, когда почти вся Европа представляла дикую страну. Первая перепись населенія по императорскому приказу, была произведена въ 86 г, до Р. Хр. Спустя семь столѣтій было установлено, чтобы переписи производились правильно черезъ каждыя 6 лѣтъ. Чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, значеніе этого факта, припомнимъ, что перепись въ Великобританіи была произведена лишь въ 1801 г., и то послѣ большихъ затрудненій. Еще до Александра Македонскаго, за семь столѣтій до Р. Хр., японцы были морской націей, такъ какъ корабли ихъ свободно ходили до береговъ Кореи. Уже въ 202 году въ Японіи были установлены правильныя почтовыя сношенія, которыя въ послѣдующія столѣтія лишь получили дальнѣйшее развитіе. Въ VII и VIII столѣтіяхъ нынѣшней эры Японія пережила періодъ великаго возрожденія. Принцъ Шотоку открылъ эпоху блестящаго и всеобщаго прогресса. Знаменитый путешественникъ Марко Поло, возвратившійся въ 1295 г. изъ своего путешествія въ Китай, писалъ о японцахъ: „это цивилизованный и хорошо одаренный народъ“.

Правда, въ теченіе почти двухъ столѣтій передъ революціей: Японія прожила за закрытыми дверями, не пуская къ себѣ представителей западной культуры. Но этотъ періодъ отчуженія отъ другихъ

націй,—эпоха Токугава,—былъ періодомъ расцвѣта матеріальныхъ силъ Японіи и прогресса среднихъ классовъ ея населенія. За закрытыми дверями въ Японіи шла напряженная умственная работа: малозамѣтная, но глубокая перестройка молекулъ общественнаго организма.

Но замкнутость Японіи никогда не была полною. Съ глубокой древности она усвоивала отъ сосѣдей все, что могло принести странѣ большую или меньшую пользу. Она соприкасалась въ то время только съ Китаемъ, культура котораго тогда высоко стояла на шкалѣ всемірной исторіи. И Японія не боялась учиться у этой чуждой ей культуры. Она заимствовала у Китая шелководство, она познакомилась у него съ разведеніемъ чайнаго дерева. Насаждая у себя буддизмъ, японскіе императоры широко открыли двери своей имперіи для китайской литературы, исторіи, философіи. Самый фактъ покровительства буддизма съ высоты престола страны шинтоизма—религіи, обоготворявшей императора и императорскій домъ,—является весьма знаменательнымъ. Императоры Японіи видѣли, что буддизмъ связанъ съ болѣе высокой культурой, чѣмъ та, которою тогда обладала Японія, и они безстрашно принялись насаждать эту вѣру, не обращая вниманія на то, что она въ корнѣ противорѣчила ученію объ ихъ божественномъ происхожденіи.

Наряду съ матеріальной культурой и моральное развитіе народа тоже имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ Японіи. Еще въ VII вѣкѣ принцъ Шотоку училъ, что отсутствіе довѣрія между государемъ и его подданными ведетъ государство къ вѣрной гибели, что человѣкъ долженъ умѣть приносить свои частные интересы въ жертву общественному благу, что эгоизмъ мѣшаетъ сотрудничеству, а безъ сотрудничества не можетъ быть совершено ни одно великое дѣяніе и т. д. Въ его ученіи отражались тогдашніе этическіе идеалы японскаго общества: эти идеалы были руководящими принципами въ дѣлѣ воспитанія многихъ десятковъ послѣдующихъ поколѣній японскаго населенія. На нихъ народъ воспитывался болѣе, чѣмъ тысячу лѣтъ, и они не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ на его характерѣ и на складѣ его воззрѣній.

Такимъ образомъ, незадолго до революціи Японія представляетъ такую картину: своеобразная и высокая культура глубоко пустила свои корни въ народныя массы, не знавшія въ большей своей части личнаго рабства и привыкшія въ большей или меньшей степени (въ зависимости отъ своего общественнаго положенія) къ взаимопомощи и самодѣятельности. Глубокія экономическія и бытовыя измѣ-

ненія, накопившіяся къ этому моменту въ жизни японскаго народа, лишали устойчивости ту общественную структуру, которая объединяла въ одинъ государственный организмъ различные общественные интересы и различныя историческія наслоенія. Наслѣдственная аристократическая бюрократія, составлявшая остовъ этого организма, перестала удовлетворять всѣхъ: императоръ и придворная знать жили, оттертые отъ фактической власти и богатствъ, феодалы были сокращены въ своихъ притязаніяхъ на суверенитетъ, самураи обѣднѣли, потеряли всякое основаніе для своего существованія, какъ обособленной военной организаціи, и для сохраненія тѣхъ правъ, которыя раньше логически вытекали изъ положенія вещей; новая сила,—представители капитала,—не находили себѣ ни достаточнаго простора, ни достаточнаго почетнаго положенія въ обществѣ; крестьянство,—эта основа всего финансоваго благополучія Японіи,—волновалось, обремененное тяжелыми налогами Весь государственный организмъ имперіи былъ расшатанъ, но не потому, чтобы его соціальное тѣло было поражено какой нибудь тяжелой болѣзнью. Нѣтъ, оно было здорово и дѣятельно, надо было только иначе приладить его основныя части. Для этой внутренней работы нужны были силы. Этими живыми силами и явились самураи, составлявшіе, главнымъ образомъ, японскую интеллигенцію того времени. А путь, который надо было выбрать, оказался намѣченнымъ тогдашнимъ идейнымъ движеніемъ.

Большую роль въ этомъ движеніи сыграла философія Ванга, гонимая правительствомъ и жадно изучаемая японской интеллигенціей эпохи Токугава. Мы не будемъ здѣсь излагать ея основы; для насъ достаточно будетъ указать, что философія эта говорила о полномъ равенствѣ всѣхъ людей, что она предписывала безъ малѣйшихъ колебаній исполнять внутреннія велѣнія долга и воплощать ихъ въ дѣйствія, что она рекомендовала критическое отношеніе къ государственнымъ и общественнымъ формамъ съ точки зрѣнія внутренней правды и справедливости, сознаваемой человѣкомъ. О томъ, что она сыграла выдающуюся роль въ исторіи Японіи, свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ именъ крупныхъ дѣятелей, послѣдователей этой доктрины. Такимъ образомъ, философія Ванга демократизировала японское дворянство и толкала его на путь активнаго вмѣшательства въ государственную жизнь.

Съ другой стороны, первые опыты исторической науки вынесли существующей политической системѣ осужденіе съ точки зрѣнія опять-таки права и справедливости. Въ 1715 г. Комонъ, одинъ

изъ крупныхъ и образованныхъ феодаловъ, закончилъ большой трудъ, предпринятый имъ при помощи окружавшихъ его ученыхъ, по обозрѣнію японскихъ лѣтописей. Первое же соприкосновеніе съ историческими источниками показало японской интеллигенціи, что система шогуната опирается на грубой узурпаціи власти, что источникомъ дѣйствительной власти является императоръ, и ему должны принадлежать прерогативы верховнаго управленія. Сначала это теченіе имѣло только академическій характеръ, но мало по малу оно сдѣлалось ядромъ политическаго ученія—имперіализма. Теченіе это быстро росло, не смотря на гоненія, которыя шогунатъ открылъ противъ историческаго труда Комона. Dai-Nihon-Shi,—такъ назывался этотъ трудъ,—распростанялся въ массѣ рукописныхъ, запрещенныхъ экземпляровъ.

Это оживленіе имперіалистическихъ теорій отразилось и на настроеніи широкихъ народныхъ массъ, продолжавшихъ исповѣдывать шинтоизмъ, который за время шогуната долженъ былъ обратиться въ академическую вѣру, такъ какъ его земное божество—императоръ Японіи—лишенъ былъ всякой дѣйствительной власти и силы. Имперіализмъ оживилъ эту древнюю религію народа. И народнымъ массамъ былъ близокъ и понятенъ кличъ японскихъ имперіалистовъ: „Да здравствуетъ императоръ! Долой шогуна!“

Такимъ образомъ, въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія все—и общественная группировка, и идейныя теченія — было противъ стараго феодальнаго порядка и наслѣдственной бюрократіи. Недоставало только такого толчка, который двинулъ бы всѣ эти силы и забродившія народныя массы въ одномъ и томъ же направленіи, хотя бы на самое короткое время. Такимъ толчкомъ оказалось вмѣшательство въ жизнь Японіи западно-европейскихъ государствъ и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

VIII.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ ЯПОНСКОЙ ИСТОРІИ.

До паденія шогуната.

I.

Съ внѣшней стороны вмѣшательство представителей западно-европейской культуры въ жизнь японскаго народа отмѣчается слѣдующими историческими фактами.

Соперничество голландцевъ съ португальцами и интриги ихъ другъ противъ друга привели въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія къ тому, что португальцамъ было запрещено вовсе появляться въ Японіи, а голландцамъ разрѣшено останавливаться лишь въ Нагасаки. Этимъ и ограничивались всѣ отношенія Японіи къ западно-европейскому міру въ теченіе болѣе чѣмъ полуторастолѣтія передъ эпохой реформъ.

Но уже съ самаго начала XIX столѣтія въ запертую дверь Японіи начинаютъ усиленно стучаться безпокойные сосѣди. Первымъ появился русскій корабль, который явился къ Іедо подъ предлогомъ водворенія на родину нѣсколькихъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Правительство шогуна вѣжливо дало почувствовать русскимъ, что оно не имѣло и не имѣетъ ни малѣйшаго желанія завязывать какія-либо отношенія съ чужой націей. Но новые гости не обратили на этотъ пріемъ ни малѣйшаго вниманія и въ слѣдующія двѣнадцать лѣтъ повторили свои посѣщенія шесть разъ подъ различными предлогами. Наполеоновскія войны отвлекли вниманіе Россіи отъ Дальняго Востока, и ей пришлось оставить въ покоѣ Японію, которая, между тѣмъ, приступала къ кое-какимъ военнымъ приготовленіямъ для того, чтобы силой оружія положить конецъ дальнѣйшему

любопытству русскихъ. Но военные рессурсы Японіи были въ то время настолько жалки, что на это бряцаніе оружіемъ едва ли кто обратилъ вниманіе. Незатѣйливые пріемы русской агрессивной политики, однако, внушили японцамъ нѣкоторую увѣренность въ себѣ, и когда затѣмъ у сѣверныхъ береговъ Японіи все чаще и чаще стали появляться англійскіе корабли, правительство шогуна распорядилось, чтобы крѣпости и флотъ отнынѣ обстрѣливали каждое иностранное судно, которое подойдетъ къ берегамъ на разстояніе выстрѣла. Не смотря на это, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ различными націями былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ завязать съ японскимъ правительствомъ правильныя сношенія; но всѣ эти попытки оказались совершенно безуспѣшными.

Первая брешь въ иностранной политикѣ Японіи была пробита въ 1853 г. американцами. Къ тому времени Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты оказались крайне заинтересованными въ томъ, чтобы Японія открыла для иностранныхъ судовъ хотя бы нѣкоторыя изъ своихъ гаваней. Добиваться выполненія этого желанія С.-А. Штаты побудили, главнымъ образомъ, слѣдующія причины: ростъ китобойнаго промысла, при которомъ американскимъ гражданамъ часто приходилось соприкасаться съ берегами Японіи и въ который Америкой были вложены большіе капиталы; открытіе Китая для иностранной торговли послѣ войны изъ-за опіума и, наконецъ, разработка въ Калифорніи золотыхъ розсыпей и развитіе въ этомъ краѣ торговыхъ отношеній. Для того, чтобы пароходы изъ С.-Франциско могли проходить прямо къ Гонконгу, имъ нужно было за одинъ пріемъ сдѣлать 6.149 морскихъ миль и захватывать съ собой для такого пути огромные запасы угля. Существенно облегчить пароходное движеніе могло бы устройство угольной станціи на одномъ изъ острововъ японскаго архипелага, но для этого приходилось заставить Японію отказаться отъ своей политики изоляціи.

Эскадра, назначенная съ этой цѣлью въ японскія воды, была поручена адмиралу Перри, который тщательно подготовился къ экспедиціи, изучивъ всѣ главнѣйшіе матеріалы о Японіи, имѣвшіеся въ то время въ распоряженіи культурныхъ націй. Онъ рѣшилъ явиться со своими кораблями не въ Нагасаки, какъ это дѣлали до сихъ поръ иностранцы, а прямо въ Урагу, гавань Іедо. Порученія, данныя адмиралу правительствомъ, исчерпывались слѣдующими пунктами.

1) „Заключить такой договоръ съ японскимъ правительствомъ, въ силу котораго американскіе граждане, потерпѣвшіе кораблекру-

шеніе у береговъ Японіи или зашедшіе въ ея порты подъ давленіемъ какого-нибудь несчастья, пользовались бы, равно какъ и собственность ихъ, защитой со стороны японскаго правительства.

2) „Получить позволеніе для кораблей Соединенныхъ Штатовъ заходить въ одинъ или нѣсколько японскихъ портовъ для того, чтобы запасаться тамъ водой, топливомъ и т. д., а въ случаѣ какихъ-либо поврежденій производить необходимую починку. Было бы желательно устроить склады каменнаго угля, если не на главныхъ островахъ, то на тѣхъ мелкихъ островкахъ, которые во множествѣ находятся у береговъ Японіи.

3) „Получить позволеніе кораблямъ Соединенныхъ Штатовъ заходить въ одинъ или нѣсколько японскихъ портовъ для того, чтобы совершенно свободно выгружать тамъ свою кладь и имѣть право пріобрѣтать продукты страны".

Перри, кромѣ того, везъ съ собою весьма любезное собственноручное письмо президента Соединенныхъ Штатовъ къ „императору" Японіи, причемъ этимъ титуломъ совершенно ошибочно величали шогуна.

Японское правительство было предупреждено голландцами о предстоящемъ посѣщеніи японскихъ береговъ американской эскадрой. И тѣмъ не менѣе, появленіе въ 1853 г. въ гавани Урага огромныхъ военныхъ американскихъ судовъ произвело и на народъ, и на правительство сильное впечатлѣніе. Эскадра Перри состояла всего изъ четырехъ кораблей съ 560 человѣкъ экипажа. Но народная фантазія увеличила эти силы во много разъ: такъ, въ Іедо говорили о десяти корабляхъ съ пятью тысячами человѣкъ, а въ Кіото даже о ста корабляхъ съ ста тысячами людей. Народъ и правительство, непривыкшіе къ такимъ смѣлымъ поступкамъ со стороны „варваровъ", были страшно возмущены и взволнованы. Всѣ попытки убѣдить Перри уйти въ Нагасаки и оттуда вести переговоры черезъ голландцевъ или китайцевъ оказались тщетными. Тогда, наконецъ, японское правительство согласилось принять письмо президента Соединенныхъ Штатовъ, прислалъ для этого чиновное лицо соотвѣтственнаго ранга. Исполнивъ первую часть своего порученія, адмиралъ Перри покинулъ японскіе берега, намекнувъ, что въ ближайшемъ будущемъ онъ снова здѣсь появится за полученіемъ отвѣта.

13-го февраля 1854 г. адмиралъ Перри, дѣйствительно, снова явился въ гавани Іедо. Теперь у него уже было десять судовъ. Японскому правительству, не смотря на всѣ его воинственныя приготовленія, не оставалось ничего другого, какъ принять предложенія Со

единенныхъ Штатовъ, и 31-го марта того же года былъ заключенъ первый договоръ съ чужеземцами. Брешь въ иностранной политикѣ Японіи была, такимъ образомъ, пробита. Государствамъ Западной Европы оставалось только расширить ее. И, дѣйствительно, осенью того же года аналогичный договоръ былъ заключенъ съ Великобританіей, въ 1855 г. съ Россіей, въ 1856 съ Нидерландами.

II.

Посмотримъ теперь, какъ реагировала внутренняя жизнь Японіи на эти факты внѣшней ея политики.

Не смотря на всѣ препятствія, поставленныя оффиціальной Японіей западно-европейской культурѣ, наука и идея этой послѣдней, капля за каплей, уже давно начали просачиваться въ японскую жизнь черезъ ту узкую щель, которая въ Нагасаки была оставлена для голландцевъ. Уже въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія японская интеллигенція выдѣлила небольшую группу молодежи, которая, не взирая на жестокія угрозы закона, принялась за изученіе голландскаго языка и ученыхъ голландскихъ книгъ. Одинъ изъ такихъ рьяныхъ адептовъ западной науки—Оно Ріушихеп—составилъ замѣчательную книгу, въ которой описывалъ обычаи, законы и военную организацію западныхъ государствъ. Въ своей работѣ онъ предупреждалъ Японію, что въ одинъ прекрасный день на ея сѣверныхъ берегахъ объявится страшный врагъ— Россія, а потому онъ совѣтовалъ правительству заняться увеличеніемъ флота и укрѣпленіемъ береговъ. Правительство шогуна въ Іедо признало это произведеніе лживымъ и вреднымъ, отобрало всѣ его экземпляры, предало ихъ сожженію, а автора подвергло тюремному заключенію. Первое взаимодѣйствіе двухъ общественныхъ силъ, правительства страны и ея интеллигенціи, завершилось, такимъ образомъ, обычными въ подобныхъ случаяхъ результатами. Не успѣлъ, однако, Оно Ріушихеп просидѣть въ тюрьмѣ и пяти мѣсяцевъ, какъ у береговъ Японіи впервые появился упомянутый выше русскій корабль. Предсказанія несчастнаго автора, такимъ образомъ, блестяще подтвердились, получили всеобщее признаніе, и онъ былъ освобожденъ изъ тюремнаго заключенія.

Первое же столкновеніе съ чужеземцами поставило правительство шогуната въ крайне затруднительное положеніе. Съ одной стороны, оно вынуждено было относиться съ полнымъ уваженіемъ къ

традиціонной изоляціи Японіи въ международныхъ отношеніяхъ, къ которой привыкли десятки поколѣній управляемой имъ страны; съ другой стороны, у него не было ни средствъ, ни силъ, чтобы поддержать эти традиціи въ жизни. Но оно, какъ мы видѣли, всетаки рѣшилось на первыхъ порахъ попробовать бороться съ новыми историческими факторами и удержать старыя формы общественныхъ отношеній, выгодныхъ именно для данной организаціи правительства. Начались различныя военныя приготовленія.

Просвѣщенные поклонники западной культуры ясно видѣли, что отсталой Японіи нечего и думать вступать въ борьбу съ западными государствами. Среди японской интеллигенціи опять нашлись смѣлые люди, которые рискнули выступить съ порицаніемъ правительственной политики. Среди молодежи, увлекавшейся западно-европейской наукой, образовался тѣсный кружокъ, который продолжалъ свои занятія, не смотря на угрозы закона, сулившаго за соприкосновеніе съ „варварской“ наукой и жизнью тяжелыя кары, и не смотря на презрѣніе окружающихъ, которые называли ихъ „варварскимъ обществомъ“. Видя, что правительство шогуна готовится къ борьбѣ съ западными чужеземцами, молодые энтузіасты не нашли возможнымъ молчать и рѣшились громко заявить свой протестъ противъ неразумной и опасной политики правительства. Двое изъ руководителей этого кружка составили книгу, въ которой совершенно откровенно и обстоятельно высказали взгляды на данное положеніе вещей. Копіи этой книги они разослали всѣмъ лицамъ, занимавшимъ въ то время крупные административные посты въ Японіи. Конечно всѣ выдающіеся члены этого кружка были по распоряженію правительства схвачены и брошены въ тюрьмы. Но самоотверженный подвигъ ихъ не пропалъ даромъ. Ихъ идеи захватили широкій кругъ вліятельныхъ лицъ и сыграли замѣтную роль въ тотъ моментъ, когда пришлось ликвидировать сложившійся вѣками порядокъ. Между тѣмъ, внѣшнія осложненія, съ которыми должно было считаться правительство, углубились еще внутренними неурядицами. Финансовыя силы страны политикой шогуната были почти въ конецъ разстроены. Это отразилось, между прочимъ, на финансовомъ положеніи феодальной знати, все болѣе и болѣе запутывавшейся въ долгахъ. Трехлѣтній голодъ (1833—1835 гг.), свирѣпствовавшій въ странѣ, сдѣлалъ еще болѣе невыносимымъ положеніе народныхъ массъ и въ конецъ истощилъ ихъ платежныя силы. Между тѣмъ, поборы все росли. Въ 1838 году сгорѣлъ роскошный замокъ шогуна, и для его возстановленія народъ былъ обложенъ новыми налогами.

Въ странѣ росло и зрѣло все большее и большее недовольствъ правительствомъ. Лозунгомъ оппозиціи сдѣлался императоръ, въ пользу котораго общественное мнѣніе все болѣе и болѣе настойчиво требовало ограниченія власти шогуна. Нужень былъ лишь толчекъ, чтобы нарушить сложившееся вѣками равновѣсіе. Такимъ толчкомъ и явились американцы. Шогунатъ оказался между двухъ огней и, не чувствуя себя достаточно сильнымъ, сразу вступилъ на путь компромиссовъ.

Огромные военные корабли американцевъ, окованные желѣзомъ, вооруженные крупными пушками и переполненные ловкими и сильными матросами, произвели глубокое впечатлѣніе на правительство шогуна. Оно, какъ мы видѣли, уступило требованіямъ американцевъ. Отчасти оно уже было подготовлено къ этому новыми идейными теченіями своего времени. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно вынуждено было сдѣлать уступки и въ другую сторону. Чувствуя подъ своими ногами далеко уже не такую прочную почву, какъ это было раньше, и понимая, какую бурю негодованія вызовутъ въ народѣ уступки дерзкимъ требованіямъ иностранцевъ, автократическая бюрократія шогуната не посмѣла взять на себя всю отвѣтственность за этотъ рѣшительный историческій шагъ. Она обратилась за совѣтомъ ко всѣмъ крупнымъ феодаламъ. Всѣмъ дайміосамъ были разосланы копіи съ письма президента С.-А. С. Штатовъ къ шогуну съ просьбой откровенно высказаться по данному вопросу. Большая часть феодальной знати высказалась противъ всякихъ договоровъ съ чужеземцами. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтовали заключить временные договоры на три, пять, десять лѣтъ съ тѣмъ, чтобы за это время подготовиться въ военномъ отношеніи и затѣмъ изгнать варваровъ со священной земли Японіи. И лишь немногіе были за мирные договоры съ иностранцами.

Другимъ, крайне опрометчивымъ актомъ со стороны правительства шогуна былъ оффиціальный рапортъ императорскому двору въ Кіото о событіяхъ, вызванныхъ появленіемъ въ самомъ сердцѣ Японіи американскихъ кораблей. Цѣлый рядъ послѣднихъ шогуновъ совершенно оттѣснилъ и императора, и императорскій дворъ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Теперь же шогунъ Ійёйоши счелъ необходимымъ въ опасный моментъ укрыться въ тѣни, падающей отъ престола. Правительство шогуна обнаружило, такимъ образомъ, полную неспособность справиться собственными силами съ тяжелыми событіями, выпавшими на долю страны. Это ободрило довольно многочисленную уже въ это время партію имперіалистовъ. Придворная

знать сумѣла оцѣнить значеніе минуты: она убѣдила императора воспользоваться промахомъ шогуната, отказать ему въ желаемомъ имъ согласіи императора на договоръ съ иностранцами и этимъ поставить правительство шогуната въ необходимость—или идти завѣдомо и открыто противъ воли императора, или нарушить заключенный договоръ и подвергнуть страну всѣмъ опасностямъ неравной борьбы.

Отказъ императора дать свое согласіе на заключенный уже договоръ наносилъ шогунату еще одинъ ударъ: онъ разрывалъ связь между шогуномъ и прогрессистами, стоявшими за сближеніе съ иностранцами и видѣвшими въ этомъ сближеніи залогъ будущаго благосостоянія страны. Паролемъ оппозиціи того времени, какъ уже мы сказали, былъ имперіализмъ. Разладъ между шогуномъ и императоромъ въ данномъ вопросѣ заставилъ прогрессистовъ отказаться на время отъ своихъ „западническихъ“, если можно такъ выразиться, стремленій. Два различныхъ, казалось бы, теченія — противъ чужеземцевъ и противъ шогуната—слились. Всѣ оппозиціонныя силы сосредоточились на борьбѣ съ правительствомъ, оказавшимся по данному вопросу въ двусмысленномъ положеніи. Шогунатъ никакъ не могъ занять какое-нибудь опредѣленное положеніе. Двойственность и нерѣшительность характеризовали всѣ его дѣйствія: правительство не санкціонировало появленія чужеземцевъ, но и не рѣшалось въ то же время противопоставить имъ вооруженную силу; оно явно хотѣло сорганизировать оборонительныя силы страны и въ то же время не давало ни малѣйшаго намека на то, что окончаніе этихъ приготовленій послужитъ сигналомъ къ изгнанію чужеземцевъ.

Правда, и политика большинства оппозиціи въ то время не успѣла еще отлиться въ ясныя и опредѣленныя формы. Большинство ея все еще надѣялось, что дѣло обойдется безъ коренной ломки, путемъ простого „объединенія двухъ знатей“—двора императора и двора шогуна. Само собою разумѣется, что императору, у котораго фактически власть была отнята давно, уже не чѣмъ было поступиться въ пользу шогуна, и общественное мнѣніе ждало и требовало уступокъ со стороны послѣдняго. Однако обстоятельства не сразу сложились въ пользу этого общественнаго теченія.

III.

Шогунату удалось привлечь въ свою среду нѣсколькихъ талантливыхъ администраторовъ. Начался рядъ реформъ: была быстро

развита береговая оборона, открыты военная школа въ Іедо и школа мореплаванія въ Нагасаки; устранены многія административныя злоупотребленія, преобразована финансовая система. Движеніе противъ шогуната начинало понемногу успокоиваться, тѣмъ болѣе, что правительство старалось представить дѣло открытія портовъ иностранцамъ, не какъ уступку передъ ихъ силой, а какъ актъ милосердія, дающій возможность укрыться и отдохнуть мореходамъ, измученнымъ въ борьбѣ со стихіями. Такимъ образомъ убаюкивалась и національная гордость. Одному изъ горячихъ защитниковъ шогуната— Іи удалось даже вырвать у императорскаго двора декретъ, въ которомъ императоръ соглашался на всѣ мѣры, предпринятыя шогуномъ въ иностранной политикѣ, и представлялъ ему полную свободу дѣйствія въ дальнѣйшемъ. Однако свѣтлые дни шогуната, видимо, прошли. Часть придворной знати возстала противъ этого декрета, и онъ не былъ обнародованъ.

Но шогунатъ все еще не сдавался. Лѣтомъ 1858 г. энергичный Іи былъ назначенъ регентомъ больного и молодого шогуна. Придворная партія, вокругъ которой группировались имперіалисты и прогрессисты, была разбита натискомъ регента: нѣсколько принцевъ и важныхъ придворныхъ были подвергнуты строгому домашнему аресту; пятьдесятъ шесть лицъ менѣе знатнаго происхожденія, которыя принадлежали къ различнымъ кланамъ и служили агентами у дайміосовъ и придворной знати, были арестованы, разсажены по тюрьмамъ, подвергнуты пыткамъ и казнены. Дворъ былъ терроризированъ и склонилъ смиренно голову передъ шогуномъ.

Усиленіе шогуната, однако, означало и укрѣпленіе прежней его иностранной политики. Въ томъ же 1858 г., подъ вліяніемъ американскаго генеральнаго консула Гарриса и угрозъ англійскаго флота, были даны иностраннымъ торговцамъ новыя льготы. Для страны и приверженцевъ изолированной Японіи стало совершенно ясно, что шогунатъ, дѣйствительно, или не хочетъ, или не можетъ противиться притязаніямъ иностранцевъ. Волна оппозиціи поднялась и опять всколыхнула широкіе слои общества. Литературныя произведенія того времени были переполнены самыми хвастливыми эпитетами по отношенію къ Японіи и самыми бранными выраженіями по адресу иностранцевъ.

Хотя гоненіе со стороны шогуна на прогрессистовъ и имперіалистовъ разбило ихъ партію и выбросило ихъ въ большинствѣ случаевъ за бортъ государственнаго управленія, но оно же заставило ихъ внимательнѣе и вдумчивѣе отнестись къ своимъ программамъ;

оно показало ту эфемерность надеждъ, которыя возлагались на объединеніе „знати двора императора и двора шогуна“. Вопросъ обострился; многіе стали переходить на сторону тѣхъ, кто требовалъ уничтоженія шогуната и возврата императору полной власти, и административной, и законодательной. Компромиссныя формы перестали удовлетворять значительную часть общества. Стали выдвигаться планы насильственной дворцовой революціи: на терроризмъ шогуна нѣкоторые желали отвѣчать терроризмомъ имперіалистовъ. Хотя послѣдніе планы вожаками партіи, въ концѣ концовъ,были отброшены, однако, этимъ не былъ устраненъ ударъ, занесенный надъ головой сильнаго и ни передъ чѣмъ не останавливавшагося регента Іи. Двадцать четвертаго марта 1860 г. Іи былъ убитъ. Почти всѣ убійцы принадлежали къ клану Мито. Всѣ они были самураи, и всѣ почти погибли на эшафотѣ. Въ письмѣ, въ которомъ перечислялись преступленія регента, за которыя онъ былъ преданъ смерти, между прочимъ, указывалось на его произвольные аресты и преслѣдованія, и назначеніе чиновниковъ, отвѣчающихъ только его интересамъ, на заключеніе договора съ иностранцами противъ воли императора.

Въ ближайшіе мѣсяцы пало еще двѣ жертвы: самураи, принадбежавшіе къ клану убитаго Іи, отмстили клану Мито насильственной смертью ихъ феодальнаго князя. Далѣе было совершено довольно удачное покушеніе на одного изъ министровъ шогуна Все это показывало, что смута разросталась. И дѣйствительно, самураи съ каждымъ днемъ все больше и больше покидали свои кланы, приставали къ шайкамъ рониновъ и наполняли страну криками: „да здравствуетъ императоръ! Долой варваровъ!“ Шогунатъ, потерявшій главную свою опору въ лицѣ убитаго Іи, ослабилъ давленіе на общество, и начался возвратъ гонимыхъ передъ этимъ элементовъ. Несомнѣнно, что вожаки оппозиціи сдѣлали бы въ это время и болѣе рѣшительные шаги, если бы имъ не приходилось опираться въ своихъ насильственныхъ актахъ, главнымъ образомъ, на рониновъ, неустойчивость которыхъ могла бросить страну въ ужасной періодъ анархіи.

Отношеніе правительства шогуна къ иностранцамъ продолжало запутываться все больше и больше. Съ одной стороны, усиленіе движенія самураевъ, которые считали изгнаніе чужеземцевъ дѣломъ своей чести и совѣсти, сопровождалось цѣлымъ рядомъ покушеній на представителей западно-европейскихъ государствъ. Съ другой стороны, и сами европейцы, не умѣли какъ слѣдуетъ разобраться во всемъ, что происходило въ новой и чуждой имъ средѣ, и прибавляли много лишняго ко всей этой путаницѣ. Такъ, напр., тотъ фактъ, что

посольства и представители ихъ тщательно охранялись японской администраціей отъ возможныхъ въ каждую минуту покушеній со стороны рониновъ, истолковывался европейцами за желаніе японцевъ установить за ними постоянный сыскъ и надзоръ, которые бы сдѣлали невыносимымъ пребываніе европейцевъ въ этой странѣ. Самыя покушенія приписывались многими европейцами тайнымъ махинаціямъ японскаго правительства, которое-де стремится терроризировать европейское общество. Наконецъ, въ самый торговый договоръ 1858 г. вкралась весьма невыгодная для Японіи недомолвка, которой воспользовалось европейское купечество.

Дѣло въ томъ, что этимъ договоромъ было допущено обращеніе въ Японіи иностранной монеты, причемъ не было принято во вниманіе то обстоятельство, что отношенія благородныхъ металловъ между собою въ Европѣ и въ тогдашней Японіи выражались различными величинами (въ Европѣ золото относилось къ серебру, какъ 15 : 1, въ Японіи же,— какъ 5 : 1), и разница всецѣло учитывалась въ свою пользу европейскими торговцами. Когда правительство замѣтило свою ошибку и приняло рядъ мѣръ въ цѣляхъ устраненія допущеннаго недосмотра, европейскіе торговцы подняли шумъ, обвиняя Японію въ нарушеніи договора. Далѣе, европейскіе торговцы оказались крайне недовольны тѣми обрядностями (дѣйствительно, докучными), которыя были установлены японцами съ давнихъ временъ для всѣхъ иностранныхъ товаровъ, поступавшихъ на японскую территорію. Такимъ образомъ, все это разстраивало и усложняло только-что установленныя отношенія съ иностранцами и не обѣщало мирнаго разрѣшенія взаимныхъ недоразумѣній.

Между тѣмъ, осенью того же 1860 г. правительство шогуна понесло еще одну очень тяжелую для себя потерю. Умеръ принцъ феодальнаго округа Мито, который, не смотря на свое враждебное настроеніе къ шогунату, тѣмъ не менѣе, имѣлъ огромное вліяніе на самураевъ и рониновъ, удерживая ихъ отъ различныхъ насильственныхъ актовъ, а главнымъ образомъ, отъ нападенія на иностранцевъ.

Сознавая всю затруднительность положенія, правительство стало подумывать о пресловутомъ объединеніи обоихъ дворовъ — императорскаго и шогунатскаго. Сначала этого думали достигнуть бракомъ шогуна съ сестрой императора. Но время оказалось слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы теперь можно было достигнуть чего нибудь существеннаго подобными паллативами. Тогда правительство, желая ослабить оппозицію и успокоить ту ея часть, которая волновалась больше всего отношеніями къ иноземцамъ, пообѣщало изгнать по-

слѣднихъ изъ Японіи въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ, т. е. стало опять-таки на скользкую почву оттяжекъ и двойной игры.

Между тѣмъ, политическій центръ все болѣе и болѣе перемѣщался въ Кіото, мѣстопребываніе императорскаго двора, куда стекались и тѣ, которые искренно хотѣли одного—изгнанія варваровъ, и тѣ, которые думали воспользоваться этимъ движеніемъ съ цѣлью уничтоженія двоевластія и ниспроверженія шогуната. Самъ дворъ, увлекаемый теченіемъ, игралъ въ данномъ случаѣ скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль, и даже, какъ увидимъ сейчасъ, побаивался нѣкоторыхъ изъ сторонниковъ императорской власти.

Какъ бы то ни было, кіотская оппозиція, воспользовавшись обѣщаніемъ шогуна изгнать чужеземцевъ, нанесла правительству рѣшительный и сильный ударъ. Она убѣдила императора издать эдиктъ, въ которомъ тотъ, перечисливъ всѣ несчастья, сопряженныя съ появленіемъ въ Японіи иностранцевъ, объявлялъ ко всеобщему свѣдѣнію объ обѣщаніи шогуна закончить въ десять лѣтъ всѣ приготовленія для изгнанія варваровъ. Этотъ эдиктъ ставилъ шогуна въ очень тяжелое положеніе по отношенію къ иностранцамъ и развязывалъ руки всѣмъ гражданамъ въ дѣлѣ организаціи заговоровъ противъ чужеземцевъ.

Въ это же время и болѣе широкіе круги оппозиціи начинаютъ дѣйствовать энергичнѣе, чѣмъ прежде. Наиболѣе могучими феодальными ленами были тогда Сатзума и Хошіу. И князья, и ихъ вассалы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ проявляли духъ особенной непокорности по отношенію къ шогуну. И шогуну было трудно заставить ихъ подчиняться своимъ требованіямъ: географическое положеніе обоихъ леновъ дѣлало затруднительными всякія военныя экспедиціи, направляемыя туда, и обезпечивало за ихъ князьями большую долю независимости. Теперь, въ смутное время японской исторіи, оба эти лена начинаютъ играть выдающуюся роль. Хошіу примкнулъ къ крайнимъ радикаламъ, требовавшимъ немедленнаго изгнанія варваровъ и ниспроверженія шогуната. Сатзума стоялъ на сторонѣ умѣренныхъ, не раздѣлявшихъ крайнихъ мѣръ по отношенію къ иностранцамъ и мечтавшихъ не объ уничтоженіи, а лишь о реформированіи шогуната. При помощи Сатзумы умѣренные рѣшились на активное вмѣшательство въ политику страны. Въ апрѣлѣ 1862 г. вооруженный отрядъ самураевъ изъ Сатзумы, подъ предводительствомъ своего феодальнаго князя двинулся въ Кіото. Какъ мало былъ подготовленъ императорскій дворъ къ политическимъ реформамъ, показываетъ слѣдующій фактъ. Неподалеку отъ Кіото къ самураямъ изъ Сатзумы присоединился отрядъ рониновъ, которые

хотѣли черезъ Хизамитзу, феодальнаго князя, Сатзумы, подать императору петицію съ крайними требованіями по адресу шогуна и иностранцевъ. Борьба съ этими повстанцами могла бы невыгодно отразиться на ходѣ всей экспедиціи, и Хизамитзу, скрѣпя сердце, принялъ надъ ними начальство и обѣщалъ довести ихъ желанія до свѣдѣнія императора. Дворъ, получивъ эту петицію, былъ пораженъ ея революціоннымъ характеромъ, и хотя желаніемъ повстанцевъ было полное уничтоженіе шогуната и сосредоточеніе всей власти въ рукахъ императора, этотъ послѣдній велѣлъ Хизамитзу принять на себя охрану дворца и постараться успокоить рониновъ, оставленныхъ въ окрестностяхъ Кіото. Переговоры эти кончились кровавой стычкой, послѣ которой отрядъ рониновъ долженъ былъ разсѣяться. Получалось удивительное положеніе. Дворъ настолько отвыкъ отъ фактическаго вмѣшательства въ дѣла страны, что готовъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ защищаться отъ тѣхъ своихъ рьяныхъ сторонниковъ, которые хотѣли, чтобы вся власть перешла въ руки императора.

Умѣренные, опираясь на вооруженную силу самураевъ изъ Сатзумы, выработали слѣдующій планъ: императоръ долженъ послать въ Іедо къ шогуну торжественное посольство, сопровождаемое частью военныхъ силъ Сатзумы, съ требованіемъ—во-первыхъ, чтобы шогунъ самъ явился въ Кіото для переговоровъ съ главнѣйшими феодальными князьями о лучшихъ мѣрахъ для успокоенія націи (въ основѣ этого требованія лежала надежда на реализацію пресловутаго „объединенія двухъ знатей“); во-вторыхъ, чтобы пять приморскихъ крупныхъ феодаловъ были включены въ совѣтъ шогуна; и въ третьихъ, чтобы двумъ лицамъ, указаннымъ въ этомъ требованіи, были предоставлены крупныя административныя должности въ Іедо.

Правительство шогуна согласилось на первое и третье изъ этихъ требованій, а второе отвергло, какъ слишкомъ опасное. Но опасной для шогуната была вся процедура подачи этой петиціи. Она создавала для него очень опасный прецедентъ и предвѣщала полное крушеніе шогуната. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ здѣсь прямое обращеніе къ императорской власти феодальныхъ князей, что строго было воспрещено въ теченіе всей эпохи Токугава; мы видимъ, далѣе, прямое вмѣшательство въ фактическое управленіе страны со стороны императорскаго двора и какъ бы признаніе правъ на такое вмѣшательство со стороны шогуната,—это было опять-таки нарушеніемъ самыхъ основъ послѣдняго.

IV.

На обратномъ пути этого знаменитаго въ исторіи Японіи посольства произошло еще и другое чреватое послѣдствіями событіе. Навстрѣчу блестящему кортежу феодальнаго князя попалось нѣсколько англичанъ, которые не оказали обычныхъ въ этомъ случаѣ почестей. За такое неуваженіе, по правамъ того времени, каждому японцу грозила тутъ же на мѣстѣ смертная казнь. Въ силу этого обычая, самураи Сатзумы напали на англичанъ, причемъ двое изъ нихъ были ранены и одинъ убитъ. Англія, конечно, потребовала удовлетворенія. Князь Сатзумы отказался выдать виновныхъ, а шогунъ не имѣлъ достаточно силы принудить его къ этому. Въ результатѣ послѣдовала бомбардировка англійскими кораблями Кагосимы, столицы Сатзумы. Это примѣненіе военной силы произвело на японское общество подавляющее впечатлѣніе, но къ этому мы еще возвратимся.

Экспедиція вождя Сатзумы въ Іедо сопровождалась еще цѣлымъ рядомъ болѣе второстепенныхъ мѣръ. Хизамитзу воспользовался смущеніемъ правительства шогуна и убѣдилъ его объявить амнистію за всѣ политическія преступленія, совершенныя съ 1858 г.; затѣмъ былъ произведенъ цѣлый рядъ перемѣщеній различныхъ крупныхъ чиновниковъ, а также приступлено къ усиленію береговой обороны. Была проведена, наконецъ, еще одна мѣра, а именно: крупнымъ феодаламъ приказано было держать гарнизоны въ Кіото, а для того, чтобы эта новая обязанность не отразилась слишкомъ тяжело на ихъ матеріальномъ положеніи, ихъ освободили отъ обязанности содержать свои семьи и проживать извѣстное количество мѣсяцевъ каждые два года въ Іедо. Эта невинная, на первый взглядъ, мѣра нанесла, однако, шогунату тяжелый ударъ: почти тотчасъ же феодальные князья разослали свои семейства по своимъ ленамъ, и столица шогуна быстро опустѣла. Эти перемѣны во внѣшней обстановкѣ Іедо служили для народной массы, которая не могла считаться со всѣми тонкостями политики, явнымъ доказательствомъ, что для шогуната пробили послѣдніе часы.

Итакъ, умѣренные со своей политикой примиренія „двухъ знатей“ и реформованія сохраненнаго шогуната подрылись, противъ своей воли и ожиданія, подъ самые основы шогуната, послѣ чего существованіе его стало безусловно недолговѣчнымъ. Но умѣренные

совершенно не замѣчали глубины своей работы. Они думали, что они въ значительной мѣрѣ достигли желаннаго „равновѣсія“, и, по возвращеніи посольства изъ Іедо, отпраздновали въ Кіото свою побѣду, которая не стоила имъ ни капли крови.

Между тѣмъ, соотношеніе партій въ столицѣ за тѣ два мѣсяца, которые ушли на только что указанные переговоры, значительно измѣнились. Отрядъ самураевъ изъ Сатзумы, на который опирались умѣренные, былъ значительно ослабленъ, такъ какъ часть его сопровождала посольство, назначенное въ Іедо. Этимъ воспользовались ронины, которые проникли въ Кіото, совершили рядъ политическихъ убійствъ и сорганизовались вокругъ одного изъ феодальныхъ князей—Мори Мотонори изъ Мито, одного изъ рьяныхъ приверженцевъ крайней партіи того времени. Императорскій дворъ и раньше больше сочувствовалъ крайнимъ въ той части ихъ программы, которая касалась немедленнаго изгнанія варваровъ. Крайніе взяли верхъ при дворѣ императора. Немедленная священная война съ варварами стала центромъ политики императорскаго двора. Въ концѣ апрѣля 1863 г. шогунъ торжественно вступилъ въ Кіото и попалъ въ атмосферу самого рѣзкаго шовинизма. Крайніе закусили удила; по ихъ настоянію, изгнаніе варваровъ было назначено на 25 іюня того же года; императоръ не позволилъ шогуну выѣхать изъ Кіото; этому послѣднему едва-едва удалось уклониться отъ торжественной церемоніи вручения при алтарѣ меча, какъ символа начала военныхъ дѣйствій противъ враговъ. Наступилъ рѣшительный моментъ; правительство шогуна не могло уже долѣе вести своей двойственной игры съ императорскимъ дворомъ и представителями иностранныхъ державъ: оно наотрѣзъ отказалось исполнить повелѣніе императорскаго двора и начать несправедливую войну съ иностранцами. Этотъ глубоко-патріотическій шагъ правительства шогуна повелъ, однако, къ тому, что умѣренные потеряли всякое вліяніе на императорскій дворъ, и Кіото осталось въ рукахъ крайнихъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ событій появился императорскій приказъ, которымъ назначался день для изгнанія варваровъ Правда, этотъ приказъ исходилъ прямо отъ императора и не имѣлъ скрѣпы со стороны правительства шогуна, т. е. шелъ въ разрѣзъ со всей установившейся административной и законодательной практикой Японіи, но на эту сторону дѣла многіе теперь уже перестали обращать вниманіе. Феодальный князь лена Хошіу нашелъ нужнымъ немедленно же подчиняться этому приказу, и по его распоряженію въ принадлежащай ему укрѣпленной гавани Симоносеки былъ открытъ по американскимъ, французъ-

скимъ и голландскимъ судамъ артиллерійскій огонь, которымъ были произведены поврежденія судовъ и убито нѣсколько человѣкъ иностранцевъ. Правительство шогуна при такихъ обстоятельствахъ рѣшило силой освободить шогуна, задержаннаго въ Кіото. Съ этой цѣлью въ столицу императора было отправлено два батальона самураевъ. Но до кровопролитія дѣло не дошло: шогунъ былъ отпущенъ въ Іедо.

Между тѣмъ, бомбардировка Кагосимы англичанами произвела на императора и его дворъ, какъ и на все японское общество, прямо-таки потрясающее впечатлѣніе и показала, съ какими жалкими силами и средствами думаетъ Японія вступить въ борьбу съ могучими военными организаціями Запада. Императорскій приказъ объ изгнаніи варваровъ былъ объявленъ подложнымъ; вину за это преступленіе возложили на крайнихъ, и Мори со всѣми своими вассалами и подчиненными былъ изгнанъ изъ Кіото. Вліяніе опять перешло въ руки умѣренныхъ, и общественное мнѣніе, повидимому, окончательно отвернулось отъ всякихъ проектовъ изгнанія варваровъ. Крайніе, наконецъ, заставили отказаться отъ союза съ ними и императорскій дворъ. Самураи изъ Хошіу для того, чтобы возстановить свое вліяніе на императора, двинулись на Кіото, сожгли его большую часть и только съ большимъ трудомъ были отбиты. Такимъ образомъ, недавніе союзники императора въ его политикѣ ненависти къ варварамъ стали мятежниками и порвали всякую связь съ императорскимъ дворомъ. Агитація противъ варваровъ потеряла одинъ изъ самыхъ крупныхъ своихъ козырей — санкцію императора.

Мы не останавливаемся на подробностяхъ этой борьбы возмутившагося клана Хошіу съ императорскимъ дворомъ и шогуномъ. Достаточно сказать, что она затянулась почти на два года и дала нѣсколько кровавыхъ столкновеній. Для насъ важно отмѣтить лишь тѣ теченія, которыя продолжали начавшееся разложеніе стараго порядка и созиданіе новыхъ общественныхъ отношеній. На нервомъ мѣстѣ здѣсь мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что вожди Хошіу въ неравной борьбѣ съ войсками шогуна рѣшились переступить старый коренной законъ,—одну изъ основъ всего феодальнаго строя,—по которому оружіе разрѣшалось носить лишь самураямъ, составлявшимъ дѣйствующую армію. Феодальный князь Хошіу нашелъ такой порядокъ не соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ и сталъ принимать въ ряды своихъ войскъ людей всѣхъ классовъ и всѣхъ общественныхъ положеній. Такъ,—почти безсознательно,—нанесенъ былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ феодальному строю.

Съ другой стороны, нападеніе въ гавани Симоносеки на европейскіе корабли съ батарей Хошіу, конечно, не прошло для Японіи даромъ. Соединенная эскадра европейскихъ державъ и Америки подвергла берега Симоносеки жестокой канонадѣ, которая убѣдила Хошіу въ полной невозможности оказать какое-либо сопротивленіе военнымъ силамъ Америки и Европы и еще больше уронила въ общественномъ мнѣніи идею объ изгнаніи варваровъ. Кромѣ того, правительству шогуната пришлось заплатить огромную контрибуцію за дѣйствія феодала Хошіу, который поступалъ въ данномъ случаѣ прямо въ разрѣзъ съ распоряженіями изъ Іедо. Это обстоятельство еще сильнѣе заставляло задумываться многихъ изъ активныхъ дѣятелей того времени о необходимости сосредоточить политическую власть и отвѣтственность въ однѣхъ рукахъ и сократить многія вольности феодаловъ. Такъ подрывался все глубже и глубже потокъ событій подъ устои государственнаго нрава Японіи.

Какъ бы то ни было, шогунатъ вышелъ пока изъ затруднительныхъ обстоятельствъ побѣдителемъ. Положеніе умѣренныхъ окончательно укрѣпилось при дворѣ. Однако, событія продолжали развиваться и привели къ окончательной исторической развязкѣ раньше, чѣмъ это можно было, повидимому, ожидать.

Представители иностранныхъ державъ давно уже чувствовали, что отсутствіе императорской санкціи заключенныхъ ими договоровъ является источникомъ цѣлаго ряда волненій въ странѣ и дѣлаетъ ихъ положеніе здѣсь неустойчивымъ. Естественно, что они были серьезно озабочены тѣмъ, чтобы такъ или иначе заручиться подобной санкціей. Кромѣ того, необходимо было уладить нѣкоторые тарифные вопросы и добиться открытія двухъ портовъ Хіого и Осака. Особенно удобнымъ для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей представителямъ иностранныхъ державъ, показался моментъ послѣ Симоносекской бомбардировки. На японское правительство была возложена контрибуція болѣе, чѣмъ въ два милліона рублей. Гарри Паркесъ, представитель Великобританіи, убѣдилъ заинтересованныя въ данномъ случаѣ державы отказаться отъ этой контрибуціи подъ условіемъ, что вышеприведенныя требованія будутъ японскимъ правительствомъ выполнены немедленно. Но, полагая, что на востокѣ иностранная политика должна опираться на военную силу, державы согласились прежде, чѣмъ предложить свои условія, произвести въ Хіого морскую демонстрацію. И, дѣйствительно, въ ноябрѣ 1866 г. въ указанной гавани стали на якорь восемь боевыхъ кораблей различныхъ государствъ. Впечатлѣніе на общество отъ этой демон-

страціи оказалось огромное. Движеніе противъ иностранцевъ, которое начало затихать, вспыхнуло съ новой силой. Дѣло въ томъ, что Хіого является гаванью для Кіото. Такимъ образомъ, „варвары“ оказались у самыхъ воротъ императорской столицы. Эта была дерзость, превосходившую ту, которую позволилъ себѣ адмиралъ Перри, когда нѣсколько лѣтъ назадъ остановился въ гавани Іедо. Въ виду такого дерзкаго отношенія со стороны варваровъ, внутреніе раздоры между феодалами были забыты. Ростъ агитаціи противъ иностранцевъ сопровождался опять новымъ взрывомъ негодованія противъ шогуната, который и на этотъ разъ оказался неспособнымъ избавить страну отъ подобнаго униженія. Министры же шогуна продолжали свою обычную политику затяжекъ: иностранцевъ они успокаивали полуобѣщаніями, а императорскій дворъ старались склонить къ частичнымъ уступкамъ.

Императорскій дворъ и самъ императоръ, крайне взволнованные всѣмъ происшедшимъ, снова подпали подъ вліяніе крайнихъ. Императоръ распорядился объ удаленіи министровъ, которые вели переговоры отъ имени шогуната съ представителями иностранныхъ державъ. Это было уже прямое посягательство на административныя права іедскаго правительства. Но правительство шогуна не посмѣло протестовать и исполнило распоряженіе императора, вмѣстѣ съ тѣмъ продолжая добиваться санкціи заключеннаго имъ договора. Императоръ далъ, наконецъ, свое согласіе, но потребовалъ, чтобы договоры были подвергнуты пересмотру при участіи феодальныхъ властителей, и чтобы требуемыя гавани не были открыты иностранцамъ. У шогуна и на этотъ разъ не хватило смѣлости отвѣчать отказомъ на требованія императорскаго двора. Онъ призналъ ихъ, но все-таки обѣщалъ отъ себя иностранцамъ одну изъ нужныхъ имъ гаваней. Покончивъ съ тарифнымъ вопросомъ и заручившись санкціей императора на договоры и обѣщаніемъ шогуната на открытіе въ ближайшее время Хіого, иностранныя суда отплыли, увозя съ собой сознаніе побѣды и не отказавшись ни отъ копѣйки контрибуціи.

Послѣ отъѣзда соединенной эскадры правительство шогуна рѣшило продолжать свою борьбу съ непокорнымъ Хошіу. Но обстоятельства измѣнились кореннымъ образомъ. Вожди умѣренныхъ убѣдились въ необходимости реформировать всю административную и законодательную машину шогуната теперь же. Наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи имъ представлялась такая организація, при которой шогунатъ считался бы со взглядами и требованіями объединенныхъ феодаловъ. Эта идея сдѣлала собенные успѣхи

за время послѣдней морской демонстраціи иностранныхъ державъ, и, когда теперь войска шогуна выступили противъ Хошіу, они нашли на сторонѣ этого непокорнаго лена многихъ своихъ прежнихъ союзниковъ и общественное мнѣніе страны. Самураи Хошіу одержали теперь рядъ побѣдъ надъ правительственными войсками и тѣмъ совершенно подорвали военный авторитетъ шогуна. Военныя операціи были прекращены съ той и другой стороны по требованію императора. Въ это время умеръ совсѣмъ еще юношей шогунъ; прямыхъ наслѣдниковъ на шогунскій престолъ не было; шогунатское достоинство было передано Хитотсубази, который былъ признанъ главой дома Токугава и принялъ теперь имя Токугава-Іосинобу.

Новый шогунъ долгое время до этого момента стоялъ во главѣ управленія. Онъ былъ человѣкъ недюжиннаго ума и прекрасно понималъ, что послѣдніе часы шогуната близки. Согласился же онъ на этотъ высокій постъ только послѣ настоятельной со стороны императора и завѣреній со стороны нѣсколькихъ крупныхъ феодаловъ въ самой серьезной поддержкѣ.

Самая личность новаго шогуна представляетъ крупный интересъ для характеристики тѣхъ глубокихъ измѣненій, которыя произошли за послѣднія десять лѣтъ въ сознаніи японскаго общества. Новый шогунъ былъ выдвинутъ кандидатомъ на этотъ постъ еще за девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1857 г., со стороны наиболѣе рѣшительныхъ сторонниковъ „изгнанія варваровъ“. И вотъ теперь, въ 1866 г., онъ оказывается шогуномъ послѣ девятилѣтней работы въ самомъ центрѣ правительственнаго механизма. И что же мы видимъ? Этотъ кандидатъ партіи, враждебной иностранцамъ, успѣлъ за это время передѣлать армію по французскому образцу, пригласить англійскихъ офицеровъ для организаціи флота, послать своего брата на парижскую выставку и приспособить цѣлый рядъ обычаевъ и церемоній шогунатскаго двора къ западно-европейскимъ образцамъ. Такъ духъ времени сломилъ самыхъ непримиримыхъ, когда имъ пришлось столкнуться съ живой дѣйствительностью и вдуматься хорошенько въ условія текущей жизни.

Мы не будемъ останавливаться на короткомъ управленіи Токугавы Іосинобу. Мы видѣли, что предыдущія событія успѣли расшатать всѣ устои шогуната: шогунатъ фактически потерялъ всѣ свои главнѣйшія права; онъ не чувствовалъ уже подъ собой почвы; онъ существовалъ, какъ учрежденіе, но не какъ политическая сила. Оставалось нанести ему послѣдній ударъ – формально признать удаленіе его съ исторической сцены. Развязка не заставила себя ждать.

Изъ первыхъ же столкновеній съ феодалами и ихъ самураями новый шогунъ вынесъ впечатлѣніе, что на его сторонѣ самое незначительное меньшинство, а всѣ остальныя силы сплотились вокругъ имперіалистской программы, отбросившей всѣ свои шовинистическія требованія и планы относительно изгнанія иностранцевъ.

Въ октябрѣ 1867 г. одинъ изъ феодальныхъ князей обратился къ шогуну съ откровеннымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „причина постигшихъ насъ неурядицъ заключается въ томъ, что административныя распоряженія исходятъ изъ двухъ центровъ, заставляя глаза и уши имперіи вращаться по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Событія движутся къ революціи, и старый порядокъ не можетъ быть сохраненъ на будущее время. Вы должны возвратить всю власть управленія въ руки государя и заложить фундаментъ, на которомъ Японія можетъ подняться на такую же высоту, какой достигли другія страны“. Это письмо было послѣдней каплей, переполнившей чашу сомнѣній и колебаній шогуна. Шогунъ созвалъ феодаловъ и высшихъ чиновъ имперіи, сообщилъ имъ о своемъ рѣшеніи передать всю власть въ руки императора и просилъ ихъ совѣта. Рѣшеніе его было одобрено, и 14 октября 1867 г. шогунатъ пересталъ существовать, а на историческую сцену выдвинулась японская имперія, представлявшая, пока что, еще абсолютную монархію.

Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить этого рѣдкаго и не даромъ вызывающаго восторгъ у историковъ факта отреченія отъ власти. Надо помнить, что въ рукахъ у шогуна всетаки еще былъ весь правительственный механизмъ; у него были огромныя матеріальныя средства: войско и деньги. Правда, противъ него было общественное мнѣніе страны; его арміи могли противопоставить свои войска отдѣльные феодалы. Его дѣло по существу, конечно, было проиграно, но онъ могъ бы еще потягаться съ новыми теченіями въ гражданской войнѣ и, быть можетъ, протянуть еще нѣсколько лѣтъ у кормила правленія. Но онъ не захотѣлъ прибавлять нѣсколько кровавыхъ страницъ къ исторіи своей родины и покорно ушелъ прочь, все взвѣсивъ и обдумавъ.

V.

Окидывая теперь общимъ взглядомъ описанное нами четырнадцатилѣтіе (1853—1867 гг.) японской исторіи, мы должны при-

знать, что этотъ періодъ перестройки стараго государственнаго порядка представляетъ здѣсь много своеобразнаго.

Накоплявшіяся въ долгомъ и постепенномъ историческомъ процессѣ молекулярныя измѣненія общественнаго организма немедленно дали знать о себѣ подъ вліяніемъ энергичнаго толчка, полученнаго извнѣ. Быстро выдвинувшіяся на историческую сцену силы сгруппировались въ необычномъ видѣ. Въ завязавшейся борьбѣ партій наблюдателя прежде всего поражаетъ отсутствіе сколько-нибудь выдержаннаго консерватизма. Въ самомъ дѣлѣ, если партія шогуна и умѣренные хотѣли, во что бы то ни стало, сохранить шогунатъ, хотя бы въ реформированномъ видѣ, то они же, съ другой стороны, склонялись къ политикѣ открытыхъ дверей, къ сближенію съ западной культурой, къ уничтоженію той изоляціи, въ которой Японія прожила около двухъ столѣтій и къ которой привыкло нѣсколько десятковъ поколѣній, т. е., по существу, требовали прогрессивно-радикальныхъ измѣненій во всемъ жизненномъ строѣ страны. Съ другой стороны, если императоръ и партія крайнихъ съ ненавистью относились къ иностранцамъ и упорно искали малѣйшей возможности загнать Японію въ ея прежнее замкнутое существованіе, то они столь же страстно стремились къ уничтоженію шогуната, этой сложной и законченной системы государственнаго управленія, просуществовавшей безъ малѣйшихъ измѣненій въ теченіе многихъ столѣтій. Съ этой точки зрѣнія, императоръ и крайніе были радикалами и прогрессистами, такъ какъ ихъ стремленія были направлены къ замѣнѣ отжившихъ общественныхъ отношеній новыми, болѣе соотвѣтствующими запросамъ времени. Жизнь заставила обѣ партіи примириться на компромиссѣ: одни навсегда потеряли шогунатъ, другіе навсегда должны были отказаться отъ надежды избавиться отъ вмѣшательства западно-европейской культуры и западныхъ государствъ въ мирное теченіе японской исторіи.

Но во всемъ этомъ періодѣ не только много своеобразнаго, но много и поучительнаго. Здѣсь повторилось то, что происходитъ и въ другихъ общественныхъ движеніяхъ. Въ то время, какъ въ глубинѣ народныхъ массъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ факторовъ, происходили существенныя и глубокія, но еще незамѣтныя измѣненія, на сцену уже выдвинулась интеллигенція, первая почувствовавшая и понявшая, что старый режимъ отжилъ и долженъ быть подвергнутъ коренной перестройкѣ. Она первая стала говорить объ этомъ, указывать на это, настаивать на этомъ. Она первая приняла на себя гнѣвные удары стараго порядка, не хотѣвшаго склониться

передъ новыми побѣдами жизни и не чувствовавшаго своей дряхлости, хотя и осужденнаго уже исторіей. Нуженъ былъ внѣшній толчокъ, чтобы вдвинуть въ движеніе болѣе широкіе круги общества. Послѣ того процессъ ломки старыхъ формъ пошелъ неуклонно и стихійно. Пускай главнѣйшіе дѣятели исторической драмы искали среднихъ путей, желая проскользнуть безъ большихъ страданій и потрясеній,—этихъ среднихъ путей не оказалось. То, что они дѣлали для примиренія стараго порядка съ новымъ ложилось дробящими ударами на старый режимъ и служило къ созиданію фундамента для новаго общественнаго строя—и дѣлалось это часто безсознательно, совершенно незамѣтно для самихъ актеровъ исторической сцены. Жизнь отвернулась отъ мечтаній среднихъ людей о среднихъ путяхъ; она залѣчила свои раны крайними мѣрами, радикальными средствами: у однихъ она взяла свободу сношеній Японіи со всѣмъ остальнымъ міромъ, у другихъ—коренную ломку государственнаго строя.

Отъ паденія шогуна до объявленія конституціи.

I.

Отреченіе шогуна было принято. Вся политическая власть перешла въ руки императора, которому и предстояло теперь съорганизовать новое правительство. Но надо вспомнить ту атмосферу бездѣлья и безсилья, которой дышалъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій императорскій дворъ для того, чтобы понять, какое непосильное бремя представляла для него эта новая задача. У императора въ тотъ моментъ не было ни администраціи, ни арміи, ни финансовъ,—ничего, кромѣ имени. Естественно, что императоръ не могъ сразу отказаться отъ услугъ шогуна и всей его административной машины, находившейся, конечно, въ рукахъ приверженцевъ шогуната. Экс-шогуну было поручено продолжать фактическое управленіе страной, подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ императора и его двора.

Однако, подобное положеніе вещей вовсе не улыбалось имперіалистамъ, которые затратили столько жертвъ и столько силъ, чтобы вырвать съ корнемъ шогунатъ изъ жизни Японіи. Правда, юридически шогунатъ не существовалъ, но въ дѣйствительности, въ силу по-

ученія императора и даннаго положенія вещей—шогунъ все еще оставался самымъ могущественнымъ лицомъ въ имперіи. Нельзя было терять времени; надо было быстро наносить ударъ за ударомъ этому разваливающемуся институту государственнаго права Японіи.

Прежде всего подъ давленіемъ побѣдившей партіи началась массовая смѣна чиновничества: сторонники шогуна должны были уступать свои посты участникамъ имперіалистическаго движенія. Эта смѣна, конечно, вызвала крайнее недовольство и ропотъ среди приверженцевъ стараго порядка, придала упругость ихъ сопротивленію. Затѣмъ охрана дворца была поручена другимъ кланамъ, а самураи изъ приверженцевъ шогуна были удалены изъ Кіото, и имъ было совсѣмъ запрещено появляться въ стѣнахъ императорской столицы. Наконецъ, въ совѣщаніи, созванномъ императоромъ и состоявшемъ изъ принцевъ, придворной знати, дайміосовъ и ихъ совѣтниковъ, 3-го января 1868 г. было постановлено, послѣ горячихъ дебатовъ и жестокихъ споровъ со сторонниками шогуна, принять отреченіе Іосинобу не только отъ его шогунатскихъ полномочій, но и отъ феодальныхъ правъ на земли и подданныхъ, принадлежавшихъ дому Токугава. Это было уже слишкомъ. Іосинобу отказался только отъ своихъ административныхъ правъ высшаго чиновника, а его захотѣли совершенно стереть съ лица земли, выбросить за бортъ еще продолжавшаго свое существованіе феодальнаго строя. Ни самъ онъ, ни принадлежавшіе его роду самураи не могли допустить подобнаго отношенія къ феодальнымъ правамъ одного изъ крупнѣйшихъ властителей того времени. Въ результатѣ послѣдовалъ рядъ столкновеній на сушѣ и на морѣ между сторонниками шогуна и императора. Но подточенный жизнью институтъ шогуната уже не проявлялъ достаточной сопротивляемости, и при первой же встрѣчѣ враждующихъ сторонъ, не смотря на колоссальный перевѣсъ шогунатскихъ войскъ (10.000 противъ 1.500), таковыя были разбиты. Іосинобу послѣ этого исчезаетъ изъ исторіи Японіи навсегда.

Мы не будемъ останавливаться на новой организаціи правительства. По существу, она оказалась повтореніемъ той системы, которая имѣла мѣсто въ Японіи нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ до укрѣпленія въ странѣ феодальныхъ порядковъ. Мы прослѣдимъ лучше дальнѣйшее развитіе тѣхъ фактовъ, которые продолжали работать надъ созиданіемъ новой Японіи.

Новое императорское правительство прежде всего поторопилось покончить съ осложненіями въ иностранной политикѣ: у него слишкомъ много было дѣла внутри страны для того, чтобы продолжать

какія-либо недоразумѣнія съ европейцами и американцами. Къ этому же его побуждали и главнѣйшіе дѣятели только-что минувшей японской революціи. За подписью нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ того времени, императору была подана соотвѣтствующая петиція, на которую правительство обратило самое серьезное вниманіе.

Хіого и Осака были открыты для иностранной торговли 1-го января 1868 г. Въ февралѣ того же года императоръ послалъ представителямъ иностранныхъ державъ требованіе, чтобы они сообщили своимъ правительствамъ о перемѣнахъ, происшедшихъ въ управленіи Японіи, и о томъ, что вся внутренняя и внѣшняя политика въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ у него, императора. Въ знакъ правдивости и искренности этого сообщенія онъ пригласилъ представителей всѣхъ державъ явиться къ нему во дворецъ. Это былъ огромный шагъ впередъ,—дѣйствіе со стороны правительства, не слыханное въ исторіи Японіи. Императоръ,— это божество, которое, по воззрѣніямъ народной религіи, не должно было показываться даже передъ ближайшими своими подданными,—открыто выступаетъ передъ презрѣнными иностранцами, становится на равную ногу съ государями этихъ ненавистныхъ чужеземныхъ державъ. Но способный и культурный народъ Японіи легко осваивался съ новыми идеями, легко понялъ неизбѣжность требованій новаго времени. Народъ уже слабо реагировалъ на это признаніе правъ иностранцевъ, и процедура оффиціальнаго сближенія японскаго правительства съ представителями иностранныхъ державъ обошлась почти безъ всякихъ сколько-нибудь значительныхъ инцидентовъ. Наконецъ, японское правительство сдѣлало свой послѣдній шагъ въ данномъ направленіи: договоры съ иностранными державами были объявлены освященными согласіемъ императора, который и принялъ на себя защиту ихъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ, грозя ослушникамъ тяжелыми карами. Правда, иностранцы не имѣли еще доступа внутрь страны, но они могли поддерживать свои сношенія съ Японіей черезъ цѣлый рядъ главнѣйшихъ приморскихъ пунктовъ.

Такъ съ историческаго пути Японіи было удалено одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ дальнѣйшему прогрессу этой страны: правительство не только перестало враждебно относиться къ западноевропейской культурѣ, но вскорѣ всѣми силами принялось содѣйствовать распространенію ея среди народа.

Работы, однако, предстояло еще очень много. Шогунатъ палъ, но феодализмъ вѣдь остался. На исторической сценѣ страны лицомъ къ лицу стали двѣ силы, другъ друга исключающія: съ одной сто-

роны — имперіализмъ, подразумѣвающій полное и возможно глубокое объединеніе всѣхъ элементовъ государства; съ другой — феодализмъ, сопряженный съ сильнымъ дробленіемъ страны и большою самостоятельностью ея частей. Феодалы искали лишь такого объединенія Японіи, при которомъ она была бы въ силахъ оказать сопротивленіе натиску иностранцевъ; но они вовсе не думали о томъ, чтобы имъ самимъ пришлось убраться съ исторической сцены передъ новой организаціей, вызванной къ жизни ими самими. Они, напротивъ, мечтали о продолженіи феодальнаго строя при новыхъ, болѣе справедливыхъ условіяхъ.

Находясь на верхушкѣ общественной лѣстницы, феодальные князьки, конечно, воображали себя „солью земли“, а свое мнѣніе смѣшивали съ „общественнымъ мнѣніемъ“ страны. Вотъ почему одной изъ первыхъ задачъ побѣдителей шогуната было обезпечить себѣ на будущее время подчиненіе государственной власти „общественному мнѣнію“. И имъ, дѣйствительно, удалось добиться того, что молодой императоръ Японіи (нынѣ царствующій; ему тогда не было и двадцати лѣтъ) 17 апрѣля 1869 г. произнесъ въ собраніи придворной знати и дайміосовъ торжественную клятву въ томъ, что 1) будетъ созвано совѣщательное собраніе и всѣ правительственныя мѣры будутъ согласоваться съ требованіями общественнаго мнѣнія, 2) принципы соціальной и политической экономіи будутъ тщательно изучаться, какъ высшими, такъ и низшими классами народа, 3) каждому члену общества будетъ оказано возможное содѣйствіе въ примѣненіи имъ своей воли ко всему хорошему, 4) всѣ вздорные обычаи стараго времени должны быть отвергнуты, и нелицепріятіе и справедливость должны являться основой всякаго дѣйствія, 5) для того, чтобы твердо установить основы имперіи, будетъ открытъ полный просторъ для всякаго таланта и ума, откуда бы онъ ни явился.

Такимъ образомъ этой клятвой молодой императоръ, съ одной стороны, обѣщалъ дать большой просторъ въ общественной дѣятельности всякой личной иниціативѣ, съ другой — открыть общественному мнѣнію широкое вліяніе на ходъ государственной жизни страны. Но едва ли императоръ и большинство феодаловъ того времени ясно представляли себѣ, что значитъ согласовать государственное управленіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Общественное мнѣніе въ то время уже успѣло совершенно ускользнуть изъ рукъ феодаловъ. Оно значительно демократизировалось въ томъ смыслѣ, что вліяніе на ходъ національной жизни пріобрѣли теперь болѣе широкіе круги общества. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ хотя бы списки наиболѣе

выдающихся дѣятелей того времени: болѣе 75% этихъ именъ принадлежатъ семействамъ простыхъ самураевъ; и только остальные 20—25% руководителей политики вышли изъ семействъ феодальной и придворной знати. Самураи, какъ мы уже говорили, были тогда тѣмъ слоемъ населенія, изъ котораго выдѣлялась, главнымъ образомъ, японская интеллигенція. Неудивительно, что теперь, когда государству понадобились силы для прогрессивной работы и вытѣснен я той наслѣдственной бюрократіи, которая плотнымъ прослойкомъ лежала между центральнымъ правительствомъ и народными массами, то оно почерпнуло эти силы главнымъ образомъ изъ среды самураевъ. Если усиліями самураевъ былъ низвергнутъ шогунатъ, т. е., исполненъ одинъ изъ основныхъ актовъ перехода отъ стараго порядка къ новому, то тотчасъ же обнаружилось, что эти разрушительныя силы общественнаго порядка являются самыми надежными и цѣнными элементами и въ дѣлѣ организаціи новыхъ общественныхъ отношеній.

Но эти дѣятельные элементы японскаго общества были всетаки въ значительной степени закрѣпощены феодальнымъ строемъ, который продолжалъ существовать и не проявлялъ ни малѣйшаго желанія отступить на задній планъ. И теперь-то, когда открывалось широкое поле для общественной работы, эта зависимость казалась особенно ненавистной, тѣмъ болѣе, что она далеко не была одной только фикціей. Въ самомъ дѣлѣ, каждый самурай со дня своего рожденія принадлежалъ къ какому нибудь клану, былъ подданнымъ какого-нибудь феодальнаго властителя, который могъ потребовать къ себѣ на службу любого изъ нихъ. Иногда кланъ не хотѣлъ терять своихъ лучшихъ дѣятелей, и феодальный сеньоръ требовалъ ихъ возвращенія въ кланъ. Такой, напр., случай имѣлъ мѣсто съ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей реформаціоннаго періода Японіи—Окубо. Феодалъ того клана, къ которому принадлежалъ Окубо, занимавшій тогда видный постъ въ императорскомъ правительствѣ, потребовалъ вдругъ возвращенія Окубо въ свой ленъ. Только благодаря усиленнымъ просьбамъ императора, Окубо могъ снова заняться своей обще-имперской дѣятельностью. Правда, самураи сохранили еще въ значительной степени глубокую привязанность къ своимъ кланамъ, служеніе которымъ они считали своимъ долгомъ и процвѣтаніе которыхъ было источникомъ ихъ гордости. Но тѣмъ не менѣе вся эта зависимость отъ клана и феодала особенно тяжело ощущалась наиболѣе передовыми и талантливыми самураями, идеаломъ которыхъ при этомъ же являлась Японія, объединенная подъ властью

императора, — идеаломъ, недостижимымъ до тѣхъ поръ, пока за феодалами останется полное и безграничное право обложенія налогами своихъ леновъ и полная свобода изданія мѣстныхъ законовъ. Такимъ образомъ феодальная организація осуждалась наиболѣе подвижной частью тогдашней японской интеллигенціи и съ личной точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія ея общественнаго идеала. Но какими средствами можно было бы добиться того, чтобы представители феодальнаго строя поступились своими правами въ пользу государства, чтобы они окончательно были упразднены? Достаточной для этого матеріальной силы въ распоряженіи партіи реформъ тогда не было: все войско состояло изъ отдѣльныхъ отрядовъ самураевъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ феодаламъ и въ большинствѣ случаевъ искренне преданныхъ своимъ феодальнымъ сюзеренамъ. На успѣхъ гражданской войны въ данномъ случаѣ полагаться было нельзя. Идейное движеніе, охватившее страну, было однако настолько сильно, что и безъ матеріальныхъ силъ оказалось возможнымъ покончить съ феодальнымъ строемъ.

II.

Первое существенное ограниченіе правъ феодальныхъ владѣтелей было произведено декретомъ правительства (отъ 11 іюня 1868 г.), сократившимъ свободу дѣйствій феодаловъ въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ особенно задѣвались интересы имперской политики: такъ имъ лишили права чеканить монету, раздавать титулы, приглашать на службу чужеземцевъ, заключать договоры съ сосѣдними кланами и иностранными государствами. Черезъ полгода имперское правительство пошло еще дальше, наложивъ свою руку на отношенія феодаловъ къ той арміи чиновничества, которая находилась у нихъ на службѣ. Прежде всего было проведено рѣзкое различіе между тѣми чиновниками, которые служили нуждамъ клана, и тѣми, которые были поставлены заботиться о личныхъ интересахъ своего господина. О всякомъ назначеніи первыхъ и всякихъ перемѣщеніяхъ ихъ, производимыхъ феодалами на своей территоріи, онъ долженъ былъ отнынѣ доводить до свѣдѣнія центральнаго правительства; далѣе феодальному сюзерену вмѣнялось въ обязанность назначать чиновниковъ не по ихъ наслѣдственнымъ правамъ на ту или другую должность, а по ихъ способностямъ и талантамъ.

Какъ ни ограничивались этими декретами права отдѣльныхъ

феодаловъ въ пользу государства, но ими еще не отмѣнялся самый институтъ феодальнаго владѣнія: огромныя площади территоріи продолжали находиться во власти у отдѣльныхъ лицъ, сохранявшихъ значительныя права по отношенію къ населенію, обитавшему на этихъ территоріяхъ. Только отказъ отъ такого наслѣдственнаго права на землю и населеніе положило бы предѣлъ феодализму. Но всякія насильственныя мѣры, исходившія изъ центра въ этомъ направленіи, повели бы только къ гражданской войнѣ и почти навѣрное не дали бы никакихъ положительныхъ результатовъ. Партія реформъ нашла однако блестящій выходъ изъ этого труднаго положенія. Феодалы нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ клановъ (именно кланова Каго, Хиценъ, Сатзума, Хошіу, Тозе и еще кое-кто изъ западныхъ дайміосовъ) добровольно отреклись отъ своихъ феодальныхъ правъ, подавъ императору слѣдующее заявленіе: „Великое государство теперь вновь возстановлено, и самъ императоръ принялъ на себя общее руководство государственными дѣлами. Это, конечно, прекрасное и великое событіе. Но перемѣна эта должна быть совершена не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Нашей первой обязанностью будетъ теперь доказать свою лояльность и обнаружить свою преданность. Когда родъ Токугава захватилъ власть, онъ раздѣлилъ страну между своими сородичами, и богатства многихъ семействъ зиждутся именно на этомъ фактѣ. Они и не подумали спросить, не являются ли земли и люди, которыхъ они получили, даромъ императора, а просто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вплоть до настоящаго времени удерживаютъ ихъ въ наслѣдственномъ владѣніи. Иные говаривали, что ихъ владѣнія являются добычей ихъ оружія, все равно какъ, если бы они ворвались въ амбары и расхитили имущество, которое тамъ хранится, хвастаясь передъ солдатами, ихъ окружавшими, что сдѣлали они это съ рискомъ для своей жизни. Тѣ, которые врываются такимъ образомъ въ магазины, у всѣхъ людей извѣстны подъ именемъ воровъ; къ тѣмъ же, кто грабитъ земли и воруетъ людей, — съ подобнымъ подозрѣніемъ не относятся! Какъ перепутались всѣ представленія о законности и преданности!

„Мѣсто, на которомъ мы живемъ,—земля императора, и пища, которой мы питаемся, взращена людьми императора. Какъ можемъ мы сдѣлать все это своей собственностью? Мы почтительнѣйше прилагаемъ при семъ списокъ нашихъ владѣній и людей и умоляемъ императора наградить ими тѣхъ, кто заслуживаетъ награды, и отнять ихъ отъ тѣхъ, кому надлежитъ наказаніе. Пусть же будутъ изданы императорскіе приказы, которыми произведутся измѣненія и пере-

устройство территорій различныхъ клановъ; пусть всѣ гражданскіе и уголовные кодексы и военные законы будутъ исходить отъ императора; пусть со всѣми дѣлами имперіи великими и малыми обращаются къ нему".

Впечатлѣніе, произведенное этой петиціей „кающихся дворянъ" было поразительное. Она вызвала движеніе, единственное въ своемъ родѣ. Феодальное дворянство начало присоединять свои подписи къ этому заявленію, поданному наиболѣе выдающимися и сильными его представителями. Въ самое короткое время изъ 276 феодаловъ 259 заявили о своей готовности отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ на территорію и населеніе; только 17 упорствовало, не желая разстаться со своими привилегіями. Но отказъ этихъ семнадцати не могъ уже имѣть никакого значенія, когда на сторонѣ партіи реформъ было и численное и качественное превосходство. Судьба феодализма, подготовленная всѣми предыдущими теченіями и въ области иравовыхъ отношеній, и въ области экономическихъ, была рѣшена.

Указанная выше петиція была подана 5-го марта 1869 г. Государь рѣшилъ подвергнуть ее обсужденію уже созваннаго передъ этимъ собранія феодаловъ, при чемъ и выяснилась наличность тѣхъ массовыхъ симпатій въ сторону реформъ, о которой мы только-что говорили. 25 іюля того же года правительство издаетъ эдиктъ, въ которомъ выражаетъ свое согласіе на принятіе тѣхъ феодальныхъ правъ, отъ которыхъ сами феодалы отказались добровольно. Дайміосамъ, не выразившимъ желанія присоединиться ко взглядамъ большинства, было приказано послѣдовать примѣру этого большинства; феодальные сеньоры возвращались въ свои прежнія владѣнія въ качествѣ простыхъ губернаторовъ, назначенныхъ на эту должность властью императора. Десятая часть доходовъ каждаго клана была назначена въ видѣ жалованья этимъ новымъ губернаторамъ, остальныя девять десятыхъ, за покрытіемъ мѣстныхъ расходовъ по управленію и благоустройству, должны были поступать въ императорскую казну. Наконецъ, декретомъ 4 октября 1870 г. было объявлено, что отнынѣ во всей имперіи будутъ дѣйствовать однообразные законы. Такъ закончилось это самоножертвованіе феодальныхъ сюзереновъ Японіи, которымъ былъ положенъ предѣлъ феодальному строю, продержавшемуся здѣсь въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Конечно, трудно проанализировать мотивы, которыми руководились отдѣльныя личности, принося въ этомъ массовомъ актѣ на

алтарь отечества свои права и привилегіи. Несомнѣнно, что вожаки движенія дѣйствовали сознательно и руководились исключительно лишь разсчетами благороднаго патріотизма. Это настроеніе нашло восторженный пріемъ у тогдашней японской интеллигенціи,—самураевъ,—которые, какъ мы говорили, должны были осуждать феодальный строй и съ личной, и съ идейной точки зрѣнія. Общественное мнѣніе, на которое такъ давила теперь интеллигенція, создала атмосферу, въ которой дышали и феодальныя владѣтельныя особы. Начавъ со стремленія обезпечить за собою всю полноту сюзеренныхъ правъ и подчинить для этого центральную власть „общественному мнѣнію“ страны (понимая подъ этимъ терминомъ лишь свои пожеланія и планы), феодалы незамѣтно для себя попали подъ власть дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія, прорвавшагося въ общественную жизнь болѣе широкимъ потокомъ, чѣмъ думали они. Такое подчиненіе теченію, въ существѣ чуждому психологіи большинства представителей феодальнаго строя, произошло тѣмъ легче, что фактическая власть по управленію кланами находилась въ рукахъ новой исторической силы—самураевъ. Сами феодальные суверены, погрязшіе въ своихъ привилегіяхъ и въ своей сытой жизни, стали въ большинствѣ случаевъ слабыми, дряблыми, неспособными людьми. Они привыкли жить чужимъ умомъ и чужой работой, и теперь, когда лучшіе представители японскаго общества, изъ которыхъ многіе стояли у кормила феодальнаго правленія, стали на сторону партіи реформъ, они легко заставили и своихъ феодальныхъ повелителей смотрѣть на текущія событія своими глазами. Большинство феодаловъ, такимъ образомъ, подражало выдающимся представителямъ своего сословія, не сознавая всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя были такъ тѣсно связаны съ актомъ ихъ отреченія и совершенно безсознательно подчиняясь общественному теченію.

Но многіе самураи при этомъ и сами теряли многое изъ своего привилегированнаго положенія; кромѣ того, какъ мы уже говорили, они были привязаны къ своимъ кланамъ, процвѣтаніе и благоустройство ихъ считали своей гордостью, имѣли возможность нерѣдко непосредственно участвовать въ мѣстномъ управленіи — все это, конечно, заставляло ихъ нелегко подчиняться новымъ идеаламъ: имперіализму и личному освобожденію отъ клановой зависимости. Въ душѣ самурая-интеллигента должна была происходить серьезная борьба между старыми привязанностями и новыми стремленіями къ переустройству своей родины. Откуда же онъ взялъ силы разбить оковы старыхъ привязанностей —рѣшить вопросъ въ пользу реформъ

и довести дѣло до конца, во что бы то ни стало, хотя бы съ цѣлымъ рядомъ личныхъ жертвъ? Что это было, честолюбіе? Конечно, здѣсь было и оно, но сравнительно у немногихъ, такъ какъ большинство не могло надѣяться устроиться при центральномъ правительствѣ, тогда какъ феодальный строй все же давалъ многимъ теплыя и почетныя мѣста. Корыстолюбіе? Но съ паденіемъ феодальнаго строя изъ рукъ феодаловъ, а слѣдовательно и близкихъ къ нимъ самураевъ уходило право обложенія мѣстнаго населенія, а слѣдовательно и всѣ разсчеты на наживу. Нѣтъ, едва ли этими мотивами можно объяснить широкое движеніе, проложившее себѣ путь въ широкія массы. Въ данномъ случаѣ были болѣе могучіе факторы, болѣе чистые источники.

Многое уяснится для насъ, если мы вспомнимъ, что самураи въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій жили и воспитывались подъ вліяніемъ той этики, которая выше всего ставила жертву своими интересами на общую пользу и что незадолго передъ эпохой революціи среди нихъ получила широкое распространеніе философія, которая всю отвѣтственность за зло общественной жизни возлагала на личность и уполномочивала эту личность силой сломить общественный строй, осужденный ея идеалами Всѣ эти настроенія особенно усилились къ данному историческому моменту. Вотъ откуда въ значительной мѣрѣ черпали самураи рѣшимость довести дѣло обновленія своей родины до конца, хотя бы при этомъ потребовалось принести въ жертву и личныя выгоды, и даже свою жизнь.

II.

На ряду съ основнымъ актомъ, только-что указаннымъ нами, императорское правительство издало еще цѣлый рядъ декретовъ, которыми продолжалась демократизація общества и освобожденіе личности. Двадцать шестого іюля, 1869 г. было уничтожено различіе между „придворною знатью“ и „военною знатью“ всѣ они слились въ одно почетное сословіе (*kwazokou*); затѣмъ многочисленные классы, раздѣленные наслѣдственными и личными привилегіями и объединяемые обыкновенно подъ однимъ общимъ названіемъ самураевъ, были раздѣлены на двѣ сословныя группы *sizokou* и *sotzou*. Но декретомъ 8 марта 1872 г. *sotzou* были уничтожены, а люди, принадлежавшіе къ этой сословной группѣ были частью возведены въ достоинство sizokou, частью были отне-

сены къ непривилегированнымъ народнымъ массамъ. Еще раньше, 12 октября, 1871 г., были уничтожены касты презрѣнныхъ профессій (*hiemin* и *eta*). Въ это же самое время было объявлено, что для всѣхъ гражданъ Японіи, безъ различія ихъ званія, сословія и положенія, должны существовать одни общіе суды (1870—1871 гг.). Смѣшенію классовъ былъ данъ далѣе толчекъ разрѣшеніемъ каждому заниматься какимъ ему угодно ремесломъ и профессіей (1871 г.), допущеніемъ смѣшанныхъ между сословіями браковъ (1871 г.), актовъ усыновленія, не стѣсняемыхъ полученіемъ усыновляемаго (1873 г.), припиской къ простонародью младшихъ вѣтвей знати (1874 г.) и къ сословію sizokou—чиновниковъ изъ простонародія и ихъ дѣтей (1872 г.). Такимъ образомъ тѣ сословныя начала, на которыхъ держался феодализмъ, были значительно ослаблены и уступили мѣсто новымъ общественнымъ отношеніямъ, которыя дѣлали совершенно невозможнымъ возвратъ феодализма къ жизни.

Но феодализмъ тѣмъ не менѣе далеко еще не былъ вырванъ съ корнемъ изъ жизни. Если были сглажены отношенія между сословными группами, существовавшими среди населенія, то тѣмъ болѣе должны были быть уничтожены привилегіи, существовавшія для различныхъ группъ землевладѣнія. И мы видимъ, дѣйствительно, что государство поспѣшило въ этомъ направленіи предпринять рядъ реформъ.

Кромѣ земель, принадлежавшихъ кланамъ, существовали многочисленныя владѣнія, которыя были дарованы на различныхъ льготныхъ основаніяхъ разнымъ знатнымъ семьямъ, самураямъ, буддійскимъ монастырямъ, шинтоистскимъ храмамъ. Имперское правительство съ самаго момента реставраціи императорской власти, т. е. съ 1868 г., стало дѣлать попытки возвратить себѣ эти владѣнія. Иногда оно объявляло ихъ своею собственностью и вступало во владѣніе безъ всякаго вознагражденія съ своей стороны прежнему собственнику; нѣкоторымъ буддійскимъ монастырямъ и большинству шинтоистскихъ храмовъ оно оставило часть ихъ обработанной земли; большинству знатныхъ и самурайскихъ семействъ оно стало выплачивать пенсію, въ размѣрѣ ихъ дохода. Операція эта затянулась на десятокъ лѣтъ. Часть владѣній, на которыя государство такимъ путемъ возстановило свои права, вошло въ число государственныхъ земель; пахотныя и городскія земли были уступлены отчасти частнымъ лицамъ, нерѣдко сосѣдямъ или фермерамъ, или арендаторамъ, которые ихъ воздѣлывали. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ сквозило не столько преслѣдованіе непосредственныхъ интересовъ фиска, сколько

желаніе ввести однообразныя законодательныя нормы въ области землевладѣнія для того, чтобы подготовить правильную раскладку поземельныхъ налоговъ. Слѣдовало также подвести подъ общее обложеніе всѣ тѣ земли, которыя съ давнихъ поръ были освобождены отъ всякихъ сборовъ. Наконецъ, къ началу 1872 г. были стерты всѣ юридическія различія въ области землевладѣнія. Въ февралѣ того же года приступлено къ кадастру. Въ мартѣ разрѣшеная продажа земель, запрещенная или стѣсненная различными условіями въ различныхъ частяхъ Японіи; въ январѣ 1873 г. была установлена общая система ипотеки.

Но за всѣмъ тѣмъ феодальный порядокъ оставался все таки еще нетронутымъ во многихъ отношеніяхъ: дайміосы, правда, лишились всѣхъ своихъ сюзеренныхъ правъ, но цѣлый рядъ административныхъ особенностей феодальнаго строя продолжалъ дѣйствовать въ жизни: такъ, напримѣръ, губернаторская власть сдѣлалась наслѣдственной привилегіей дайміосовъ, налоги и подати собирались не довѣренными чиновниками имперіи, а самими губернаторами; новые губернаторы попрежнему оставались главнокомандующими у себя на мѣстахъ надъ военными силами, которыя попрежнему состояли изъ самураевъ: губернаторы у себя въ округѣ сохранили право назначать и смѣнять всѣхъ чиновниковъ своего округа. Однимъ словомъ, новый порядокъ носилъ на себѣ всѣ слѣды довольно неудачнаго компромисса между старыми историческими традиціями и новыми вѣяніями времени.

Недостатки этого компромисса давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Съ одной стороны, лучшіе элементы общества тяготились тѣми преимуществами, которыя оставались на ихъ долю. Такъ, напримѣръ, губернаторъ Токусимы (Ава) со всѣми своими самураями перешелъ въ сословіе земледѣльцевъ. Было далѣе нѣсколько случаевъ, когда губернаторы сами признавали себя неспособными къ отправленію тѣхъ административныхъ обязанностей, которыя налагались на нихъ наслѣдственнымъ правомъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ дайміосовъ жертвовали въ пользу народа свои дворцы и храмы своихъ предковъ. Самураи Котси (Тоза) отказались отъ своихъ привилегій на пенсію. Съ другой стороны неспособность тѣхъ или другихъ губернаторовъ заставила центральное правительство постоянно вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла; было открыто нѣсколько заговоровъ; кое-гдѣ въ провинціи поднимались волненія самураевъ; чиновники отдѣльныхъ областей или отказывались повиноваться, или становились на сторону безпокойныхъ элементовъ

общества. Въ Тсикудзенѣ (1871 г.) цѣлая группа чиновниковъ была изобличена въ изготовлении фальшивой монеты: сорокъ шесть человѣкъ изъ нихъ были присуждены къ тяжелымъ наказаніямъ, а губернаторъ лишенъ власти; на его мѣсто былъ назначенъ принцъ Арисугава,—это былъ первый случай, когда кланъ переставалъ управляться своими членами. Въ нѣкоторыхъ кланахъ распоряженія центральнаго правительства получались, но никогда не исполнялись. Очевидно, что дѣло въ такомъ положеніи долго оставаться не могло тѣмъ болѣе, что сторонники реформъ все громче стали жаловаться на то, что правительство боится дѣлать дальнѣйшіе рѣшительные шаги.

Тогда-то опять среди выдающихся дѣятелей того времени сложилась тайная организація, которая выдвинула программу дальнѣйшихъ реформъ, широко охватывавшую самыя разнообразныя стороны государственной жизни: императорскій домъ, личный составъ правительственнаго и административнаго механизма, армію и флотъ, финансы, народное образованіе, иностранную политику.

Все это побуждало новое правительство и дальше развертывать свою реформаторскую дѣятельность и стремиться къ окончательному освобожденію отъ остатковъ феодальнаго строя.

Второго апрѣля 1871 г. былъ изданъ декретъ, устанавливающій императорскую гвардію, которая должна зависѣть отнынѣ только отъ одного правительства. Она должна была образоваться изъ войскъ, выдѣленныхъ кланами. Къ концу мая гвардія была сформирована; она являлась теперь ядромъ будущей императорской арміи и дѣлала правительство въ военномъ отношеніи независимымъ отъ клановъ. Такое положеніе дѣла, конечно, вызвало броженіе среди нѣкоторыхъ клановъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ реформахъ иные изъ нихъ видѣли не коренную ломку государственнаго порядка, а лишь временный успѣхъ нѣсколькихъ болѣе сильныхъ клановъ. Однако, броженіе это не дало сколько-нибудь крупныхъ результатовъ, такъ какъ общественное мнѣніе было уже подготовлено къ этой реформѣ въ достаточной степени, а сама реформа было проведена съ достаточной обдуманностью и осмотрительностью.

Такою же осторожностью и продуманностью, такимъ же пониманіемъ психологіи активныхъ массъ даннаго историческаго момента отличаются и дальнѣйшіе шаги руководителей партіи реформъ. Мы только что видѣли, что правительству удалось освободиться отъ феодальной опеки въ дѣлѣ организаціи военныхъ силъ; то же теперь ему предстояло сдѣлать и въ сферѣ граждан-

скаго управленія. Иначе говоря, оно должно было отнять у экс-дайміосовъ ихъ послѣднія права и привилегіи, которыя имъ принадлежали, какъ наслѣдственнымъ губернаторамъ своихъ провинцій. Это было сдѣлано 29 августа того же 1871 г., когда декретъ объявилъ, что кланы уничтожаются, а образуются префектуры. Но прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, партія реформъ постаралась такъ организовать министерство, чтобы въ него входили представители всѣхъ наиболѣе могучихъ клановъ. И, дѣйствительно, мы видимъ министерскіе портфели къ этому моменту въ рукахъ членовъ клановъ Сатзума, Хошіу, Хидзенъ и Тоза. И тѣмъ не менѣе правительство сильно побаивалось, что этотъ рѣшительный ударъ отжившему феодальному строю можетъ вызвать движеніе въ странѣ. Однако, къ счастію этого не случилось. Губернаторы, бывшіе дайміосы, были созваны въ Токіо; имъ было приказано поселиться въ Токіо; государство обязалось выплачивать имъ пенсіи въ размѣрѣ $^1/_{10}$ тѣхъ доходовъ, которые они получали въ своихъ ленахъ. Имъ разрѣшено было путешествовать за границу. Въ провинцію были назначены префекты, непосредственно зависящіе отъ императора. Молодое правительство располагало теперь не только самостоятельными войсками, но и своей администраціей, и своимъ фискомъ, такъ какъ налоги съ этихъ поръ должны были собираться императорскими чиновниками.

Но какъ ни далеко ушло правительство на пути реформированія страны, на лицо всетаки оставался одинъ изъ самыхъ основныхъ устоевъ феодальнаго строя: военныя силы государства все еще опирались на отдѣльный классъ общества, контингентъ войскъ все еще пополнялся изъ однихъ самураевъ. Декретъ 28-го декабря 1872 г. распаталъ, наконецъ, и эту послѣднюю опору феодальнаго правопорядка, положивъ основаніе всеобщей воинской повинности. Но еще и до этого правительство подготовило умы, предложивъ самураямъ прекратить обычай ношенія двухъ сабель и другихъ внѣшнихъ признаковъ ихъ общественнаго положенія. Такъ послѣ уничтоженія феодаловъ были уничтожены и самураи.

Однако, государство не могло предоставить самураевъ самимъ себѣ. Ихъ насчитывалось въ то время около 400,000 человѣкъ, а со всѣми ихъ женами и дѣтьми около 2.000,000. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они привыкли жить на счетъ государства, исполняя только военныя функціи и даже съ презрѣніемъ относясь къ мирнымъ профессіямъ и различнымъ средствамъ пріобрѣтенія презрѣннаго металла, Теперь, при измѣнившихся условіяхъ, наиболѣе

способные и подвижные элементы пристроились при новомъ порядкѣ общественныхъ отношеній, другіе, болѣе мирные и, быть можетъ, менѣе честолюбивые и сильные, возвратились въ ряды крестьянскихъ и ремесленныхъ массъ. Но, во всякомъ случаѣ, все это была небольшая доля двухмилліонной арміи самураевъ. Какъ же было поступить съ остальными? Неужели же отдать ихъ на произволъ всѣхъ случайностей, на которыя были обречены эти созидатели новой Японіи, въ большинствѣ случаевъ сами оказавшіеся не въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія? Нѣтъ, это было бы слишкомъ безжалостно, это могло бы вызвать цѣлый рядъ волненій, вооружить противъ новаго правительства общественное мнѣніе. Нѣтъ, на это правительство не могло рѣшиться ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія своей безопасности. Выходъ оставался одинъ, — приходилось взять на себя тѣ обязательства, которыя существовали между феодалами и самураями въ то время, когда эти послѣдніе составляли войска страны. Приходилось принять на себя уплату тѣхъ доходовъ, которые они получали, были ли то доходы пожизненные или наслѣдственные. Государство такъ и сдѣлало. Оно приняло на себя выплату всѣхъ такихъ доходовъ, которые составляли до 20.000,000 руб. ежегодно. Нечего и говорить, что эта огромная сумма для молодой имперской казны вскорѣ оказаласъ совершенно непосильной. Государство прибѣгло тогда въ 1873 г. къ выкупу. При этомъ половину своихъ обязательствъ оно уплачивало наличными деньгами, а половину восьмипроцентными обязательствами такъ, что, напримѣръ, лицо, имѣвшее наслѣдственную пенсію въ 1,000 руб. получило сразу сумму въ 3,000 руб., если только соглашалось затѣмъ пользоваться ежегоднымъ доходомъ лишь въ 240 руб., а лицо, имѣвшее пожизненную пенсію тѣхъ же размѣровъ, получало единовременно 2,000 руб. и затѣмъ ежегодный доходъ въ 160 руб. Условія эти были прямо не выгодными, и тѣмъ не менѣе, хотя выкунъ не былъ обязательнымъ, большинство самураевъ произвело предложенный правительствомъ обмѣнъ обязательствъ. Что принуждало ихъ къ этому? Однихъ несомнѣнно боязнь, что несогласіе на подобныя условія можетъ вызвать въ недалекомъ будущемъ предложеніе еще худшихъ, другихъ—убѣжденіе, что этимъ размѣномъ они совершаютъ патріотическое дѣло, помогаютъ своей родинѣ выпутаться изъ сложнаго и опаснаго положенія; и такихъ мы должны считать не малое количество. Нечего и говорить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти „выкупныя свидѣтельства“ (подъ конецъ обязательныя)

были проѣдены и пропиты такъ же безтолково, какъ проѣдались и пропивались „выкупныя свидѣтельства“ нашимъ дворянствомъ въ то же самое время. Но „оскудѣніе“ пришло въ дворянскіе японскіе роды позднѣе, когда государство успѣло совершенно окрѣпнуть, когда для него уже не страшно было недовольство не сумѣвшихъ пристроиться сравнительно немногочисленныхъ элементовъ общества.

Такъ завершилась японская революція—разсчеты новой жизни съ старыми традиціями. Какъ быстро и энергично прошла эта ломка старыхъ устоевъ и замѣна ихъ новыми! Въ самомъ дѣлѣ, отъ паденія шогуната до полнаго разсчета съ самураями прошло всего какихъ-нибудь пять лѣтъ (1868—1873 г.). А вѣдь буквально камня на камнѣ не осталось: организація правительства, сословное разслоеніе общества, фискальная система, войско и флотъ, иностранная политика- -все это было подвергнуто коренной перестройкѣ. Какія же огромныя силы нужны были для этого! Да, силы эти были велики, но въ нихъ нѣтъ ничего специфически-японскаго.

III.

Партія реформъ состояла всетаки изъ очень пестрыхъ элементовъ. Стоитъ только вспомнить крайнихъ и умѣренныхъ, объединившихся для борьбы съ шогунатомъ для того, чтобы понять, что эти разнородныя теченія не могли слиться въ одинъ потокъ послѣ того, какъ имъ удалось опрокинуть главное препятствіе, загораживавшее выходъ въ новое русло политической жизни страны.

И, дѣйствительно, мы видѣли, что уже первые шаги имперіализма были обставлены такъ, чтобы соперничающимъ силамъ была предоставлена возможность принимать одинаковое участіе въ дѣлахъ управленія. Императоръ далъ клятву созвать совѣщательное собраніе и управлять страной согласно требованіямъ „общественнаго мнѣнія“, выразителями котораго считались феодалы и самураи. Руководители тогдашней политики предполагали, что это совѣщательное собраніе объединитъ у кормила правленія наиболѣе активные и наиболѣе сильные элементы общественной жизни тогдашней Японіи. Однако, послѣдовавшія событія не оправдали этихъ надеждъ.

Восемнадцатаго апрѣля 1869 г. (на слѣдующій день послѣ принесенія императоромъ вышеприведенной присяги) было созвано

это совѣщательное собраніе—*kogisho* (парламентъ), какъ его громко назвали. Но оказалось, что гора родила мышь. Члены этого совѣщанія явились сюда по назначенію своихъ дайміосовъ и въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляли безцвѣтную массу среднихъ людей, совершенно не способныхъ разобраться въ данномъ историческомъ моментѣ и отражавшихъ до мелочей всѣ сословные предразсудки и традиціи данной группы. Почти всѣ члены этого совѣщательнаго собранія были самураями изъ различныхъ клановъ.

Характерными для этого *kogisho* фактами будетъ то, что предложеніе правительства относительно уничтоженія обычая *harakiri* провалилось въ этомъ парламентѣ большинствомъ двухсотъ голосовъ противъ трехъ, а предложеніе одного изъ выдающихся дѣятелей того времени Мори Аринори о лишеніи самураевъ права носить мечи было отвергнуто собраніемъ единодушно. Лишенное всякой возможности непосредственно вліять на законодательство, совершенно неспособное уловить и быть выразителемъ мнѣнія лучшей и активной части японскаго общества, kogisho превратился въ вялый, политическій клубъ, совершенно не интересовавшій общество и являвшійся какой-то смѣшной пародіей на парламентскій режимъ. Онъ вскорѣ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе.

Такимъ образомъ надежды на совѣщательное собраніе, какъ на средство объединить разношерстные элементы партіи реформъ, рухнули. А между тѣмъ рознь во взглядахъ относительно того момента, гдѣ должны остановиться реформы и къ чему изъ завѣщаннаго исторіей не должны были прикасаться реформаторы, все увеличивалась и въ японскомъ обществѣ, и среди руководителей тогдашней политики. Особенно большія разногласія вызвали реформы, направленныя къ уничтоженію самураевъ, какъ обособленнаго военнаго класса. Изъ двухмиллионной массы самураевъ, конечно нашлось не мало такихъ, которые не могли простить правительству этого удара ихъ гордости и всему распорядку ихъ жизни. Чувствовалось, что недовольство значительной части самураевъ должно такъ или иначе прорваться. Но правительство представляло изъ себя къ этому моменту довольно компактную организацію; должны были поэтому организоваться и недовольные самураи, если хотѣли добиться какихъ-нибудь реальныхъ результатовъ. Имъ нуженъ былъ для этого прежде всего сильный и искусный вождь. И такой вождь нашелся.

Среди особенно выдающихся реформаторовъ того времени мы

встрѣчаемъ пять именъ: Ивакура и Санджо, вышедшіе изъ рядовъ придворной знати, Сего и Окубо, самураи изъ Сатзумы, и Кидо, самурай изъ Хошіу. Четверо изъ нихъ были искренними реформаторами, не любившими останавливаться ни передъ какими традиціями, когда дѣло шло о томъ, чтобы обезпечить родинѣ новый, болѣе правильный порядокъ жизни. Не таковъ былъ Сего. Въ его міросозерцаніи было много романтики, много привязанности къ старинѣ. Даже въ борьбѣ съ шогуномъ онъ видѣлъ лишь средство возвеличенія своего клана. Онъ собственными руками способствовалъ паденію шогуна. И что же? Не прошло и пяти лѣтъ, какъ за шогунатомъ палъ феодализмъ и потокъ реформъ унесъ съ собою всѣ привилегіи военнаго класса самураевъ, смылъ его безъ остатка съ почвы родной Японіи. Нѣтъ, Сего съ этимъ не могъ примириться! Какъ только онъ почувствовалъ, что жизнь начинаетъ обманывать его, что своей собственной работой онъ подкапывается подъ дорогіе ему устои, онъ удалился къ себѣ въ Сатзуму и задумалъ обширный и дерзкій планъ не уступать реформаціонному теченію правъ стараго военнаго класса самураевъ. Средство осталось одно—поднять оружіе противъ зарвавшагося, по его мнѣнію, правительства и вызвать возстаніе самураевъ. И Сего рѣшился на эту мѣру и началъ дѣятельно готовиться къ реализаціи своего смѣлаго плана.

Пользуясь своимъ вліяніемъ и въ имперскомъ правительствѣ, и у мѣстныхъ властей, онъ укрѣпилъ нѣсколько крѣпостей, сдѣлалъ запасы пороха, наполнилъ арсеналы оружіемъ, открылъ множество частныхъ военныхъ школъ, въ которыхъ учащаяся молодежь образовала нѣчто въ родѣ военныхъ братствъ, воспитывавшихся въ духѣ ненависти къ новому режиму. Кромѣ того, надо сказать, что открытый, смѣлый и благородный характеръ Сего невольно привлекалъ къ себѣ сердца самураевъ: онъ былъ идоломъ этого этого военнаго класса. Мѣстныя обстоятельства сильно помогли выполненію его замысловъ. Сатзума въ началѣ семидесятыхъ годовъ сохранила за собой феодальную организацію, и ея управитель Ой-яма былъ личнымъ другомъ Сего

Въ это же время запутался нѣсколько и корейскій вопросъ. Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, когда на полуостровъ обрушились японскія войска подъ предводительствомъ Хидейоши, Корея стала отправлять посольства въ Японію для поздравленій съ восшествіемъ на престолъ каждаго изъ шогуновъ. Теперь, когда строй японскаго государства измѣнился, Корея не только отказалась отно-

ситься къ своей сосѣдкѣ съ уваженіемъ, но приняла даже вызывающій образъ дѣйствій: она отказалась принять къ себѣ японскаго посланника. Такое поведеніе свидѣтельствовало какъ будто о томъ, что новое правительство не можетъ заставить уважать себя. Это сильно задѣло національное самолюбіе и давало лишній козырь въ ходѣ противъ правительства.

Но правительство не могло вступить на путь вооруженнаго давленія на Корею: всеобщая воинская повинность была объявлена совсѣмъ еще недавно, новыя войска только что обучались военному искусству; кромѣ того, оно слишкомъ было занято и внутренними мирными реформами. Партія мира восторжествовала. Сего, надѣявшійся корейской экспедиціей спасти положеніе самураевъ, которымъ пришлось бы сыграть въ ней видную роль въ виду существеннаго недостатка въ регулярныхъ войскахъ, совершенно порвалъ свои отношенія съ правительствомъ. Въ это же время, въ 1874 г., на той же самой почвѣ вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ Іето Шимпеи, который безуспѣшно пробовалъ втянуть въ свое предпріятіе Сего и лозунгомъ котораго было: война съ Кореей, возстановленіе дайміосовъ, изгнаніе иностранцевъ! Съ этимъ возстаніемъ правительство справилось довольно легко, хотя Итагаки Тайсуки одновременно поднялъ въ странѣ агитацію за введеніе представительнаго правленія, опираясь главнымъ образомъ на клятву, принесенную императоромъ. Но все это были не опасные враги. Наибольшій страхъ внушалъ правительству Сего.

А между тѣмъ судьба, какъ нарочно, давала ему чрезвычайно удобные для агитаціи факты. Надо вспомнить, что къ этому моменту какъ разъ относятся акты окончательной ликвидиціи отношенія правительства къ самураямъ. Въ это же время имѣли мѣсто два событія изъ области иностранной политики, которая еще больше подлила масла въ огонь. Одно изъ нихъ была формозская экспедиція. Полудикари Формозы напали на японцевъ, потерпѣвшихъ у ихъ береговъ кораблекрушеніе, и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Японія потребовала удовлетвореніе отъ Китая, которому тогда принадлежала Формоза, но удовлетворенія не получила. Тогда она послала туда свои войска, которыя, конечно, легко остались побѣдителями надъ дикарями. Но во всей этой исторіи Японія, подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, дѣйствовала съ большой нерѣшительностью и кончила тѣмъ, что отправила въ Пекинъ посольство, которому было предписано во что бы то ни стало заключить съ Китаемъ миръ.

Вторымъ событіемъ, которое въ глазахъ народа опять таки было минусомъ по отношенію къ иностранной политикѣ правительства, было неожиданное нападеніе корейцевъ на японскій пароходъ, зашедшій въ одну изъ корейскихъ гаваней за углемъ и провіантомъ. Но японское правительство и тутъ уклонилось отъ войны. Вмѣсто того, чтобы немедленно, какъ это ожидали многіе, высадить въ Кореѣ войска и начать военныя дѣйствія, японское правительство предпочло воспользоваться уроками, которые ей еще такъ недавно дали западно-европейскія державы и сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Оно послало эскадру, чтобы угрозой пушекъ вырвать у Кореи мирный договоръ. Это ему удалось. Но національное самолюбіе у многихъ не могло примириться съ подобной умѣренной программой дѣйствія.

И такъ недовольство правительствомъ, его новшествами и иностранной политикой, росло и крѣпло особенно среди самураевъ. Начались вооруженные протесты. Нѣсколько отрядовъ самураевъ, вооруженныхъ старымъ оружіемъ, напали на одну крѣпость и перебили или переранили около трехсотъ человѣкъ гарнизона, а затѣмъ бѣжали въ прилежащія горы,гдѣ и погибли сами отъ своихъ рукъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей еще въ двухъ мѣстахъ. Очевидно событія достаточно назрѣли. Ни правительству, ни самураямъ Сатзумы нельзя было долѣе держаться выжидательной политики. Тогда возсталъ и Сего; подъ его предводительствомъ собралось около 30.000 человѣкъ, снабженныхъ прекраснымъ западно-европейскимъ оружіемъ солдатъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ самураямъ, семейной профессіей которыхъ была военная служба. Въ распоряженіи у правительства въ данный моментъ оказалось такое же по численности войско, но то было войско молодое, не испытанное, недавно оторванное отъ сохи и ремеслъ. Событія, однако, благопріятствовали правительству. Сего позамѣшкался при осадѣ одной попутной крѣпости. Это и спасло правительство: оно успѣло собраться съ силами. Завязалась упорная борьба между правительствомъ обновленной Японіи и отжившей военной организаціей японскаго феодализма. Борьба была кровопролитная. Она началась 29 января 1877, а кончилась 24 сентября того же года смертью, добровольной или въ битвѣ, почти всѣхъ предводителей этого повстанческаго движенія. За это время въ рядахъ правительственныхъ войскъ перебывало до 66.000 человѣкъ, у повстанцевъ до 40.000. Общій уронъ, пришедшійся на раненыхъ и убитыхъ, достигъ 35.000 человѣкъ или 33% всѣхъ сражавшихся войскъ.

Правительсто восторжествовало. Съ нимъ окончательно восторжествовалъ и новый порядокъ. Если бы самураи Сатзумы одержали верхъ, то несомнѣнно, что ходъ японской исторіи былъ бы задержанъ, быть можетъ, на много лѣтъ возвратомъ къ феодальнымъ пережиткамъ. Въ этой же борьбѣ правительство окончательно завоевало симпатіи націи: оно доказало явно всѣ преимущества новаго государственнаго строя. Здѣсь противъ цвѣта самураевъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившихъ военнымъ дѣломъ, выступили войска, не особенно превосходящія численностью и состоявшія изъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ, и одержали блестящія побѣды надъ этими профессіоналами военнаго дѣла, прекрасно вооруженными и находившимися подъ предводительствомъ выдающихся вождей.

Побѣда правительства еще больше расположила народныя массы къ нему, благодаря удивительной умѣренности, съ которой оно отнеслось къ побѣжденнымъ повстанцамъ. Достаточно сказать, что, спустя какія нибудь 12 лѣтъ (въ февралѣ 1889 г.), императоръ возвратилъ уцѣлѣвшимъ вождямъ возстанія всѣ ихъ титулы и почести.

IV.

Но въ то же самое время, когда правительство вело свою послѣднюю борьбу съ послѣдними представителями стараго режима, оно продолжало и свою созидательную работу. Мы видѣли, какъ много сдѣлало оно ради демократизаціи общества, но такъ же много было имъ сдѣлано для проведенія въ японскую жизнь всѣхъ формъ западно-европейской культуры. Оно съ лихорадочной поспѣшностью устраивало желѣзныя дороги, доки, маяки, рудники, желѣзные и мѣдные заводы, устанавливало телеграфныя сообщенія, усовершенствовало почтовыя сношенія. Оно занялось кодификаціей и пересмотромъ законовъ, устранило изъ судебнаго процесса пытки, отмѣнило эдикты, изданные противъ христіанства, разрѣшило изданіе газетъ, установило декретомъ 1875 г. „*Genroin*“ а „*Daishin-in*“, чтобы укрѣпить юридическій авторитетъ судовъ; оно созвало съѣздъ префектовъ.

Если всѣ мѣры, клонившіяся къ демократизаціи общества, вели къ тому, что масса японскаго народа становилась компактнѣе, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія общихъ правъ личности, что общественное мнѣніе страны стало опираться на болѣе широкіе слои населенія и вырабатывать болѣе широкія положенія, то съ другой

стороны потокъ новыхъ идей и предпріятій въ области матеріальной культуры заставилъ передовыхъ людей внимательнѣе присматриваться къ источнику этой культуры—къ западно европейскимъ государствамъ и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, изучать ихъ не только по книгамъ и чертежамъ, а и путемъ личнаго наблюденія, личнаго соприкосновенія съ нею. Отсюда—необходимость путешествій въ эти еще не такъ давно запретныя-страны. И мы, дѣйствительно, видимъ, что цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей Японіи путешествуютъ въ Америку и Западную Европу, подолгу остаются тамъ и прекрасно усваиваютъ не только матеріальныя стороны жизни культурныхъ народовъ, но и духовныя условія ихъ существованія. Японскіе передовые дѣятели недаромъ дышали въ этихъ путешествіяхъ конституціоннымъ воздухомъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Они вынесли изъ этихъ путешествій глубокое убѣжденіе въ преимуществахъ представительнаго правленія. Имъ тѣмъ легче было усвоить эту мысль, а затѣмъ пропагандировать ее у себя на родинѣ, что сама Японія, какъ мы видѣли, никогда долго не была абсолютной монархіей, а почти всегда фактическая власть была отдѣлена отъ номинальнаго источника власти. Эти идеи они привезли къ себѣ на родину. Достаточно будетъ привести два, три наиболѣе выдающихся примѣра, чтобы охарактеризовать настроеніе лучшей части тогдашней японской интеллигенціи.

Такъ Ивакура, глава одного изъ посольствъ, въ отвѣтъ на тостъ, предложенный въ честь его въ Англіи, сказалъ между прочимъ: „Мы теперь въ достаточной степени ознакомились со многими изъ вашихъ учрежденій и убѣдились, что своимъ успѣхомъ они обязаны *свободному* и энергичному духу, ихъ проникающему“...

Графъ Ито въ своей рѣчи въ Санъ-Франциско говорилъ: „находясь въ абсолютномъ подчиненіи у деспотическихъ правителей въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, нашъ народъ не зналъ свободы мысли. Теперь, вмѣстѣ съ матеріальнымъ прогрессомъ, онъ научился понимать свои права, которыя вѣками не признавались за нимъ“.

Подобные же взгляды мы находимъ, напр., въ докладной запискѣ, поданной въ 1873 г, правительству графомъ Унуйе, бывшимъ министромъ земледѣлія и торговли.

Тѣ же идеи очень часто стали повторяться и въ литературѣ, и съ каѳедръ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ ученыхъ этого времени Фукузава неустанно твердилъ, что правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства и т. д.

Но особенно большія заслуги въ дѣлѣ пропаганды представитель-

наго правленія принадлежатъ Итакаги Таисуки, занимавшему одно время министерское кресло. Агитаторская дѣятельность его относится главнымъ образомъ къ тому же четырехлѣтію 1873—1877, когда дѣйствовалъ и Сего. Только Сего сосредоточилъ свои силы въ Сатзумѣ, а Итагаки въ Тозѣ.

Итагаки не упускалъ ни одного момента, удобнаго для пропаганды своихъ идей. Такъ, агитировалъ онъ во время осложненій съ Кореей и особенно въ годъ борьбы правительства съ Сего. Дождавшись момента, когда междуусобная борьба достигла своего высочайшаго напряженія, Итагаки обратился къ правительству съ памятной запиской, въ которой обвинялъ администрацію въ стремленіи заглушить голосъ общественнаго мнѣнія; въ узурпаціи власти, исключавшей самодѣятельность націи; въ стремленіи понизить, а не повысить общій тонъ жизни, такъ какъ самураи были низведены на степень простолюдиновъ, а не простолюдины путемъ образованія подняты до уровня самураевъ. Записка эта далѣе требуетъ представительнаго собранія и говоритъ о народныхъ правахъ. Но и Итагаки въ своемъ представительномъ собраніи имѣлъ въ виду лишь привилегированные классы. Онъ со своими сторонниками тоже полагалъ, что пока народъ необразованъ, пока не искусился въ общественной и политической жизни, не слѣдуетъ передавать управленіе страной въ его руки. Онъ и его сторонники возмущались только тѣмъ, что, хотя реставрація императорской власти была дѣломъ всѣхъ самураевъ, фактической властью овладѣли представители лишь четырехъ клановъ. Онъ думалъ, что необходимо дать возможность участія въ управленіи всѣмъ самураямъ, и онъ готовъ былъ первоначально удовольствоваться представительнымъ собраніемъ, состоявшимъ наполовину изъ оффиціальныхъ лицъ, наполовину изъ *самураевъ*, не занимающихъ никакого правительственнаго поста.

Но правительству первоначально казались опасными даже эти проекты. Однако жизнь повернула его въ сторону представительнаго правленія скорѣе, чѣмъ этого можно было ожидать.

Весною 1878 г. былъ убитъ министръ Окубо Тошимитсу. Являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ правительства, онъ волей неволей бралъ на себя отвѣтственность за многое, что совершалось этимъ правительствомъ; благодаря такому положенію вещей, онъ считался главнымъ виновникомъ неудачи и паденія Сего; вотъ почему нѣсколько сторонниковъ этого защитника самураевъ и направили удары своихъ кинжаловъ на Окубо. Убійцы тотчасъ же сами отдались въ руки правосудія, позаботившись напередъ распростра-

нить въ широкихъ кругахъ общества тѣ мотивы, которыми они руководились при совершеніи своего преступленія. Оказывалось, что однимъ изъ главныхъ преступленій правительства эти люди считали неспособность его установить представительное правленіе. Убійство Окубо не терротизировало правительство: японцы люди мужественные. Но оно заставило его серьезно задуматься о томъ, что эти акты насилія противъ представителей власти, которыя за послѣднее время стали повторяться все чаще и чаще, едва ли могутъ быть признаны явленіемъ случайнымъ, а не коренятся глубоко въ условіяхъ переживаемой эпохи. Правительство рѣшило ускорить намѣченные имъ шаги.

Два мѣсяца спустя, послѣ смерти Окубо, былъ изданъ эдиктъ, которымъ устанавливались избирательныя собранія въ различныхъ городахъ и префектурахъ. Мы не будемъ останавливаться на организаціи этихъ мѣстныхъ парламентовъ, такъ какъ наша задача была характеризовать то время, въ которое Японія перешла отъ феодальнаго строя къ правовому конституціонному. Скажемъ только, что, какъ ни узка была сфера ихъ дѣйствія, они дали возможность на своихъ ежегодныхъ сессіяхъ выработаться цѣлому ряду политическихъ дѣятелей.

Но эти мѣстныя собранія не могли, конечно, удовлетворить Итагаки и его сторонниковъ, которые стремились ограничить власть установившейся около престола олигархіи. Итагаки удвоилъ свою агитацію. Онъ организовалъ своихъ сторонниковъ въ сообщество, названное *Jiyu-to* (либералы), которое и составило первую политическую партію въ Японіи. Либералы подверглись за свои рѣчи и статьи сильнымъ гоненіямъ со стороны правительства.

Въ 1881 г. въ правительственной олигархіи произошло дальнѣйшее расщепленіе. Изъ кабинета вышелъ талантливый Окума Шигенобу, министръ финансовъ, и тотчасъ всталъ въ оппозицію къ существующему правительству. На своемъ революціонномъ знамени онъ написалъ: „представительное правленіе“ и образовалъ партію прогрессистовъ (Shimpo-to), включившую въ свои ряды много выдающихся общественныхъ дѣятелей эпохи. Образованіе новой и при томъ сильной оппозиціонной партіи доказывало правительству, что движеніе въ сторону представительнаго правленія захватило значительную долю массъ, активныхъ въ данный историческій моментъ. Приходилось идти еще и еще дальше на уступки, если только жажда власти и своекорыстія не успѣли заглушить голосъ совѣсти и логики. Вскорѣ за удаленіемъ изъ кабинета Окумы, въ тотъ же 1881 г.

правительство объявило, что черезъ десять лѣтъ имъ будетъ созвано національное собраніе.

Этимъ актомъ правительство собственно отнимало у оппозиціи ея главное оружіе, такъ какъ она не могла надѣяться ускорить введеніе парламентскаго режима и не могла вмѣстѣ съ тѣмъ оспаривать тѣхъ принциповъ, на которыхъ правительство предполагало организовать представительное правленіе, такъ какъ правительство хранило на этотъ счетъ полнѣйшее молчаніе. Однако, ни либералы, ни прогрессисты не сложили своего оружія и направили свои удары главнымъ образомъ противъ личнаго состава правительства, стараясь всѣми силами возбуждать будущихъ избирателей противъ тѣхъ, кто въ настоящее время стоялъ у кормила правленія.

При такихъ условіяхъ борьба приняла особо-острый характеръ. Если съ одной стороны устраивались заговоры на жизнь министровъ, дѣлались попытки прибѣгнуть къ помощи динамита, разрабатывалась программа возстанія въ Кореѣ,—то съ другой стороны, правительство выдвинуло цѣлый арсеналъ средствъ, въ которыхъ считало всѣ мѣры одинаково пригодными: закрытіе съѣздовъ и собраній по усмотрѣнію администраціи, конфискація и запрещеніе газетъ по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, высылка изъ столицы по усмотрѣнію полицейскихъ властей, административное рѣшеніе политическихъ дѣлъ, арестъ и содержаніе на основаніи одного только подозрѣнія и тому подобныя мѣры полицейскаго произвола. Но японское интеллигентное общество нашло въ себѣ мужество въ теченіе всего періода ожиданія парламентскаго режима вести смѣлую и открытую противоправительственную борьбу, хотя правительство въ это же самое время было занято не только политической борьбой съ оппозиціонными силами общества, но и выполненіемъ широкой реформаторской программы, главные пункты которой нами были указаны выше.

При условіяхъ такой борьбы правительство, конечно, не только не могло позабыть своего обѣщанія или отсрочить его выполненіе, но даже поторопилось съ проведеніемъ его въ жизнь. Національное собраніе было открыто не въ 1891 г., а на годъ раньше.

Въ 1890 г., слѣдовательно, была провозглашена конституція. Рядъ блестящихъ празднествъ сопровождалъ это выдающееся въ жизни націи событіе.

Но въ этотъ же великій для Японіи день произошелъ случай, который показывалъ, какъ много своеобразнаго сохранилось въ нравахъ этой страны, не смотря на всю ту лихорадочную спѣшку, съ

которой она впитывала въ себя соки западно-европейской культуры. Въ этотъ день былъ убитъ министръ народнаго просвѣщенія виконтъ Мори, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей молодой Японіи. Онъ палъ отъ руки юноши, едва достигшаго совершеннолѣтія. Мотивомъ къ убійству послужило желаніе отомстить Мори за его яко бы непочтительное отношеніе къ храму Изы, который покойный министръ посѣтилъ незадолго до катастрофы, унесшей его въ могилу. Молодой фанатикъ думалъ, что непочтеніе къ алтарю, посвященному прародительницѣ государей Японіи, можетъ вызвать на страну гнѣвъ богини и тѣмъ нанести имперьялизму непоправимый ударъ. Нишино Бунтаро, — такъ звали убійцу — прекрасно зналъ, что идетъ на вѣрную смерть, но онъ съ юныхъ лѣтъ впиталъ въ себя основы самурійской этики: не останавливаться ни передъ какимъ самопожертвованіемъ, если этого требуютъ интересы родины... Этимъ событіемъ и завершается переходное время. Дальше идетъ уже исторія современной Японіи, Японіи парламентарной.

Подведемъ теперь хотя бы самое краткое резюме, которое напрашивается у насъ съ нашей точки зрѣнія.

Что же эта эпоха *великихъ* реформъ въ Японіи дѣйствительно *великая* эпоха въ жизни страны Восходящаго Солнца? Въ чемъ же именно ея величіе? Какъ много ею сдѣлано для націи?

И много, и мало... Много, слишкомъ много по сравненію съ недавнимъ прошлымъ: мало, слишкомъ мало по сравненію съ ближайшимъ будущимъ, съ тѣмъ, что предстоитъ сдѣлать, надъ чѣмъ придется поработать, быть можетъ, многимъ поколѣніямъ надвигающагося будущаго.

Смыслъ всѣхъ перемѣнъ, произведенныхъ реформами второй половины минувшаго столѣтія заключается въ раскрѣпощеніи личности отъ путъ той политической паутины, черезъ которую такъ часто не могла прорваться ни личная инициатива гражданъ, ни организованная дѣятельность тѣхъ или другихъ ихъ группъ. Политическая организація страны стояла преградой на пути къ дальнѣйшему ея развитію. И страна, — лучше сказать, активныя массы даннаго историческаго момента ея, — произвела революцію, вѣрнѣе, рядъ революцій, иногда кровавыхъ, чаще безкровныхъ, въ результатѣ которыхъ въ самое короткое время отъ стараго порядка не осталось камня на камнѣ.

Стоитъ вспомнить хотя бы основныя реформы этого періода для того, чтобы согласиться, что для освобожденія личности отъ *политическаго* гнета за это время было сдѣлано очень много. Высво-

божденіе личности отъ крѣпостныхъ путъ государства оплатилось чрезвычайно быстрымъ ростомъ въ области матеріальныхъ благъ. Матеріальный прогрессъ страны возбуждаетъ такое же удивленіе, какъ и ея политическій прогрессъ. Ростъ благосостоянія государства повысилъ уровень жизни ея населенія, говоря вообще. Такъ Murray указываетъ на общій подъемъ заработной платы и такую высокую степень благосостоянія производительныхъ классовъ, о которой не зналъ ни одинъ изъ предыдущихъ періодовъ исторіи страны. („The story of Japan“ стр. 422)

Но вмѣстѣ съ европейскими идеями и орудіями производства глубочайшимъ измѣненіямъ подверглась вся организація народнаго труда. Капитализмъ опустилъ свою цѣпкую лапу на территорію Японіи, страну до этого момента исключительно мелкаго ремесла и земледѣлія. Онъ явился сюда подъ защитою жерлъ пушекъ огромныхъ военныхъ кораблей,—вооруженный всѣмъ многовѣковымъ опытомъ своей работы въ культурныхъ странахъ Европы и Америки, и тотчасъ же принялся орудовать, какъ говорится, во-всю. Рядъ фабрикъ поднялъ свои черныя трубы среди волшебныхъ по красотѣ ландшафтовъ и клубы дыма стали подниматься къ бирюзовому небу. Появились и разрослись промышленные центры, стягивающіе сотни тысячъ рабочихъ.

Мы знаемъ, что иредвѣщаютъ эти перемѣны. Мы знаемъ, что тамъ, гдѣ каждый день регулярно начинаетъ раздаваться рѣзкій крикъ фабричнаго или заводскаго свистка, тамъ внимательное ухо изслѣдователя неизбѣжно уловитъ стонъ и скрежетъ зубовный стянутаго сюда пролетаріата, изъ котораго капитализмъ выжимаетъ потъ и этотъ потъ превращаетъ въ слитки золота. Все это, конечно, имѣетъ мѣсто и въ Японіи. Нищета пролетаріата тамъ мѣстами ужасна... И такъ, если японскій народъ разорвалъ многія изъ политическихъ путъ, то взамѣнъ того онъ отяготилъ во многихъ отношеніяхъ цѣпи *соціальнаго* рабства. Рѣшеніе соціальныхъ пролемъ во много разъ труднѣе борьбы съ политическимъ насиліемъ и произволомъ. Эту послѣднюю борьбу вынесла на своихъ плечахъ японская интеллигенція; эту новую борьбу съ капиталомъ можетъ закончить лишь весь народъ. Разрушивъ полицейско-бюрократическій строй страны, японская интеллигенція обезпечила себѣ свободный путь,—открыть народу и устнымъ словомъ, и печатью истинное его положеніе, указать ему истинныхъ его друзей и враговъ, внести въ его поле зрѣнія главнѣйшія задачи его жизни. Борьба съ политическими неурядицами того времени была неизбѣжнымъ ша-

гомъ, и эту борьбу съ честью довела до конца японская интеллигенція. Японскій народъ, отдѣленный отъ жизни густымъ и липкимъ прослойкомъ бюрократіи, остался почти все время въ лучшемъ случаѣ только наблюдателемъ. Теперь дѣло за народными массами. Ростъ интеллигенціи, быстрое увеличеніе числа школъ, напряженность пропаганды въ печати,—все это даетъ основаніе думать, что народныя массы,—по крайней мѣрѣ, активныя ихъ части, — недолго останутся простыми наблюдателями, и „вотъ почему“, скажемъ мы словами одного англійскаго изслѣдователя: „эпоха баррикадъ не за горами въ большихъ японскихъ фабричныхъ городахъ“.

IX.

КОНСТИТУЦІОННАЯ ЯПОНІЯ.

I.

Мы видѣли ту быструю смѣну формъ управленія, которая совершилась въ Японіи во вторую половину только-что минувшаго столѣтія. Но, несмотря на весь реформаторскій духъ, которымъ было проникнуто японское общество, люди, стоявшіе въ роли руководителей политики, самые рискованные свои шаги дѣлали въ концѣ концовъ въ высшей степени осмотрительно и осторожно. Они стремились сначала подготовить къ той или другой перемѣнѣ общественное мнѣніе, дать ему время сжиться съ новыми формами, и потому нерѣдко вливали новое содержаніе въ старыя формы. Такъ, закончивъ борьбу съ шогуномъ полной побѣдой надъ старымъ порядкомъ и добившись юридическаго уничтоженія шогуната, они тѣмъ не менѣе оставляютъ шогуна на нѣкоторое время у кормила правленія въ видѣ простого чиновника, получившаго свои полномочія непосредственно отъ императора. Отнявъ отъ дайміосовъ ихъ сюзеренныя права, они отправляютъ ихъ въ провинцію въ видѣ наслѣдственныхъ губернаторовъ. Совершенно разрушивъ клановую организацію общества, они организуютъ правительство такъ, чтобы оно кооптировало представителей наиболѣе могущественныхъ клановъ Не удивительно, что и въ конституціи Японіи мы находимъ ту же осмотрительность, ту же осторожность, ту же,—можно сказать,—нерѣшительность въ дѣлѣ проведенія въ жизнь новыхъ формъ общественныхъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, въ японской конституціи, явившейся плодомъ тщательнаго изученія практики западно-европейскаго парламентаризма, обезпечены свобода совѣсти, рѣчи и митинговъ, неприкосно-

венность жилища и почтовой корреспонденціи, безопасность отъ ареста или наказанія за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда дѣло было разсмотрѣно опредѣленнымъ въ законѣ порядкомъ, несмѣняемость судей и всѣ существенные элементы религіозной свободы; парламентъ былъ облеченъ полной законодательной властью: безъ его согласія не могутъ быть назначаемы, увеличиваемы или уменьшаемы налоги, не можетъ быть истрачено ни одной копѣйки изъ государственнаго казначейства, за исключеніемъ выдачи жалованья чиновникамъ и не можетъ быть утвержденъ годовой бюджетъ государства. За императоромъ оставлено право объявленія войны и заключенія мира, утвержденіе договоровъ, назначеніе и смѣщеніе должностныхъ лицъ, утвержденіе и обнародованіе законовъ и въ случаѣ нужды временныхъ правилъ и надѣленіе почетными титулами и знаками отличія. Такимъ образомъ раскрѣпощеніе личности въ политическомъ отношеніи было проведено въ достаточной степени послѣдовательно и гарантіи правъ личности были довольно значительныя, но тѣмъ не менѣе это новое содержаніе жизни опять-таки вливалось въ формы, недостаточно обновленныя. Дѣйствительно, представительное правленіе было предоставлено сравнительно небольшой группѣ населенія: для того, чтобы быть избирателемъ или имѣть право на избраніе, лицо должно было, по первоначальному закону, платить не менѣе 15 іенъ (іенъ — почти руб.) въ годъ прямыхъ налоговъ и имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду. Но послѣ 10 лѣтъ упорной борьбы, т. е. къ самому началу нашего вѣка, указанныя условія были значительно смягчены: для полученія правъ избирателя отъ лица требовалось уже не 15 іенъ ежегодныхъ прямыхъ налоговъ, а лишь 10, а кандидаты въ представительное собраніе совершенно освобождались отъ этого условія (одновременно же были предусмотрѣны гарантіи для тайнаго голосованія, расширены избирательные округи такъ, чтобы они охватывали цѣлыя префектуры и увеличено число членовъ Нижней Палаты до 363 человѣкъ). Но даже и при этихъ льготныхъ условіяхъ число избирателей было лишь около 800,000 человѣкъ на 45.000.000 населенія, — процентъ, собственно, незначительный. Затѣмъ, кабинетъ министровъ оказался отвѣтственнымъ не передъ Парламентомъ, а передъ короной, что въ значительной степени обезсиливало дѣятельность палатъ. Наконецъ, парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: Верхней и Нижней. Нижняя палата избирается на четыре года опредѣленнымъ кругомъ лицъ; въ Верхней палатѣ пожизненно засѣдаютъ принцы императорской фамиліи, принцы во-

обще и маркизы (ихъ всего 48 человѣкъ); за ними идутъ пэры низшаго ранга, избираемые своими братьями пэрами на 7 лѣтъ,— ихъ 120 человѣкъ. Далѣе лица, особенно заслуженныя по назначенію императора, ихъ 111 человѣкъ, они сохраняютъ свое званіе пожизненно. И, наконецъ, 45 человѣкъ, избранныхъ на 7 лѣтъ по одному отъ избирательныхъ коллегій, составляемыхъ въ каждомъ округѣ пятнадцатью лицами, платящими наиболѣе высокіе налоги; этихъ представителей капитала въ ихъ званіи членовъ Высшей Палаты утверждаетъ имиераторъ, безъ чего мандаты ихъ будутъ оставаться недѣйствительными. Такимъ образомъ вліяніе народа на представительное правленіе оказывается весьма ограниченнымъ.

Но зная теперь исторію послѣднихъ лѣтъ Японіи, едва ли однако можно сомнѣваться, что въ такомъ положеніи дѣло долго не останется, и демократизація и общества и правительственныхъ сферъ будетъ продолжаться все дальше и дальше. Главнѣйшей задачей дальнѣйшей политической борьбы будетъ, конечно,—расширеніе избирательныхъ правъ на все большіе и большіе круги населенія и полученіе министерства, отвѣтственнаго передъ парламентомъ. Въ первомъ отношеніи кое-что уже сдѣлано; во второмъ—правда, ничего еще не достигнуто, но во всякомъ случаѣ со стороны правительства дѣлаются разнообразныя попытки видоизмѣнить организацію кабинета такъ, чтобы она удовлетворила общественнымъ запросамъ.

Мы видѣли, что въ составъ кабинета вошли многіе дѣятели доконституціонной Японіи, положившіе не мало труда на обновленіе своей родины; мы видѣли также, что эти дѣятели являлись представителями наиболѣе могучихъ клановъ. И вотъ правительство даетъ кабинетъ, въ которомъ эти вожаки клановъ дѣйствуютъ совершенно независимо отъ какихъ либо политическихъ партій; затѣмъ была дана попытка поставить этихъ вожаковъ клановъ, занимающихъ министерскіе портфейли, въ комбинаціи съ одною изъ партій; далѣе была попытка передать борющимся партіямъ составленіе кабинета и не считаться съ вожаками клановъ; еще далѣе была сдѣлана попытка комбинировать силы одной партіи и части вожаковъ клановъ, и, наконецъ, кабинетъ былъ составленъ изъ части вожаковъ клановъ, при чемъ императоръ не считался ни съ политическими партіями, ни съ остальными представителями клановъ. Такимъ образомъ испробованы были самыя разнообразныя комбинаціи. Творческая работа въ приспособленіи правительственнаго механизма къ условіямъ времени продолжается... Результаты, вѣроятно, обнаружатся скоро...

Мы не будемъ здѣсь [1]) говорить о тѣхъ успѣхахъ, которые достигнуты Японіей въ области матеріальной и духовной культуры при новомъ режимѣ. Скажемъ только, что, если конституціонныя формы управленія съ одной стороны во многихъ отношеніяхъ освободили личность отъ политическаго гнета и тѣмъ самымъ дали возможность проявить свою инициативу и таланты болѣе широкимъ народнымъ массамъ, чѣмъ это было до сихъ поръ, то съ другой стороны парламентскій режимъ не лишенъ и многихъ темныхъ сторонъ. Надо помнить, что представительное правленіе—одна изъ самыхъ лучшихъ формъ управленія, но что и ее еще нельзя считать вполнѣ совершенной, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ современныхъ государственныхъ организаціяхъ, по которымъ была слѣплена японская конституція, и особенно въ томъ неполномъ видѣ, въ которомъ эта послѣдняя была проведена въ японскую дѣйствительность.

Если подкупъ избирателей и продажа народными представителями своихъ голосовъ правительству и до сихъ поръ практикуется время отъ времени въ старыхъ парламентскихъ государствахъ Европы, то, конечно, еще съ большей силой эти темныя стороны парламентскаго (какъ и всякаго другого) режима должны были сказаться въ Японіи, не имѣвшей за собой достаточно долголѣтней практики свободныхъ учрежденій и ограничившей представительство „народа“ главнымъ образомъ буржуазными слоями общества. Но лучшая часть японскаго общества горячо борется противъ этого растленія политическихъ нравовъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что протестъ честныхъ людей противъ этого зла раздается въ современной Японіи настолько громко, что не можетъ быть не услышанъ страной,—служитъ судьба Хоши Тору. Этотъ послѣдній перенесъ на японскую почву практику знаменитаго по своей развязанности американскаго Tammany-Hall'а. Система подкуповъ и взяточничества была доведена имъ до крайнихъ предѣловъ.

Успѣхъ политической группы, взятой этимъ своеобразнымъ дѣятелемъ подъ свое покровительство, былъ выдающимся, но мститель былъ близко... Это былъ Иба Сотаро. Ему было тогда 50 лѣтъ; онъ занималъ видный постъ и являлся полезнымъ и признаннымъ дѣятелемъ на различныхъ поприщахъ общественной работы. Жизнь его протекала въ комфортабельныхъ условіяхъ, и онъ окруженъ былъ любящей семьей. Но убѣжденіе подсказывало ему, что Хоши Тору является какъ бы эмблемой современнаго политическаго растленія что

[1]) Этимъ вопросамъ посвящена вторая часть нашей работы: «Современная Японія въ бытовомъ и экономическомъ отношеніи».

убійство этого зарвавшагося дѣятеля заставитъ общество задуматься надъ тѣми условіями, въ которыхъ оно все больше и больше запутывается... И онъ рѣшился на убійство, которое и совершилъ съ полнымъ хладнокровіемъ и сознаніемъ исполненнаго долга.

Однако, не смотря на всѣ свои несовершенства, не смотря на всю непривычку широкихъ общественныхъ массъ къ отвѣтственной государственной работѣ, парламентскій механизмъ въ Японіи работаетъ сравнительно очень не дурно. Правда, парламентскія партіи, лишенныя возможности оказывать прямое воздѣйствіе на политику страны черезъ организацію отвѣтственнаго передъ парламентомъ министерства, вынуждены были не разъ прибѣгать къ единственному оружію, оставшемуся въ ихъ рукахъ,—обструкціи, но въ общемъ стѣны японскаго парламента рѣдко бываютъ свидѣтельницами дикихъ и шумныхъ сценъ. Въ этомъ отношеніи даетъ себя чувствовать привычка къ вѣжливому и почтительному отношенію другъ къ другу, которая такъ сильна въ широкихъ слояхъ японскаго общества. Сессіи японскаго парламента бываютъ обыкновенно очень непродолжительны; такъ, напр., въ сессію 1896-1897 г. было всего 32 засѣданія, занявшихъ въ общемъ лишь 116 часовъ. И тѣмъ не менѣе продуктивность работы парламента оказывается весьма значительной, такъ какъ каждый вопросъ первоначально тщательно разрабатывается съ соотвѣтственныхъ коммисіяхъ, которыя работаютъ безпрерывно въ ранняго утра до поздняго вечера въ теченіе всей сессіи.

II.

Намъ остается теперь сказать еще нѣсколько словъ объ успѣхахъ Японіи въ области иностранной политики. Мы видѣли, что европейскія державы и Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты добились открытія нѣсколькихъ портовъ и заключенія договоровъ, которыми регулировались отношенія между японскими гражданами и чужеземцами. Японія затѣмъ быстро начала всасывать соки европейской культуры и во многихъ отношеніяхъ сравнялась съ объектомъ своихъ подражаній. Однако Японія все таки не была равноправнымъ членомъ международной семьи. Если съ одной стороны ею были открыты для иностранцевъ всего нѣсколько портовъ, а остальная площадь японскаго архипелага оставалась для чужеземцевъ по прежнему запретнымъ плодомъ, то съ другой стороны цивилизованныя государства продолжали трактовать Японію, какъ вар-

варскую восточную страну, по отношенію къ которой необходимы осо быя мѣры предосторожности. Въ самомъ дѣлѣ, въ силу тѣхъ договоровъ, которые были заключены съ Японіей, въ ней, по отношенію къ иностраннымъ подданнымъ, должны были дѣйствовать „консульскіе суды“. Сущность этихъ консульскихъ судовъ заключается въ томъ, что иностранные подданные во всѣхъ уголовныхъ преступленіяхъ освобождаются отъ преслѣдованія и наказанія по уголовнымъ законамъ данной страны, а дѣло ихъ разбирается у консула соотвѣтствующаго государства и по законамъ этого государства. Гражданскія дѣла разбираются въ мѣстномъ судѣ или у консула, смотря по тому, къ туземцамъ или иностранцамъ принадлежитъ отвѣтчикъ. Такіе консульскіе суды примѣняются цивилизованными государствами ко всѣмъ восточнымъ языческимъ и варварскимъ странамъ. Гордая Японія, конечно, съ трудомъ переносила такое униженіе, и съ первыхъ шаговъ своихъ международныхъ отношеній начала добиваться равноправности съ цивилизованными странами и въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе, что консульскіе суды по существу представляютъ крупнѣйшіе недостатки. Главнымъ изъ нихъ является то, что консулами въ большинствѣ случаевъ назначаются мѣстные купцы, которымъ такимъ образомъ нерѣдко приходится быть судьями въ своихъ дѣлахъ или дѣлахъ близкихъ имъ людей.

Но прежде чѣмъ добиться согласія на отмѣну консульскихъ судовъ, Японія должна была подвергнуть глубокимъ измѣненіямъ свое уголовное и гражданское законодательство, создать такіе судебные институты, которые давали бы полную гарантію справедливости и безпристрастности съ точки зрѣнія европейцевъ, совершенно реформировать и судебный процессъ, и лѣстницу наказаній и т. д. Работа очевидно предстояла колоссальная, но японское правительство и общество не остановились передъ ней. Началась въ данномъ направленіи лихорадочная и напряженная работа, — въ результатѣ ея являлось новое гражданское и уголовное законодательство, согласованное въ возможной степени съ западно-европейскими кодексами. Теперь оставалось только создать необходимый судебный персоналъ, на что, конечно, нужно было время.

Но, требуя отмѣны консульскихъ судовъ, Японія предлагала иностраннымъ державамъ весьма цѣнную уступку. Она обѣщала чужеземцамъ открыть всю свою страну, какъ только европейцы и американцы откажутся отъ консульскихъ судовъ. Предложеніе для многихъ было слишкомъ заманчиво для того, чтобы можно было отнестись къ нему совершенно равнодушно. Но съ другой стороны все еще дѣйствовало и опасеніе, чтобы новые законы, за недостаткомъ со-

отвѣтствующихъ исполнителей, не остались только на бумагѣ, и предразсудокъ, который все еще съ отвращеніемъ отвергалъ мысль, чтобы „христіане“ судились и были судимы у „язычниковъ“. Борьба этихъ взглядовъ протекала очень бурно и въ обществѣ, и въ печати и создавала нерѣдко душную шовинистическую атмосферу. Къ счастью, все дѣло въ концѣ концовъ разрѣшилось благополучно.

Въ 1883 г. была закончена работа по пересмотру гражданскихъ и уголовныхъ кодексовъ. Японіи начала энергично хлопотать объ отмѣнѣ консульскихъ судовъ. Но результаты этихъ хлопотъ увѣнчались успѣхомъ лишь черезъ одиннадцать лѣтъ: въ 1894 г. Великобританія согласилась отмѣнить черезъ пять лѣтъ, т. е. къ 1899 г., консульскіе суды по отношенію къ своимъ подданнымъ, подъ условіемъ, чтобы всѣ новые законы Японіи были приведены въ дѣйствіе не позже 1898 г. и чтобы великобританскіе подданные получили свободный доступъ на всю территорію Японіи.

Примѣру Англіи послѣдовали и другія государства, и Японія, наконецъ, вступила на арену международной исторіи вполнѣ полноправнымъ членомъ культурныхъ странъ. Японское правительство со своей стороны сдѣлало все, чтобы европейцамъ не приходилось сожалѣть о своей уступкѣ. Микадо издалъ императорскій рескриптъ, которымъ призывалъ своихъ подданныхъ къ справедливому и мирному отношенію къ чужеземцамъ и объяснялъ значеніе данной минуты для жизни народа; министры издали рядъ инструкцій, которыми исполненіе новыхъ законовъ должно быть сразу поставлено на гладкій и ровный путь. Даже буддійскіе прелаты обратились къ своимъ священникамъ и прихожанамъ съ призывомъ къ вѣротерпимости и съ убѣжденіемъ помочь государству своимъ спокойнымъ и справедливымъ отношеніемъ въ этотъ серьезный моментъ. И, дѣйствительно, новое положеніе вещей не вызвало въ странѣ ни какихъ осложненій.

Огромное значеніе для международнаго положенія Японіи имѣла ея война съ Китаемъ въ 1894—1895 г. Объ отношеніяхъ между Китаемъ съ Японіей намъ приходилось говорить не разъ. Вся исторія Японіи, можно сказать, полна этими отношеніями. Взаимныя положенія этихъ государствъ къ настоящему времени вывернулись какъ разъ на изнанку: изъ подражательницы Японія, малу по малу, превратилась въ руководительницу: очевидно, что такого рода глубокія перемѣны на международной аренѣ не могли произойти безъ борьбы и столкновеній. Однимъ изъ эпизодовъ этой борьбы и была Японско-Китайская война 1894—95 г.

О столкновеніи съ Китаемъ въ семидесятыхъ годахъ только-что

минувшаго столѣтія изъ-за острововъ Ріукіу, окончившемся присоединеніемъ этихъ острововъ къ Японіи, мы уже говорили. Къ этому китайское правительство отнеслось довольно апатично, не проявивъ ни малѣйшей активности въ защиту территоріи, считавшейся принадлежностью Небесной имперіи.

Но далеко не столь равнодушнымъ китайское правительство оказалось въ корейскомъ вопросѣ. Корея,—эта благодатная по своимъ природнымъ богатствамъ страна,—совершенно изнывала въ это время подъ бременемъ чиновническаго хищничества и произвола. Японіи, которой, въ силу географическаго положенія, приходилось постоянно вступать въ тѣсныя сношенія съ Кореей, такое положеніе вещей представлялось крайне неудобнымъ, а часто прямо-таки невыносимымъ. Она постоянно дѣлала попытки увлечь Корею на путь тѣхъ реформъ, которыя она сама переживала, и постоянно встрѣчала въ этомъ отношеніи всяческое противодѣйствіе со стороны Китая. Отсюда богатый источникъ недовѣрія и конфликтовъ между Китаемъ и Японіей, заставившихъ оба государства придти къ нѣкоторымъ соглашеніямъ. Такъ, въ 1885 г. былъ заключенъ договоръ, по которому оба государства обязались не отправлять въ Корею своихъ войскъ, не увѣдомивъ объ этомъ другъ друга.

Осенью 1894 г. въ Кореѣ поднялось возстаніе. Мятежники одержали верхъ надъ дурно обученными, дурно дисциплированными и дурно экипированными правительственными войсками. Одно изъ семействъ, стоящихъ въ то время во главѣ управленія Кореей, обратилось за помощью въ Китай, который и отправилъ немедленно 2500 солдатъ, увѣдомивъ объ этомъ Японію согласно договору. Тогда японское правительство со своей стороны также отправило въ Корею свои войска. До сихъ поръ, все протекало въ предѣлахъ заключенныхъ договоровъ. Но Китай, посылая свое заявленіе объ отправкѣ войскъ, назвалъ Корею своимъ вассальнымъ государствомъ. Естественно, что японское правительство, заключившее за послѣднія двадцать лѣтъ съ Кореею рядъ дружескихъ договоровъ, въ которыхъ Корея фигурировала государствомъ равноправнымъ съ Японіей, не могло допустить, чтобы Китай подобнымъ образомъ трактовалъ его союзницу. Токійскій кабинетъ протестовалъ, но на его протестъ китайское правительство не обратило ни малѣйшаго вниманія. Все это подливало только масло въ огонь. Вскорѣ отыскались поводы къ открытымъ военнымъ дѣйствіямъ.

Китайскія войска, какъ было сказано, были посланы первоначально для подавленія возстанія. Но возстаніе утихло прежде, чѣмъ

эти войска успѣли высадиться на корейской территоріи. Тѣмъ не менѣе Китай не отозвалъ своихъ войскъ назадъ, ссылаясь на присутствіе въ Кореѣ японскихъ войскъ.

Въ это же самое время, подъ вліяніемъ токійскаго кабинета, въ Кореѣ начались реформы. Это было какъ бы прямымъ вызывомъ Китаю, который началъ усиливать свои войска въ этой странѣ, не смотря на протесты Японіи. Отношенія сдѣлались крайне натянутыми; достаточно было одной искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ. Судьба не замедлила бросить такую искру.

15 Іюля 1894 г. три китайскихъ военныхъ судна, конвоировавшихъ транспортъ съ 1200 солдатъ, встрѣтили три японскихъ крейсера и открыли по нимъ огонь. Завязался морской бой, въ результатѣ котораго одинъ китайскій корабль былъ взятъ въ плѣнъ, другой, совершенно разбитый, былъ выброшенъ на берегъ, а третій, хотя и съ ужасными поврежденіями, бѣжалъ; транспортъ въ виду отказа сдаться былъ потопленъ. Шесть дней спустя послѣ этого происшествія, была объявлена война. Японія, какъ думаютъ многіе, тѣмъ охотнѣе бросилась въ это рискованное, хотя во многихъ отношеніяхъ и неизбѣжное предпріятіе, что внутри въ это же самое время она переживала довольно взбудораженное состояніе, благодаря черезчуръ запутавшейся борьбѣ партій.

Вся эта война представляла тріумфальное шествіе японскихъ войскъ. Четыре дня спустя послѣ первой морской битвы, японцы, выступивъ изъ Сеула, безъ труда выбили китайскія войска, занимавшія лагерь при Я-шанѣ. Китайцы бѣжали въ Пинъ-Янъ, городъ, великолѣпно укрѣпленный своими естественными условіями и замѣчательный тѣмъ, что именно здѣсь въ концѣ XVI ст. японская армія была разбита соединенными силами китайцевъ и корейцевъ. Но времена измѣнились. Теперь у Пинъ-Яна китайцы имѣли 17000 войска и въ теченіе 40 дней, которые протекли прежде чѣмъ наступающія колоны японскихъ войскъ успѣли соединиться, китайскіе генералы прекрасно укрѣпили окружающія высоты. Японцы однако одержали блестящую побѣду, занявъ въ одинъ день всѣ позиціи и потерявъ убитыми и ранеными всего семьсотъ человѣкъ въ то время, какъ у китайцевъ потери простирались до 6000 человѣкъ.

17 Сентября произошелъ большой морской бой у устья Ялу, составляющей сѣверную границу Кореи. Четырнадцать китайскихъ военныхъ кораблей съ шестью миноносцами, конвоировавшіе транспорты съ войсками на Ялу, возвращались домой и встрѣтились съ одиннадцатью японскими военными кораблями, крейсировавшими въ Жел-

томъ морѣ. Китайскій флотъ былъ больше японскаго и по числу кораблей, и по ихъ вооруженію, и по ихъ размѣрамъ. И тѣмъ не менѣо онъ пытался укрыться отъ болѣе слабаго своего врага. Однако это ему не совсѣмъ удалось: четыре китайскіе корабля были потоплены наступающимъ врагомъ. Остальные скрылись въ Вей-Хай-Веѣ.

Побѣда при Ялу дѣлала свободной для Японіи морскую дорогу въ Китай. Японія могла теперь обрушиться на Таліенъ, Портъ-Артуръ и Вей-Хай-Вей, морскія станціи на Ляотунгскомъ и Шантунгскомъ полуостровахъ. Китайцами здѣсь были возведены огромныя укрѣпленія, устроенныя по планамъ европейскихъ инженеровъ и снабженныя самыми усовершенствованными орудіями. Эти крѣпости считались неприступными. Но и онѣ пали подъ напоромъ японскихъ войскъ столь же легко, какъ и грубыя укрѣпленія при Пинъ-Янѣ. Только китайскій флотъ оказалъ упорное сопротивленіе при Вей-Хай-Веѣ, но и то безрезультатно: часть его была уничтожена, часть сдалась.

Этимъ и закончилась японско-китайская война. Она продолжалась семь съ половиною мѣсяцевъ, во время которыхъ японцы двинули на поле сраженія около 120000 солдатъ всѣхъ родовъ оружія. Всѣ войска были раздѣлены на пять армій. Первая двинулась изъ Сеула на сѣверъ, выдержала бой при Пинъ-Янѣ, перешла черезъ Ялу и пошла черезъ Манчжурію къ Мукдену, выйдя побѣдительницей изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ сраженій и проведя большинство своихъ операцій зимой среди глубокихъ снѣговъ. Вторая армія отъ Ялу двинулась на востокъ, и перерѣзавъ южную Манчжурію, достигла Хайчена откуда пошла на Ньючжуанъ и Инькоу. Третья армія, высадившись на Ляотунгскомъ полуостровѣ, взяла Таліенъ и Портъ-Артуръ. Четвертая двинулась къ сѣверу по Ляотунгскому полуострову и занявъ Хайченъ, направилась къ Инькоу, гдѣ соединилась со второй арміей. Пятая армія изъ Портъ-Артура была перевезена къ Вей-Хай-Вею, который и былъ взятъ ею приступомъ. Во всѣхъ этихъ операціяхъ обція потери японцевъ выразились въ 1005 человѣкъ убитыми и 4922 раненными,—цифры, достаточно обрисовывающія полную непригодность китайскихъ войскъ. Смертность отъ болѣзней—въ эту кампанію выразилась въ 16866 человѣкъ, а обція издержки на военныя экспедиціи достигли 200000000 руб.

Мирный договоръ былъ заключенъ 17 апрѣля 1895 г. въ Симоносеки. По этому договору, Корея объявляется абсолютно независимымъ государствомъ; Японіи уступается часть Манчжуріи къ югу отъ линіи проведенной отъ устья рѣки Аппина до устья рѣки Ляо-

Хайчена и Инькоу, а также острова Формоза и Пеккадорскіе; Китай далѣе обязуется заплатить контрибуцію въ 2000000 таелей, причемъ уплата обезпечивается занятіемъ японцами Вей-Хай-Вея; Китай обязуется также открыть для иностранной торговли четыре новыхъ порта и даетъ право мануфактурныхъ предпріятій для иностранцевъ; и, наконецъ, всѣ преимущества, данныя европейцамъ въ различныхъ договорахъ, предоставляются теперь и японцамъ.

Но тутъ выступаютъ на сцену Россія, Франція и Германія съ коллективной нотой, въ которой онѣ указываютъ правительству микадо, что занятіе части Манчжуріи, противорѣчитъ тому принципу недѣлимости Китая, который проводится въ настоящее время въ международной политикѣ. Нота была составлена въ вѣжливыхъ выраженіяхъ, но чувствовалось, что неисполненіе этого требованія можетъ повлечь войну съ тремя великими державами. Это была задача, совершенно непосильная для Японіи того времени, и японское правительство должно было исполнить это требованіе, несправедливость котораго глубоко потрясло японское общество въ то время, какъ послѣдовавшія событія еще больше обострили это чувство горечи. Но однако, не смотря на эту уступку, минувшая японско-китайская война высоко подняла среди народовъ запада военный престижъ Японіи, сумѣвшей сравнительно небольшими силами опрокинуть Китай этого, колосса на глиняныхъ ногахъ чиновничьяго взяточничества и всеобщей безгласности.

Вмѣшательство западныхъ державъ заставило Японію особенно внимательно отнестись къ дальнѣйшему развитію своихъ военныхъ силъ, на которыя и была затрачена большая часть контрибуціи, полученной съ Китая.

Спустя три года послѣ только-что упомянутой ноты, отнявшей у Японіи южную Манчжурію, одна изъ участницъ этой коллективной ноты, Германія захватила Кіао-чао и выразила претензію на большую часть Шантунской провинціи. Этотъ актъ насилія Германія совершила, не предупредивъ Китая, хотя отношенія между обѣими имперіями были совершенно дружественныя и мирныя. Вскорѣ послѣ занятія Кіао-чао нѣмцами, русскіе такимъ же путемъ заняли Портъ-Артуръ и Таліенванъ, т. е. часть той самой территоріи, съ которой Японія была прогнана вышеупомянутой нотой. Общественное мнѣніе Японіи было крайне взволновано этими событіями. Въ это время Японія, правда, занимала Вей-Хай-Вей, который долженъ былъ остаться у нея въ рукахъ впредь до уплаты Китаемъ контрибуціи.

Когда эта контрибуція была выплачена, Японія однако очистила Вей-Хей-Вей и уступила его Англіи.

Между тѣмъ захватъ европейцами китайской территоріи вызвалъ въ Небесной Имперіи народное движеніе, которое окончилось въ 1900 г. знаменитой осадой иностранныхъ пословъ въ Пекинѣ огромными полчищами мятежниковъ. Глаза всего цивилизованнаго міра обратились на Японію: она одна могла быстро перекинуть на территорію Китая достаточную армію и прекратить движеніе, но Японія колебалась: она не довѣряла уже западу. Въ концѣ концовъ она все же стала на защиту западныхъ пословъ, и ея войска сражались въ одномъ строѣ съ европейскими солдатами, доказавъ на дѣлѣ высоту своей военной организаціи.

Международная драма на Дальнемъ Востокѣ и послѣ усмиренія китайскаго мятежа продолжала развиваться дальше, достигнувъ кульминаціоннаго своего пункта къ тому моменту, когда Россія заняла Манчжурію. Развязка этой драмы, которая происходитъ теперь у насъ на глазахъ, конечно, не заставитъ долго себя ждать. Это будетъ рѣшительный моментъ для всей будущей исторіи японскаго народа.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Аборигены по мифамъ, 2.
Азума-маро, поэтъ, 88.
Айну, 3.
Американцы, 111.
Авджиро, миссіонеръ, 58.
Араи Хакузеки, министръ, 86, 88.
Арима, 80.
Ашизука, предводитель повстанцевъ, 81.
Ашикага Такауджи, полководецъ, 52.
Битатсу Тенно, императоръ, покровитель буддизма, 14, 15.
Буддизмъ; прибытіе миссіонеровъ, 13; вліяніе его на культуру страны, 13; первая борьба съ шинто, 14; вліяніе на прогрессъ страны, 17, 23; темныя стороны его, 27; укрощеніе буд., 29; буд. монастыри. 33· вліяніе буд. монаховъ на народныя массы, 34; воинствующій буд., 59.
Бюрократія, 93, 95.
Вангъ, философъ, 108.
Вице-регентство, 48.
Военная демократія; побѣда ея надъ императорской аристократіей, 47.
Военныя силы; измѣненія въ организаціи ихъ, 32.
Военный классъ; временное уничтоженіе его, 22.
Гарри Паркесъ, представитель Великобританіи, 125.
Гаррисъ, американскій генеральный консулъ, 117.
Гвардія, 142.
Геншо, императрица, содѣйствовавшая земледѣлію, 26.
Гипотезы о происхожденіи японцевъ 4.
Гійоги, буд.священникъ, содѣйствовавшій сліянію шинто и буддизма, 16.
Годайго, имп., 51.
Города, ростъ ихъ, 90.
Гражданское управленіе, основная реформа его, 143.
Dai-Nihon-Shi, 86.
Дворъ, 94.
Джимму Тенно, 2.
Джито, императрица; рекрутскіе наборы, 22; содѣйствіе земледѣлію 26.
Европейцы, вліяніе ихъ культуры, 113, несправедливое отношеніе къ Японіи. 119; военная демонстрація ихъ державъ, 125.
Eta, 64, 140.
Займы, принудительные со стороны крупныхъ магнатовъ, 67.
Земледѣліе, 23, 103, 140.
Иба Сотаро, убійца Х. Тору, 161.
Ивакура, политическій дѣятель, 147, 151.
Изоляція Японіи, 78.
Изумо, 2.
Икко, буд. секта, 59.
Иммигранты, 6, 7.
Императоръ, 8, 32, 93, 116, 133.
Имперьялистическое движеніе; его начало, 86.
Иностранная политика; улаженіе конфликтовъ, 132.
Интеллигенція, 100, 113.
Искусство письма, 1.
Итагаки, 152.
Ито, 151.
Іи, сторонникъ шогуна, 117, 118.
Ійейазу, 57, 75, 82.
Ійемитсу, шогунъ, 81, 83.
Ійенобу, шогунъ, 86.
Ійетсуна, шогунъ, 84.

Ійомеи, императоръ, защитникъ буддизма, 15.
Ійоритомо, глава рода Минамото, 43.
Ійосинобу, шогунъ 127; лишеніе его феодальныхъ правъ, 131.
Ійошимитсу, шогунъ, 55.
Ійошимуне, шогунъ, 87; принцъ, изобрѣтатель мельничныхъ колесъ, 26.
Ійошинака, 43.
Ійошитоки, вице-регентъ, 48.
Ійошитоки Учи, 56.
Ійошитомо, 42.
Кагошима, бомбардировка ея англичанами, 122.
Камакура, столица регента, 45; паденіе ея, 52.
Камо Мабучи, поэтъ, 88.
Квамму, императоръ, перенесшій столицу въ Кіото, 29.
Kwangyo-опекуны, 56.
Кидо, политическій дѣятель, 147.
Кійомаза Като, генералъ-писатель, 68,
Кійомори, глава рода Танра, 41, 43.
Китай, 11, 26, 69, 164.
Кланы, 11.
Классы, поддержаніе правительствомъ ихъ различій 38, переслоеніе ихъ 64.
Kogisho, 146.
Кокенъ, императрица, вовлекшая буддизмъ въ политику, 16.
Комонъ, историкъ, 86.
Конституція Шотоку, 17.
Конституція, 159.
Консульскіе суды, 163.
Конфуцій, 11, 12.
Корея; экспедиція въ нее, 62.
«Крайніе», торжество ихъ, 126.
Крестьяне, 65, 81, 87, 90, 102, 103.
Кублай-ханъ, 49.
Кумадзава Бандзанъ, 85.
Кумаки, противникъ буддизма, 14.
Курганы и дольмены до-исторической Японіи, 5.
Купечество, 87, 101.
Кусуноки Масашиге, генералъ, 53.
Либералы, 153.
Маза, сестра вице-регента, 48.
Матсуо Башо, 88.
Минамото, знатный родъ, 41, 46.
Миссіонеры христіанскіе, 78.
Мито, столица, 86.
Момму, императоръ, послѣдователь демократической политики, 20.
Монгольское нашествіе, 49.
Морійоши, принцъ, 52.
Морійя, противникъ буддизма, 15.
Моринага, принцъ, 53.
Мори Аринори, политическій дѣятель, 146, 155.
Мори Мотонори, вожакъ крайнихъ, 123.
Муромачи, столица, 55.
Налоги, 23, 25, 28, 30, 65.
Народное образованіе, 36.
Нитта Ійошисада, генералъ, 53, 54.
Нишино Бунтаро, убійца министра, 155.
Нравы, утонченіе ихъ, 28.
Общество, демократизація его, 88.
Общественные классы, 104.
Общественныя теченія, 84.
Община государственная, 23, 27.
Ода Нобунага, покровитель христіанства, 57, 59.
Ойе-но-Хиромото, государственный дѣятель, 47.
Ойяма, правитель Сатзумы, 147.
Окоши, противникъ буддизма, 14.
Окубо Тошимитсу, государственный дѣятель, 147, 152.
Окума Шигенобу, министръ фин. 153.
Оно Ріушихеи, одинъ изъ борцовъ за прогрессъ Японіи, 113.
Отработки государству; система ихъ 24.
Парламентъ, 146, 154, 162.
Патріархальныя формы, 7.
Перри, американскій адмиралъ, 111.
«Пещерные люди» Японіи, 3.
Пираты, 78.
Португальцы, появленіе ихъ въ Япон., 58.
Правительство; его первоначальная организація, 22.
Придворная жизнь, 31.

Провинція, 39, 40, 41, 95.
Прогрессисты, 153.
Простолюдины, 11.
Пѣніе, танцы, музыка, 35, 73.
Рабы, 37, 105.
Равнодушіе къ смерти, 71.
Разбойничество, 36.
Регентство, 32.
Религія первыхъ японцевъ, 8.
Ренджо, буд. проповѣдникъ, 59.
Ryomin, 22, 63.
Ронины, 83, 100, 118.
Россія и Японія, 110.
Садоводство, 72.
Сайонджи, 53.
Сакай Такакійо, 84.
Самоуправленіе крестьянское, 104; мѣстное, 153.
Самураи, 68, 87, 89, 98, 124, 134, 143, 144, 149, 150.
Санджо, политич. дѣятель, 147.
Сатзума-кланъ, 120,
Сего, полит. дѣятель, 147; его возстаніе, 149.
Semmin, 22, 37, 63.
Семья, 10, 22.
Симоносеки, 123, 125.
Sizokon, 139.
Совѣщательное собраніе, 133.
Сога-но-Инаме, министръ, первый покровитель буддизма, 14.
Сословное начало, 27, 65, 139.
Суджунъ, императоръ, покровитель буддизма, 15.
Суико, императрица, покровительница буддизма, 15.
Таира, знаменитый родъ, 41, 44.
Тайсуки Итагаки, агитація за представительное правленіе, 148.
Такатоки, вице-регентъ, 49.
Такеда Шингенъ, 57.
Таметомо, 42.
Тенчи, императоръ, отецъ конституціоннаго монархизма въ Японіи, 20.
Токива, 42.
Токимуне, вице-регентъ, 49.
Токугава, укрѣпленіе династіи, 83.
Туземцы, возстанія, 30.
Уголовные законы, строгость ихъ, 11.
Уйесуги Кеншинъ, 57.
Умако, проповѣдникъ буддизма, 14.
«Умѣренные», 121, 124.
Унуйе, 151.
Учебное заведеніе, открытое правительствомъ, 27.
Феодалы, 30, 76, 95, 97, 122, 135, 136.
Формоза, 148.
Францискъ Ксавье, миссіонеръ, 58.
Фудживаръ, 31.
Фукуза, 151.
Хара, лагерь повстанцевъ, 81.
Хашиба Хидейоши Тойотоми, 57, 60.
Hiemin, 37, 140.
Хидейори, 77.
Хизамитзу, феодальный князь, 121.
Хіого, 125.
Ходжо, знатный родъ, 43, 48.
Chori, 64.
Хотта Мизатоши, реформаторъ-философъ, 85, 86.
Хошп Тору, растлѣніе политическихъ нравовъ, 161.
Хошіу, кланъ, 120, 124, 127.
Христіане, преслѣдованіе ихъ, 62.
Шикаматсу Мондзайемонъ, 88.
Шимабара, 80, 81.
Шимадзу Ійошихиза, феодальн. кн. 61.
Шинто, 9, 12.
Ширакава, императоръ, 40.
Широ, предводитель повстанцевъ, 81,
Шогунатъ, 46, 93, 114, 115, 117, 120, 123, 128.
Шотоку Таиши, принцъ-реформаторъ, 15.
Шутоку, эксъ-императоръ 42.
Чайная церемонія. 73.
Эксъ-шогунъ, 130.
Ямато, 2.
Японскій характеръ, мягкость его и любовь ко всему изящному, 10.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Хронологическая табличка.

660 г.	до	Р.	Х.	Нашествіе Джимму (происшествіе легендарное).
294 »	послѣ	»	»	Введеніе письменности подъ вліяніемъ китайскихъ колонистовъ.
399 »	»	»	»	Введеніе шелководства.
552 »	»	»	»	» буддизма.
604 »	»	»	»	» календаря.
604 »	»	»	»	Конституція Шотоку.
645—703 »	»	»	»	Эпоха реформъ Таиква.
670 »	»	»	»	Начало власти рода Фудживара.
712 »	»	»	»	Опубликованіе древнѣйшей изъ японскихъ книгъ.
770 »	»	»	»	Введеніе книгопечатанія.
794 »	»	»	»	Кіото становится столицей.
805 »	»	»	»	Выдвигается родъ Таира.
814 »	»	»	»	Выдвигается родъ Минамото.
1156 »	»	»	»	Побѣда рода Таира надъ Минамото.
1185 »	»	»	»	Родъ Минамото уничтожаетъ родъ Таира.
1192 »	»	»	»	Установленіе шогуната.
1200—1333 »	»	»	»	Родъ Ходжо захватываетъ власть вице-регента.
1274 »	»	»	»	Отраженіе перваго монгольскаго нашествія.
1281 »	»	»	»	Отраженіе великаго монгольскаго нашествія.
1542 »	»	»	»	Первое прибытіе португальцевъ.
1549 »	»	»	»	Св. Франциск Ксавье вводитъ христіанство.
1573—1582 »	»	»	»	Нобунага.
1582—1598 »	»	»	»	Хидейоши.
1587 »	»	»	»	Первое преслѣдованіе христіанъ.
1590 »	»	»	»	Основаніе Іедо (Токіо).
1592—1598 »	»	»	»	Нападеніе на Корею.
1600—1867 »	»	»	»	Эпоха Токугава.
1600 »	»	»	»	Секигахарская битва отдаетъ политическую власть въ руки Токугава.
1603 »	»	»	»	Первый шогунъ изъ рода Токугава.
1614 »	»	»	»	Запрещеніе христіанства.
1624 »	»	»	»	Начало періода изоляціи.
1853 г. 7 Іюля	»	»	»	Прибытіе Перри.
1854 г. 31 Марта	»	»	»	Первый договоръ съ Соединенными Штатами.
1858 г.	»	»	»	Второй договоръ съ Соединенными Штатами.
1858 »	»	»	»	Іокохама открыта для иностранцевъ.
1863 »	»	»	»	Первая газета.

1863 г.	14 Авг.	послѣ	Р. Хр.	Бомбардировка Кагошимы.
1864 г.	5 Сент.	»	» »	Нападеніе при Симоносеки.
1867 г.	19 Нояб.	»	» »	Отказъ шогуна отъ власти.
	1868 г.	»	» »	Начало эпохи Мейджи.
1868 г.	3 Янв.	»	» »	Возстановленіе императорской власти.
1868—1869 г.		»	» »	Война между императоромъ и Токугава.
	1869 »	»	» »	Токіо (Іедо) становится столицей.
	1871 »	»	» »	Уничтоженіе феодализма.
1872 г.	12 Іюня	»	» »	Открытіе первой желѣзной дороги.
	1874 г.	»	» »	Принятіе грегоріанскаго календаря.
	1874 »	»	» »	Экспедиція на Формозу.
	1877 »	»	» »	Возстаніе Сатзумы.
	1878 »	»	» »	Первыя мѣстныя избирательныя собранія.
	1879 »	»	» »	Присоединеніе острововъ Ло-чо.
	1880 »	»	» »	Утвержденіе уголовнаго кодекса.
1889 г.	11 Февр.	»	» »	Провозглашеніе конституціи.
	1890 г.	»	» »	Первое засѣданіе парламента.
1894 г.	31 Іюля	»	» »	Объявленіе войны Китаю.
1895 г.	17 Апр.	»	» »	Мирный договоръ съ Китаемъ.
	1899 г.	»	» »	Уничтоженіе консульскихъ судовъ.
	1900 »	»	» »	Участіе въ усмиреніи боксерскаго движенія въ Китаѣ.
1904 г.	27 Янв.	»	» »	Начало русско-японской войны.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Очеркъ по исторіи японской торговли.

(По Бринкли).

О началѣ торговли и о развитіи ея въ первые вѣка существованія японскаго народа исторія даетъ очень скудныя свѣдѣнія. Но торговля того времени въ Японіи была, повидимому, совершенно незначительной, ибо даже въ восьмомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія мы находимъ здѣсь всего семь рыночныхъ мѣстъ: пять въ центральной Японіи, одно на сѣверномъ берегѣ и одно на южномъ. Извѣстно также, что съ давнихъ поръ также появились въ Японіи бродячіе торговцы. Этими скудными свѣдѣніями и исчерпываются данныя, предлагаемыя японской исторіей до начала восьмого столѣтія.

I.

Въ восьмомъ столѣтіи власть попала въ руки людей, выдающихся по своему уму и знаніямъ. Въ Японіи наступила эпоха реформъ, которая благодѣтельно отразилась и на постановкѣ торговаго дѣла. На министра финансовъ была возложена тогда обязанность дѣлать время отъ времени повѣрку мѣръ и вѣсовъ, употребляемыхъ купцами, наблюдать за продажей и за цѣною товаровъ, другимъ чиновникамъ былъ порученъ въ то же самое время контроль за лавками, магазинами и прочими торговыми учрежденіями.

Во главѣ каждаго рынка былъ поставленъ особый старшина, который считался отвѣтственнымъ лицомъ за правильность употребляемыхъ здѣсь торговцами мѣръ, за доброкачественность ходившихъ монетъ и за соблюденіе установленныхъ на товары цѣнъ, которыя были обязательны для всѣхъ торговцевъ. Это стремленіе регулировать рыночныя цѣны японское правительство не оставляло въ теченіе всей своей исторіи. Рыночный старшина восьмого вѣка долженъ былъ раздѣлить всѣ товары, привезенные для продажи, на три класса и для каждаго класса опредѣлить предѣльную цѣну. На нѣкоторыхъ товарахъ (какъ, напр., сабли и лакированныя вещицы) ему предстояло провѣрить подписи ремесленниковъ, ихъ изготовлявшихъ. Всякая торговая сдѣлка (за исключеніемъ покупокъ, совершаемыхъ самимъ правительствомъ) должна была производиться на самомъ рынкѣ, имя покупателя громко выкрикивалось, и всякая попытка обойти установленныя правила торговли влекла за собой конфискацію товаровъ. Женщины на каждомъ рынкѣ торговали отдѣльно отъ мужчинъ. Надъ каждой даже самой маленькой лавченкой красовалось имя ея торговца. Торгъ начинался ровно въ полдень, а оканчивался на закатѣ солнца; начало и конецъ торга возвѣщались тремя ударами въ барабанъ. Уже и въ то время торговля считалась унизительнымъ занятіемъ: принцы крови и высшіе чиновники не имѣли нрава заниматься ею даже черезъ своихъ

слугъ. Такимъ образомъ торговля была поставлена въ тѣсныя рамки правительственнаго надзора.

Несомнѣнно, что къ началу восьмого вѣка прочно установилась торговля съ Китаемъ и Кореей, кораблямъ которыхъ разрѣшено было посѣщать два порта на югѣ имперіи. Иностранная торговля также находилась подъ строгимъ наблюденіемъ со стороны правительства и считалась правительственной монополіей: заморскіе товары прежде всего предлагались для покупки оффиціальнымъ лицамъ; всякая попытка заключить самостоятельно торговую сдѣлку съ торговцемъ-иностранцемъ влекла за собой конфискацію купленной вещи. Купцамъ изъ чужеземцевъ разрѣшалось посѣщеніе и внутреннихъ частей страны, но они должны были предъявлять свои товары опредѣленнымъ чиновникамъ и были лишены права покупать у населенія оружіе.

Всѣ мѣры вѣса и длины, употребляемыя при продажѣ, разъ въ годъ подвергались со стороны правительства провѣркѣ. Однако точно установленныхъ единицъ измѣренія въ это время (VIII-й в.) японскій народъ не имѣлъ. Мѣры длины онъ заимствовалъ отъ размѣровъ различныхъ частей тѣла (въ родѣ нашей «четверти», или «саженн»). Благодаря китайскимъ купцамъ, мѣры длины въ японской торговлѣ были нѣсколько урегулированы.

Мѣры емкости и вѣса, игравшія такую выдающуюся роль въ этой земледѣльческой странѣ и по отношенію къ фиску, и по отношенію къ торговлѣ, отличались также значительной неустойчивостью и произвольностью своихъ основаній. Первоначально единицей для верновыхъ хлѣбовъ являлся снопъ опредѣленной величины, заключавшій въ себѣ извѣстное количество соломинъ, но затѣмъ у Китая была заимствована мѣра вѣса *момме;* а единицей емкости—*го*, при чемъ 10 го составляли *шо*, сто—*то*, тысячу—*коку* (5,73 бушелей). Въ нѣкоторыхъ старинныхъ храмахъ сохранились четырехугольные ящики, которые служили мѣрами емкости въ различные періоды японской исторіи.

Торговля очень долго оставалась мѣновой. Серебряныя монеты стали обслуживать процессы обмѣна не раньше конца V столѣтія. Но обращеніе монеты прививалось туго, такъ какъ прежде всего Японія въ то время не обладала достаточными запасами благородныхъ металловъ. Разработки ихъ мѣстонахожденій внутри Японіи не производилось, а привозимые слитки изъ-за моря въ видѣ подарковъ или дани употреблялись или на идоловъ, или на украшенія. Собственные серебряные рудники Японіи были открыты лишь во 2-й половинѣ VII вѣка; нѣсколько позднѣе стали разрабатываться мѣдные рудники, и въ концѣ VII вѣка былъ открытъ монетный дворъ, который сталъ выпускать золотыя, серебряныя, мѣдныя и желѣзныя монеты. Преобладающей сначала явилась мѣдная монета.

Но народъ къ новой системѣ обмѣна привыкалъ туго. Правительству пришлось укрѣплять денежное обращеніе путемъ извѣстнаго давленія. Такъ императорскими эдиктами было установлено, чтобы земледѣльцы и торговцы оцѣнивали свои товары и продукты при помощи новыхъ денежныхъ знаковъ, основной единицей которыхъ былъ принятъ *монъ* (*кашъ*); было обѣщано, что накопленіе опредѣленнаго количества кашей (6000) даетъ право на извѣстныя отличія; далѣе для всѣхъ земельныхъ покупокъ были запрещены процессы обмѣна; путешественниковъ обязали оплачивать въ пути получаемыя ими услуги денежными знаками, и денежными знаками разрѣшено было производить уплату налоговъ.

Въ результатѣ этихъ эдиктовъ среди населенія вспыхнула цѣлая эпидемія накопленія кашей. Правительству вскорѣ пришлось издавать эдикты противъ такихъ накопленій. Впрочемъ монетное обращеніе не могло достигнуть сколько нибудь значительныхъ результатовъ уже по одному тому, что громадное большинство населенія жило въ условіяхъ натуральнаго хозяйства. Кромѣ того, и само правительство нерѣдко допускало со своей стороны неосторожное отношеніе къ монетнымъ знакамъ, назначая такую номинальную стоимость монеты, которая не соотвѣтствовала дѣйствительному содержанію въ ней металла. Наконецъ, и самая техника монетнаго обра-

щенія до крайности затруднялась, благодаря тому, что монета почти исключительно была мѣдная, и объемъ, и вѣсъ, ея при сколько нибудь значительныхъ торговыхъ операціяхъ, оказывался слишкомъ обременительнымъ. Замѣтимъ еще, что и техника чеканки монетъ отличалась большими недостатками и правительство выпускало обыкновенно много бракованныхъ монетъ, которыя, конечно, ходили по пониженной оцѣнкѣ, не смотря на всѣ усилія со стороны правительства запретить пониженіе оцѣнки такой монеты. При наличности этихъ условій оказалось, что монеты китайскаго правительства, которое относилось въ то время къ монетному обращенію съ большей осторожностью и добросовѣстностью, цѣнились выше, чѣмъ соотвѣтственныя японскія монеты. Японское правительство съ негодованіемъ относилось ко всякой такой попыткѣ оказать предпочтеніе иностранной монетѣ, считая такое поведеніе чуть ли не за измѣну родинѣ и оскорбленіе величества и налагая на виновныхъ тяжелыя кары. Но въ концѣ концовъ (въ эпоху Токугава) ему пришлось смириться передъ силой экономической необходимости, и китайскій кашъ сталъ свободно приниматься въ четыре раза выше, чѣмъ кашъ японскій.

Но всѣ эти недостатки монетнаго обращенія въ значительной степени пополнялись тѣмъ, что на ряду съ чеканной монетой мѣриломъ цѣнности являлся рисъ (1000 кашей=1 коку риса).

Мѣдная и золотая монета, какъ мы уже говорили, обращалась въ совершенно ничтожномъ количествѣ. Такое положеніе вещей на денежномъ рынкѣ Японской Имперіи продолжалось до 1871 г., когда, послѣ паденія феодализма, однимъ изъ первыхъ актовъ новаго правительства было введеніе новой монетной системы. Въ Осакѣ былъ устроенъ монетный дворъ, снабженный новѣйшими машинами, которыя стали вырабатывать монеты по европейскимъ образцамъ. Сначала была проведена золотая валюта, при чемъ японская золотая монета по своему металлическому составу близко подошла къ американскому золотому доллару. Серебру было отведено второстепенное мѣсто, но мало-по-малу въ силу условій, мірового рынка золотой монометаллизмъ превратился въ серебряный.

Таковы были условія денежнаго обращенія. Обратимся теперь къ самому рынку.

Среди предметовъ, допускаемыхъ на продажу, упоминались раньше и рабы. Условія ихъ купли-продажи были поставлены въ тѣ же рамки, въ которыя включались торговыя операціи съ живымъ скотомъ. Такъ законъ говорилъ, что если покупатель откроетъ въ слугѣ, лошади или быкѣ въ теченіе трехъ дней послѣ пріобрѣтенія ихъ такіе недостатки, которые опредѣлялись болѣзнью, бывшей у нихъ еще до совершенія сдѣлки, то договоръ купли-продажи можетъ быть нарушенъ. Еще строже наказывались всякія попытки къ обману,—за это продавецъ подлежалъ уголовной карѣ. Въ особыя условія съ давнихъ поръ была поставлена въ Японіи купля-продажа земли. Сначала она совершенно не допускалась, но позднѣе была разрѣшена, однако подъ условіемъ согласія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особеннаго чиновника, при чемъ составлялись три документа съ подробнымъ описаніемъ покупаемаго участка и съ государственными печатями. Одинъ изъ этихъ документовъ хранился въ мѣстномъ архивѣ, другой—отсылался въ архивъ данной провинціи, а третій—выдавался на руки покупателю. Такимъ образомъ, на движеніе земельной собственности было обращено въ Японіи вниманіе уже и въ этотъ отдаленный періодъ ея исторіи (VIII в.).

Уже и въ то время довольно подробно были разработаны условія долговыхъ обязательствъ. Займы бывали двухъ родовъ: одни дѣлались на государственныя или религіозныя нужды и скорѣе были налогами, чѣмъ займами; другіе же—были дѣйствительными, настоящими займами. Классъ заимодавцевъ существовалъ въ Японіи съ давнихъ поръ, и правительство дѣлало попытки, оградить населеніе отъ ихъ жадности. Такъ законъ воспрещалъ взимать свыше $12^1/_2\%$ въ шестьдесятъ дней или 75% въ годъ, при чемъ размѣры уплаченныхъ процентныхъ денегъ не могли превышать размѣровъ самого долга, и отданныя въ заемъ деньги послѣ 480 дней

переставали слѣдовательно давать проценты. За неуплату долга должникъ обращался въ рабство. Закономъ далѣе довольно точно и подробно указывалось, въ какой мѣрѣ и когда заимодавецъ отвѣчаетъ за вещь, полученную имъ въ закладъ. И, наконецъ, долгъ, сдѣланный главой семьи, совершенно не касался ни его сыновей, ни жены, ни родителей, если послѣднимъ удавалось доказать свою непричастность къ этому долгу. Послѣднее вполнѣ оправдывалось и бытовыми условіями, такъ какъ многіе имѣли по нѣсколько законныхъ семей, не знавшихъ о существованіи другъ друга.

Много страдала торговля того времени отъ несовершенствъ путей сообщенія, а японское правительство уже давно стало обращать вниманіе на эту сторону народнаго хозяйства. Такъ еще въ седьмомъ столѣтіи были устроены на большихъ дорогахъ станціи, на которыхъ ѣдущіе чиновники могли мѣнять лошадей. Многимъ обязанъ японскій народъ въ данномъ отношеніи и буддійскимъ священникамъ, которые, какъ мы уже разсказывали, предпринимали обширныя путешествія для того, чтобы обучать жителей между прочимъ и тому, какъ править дороги и строить мосты. Особенно много для дорожнаго дѣла было сдѣлано въ восьмомъ вѣкѣ: дороги были раздѣлены на классы, установленъ цѣлый рядъ станцій, выработаны строгія правила, которымъ должны были подчиняться всѣ проѣзжіе, устроены склады фуража и провіанта, главнымъ образомъ, риса.

Въ томъ же восьмомъ вѣкѣ правительство начало удѣлять больше вниманія и мореплаванію, которые находились еще въ мало развитомъ состояніи. Нечего и говорить, что въ кораблестроеніи были приняты также китайскіе образцы.

Тѣ торговыя отношенія, которыя установились въ седьмомъ и восьмомъ вѣкѣ продолжать оставаться неизмѣнными и въ теченіи нѣсколькихъ послѣдующихъ вѣковъ. Къ такому заключенію приводитъ, напр., положеніе торговли въ столицѣ Кіото. И въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ, мы видимъ ту же опеку торговли со стороны правительства; тѣхъ же рыночныхъ старшинъ, которые должны были представлять чиновникамъ списки товаровъ и ихъ цѣнъ. По прежнему существовало запрещеніе для лицъ, занимающихъ почетныя, оффиціальныя положенія заниматься торговлей. Даже, больше того, всякому, носящему саблю, было прямо запрещено посѣщеніе рынковъ. Со своей стороны правительство обезпечивало полицейской охраной всѣмъ рыночнымъ площадямъ полный порядокъ, и торговля дѣлала замѣтные и быстрые успѣхи. Конечно, во время гражданскихъ смутъ, которыми такъ полна была тогдашняя японская столица, торговцы несли большіе ущербы.

Провинціальная торговля безусловно не могла похвастаться такими же успѣхами, хотя пути сообщенія и служили по прежнему предметомъ усиленныхъ заботъ со стороны правительства, но оно тѣмъ не менѣе оказывалось не достаточно сильнымъ, чтобы вести плодотворную борьбу съ разбойниками и пиратами, шайки которыхъ чрезвычайно затрудняли сообщеніе между провинціями. Впрочемъ, всѣ эти обязательныя на дорогахъ квартиры и смѣны лошадей предназначались правительствомъ исключительно для своихъ чиновниковъ, а купцы, ремесленники и крестьяне, попрежнему, въ дѣлѣ передвиженія были предоставлены самимъ себѣ. Въ законодательномъ отношеніи торговое право долгое время не подвергалось никакимъ существеннымъ измѣненіямъ.

Къ концу XII вѣка, когда феодализмъ достаточно окрѣпъ, полицейскій режимъ, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ Камакурѣ, сталъ еще чувствительнѣе. Если съ одной стороны было обращено серьезное вниманіе на городское благоустройство, то съ другой—появился цѣлый рядъ стѣснительныхъ для частной жизни мѣръ. Такъ, съ наступленіемъ темноты, никому не разрѣшалось выходить на улицу безъ важныхъ на то причинъ; съ самаго начала XIII ст. было ограничено число торговцевъ, имѣющихъ право проживать въ городѣ. Это послѣднее распоряженіе вызвало появленіе торговыхъ компаній, представители которыхъ устраивались въ фео-

дальной столицѣ. Былъ далѣе установленъ еще болѣе строгій надзоръ за продажей главныхъ предметовъ торговли: рисомъ, древеснымъ углемъ, шелкомъ, лошадьми и т. д.; торговцевъ обязали дѣлать «выставку» въ своихъ лавкахъ. Въ это же время выступаютъ на сцену торговые комиссіонеры и корабельные агенты, а также входятъ въ употребленіе въ иностранной и провинціальной торговлѣ векселя. Однимъ словомъ, торговая среда разростается и дифференцируется.

Нашествіе монголовъ въ XIII ст., особенно невыгодно отразилось на торговлѣ съ Китаемъ, который поставлялъ въ Японію въ большомъ количествѣ различныя матеріи, глиняную посуду, плетеныя издѣлія, а изъ Японіи получалъ рисъ и продукты морского лова, при чемъ вывозъ риса совершенно воспрещался въ годины неурожаевъ.

Но по мѣрѣ своего обогащенія, торговый классъ сталъ привлекать на себя все больше и больше благосклоннаго вниманія правительства. Шогуны XIV и XV столѣтій всѣми силами старались эксплоатировать торговцевъ. Съ этою цѣлью была установлена система монополій, права которой распродавались правительствомъ и отдѣльнымъ купцамъ и купеческимъ компаніямъ и часто по высокой цѣнѣ. Такъ возникла система торговыхъ гильдій въ Японіи. Гильдіи здѣсь были собственно акціонерными обществами, такъ какъ доли ихъ участниковъ могли поступать въ продажу и переходить по наслѣдству отъ отца къ сыну. Естественно, что такія монополіи тяжело отражались на народномъ хозяйствѣ. Такъ, напр., исключительная привилегія, дарованная въ началѣ XV в. священнику Китано на приготовленіе рисовой водки *саке*, послужила причиной рѣзкаго паденія цѣнъ на рисъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ отсутствовала варка этого напитка; въ результатѣ же возникли среди населенія крупные безпорядки, которые были усмирены силой оружія. Тяжело падала на торговцевъ также и «система благоволенія». Правительство время отъ времени объявляло всѣ денежныя обязательства недѣйствительными. Такою мѣрой оно первоначально имѣло въ виду пріостановить слишкомъ большое скопленіе богатствъ въ однѣхъ рукахъ, а съ другой—облегчить тяжелое положеніе должниковъ. Но вскорѣ шогуны стали злоупотреблять этой системой, расторгая денежныя обязательства въ такіе моменты, когда ихъ личные долги достигали слишкомъ значительныхъ размѣровъ. Пользуясь моментомъ, чернь при объявленіи такихъ эдикговъ, принималась за грабежи домовъ богачей, подъ предлогомъ розыска подобныхъ обязательствъ, которыя теряли всякое значеніе уже въ силу самого эдикта. Наконецъ, шогуны временами обирали купечество, назначая извѣстныя суммы, за невыплату которыхъ непокорные платились даже своею жизнью.

Но въ виду большой самостоятельности, которой пользовались мѣстные феодальные князья и князьки, торговое право японскаго народа вплоть до XVII ст. представляло очень пеструю картину. Въ одномъ только, кажется, всѣ сходились: считали торговлю за низкое и неблагородное занятіе. Такъ, напр., Такеда Шингенъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей военнаго класса, издалъ приказъ, запрещающій его *самураямъ* даже заводить разговоры о куплѣ-продажѣ внѣ круга своихъ семейныхъ. Многіе изъ благородныхъ и знатныхъ чиновниковъ старались подчеркнуть свое презрѣніе къ торговому міру тѣмъ, что отказывались пользоваться общепринятыми мѣрами и даже при операціяхъ фиска, употребляли свои собственныя единицы измѣренія длины и емкости. И однимъ изъ благодѣній реформъ Таико, была попытка ввести въ этой области, по возможности, полное однообразіе. Наконецъ, благородные воины нерѣдко заходили въ лавку и, схвативши что-нибудь изъ выставленныхъ предметовъ, спокойно уносили къ себѣ домой, увѣряя огорченнаго торговца, что къ нему попала краденая вещь; бывали также нерѣдко и случаи, когда торговцевъ заставляли продавать товары по пониженной цѣнѣ.

Условія ссуды и займа получили теперь свое дальнѣйшее развитіе. Заемъ нельзя было дѣлать больше, какъ на двадцать лѣтъ, при этомъ если уплата производилась въ теченіе перваго десятилѣтія, то долгъ мо-

удвоиться, во второе же десятилѣтіе онъ уже утраивался. Когда оканчивался срокъ, кредиторъ долженъ былъ до трехъ разъ напомнить своему должнику объ уплатѣ, прежде чѣмъ обращаться къ суду, и послѣдній, въ случаѣ несомнѣнности долга, могъ наложить на должника штрафъ, простиравшійся до десятой доли размѣра подлежащей уплатѣ суммы. Появился также законъ, который долженъ былъ ограждать кредитора отъ докучливыхъ просьбъ безденежнаго должника. Наконецъ, дѣти были признаны отвѣтственными за долги своихъ родителей, что, вѣроятно, обусловливалось существенными перемѣнами въ самой организаціи японской семьи. Неисправный должникъ, по прежнему, могъ быть проданъ въ рабство. Таковы были общія условія кредитныхъ сдѣлокъ, но въ различныхъ ленахъ они опять-таки подвергались существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ.

Къ этому же времени относится особенное пристрастіе японскаго народа къ личнымъ печатямъ, которыми закрѣпляются частные и общественные документы. Такое же обширное примѣненіе всякаго рода печатей въ дѣловыхъ бумагахъ мы встрѣчаемъ въ Японіи и въ настоящее время.

Въ XIV и XV ст., когда феодальные князья добились значительной доли независимости отъ центральной власти, на многихъ изъ караулокъ и застав, устроенныхъ сначала съ военными цѣлями, стала взиматься пошлина съ проѣзжихъ. Подобныя же пошлины было разрѣшено взимать нѣкоторымъ буддистскимъ и шинтоистскимъ храмамъ, и онѣ достигали иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Конечно, подобная система невыгодно отражалась на развитіи торговли, но она пустила глубокіе корни въ нравы того времени. Шогуны довольно рано начали борьбу съ этой системой застав, однако полной отмѣны ея удалось добиться лишь знаменитому Одѣ Нобунагѣ, который вообще много сдѣлалъ для развитія сношеній внутри страны.

Торговля съ Китаемъ, прерванная нашествіемъ монголовъ и дѣятельностью японскихъ пиратовъ, снова начала устанавливаться на болѣе прочномъ основаніи въ концѣ XIV в. (при шогунѣ Іошиматсу 1368—1394 гг.). Но Японіи при этомъ пришлось все-таки занять довольно унизительное положеніе по отношенію къ Китаю, который трактовалъ ее, какъ своего вассала, и нанкинское правительство выдавало шогуну опредѣленное количество торговыхъ свидѣтельствъ, по которымъ только и могли поддерживаться японскія и китайскія торговыя отношенія.

Установившаяся, было, торговля Японіи съ Кореей также оборвалась въ 1610 г., въ которомъ вспыхнуло на полуостровѣ возстаніе японскихъ переселенцевъ, потребовавшее для своего усмиренія крайняго напряженія силъ со стороны сеульскаго правительства. Торговля съ Кореей для Японіи представляла несомнѣнно значительныя выгоды, такъ какъ шогунъ согласился для возстановленія этихъ торговыхъ отношеній на весьма унизительныя условія: онъ долженъ былъ выдать въ Сеулъ головы главнѣйшихъ заговорщиковъ и все таки торговля оказалась въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ раньше: число японскихъ кораблей, которые получили разрѣшеніе посѣщать корейскіе порты, было уменьшено до 25, и жителямъ архипелага было запрещено устраиваться на постоянное жительство на полуостровѣ.

II.

По мѣрѣ роста торговли, начало увеличиваться и значеніе торговаго класса. Во второй половинѣ XVI ст. это улучшеніе соціальнаго положенія торговцевъ можно считать, пожалуй, наиболѣе замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи тогдашней Японіи. Шогунъ Хидейоши обратилъ особенное вниманіе на заграничныя поѣздки своихъ подданныхъ и всѣми силами старался побудить ихъ поддерживать возможно тѣсныя торговыя сношенія

съ Филиппинскими островами и другими сосѣдними государствами. Онъ запросто принималъ у себя такихъ торговцевъ и открылъ имъ доступъ въ самое свѣтское и изысканное общество.

Но завязавшіяся, было, сношенія съ европейцами быстро и рѣзко оборвались въ это время подъ вліяніемъ тѣхъ гоненій, которыя вызвали на себя христіанскія миссіонеры. Доступъ въ Японію былъ разрѣшенъ лишь однимъ голландцамъ и то на чрезвычайно унизительныхъ условіяхъ. Ихъ поселили на крошечномъ островкѣ Дешимѣ, который былъ окруженъ высокимъ досчатымъ заборомъ съ двойнымъ гребнемъ гвоздей. Жители островка не имѣли права свободнаго выхода; къ нимъ же доступъ имѣли лишь однѣ проститутки. Между островомъ и материкомъ былъ перекинутъ узкій мостъ, на одномъ концѣ котораго находились постоянно запертыя ворота, на другомъ—сторожевая будка. Прѣсная вода доставлялась изъ Нагасаки по бамбуковымъ трубкамъ, а голландскіе корабли находили себѣ пріютъ въ гавани, устроенной на сѣверной половинѣ острова. Только необычайная приспособляемость голландцевъ и ихъ необыкновенные коммерческіе таланты обезпечивали за ними успѣхъ въ торговлѣ при подобныхъ условіяхъ. Но тѣмъ не менѣе имъ приходилось исполнять цѣлый рядъ самыхъ унизительныхъ требованій и не жалѣть средствъ на подкупъ чиновниковъ японскаго правительства.

Выгода торговыхъ операцій у японцевъ съ голландцами опредѣлилась цѣлымъ рядомъ экономическихъ моментовъ: голландцамъ прежде всего была предоставлена монополія въ области всѣхъ заграничныхъ товаровъ, затѣмъ они совершенно произвольно устанавливали мѣновыя отношенія между золотой, серебряной и мѣдной монетами. Благодаря всему этому, барыши они получали значительные. Не смотря на то, что корабли ихъ допускались къ берегамъ Японіи сначала два раза въ годъ, а затѣмъ всего только разъ въ годъ, они вывезли изъ Японіи за промежутокъ времени съ 1609 по 1858 г. больше, чѣмъ на 40.000.000 фунт. стерл. золота и серебра и свыше двухсотъ тысячъ тонъ мѣди.

Самая торговля голландцевъ тѣмъ не менѣе находилась подъ тщательнымъ надзоромъ правительства, которое старалось устранить по отношенію къ ввознымъ товарамъ *всякую конкуренцію среди своихъ торговцевъ*. Покупать голландскіе товары было разрѣшено лишь немногимъ изъ купцовъ Кіото, Сакаи, Осаки, Нагасаки и Іедо. Самый процессъ торга былъ обставленъ особыми формальностями.

Голландцы привозили въ Японію главнымъ образомъ слѣдующіе товары: сахаръ, строевой лѣсъ, глиняную посуду, металлы, москательный товаръ, ткани, стекло, фарфоръ, кожу, разныя бездѣлушки, растительныя масла, зеркала, колокола, ножевый товаръ, хирургическіе инструменты, золотыя и серебряныя издѣлія, птицъ и животныхъ. Предметами же вывоза служили по преимуществу мѣдь, камфора, лакированныя вещицы, шелковые и хлопчатобумажные фабрикаты, соя, чай, саке (рисовая водка), воскъ, экраны, разныя мелкія издѣлія и бамбуковый товаръ.

Китайскимъ торговцамъ разрѣшалось первоначально свободное проживаніе въ извѣстныхъ портахъ японскаго архипелага, но затѣмъ ссоры и несогласія ихъ съ туземцами привели къ тому, что имъ также была выдѣлена въ Нагасакахъ небольшая площадь, и попасть къ нимъ туда можно было лишь по особому разрѣшенію. Предметами китайскаго ввоза въ это время были сахаръ, рѣдкія древесныя породы, свинецъ, ртуть, фарфоръ, мускусъ, москательные товары, хлопчатобумажные и шелковые фабрикаты, письменныя принадлежности, произведенія искусства, олово, мѣдь, бронза, драгоцѣнные камни, стекло, крашеныя кожи, мѣха и различные съѣстные припасы. Торговля отчасти сохраняла и мѣновой характеръ, при чемъ главнѣйшими продуктами обмѣна со стороны японцевъ была рыба и другіе произведенія моря. Вся торговля съ Китаемъ попрежнему находилась подъ самымъ тщательнымъ контролемъ правительства.

Но японская система изоляціи иностранныхъ торговцевъ оказалась палкой о двухъ концахъ: примѣненіе ея пришлось имъ испытать на себѣ въ Кореѣ, гдѣ имъ была отведена при Фузанѣ для поселка небольшая

площадь и откуда ихъ сначала совершенно не выпускали, а затѣмъ разрѣшили посѣщеніе нѣкоторыхъ пунктовъ, но подъ конвоемъ корейской полиціи. Не смотря, однако, на всѣ эти мѣры, японское правительство всѣми силами старалось сохранить съ Кореей добрыя отношенія.

Само собою понятно, что данная система охраны границъ государства отъ вторженія иностранныхъ товаровъ привела къ широкому развитію контрабанды, которая процвѣтала все это время и въ Японіи, и въ Кореѣ, не смотря на жестокія наказанія, которымъ подвергались контрабандисты. Какъ глубоко пустило корни это зло, можно судить по одному тому, что среди осужденныхъ за тайный провозъ товаровъ попадались и лица, занимавшія высокіе административные посты.

Но шогуны и феодальные князья все еще сохраняли надъ торговымъ классомъ огромную власть, и нерѣдко случалось, что въ силу административнаго распоряженія тѣ или другія торговыя семьи должны были сниматься со своихъ насиженныхъ мѣстъ и усаживаться въ тѣхъ пунктахъ, которые указывались имъ правительствомъ или мѣстными властями. Впрочемъ, надо сказать, торговцы въ то время составляли весьма существенную часть правительственнаго механизма. Дѣло заключается въ томъ, что и правительство, и феодальные князья получали свои подати главнымъ образомъ рисомъ, а между тѣмъ натуральное хозяйство уже отживало свое время; во всякомъ случаѣ, правительству нерѣдко нужны были деньги, и услуги торговыхъ фирмъ въ данномъ отношеніи оказывались незамѣнимыми. Для реализаціи запасовъ риса на деньги нѣкоторыя торговыя организаціи были обличены извѣстными административными правами и была выработана цѣлая система пріема и продажа поступившаго такимъ путемъ въ правительственные склады риса. Въ связи съ этими громоздкими операціями по продажѣ огромныхъ партій риса развились банковое и биржевое дѣло. Однако правительство и тутъ не оставляло еще своего надзора, который особенно усиливался въ годы неурожаевъ.

Мы уже говорили, что вмѣстѣ съ появленіемъ въ японскомъ торговомъ мірѣ всевозможныхъ монополій стали развиваться и торговыя гильдіи. Уже въ началѣ XVII вѣка токійскіе рыботорговцы организовали въ Токіо сильный и выгодный союзъ: Шогунъ Уйейазу при вступленіи своемъ въ Іедо въ 1590 г. даровалъ рыбакамъ Сеттсу, сопровождавшимъ его торжественный поѣздъ, права на ловлю въ прилежащихъ моряхъ съ тѣмъ, чтобы изъ лучшаго улова своего они доставляли провіантъ мѣстному гарнизону. Въ началѣ семнадцатаго вѣка нѣкто Сукегоро изъ провинціи Ямато организовалъ въ Іедо большую гильдію рыбопромышленниковъ. Онъ устроилъ скупку всего улова на сосѣднихъ тоняхъ, выдачу рыбакамъ ссудъ подъ будущій уловъ, цѣлый рядъ садковъ для сохраненія рыбы живой до самаго рынка, а всѣхъ участниковъ склотилъ въ союзъ, въ который вошли впослѣдствіи 391 торговецъ и 246 маклеровъ. Такимъ образомъ главнѣйшей задачей Сукегоро было не допускать потребителей до непосредственнаго сношенія съ производителями. И онъ добился этого, благодаря своимъ коммерческимъ талантамъ. Организованный имъ союзъ, представлявшій изъ себя, если употреблять современную терминологію, «трестъ», захватилъ въ свои руки почти всю рыбную торговлю столицы.

Примѣру рыбопромышленниковъ вскорѣ послѣдовали садоводы и огородники. Въ первой же половинѣ XVIII вѣка идея эта сдѣлала огромные успѣхи, и мы встрѣчаемъ въ это время десять большихъ союзовъ, организованныхъ въ Іедо, и двадцать четыре—въ Осакѣ. Всѣ они получили признаніе со стороны правительства и вносили въ казну опредѣленную сумму.

Гильдіи эти быстро достигли значительнаго процвѣтанія, забравъ въ свои руки все дѣло снабженія столицы предметами жизненнаго обихода. Права по участію въ гильдіи могли передаваться лишь ближайшимъ родственникамъ. Всякія операціи, входящія въ кругъ дѣятельности гильдіи, безусловно воспрещались ихъ членамъ, какъ самостоятельнымъ торговцамъ; за нарушеніе этого правила виновные предавались въ руки властей. Не смотря на ограниченія передачи гильдейскихъ правъ, эти торго-

вые союзы быстро разростались; въ началѣ XIX вѣка въ одномъ Іедо число ихъ достигло 68 съ 1995 членами.

Гильдейская система охватила также и морскія предпріятія. Въ началѣ XVII столѣтія одинъ торговецъ изъ Сакаи установилъ мореходное сообщеніе на джонкахъ между Осакой и Іедо, но дѣло не получило сколько нибудь значительнаго развитія до конца этого столѣтія, когда образовалась организація изъ десяти гильдій изъ Іедо и 24 гильдій изъ Осаки для развитія морского транспорта, который долженъ былъ обслуживать доставку товаровъ этихъ гильдій. Но и здѣсь былъ строго проведенъ принципъ монополіи: товары, не принадлежащіе членамъ гильдій не принимались на суда компаніи. Это транспортное предпріятіе быстро достигло огромнаго развитія. Число ея джонокъ, входившихъ ежегодно въ одну гавань Іедо, достигало до 1500. Работа ихъ была урегулирована строгими правилами. Ихъ движенія тщательно регистрировались въ портахъ и наилучшіе изъ капитановъ этихъ судовъ получали денежныя награды по закрытіи сезона.

Гильдейская организація проникла и во всѣ предпріятія, непосредственно связанныя съ денежнымъ обращеніемъ. Таковы, напр., были гильдіи мѣнялъ, которые представляли широкоразвѣтвленную организацію, имѣвшую значительное вліяніе на денежный рынокъ. Такъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка отношеніе цѣнностей между золотомъ и серебромъ опредѣлялось ежедневно четырьмя представителями главнѣйшихъ мѣнялъ, и установленныя величины сообщались другимъ гильдіямъ и чиновникамъ шогуна. Цѣны золота и серебра въ мѣдныхъ монетахъ и банковыхъ билетахъ устанавливались каждый вечеръ двадцатью представителями мѣнялъ сообща съ четырьмя вышеуказанными лицами и въ присутствіи оффиціальнаго лица; эти цѣны принимались на рынкѣ въ теченіе слѣдующаго дня для всѣхъ сдѣлокъ. Эти организаціи мѣнялъ сильно напоминаютъ банковыя учрежденія запада. Онѣ не только покупали золотую, серебряную и монету, но принимали также вклады, дѣлали займы, выступали поручителями. Особенно операціи по всевозможнымъ поручительствамъ получили большое развитіе въ виду почтовыхъ нестроеній, которыя сильно препятствовали передвиженію большого количества тяжелыхъ, мѣдныхъ монетъ. Вся эта система достигла наивысшаго развитія въ началѣ XVII столѣтія въ Осакѣ, гдѣ мѣстные торговцы не только продавали рисъ и другіе продукты, собранные мѣстными феодальными князьями, но являлись и хранителями тѣхъ суммъ, которыя выручались отъ такой продажи. Подобное довѣріе сильно поднимало ихъ кредитъ, а правительство со своей стороны дѣлало все, чтобы поставить кредитныя операціи на прочную почву, и уже за три столѣтія до нашего времени Японія обладала цѣлымъ рядомъ кредитныхъ бумагъ, которыя по внутреннему своему существу близко подходятъ къ формамъ, употребляемымъ на современномъ европейскомъ рынкѣ.

Купцы Іедо и Осаки, на долю которыхъ и пришлись главнымъ образомъ всѣ выгоды монополіи, сопряженной съ данной организаціей гильдій, быстро разбогатѣли и стали вести роскошный образъ жизни. Они, не задумываясь бросали деньги направо и налѣво, и невольно возбуждали къ себѣ зависть. Среди народа все больше и больше наростало недовольство этими купцами, которые подъ сѣнью правительственныхъ привилегій монополизировали всѣ вѣтви торгово-промышленной жизни. Особенно сильный взрывъ недовольства этими гильдіями имѣлъ мѣсто въ 1836 г., когда цѣны на рисъ возросли вслѣдствіе неурожая до небывалыхъ размѣровъ. Гильдіи громко обвинялись въ этомъ бѣдствіи. Общественное недовольство оказало сильное давленіе на правительство шогуна. Но бюрократія шогуна не сумѣла справиться съ этимъ сложнымъ и важнымъ общественнымъ вопросомъ.

Она думала разрѣшить это трудное положеніе однимъ взмахомъ чиновничьяго пера и, какъ водится въ такихъ случаяхъ, горько ошиблась. Въ 1841 г. первый министръ шогуна объявилъ недѣйствительными всѣ торговыя привилегіи, распустилъ гильдіи и возвѣстилъ, что отнынѣ каждый

имѣетъ право заниматься какимъ ему угодно торговымъ дѣломъ. Но этимъ произволъ чиновничества не ограничился: не только были уничтожены всѣ эти огромныя рыбопромышленныя, транспортныя, мѣняльныя гильдіи, но было вообще запрещено компаніямъ заниматься оптовой торговлей. Затѣмъ правительство сдѣлало распоряженіе, чтобы въ неурожайные годы оптовая продажа прекращалась, а оставалась лишь одна мелочная. Наконецъ, было запрещено давать ссуды рыбакамъ и другимъ производителямъ за отработку. Послѣдствія этой чиновничьей распорядительности не заставили долго ждать себя. Гильдіи все же не были слишкомъ требовательны, а между тѣмъ онѣ понижали стоимость процесса распредѣленія и облегчали доставку товаровъ на крупные рынки. Десять лѣтъ практики показали, что возстановленіе старой системы въ измѣненныхъ до извѣстной степени формахъ будетъ въ интересахъ общества. Гильдіи были возстановлены, но привилегій уже больше никому не давалось, и число фирмъ въ каждой гильдіи ничѣмъ не ограничивалось. Такое положеніе вещей оставалось безъ перемѣнъ до начала Менджи (1867 г.), когда гильдіи были унесены тѣмъ разрушительнымъ соціальнымъ потокомъ, который камня на камнѣ не оставилъ отъ стараго порядка. Старыя гильдіи послѣ того возрождались до извѣстной степени въ трестахъ американскаго типа. Все это показываетъ, насколько несправедливы были тѣ писатели, которые утверждали, что японцы отличались полной неспособностью къ какой либо общественной организаціи.

Торговая и промышленная жизнь японскаго народа представляетъ еще одну черту, заслуживающую полнаго вниманія. Обыкновенно предпріятіе отца переходило въ руки старшаго сына; но при этомъ не только младшіе сыновья, но и родственники, и служащіе послѣ того, какъ они проработали преданно нѣсколько лѣтъ одной и той же фирмѣ, становились во главѣ второстепенныхъ отраслей предпріятія, получали нѣкоторый капиталъ и право пользоваться именемъ своего патрона. Многія изъ старыхъ фирмъ, благодаря такой системѣ, широко распустили свои корни, укрѣпили свой кредитъ и заняли господствующее положеніе въ коммерческомъ мірѣ.

III.

Большое вниманіе было обращено правительствомъ въ эпоху Токугава на мѣры и вѣсы. Заготовленіе ихъ было передано въ руки извѣстныхъ ремесленниковъ, и чиновникамъ вмѣнялось въ обязанность дѣлать по своимъ округамъ частыя поѣздки для провѣрки мѣръ и вѣсовъ. Но тѣмъ не менѣе однообразія въ этой области достигнуть правительству все-таки не удалось.

Большое вниманіе правители этой эпохи обращали также на пути сообщенія. Каждый феодальный князекъ былъ обязанъ чинить дороги, строить мосты и держать почтовыхъ лошадей и лодки въ предѣлахъ своего лена. Надѣленіе землей производилось подъ условіемъ, чтобы изъ доходовъ съ нея покрывались издержки почтовыхъ городовъ по доставкѣ лошадей и посыльныхъ для правительства. Жители такихъ городовъ были изъяты отъ земельнаго налога и получали время отъ времени денежныя ссуды изъ казны. Верстовые столбы были разставлены вдоль главныхъ дорогъ, и двумъ семьямъ была сдана поставка всѣхъ необходимыхъ для сухопутнаго транспорта предметовъ. Но однако всѣми этими выгодами пользовались лишь представители правительства. Въ серединѣ XVII столѣтія однако осакскіе торговцы организовали сухопутный транспортъ до Іедо. Они добились права присваивать своимъ носильщикамъ военныя названія и вооружить ихъ двумя саблями, такъ какъ путники на большихъ дорогахъ подвергались большимъ опасностямъ со стороны кули. Въ 1662 году торговые люди изъ трехъ городовъ (Кіото, Осака и Іедо) скомбинировали свои силы и стали обслуживать почтовыя нужды всѣхъ классовъ. Сначала

переносились лишь письма и небольшія посылки, но мало по малу образовалась гильдія изъ шестнадцати транспортныхъ компаній, и тогда составился капиталъ, достаточный для того, чтобы обезпечить пересылку товаровъ и звонкой монеты. Цѣны за провозъ этими компаніями брались сравнительно съ разстояніемъ весьма умѣренныя.

Морской транспортъ между особо-плодородными провинціями установился съ давнихъ поръ. Какъ и всѣ крупныя предпріятія, онъ попалъ въ руки гильдій, работа которыхъ въ данной области замѣчательна въ томъ отношеніи, что онѣ организовали здѣсь широкую взаимопомощь на основахъ взаимнаго страхованія. Положеніе этого страхованія облегчалось строгими морскими законами того времени и строгими же гражданскими законами, безпощадно преслѣдовавшими всякаго рода коммерческій обманъ.

Купецъ, напр., продавшій товары лицу А. и получившій деньги за нихъ, а затѣмъ продавшій эти же самые товары лицу Б. или заложившій ихъ, долженъ быть наказанъ смертью, если цѣна таковыхъ товаровъ равняется 160 р. или выше этой суммы. Если же стоимость товаровъ ниже указанной суммы, то наказаніемъ должна служить татуировка на лбу. Но, если бы во время своего заключенія въ тюрьмѣ, онъ пополнилъ бы свою растрату, то смертная казнь замѣняется изгнаніемъ изъ Іедо, а татуировка—изгнаніемъ съ той улицы, на которой онъ жилъ.

Неумышленный покупщикъ украденныхъ товаровъ долженъ возвратить ихъ и лично нести убытки. Если же онъ ихъ продалъ, то на его обязанности лежитъ разыскать эти товары и выкупить ихъ у новаго хозяина. Вообще принципъ здѣсь былъ тотъ, чтобы отвѣтственность падала на того, кто купилъ имущество непосредственно у вора... Умышленный покупщикъ краденаго наказывался изгнаніемъ съ той улицы, на которой онъ жилъ; и подвергался смертной казни, если самъ въ свою очередь перепродавалъ это краденое имущество.

Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ законовъ стремился всячески ограничить ликоимство. Мы видѣли, что время отъ времени всѣ денежныя обязательства уничтожались въ силу спеціальныхъ законовъ. Но, кромѣ того, было запрещено взимать проценты на проценты. Неисправные должники могли попасть въ долговую тюрьму, гдѣ съ ними обращались очень круто.

Въ эпоху Токугава правительство, повидимому, поняло весь тотъ вредъ, который приноситъ народному хозяйству «система благоволенія», приводившая къ насильственному расторженію долговыхъ денежныхъ обязательствъ, и почти перестало прибѣгать къ соотвѣтственнымъ законодательнымъ актамъ. Кромѣ того, въ 1843 г. былъ изданъ законъ, дающій нѣкоторую отстрочку въ уплатѣ долга, послѣ того какъ истекъ срокъ займа.

Значительное развитіе въ это время получили также и залоговыя операціи, какъ въ области движимаго, такъ и недвижимаго имущества. Сроки залоговыхъ обязательствъ для всѣхъ предметовъ,—кромѣ земли,—колебались отъ трехъ до восьми мѣсяцевъ. Размѣры взимаемыхъ процентовъ за эту эпоху также подвергались значительнымъ колебаніямъ; въ общемъ къ началу XIX столѣтія процентъ этотъ значительно понизился. Дѣятельность заимодавцевъ была ограничена строгими законами. Сами заимодавцы образовали гильдію и получили, какъ и другіе торговцы, привилегію на свои операціи. Въ 1723 г. таковая гильдія въ Іедо состояла изъ 253 ассоціацій, заключавшихъ 2731 членъ. Въ 1770 г. число ихъ было ограничено 2000 лицъ при чемъ каждое изъ нихъ платило небольшой спеціальный налогъ. Въ Осакѣ, хотя населеніе ея не превышало и одной трети населенія Іедо, насчитывало почти такое же количество заимодавцевъ. Въ 1832 г. гильдіи эти, какъ и всѣ остальныя, были распущены.

Заслуживаютъ вниманія въ Японіи также странствующіе торговцы, дѣятельность которыхъ получила особенно сильное развитіе въ провинціяхъ Оми и Етчіу. Первыми бродячими торговцами были, какъ говорятъ, самураи изъ Яваты, лишившіеся своихъ феодальныхъ правъ и привилегій. Они отложили въ сторону свои сабли и надѣли на плечи короба съ

товаромъ. Спачала это были очень бѣдные люди, для которыхъ даже пара брошенныхъ у дороги сандалій представляла нѣкоторый интересъ. Но своей предпріимчивостью и настойчивостью они создали себѣ большія богатства. Особенно замѣчательно братство изъ Тойямы, откуда вышли бродячіе врачи. Ихъ работа покоилась на основахъ широкаго общественнаго довѣрія. Такой врачъ оставлялъ свое средство больному и получалъ за него деньги, спустя годъ, и сообразно лишь съ тѣмъ количествомъ лѣкарства, которое было использовано кліентомъ. Эта система, такъ сказать, безграничнаго кредита увѣнчалась огромнымъ успѣхомъ, о чемъ можно судить по тому, что въ 1848 г., напр., такихъ бродячихъ врачей насчитывалось около 2000, а ихъ оборотъ достигалъ почти 2000000 руб.

Теперь, когда мы видѣли, на какой значительной высотѣ стояла торговля за нѣсколько вѣковъ до эпохи великихъ реформъ, какое разнообразіе комбинацій общественныхъ силъ она представляла, мы еще разъ могли убѣдиться на реальныхъ фактахъ, что Японія къ моменту появленія иностранцевъ обладала высокой, хотя и своеобразной культурой и что во многомъ ей пришлось не подниматься до европейской культуры, а лишь переучиться на европейскій манеръ. Посмотримъ же, какъ происходила эта выучка и въ какомъ направленіи міровой рынокъ ворвавшійся черезъ открытые порты на японскую территорію толкнулъ развитіе японской коммерческой жизни.

Прежде всего дѣйствіе иностранныхъ торговыхъ фирмъ на японскую торговлю сказалось въ томъ, что быстро и рѣзко поднялись цѣны на многіе предметы первой необходимости. Цѣны возрасли въ два, три и даже четыре раза. Отчасти подобное повышеніе цѣнъ объяснялось, какъ мы уже говорили, тѣмъ, что европейцы и японцы поддерживали различное мѣновое отношеніе между золотомъ и серебромъ. Но если съ одной стороны при такихъ отношеніяхъ страдалъ потребитель, то съ другой—выигрывалъ производитель и торговецъ, такъ какъ за подобныя цѣны раньше ему никогда не удавалось реализовать продукты своего труда. Главными предметами вывоза являлись морскіе продукты, сырой шелкъ и чай, т. е. заинтересованными въ повышеніи цѣнъ оказывались обширные слои японскаго народа. Къ тому же вывозъ въ дѣйствительности сразу принялъ обширные размѣры. Вывозу шелка благопріятствовало то обстоятельство, что какъ разъ въ это время шелководство Италіи и Франціи переживало кризисъ подъ вліяніемъ тяжелой эпидеміи, поразившей шелковичнаго червя на плантаціяхъ этихъ странъ. На японскій же чай особенно значительный спросъ проявился въ Америкѣ. Благодаря этимъ условіямъ, иностранная торговля разросталась очень быстро: въ 1868 г. ея обороты исчислялись въ 57,5 милліоновъ рублей, а въ 1900 г. въ 490 милльоновъ рублей. Особенно сильнымъ ростъ иностранной торговли сказался за послѣднія пятнадцать лѣтъ.

Несомнѣнно, что это чрезвычайное оживленіе торговыхъ отношеній въ значительной степени объясняется подъемомъ гражданской и общественной жизни. Урегулированіе и пониженіе налоговъ, улучшеніе путей сообщенія, свобода слова, гарантіи, обезпеченныя за личностью, и, наконецъ, представительное правленіе все это не могло не отразиться самымъ благотворнымъ образомъ на производительныхъ силахъ страны, а слѣдовательно и на ея торговыхъ операціяхъ. Второй причиной было урегулированіе денежнаго обращенія, на которое было обращено серьезное вниманіе правительства въ 1885 г. и которое дѣйствительно требовало существенныхъ законодательныхъ измѣненій.

Первое время, конечно, вся заграничная торговля попала цѣликомъ въ руки иностранцевъ. Эти иностранцы дали кадры талантливыхъ и энергичныхъ посредниковъ, которые прекрасно знали міровой рынокъ и быстро освоились съ предложеніемъ японскихъ производительныхъ силъ; они обладали достаточнымъ кредитомъ, который оставался недоступнымъ для Японіи, мало знакомой еще для предубѣжденныхъ къ ней европейцевъ; они рѣшались рисковать закупками японскихъ товаровъ, но рискъ ихъ оправдывался, они нажили здѣсь большія богатства и тѣмъ сильнѣе

заставляли японцевъ искать возможности захватить иностранную торговлю въ свои руки.

Къ тому же японскихъ коммерсантовъ побуждало и поведеніе европейцевъ торговцевъ. Эти послѣдніе, не зная хорошенько ни правовъ, ни исторіи Японіи, не вѣрили въ то, чтобы съ японцами можно было вести дѣла въ кредитъ. Они считали японцевъ коварными варварами, не имѣющими понятія объ основахъ кредита и не способныхъ къ честному выполненію приняты на себя обязательствъ. Отчасти впрочемъ во всемъ этомъ были виноваты и сами японцы. Мы видѣли, что кредитныя организаціи издавна дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ среди японцевъ. Но то было дѣло между своими, а здѣсь приходилось вступать въ такія же отношенія съ иностранцами, къ которымъ народныя массы привыкли питать лишь одно недовѣріе и ненависть въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Вотъ почему недобросовѣстное отношеніе къ чужеземцу долгое время не считалось чѣмъ либо предосудительнымъ. Къ тому же надо помнить, что и среди этихъ торговыхъ посредниковъ—европейцевъ встрѣчалось немало подонковъ европейской культуры, и это, конечно, налагало свой отпечатокъ на всѣ дѣловыя отношенія. Но какъ бы то ни было, заграничная торговля почти въ четвертой долѣ своей находится въ настоящее время уже въ рукахъ японцевъ. Пойдетъ ли же дѣло въ этомъ направленіи дальше и какъ быстро пойдетъ, судить объ этомъ пока трудно, такъ какъ движеніе японскаго капитала на міровой рынокъ зависитъ отъ многихъ причинъ: и отъ состоянія самого міроваго рынка, и отъ состоянія производительныхъ силъ японскаго архипелага. А въ этихъ послѣднихъ ожидаются крупныя и весьма значительныя перемѣны уже по одному тому, что въ странѣ начинаетъ развиваться фабрично-заводская дѣятельность.

ПРИЛОЖЕНІЕ III [1]).

Японская конституція 11-го февраля 1889 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Императоръ.

§ I. Японская имперія должна управляться непрерывной династіей императоровъ, существующей съ временъ незапамятныхъ.

§ II. Императорскій тронъ, согласно статуту императорскаго дома, долженъ передаваться лишь по мужской линіи императорскаго потомства [4]).

§ III. Особа императора священна и неприкосновенна [2]).

§ IV. Императоръ является верховной главой государства и объединяетъ въ своемъ лицѣ права неограниченной власти, которую онъ и проявляетъ въ полномъ согласіи съ настоящей конституціей [3]).

§ V. Императоръ проявляетъ свою законодательную власть совмѣстно съ парламентомъ.

§ VI. Императоръ утверждаетъ законы, обнародываетъ ихъ и приводитъ ихъ въ исполненіе.

§ VII. Императоръ созываетъ парламентъ, открываетъ и закрываетъ его, продолжаетъ его полномочія и распускаетъ его [4]).

---

[1]) Примѣчанія къ конституціи составлены нами главнымъ образомъ по „Etude sur la constitution du Japon par Nosawa Takematsu“ 1896 г. и отчасти по „Японія“ Дюмоляра.

[4]) Бельгійская, прусская и итальянская конституціи исключаютъ изъ наслѣдованія трона женскія линіи; то же дѣлаетъ основной законъ Швеціи. Напротивъ Англія, Нидерланды, Испанія, Португалія, Баварія, Саксонія и Вюртембергъ допускаютъ на тронъ и принцессъ, предоставляя тѣ или другія преимущества потомкамъ мужского пола.

[2]) А слѣдовательно императоръ является и неотвѣтственнымъ. Конституціи Пруссіи, Бельгіи и Нидерландовъ иризнаютъ неприкосновенность особы короля; они признаютъ его и неотвѣтственнымъ, возлагая отвѣтственность за его акты на его министровъ. Конституціи Люксембурга, Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга, Вадена, Италіи и Испаніи признаютъ особу короля неприкосновенной и священной; онѣ равнымъ образомъ косвенно устанавливаютъ и неотвѣтственность монарха. Конституціи Даніи, Австріи и Португаліи совершенно опредѣленно объявляютъ государя священнымъ, неприкосновеннымъ и неотвѣтственнымъ; почти аналогичныя выраженія мы встрѣчаемъ въ конституціяхъ Швеціи и Норвегіи.

[3]) Такимъ образомъ за императоромъ на извѣстныхъ условіяхъ оставлены права исполнительной, законодательной, судебной власти. То же мы находимъ въ большинствѣ монархическихъ конституцій Европы. Рѣзко отличается въ этомъ отношеніи Франція, предоставляя своему президенту законодательную инициативу, а не власть.

[4]) Монархическія конституціи Европы, вообще говоря, оставляютъ право созыва парламента въ экстраординарныя сесіи за государемъ, а также и право продолженія

VIII. Если въ какой-либо моментъ, настоятельно требующій охраненія общественнаго спокойствія или устраненія общественной опасности, не происходитъ засѣданій парламента, то императору предоставляется право издавать императорскіе указы, имѣющіе силу закона. Таковые указы должны быть доложены парламенту въ одно изъ ближайшихъ его засѣданій, и если парламентъ не дастъ на нихъ своего согласія, то правительство обязано объявить ихъ недѣйствительными.

§ IX. Императоръ издаетъ или приказываетъ издавать указы, необходимые для поддержанія общественнаго порядка и спокойствія или полезные для преуспѣянія подданныхъ. Однако указы эти не имѣютъ силы измѣнять существующіе законы.

§ X. Императоръ опредѣляетъ организацію каждой вѣтви административнаго управленія [5]). Онъ устанавливаетъ оклады всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, назначаетъ ихъ и смѣщаетъ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ настоящей конституціи или другихъ законахъ сдѣланы спеціальныя указанія, императоръ въ своихъ дѣйствіяхъ долженъ согласоваться съ этими указаніями.

§ XI. Императоръ является главнокомандующимъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ страны.

§ XII. Императоръ опредѣляетъ организацію и мирный составъ армій и флота [6]).

§ XIII. Императоръ объявляетъ войну и миръ, заключаетъ договоры [7]).

§ XIV. Императоръ объявляетъ осадное положеніе [8]). Условія и дѣйствіе осаднаго положенія опредѣляются закономъ.

полномочій и распущенія. Что же касается до обычной сессіи, то нѣкоторыя конституціи, какъ бельгійская и нидерландская, указываютъ срокъ, въ который должна быть созвана таковая сессія, и признаютъ за палатами право собираться безъ спеціальнаго приглашенія; тогда какъ другія конституціи,—напр., прусская и баварская,—довѣряютъ государю право каждый разъ опредѣлять самому время созыва очередной сессіи. Въ странахъ республиканскихъ право созыва парламента въ экстраординарныя сессіи принадлежитъ обыкновенно главѣ исполнительной власти.

Во всѣхъ монархическихъ странахъ право помилованія предоставлено государю. Что же касается до амнистій, то въ однѣхъ конституціяхъ (напр., нидерландской) она принадлежитъ законодательному собранію, въ другихъ же (прусской, вюртембергской, австрійской, итальянской, португальской)—государю.

[5]) Въ нѣкоторыхъ европейскихъ конституціяхъ указано прямо, что императоръ является *единственнымъ* главою всѣхъ исполнительныхъ органовъ, но въ японской конституціи такого указанія не сдѣлано. Право назначенія на военныя и гражданскія должности оставлено за государемъ во всѣхъ конституціяхъ монархическихъ государствъ, но въ нихъ ничего не говорится о правѣ на организацію административныхъ учрежденій.

[6]) § XI встрѣчается во всѣхъ монархическихъ конституціяхъ; § XII—обыкновенно нѣтъ.

[7]) Въ монархическихъ государствахъ конституціи оставляютъ обыкновенно право объявленія войны за государемъ, но иногда обставляютъ это право нѣкоторыми условіями; такъ, напр., въ Нидерландахъ король послѣ объявленія войны долженъ немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія палатъ; въ Швеціи король передъ объявленіемъ войны собираетъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта въ экстраординарное засѣданіе и выслушиваетъ по этому вопросу мнѣніе каждаго въ отдѣльности. Въ республиканскихъ же государствахъ,—въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Швейцаріи,—право объявленія войны оставлено за двумя палатами. Относительно права государя на заключеніе мира европейскія монархическія конституціи высказываются далеко неоднообразно: въ Пруссіи и Даніи, напр., это право обставлено нѣкоторыми оговорками, въ Португаліи всѣ договоры подлежатъ утвержденію кортесовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ президенту республики не предоставлено права объявлять войну, но зато съ согласія сената онъ можетъ заключать всевозможные договоры.

[8]) Далеко не всѣ европейскія конституціи оставляютъ это право въ рукахъ государя. Прусская, австрійская, испанская и португальская конституціи, ничего не

§ XV. Императоръ награждаетъ титулами, званіями, орденами и другими знаками отличія.

§ XVI. Императоръ объявляетъ амнистію, сонзволяетъ на помилованіе, пониженіе наказанія, возстановленіе въ правахъ.

§ XVII. Регентство должно быть устанавливаемо въ полномъ согласіи съ статутомъ императорскаго дома. Регентъ долженъ проявлять императорскую власть именемъ императора.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Права и обязанности гражданъ.

§ XVIII. Условія, на которыхъ могутъ быть дарованы права японскаго подданства, опредѣляются закономъ.

§ XIX. Всѣ подданные могутъ быть на условіяхъ, опредѣленныхъ въ законахъ и указахъ, назначаемы на всѣ гражданскія и военныя должности и исполнять всякія общественныя обязанности [9]).

§ XX. Японскіе подданные должны являться для отбыванія службы въ войскахъ и флотѣ на условіяхъ, установленныхъ законами.

§ XXI. Японскіе подданные обязаны уплачивать подати и налоги, установленные на законныхъ основаніяхъ.

§ XXII. Японскіе подданные въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, могутъ набирать и мѣнять свое мѣстожительство.

XXIII. Ни одинъ японскій подданный не можетъ быть арестованъ, заключенъ въ тюрьму, вызванъ на допросъ или подвергнутъ наказанію, если на то не имѣется законнаго основанія.

§ XXIV. Ни одинъ японскій подданный не можетъ быть лишенъ права судиться у судьи, указаннаго закономъ.

§ XXV. Только въ случаяхъ, указанныхъ закономъ, можно проникнуть въ домъ японскаго подданаго или подвергнуть его обыску.

§ XXVI. Тайна корреспонденціи японскаго подданнаго можетъ быть нарушена только въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ.

§ XXVII. Право собственности каждаго японскаго подданнаго—ненарушима. Необходимыя въ общественныхъ интересахъ мѣры предусматриваются законами.

§ XXVIII. Японскимъ подданнымъ предоставляется полная свобода вѣроисповѣданій, поскольку она не будетъ противорѣчить общественной тишинѣ и спокойствію, а также обязанностямъ подданнаго [10]).

говоря объ осадномъ положеніи, иозволяютъ правительству, за его отвѣтственностью пріостанавливать нѣкоторыя конституціонныя вольности; другія же конституціи совершенно ничего не говорятъ по этому вопросу, и есть, наконецъ, конституціи, которыя прямо запрещаютъ всякую пріостановку своихъ параграфовъ (Бельгія, Люксембургъ.).

[9]) Баварская, саксонская, вюртембергская, баденская, испанская и португальская конституціи говорятъ также объ обязанности своихъ гражданъ платить подати и являться для исполненія воинской повинности. Нидерландская, германская, прусская, датская и норвежская упоминаютъ лишь о военной службѣ, итальянская же, напротивъ, только о налогахъ.

[10]) Этотъ параграфъ гарантируетъ свободу культа. О свободѣ вѣроисповѣданія упоминается въ конституціяхъ: бельгійской, нидерландской, люксембургской, прусской, баварской, саксонской, вюртембергской. баденской, австрійской, итальянской, испанской, португальской и датской. Во всѣхъ этихъ государствахъ свобода совѣсти, говоря вообще, признается абсолютной. Что же касается исполненія культовъ, то разница оказывается весьма значительной: бельгійская, нидерландская, прусская и люксембургская конституціи гарантируютъ свободное и даже публичное исполненіе всѣхъ куль-

§ XXIX. Японскіе поданные въ предѣлахъ, установленныхъ законами, должны пользоваться свободой слова, письменныхъ сообщеній, печати, собраній и союзовъ [11]).

§ XXX. Японскимъ подданнымъ предоставлено право петицій, которыя должны быть написаны съ соблюденіемъ надлежащихъ формъ вѣжливости и соотвѣтствующихъ правилъ [12]).

§ XXXI. Перечисленныя въ сей главѣ постановленія не должны мѣшать проявленію императорской власти во всей ея полнотѣ въ военное время или въ моменты національныхъ смутъ [13]).

§ XXXII. Всѣ перечисленныя въ предыдущихъ параграфахъ настоящей главы постановленія должны прилагаться къ офицерамъ и нижнимъ чинамъ арміи и флота, поскольку постановленія эти не противорѣчатъ военнымъ и морскимъ законамъ, правиламъ и дисциплинѣ [14]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Императорскій парламентъ.

§ XXXIII. Императорскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты пэровъ и палаты депутатовъ.

§ XXXIV. Палата пэровъ, согласно указу, къ ней относящемуся, со-

---

товъ; напротивъ, баварская, саксонская, вюртембергская и австрійская конституціи признаютъ за всѣми вѣрами свободу въ исполненіи требованій ихъ культовъ частнымъ путемъ, публичное же исполненіе культа допускается лишь для извѣстныхъ христіанскихъ религій; государства же католическія—Италія, Испанія и Португалія,—допускаютъ на своей территоріи и другія религіи, но право на общественное исполненіе культа оставляютъ лишь за государственной религіей.

[11]) Свобода печати гарантирована въ слѣдующихъ конституціяхъ: бельгійской, нидерландской, люксембургской, прусской, баварской, саксонской, вюртембергской, баденской, австрійской, итальянской, испанской, португальской, датской, шведской, норвежской. Во всѣхъ этихъ конституціяхъ воспрещается устанавливать цензуру и другія предупредительныя мѣры; злоупотребленія печатью наказываются по закону о прессѣ.

Свобода союзовъ и собраній гарантируется конституціями: бельгійской, нидерландской, люксембургской, прусской, австрійской, итальянской, испанской, португальской и датской. Всѣ эти конституціи объявляютъ, что для всевозможныхъ союзовъ и собраній не требуется никакихъ предварительныхъ разрѣшеній. Собранія подъ открытымъ небомъ должны подчиняться полицейскимъ правиламъ.

[12]) О правѣ петицій упоминается въ конституціяхъ: бельгійской, нидерландской, люксембургской, прусской, баварской, саксонской, вюртембергской, австрійской, итальянской, испанской, португальской. Большинство этихъ конституцій разрѣшаютъ лишь властямъ или корпораціямъ, имѣющимъ легальное существованіе, обращаться съ коллективными петиціями. Только въ Испаніи признается право подавать петиціи, какъ за отдѣльными личностями, такъ и за группами; коллективныя петиціи воспрещены однако и здѣсь членамъ арміи и флота. Итальянская и баварская конституціи упоминаютъ о правѣ подавать петиціи лишь парламенту.

[13]) Бельгійская и люксембургская конституціи объявляютъ, что ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть пріостановлено дѣйствіе ни одного параграфа конституцій. Въ другихъ государствахъ, какъ въ Пруссіи, Нидерландахъ, Австріи, Португаліи и Испаніи, перечисляются тѣ постановленія конституціи, которыя могутъ быть пріостановлены во время войны и общественной опасности.

[14]) Нѣкоторыя конституціи, какъ прусская, испанская, португальская и датская, прямо указываютъ, что права, гарантированныя ими, не приложимы къ военнослужащимъ.

стоитъ изъ членовъ императорской фамиліи, изъ дворянъ и членовъ, назначенныхъ императоромъ [15]).

§ XXXV. Палата депутатовъ, образуется изъ членовъ, избранныхъ народомъ согласно указанію избирательнаго закона [16]).

---

[15]) Императорскимъ декретомъ 11-го февраля 1889 г. устанавливается слѣдующій составъ палаты пэровъ: 1. принцы крови, т. е. лица, принадлежащія къ императорской фамиліи, 2. принцы и маркизы, 3. графы, виконты и бароны, назначенные ихъ пэрами, 4. лица, специально назначенныя императоромъ въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, 5) лица, избранныя страной.

Принцы и маркизы, по достиженіи 25 лѣтняго возраста, становятся членами палаты пэровъ въ силу своихъ наслѣдственныхъ правъ. Графы, виконты и бароны, по достиженіи 25 лѣтъ, могутъ быть избраны своими пэрами и становятся тогда членами палаты пэровъ на шесть лѣтъ каждый. Однако численность каждаго изъ этихъ классовъ нотаблей: графы, виконты, бароны не должна превышать одной пятой всего числа палаты пэровъ. Императоръ можетъ пожизненно назначать членовъ въ палату пэровъ изъ числа лицъ, достигшихъ тридцатилѣтняго возраста и оказавшихъ государству большія услуги или обладающихъ какими либо выдающимися познаніями. Въ каждомъ департаментѣ пятнадцать лицъ, платящихъ государству наиболѣе значительныя суммы прямыхъ, промысловыхъ или торговыхъ налоговъ и перешедшіе за тридцатилѣтній возрастъ могутъ избрать одного члена палаты пэровъ. Таковой избранникъ подлежитъ утвержденію императора, и въ случаѣ, если такое утвержденіе состоится, становится членомъ палаты пэровъ на шесть лѣтъ. Члены послѣднихъ двухъ категорій не должны превосходить численностью членовъ, вступившихъ въ палату пэровъ отъ знати (принцевъ, маркизовъ, графовъ и т. д.).

Большинство монархическихъ конституцій различаютъ три категоріи сенаторовъ, а именно: обладающихъ наслѣдственными правами на данное общественное положеніе; тѣхъ, которые попадаютъ въ сенатъ въ силу своихъ заслугъ или своихъ служебныхъ функцій; назначенныхъ пожизненно или на опредѣленный срокъ императоромъ. Конституціи: бельгійская, нидерландская, датская, шведская и норвежская требуютъ, чтобы сенаторы подлежали избранію. Японская система представляетъ комбинацію изъ прусской и бельгійской.

[16]) Избирательный законъ 11 февраля 1889 г. ставитъ избираемому и избирателю слѣдующія условія: избиратель долженъ быть японскимъ подданнымъ, платить прямыхъ налоговъ не менѣе 15 іенъ (іенъ около рубля) и прожить не менѣе года въ избирательномъ округѣ. Право быть депутатомъ дается по этому закону, подвергшемуся впослѣдствіи нѣкоторымъ измѣненіямъ, всякому японскому подданному, достигшему 30-ти лѣтняго возраста и платящему въ казначейство прямыхъ налоговъ не менѣе 15іенъ. Депутатами не могутъ быть: чины министерства императорскаго двора, судьи различныхъ вѣдомствъ, совѣтники—реффендаріи государственнаго контроля, сборщики податей, комиссары или агенты полиціи; исполняющіе должность священниковъ при шинтоистскихъ и буддійскихъ храмахъ, священники-проповѣдники и т. п. Ни избирателями, ни депутатами не могутъ быть: лица, состоящія на дѣйствительной службѣ въ арміи или флотѣ, главы фамилій Kwazokou (высшее дворянство), несостоятельные должники, лица, лишенныя гражданскихъ правъ и т. п.

„Этотъ избирательный законъ", читаемъ мы у Дюмоляра („Японія стр. 16"): и подвергся сильной критикѣ. Особенно стремились увеличить число избирателей путемъ облегченія условій, требующихся для избирателя. Въ такой странѣ, какъ Японія, условія ценза дѣйствительно очень трудно выполнить. На общее число въ 43.270,000 жителей, лицъ въ 25-ти лѣтнемъ возрастѣ и старше насчитывается болѣе 16 миллионовъ, тогда какъ число платящихъ требуемый налогъ доходитъ только до 510.000. Выкинувъ же изъ этого числа лицъ, по разнымъ причинамъ лишенныхъ права голоса, мы получимъ цифру въ 460.000 избирателей. Указывается также на то, что избирательныя коллегіи численно слишкомъ ограничены и что это обстоятельство, при маломъ числѣ избирателей, дѣлаетъ очень легкимъ подкупъ. Кромѣ того, городскіе жители жаловались, что они не имѣютъ пропорціональнаго представительства, гарантирующаго ихъ жизненные интересы.

„Послѣ неоднократныхъ представленій на обсужденіе сейма, въ февралѣ 1900 г. былъ, наконецъ, принятъ новый избирательный законъ, который отвѣчалъ большей

§ XXXVI. Никто не можетъ одновременно принадлежать къ обѣимъ палатамъ.

§ XXXVII. Каждый законъ требуетъ согласія парламента.

§ XXXVIII. Обѣ палаты должны обсуждать и вотировать проэкты законовъ, предлагаемые имъ правительствомъ. Съ своей стороны обѣ же палаты имѣютъ право вносить свои проэкты законовъ [17]).

§ XXXIX. Законодательный проектъ, отвергнутый одною изъ двухъ палатъ, не можетъ быть относимъ на обсужденіе во второй разъ въ ту же самую сессію.

§ XL. Каждая изъ этихъ палатъ имѣетъ право дѣлать правительству представленія, касающіяся законовъ или другихъ предметовъ. Но если такія представленія будутъ отвергнуты, то они не могутъ быть повторены во второй разъ въ ту же самую сессію [18]).

§ XLI. Императорскій парламентъ долженъ быть созываемъ ежегодно.

§ XLII. Сессія императорскаго парламента должна продолжаться три мѣсяца. Въ случаѣ необходимости она можетъ быть продолжена императорскимъ указомъ.

§ XLIII. Въ случаѣ настоятельной необходимости, кромѣ очередной сессіи можетъ быть назначена экстренная сессія. Продолжительность такой сессіи опредѣляется императоромъ.

§ XLIV. Открытіе, закрытіе, продолженіе или сокращеніе засѣданій парламента должны происходить одновременно для обѣихъ палатъ. Если палата депутатовъ почему-либо распущена, то и палата пэровъ должна отложить свои засѣданія.

§ XLV. Если палата депутатовъ распущена, то приказомъ императора, обнародованнымъ во всеобщее свѣдѣніе, должны быть избраны новые члены ея, и новая палата должна быть созвана не позже, какъ черезъ пять мѣсяцевъ со дня распущенія старой палаты.

§ XLVI. Ни въ одной изъ обѣихъ палатъ не можетъ открываться дебатовъ или происходить выборовъ, если на лицо имѣется меньше одной трети всѣхъ членовъ палаты.

§ XLVII. Рѣшенія въ обѣихъ палатахъ принимаются простымъ большинствомъ наличныхъ голосовъ. При равенствѣ голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя.

части этихъ пожелалый. Этотъ законъ прежде всего увеличилъ число депутатовъ: ранѣе ихъ было 300, а теперь 369. Затѣмъ городское населеніе, по закону 1889 г., имѣло только 17 депутатовъ на 283, избранныхъ сельскими округами, т. е. 6% изъ общаго числа депутатовъ, а теперь оно будетъ имѣть 61 депутата, т. е. 20% всего состава палаты.

„Что касается до избирательныхъ округовъ, то они отнынѣ будутъ обнимать цѣлую префектуру, и, значитъ, подкупъ будетъ не такъ легокъ. Кромѣ того, на этотъ счетъ новый законъ принялъ еще дополнительныя предосторожности, установивъ обязательную тайную подачу голосовъ, съ однимъ голосомъ для каждаго избирателя.

„Но сущность реформы, произведенной февральскимъ закономъ 1900 г., состоитъ въ измѣненіи условій ценза. Этотъ послѣдній для избирателей былъ сокращенъ съ 15 до 10 іенъ, а для избираемыхъ былъ совсѣмъ уничтоженъ“...

[17]) Почти всѣ европейскія конституціи признаютъ право инціативы за обѣими палатами. Напротивъ, по нидерландской конституціи право инициативы принадлежитъ палатѣ депутатовъ, которая представляетъ свои проэкты палатѣ пэровъ. Португальская конституція въ вопросахъ о налогахъ и рекрутскихъ наборахъ оставляетъ право инициативы только за палатой депутатовъ.

[18]) Представленія правительству должны дѣлаться письменно. Предложенія, касающіяся такого рода представленій, становятся предметомъ обсужденія въ палатахъ только въ томъ случаѣ, если они подписаны не менѣе, какъ тридцатью лицами. Ни конституція, ни парламентскій уставъ не налагаютъ на министровъ обязанности отвѣчать или соглашаться съ представленіями, обращенными къ нимъ со стороны палатъ.

§ XLVIII. Засѣданія обѣихъ палатъ должны быть публичными. Но по требованію правительства или по рѣшенію палаты двери засѣданія для публики могутъ быть закрыты.

§ XLIX. Каждая изъ обѣихъ палатъ имѣетъ право обращаться къ императору съ адресами [19]).

§ L. Обѣ палаты имѣютъ право принимать отъ подданныхъ петиціи [20]).

§ LI. Обѣ палаты могутъ устанавливать регламентъ внутренняго своего распорядка во всемъ, что не предусмотрѣно настоящей конституціей и закономъ о парламентѣ.

§ LII. Ни одинъ членъ парламента не несетъ никакой отвѣтственности за стѣнами парламента за высказанныя имъ въ палатѣ мнѣнія или за поданный голосъ. За свои же взгляды, высказанные въ публичной рѣчи или преданные гласности путемъ печатнаго станка или писанныхъ документовъ или другимъ какимъ-либо путемъ, онъ несетъ отвѣтственность передъ общими законами страны [21]).

§ LIII. Члены обѣихъ палатъ не могутъ быть подвергнуты аресту во время парламентской сессіи за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на это имѣется согласіе той палаты, къ которой принадлежитъ данный членъ, или захвата его на мѣстѣ преступленія, или при обвиненіи во внутреннихъ возстаніяхъ или въ нарушеніи внѣшней безопасности государства [22]).

---

[19]) Въ практикѣ установился слѣдующій порядокъ: за разъясненіями сначала обращаются къ министрамъ, затѣмъ дѣлаютъ запросъ правительству; если отвѣтъ не удовлетворителенъ то дѣлаютъ ему представленіе; наконецъ, если и тогда палата оказывается неудовлетворенной, то обращаются съ адресомъ къ императору. Адресъ долженъ быть представленъ написаннымъ. Предварительно палата подвергаетъ его обсужденію. Для того, чтобы дать движеніе адресу, необходимо заручиться согласіемъ на него тридцати членовъ. Право за палатой представлять государю адресъ признается въ слѣдующихъ европейскихъ конституціяхъ: прусской, баварской, саксонской, вюртембергской, баденской, датской.

[20]) Петиціи, обращенныя къ одному изъ членовъ палаты, передаются палатѣ непосредственно тѣмъ членомъ, который ихъ получилъ. Въ каждой палатѣ петиціи изслѣдуются спеціальными комиссіями. Если петиція составлена съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, то она передается президентомъ палаты члену-посреднику. Комиссіи дѣлаетъ общій обзоръ всѣхъ петицій, который она и докладываетъ палатѣ разъ въ недѣлю. Вопросъ, выдвинутый той или другой изъ петицій, долженъ быть подвергнутъ обсужденію въ палатѣ, если на это имѣется согласіе упомянутой комиссіи или требованіе не менѣе 30 членовъ палаты. Каждая палата имѣетъ право послать каждую изъ принятыхъ ею петицій правительству съ присовокупленіемъ своихъ пожеланій или требованій тѣхъ разъясненій, которыя нужны по обстоятельствамъ дѣла. Каждая палата получаетъ адресованныя къ ней петиціи отдѣльно и не имѣетъ права вмѣшиваться въ петиціи, полученныя другой палатой.

Право за палатами получать петиціи признается конституціями слѣдующихъ государствъ: бельгійской, люксембургской, прусской, баварской, саксонской, вюртембергской, баденской и итальянской. Большинство этихъ конституцій запрещаютъ частнымъ людямъ представлять петиціи лично парламенту.

[21]) Парламентскій уставъ однако возлагаетъ нѣкоторыя обязательства на депутатовъ и въ этомъ отношеніи, а именно: члены палаты не должны произносить непочтительныхъ словъ, фразъ или рѣчей по адресу императорскаго дома. Они должны въ то же время избѣгать всякихъ оскорбительныхъ выраженій по отношенію ко всякому другому лицу. Оскорбленный въ палатахъ или ихъ комиссіяхъ можетъ требовать отъ палатъ принятія соотвѣтственныхъ мѣръ. Большинство европейскихъ конституцій заключаютъ подобныя же требованія неотвѣтственности депутатовъ.

[22]) Подобное требованіе имѣется во многихъ конституціяхъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ палатамъ предоставлено право требовать, чтобы на время парламентской сессіи было пріостановлено задержаніе или судебное преслѣдованіе депутата.

Общій ходъ парламентскихъ работъ въ Японіи описывается Дюмоляромъ такъ (l. c. стр. 18): „при началѣ каждой сессіи сейма императоръ является лично и от-

§ LIV. Государственные министры и представители правительства имѣютъ право во всякое время засѣдать въ палатахъ и требовать себѣ слова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственные министры и тайный совѣтъ.

LV. Министры подаютъ императору совѣты въ тѣхъ дѣлахъ, за которыя они считаются отвѣтственными. Всѣ законы, приказы и распоряже-

---

крываетъ собраніе тронной рѣчью, которая всегда отличается краткостью. Эта церемонія происходитъ не тотчасъ послѣ созыва парламента. У палаты всегда уходитъ пять или шесть засѣданій на формальности установленія внутреннихъ распорядковъ. Въ палатѣ нэровъ единственная процедура состоитъ въ подраздѣленіи членовъ на секціи и въ выборѣ предсѣдателей этихъ секцій. Въ палатѣ депутатовъ новоизбранные члены, по прибытіи, передаютъ удостовѣренія о своемъ избраніи главному секретарю, исполняющему обязанности президента палаты. На слѣдующій день, подъ предсѣдательствомъ того же главнаго секретаря, палата собирается вновь и приступаетъ къ выбору трехъ кандидатовъ на постъ президента и трехъ—вицепрезидентовъ. Императоръ дѣлаетъ изъ нихъ выборъ, но онъ выбираетъ всегда кандидата, получившаго большинство голосовъ въ палатѣ. Проходитъ еще день на подраздѣленіе депутатовъ по комиссіямъ и секціямъ и на выборы президентовъ этихъ группъ, и тогда происходитъ, наконецъ, церемонія оффиціальнаго открытія палаты, послѣ чего начинается настоящая законодательная работа".

Самая процедура законодательной работы опредѣляется слѣдующими положеніями.

Президентъ каждой палаты утверждаетъ порядокъ дня и сообщаетъ о немъ палатѣ. На первомъ мѣстѣ обыкновенно стоятъ проэкты правительства; отступаютъ отъ этого правила очень рѣдко и то съ согласія правительства. Законодательные проэкты вотируются въ трехъ чтеніяхъ. Но если проэктъ принятъ большинствомъ превышающимъ двѣ трети присутствующихъ членовъ, то онъ, по требованію правительства или не менѣе, какъ десяти членовъ, можетъ быть освобожденъ отъ второго или третьяго чтенія. Проэкты, представляемые правительствомъ непремѣнно должны проходить черезъ комиссіи; отступленія отъ этого правила опредѣляются исключительными случаями. Проэкты и поправки къ нимъ допускаются до обсужденія только по предложенію двадцати членовъ. Правительство имѣетъ право во всякое время внести поправки въ проэкты, уже представленные имъ или взять ихъ обратно.

Всякій принятый проэктъ долженъ быть представленъ императору президентомъ той палаты, которая вотировала его послѣдней. Проэкты, принятые палатами; представленные императору и имъ санкціонированные, должны быть обнародованы до начала слѣдующей сессіи парламента.

Кромѣ бюджета, всѣ проэкты правительства могутъ поступать первопачально въ ту или другую изъ палатъ безразлично. Когда одна изъ палатъ приняла проэктъ правительства или измѣнила его, она должна передать его другой палатѣ; когда эта послѣдняя приняла вотумъ первой или отвергла ея проэктъ то она должна сообщить свое рѣшеніе въ то же самое время правительству. Если одна палата отвергаетъ проэктъ другой, то послѣдняя объ этомъ извѣщается первой.

Когда палата А сдѣлала поправки въ проэктѣ, внесенномъ палатой Б, она возвращаетъ проэктъ этой послѣдней. Если палата Б, соглашается съ поправками палаты А, она должна увѣдомить объ этомъ палату Б въ то время когда о новомъ проэктѣ дѣлается представленіе государю. Если согласія со стороны палаты Б на поправки, сдѣланныя палатой А, не послѣдовало то палата Б, можетъ потребовать совмѣстнаго совѣщанія обѣихъ палатъ, въ чемъ отказать ей и не могутъ. Въ совѣщаніи принимаютъ участіе поровну членъ отъ каждой палаты, но не больше какъ по десяти лицъ отъ каждой.—Когда проэктъ принятъ этимъ совмѣстнымъ совѣщаніемъ, палата, которая получила этотъ проэктъ отъ правительства или которая представила проэктъ, приглашается высказаться о немъ первой а затѣмъ передать его второй палатѣ. Никакихъ измѣненій въ проэктѣ, принятомъ совѣщаніемъ не допускается. Засѣданія этого совѣщанія—не публичны.

*

нія. касающіяся государственныхъ дѣлъ, должны носить подпись одного изъ министровъ [23]).

LVI. Тайный совѣтъ организуется согласно соотвѣтствующимъ распоряженіямъ. Его обязанностью является подача совѣтовъ императору по тѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, которыя онъ найдетъ нужнымъ передать на его разсмотрѣніе [24]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Судъ.

§ LVII. Судебныя функціи выполняются трибуналами отъ имени императора. Организація трибуналовъ опредѣляется закономъ.

§ LVIII. Судьями назначаются лишь тѣ, кто имѣетъ на это право по закону. Судья можетъ быть лишенъ своей должности только по приговору уголовнаго суда или въ силу дисциплинарныхъ взысканій. Правила для дисциплинарныхъ взысканій опредѣляются закономъ.

LIX. Всѣ допросы и приговоры трибуналовъ производятся публично. Но когда предвидится опасность, что подобная публичность можетъ грозить общественной тишинѣ или спокойствію или оскорбить общественную нравственность, то двери суда могутъ быть закрыты для публики или въ силу законодательнаго распоряженія, или въ силу постановленія судебнаго трибунала.

§ LX. Всѣ случаи, которые подлежатъ компетенціи спеціальныхъ судовъ, должны быть опредѣлены закономъ.

§ LXI. Ни одинъ процессъ, въ которомъ идетъ дѣло о правахъ, нарушенныхъ незаконными дѣйствіями администраціи, и который по закону подлежитъ компетенціи особыхъ административныхъ судовъ, не можетъ быть принятъ къ разбору ни однимъ обычнымъ судомъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Финансы.

§ LXII. Установленіе новыхъ налоговъ и измѣненіе размѣровъ уже существующихъ налоговъ производится законодательной властью. Но всѣ издержки на администрацію и другіе сборы, имѣющіе характеръ вознагражденія, подъ это правило не подходятъ. Государственные займы и заключеніе такихъ контрактовъ, которые могли бы отяготить казначейство сверхъ бюджета, должны получать согласіе парламента.

§ LXIII. Существующіе въ настоящее время налоги должны взиматься

---

[23]) Солидарности отъ министровъ не требуется. Каждый отвѣчаетъ за свои собственныя дѣйствія. Но для того, чтобы сохранить единство въ политикѣ, ихъ обязываютъ обсуждать наиболѣе важныя дѣла коллегіально. Каждый министръ обязанъ сообщить министру президенту все существенное для того, чтобы тотъ могъ быть въ курсѣ дѣла въ каждой области управленія. Парламентскаго режима въ томъ смыслѣ, какой придается этому термину въ Европѣ, въ Японіи не существуетъ, такъ какъ положеніе министровъ совершенно не зависитъ отъ настроеній большинства той или другой палаты: они должны быть облечены лишь довѣріемъ императора.

[24]) Тайный совѣтъ состоитъ изъ президента, вице-президента и двадцати пяти членовъ, назначаемыхъ императоромъ. Всѣ министры считаются въ немъ полноправными членами. Организованъ онъ по образцу вюртембергскаго, нидерландскаго и португальскаго. Постановленія его для императора не обязательны.

по дѣйствующей системѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ измѣнены новыми законами.

§ LXIV. Государственные доходы и расходы должны быть представляемы въ формѣ ежегоднаго бюджета на соизволеніе парламента. Расходы, превышающіе назначенія бюджета или предусмотрѣнные имъ, должны быть представлены впослѣдствіи на утвержденіе парламента [25]).

§ LXV. Бюджетъ представляется сначала палатѣ депутатовъ.

§ LXVI. Расходы на содержаніе императорскаго дома должны быть выплачиваемы ежегодно изъ государственнаго казначейства въ предѣлахъ суммы, нынѣ установленной; на сумму эту согласіе парламента не испрашивается за исключеніемъ тѣхъ случаевъ когда поднимается вопросъ объ ея увеличеніи [26]).

§ LXVII. Расходы уже утвержденные въ силу конституціонной власти императора или являющіеся послѣдствіемъ закона или имѣющіе характеръ обязательства правительства, парламентомъ не могутъ быть ни отмѣняемы ни уменьшаемы безъ согласія правительства [27]).

LXVIII. Въ экстраординарныхъ случаяхъ правительству предоставляется право испрашивать согласіе парламента на расходы, имѣющіе производиться послѣдовательно въ теченіе заранѣе опредѣленнаго числа лѣтъ.

§ LXIX. Резервный фондъ образованъ для покрытія неизбѣжныхъ дефицитовъ, а также для пополненія необходимыхъ задержекъ, произведенныхъ внѣ бюджета.

§ LXX. Въ случаяхъ неотложной необходимости, для поддержанія общественной безопасности, если правительство въ силу внѣшнихъ или внутреннихъ обстоятельствъ не можетъ созвать парламента, оно можетъ принимать необходимыя финансовыя мѣры путемъ императорскаго декрета. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ объ этихъ мѣрахъ парламенту должно быть доложено въ ближайшую его сессію и должно быть испрошено его согласіе на нихъ.

LXXI. Если парламентъ не принялъ бюджета или если бюджетъ не могъ быть составленъ, то правительство должно руководиться бюджетомъ предыдущаго года.

---

[25]) Финансовый годъ правительства начинается 1-го апрѣля и кончается 31-го марта слѣдующаго года. Всѣ распоряженія, касающіяся доходовъ и расходовъ должны быть закончены къ 30 ноября. Налоги и всѣ другія поступленія, представляющія доходы государства, а равно и расходы его должны быть включены въ общій бюджетъ, каковой и представляется парламенту въ самомъ началѣ его засѣданій. Бюджетъ этотъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ главныя части: обычную и экстраординарную. Каждая изъ этихъ частей должна быть расчленена на главы. Бюджетъ сначала поступаетъ въ бюджетную комиссію парламента, которая должна покончить его изученіе въ двухнедѣльный срокъ и отдать отчетъ палатѣ. Только тѣ поправки къ бюджету, которыя внесены 30 членами, принимаются палатой къ обсужденію.

Бюджеты въ громадномъ большинствѣ конституціонныхъ государствъ утверждаются на годъ, но нѣкоторыми конституціями принята система двухгодичныхъ бюджетовъ (Баварія, Вюртембергъ, Баденъ).

[26]) Большинство современныхъ конституцій упоминаетъ, что цивильный листъ опредѣляется при каждомъ восшествіи на престолъ на время всего даннаго царствованія (Бельгія, Нидерланды, Люксембургъ, Вюртембергъ, Италія, Испанія, Португалія, Данія).

[27]) Расходами, уже утвержденными конституціонной властью императора, являются, напр., оплата жалованья чиновникамъ и содержаніе арміи. Императоръ имѣетъ право устанавливать оклады чиновниковъ и организацію арміи, а слѣдовательно парламентъ не имѣетъ права ни уменьшать, ни отмѣнять безъ согласія правительства соотвѣтствующіе расходы.

Расходами, являющимися послѣдствіемъ того или другого закона, будутъ, напр., издержки на содержаніе суда. Расходами, вытекающими изъ обязательствъ правительства, будутъ, напр., проценты на займы.

§ LXXII. Окончательный разсчетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ должень быть провѣренъ и утвержденъ государственнымъ контролемъ; правительство представляетъ рапортъ названнаго контроля парламенту. Организація и компетенція государственнаго контроля опредѣляется закономъ [28]).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Дополнительныя правила.

LXXIII Когда въ будущемъ понадобится измѣнить постановленія настоящей конституціи, то проэктъ этихъ измѣненій долженъ быть представленъ парламенту при императорскомъ приказѣ. Но обсужденіе этихъ измѣненій конституціи не можетъ имѣть мѣста ни въ одной изъ палатъ, если число собравшихся на засѣданіе членовъ будетъ меньше двухъ третей всего состава каждой палаты; для принятія же этихъ измѣненій требуется не менѣе двухъ третей голосовъ всѣхъ присутствующихъ членовъ въ каждой палатѣ [29]).

§ LXXIV. Всѣ измѣненія, касающіяся статута императорскаго дома, не подлежатъ обсужденію парламента. Статутъ императорскаго дома не долженъ впрочемъ касаться никакихъ измѣненій въ постановленіяхъ настоящей конституціи.

§ LXXV. Конституція и статутъ императорскаго дома не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ во время регентства.

§ LXXVI. Дѣйствующіе законы, регламенты, приказы и другія законныя распоряженія, какого бы вида они ни были, должны остаться въ силѣ, поскольку они не противорѣчатъ настоящей конституціи. Контракты и другіе приказы изъ нынѣ дѣйствующихъ, которые создаютъ по отношенію къ правительству извѣстныя обязательства, должны быть согласованы съ требованіями ст. LXVII.

---

[28]) Государственный контроль организуется изъ президента, трехъ начальниковъ отдѣленій и двѣнадцати совѣтниковъ, которые носятъ названіе контролеровъ. Кромѣ того, имѣется два секретаря и двадцать четыре болѣе мелкихъ чиновниковъ. Государственный контроль подчиненъ непосредственно императору, члены его считаются несмѣняемыми. Контроль имѣетъ право требовать объясненія отъ всѣхъ административныхъ властей. Контроль касается только финансовой стороны различныхъ операцій.

[29]) Большинство европейскихъ конституцій на измѣненіе конституціи смотритъ, какъ на обычный законодательный актъ, обставляя его лишь болѣе солидными формальностями: присутствіемъ половины или трехъ четвертей членовъ каждой палаты, большинствомъ голосовъ въ $^2/_3$ или $^3/_4$ присутствующихъ членовъ и т. д. Инціатива въ данномъ отношеніи оставляется обыкновенно за государемъ и за палатами. Напротивъ баварская конституція оставляетъ это право только за королемъ, португальская же—только за палатой депутатовъ. По бельгійской, нидерландской, люксембургской и датской конституціямъ требуется въ случаѣ признанія необходимости измѣненій въ конституціи распущеніе парламента, и только новыя палаты принимаютъ или отвергаютъ предложенныя измѣненія.

А. А. Николаевъ.

Очерки по исторіи Японскаго народа.

Томъ II.

Изданіе
„Общественной Пользы“
С.П.Б. 1905.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1. Природа Японіи	1
2. Населеніе Японіи	10
3. Домашній обиходъ японской семьи	27
4. Соціальныя массы современной Японіи	56
5. Государственный механизмъ современной Японіи	104
6. Главнѣйшіе факторы прогресса современной Японіи	151
7. Алфавитный указатель	214

ПРИРОДА ЯПОНІИ.

I.

Японія, прежде всего,—страна удивительной красоты. Въ этомъ сходятся положительно всѣ путешественники. Если присмотрѣться къ картинамъ японской природы, набросаннымъ часто искусной рукой знаменитыхъ писателей, то мы увидимъ, что основными элементами японскаго ландшафта являются море, горы и роскошная растительность страны.

Да и гдѣ еще играть морю такую выдающуюся роль, какъ не въ Японіи, которая состоитъ чуть ли не изъ 5.000 острововъ и островковъ, если считать всѣ земли, окруженныя моремъ, всѣ скалы, выступающія изъ волнъ его. Прибавьте къ этому чрезвычайно изрѣзанную береговую линію (около 258.000 верстъ), при которой на одну версту берега приходится всего только 12,9 кв. верстъ территоріи *), и вы согласитесь, что на жизнь всей, а не только прибрежной Японіи, море кладетъ глубокій отпечатокъ. И, дѣйствительно, японецъ въ общемъ проводитъ такую значительную часть своей жизни на морѣ и у моря, что ему, быть можетъ, болѣе всего подходило бы названіе земноводнаго. „Достаточно,—замѣчаетъ нашъ извѣстный писатель Сѣрошевскій, посѣтившій накануне войны „Страну Восходящаго Солнца“,—на разсвѣтѣ проѣхать на пароходѣ вдоль берега любой части Японіи и увидѣть эту массу бѣлыхъ парусовъ, эти сотни тысячъ судовъ и суденышекъ, отправляющихся въ море, чтобы убѣдиться, что японцы воистину почти земноводные, что возможность свободнаго судоходства и рыбной ловли для нихъ вопросъ жизни и смерти“. Этимъ въ значительной степени объясняется и нервное отношеніе японцевъ къ корейскому вопросу. Тотъ, кто завладѣетъ Кореей, будетъ вмѣстѣ съ

*) Въ Великобританіи 19,9, во Франціи 108,6, въ Германіи 311,7.

тѣмъ и господиномъ всѣхъ морскихъ путей между японскимъ архипелагомъ и континентомъ Азіи, а этого допустить Японія, конечно, не можетъ.

Значеніе моря для Японіи возрастаетъ еще благодаря ея географическому положенію. „Расположенная на половинѣ пути изъ Санъ-Франциско въ Лондонъ черезъ Тихій океанъ и Россійскую имперію, „Имперія Восходящаго Солнца“ пополняетъ собой поясъ европейской цивилизаціи въ сѣверномъ полушаріи. Она связываетъ Востокъ и Западъ міра и посредствомъ окружающаго ее моря командуетъ всѣми дорогами, которыя ведутъ къ Малайскимъ островамъ, Австраліи, Индо-Китаю и прибрежнымъ странамъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ“,—замѣчаетъ Реклю. И море въ этомъ отношеніи прекрасно обслуживаетъ Японію. Оно не только ластится красивыми заливами и бухтами у живописныхъ береговъ этой страны, оно не только прокидывается изящными, голубыми лентами между безчисленными островами и мысами, но оно образуетъ повсюду множество удобныхъ, глубокихъ стоянокъ, куда могутъ заходить самыя крупныя морскія суда. Морскіе и океанскіе пути такимъ образомъ своими конечными пунктами врѣзываются въ самое сердце страны.

Второй элементъ японскаго ландшафта—горы, играли въ исторіи страны такую же выдающуюся роль, какъ и море, плещущее своими волнами часто у самаго ихъ подножья. И близость моря дѣлаетъ эти горы болѣе величественными, болѣе высокими, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности. Горы Японіи собственно не высоки: въ среднемъ 5.000—6.000 футовъ надъ уровнемъ моря, такъ что онѣ нигдѣ не достигаютъ границы вѣчныхъ снѣговъ. Состоя въ большинствѣ случаевъ изъ рыхлыхъ породъ и подвергаясь постоянному дѣйствію обильныхъ въ этой странѣ атмосферпческихъ осадковъ, горы Японіи почти повсюду пріобрѣли округлыя и мягкія очертанія и обыкновенно не нарушаютъ гармоніи изящнаго японскаго ландшафта ни мрачными ущельями, ни угловатыми скалами.

Но если многочисленные, веселые ручьи и ручейки, живописные водопады и бурныя горныя рѣчки упорно стачиваютъ горныя вершины, то зато сила вулканическихъ явленій заставляетъ думать, что горообразовательные процессы нескоро еще прекратятся на этихъ благодатныхъ островахъ. Японія чрезвычайно богата вулканами.

Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ японскихъ вулкановъ является Фуджи-яма, гора высотой въ 12.365 фут., которая однако не давала изверженій въ теченіе почти уже 200 лѣтъ. Эта краса-

вица-гора вдохновляла и вдохновляетъ японскихъ художниковъ въ теченіе многихъ вѣковъ, и на безчисленномъ множествѣ картинъ и рисунковъ вы можете встрѣтить ея стройную голову, увѣнчанную большую часть года снѣгами. Эта гора находится въ окрестностяхъ столицы Токіо и привлекаетъ ежегодно до двадцати тысячъ паломниковъ, такъ какъ съ глубокой древности считается священной. Такіе потухшіе или временно бездѣйствующіе вулканы считаются въ Японіи сотнями; многіе изъ нихъ изобилуютъ въ своихъ окрестностяхъ теплыми ключами, сѣрными источниками, гейзерами и минеральными водами. Но въ Японіи есть вулканы, которые дѣйствуютъ и до настоящаго времени; число ихъ достигаетъ до 20.

Однако, вулканическія явленія не исчерпываются только дѣйствующими и потухшими вулканами. Во многихъ частяхъ Японіи замѣчается поднятіе береговъ и отступаніе моря, въ чемъ легко убѣдиться на скалахъ, изъѣденныхъ морскими моллюсками и подымающихся нынѣ выше уровня водъ, или на глубокихъ заливахъ, доступныхъ еще въ недавнее время большимъ океанскимъ кораблямъ, а нынѣ обмелѣвшихъ, хотя въ нихъ и не впадаетъ рѣкъ, которыя могли бы ихъ забросать пескомъ и иломъ.

Та же живость вулканическихъ явленій опредѣляетъ многочисленныя землетрясенія въ странѣ. Японія — классическая страна землетрясеній: въ среднемъ ихъ здѣсь приходится на годъ 1.365 (за послѣднія 13 лѣтъ). Громадное большинство этихъ землетрясеній, конечно, совершенно незначительны и едва ощутимы, но зато время отъ времени они приносятъ съ собой населенію страшныя бѣдствія. Вотъ почему Японія такъ страстно изучаетъ свои землетрясенія, и въ настоящее время покрыта густой сѣтью „сейсмологическихъ“ станцій (числомъ до 1.600), отъ вниманія которыхъ не ускользаетъ ни одного, даже малѣйшаго колебанія земной коры благодатнаго японскаго архипелага.

Горы Японіи сыграли огромную роль въ исторіи японскаго народа и продолжаютъ играть такую же роль и въ настоящее время. Горные хребты разрѣзываютъ площадь японскихъ острововъ на нѣсколько областей, рѣзко отграниченныхъ другъ отъ друга. Въ этихъ-то обособленныхъ областяхъ и устраивались крѣпко, болѣе или менѣе, значительныя феодальныя княжества. Горные хребты охраняли независимость этихъ княжествъ и сберегали феодальный строй страны до самыхъ послѣднихъ дней... Но теперь значеніе горъ въ этомъ отношеніи значительно ослаблено: ихъ грудь въ различныхъ направленіяхъ пробита тунелями, и поѣзда проносятся изъ одного края въ

другой такъ, какъ будто бы онъ вовсе не былъ изрѣзанъ этими каменными громадами.

Нельзя также не замѣтить, что обиліе горъ до крайности уменьшаетъ площадь, годную для пашни и огородовъ. Вотъ почему въ Японіи до сихъ поръ такъ много земли подъ лѣсами (на югѣ 41 проц. всей площади, а на сѣверѣ мѣстами больше 75 проц.). Но зато небольшія равнины, залегающія между горами, отличаются обыкновенно большимъ плодородіемъ, такъ какъ постоянно подновляются благодатными наносами ручьевъ и потоковъ, размывающихъ горныя твердыни.

Тотъ же горный ландшафтъ опредѣляетъ и распредѣленіе прѣсной воды на территоріи японскаго архипелага. Японія почти лишена судоходныхъ рѣкъ и рѣчекъ, хотя изобилуетъ текучей водой, которою населеніе въ широкихъ размѣрахъ пользуется для орошенія своихъ полей. Точно также мало въ Японіи сколько нибудь значительныхъ озеръ.

Но вліяніе моря и горъ на жизнь японскаго народа далеко еще не ограничивается только что сказаннымъ. Море и горы опредѣляютъ и климатъ Японіи.

Море несетъ къ берегамъ Японіи нагрѣтыя воды тропическихъ странъ. Это теченіе,—Куро-Сиво,—ударяясь въ южную часть японскаго архипелага, обтекаетъ его острова съ обѣихъ сторонъ на значительномъ разстояніи. Его теплыя воды дѣлаютъ климатъ Японіи *и теплѣе, и мягче, чѣмъ климатъ тѣхъ странъ, которыя лежатъ* на одной параллели съ соотвѣтствующими мѣстами „Страны Восходящаго Солнца“.

Но если своимъ тепломъ Японія обязана въ значительной степени теплому морскому теченію, то обиліе выпадающей влаги опредѣляется въ столь же значительной степени ея горами, охлаждающими морскіе вѣтры и выжимающими изъ ихъ влажной атмосферы обильные дожди и росы.

Атмосферные осадки въ Японіи очень велики, такъ какъ страна эта лежитъ на пути муссоновъ восточнаго берега Азіи. Когда лѣтомъ накалится огромный материкъ этой части свѣта, то устанавливается правильный притокъ воздуха съ океана, и этотъ, насыщенный водяными парами, вѣтеръ проносится прежде всего надъ японскимъ архипелагомъ и обезпечиваетъ ему влажное и жаркое лѣто. Зимою, наоборотъ, потоки воздуха устремляются съ материка на океанъ. Этотъ континентальный вѣтеръ несетъ съ собой всѣ суровыя условія сибирской зимы. Но на пути къ Япо-

нін ему приходится проноситься надъ теплымъ теченіемъ Куро-Сиво, и холодныя дыханія его становятся мягче: зима разряжается не столько морозами, сколько обильными снѣгами.

Однако, надо помнить, что теплыя теченія обслуживаютъ далеко не всѣ берега японскаго архипелага И тамъ. гдѣ теплыя воды Куро-Сиво не нагрѣваютъ вылетающихъ изъ сибирскихъ нѣдръ потоковъ суроваго вѣтра, — тамъ зима отличается большою суровостью. Вотъ почему, говоря словами проф. Краснова, „нигдѣ въ мірѣ царство риса, пальмъ и обезьянъ не отдѣлено такимъ незначительнымъ разстояніемъ отъ области тундръ, лиственицъ и сѣверныхъ оленей“...

II.

Растительный міръ Японіи, дѣйствительно, отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ уже по одному тому, что владѣнія микадо вытянулись длинной лентой почти параллельно меридіану, упираясь однимъ концомъ въ полярныя страны, а другимъ— опускаясь въ тропическую область. На островахъ японскаго архипелага, употребляя выраженіе И. А. Гончарова, „господствуютъ зной и морозы, растутъ пальма и сосна, персикъ и клюква“...

Южная половина японскаго архипелага является страной тропическихъ лѣсовъ. Но всѣ эти тропическія растенія теряютъ здѣсь свои огромные и неуклюжіе размѣры, а пріобрѣтаютъ легкость очертаній изящныхъ формъ. Японскіе лѣса, состоящіе изъ множества разнообразныхъ породъ деревъ и кустарниковъ и сохраняющіе на югѣ страны свою зелень почти въ теченіе всего года, цвѣтутъ почти круглый годъ тѣми или другими цвѣтами. Эти тропическіе лѣса пріобрѣтаютъ еще особый видъ, благодаря обилію хвойныхъ деревьевъ, которыя перемѣшиваются здѣсь съ представителями далекаго юга. Конечно, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ опредѣленнѣе выступаетъ темная зелень хвойныхъ, а веселые оттѣнки южной растительности все больше и больше пропадаютъ изъ красивыхъ ландшафтовъ „Страны Восходящаго Солнца“.

Японскій лѣсъ поражаетъ своимъ разнообразіемъ и оригинальностью не только потому, что здѣсь такъ близко сходятся представители сѣвернаго и южнаго растительнаго царства, но и потому, что Японія — одна изъ немногихъ мѣстностей сѣвернаго полушарія, которыя совсѣмъ не знали ледниковаго періода. Здѣсь,

благодаря этому, сохранились и такія растенія, которыя почти безслѣдно исчезли изъ флоры Европы и Азіи. И, въ самомъ дѣлѣ, Японія насчитываетъ вдвое больше однихъ древесныхъ видовъ, чѣмъ вся Европа (въ первой ихъ—168, во второй—85).

По составу населяющихъ Японію растеній ее можно раздѣлить на пять поясовъ.

Самый южный изъ этихъ поясовъ, охватывающій острова Ліу-Кіу и южную оконечность Кіу-Сіу, заполненъ чисто тропической флорой: здѣсь мы находимъ вѣчно-зеленые лѣса, смоковницу, многолѣтній сахарный тростникъ.

Второй поясъ, — поясъ сосны и субтропическихъ культуръ,— охватываетъ большую часть собственной Японіи. Южная половина этого пояса характеризуется вѣчно-зелеными дубами чрезвычайно разнообразныхъ породъ. Въ сѣверной половинѣ даннаго пояса дубовыя дубравы уже теряютъ свою листву на зиму и къ ихъ насажденіямъ прибавляется много хвойныхъ породъ, изъ которыхъ иныя представляютъ огромную цѣнность. Кромѣ различныхъ видовъ часто очень красивыхъ сосенъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь среди хвойныхъ криптомерія, которая заходитъ сравнительно далеко на сѣверъ, такъ какъ мало боится морозовъ. Почти около каждаго храма вы найдете аллеи и рощицы этихъ исполинскихъ деревъ. Они разводятся очень легко искусственными разсадками и быстро достигаютъ большихъ размѣровъ. Они даютъ прекрасный строительный матеріалъ. Дальше идутъ туи и кипарисы, представляющіе также весьма цѣнный древесный матеріалъ. Затѣмъ цѣлый рядъ прекрасныхъ породъ съ опадающей листвой, среди которыхъ нельзя не назвать японскую вишню, цвѣтущую ранней весной милліонами чудныхъ пахучихъ цвѣтовъ, и японскаго клена, богатаго своими яркими осенними красками. И кленовыя рощи, и вишневыя заросли являются любимыми мѣстами прогулокъ японскаго народа,—первыя осенью, вторыя весной. Нельзя не упомянуть также о ліанахъ этого пояса, которыя вскидываютъ свои красивые цвѣты высоко на сучья и верхушки древесныхъ великановъ. Подлѣсокъ вездѣ состоитъ изъ массы цвѣтущихъ кустарниковъ, въ родѣ камелій, азалій, рододендроновъ, — но зато лѣсная почва бываетъ обыкновенно лишена травяного покрова, такъ какъ густая крона лѣсныхъ великановъ перехватываетъ почти всѣ солнечные лучи.

Третій растительный поясъ Японіи характеризуется, главнымъ образомъ, кленами и буками. Здѣсь снѣжный покровъ остается уже на значительное время, а не является только на нѣсколько дней,

какъ въ поясѣ субтроническихъ культуръ. Только весна здѣсь освобождаетъ землю отъ снѣжныхъ объятій зимы. Лѣса этой полосы сильно напоминаютъ лиственные лѣса нашего западнаго Закавказья: буки, вязы, ясени, березы, тополи, липы, груши составляютъ главную массу ихъ обитателей. Суровый климатъ заставляетъ здѣсь уже исчезнуть чайный кустъ и камелію, замѣняетъ апельсиновыя деревья яблонями, бананы — картофелемъ, выдвигаетъ на поля пшеницу, просо, ячмень, маисъ. гречиху, сою; но табакъ, конопля, японское индиго и шелковица упорно еще отстаиваютъ свои права. Лаковое дерево, сладкій каштанъ, каки (одно изъ любимѣйшихъ японскихъ плодовыхъ деревьевъ) и рисъ сохраняютъ свое существованіе только въ южной половинѣ этого пояса. Лѣса въ противоположность лѣсамъ второго пояса, покрыты густымъ и высокимъ ковромъ бамбуковъ, гречихъ, различныхъ травянистыхъ многолѣтниковъ, сквозь чащу которыхъ иногда совершенно невозможно продраться. Деревья часто обвиты ліанами, которыя, однако, принадлежатъ къ породамъ съ опадающей листвой.

Остальные два растительныхъ пояса относятся къ высокимъ нагорнымъ областямъ, гдѣ встрѣчаются иногда представители даже полярной области.

Мы уже говорили, что богатая и разнообразная растительность Японіи характеризуется или лѣсными породами, или культурными растеніями, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь въ главѣ о земледѣліи и о которыхъ мы скажемъ только, что они являются на почвѣ Японіи въ обилии необычайномъ: однихъ растеній, годныхъ въ пищу въ предѣлахъ имперіи микадо, воздѣлывается болѣе 430 видовъ, а число вообще полезныхъ растеній доходитъ до 1.500. Но лѣсами и воздѣланными полями, повторяемъ, и исчерпывается главное содержаніе растительнаго міра Японіи. Луговъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать хара, горныхъ луговъ, раскидывающихся обыкновенно на очень значительной высотѣ. Эти горные луга въ хозяйственномъ отношеніи представляютъ цѣнность небольшую.

Въ тѣсной связи съ богатой растительностью мы находимъ въ Японіи чрезвычайно разнообразный и пестрый міръ насѣкомыхъ, который выдѣляется своей яркостью и пестротой, а также обиліемъ формъ. О разнообразіи насѣкомыхъ до нѣкоторой степени можетъ дать представленіе слѣдующее замѣчаніе проф. Краснова: „въ то время, какъ въ Великобританіи 60 видовъ дневныхъ бабочекъ, — здѣсь ихъ 137, а на 200 ночныхъ тамъ,—здѣсь ихъ приходится болѣе 4.000“... Такъ же богатъ и міръ перепатыхъ, особенно водя-

ныхъ птицъ; но пѣвчихъ, наоборотъ - очень мало, и лѣса кажутся, благодаря этому, безмолвствующими и тихими.

На японскихъ островахъ онять-таки сошлись двѣ фауны: сѣверная и южная. Одни животныя переселялись сюда черезъ Камчатку, другія — черезъ Корею, съ которыми, повидимому, части японскаго архипелага находились когда-то въ прямомъ соприкосновеніи. Обѣ фауны, — сѣверная и южная, — довольно рѣзко раздѣляются глубокимъ Сангарскимъ проливомъ, залегшимъ между островами Хондо и Іезо. Такимъ образомъ японская фауна представляетъ изъ себя въ значительной степени копію съ фауны сосѣднихъ областей азіатскаго материка.

Изъ представителей сѣверныхъ животныхъ и сѣверной половины „Страны Восходящаго Солнца“ мы находимъ бураго медвѣдя, горностая, ласку и соболя; къ представителямъ же южныхъ животныхъ въ южной половинѣ архипелага можно отнести чернаго японскаго медвѣдя, кабана, соню, японскую горную антилопу, японскую обезьяну (Macacus fuscatus). Нѣкоторыя изъ животныхъ, переселившихся съ сѣвера, не остановились передъ Сангарскимъ проливомъ и распредѣлились по всѣмъ островамъ Японіи. Изъ такихъ можно назвать волка, лисицу, енотовидную собаку, барсука, выдру, черноногую куницу, оленя, бѣлку, зайца. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы всѣ эти животныя водились на островахъ японскаго архипелага уже въ очень значительномъ количествѣ, а потому охотничій промыселъ съ глубокой древности не могъ поддерживать человѣка и ему пришлось здѣсь очень рано обратиться къ земледѣлію.

Неизмѣримо большее значеніе имѣетъ море и вообще животныя, обитающія въ водѣ. Объ огромномъ количествѣ водяной птицы мы уже говорили. Земноводныхъ, замѣтимъ кстати, здѣсь немного, и изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія развѣ исполинская саламандра Японіи, длиною больше, чѣмъ въ 2 аршина и являющаяся пережиткомъ далекихъ геологическихъ періодовъ. Но рыбами Японія богата необычайно. Въ водахъ, омывающихъ японскій архипелагъ, насчитывается до 800 различныхъ видовъ. Изъ нихъ много цѣнныхъ породъ: макрели, тунцы, сельди, сардинки, морскіе окуни, кераль и, наконецъ, на сѣверѣ лососевыя, которыя входятъ въ устья рѣкъ огромными стадами. У японца круглый годъ одинъ рыбный сезонъ смѣняется другимъ. Но японцы употребляютъ въ пищу не только всѣ сорта рыбъ (кромѣ завѣдомо ядовитыхъ), но и другіе дары моря: почти всѣхъ моллюсковъ, головоногихъ, иглокожихъ, медузъ и самыя разнообразныя морскія водоросли. Вотъ почему рыболовство въ

Японіи достигло такихъ размѣровъ, какъ едва ли еще гдѣ на земномъ шарѣ; количество орудій и способовъ лова рыбы здѣсь прямотаки неисчислимо.

Въ заключеніе этой необходимой замѣтки о фаунѣ японскаго архипелага укажемъ только на крайній недостатокъ въ Японіи всякаго рода домашнихъ животныхъ, къ чему намъ еще придется вернуться въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

НАСЕЛЕНІЕ ЯПОНІИ.

I.

Среди этой щедрой и прекрасной природы нетрудно было японцу вести борьбу за существованіе. У него всегда оставалось достаточно досуга, чтобы отдаться всей душой красотамъ окружающей природы, и глубокое пониманіе всего изящнаго широко разлито среди этого народа. Японскій народъ—эстетъ по преимуществу.

И не надо думать, чтобы этимъ развитымъ эстетическимъ чувствомъ обладали только достаточные и привилегированные классы,—отнюдь нѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только выйти на любой изъ многочисленныхъ цвѣточныхъ праздниковъ. Вы увидите, что толпа здѣсь состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: тутъ и богатые, и бѣдные, и родовитые, и незнатные, и ученые, и необразованные, и дѣти, и взрослые.

Соприкасаясь съ японскимъ народомъ, нельзя не замѣтить, что цвѣты — національная страсть японцевъ. Нигдѣ больше цвѣты не пользуются такою любовью и такимъ уходомъ, какъ въ Японіи. Дома здѣсь положительно усыпаны цвѣтами; но это—не наши аляповатые букеты, въ которыхъ цвѣтокъ теряетъ свою индивидуальность; японецъ восхищается не только окраской или формой цвѣтка; онъ съ восторгомъ слѣдитъ за красивыми изгибами стеблей и вѣтокъ, за оригинальной посадкой листьевъ. Японецъ старается такъ помѣстить цвѣтокъ, чтобы вся природная красота даннаго растенія выступала рельефно и рѣзко бросалась въ глаза зрителю. И въ этомъ искусствѣ одинаково соперничаютъ и богатыя залы императорскихъ дворцовъ со своими роскошными цвѣточными вазами, и бѣдныя хижины простолюдиновъ со своими грошевыми бамбуковыми сосудами.

Японцы—несравненные цвѣтоводы. Въ этомъ легко убѣдиться на любой цвѣточной выставкѣ. Посмотрите, напр., какихъ, поистинѣ, чудесъ добились они со своимъ національнымъ цвѣткомъ хризанте-

мой, надъ культурой которой сотни лѣтъ трудятся многія сотни искусныхъ садовниковъ. Нечего и говорить, что цвѣтъ, форма, размѣры все это подверглось воздѣйствію со стороны человѣка, а разнообразіе въ этомъ отношеніи, можно сказать, безграничное. Достаточно будетъ отмѣтить, что въ замѣчательныхъ садахъ въ Васедѣ имѣется до 850 ея разновидностей. Но этого мало: японскіе садовники добились того, что одинъ и тотъ же кустъ даетъ сразу до нѣсколькихъ десятковъ различныхъ хризантемъ. Японцы такъ искусно умѣютъ засѣвать различные цвѣты, что получаются пестрые, сложные ковры, которые съ удивительной отчетливостью и художественностью изображаютъ то бытовыя сцены, то какой нибудь пейзажъ, то бой японскихъ гладіаторовъ... О томъ же удивительно тонкомъ пониманіи природы, о томъ же чувствѣ красоты говорятъ и миніатюрные садики, встрѣчающіеся почти при каждомъ японскомъ домикѣ. Здѣсь, на крошечной площади часто въ нѣсколько саженъ, вы найдете и извилисто бѣгущій ручеекъ, и водопадикъ, и озерцо. И все это окружено крошечными деревцами, сохранившими всѣ свойства и признаки большого растенія и потерявшими только свои размѣры. И все это представляетъ собою копію истинныхъ красотъ природы, все это показываетъ глубокое и вдумчивое отношеніе къ окружающей жизни.

Но не только живые цвѣты служатъ источникомъ наслажденія для японскаго населенія, но и въ живописи, въ скульптурѣ, въ ремесленныхъ издѣліяхъ изъ бронзы и фарфора, въ вышивкахъ на тканяхъ, имѣющихъ самое разнообразное назначеніе, главнѣйшимъ сюжетомъ все же являются цвѣты. Мало того, въ гербахъ японской аристократіи мы опять-таки находимъ тѣ или другіе цвѣты, а женщины сплошь и рядомъ носятъ имена тѣхъ цвѣтовъ, которые красовались въ природѣ въ день ихъ рожденія. Эта народная страсть къ цвѣтамъ охватываетъ и прессу. Загляните въ любую газету ранней весной, когда, „при согрѣвающихъ лучахъ солнца, распускаются бутоны вишневаго цвѣта и вся страна окутана розовато-краснымъ цвѣтомъ, точно съ неба спустились маленькія облака, чтобы пробыть нѣсколько недѣль среди деревьевъ въ садахъ“, и вы увидите, что и въ объявленіяхъ, и въ телеграммахъ, и въ городской хроникѣ вездѣ рѣчь идетъ о событіи дня—о расцвѣтѣ вишневаго дерева.

Эта любовь къ природѣ, это проникновенное пониманіе ея красотъ сдѣлало японскій народъ народомъ-артистомъ въ такой степени, что это явленіе приводитъ европейца прямо въ изумленіе. Артистически исполненныя вещицы тамъ можно встрѣтить вездѣ,— въ

домашнемъ обиходѣ каждаго, а не только въ дорогихъ магазинахъ за недоступную даже для человѣка средняго достатка цѣну.

На-ряду съ чисто-артистическими порывами въ душѣ у японца развилось самое брезгливое чувство ко всему нечистоплотному и грязному. Это опять-таки изумительный по своей опрятности народъ. И эта опрятность сказывается у него во всемъ: и въ платьѣ, и въ одеждѣ, и въ домашней обстановкѣ, и въ окружающихъ садикахъ и огородахъ.

„Весь полъ моей новой квартиры“, — разсказываетъ нашъ путешественникъ г. Шрейдеръ, поселившійся въ семьѣ ремесленника, — „аккуратно выстланъ мягкими циновками изъ ивовыхъ прутьевъ или рисовой соломы, толщиною въ полъ-пальца; эти циновки упругія, лоснятся и поразительно чисты: ихъ не тоичетъ здѣсь никогда даже самая мягкая обувь. Всѣ мы ходимъ въ чулкахъ и скользимъ по блестящему полу, какъ по паркету... Убранствомъ комнаты служатъ лишь безчисленныя, красивыя ширмы, оригинальныя картины безъ тѣней, представляющія изображенія, инкрустированныя слоновой костью, черепахой и перламутромъ на гладкомъ, блестящемъ черномъ фонѣ лакированной дощечки, цвѣтные фонарики, украшающіе стѣны, драпирующіе входъ и спускающіеся съ потолка, изящныя этажерки изъ лакированнаго дерева, ажурные столики“... Таково жилище японца даже скромнаго достатка.

Величайшую чистоту соблюдаютъ японцы и по отношенію къ своему тѣлу. Ежедневно ванну принимаетъ почти все населеніе. Японская ванна представляетъ изъ себя огромное овальное ведро съ поднимающеюся по срединѣ его печной трубой, — выходящей наружу сквозь крышу или черезъ стѣну. Вода нагрѣвается при помощи углей, помѣщенныхъ въ трубу. Когда вода достигнетъ чуть ли не температуры кипятка (до 80° по R.), всѣ домочадцы другъ за другомъ садятся въ эту ванну и остаются тамъ пятьдесять минутъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока буквально не выварятся въ этой горячей водѣ. Эта страсть къ купанью въ горячей водѣ, повторяемъ, распространена среди всего народа. Тѣ, кто не имѣетъ возможности удовлетворить этой потребности у себя дома, часто посѣщаютъ общественныя бани, которыя въ огромномъ количествѣ разсѣяны по всей странѣ. Въ одномъ Токіо ихъ насчитывается не менѣе 11.000.

Однако, нельзя не замѣтить, что привычка купаться въ одной и той же ваннѣ многимъ лицамъ подъ-рядъ безъ перемѣны воды

идетъ противъ требованій гигіены, и за это японцамъ приходится нерѣдко расплачиваться накожными сыпями.

Это развитіе эстетическаго чувства, эта щепетильная опрятность и аккуратность развили въ характерѣ японскаго народа особенную учтивость и вѣжливость въ повседневныхъ обращеніяхъ другъ съ другомъ. Этикетъ — это цѣлая наука, съ которой ребенку приходится знакомиться съ ранняго возраста и которая въ такой же степени извѣстна бѣднымъ классамъ населенія, какъ и богатымъ. Во всѣхъ движеніяхъ, которыми сопровождается всякая встрѣча, прощанье, всякая бесѣда устранено все грубое и угловатое.

Этикетъ этотъ свято соблюдается широкими народными массами... Намъ, европейцамъ, это кажется смѣшнымъ и уродливымъ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, можете ли вы представить себѣ безъ улыбки нашего рабочаго въ блузѣ или ремесленника въ полушубкѣ и валенкахъ, исполняющихъ всѣ эти присѣданія, поклоны и источающихъ всѣ эти безмѣрныя любезности. „Но тотъ“, — замѣчаетъ одинъ изъ вдумчивыхъ наблюдателей японской жизни, — „кто видитъ это въ Японіи, тотъ забываетъ о смѣшномъ, подъ впечатлѣніемъ прекраснаго. Начиная съ дѣтства, здѣсь очень много придаютъ значенія этикету и приличіямъ, а въ школахъ, въ особенности для дѣвочекъ, введены для этого даже особые предметы преподаванія“...

И отнюдь не слѣдуетъ думать, что всѣ эти тонкости обращенія, весь этотъ сложный и чопорный этикетъ жизни касался бы только внѣшней стороны общежитія, а не задѣвалъ, не заполнялъ всей народной души. Нѣтъ,— говоря словами Мунцингера,— здѣсь „эта ни съ чѣмъ несравнимая благовоспитанность, эта благодѣтельная гармонія пронизываетъ весь народъ“. И въ этомъ легко убѣждается всякій, кому приходилось бывать въ японской толпѣ. Это безусловно самая благовоспитанная, самая вѣжливая толпа въ мірѣ. Съ полнымъ спокойствіемъ вы можете довѣрить ей и ребенка, и женщину. Никто васъ не толкнетъ, ни отъ кого вы не услышите ругательнаго слова, нигдѣ не увидите вы пьянаго. Японецъ всегда старается быть вѣжливымъ, спокойнымъ и безпристрастнымъ. Онъ избѣгаетъ показывать публично свой гнѣвъ или свое горе. Одинъ французскій путешественникъ былъ пораженъ проводами, которые устраивало населеніе своимъ полкамъ, отправлявшимся на поля Манджуріи. Всѣ эти солдаты шли съ тѣмъ, чтобы погибнуть отъ русскихъ пуль и штыковъ. Родные смотрѣли на нихъ, какъ на обреченныхъ на вѣрную смерть, и тѣмъ не менѣе, въ толпѣ дѣтей и женъ, окружаю-

щей войска, не слышно было ни воплей, ни плача, ни вздоховъ. Выносить свое горе на широкую публику японскій народъ считаетъ не эстетичнымъ, а потому и не дозволеннымъ.

Напротивъ, японецъ вѣритъ, что люди должны собираться для того, чтобы приносить другъ другу наслажденіе жизнью, а не взаимныя огорченія и обиды. Вотъ почему японская толпа носитъ всегда отпечатокъ веселья и радости. „Здѣсь все смѣется“, — говоритъ графъ Кенигсмаркъ, посвятившій Японіи свои наблюденія туриста; — „однако, здѣсь смѣются иначе и по другимъ основаніямъ, чѣмъ у насъ. На далекомъ Востокѣ смѣхъ не столько выраженіе радости, сколько результатъ издавна привитого этикета, старательно культивированнаго самообладанія. За смѣхомъ японца никогда не скрывается издѣвательства, вызова или лести, и еще менѣе можно его смѣшивать съ маской угодливой подчиненности. При поверхностномъ сужденіи, мы можемъ опредѣлить этотъ смѣхъ, какъ нѣмую рѣчь нашего рукопожатія. Этого послѣдняго японецъ не знаетъ, однако же, какъ мы протягиваемъ руку при всякомъ случаѣ, такъ японецъ при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлаетъ веселое лицо“.

Вотъ почему японская толпа вызываетъ такой восторгъ у всякаго, кто знакомъ съ ней. Вотъ почему конфликты, которые у насъ разрѣшаются часто при помощи кулака и обязательно путемъ брани, здѣсь протекаютъ мирно и красиво. Какъ часто, напр., въ толпѣ одинъ кули набѣжитъ со своей двухколесной телѣжкой на телѣжку другого. И вотъ вмѣсто рукоприкладства и номинанія родителей вы видите, какъ оба эти полуодѣтые трудяги, измученные дневной работой, отвѣшиваютъ другъ другу салонные поклоны и вѣжливо извиняются одинъ передъ другимъ.

Да, такое самообладаніе, такое уваженіе къ личности другого могло возникнуть лишь въ томъ народѣ, который никогда не носилъ въ массѣ цѣпи крѣпостного рабства и въ душѣ котораго чудная и щедрая природа сумѣла вырастить тончайшее чувство всего изящнаго.

Этой же необычайной мягкостью японскаго характера опредѣляется то нѣжное, любовное отношеніе къ дѣтямъ, которое приходится наблюдать въ массѣ японскаго народа. Дѣти здѣсь буквально завладѣваютъ всѣми улицами и всѣми общественными мѣстами. Веселыми, пестрыми и довѣрчивыми стаями носятся они среди тысячной толпы собравшейся на какое нибудь празднество. Подросшіе ребята толкутся около своихъ матерей и отцовъ, малыши устроились на спинахъ у своихъ старшихъ сестеръ и братьевъ, которые обра-

щаются съ ними съ величайшимъ вниманіемъ и предупредительностью.

Та же печать любви къ ребенку и его интересамъ лежатъ и на японскихъ игрушкахъ. Они такъ хороши и разнообразны, что „Страну Восходящаго Солнца“, можно было бы съ полнымъ правомъ назвать „страною куколъ“. Въ каждомъ городѣ вы найдете нѣсколькихъ разносчиковъ игрушекъ. Онъ предложитъ вамъ разноцвѣтные резиновые пузыри, японскіе змѣи, бамбуковыя музыкальныя трубки, игрушки съ фокусами, картинки, фигурки вродѣ маріонетокъ и разнообразный выборъ масокъ и куколъ. Все это изготовлено изящно, красиво, прочно и дешево. Кромѣ того, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ вы найдете одну или нѣсколько кукольныхъ лавокъ.

Но этотъ всеобщій интересъ, всеобщее вниманіе къ жизни ребенка и его радостямъ ведетъ ребенка еще дальше. Японія выдвигаетъ нѣсколько праздничныхъ дней въ году, когда центромъ общественнаго вниманія становится ребенокъ съ его личными хлопотами и удовольствіями. Таковы, напримѣръ, „праздникъ куколъ“ и „праздникъ змѣй“.

Такъ и ростетъ молодое поколѣніе японскаго народа, окруженное ласкающей красавицей-природой и ласковымъ и внимательнымъ уходомъ общества. Мудрено ли, что онъ съ дѣтства глубоко и страстно привязывается къ вскармливавшей его землѣ, къ воспитавшему его народу? Слѣдуетъ ли удивляться, что японецъ становится горячимъ патріотомъ. — „Дай Ниппонъ“ — „великая Японія!“ — вотъ лозунгъ, который здѣсь заставляетъ усиленно биться каждое сердце. Патріотическое чувство заставляетъ безъ оглядки, безъ ропота жертвовать своими средствами, своими близкими, своею кровью... Это чувство объединяетъ здѣсь всѣхъ: отъ великаго и пышнаго микадо до скромнаго и бѣднаго кули. Весь идеализмъ, къ которому оказывается способнымъ японецъ, отливается у него въ формѣ горячей любви къ родинѣ. „Патріотизмъ есть вѣнецъ и основа всѣхъ публичныхъ добродѣтелей. Вся мораль строится здѣсь на японской идеѣ“, — утверждаетъ Мунцингеръ. Къ сожалѣнію, патріотизмъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, иногда, въ отдѣльныхъ случаяхъ низводится на степень шовинизма и національнаго фанатизма... А это тѣмъ легче, что въ теченіе ряда вѣковъ Японія прожила за крѣпко закрытыми дверьми, и въ сердцѣ народа, по свидѣтельству нашего соотечественника Сѣрошевскаго, невольно воспиталось и еще живетъ, не смотря на всѣ усилія японской интеллигенціи, легкое и почти инстинктивное чувство непріязни къ чужеземцу.

Патріотизмъ дѣлаетъ японца мужественнымъ, и въ этомъ отношеніи онъ получилъ выдержанное историческое воспитаніе. Когда-то,—въ сравнительно недавнее время,—вся мыслящая Японія жила подъ очарованіемъ рыцарской морали—„бушидо“ — и теперь, когда измѣнились условія, породившія и поддерживавшія японское рыцарство, требованія его морали остаются въ достаточной степени ощутимыми въ жизни. „Подобно тому“,—говоритъ японскій ученый Иназо Нитобэ,—„какъ далеко отъ насъ удаленныя звѣзды,—которыя нѣкогда были, а теперь уже ихъ нѣтъ,—шлютъ намъ все-таки до сихъ поръ лучи, такъ же точно свѣтитъ намъ до сихъ поръ сіяніе рыцарства, этого дитяти феодализма, озаряетъ путь нашего ученья о морали и переживаетъ то учрежденіе, которое было его матерью“...

Чего же требуетъ „бушидо“ отъ своего поклонника? Прежде всего и больше всего на первое мѣсто ученье это выдвигаетъ честь человѣка. Честолюбіе всецѣло и нераздѣльно должно владѣть человѣческой душой. Передъ нимъ должны падать всѣ корыстные расчеты. Каждый молодой японецъ мечтаетъ о славѣ всѣми силами своей души. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ очень много сходнаго съ французами. По утвержденію Мунцингера: „рыцарство, великодушіе, чувство чести, любовь къ оружію, склонность къ блеску—всѣ эти свойства, которыя еще Цезарь подмѣтилъ у древнихъ галловъ, подходятъ цѣликомъ къ современнымъ японцамъ, съ тою только разницей, что, въ отличіе отъ французовъ, японецъ всегда слѣдуетъ своей поговоркѣ: „вылетѣло слово изорта, его не притащатъ назадъ и четыре лошади“... Они обладаютъ гордостью и самосознаніемъ и никому не бросаются на шею... Подслуживанье и пресмыкающаяся угодливость имъ совершенно чужда, и только тотъ можетъ выдумать эти черты, кто совершенно не понимаетъ ихъ вѣжливости. Рабскія чувства, со всѣми сопровождающими ихъ некрасивыми чертами, имъ совершенно не свойственны. Они знаютъ, что они такое на самомъ дѣлѣ, и что они могутъ; они знаютъ это подчасъ слишкомъ хорошо, и потому впадаютъ легко въ суетность, самомнѣніе и тщеславіе“... Японецъ, далѣе, — по характеристикѣ того же знатока „Страны Восходящаго Солнца“, — не любитъ быть кому нибудь обязаннымъ, онъ упоренъ и не легко склоняется передъ несчастьемъ. Въ своей настойчивости и упорствѣ онъ становится равнодушнымъ ко всякимъ физическимъ страданіямъ. Въ этомъ направленіи японская мораль выработала такія формы, которыя оказываются совершенно чуждыми европейскому мозгу. „Мысль,—

говоритъ Мунцингеръ, — что позоръ можетъ быть смытъ только собственной кровью, что грѣхъ можетъ быть искупленъ только собственной жизнью, это для японскаго народа символъ вѣры, который привелъ къ созданію строгаго кодекса чести и къ тому, что хара-кири (вскрытіе живота) стало общепринятымъ обыкновеніемъ. У японцевъ это настолько разумѣется само собой, что ни одной женѣ не пришло бы на мысль остановить мужа, если бы, согласно господствующимъ возрѣніямъ или по воображенію, этотъ актъ оказался бы необходимымъ".

Таковы основныя черты души японскаго народа. И мы должны сознаться, что роскошная природа и полное незнакомство народа съ цѣпями крѣпостного рабства и иноземнаго владычества одарили этотъ народъ многими цѣнными качествами въ такой комбинаціи, которая мало еще гдѣ встрѣчается.

Но, конечно, чувство изящнаго въ природѣ, тонкая деликатность въ общеніи съ другими людьми, патріотизмъ и другія прекрасныя душевныя качества, о которыхъ мы только что говорили, еще не обезпечили бы того прогресса, который развернула передъ нами современная Японія при быстромъ своемъ переходѣ отъ феодальныхъ порядковъ къ правовому строю современныхъ конституціонныхъ государствъ, отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому производству. Для этого японцы должны были обладать и учеными, и индустріальными талантами. И, дѣйствительно, въ области декоративнаго искусства японскій народъ проявилъ такой геній, до высоты котораго онъ не поднимался ни у одного иного народа. Несомнѣнную талантливость проявилъ онъ и въ другихъ областяхъ практической дѣятельности. Въ области умозрительныхъ наукъ онъ, правда, оказался очень слабымъ, но въ области опытныхъ знаній онъ поражаетъ способностями.

II.

Таковы положительныя стороны японскаго характера. Конечно, въ истолкованіи ихъ далеко не всѣ приходятъ къ единодушному признанію ихъ по всѣмъ пунктамъ. Но въ общемъ тамъ, гдѣ вы не чувствуете предубѣжденнаго взгляда и явно шовинистическаго настроенія, вы встрѣтите всегда скорѣе самое благопріятное отношеніе къ массѣ японскаго народа. Конечно, всѣ эти черты разсѣяны въ населеніи неравномѣрно и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ вре-

менныхъ или постоянныхъ историческихъ обстоятельствъ онѣ то ярко выступаютъ въ одной группѣ соціальныхъ массъ Японіи, то блѣднѣютъ и обезцвѣчиваются — въ другой... Объ этихъ уклоненіяхъ намъ придется еще говорить не разъ; въ общемъ же набросанная выше характеристика японской народной души должна быть признана правильной уже въ силу того, что она построена на основаніи солидныхъ показаній дѣйствительныхъ знатоковъ и внимательныхъ наблюдателей японской жизни.

Однако, нельзя не указать здѣсь и явно отрицательныхъ сторонъ японскаго характера, хотя кое-что въ этомъ отношеніи уже сдѣлано было выше. Однимъ изъ главнѣйшихъ упрековъ, которые ставятся японцамъ, -это ихъ мелочность, чрезмѣрное увлеченіе матеріальной стороной жизни, малая способность къ высокимъ порывамъ духа, когда эти порывы не вдохновляются конкретнымъ и строго опредѣленнымъ содержаніемъ, какъ патріотизмъ. Эта особенность японскаго характера, думаютъ, опредѣляется той природной обстановкой и тѣми условіями труда, среди которыхъ въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ проходила жизнь японскаго земледѣльца. Съ давнихъ поръ онъ копался на своихъ крошечныхъ поляхъ; почти не зная зимы, онъ проводилъ въ работѣ чуть ли не круглый годъ и постоянно былъ заваленъ мелкими хозяйственными хлопотами. Затѣмъ къ природѣ онъ становился самъ лицомъ къ лицу, и всѣ тяжелыя работы выносились на своей спинѣ безъ помощи домашнихъ животныхъ, которыхъ онъ былъ почти совершенно лишенъ. Даже всѣ орудія производства отличались слишкомъ большой простотой и во всѣхъ операціяхъ требовали приложенія большой человѣческой силы. Наконецъ, дѣйствительно, для того, чтобы прокормиться съ этихъ ничтожныхъ клочковъ земли, японская семья должна была направить всѣ свои силы и помыслы на культуры, которыя могла вынести эта вѣками эксплуатируемая земля.

Но, не смотря на этотъ постоянный и напряженный трудъ, японецъ въ общемъ не умѣетъ дорожить своимъ временемъ. Онъ не въ состояніи отказать себѣ въ удовольствіи отправиться полюбоваться хризантемами или уйти на народное гулянье въ цвѣтущій вишневый лѣсъ, если бы для этого пришлось бросить работу въ самый критическій ея моментъ. Насколько справедливы обвиненія со стороны хозяевъ относительно ротозѣйства японскихъ рабочихъ, судить, конечно, трудно, ибо гдѣ же хозяева не жалуются на лѣность своихъ рабочихъ? Но нѣкоторая доля истины въ этой жалобѣ, по крайней мѣрѣ, по сравненію съ европейскимъ рабочимъ, имѣется

на-лицо. По крайней мѣрѣ, безпристрастные наблюдатели свидѣтельствуютъ, что японскіе рабочіе на фабрикахъ и заводахъ теряютъ много времени (правда, при огромномъ рабочемъ днѣ) на взаимныя привѣтствія. на сообщенія всякаго рода новостей и т. д. Несомнѣнно поэтому, что интенсивность труда японскаго рабочаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти въ сравненіе съ интенсивностью труда европейскаго рабочаго.

Очень крупнымъ недостаткомъ, по увѣренію многихъ авторовъ, въ японскомъ характерѣ является крайняя распущенность въ половомъ отношеніи. „Нечего таить—“,замѣчаетъ В. Л. Сѣрошевскій:— „холодная распущенность глубоко проникла въ обычаи японцевъ и разсматривается многими не какъ порокъ, но скорѣе какъ веселая шутка. Клубничные разговоры—любимая вещь во всѣхъ слояхъ общества. Неприличныя картинки, книжки, статуетки доступны всѣмъ. дешево и широко распространены, хотя нужно признать, что онѣ и въ сотой долѣ не заключаютъ въ себѣ того цинизма и утонченнаго разврата, какъ китайскія издѣлія того же рода. Тѣмъ не менѣе, онѣ оказываютъ свое разрушительное дѣйствіе на воображеніе народа. У каждой почти японки среднихъ и низшихъ сословій, особенно въ уголкахъ, не затронутыхъ европейскимъ вліяніемъ, можно найти въ ея маленькомъ, изящномъ портфельчикѣ, за поясомъ, неприличную картинку „шюнга“, носимую въ защиту отъ „дурного глаза“. Недавно еще существовалъ обычай, что матери, тетушки, бабушки, вообще—пожилыя родственницы, вкладывали потихоньку подрастающимъ дѣвушкамъ въ коробки съ новогодними подарками такія „шюнга“, чтобы побудить ихъ поскорѣе выйти замужъ и поучить ожидающей ихъ участи. Такія картинки вкладывала жена мужу, уѣзжающему въ дальній путь или на войну,— это затѣмъ, чтобы онъ тосковалъ — и т. д. То, что у насъ уже скрывается по позорнымъ закоулкамъ, въ Японіи существуетъ еще часто въ видѣ полупризнаннаго обычая и вызываетъ не стыдъ или отвращеніе, а смѣхъ... И эта особенность японскаго характера даетъ себя чувствовать и въ общественной, а не только семейной жизни страны“.

По увѣренію проф. Вейлерса, любимымъ мѣстомъ для прогулокъ въ Токіо у дамъ и дѣвицъ является Іошивари, часть города. въ которой собраны, главнымъ образомъ, всѣ веселые дома. Чтобы дать хотя бы какое-нибудь численное представленіе о размѣрахъ этого „веселаго грѣха“, скажемъ, что въ одномъ Токіо насчитывается около 10.000, такъ называемыхъ незакон-

ныхъ, женъ, около 30.000 гейшъ, 50.000 зарегистрированныхъ и 80.000 незарегистрированныхъ проститутокъ... Какъ видимъ, цифры, поражающія своей величиной.

Чѣмъ же объясняется эта особенность характера японскаго народа, такого симпатичнаго, такого воздержаннаго и такого способнаго во многихъ другихъ отношеніяхъ? Намъ кажется, что въ томъ истолкованіи, которое далъ этому явленію г. Южаковъ,—много правды. Было время, когда семьи въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, не существовало. Все племя составляло одну семью. „Всѣ женщины были женами всѣхъ мужчинъ, всѣ мужчины были мужьями всѣхъ женщинъ, всѣ дѣти были сыновьями и дочерьми всего племени". То было время коммунальнаго брака или гетеризма. Въ этомъ смѣшеніи половъ, въ этой свободѣ, съ которой женщины мѣняли тогда свои связи, конечно, никто не видѣлъ ничего предосудительнаго. Изъ гетеризма выросли различные виды современнаго брака: одноженство, многоженство, многомужіе... Но смѣна однихъ формъ отношеній между мужчиной и женщиной другими происходила въ различныхъ уголкахъ земного шара, само собою разумѣется, съ различной быстротой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ періодъ гетеризма затянулся надолго. Одною изъ такихъ странъ, по мнѣнію г. Южакова, была Японія. Слѣды гетеризма, образа мыслей, связаннаго съ этой формой общежитія, чувствуются въ Японіи и до сихъ поръ. „Японскія чайныя въ Токіо", замѣчаетъ нашъ писатель,—„типическое завѣщаніе временъ гетеризма. Повидимому, это была въ то время безкорыстная проституція". Приходъ европейцевъ внесъ въ эту жизнь совершенно новыя теченія;—и то были потоки грязи. Гетеризмъ въ богатой Японіи, среди народа, отличающагося большою умѣренностью и умѣющаго удовлетворять свои потребности самымъ скромнымъ образомъ, исключалъ всякую необходимость разврата. „Сомнительно, чтобы въ Японіи, до появленія европейцевъ, были развратъ и проституція въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ".—пишетъ г. Южаковъ,—„патріархальные нравы, достатки населенія, сравнительно хорошее положеніе женщины, сама свобода половыхъ отношеній является предохранителями отъ разврата и проституціи. Не было причинъ для нхъ возникновенія. Не было горькой нужды, бросающей европейскихъ дѣвушекъ на улицу. Не было безсемейныхъ, одинокихъ мужчинъ, питающихъ проституцію. Не было ни предложенія, ни спроса"... Съ появленіемъ европейцевъ дѣло въ этомъ отношеніи рѣзко измѣнилось. Они пріѣзжали сюда часто изъ странъ, гдѣ развратъ достигъ въ то время

своего апогея. Они несли съ собою свои распутные нравы и капитализмъ, быстро пролетаризировавшій массы японскаго народа, — и проституція широкой и мутной волной прокатилась по странѣ, загрязняя тѣ свободныя отношенія между мужчиной и женщиной, которыя при наличности гетеризма не были ни грязными, ни развратными... Теперь гетеризмъ, выродившійся въ развратъ, грозитъ странѣ страшнымъ ущербомъ и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніи. Лучшіе люди Японіи видятъ это; они сознаютъ необходимость организовать упорную и планомѣрную борьбу съ этимъ зломъ, и нѣтъ основаній думать, что они обречены въ этомъ отношеніи на полный неуспѣхъ. „Надо полагать“,—замѣчаетъ В. Л. Сѣрошевскій, —„что этотъ нравственный ракъ скоро исчезнетъ, такъ какъ японцы умѣютъ достигать намѣченныхъ цѣлей и страстно желаютъ возрожденія и свѣтлой будущности для своей родины“... А пока половая распущенность является темнымъ пятномъ въ жизни этого благороднаго и интереснаго народа.

III.

Насколько чарующее впечатлѣніе производитъ на европейскаго путешественника страна Японіи, настолько же неблагопріятное впечатлѣніе оставляетъ физическій обликъ его народа. Японки еще тѣ берутъ своей необыкновенной миловидностью и граціозностью, но японцы... Вотъ, что пишетъ, напр., В. Л. Сѣрошевскій, очень дружелюбно относящійся къ „Странѣ Восходящаго Солнца“. „Японцы въ общемъ некрасивы. Цвѣтъ лица у нихъ непріятный, землянистый; глаза узкіе и безъ выраженія; зубы кривые, рѣдкіе, торчащіе впередъ. Много среди нихъ больныхъ накожными болѣзнями, много золотушныхъ, малокровныхъ, покрытыхъ паршами, лишаями, экземой и вередами, много слѣпыхъ и страдающихъ глазами... Возможно, что это—результатъ легкости японскихъ нравовъ или тѣхъ горячихъ ежедневныхъ ваннъ, которыя японцы привыкли принимать и которыя къ тому же всѣ лица, живущія въ одномъ домѣ, принимаютъ въ одной и той же водѣ. То же самое происходитъ и въ японскихъ гостиницахъ, и въ рабочихъ кварталахъ. Сберегаетъ это очень расходы на топливо, но... въ результатѣ въ чистой Японіи ничуть не меньше накожныхъ болѣзней, чѣмъ въ грязномъ Китаѣ“...

Какъ этнографическій типъ, японцы обладаютъ цѣлымъ рядомъ пониженныхъ показателей. Такъ, средній ростъ взрослаго

японца, согласно измѣреніямъ д-ра Пельца, лучшаго авторитета въ вопросахъ этнографіи Японіи, равняется—у мужчины 5. ф. $2^1/_2$ д., у женщины 4 ф. $8^1/_2$ д. Такимъ образомъ ростъ мужчины въ Японіи въ среднемъ не превышаетъ роста европейской женщины. Столь же замѣтна разница и въ среднемъ вѣсѣ тѣла, который у мужчинъ здѣсь колеблется около 115 фунтовъ. тогда какъ въ Европѣ та же средняя величина достигаетъ 188 фунтовъ. Или вотъ еще разница того же порядка. Въ то время, какъ японецъ, по достиженіи зрѣлости, выростаетъ лишь на $8^0/_0$ своего роста, европеецъ соотвѣтственно на $13^0/_0$.

Но вмѣстѣ съ этимъ японцы выносливы и довольно крѣпки. Высшіе классы отличаются сравнительно слабостью въ физическомъ отношеніи, но простой народъ кажется мускулистымъ и сильнымъ.

Присматриваясь ближе къ японскому народу, мы можемъ выдѣлить слѣдующіе общіе типу признаки. Голова широкая, лицо и торсъ длинные, ноги короткія: у европейца длина отъ верхняго конца бедра до ступени составляетъ больше половины всей длины тѣла, у японца явно меньше. Лицо, благодаря низкой переносицѣ, меньше выдается впередъ, чѣмъ у европейца, и кажется поэтому шире, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Лобъ низкій; верхняя губа посажена очень близко къ носу. Глаза всегда темные. Они кажутся косыми, но это зависитъ отъ посадки вѣкъ. Ноги кривыя, неграціозныя, особенно у женщинъ, но руки и шея чрезвычайно изящны. Кожа у японцевъ свѣтло-желтаго цвѣта, часто нисколько не темнѣе, чѣмъ у южанъ изъ европейцевъ, но иногда окраска бываетъ столь же густой, какъ у сингалезцевъ. Волосы у нихъ черные, прямые; сѣдѣютъ около пятидесяти лѣтъ.

Несмотря на то, что японскій народъ сложился изъ аборигеновъ и нѣсколькихъ потоковъ переселенцевъ, въ настоящее время онъ представляетъ въ этнографическомъ и государственномъ отношеніи одинъ изъ самыхъ компактныхъ народовъ міра. Сколько нибудь значительной въ количественномъ отношеніи примѣсью къ японскому народу, рѣзко отдѣляющійся отъ общей массы народа „Страны Восходящаго Солнца“ является волосатое племя айну, когда-то заселявшее всю Японію, а теперь вымирающее (ихъ сохранилось въ настоящее время около 20.000 душъ, и сохранившееся почти исключительно на о. Іезо, да ликейцы, обитающіе на архипелагѣ Ріу-кіу и постепенно сливающіеся съ японской народностью (этихъ ликейцевъ насчитываютъ 150—160 тысячъ).

Тѣмъ не менѣе внутри этой компактной массы японскаго на-

селенія намѣчается нѣсколько типовъ, представляющихъ болѣе или менѣе значительное внѣшнее различіе. На полюсахъ этихъ различій мы находимъ съ одной стороны южный и болѣе аристократическій типъ, а съ другой — сѣверный и болѣе грубый. Особенно сильно это различіе наблюдается на женщинахъ.

Въ настоящее время населеніе Японіи около 50 милліоновъ душъ. По крайней мѣрѣ, по послѣдней переписи 1898 г. оно равнялось 46.428.366; къ этому надо, слѣдовательно, прибавить средній ежегодный приростъ, который здѣсь исчисляется приблизительно въ 1,16%. Если при этомъ приномнить, что площадь всей Японской имперіи равняется 363.442 кв. вер., то мы увидимъ, что „Страна Восходящаго Солнца“ населена чрезвычайно плотно. Въ самомъ дѣлѣ въ то время, какъ по площади Японія въ 53 раза меньше Россіи, немного превосходя нашу Финляндію и нѣсколько меньше восьми бѣлорусскихъ губерній, по количеству населенія она лишь въ 3 раза меньше Россіи. Вообще же говоря, Японская имперія является однимъ изъ самыхъ густо населенныхъ государствъ въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи ее превосходятъ лишь Бельгія да Великобританія. Впрочемъ, далеко не всѣ части имперіи микадо населены одинаково плотно. На сѣверѣ остается еще много свободнаго мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, если плотность населенія на о-вѣ Аваджи (во внутреннемъ морѣ Японіи) превышаетъ 350 человѣкъ на квадр. версту, то плотность острова Іезо (Хоккандо) нѣсколько больше шести человѣкъ на квад. версту. А такъ какъ для раціональнаго земледѣлія считается допустимымъ лишь немного болѣе 40 чел. на квад. версту, а для раціональной постановки промышленности, не болѣе 175 чел. на квадр. версту, то очевидно, что плотность населенія кое-гдѣ достигла тѣхъ предѣловъ, когда неизбѣжнымъ становится переселеніе. И прежде всего японское правительство направляетъ потоки своихъ переселенцевъ на сѣверъ, на островъ Іезо, нормальное населеніе котораго высчитывается въ 6 милліоновъ душъ, а въ настоящее время превышаетъ немногимъ лишь 800.000 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, переселеніе это ведется съ большою планомѣрностью и упорствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1868 г. населеніе о. Іезо равнялось 58.467 чел., а въ 1901 г. уже 800.102 душъ, т. е. увеличилось почти въ 15 разъ. Соотвѣтственно этому быстро увеличивается и производительность острова. Такъ, напр., количество удобренной земли увеличилось за послѣднія пять лѣтъ почти въ 3 раза, а общее количество воздѣланной — почти въ 2 раза; количество земледѣльческихъ продуктовъ увеличилось за этотъ же

періодъ въ 4 раза, а продуктовъ морскихъ промысловъ въ $1^1/_2$ раза и т. д.

Однако у переселенческаго вопроса есть своя особая сторона, которая заставляетъ часть потока переселенцевъ уклоняться отъ движенія на сѣверъ и побуждаетъ правительство микадо обезпечивать для своихъ переселенцевъ чужія земли, хотя бы и подъ страхомъ военныхъ столкновеній съ сильными сосѣдями. „Нервный, истеричный японскій народъ“,—говоритъ В. Л. Сѣрошевскій,—легко подвергается психическимъ болѣзнямъ, рисъ же является для него главнымъ средствомъ существованія, и онъ совершенно справедливо называетъ себя „народомъ (изъ страны) произрастанія риса“. Отсюда такое сильное стремленіе японцевъ въ Корею и на Филиппинскіе острова, хотя у нихъ есть на Хоккандо (Iезо) много чудесныхъ земель съ климатомъ центральной Европы. Но вѣдь извѣстно, что много легче перемѣнить мѣстожительство, чѣмъ измѣнить хозяйственные пріемы. Послѣднее требуетъ не только времени и денегъ, но и знаній, и не тѣхъ, которыя преподаютъ въ школѣ, а другихъ, которымъ обучаютъ съ малыхъ лѣтъ при совмѣстной работѣ родители и окружающіе. Бѣгутъ же русскіе крестьяне въ Сибирь вмѣсто того, чтобы улучшать земледѣльческую культуру въ Россіи! Не помогутъ тутъ никакія разсужденія и никакое насиліе: японскій крестьянинъ умѣетъ и желаетъ воздѣлывать только рисъ; ячмень, пшеницу, рожь онъ недавно только узналъ, боится ихъ и не привыкъ ими пользоваться, на нихъ нѣтъ почти сбыта. Мѣста, годныя для воздѣлыванія риса, въ собственной Японіи теперь исчерпаны; культура ихъ доведена до крайнихъ предѣловъ; рисовыя поля въ Хоккаидо приходится отвоевывать у непролазныхъ болотъ, съ большой затратой времени и капитала. Между тѣмъ населеніе множится, и хотя японцы вообще крайне неохотно покидаютъ свою родину, но и они мало-по-малу начинаютъ эмигрировать: въ Японіи имъ ужъ черезчуръ тѣсно. Отсюда понятно ихъ движеніе въ сосѣднюю Корею, близкую Японіи по климату и обладающую прекрасными мѣстами для воздѣлыванія риса... Вотъ источникъ корейскаго вопроса, изъ-за котораго рѣшается теперь участь многихъ живыхъ, но обреченныхъ на смерть!“...

И, дѣйствительно, японское правительство благосклонно относится къ переселенію въ Корею. Но о массовомъ движеніи и тутъ не можетъ быть рѣчи. Къ началу 1904 г. въ Кореѣ насчитывалось всего до 20.000 японцевъ.

Корея и Iезо и поглощаютъ главную массу собственно переселенцевъ, которые навсегда покидаютъ родную землю и небо. Но,

кромѣ того, значительно начинаютъ за послѣдніе годы возрастать временныя отлучки, своего рода отхожіе промыслы. Но относительно и это движеніе невелико. Къ концу 1900 г. число японцевъ, пребывавшихъ временно за-границей, равнялось почти 124 тыс. человѣкъ; изъ нихъ огромное большинство находилось въ Соединенныхъ Штатахъ и на Сандвичевыхъ островахъ. Интересно отмѣтить здѣсь ту зависимость, въ которой все-таки находится личность японскаго гражданина отъ семьи: если желающій уѣхать за-границу на заработки или совершенно эмигрировать со своей родины имѣетъ родителей, то, какого бы возраста онъ ни былъ, отъѣздъ ему разрѣшается только вътомъ случаѣ, если онъ получитъ на это разрѣшеніе своихъ родителей.

Несмотря на большую плотность населенія, Японія до сихъ поръ не можетъ быть названа страною большихъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, большихъ городовъ, имѣющихъ населеніе свыше 20.000, въ 98 г. насчитывалось 79, а общее количество жителей, населявшихъ ихъ, было 5.989.504 чел., или 14% всего населенія. Такимъ образомъ сѣть крупныхъ поселеній въ Японіи оказывается болѣе рѣдкой, чѣмъ таковая же въ Англіи, Франціи и Германіи, но гораздо болѣе частой, чѣмъ таковая же въ Россіи. Надо однако при этомъ замѣтить, что ростъ городовъ подвигается впередъ съ чрезвычайной быстротой. Такъ, напр, въ Іокогамѣ въ 1886 г. было 89_5 тыс., въ Кобе 80_5 тыс., въ Нагасакахъ 38 тыс., въ 1898 же г. соотвѣтственно находимъ 193_5, 215, 107 тыс., т. е. населеніе увеличилось въ 2—3 раза.

Остальное населеніе распредѣляется въ болѣе мелкихъ поселкахъ, при чемъ больше половины поселковъ (8.008 или 56,1%) имѣютъ отъ 2.000 до 5.000 душъ. Такимъ образомъ собственно мелкіе поселки составляютъ въ Японіи исключеніе.

Большинство городовъ и очень многіе поселки въ равнинныхъ частяхъ архипелага вытягиваются въ одну улицу вдоль дороги. Такой же типъ поселка мы находимъ у большинства рыбацкихъ деревень, которыя располагаются обыкновенно вдоль морского берега. Въ гористыхъ и холмистыхъ мѣстностяхъ дома бываютъ разбросаны по уступамъ горъ и окружены густой зарослью деревъ и кустарниковъ, и, наконецъ, на юго-западѣ, въ мѣстности, слегка всхолмленной, мы встрѣчаемъ типъ поселка, напоминающій нашу среднерусскую деревню: группа дворовъ, окруженная со всѣхъ сторонъ полями. Такимъ образомъ въ большинствѣ японскихъ поселковъ и городовъ жителямъ облегчена полная возможность легко и удобно приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ природой.

Въ распредѣленіи населенія по полу можно отмѣтить численное преобладаніе мужчинъ надъ женщинами (первыхъ 50,4%, вторыхъ 49,6% всего населенія). Впрочемъ, этотъ фактъ нельзя еще считать достаточно твердо установленнымъ. Возможно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ неправильно поставленной регистраціей. Распредѣленіе населенія по возрасту также представляетъ нѣкоторыя своеобразныя черты. Прежде всего, по мнѣнію г. Богуславскаго, для Японіи не примѣнима та группировка, которая принята вездѣ въ Европѣ. Здѣсь, въ Японіи, дѣти раньше втягиваются въ работу, и старики раньше уходятъ на покой. Вотъ почему Н. Д. Богуславскій принялъ для Японіи нерабочій возрастъ до 10 лѣтъ и свыше 60 (въ Европѣ же считается нерабочій возрастъ до 15 лѣтъ и послѣ 70). Не смотря однако на то, что рабочій возрастъ здѣсь приходится брать въ меньшихъ предѣлахъ, чѣмъ для Европы, Японія оказывается въ данномъ отношеніи въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ Европа, а именно въ Японіи населеніе въ рабочемъ возрастѣ составляетъ 50,4%, тогда какъ въ Западной Европѣ 48,4%, а въ Россіи даже 45,9%.

Относительно движенія населенія въ Японіи приходится также отмѣтить небольшую особенность. Процентъ естественнаго прироста нѣсколькихъ послѣднихъ десятковъ лѣтъ идетъ неуклонно кверху. Но оказывается, что при этомъ повышается какъ % рожденій, такъ и % смертности, и только усиленный ростъ первыхъ по сравненію со второй даетъ увеличеніе % естественнаго прироста. Въ Европѣ же, напротивъ, повышеніе этого коэффиціента происходитъ, главнымъ образомъ, за счетъ пониженія % смертности.

ДОМАШНІЙ ОБИХОДЪ ЯПОНСКОЙ СЕМЬИ.

I.

По своимъ размѣрамъ японская семья (въ среднемъ, состоящая изъ пяти душъ) приближается къ средней русской семьѣ.

Жилище японской семьи вполнѣ приспособлено къ странѣ, прославившейся неустойчивостью своей почвы и своими многочисленными землетрясеніями. Дома японскіе обыкновенно невысоки и строятся почти исключительно изъ дерева. За послѣднее время, по крайней мѣрѣ, въ городахъ чисто японское строительство усвоило цѣлый рядъ новыхъ принциповъ и пріемовъ съ тѣмъ, чтобы обезопасить обитателей отъ гибельныхъ послѣдствій неожиданныхъ землетрясеній. Дома стараются сдѣлать устойчивыми даже при сильныхъ движеніяхъ почвы: для этого подъ основанія всѣхъ главныхъ устоевъ зданія и между этими устоями прокладываются горсти крупной дроби, что даетъ зданію возможность свободно колебаться въ какую угодно сторону; наконецъ, потолки зданій изрѣдка прикрѣпляются къ стѣнамъ съ помощью особой сѣтки изъ толстыхъ брусьевъ на шарнирахъ.

Главная же масса деревенскихъ и городскихъ построекъ, само собою разумѣется, совершенно незнакома со всѣми этими ухищреніями и держится старыхъ, давно установленныхъ пріемовъ строительства. Но и здѣсь вездѣ вы легко замѣтите отсутствіе высокихъ построекъ и тяжелыхъ строительныхъ матерьяловъ. Громадное большинство построекъ въ городахъ и деревняхъ—одноэтажные домики. Употребленіе дерева при этомъ сведено до minimum'а. Стѣнъ постоянныхъ нѣтъ; часто онѣ состоятъ изъ деревянныхъ рамъ, на которыхъ натянута промасленная крѣпкая бумага,—ихъ можно раздвигать и задвигать по желанію и, такимъ образомъ, внутренность японскаго дома легко можетъ оказаться совершенно открытой, и вся домашняя жизнь такого домика становится совершенно доступной.

для любопытныхъ глазъ прохожихъ, проѣзжихъ и сосѣдей, но къ этому здѣсь всѣ привыкли. Иногда къ бумажнымъ стѣнамъ прибавляются еще деревянные щиты, которые задвигаются на ночь или въ бурную и холодную погоду. Внутри также нѣтъ постоянныхъ перегородокъ, а нутемъ подобныхъ же бумажныхъ ширмочекъ въ каждомъ домѣ можно сдѣлать столько комнатъ, сколько вы пожелаете и сколько позволитъ мѣсто. Однако, не смотря на такое измѣнчивое и прихотливое пользованіе внутреннимъ помѣщеніемъ дома, въ каждомъ домѣ легко намѣчается нѣсколько типичныхъ частей жилища.

Дома эти обыкновенно строятся безъ фундамента. У бѣдняковъ они крыты соломой; у болѣе достаточныхъ —хорошей черепицей, такъ какъ японскія деревни и города очень страдаютъ отъ пожаровъ. Это же обстоятельство приводитъ къ тому, что почти каждая деревня имѣетъ общественную несгораемую кладовку, куда хозяева сносятъ свое добро.

Внутренность дома почти всегда отличается чрезвычайной чистотой. Полы, за исключеніемъ кухни, покрыты циновками, сплетенными изъ камыша. Эти циновки дѣлаются строго опредѣленныхъ размѣровъ (6×3 кв. ф.), а потому и площадь комнатъ пригоняется такъ, чтобы она сплошь закрывалась такими циновками, плотно прилаженными другъ къ другу. Вотъ почему вы постоянно услышите въ разговорахъ упоминаніе о комнатахъ въ десять, шесть и т. д. циновокъ. Внутрь дома входятъ безъ обуви, въ однихъ чулкахъ, а потому чистота жилища поддерживается безъ большого труда. Циновки часто мѣняются. Комнаты совершенно лишены всякой мебели: спятъ, работаютъ, обѣдаютъ на этомъ идеально чистомъ полу. Въ общемъ, какъ ни кажется европейцу японское жилище неудобнымъ, въ гигіеническомъ отношеніи оно всѣми признается высоко доброкачественнымъ. Только отсутствіе печей дѣлаетъ эти постройки слишкомъ холодными и сырыми на зимнее время въ сѣверной части Японіи.

Столь же гигіеничнымъ, упрощеннымъ и изящнымъ оказывается и японскій національный костюмъ. Онъ вполнѣ приспособленъ къ климату „Страны Восходящаго Солнца“, гдѣ такъ много тепла и влаги, поддерживающихъ тѣло безпрерывно въ состояніи испарины. Главная часть костюма—это халатъ, „кимоно“, надѣвающійся прямо на тѣло.

Въ жаркую погоду японецъ и японка свободно откидываютъ свой кимоно на груди и обмахиваютъ обнаженное тѣло вѣерами. Дѣлается это открыто и на улицѣ, и въ обществѣ... Японцы имѣютъ свой ко-

декъ стыдливости. Они считаютъ обнажение своего тѣла предосудительнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда этой наготой подчеркивается желаніе воздѣйствовать на чувственность другого. Японки съ краской стыда смотрятъ на декольтированную даму изъ европейскаго общества; но онѣ, нисколько не смущаясь, принимаютъ даже при совершенно постороннихъ мужчинахъ ванну или купаются на берегу моря.

Зимой надѣваютъ нѣсколько такихъ халатовъ—одинъ на другой. Но и при этомъ нельзя сказать, чтобы такая одежда согрѣвала человѣка въ достаточной степени. Холодный вѣтеръ раздуваетъ полы этихъ многочисленныхъ халатовъ, и обнаженныя колѣни свободно выставляются на морозъ. Но выносливый японецъ легко мирится съ подобнымъ положеніемъ вещей.

Впрочемъ, въ національномъ костюмѣ японки мы должны хоть бѣгло отмѣтить еще одну особенность, которая едва ли еще гдѣ встрѣчается въ такомъ видѣ. Это—ея прическа. Высокая, красиво-взбитая прическа, въ которую сложены ея волосы, является обыкновенно дѣломъ рукъ специалиста-парикмахера, который за очень дешевую плату посѣщаетъ своихъ кліентокъ аккуратно черезъ извѣстный промежутокъ времени. Каждая такая прическа дѣлается на нѣсколько дней и для того, чтобы не мять и не портить ея, японка спитъ не на подушкахъ, а на особой деревянной подставкѣ, въ которой сдѣлано отверстіе для ея головного убора.

Нельзя также не упомянуть объ ея поясѣ—„оби“,—которымъ перехватывается верхній кимоно и который служитъ главнѣйшимъ украшеніемъ ея платья, съ чѣмъ, правда, не согласны обыкновенно европейцы, которымъ эта часть костюма кажется слишкомъ неуклюжей и неизящной. Замѣтимъ кстати, что румяниться и бѣлиться широко принято среди японскихъ женщинъ, а потому въ складкахъ оби вы всегда найдете необходимыя для этихъ операцій принадлежности. Наконецъ, нельзя забыть крошечную трубочку, мѣшечекъ табаку и коробку спичекъ, такъ какъ всѣ японки — страстныя курильщицы. Въ Японіи, замѣтимъ кстати, курятъ не только мужчины и женщины, но и дѣти... То же, что не помѣстится въ складкахъ оби, укладывается въ отвороты широкихъ рукавовъ, которые служатъ вмѣсто кармановъ и у мужскихъ костюмовъ.

На костюмахъ японцевъ лежитъ тотъ же отпечатокъ чистоты и аккуратности, который бросается въ глаза при первомъ взглядѣ и на домашній обиходъ этого народа. Между тѣмъ стирка японскихъ костюмовъ—это очень сложная операція: костюмъ распарываютъ,

матерію натягиваютъ на особыя доски и здѣсь ее моютъ особыми щетками.

Но, къ сожалѣнію, на гигіеничный и удобный японскій костюмъ, открыло гоненіе японское правительство, желая придать странѣ болѣе европейскій наружный видъ. Оно не только одѣло въ европейскіе костюмы свою армію и чиновниковъ, но оно потребовало, чтобы вообще въ торжественные дни никто не являлся ко двору иначе, какъ въ одеждѣ европейскаго покроя. Далѣе, оно потребовало, чтобы дѣти, посѣщающія правительственную школу, непремѣнно носили тоже европейскій костюмъ, и японскіе врачи теперь все больше и больше убѣждаются, что это былъ со стороны правительства крупный промахъ, такъ какъ европейская одежда, не приспособленная къ климату „Страны Восходящаго Солнца“, чрезвычайно предрасполагаетъ дѣтей ко всякаго рода простуднымъ заболѣваніямъ...

Ко всему сказанному добавимъ только, что одежда ребенка съ самаго его рожденія представляетъ копію съ одежды взрослаго: онъ не знаетъ никакихъ пеленокъ и съ первыхъ же дней своего существованія попадаетъ въ широкіе и удобные халатики.

Обращаемъ здѣсь вниманіе читателя на ту незначительную роль, какую играютъ въ одеждѣ японца шерсть и кожа: ткани употребляются или шелковыя, или бумажныя, обувь или деревянная, или соломенная. Но вы не будете этому удивляться, если припомните, какъ бѣдна домашними животными Японія.

Насколько японецъ незатѣйливъ по отношенію къ одеждѣ, настолько же онъ не прихотливъ и по отношенію къ пищѣ. Овощи, рисъ, рыба—вотъ главные продукты, которыми питается народная кухня. Къ ней еще съ большимъ трудомъ, чѣмъ къ японской одеждѣ, привыкаетъ европеецъ, при чемъ японское меню отталкиваетъ прежде всего отсутствіемъ соли и хлѣба.

Пища японская такимъ образомъ не отличается большою питательностью. Но, кромѣ того, японцы чрезвычайно умѣренны и въ количествѣ. Имъ прямо невѣроятнымъ кажется, напр., то количество нищи, которое поглощаетъ здоровый русскій организмъ.

При такихъ условіяхъ содержаніе семьи обходится, конечно, дешево. Это отсутствіе мяса въ японской народной кухнѣ въ значительной степени объясняется вліяніемъ буддизма, который запрещалъ употребленіе убоины. Правда, вліяніе этой религіи теперь очень ослаблено, но народныя привычки измѣняются туго. Впрочемъ, за послѣднее время въ Японіи стали усиленно разводить на мясо свиней.

Чай японцы употребляютъ безъ сахара, молока и вина; ихъ рисовая водка, „саке“, не даетъ такого тяжелаго опьяненія, какъ наша водка.

II.

Внутренняя организація семейныхъ отношеній въ значительной степени регулируется тѣми религіозными формулами и требованіями, которыя глубоко проникли въ сознаніе народа и составили значительную долю нравственнаго ходячаго кодекса „Страны Восходящаго Солнца“. Вотъ почему, говоря о японской семьѣ, нельзя обойти молчаніемъ ея религіозныхъ взглядовъ.

Религіозны ли японцы? На этотъ вопросъ многіе изъ европейцевъ отвѣчали отрицательно. Однако, при первомъ же взглядѣ на жизнь японскаго народа вы натыкаетесь на цѣлый рядъ фактовъ, которые заставляютъ васъ подвергнуть сильному сомнѣнію только что указанное рѣшеніе вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, японскіе храмы, число которыхъ, какъ говорятъ, свыше 200.000, постоянно полны молящимися. Содержаніе этихъ храмовъ поглощаетъ огромныя средства. Такъ, напр., въ 1900 г. на знаменитый кіотскій храмъ Ниши Хонгвасти только въ мѣстныхъ провинціяхъ было собрано 1.200.000 іенъ. Другое поразительное доказательство японской религіозности мы находимъ въ этомъ же храмѣ. Каждый посѣтитель невольно обратитъ здѣсь свое вниманіе на огромный канатъ, достигающій до 200 футовъ длины и 5 дюймовъ толщины и сплетенный сплошь изъ женскихъ волосъ; черныя кудри молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ тѣсно переплетаются здѣсь съ сѣдыми прядями, взятыми съ головъ старушекъ, доживавшихъ свои послѣдніе дни. Столь же убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить паломничество, крайне развитое среди подданныхъ микадо. Здѣсь насчитывается нѣсколько десятковъ храмовъ, въ которыхъ хранятся національныя святыни японскаго народа и въ которыхъ побывать считаетъ своей обязанностью каждый японецъ. Религіозные праздники японцевъ всегда отличаются также большимъ оживленіемъ и многолюдствомъ. Въ каждомъ домѣ вы встрѣтите ками дама, или полку для боговъ, на которой помѣщается крошечный храмъ съ двумя скрижалями, на одной сторонѣ которыхъ начертаны имена боговъ, а на другой — имена умершихъ родственниковъ...

Намъ кажется достаточно и этихъ фактовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что японскій народъ отличается большою религіозностью.

Если же многіе изъ путешественниковъ и наблюдателей японской жизни приходятъ къ противоположному мнѣнію, то это объясняется исключительно лишь тѣмъ, что японцы обыкновенно относятся съ необычайной терпимостью и даже равнодушемъ ко всѣмъ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Они совершенно лишены религіознаго фанатизма. Японія почти не знаетъ гоненій за религіозныя мнѣнія. Правда, одно время христіане здѣсь подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ, но къ этому „Страна Восходящаго Солнца“ была подвинута не религіознымъ фанатизмомъ, а политическими расчетами. Терпимость настолько глубоко проникаетъ въ душу и нравы японскаго народа, что онъ мало-по-малу и самъ пересталъ придерживаться одной какой нибудь строго опредѣленной и отчетливо очерченной религіозной системы и готовъ въ каждой религіи видѣть часть божественной истины.

Присмотримся же нѣсколько поближе къ національной религіи Японіи,—шинто. Въ легендахъ этой вѣры, пытающихся объяснить происхожденіе міра, едва ли больше разгула фантазіи, чѣмъ въ легендахъ всѣхъ другихъ религій, такъ или иначе затрогивающихъ тѣ же вопросы.

Космогонія шинто сводится къ слѣдующему. Въ началѣ всего видимаго міра были два существа—Изанаги и Изанами,—явившіяся сами въ результатѣ цѣлаго ряда полумистическихъ, полуреалистическихъ процессовъ эволюціи. Матерія тогда уже существовала. Но она была въ безформенной массѣ, не имѣющей даже какой нибудь опредѣленной консистенціи, а являющейся чѣмъ-то туманнымъ, мутнымъ, тягучимъ. Капельки этого вещества, упавшія съ конца копья Изанаги, кристаллизуются въ первую землю, подымавшуюся небольшимъ и уединеннымъ клочкомъ среди „безпредѣльной ширн голубого моря“. Оба божества теперь приступили къ дальнѣйшему творчеству. Они создали по своему образу и подобію другія божества и повелѣли быть японскимъ островамъ.

На эти острова спустилась часть вновь созданныхъ боговъ. То были земныя божества. Земля была пуста и неустроена. Тогда появилась Аматеразу, богиня солнца, и цѣлый сонмъ злыхъ духовъ, которымъ предназначено было предавать людей на землѣ всякаго рода мученьямъ и страданьямъ. Эти духи подняли на землѣ страшный безпорядокъ и смятеніе. Для укрощенія ихъ богиня солнца отправила своего племянника Ниниги, который заставилъ ихъ вести себя болѣе спокойно; однако окончательная побѣда надъ ними принадлежитъ Джимму, первому микадо и первому смертному потомку

самой Ниниги. Японская династія съ тѣхъ поръ ведется безъ малѣйшихъ нерерывовъ, и теперешній императоръ, такимъ образомъ, по воззрѣніямъ шинтоистской религіи, является прямымъ потомкомъ боговъ. Шинто, это „дорога боговъ", связана слѣдовательно тѣснѣйшими узами съ данной политической организаціей страны, и тѣмъ не менѣе, повторяемъ, и японское правительство, и японскій народъ оказались высокотерпимыми въ религіозныхъ вопросахъ. Свободные мыслители не разъ выступали съ рѣзкой, публичной критикой основъ шинтоистской религіи, и ихъ смѣлая проповѣдь не привлекла на ихъ голову никакихъ каръ. Таковъ былъ, напр., еще въ началѣ XVII ст. Аран Хакузеки, а спустя послѣ него шестьдесятъ лѣтъ, Ишикава Татсумаро.

Уже на основаніи сказаннаго можно видѣть, что главное содержаніе шинто—культъ поклоненія предкамъ. Божества, какъ небесныя, такъ и земныя, являются прародителями націи, и каждый японецъ, начиная отъ императора и принцевъ крови, и кончая послѣднимъ пастухомъ и кули сознаютъ себя потомками боговъ. Но этого мало, шинто, можно сказать, вѣра по преимуществу семейная. Она особенно заботится о цѣлости и непрерывности домашняго очага. Все, что такъ или иначе касается мира и благосостоянія семьи, заслуживаетъ съ ея стороны самаго глубокаго вниманія и апоѳеоза. Здѣсь вы найдете божество котелка, въ которомъ кипятится рисъ, такъ же, какъ и бога грома; здѣсь намъ встрѣтится божество соусника, какъ и богиня жатвы; здѣсь имѣется духъ глубокаго колодца, какъ и духъ физическаго совершенствованія. Эти безсмертные стражи должны имѣть благосклонное попеченіе о всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ. Съ одной стороны, напр., въ ритуалѣ освященія императорскаго дворца, мы встрѣчаемся съ тщательно разработанными обрядами, которые должны предотвратить отъ жилища императора такія мелкія случайности, какъ заползанье змѣи въ домъ или паденье птицы въ дымовое отверстіе кухни. Съ другой же стороны къ богамъ обращаются съ просьбами по поводу самыхъ важныхъ государственныхъ и національныхъ предпріятій, и тутъ опять-таки мы встрѣчаемъ въ высшей степени сложные и до мелочей разработанные обряды, гдѣ каждому лицу указано его мѣсто и всѣ его дѣйствія. Всѣмъ такимъ правиламъ и предписаніямъ посвящено цѣлыхъ 50 томовъ.

Если присмотрѣться къ главнѣйшимъ обрядамъ шинто, то мы увидимъ, что преимущественная задача ихъ заключается въ томъ, чтобы установить связь путемъ приношеній и молитвъ между семьей, живущей на землѣ, и семьей, обитающей на небѣ. Добрыхъ духовъ

стараются привлечь къ самому дѣлу, а злыхъ—успокоить и удовлетворить танцами, пѣніемъ, дарами; и это послѣднее, по воззрѣніямъ шинто, удается безъ труда, такъ какъ злая сила здѣсь не имѣетъ своимъ провиденціальнымъ назначеніемъ непремѣнно вредить людямъ и мучить ихъ; нѣтъ, эти божества просто-на-просто ошибка творенья, и они вредятъ людямъ не столько ради исполненія поставленной имъ задачи, сколько потому, что они не понимаютъ, какъ надо правильно жить и дѣйствовать.

Эти наивные, религіозные взгляды удивительно дружно уживаются съ тѣми новыми теченіями и новыми настроеніями, которыя переживаетъ въ настоящее время японскій народъ.

Но, насколько сложны и разнообразны ритуалы религіи шинто, настолько проста самая обстановка шинтоистскихъ храмовъ. Въ чистомъ видѣ шинто не признаетъ никакихъ ни идоловъ, ни изображеній. Единственный предметъ, который вы встрѣтите на каждомъ алтарѣ, — это зеркало. По преданію, богиня солнца, разсердившись на своего неистоваго брата, бога моря, удалилась въ пещеру; земля и небо тогда погрузились въ глубокій мракъ. Цѣлые 800 миріадовъ боговъ пытались выманить музыкой, пѣніемъ и танцами Аматерассу изъ ея убѣжища, но она оставалась непреклонной. Тогда они прибѣгли къ хитрости. Сдѣлавши большое зеркало, они повѣсили его передъ входомъ въ пещеру на столбахъ, разукрашенныхъ матеріями и драгоцѣнностями. Богиня, увидя себя въ этомъ зеркалѣ, залюбовалась собой и вышла изъ пещеры. Тотчасъ же боги протянули у входа въ пещеру „веревку изъ рисовой соломы“, и богинѣ пришлось подчиниться своей участи: свѣтить своимъ свѣтомъ землѣ и небу. И зеркало съ тѣхъ поръ стало замѣстителемъ богини на землѣ... Впрочемъ, въ храмахъ, посвященныхъ какимъ либо мѣстными божествамъ, зеркало замѣняется другими предметами.

При всякомъ шинтоистскомъ святилищѣ непремѣнно имѣются *go-hei* *Torii*. Послѣднія изображали первоначально насѣстъ для птицъ, и эта часть храма также тѣсно связана съ преданіями о богинѣ солнца. Легенда разсказываетъ, что во время одного изъ солнечныхъ затменій, боги никакъ не могли выманить Аматерассу изъ ея убѣжища. Тогда они пустились на хитрость. Они собрали пѣтуховъ, посадили на насѣстъ и заставили ихъ пѣть для того, чтобы богиня солнца могла подумать, что и безъ нея на землѣ занялась заря. Аматерасса поддалась на эту хитрость, и солнечное затмѣніе прекратилось. Съ тѣхъ поръ у каждаго шинтоистскаго святилища устраиваются ворота или цѣлый рядъ воротъ съ слегка наклонными

другъ къ другу вертикальными столбами и чуть-чуть загнутыми поперечными шестами. Это и есть Тогіі. На нихъ въ воспоминаніе преданія разсаживаютъ птицъ, приносимыхъ въ жертву богамъ; но этихъ птицъ никогда не убиваютъ, а выпускаютъ въ извѣстное время на волю.

Гохеи, или священное приношеніе, имѣетъ видъ палки или прута, на которомъ привѣшаны бумажныя кисти, состоящія изъ вырѣзанныхъ зигзагообразно бумажекъ. Эти бумажки являются двойнымъ символомъ: съ одной стороны онѣ обозначаютъ приношенія со стороны молящихся, съ другой же — присутствіе того духа, которому эти приношенія сдѣланы, и его благосклонное вниманіе къ этимъ дарамъ. Гохеи вывѣшиваются не только въ храмахъ, но и на поляхъ, и въ жилищахъ. Они должны, по шинтоистскимъ вѣрованіямъ, отгонять злыхъ духовъ, а также птицъ и насѣкомыхъ, вредныхъ человѣку.

Шинто не даетъ своимъ послѣдователямъ какого нибудь опредѣленнаго кодекса морали. По воззрѣніямъ этой религіи, творецъ міра, создавая человѣка, позаботился, чтобы познаніе добра и зла сдѣлалось составною частью его творенія, ибо безъ этого человѣкъ опустился бы ниже животнаго, руководимаго, по крайней мѣрѣ, инстинктами. Вотъ почему, по убѣжденію японцевъ, всякія предписанія морали слабо затрогиваютъ человѣческую душу, а, напротивъ, примѣры великодушія и мужества увлекаютъ его на путь активныхъ дѣйствій. Эти примѣры показываютъ, какъ дѣйствуютъ боги. Въ человѣкѣ заложены желанія такихъ же дѣяній. Примѣръ пробуждаетъ это желаніе.

Добрыми и благородными дѣяніями можно расположить къ себѣ добрыхъ боговъ, и они помогутъ устроить эту жизнь счастливѣе и пріятнѣе. Но если благочестивые поступки могутъ до извѣстной степени оказаться выгодными для человѣка, то на будущую жизнь, по воззрѣніямъ шинто, ни добро, ни зло, совершаемое здѣсь человѣкомъ, никакого вліянія оказать не можетъ прежде всего потому, что шинто совершенно не заботится о будущей жизни. Въ его легендахъ и представленіяхъ отведено мѣсто и подземному царству. Такъ, напр., Иссанаги, творецъ земли, спускался туда, когда умерла его супруга Иссанами во время родовъ сына своего—бога огня... Но этотъ подземный міръ не связывался ни съ какими представленіями о вѣчныхъ мукахъ, назначенныхъ человѣку за его грѣхи. Это было просто мѣсто мрака... Въ каждомъ человѣкѣ имѣется частица божества и вотъ за предѣломъ могилы онъ переходитъ къ обширной, болѣе мо-

гучей, безсмертной жизни. Конечно, одни займутъ въ божественной іерархіи болѣе высокое мѣсто, другіе болѣе низкое, но всѣхъ безъ различія ждетъ апооеозъ. Правда, человѣкъ, по вѣрованію шинтоистовъ, одаренъ способностью различать добро отъ зла и силой слѣдовать своему рѣшенію, поэтому онъ можетъ впадать въ грѣховныя дѣйствія. Но грѣхи могутъ быть искуплены или забыты. Микадо является первосвященникомъ народа. Два раза въ году устраиваются празднества великаго очищенія, во время котораго народу отпускаются всѣ совершенныя имъ скверны.

Очищеніе вообще является самымъ главнымъ и существеннымъ обрядомъ шинто. Ежедневная ванна обязательна, какъ это мы знаемъ, для всѣхъ. Всякій, кто запачкаетъ подстилку въ домѣ или броситъ въ жаровню соръ, совершитъ дѣйствіе, оскорбляющее домашнее божество. Опрятностъ—актъ благочестія со стороны хозяйки. Передъ богослуженіемъ жрецъ долженъ обмыться, вычистить платье, обвязать свой ротъ бумажной лентой. Эта щепетильная опрятность создала даже цѣлый рядъ уже негуманныхъ привычекъ и взглядовъ. Такъ, напр., религія имѣетъ извращенныя понятія о милосердіи, такъ какъ прикосновеніе къ больному или роженицѣ считалось оскверняющимъ, и на этой почвѣ создались даже цѣлыя группы отверженныхъ профессій.

Интересно еще отмѣтить отношеніе шинто къ женщинѣ. Главныя божества здѣсь *богиня* солнца и *богиня* пищи; уже поэтому можно видѣть,что шинто, вопреки громадному большинству восточныхъ религій, относится къ женщинѣ съ полнымъ благоволеніемъ. Даже Китай, у котораго такъ много заимствовала Японія и который смотритъ на рожденіе дѣвочки,какъ на несчастье въ семьѣ, не оказалъ на шинто въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго вліянія. Напротивъ, женскому элементу и въ ритуальныхъ пріемахъ, и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ шинто отведено весьма почетное мѣсто. Обѣимъ названнымъ богинямъ дана огромная власть надъ самыми важными дѣлами и случаями человѣческой жизни. При торжественныхъ закладкахъ храмовъ, молодыя дѣвушки играютъ выдающуюся роль. Во многихъ религіозныхъ церемоніяхъ имъ отводится также первое мѣсто; легенды шинтоистскія упоминаютъ о нихъ часто съ величайшей похвалой и почтительностью. Но шинто, вмѣстѣ съ тѣмъ, не возлагало на своихъ жрицъ обязательствъ дѣвственности: оставивъ службу у алтаря, онѣ могли предаваться радостямъ семейной жизни.

Другая черта характера японскаго народа, развившаяся въ значительной степени подъ вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній шинто,—

это чрезвычайно равнодушное отношеніе къ смерти. Мы вѣдь видѣли, что смерть есть своего рода апоѳеозъ личности, слияніе ея съ тѣми божественными силами, которымъ здѣсь, на землѣ, приносятъ жертвы, возносятъ молитвы, а потому не приходится бояться и той судьбы, которая ожидаетъ человѣка по ту сторону могилы. Этимъ объясняется чрезвычайное обиліе случаевъ самоубійства въ японскомъ народѣ. Однако жизнь направила это своеобразное теченіе по отборному руслу. Японецъ никогда не наложитъ на себя рукъ изъ страха передъ физическими страданіями, болѣзнью, старостью, и, напротивъ, онъ не задумывался до самаго послѣдняго времени подвергнуть себя ужасной операціи хара-кири, когда требовали этого его честь или привязанность.

На исторію и развитіе шинто несомнѣнно имѣли вліяніе религіозные взгляды и убѣжденія, завезенные въ Японію изъ Китая. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ вліяніе Конфуція и его ученія. Оно оказалось тѣмъ сильнѣе, что въ ученіи этой религіозной системы было много аналогичнаго съ тѣмъ, что выдвинуло само шинто. Возьмемъ хотя бы воззрѣнія на верховную власть. Мы видѣли, что шинто признавалъ микадо прямымъ потомкомъ боговъ, Конфуцій же видѣлъ въ правителѣ прямого посредника между высшей силой и подданными государя. Въ воззрѣніяхъ на будущую жизнь онъ такъ же уклонялся отъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ указаній; онъ не допускалъ только, чтобы жизнь ощущеній продолжалась и по ту сторону могилы: жизнь въ его глазахъ была величайшей тайной, смерть тоже. И еще была одна точка соприкосновенія между шинто и конфуціанствомъ: и то, и другое придерживались въ своихъ сужденіяхъ индуктивнаго метода мышленія. Человѣкъ носилъ въ себѣ частицу божественной силы, а потому онъ для созданія кодекса морали не долженъ былъ ждать откровенія, а обязанъ отыскать правила своего поведенія изъ своей повседневной жизни и отношеній, ею создаваемыхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и различія между этими двумя религіозными системами были весьма значительны. Конфуцій признавалъ силу безличнаго неба, онъ не зналъ отдѣльныхъ персонифицированныхъ боговъ, вліяніе которыхъ на естественный ходъ природы и на дѣйствія человѣка не принималъ къ учету; наконецъ, онъ не раздѣлялъ того мягкаго отношенія къ женщинѣ, которымъ были такъ проникнуты всѣ шинтоистскія религіозныя воззрѣнія.

Вліяніе конфуціанства особенно велико было на образованные классы японскаго народа, такъ какъ Конфуцій выводилъ,—хотя и индуктивнымъ путемъ, — извѣстный кодексъ морали въ то время,

какъ шинто этого не дѣлало. Конфуціанство выдвигало четыре добродѣтели—благосклонность, справедливость, благопристойность и мудрость, оно учило поэтому, что первой заботой правительства должно быть благо народа, второй—его воспитаніе. Въ дѣлахъ человѣчества видны предначертанія божественныя. Отступленія отъ этого божественнаго плана должны караться смертью. Мстителемъ, „орудіемъ божества“, можетъ быть всякій. Вотъ отчего въ исторіи Японіи мы видимъ такъ часто самоотверженное вмѣшательство человѣка въ ходъ событій. Онъ давалъ рядъ предписаній, которыя воспитывали человѣка стоикомъ. Его соціологическія построенія исчерпывались слѣдующими пятью отношеніями: государя къ подданному, мужа къ женѣ, отца къ сыну, старшаго брата къ младшему, друга къ другу; эти отношенія строились на различныхъ комбинаціяхъ четырехъ вышеуказанныхъ добродѣтелей; таковы были основы конфуціанской этики, которой упивалась японская интеллигенція и вліяніе которой можно прослѣдить на жизни выдающихся дѣятелей японскаго общества.

Такимъ образомъ Японія получила изъ Китая лишь философію, религія же у ней была ея собственная; такъ, по крайней мѣрѣ, приходится утверждать относительно взглядовъ на будущую жизнь, на промыселъ божій, на космогонію, на безсмертіе души.

Но шинто,—эта національная религія японцевъ, была все-таки религіей привилегированныхъ, хотя и охватывала сравнительно широкія массы. Въ самомъ дѣлѣ шинтоистомъ былъ и могъ быть только тотъ, кто велъ свое происхожденіе непосредственно отъ японскихъ боговъ: вѣдь въ себѣ онъ долженъ былъ носить частицу японскаго божества, онъ, слѣдовательно, долженъ быть *физически* связанъ съ японской націей. Шинтоистомъ нельзя сдѣлаться, имъ можно только родиться. Но народъ японскій слагался изъ нѣсколькихъ потоковъ пришельцевъ; среди его ремесленниковъ, фермеровъ и бывшихъ рабовъ были люди, явившіеся изъ другихъ странъ, не происходящіе отъ колѣна боговъ. Для тѣхъ шинто являлось чуждой религіей, они должны были искать своему религіозному чувству иного выхода. Это подготовило путь къ успѣху буддизма. Такимъ образомъ религія японца представляетъ изъ себя пеструю амальгаму шинтоизма, буддизма и конфуціанства.

III.

Въ долгомъ пути, который предстоялъ буддизму, прежде чѣмъ онъ изъ Индіи попалъ въ Японію, религія эта подверглась многимъ и существеннымъ измѣненіямъ. Но и въ самой Японіи онъ долженъ былъ подвергнуться дальнѣйшимъ передѣлкамъ для того, чтобы широко выйти въ народныя массы японскаго архипелага и примѣниться къ новымъ соціальнымъ условіямъ.

Въ долгомъ процессѣ этого приспособленія буддизмъ выдвинулъ цѣлый рядъ сектъ, которыя собственно и занялись переработкой основъ этой религіи, соотвѣтствовавшихъ національному характеру японцевъ. Въ результатѣ мы видимъ глубочайшія измѣненія въ философскомъ обоснованіи данной религіи. Такъ, напр., смерть перестала быть простымъ переходомъ къ небытію, а вступленіемъ къ дѣйствительному блаженству; аскетическій эгоизмъ созерцанія былъ замѣненъ программой дѣятельнаго милосердія; безконечная цѣпь причинъ и дѣйствій была оборвана на идеѣ высшаго и всемилостиваго существа, которое было признано источникомъ всего сущаго; всѣ шинтоистскіе боги были признаны воплощеніемъ Будды и т. д.

И, дѣйствительно, являясь желаннымъ элементомъ особенно для тѣхъ народныхъ массъ, которыя были отвергнуты шинто, буддизмъ быстро укоренился на островахъ японскаго архипелага, но онъ не внесъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ національный характеръ японцевъ. Мрачный фанатизмъ совершенно не привился подъ веселымъ небомъ и среди ликующей природы „Страны Восходящаго Солнца“. Покаяніе въ грѣхахъ, посты и молитвы во власяницахъ, торжественныя и продолжительныя службы, страхъ передъ вѣчными мученіями, — все это едва вошло въ сознаніе мірянина. Храмъ представляется ему мѣстомъ, гдѣ хранятся посмертные останки его предковъ; мѣстомъ, куда онъ приходитъ, чтобы возжечь на могилахъ ѳиміамъ и украсить ихъ цвѣтами въ дни поминовенія своихъ усопшихъ предковъ; мѣстомъ, куда онъ забѣжитъ на короткое время, когда выберется свободная минутка, чтобы обратиться къ Буддѣ съ тою или другой просьбой; мѣстомъ, гдѣ будетъ храниться пепелъ отъ его собственнаго трупа, когда онъ разстанется съ этой бренной жизнью и куда будутъ стекаться его родные и друзья, чтобы почтить его память, послѣ того какъ бонзы выдумаютъ для него какое нибудь пышное посмертное имя, на что они такіе мастера.

Эти же буддійскіе храмы направляютъ его и въ повседневной

жизни. Въ нихъ часто, а въ иныхъ—ежедневно, бонзы произносятъ проповѣди; и въ этихъ проповѣдяхъ они ведутъ рѣчь о простыхъ, жизненныхъ явленіяхъ, съ которыми постоянно приходится имѣть дѣло всѣмъ этимъ служанкамъ, мальчикамъ изъ магазиновъ, танцовщицамъ и остальному рабочему люду. Вирочемъ, исповѣдникъ буддизма, какъ мы видѣли, не прочь и отъ торжественныхъ богослуженій и эффектныхъ процессій, но онъ при этомъ цѣнитъ собственно только показную, такъ сказать, обстановочную сторону службы и очень мало заботится о сущности священныхъ актовъ. Онъ старается даже соединить эти празднества со всякаго рода базарами и увеселительными предпріятіями.

Но не только этими внѣшними эффектами завоевалъ буддизмъ себѣ почетное положеніе въ японской исторіи; не только обездоленнымъ и отринутымъ шинтоистскими аристократическими воззрѣніями онъ несъ утѣшеніе и пролагалъ пути ихъ религіозному настроенію. Буддизмъ несъ съ собой высокую матеріальную культуру, которой недоставало тогдашней Японіи; онъ приближалъ своихъ послѣдователей къ обширной китайской философіи; онъ вмѣсто упрощенныхъ пріемовъ и взглядовъ шинто развертывалъ обширную область тонко разработаннаго богословія. Онъ привлекъ къ себѣ широкія массы, но онъ не подчинилъ себѣ національную душу японцевъ. Прежде чѣмъ получить широкое признаніе со стороны народа, онъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, японизироваться. Но и тутъ собственно богословскія его воззрѣнія остались невоспринятыми: интеллигенція относилась къ нимъ съ легкой насмѣшкой и мало занималась ими, масса народная не понимала ихъ. Въ области же морали онъ достигъ большаго, какъ это указано выше.

Буддизмъ и шинто ужились прекрасно. Въ любомъ округѣ вы встрѣтите храмъ для поклоненія Буддѣ и святилища, воздвигнутыя для умилостивленія мѣстныхъ духовъ; въ каждомъ домѣ вы найдете и статуйку Будды и шинтоистскій алтарь; каждый японецъ въ дни радости и успѣха будетъ обращаться къ своимъ шинтоистскимъ божествамъ, а въ дни горя и бѣдствій повергнется съ мольбой передъ статуей Будды. Вотъ почему всѣ празднества, связанныя съ появленіемъ человѣка на свѣтъ, совершаются у шинтоистскаго алтаря, а всѣ похоронные обряды исполняются буддійскими монахами.

Появленіе на территорію японскаго архипелага христіанскихъ проповѣдниковъ въ послѣдніе годы только что минувшаго столѣтія оживило дѣятельность приверженцевъ буддизма. Они стали строить

школы для подготовки своихъ священниковъ, они разсылали проповѣдниковъ, стали выпускать періодическія изданія. Это движеніе показало, что буддизмъ здѣсь, въ Японіи, далеко не мертвая вѣра.

Но буддизмъ напрасно волновался и безпокоился: христіанство не имѣетъ будущаго въ Японіи. Это выяснилось въ настоящее время съ полной несомнѣнностью.

Неуспѣхъ христіанской проповѣди обусловливается въ значительной степени тѣмъ, что христіанство не обладаетъ такой гибкостью, какъ, напр., буддизмъ, а японецъ чувствуетъ себя совершенно неспособнымъ воспринять тѣ идеи, которыя противорѣчатъ его историческимъ идеямъ. Японцы оказались не въ силахъ японизировать христіанство и равнодушно отъ него отвернулись, предоставляя ему вымирать естественной смертью. И, въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство увеличило количество школъ, и острая нужда въ миссіонерскихъ школахъ среди народной массы исчезла, число обращенныхъ начинаетъ быстро падать. И едва ли можно питать надежду на то, что дѣло можетъ быть поправлено тѣмъ или инымъ путемъ. Уже слишкомъ велика пропасть, раздѣляющая два этихъ міросозерцанія: японское и христіанское. Ну какъ примирить шинтоизмъ съ его безчисленными богами и культомъ предковъ съ христіанскимъ ученіемъ? Мы видѣли, что буддизмъ очень легко разрѣшилъ эту задачу, признавъ всѣхъ боговъ шинтоистской религіи воплощеніемъ Будды. Но что тутъ можетъ сдѣлать христіанство? Между тѣмъ основы шинто являются основами не только религіозныхъ воззрѣній японскаго народа, но и его національной жизни. Или что дѣлать въ Японіи съ заповѣдью: „оставь отца и матерь свою“?.. Она совершенно непонятна и недоступна японскому уму, который воспитанъ въ рабскомъ подчиненіи къ семейнымъ традиціямъ и безусловной преданности своимъ родителямъ. Нѣтъ большей добродѣтели въ Японіи, какъ любовь и уваженіе къ родителямъ. Это настроеніе широко разлито въ народныхъ массахъ.

Но возвратимся нѣсколько къ шинто, какъ въ господствующей религіи въ странѣ микадо. Конституція 1889 г. въ своей 27 статьѣ обезпечиваетъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія, поскольку она будетъ совмѣстима съ общественной тишиной и порядкомъ и не будетъ противорѣчить обязанностямъ подданнаго микадо. Зная, насколько принципы вѣротерпимости совпадаютъ съ тенденціями японскаго національнаго характера и имѣя въ виду независимый судъ, который въ данный моментъ установленъ въ Японской имперіи, мы можемъ быть увѣрены, что статья эта не остается пустымъ звукомъ,

а потому провозглашеніе какой бы то ни было религіи государственной не можетъ угрожать свободѣ совѣсти гражданъ. И, дѣйствительно, государственное значеніе шинто ограничивается, главнымъ образомъ, дворомъ и придворными церемоніями.

Имперіалистическое движеніе шестидесятыхъ годовъ, которое быстро переродилось въ движеніе конституціонное, оживило шинтоистскія религіозныя настроенія. Со стороны правительства и императора было бы непростительнымъ промахомъ не воспользоваться тѣмъ выгоднымъ положеніемъ, въ которое ставился императорскій домъ ученіемъ шинто, признававшимъ всѣхъ членовъ императорской семьи за прямыхъ потомковъ боговъ. Возвышеніе шинто въ это время сопровождалось значительными стѣсненіями по отношенію къ буддизму. Онъ лишенъ былъ оффиціальнаго представительства, у буддійскихъ храмовъ были отобраны многія помѣстья и имѣнія, онъ потерялъ многихъ могучихъ покровителей въ лицѣ могущественныхъ феодаловъ. Но буддизмъ пустилъ въ сердце народа слишкомъ глубокіе корни для того, чтобы какими либо циркулярами и правительственными распоряженіями можно было вырвать его изъ жизни народа. Буддизмъ быстро оправился, снова отвоевалъ для себя оффиціальное представительство; но клерикальныя настроенія въ виду охватившаго всѣхъ прогресса быстро пошли на убыль, и въ 1884 году всѣ религіи и секты ихъ были сравнены въ своихъ правахъ и предоставлены въ управленіи самимъ себѣ. Изъ всей административной машины по дѣламъ вѣры было оставлено незначительное лишь бюро алтарей и храмовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ практической жизни, относительно которыхъ представители различныхъ вѣроученій не смогутъ отмежеваться сами. Народная школа была также поставлена внѣ всякихъ религіозныхъ вѣяній, и преимущество государственной религіи шинто сказывается, пожалуй, лишь въ томъ, что государство ежегодно ассигнуетъ на поддержаніе шинтоистскихъ храмовъ и алтарей 216.000 іенъ въ то время, какъ другія вѣроисповѣданія никакой помощи отъ него не получаютъ, да въ торжественныхъ заявленіяхъ императора, гдѣ онъ настойчиво внѣдряетъ въ сознаніе своихъ подданныхъ мысль о томъ, что онъ является прямымъ потомкомъ боговъ. Государство, впрочемъ, и теперь старается внести въ избранную имъ религію нѣкоторые прогрессивные взгляды и большій порядокъ отношеній.

Шинтоистскихъ алтарей въ Японіи насчитывается въ настоящее время 193.476, священнослужителей же всего 14.766, иначе говоря, въ среднемъ на одного священнослужителя приходится

13 алтарей. Подобное положеніе дѣла объясняется тѣмъ, что на большинствѣ алтарей этихъ, службы совершаются не чаще, какъ одинъ разъ въ годъ; обыкновенно же святилище стоитъ необитаемымъ и, повидимому, неохраняемымъ. Время отъ времени въ храмѣ появляется вѣрующій, ударяетъ въ гонгъ, чтобы обратить на себя вниманіе обоготвореннаго духа, бормочетъ коротенькія молитвы, бросаетъ въ кружку два-три каша и мирно удаляется домой.

Буддисты же насчитываютъ въ Японіи 108.000 храмовъ и 54.000 священнослужителей. Среди этого огромнаго количества храмовъ, много, конечно, такихъ же бѣдныхъ, какъ и маленькіе шинтоистскіе алтари.

Іерархическое начало сохранено оффиціально лишь по отношенію къ шинтоистскимъ священнослужителямъ. Положеніе это измѣняется въ зависимости отъ ранга того храма или алтаря, у котораго данный священнослужитель исправляетъ службы и требы. Однако, высшій духовный чинъ по своему значенію едва ли можно считать выше званія мѣстнаго губернатора. Оффиціальное жалованье этихъ священнослужителей колеблется въ предѣлахъ отъ 30 до 100 руб. въ мѣс.; считая доброхотныя приношенія и пожертвованія, вознагражденіе священнослужителей наиболѣе богатыхъ храмовъ можно считать достигающимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 200 руб. въ мѣс.,—что по японскимъ масштабамъ является очень большой суммой. Мѣсто шинтоистскаго священнослужителя дается послѣ соотвѣтствующаго испытанія; исключеніе дѣлается только для тѣхъ лицъ, у которыхъ и отцы и дѣды въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній служили въ храмахъ и у алтарей.

Буддійскіе храмы на оффиціальные ранги не раздѣлены; нѣтъ оффиціальныхъ ранговъ и среди ихъ священнослужителей. Они живутъ на добровольныя приношенія своихъ прихожанъ и на доходы отъ своихъ земель, которыя достигали раньше огромныхъ размѣровъ, а теперь, когда правительство отобрало у нихъ большія имѣнія, сильно посократились.

Въ связи со всѣмъ религіознымъ міровоззрѣніемъ японцевъ стоитъ у нихъ чрезвычайное развитіе суевѣрій, которыя не изгоняются даже и школьнымъ обученіемъ. Конечно, въ концѣ-концовъ въ образованныхъ классахъ суевѣрія далеко не играютъ такой роли, которая отводится имъ въ жизни народной массы, но тѣмъ не менѣе мало найдется даже образованныхъ японцевъ, которые совсѣмъ бы освободились отъ инстинктивнаго страха, создавае-

маго суевѣріями, воспитанными въ цѣломъ рядѣ поколѣній. И чего только нѣтъ среди этихъ часто тонко и разнообразно разработанныхъ вѣрованій: тутъ и духи, и демоны, и амулеты, и сверхестественная сила животныхъ, и колдовство...

IV.

Присматриваясь ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ и сложнымъ явленіямъ религіозной жизни японскаго народа, мы видимъ, что обычай, свято передаваемый отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, обращаетъ японскій народъ въ религіозномъ отношеніи въ компактную массу, ярко и сильно поддерживаетъ чувство національнаго единства у десятковъ милліоновъ людей, живущихъ часто въ чрезвычайно разнообразныхъ условіяхъ. И больше того, обычай этотъ сохраняетъ единство японской націи не только въ пространствѣ, но и во времени. Изъ года въ годъ онъ повторяется свято съ сохраненіемъ цѣлаго ряда яркихъ особенностей, которыя позволяютъ чувствовать всю силу преемственности и всю мощь зависимости живущаго поколѣнія отъ цѣлаго ряда поколѣній, отъ которыхъ остались только бѣлыя кости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти религіозные обычаи оставляютъ огромную область и для личной инициативы и проявленія всякихъ особенностей. Всякая мѣстность обладаетъ своими богами, которые прекрасно уживаются въ общеяпонскомъ пантеонѣ; всякій приходъ по-своему снаряжаетъ свои празднества, и всякая толпа на этихъ празднествахъ по-своему веселится вокругъ облюбованнаго ею бога. Такимъ образомъ, религіозные обычаи не убиваютъ здѣсь личной жизни, и если они, цементируя народную массу въ одинъ монолитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ засоряютъ сознаніе народа безконечно разнообразными суевѣріями, то съ другой стороны мало гдѣ религіозная жизнь оказывается настолько уединенной отъ дѣйствительности, настолько безсильной придавливать и уничтожать новые побѣги мысли и новыя потребности общественной жизни, какъ здѣсь, въ Японіи. Въ самомъ дѣлѣ, широкая вѣротерпимость освобождаетъ историческія силы отъ множества непроизводительныхъ затратъ на борьбу въ области вѣры, полное невмѣшательство религіи въ школу и ея пріемы не обременяетъ умъ и совѣсть японца необходимостью примирять часто совершенно непримиримое — научныя данныя и истолкованія догматиковъ. Политическое безсиліе религіи сказалось на проведеніе парла-

ментскаго режима при наличности вѣры въ общественное происхожденіе микадо и его, слѣдовательно, непогрѣшимость.

Таково же положеніе религіознаго обычая и требованій религіи и въ частной жизни. Они вносятъ въ семью и поддерживаютъ въ ней элементы, скрѣпляющіе ея части въ крѣпкую организацію путемъ развитія и разработки культа предковъ, но они вмѣстѣ съ тѣмъ не убиваютъ здѣсь индивидуальности составныхъ ея частей.

Затѣмъ необходимо указать, что, не смотря на безконечное разнообразіе и пестроту обрядовъ и суевѣрій, которыми переполнена общественная и личная жизнь японца, нельзя сказать, чтобы обрядностью были загромождены наиболѣе важные акты семейной жизни.

Такъ появленіе ребенка на свѣтъ обставляется довольно простыми и несложными церемоніями. Японцы въ отличіе отъ китайцевъ, отъ которыхъ они позаимствовали такъ много, бываютъ обыкновенно одинаково рады, какъ дочери, такъ и сыну, тогда какъ въ Китаѣ только мальчики могутъ расчитывать на радушный пріемъ со стороны своей семьи. О новорожденномъ семья разсылаетъ формальныя извѣщенія со спеціальными посыльными ко всѣмъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ. Тѣ являются тогда къ малюткѣ съ поздравленіями и подарками, которые состоятъ изъ игрушекъ или матеріи — бумажной, шелковой или креповой для одежды ребенка; къ этимъ подаркамъ непремѣнно прилагается сушеная рыба и яйца, уложенныя аккуратно въ особенные, приспособленные для того ящички, куда входитъ тридцать, сорокъ и даже цѣлая сотня. И рыба, и яйца считаются символомъ добрыхъ пожеланій. Передъ седьмымъ днемъ ребенку дается имя, что дѣлается безъ всякой помпы, чисто семейнымъ порядкомъ; и онъ оффиціально становится членомъ Японской имперіи, такъ какъ записывается въ конторѣ, ведущей статистику мѣстнаго населенія.

На тридцатый день жизни ребенка устраивается „первый визитъ“ его въ храмъ. Раздѣтаго малютку въ сопровожденіи родственниковъ и знакомыхъ приносятъ въ какой нибудь шинтоистскій храмъ и тамъ отдаютъ его подъ покровительство божества—патрона этого храма. Этотъ день требуетъ со стороны семейства замѣтныхъ расходовъ: дѣлаются приношенія въ храмъ и священнослужителямъ, посылаются отвѣтные подарки родственникамъ и знакомымъ, и дома часто устраивается парадный обѣдъ. Этимъ и кончаются всѣ торжества и обряды, связанные со вступленіемъ новаго члена въ общество.

Значительно сложнѣе обряды, связанные съ похоронами. Умершаго завертываютъ въ стеганное одѣяло, кладутъ головой на сѣверъ

и окружаютъ ширмами, на одномъ углу которыхъ втыкается мечъ или ножъ для того, чтобы отпугнуть злого духа, могущаго проникнуть въ домъ подъ видомъ кошки и тревожить духъ усопшаго. Затѣмъ о смерти своего члена семья разсылаетъ извѣстія своимъ родственникамъ и знакомымъ. Посѣтители, при входѣ, привѣтствуютъ покойника такими же поклонами, какъ и живого. Они приносятъ съ собой всевозможные дары духу усопшаго: цвѣты, печенья, овощи, свѣчки, факелы, ладанъ или небольшія суммы для покупки послѣдняго. Затѣмъ въ тотъ же день тѣло усопшаго помѣщается въ гробъ; но передъ этимъ совершается торжественный обрядъ омовенія, который исполняется обязательно всѣми членами семейства; послѣ обряда на покойника надѣвается похоронный нарядъ—по возможности, шелковый халатъ, запахивающійся въ обратную сторону, чѣмъ это дѣлаютъ живые. Въ гробу покойнику придаютъ сидячее положеніе и его обкладываютъ различными предметами, которые могутъ пригодиться ему за могилой. Тутъ могутъ быть самыя разнообразныя вещи, нельзя только употреблять, какъ и при обмываніи, ничего металлическаго, кромѣ мѣдныхъ денегъ, которыя могутъ понадобиться усопшему для расплаты съ вѣдьмой, охраняющей берегъ рѣки смерти. Оставшіяся въ гробу пустыми мѣста заполняютъ мѣшечками чая. Затѣмъ гробъ заколачивается гвоздями, завертывается въ бѣлую шелковую простыню, обвязывается бѣлыми шелковыми или бумажными шнурами и ставится на высокую стойку, куда кладутъ ладанъ и съѣстные припасы. Все время, пока гробъ находится въ дому, передъ нимъ воскуряется ладанъ и за кадильницами должны наблюдать родственники и друзья, принявшіе эту обязанность на себя добровольно и расиредѣлившіе это наблюденіе между собой въ теченіе всѣхъ сутокъ. „Пища покойника“ смѣняется черезъ правильные промежутки времени членами семьи. Наконецъ, гробъ уносятъ на кладбище. Похоронная процессія,—особенно если хоронятъ богатаго и знатнаго человѣка, — имѣетъ внушительный и пестрый видъ.

Въ буддійскомъ храмѣ, куда прибываетъ вся процессія, совершается торжественное отпѣваніе. Затѣмъ подъ звуки храмовыхъ инструментовъ его относятъ на кладбище, гдѣ его опускаютъ въ глубокую могилу, надъ которой обязательно ставится памятникъ. Но кладбища устраиваются всегда на значительномъ разстояніи отъ жилого мѣста, что въ большихъ городахъ доставляетъ роднымъ большія хлопоты, такъ какъ они обязаны часто посѣщать могилы своихъ

усопшихъ. Поэтому здѣсь предпочитаютъ не хоронить покойниковъ, а сжигать ихъ.

Трауръ носится въ теченіе семи недѣль; въ это время домъ и родственники покойнаго считаются нечистыми; трауръ назначается весьма строгій, но онъ налагается обыкновенно только на тѣхъ, кто является младшимъ по отношенію къ усопшему. Такъ, мужъ не обязанъ носить траура по женѣ, родители по дѣтямъ.

Замѣтимъ еще, что похоронная процессія у японцевъ не оставляетъ тяжелаго впечатлѣнія. Наиротивъ, здѣсь много яркаго въ одеждахъ и украшеніяхъ, а слезы совершенно отсутствуютъ. На японскихъ кладбищахъ также очень мало удручающаго.

Намъ необходимо остановиться еще на одномъ важномъ моментѣ въ жизни японской да и всякой другой семьи,—на моментѣ возникновенія новой семьи, на процедурѣ заключенія брака.

При наличности тѣхъ легкихъ нравовъ и взглядовъ, которые, какъ мы отмѣчали выше, царятъ въ японскомъ обществѣ въ области половыхъ отношеній, по крайней мѣрѣ, среди мужской половины общества, можно было бы подумать, что бракъ въ Японіи—явленіе шаткое и непрочное. Однако, это далеко не такъ, хотя опять-таки необходимо сказать, что бракъ здѣсь расторгается чрезвычайно легко (ежегодно разводятся до 25% всѣхъ брачныхъ паръ), но это не потому, чтобы бракъ въ глазахъ японца былъ чѣмъ-то несерьезнымъ,—нѣтъ, японцы хорошіе семьянины,—но потому, что бракъ считается дѣломъ частнымъ, семейнымъ, церковь въ него не вмѣшивается, и въ случаѣ неудачной комбинаціи предпочитается супругами лучше разойтись, чѣмъ губить другъ другу жизнь.

Въ широкихъ народныхъ массахъ различныхъ частей Японіи процедура заключенія брака сохранила однѣ и тѣ же типичныя черты, которыя достались настоящему времени, какъ наслѣдіе отъ далекаго прошлаго. Браки по любви, браки на почвѣ свободнаго выбора жениха и невѣсты въ Японіи все еще очень рѣдкое явленіе. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ о брачущихся заботятся сами родители, тѣмъ болѣе, что браки здѣсь принято заключать въ очень раннемъ возрастѣ: когда юношѣ исполнится 18—19 лѣтъ, а дѣвушкѣ 15—17 лѣтъ.

„Ко дню, назначенному для свадьбы“,—разсказываетъ г-жа Черевкова,—„весь домъ, что называется, переворачивается вверхъ дномъ и подвергается самой тщательной чисткѣ. Пріемная, въ которой совершается обрядъ, убирается особеннымъ для этого случая образомъ: на такономо (почетное, возвышенное мѣсто—родъ эстрады

въ глубинѣ комнаты) ставятъ лучшія изъ имѣющихся въ домѣ вазъ съ бамбуковыми и сосновыми вѣтвями. Очень цѣнятся также вѣтви цвѣтущей сливы, если дѣло происходитъ въ февралѣ или мартѣ. На стѣнахъ вѣшаютъ три картины съ подобающими случаю надписями и изреченіями Посреди комнаты ставятъ небольшой сосновый столъ, непремѣнно новый, некрашенный, только гладко-гладко выстроганный; на немъ возвышаются изображенія искусственной сосны, журавля и черепахи: по обѣимъ сторонамъ сосны ставятъ деревянныя фигуры старика и старухи. Куклы эти одѣты въ старинныя дорогія одежды и являются эмблемами долголѣтней, счастливой и добродѣтельной жизни. Вообще все, что въ это время ставятъ въ комнату, имѣетъ символическое значеніе пожеланій счастья и благополучія новобрачной четѣ...

„Въ семьѣ невѣсты тоже происходитъ усиленная дѣятельность. Дѣвушка готовится навсегда проститься съ роднымъ кровомъ. Мать дѣлаетъ дочери рядъ наставленій на всѣ случаи жизни замужней женщины...

„Въ день свадьбы, раньше самой невѣсты, въ домъ жениха отправляютъ ея приданое... Вмѣстѣ съ приданымъ посылаютъ подарки всѣмъ роднымъ и домашнимъ жениха. При этомъ никто не бываетъ обдѣленъ, начиная со стараго дѣда и до грудного младенца включительно...

„Когда все отослано подруги и родственницы приступаютъ къ туалету невѣсты. Ее одѣваютъ въ трауръ, т. е. во все бѣлое. Вѣнчальный нарядъ шьютъ изъ дорогого шелка, крепа, парчи или же простой бѣлой ткани, смотря по средствамъ невѣсты. Лицо и волосы невѣсты покрываютъ бѣлымъ покрываломъ...

„Когда въ домѣ жениха все готово, онъ посылаетъ нѣсколько молодыхъ людей,—своихъ товарищей, съ привѣтствіемъ къ невѣстѣ. Они же зажигаютъ у воротъ ея дома огни. Свадебный кортежъ открываютъ носилки невѣсты, за которыми слѣдуютъ родители, родня и приглашенные; шествіе замыкаютъ слуги съ большими, красными фонарями въ рукахъ“...

При самомъ свадебномъ обрядѣ присутствуютъ лишь сватъ, неизбѣжный персонажъ всякаго японскаго брака, и двѣ маленькія дѣвочки. Всѣ пятеро участниковъ обряда помѣщаются на упомянутой выше эстрадѣ. Въ сосѣдней комнатѣ одинъ или нѣсколько голосовъ поютъ речитативомъ соотвѣтствующую свадебную пѣсню. Когда участники церемоніи размѣстились на своихъ мѣстахъ, подается новый сосновый столикъ, на которомъ поставленъ графинъ съ саке

и три крошечныхъ чашечки разной величины. Саке наливается дѣвочкой сначала въ самую маленькую изъ чашечекъ которая и передается невѣстѣ Та дѣлаетъ изъ нея три небольшихъ глотка и передаетъ ее жениху, который допиваетъ саке тремя же глотками. Та же процедура повторяется и съ двумя остальными чашечками. Въ этой церемоніи собственно и заключается главнѣйшая часть обряда вѣнчанія. Сватъ послѣ этого тотчасъ же выходитъ къ роднымъ жениха и невѣсты и объявляетъ, что молодые люди уже обвѣнчаны. Вечеромъ того же дня въ домѣ жениха устраивается торжество, на которое приглашаются родные и знакомые.

Мы остановились съ такой подробностью на религіозной и семейной сторонѣ жизни японскаго народа именно потому, что здѣсь особенно рельефно выступаетъ вся оригинальность характера и быта японцевъ. Японія за послѣднія десятилѣтія такъ много позаимствовала у Западной Европы, что нѣкоторые изслѣдователи склонны признавать за японцами одинъ лишь талантъ,—талантъ подражательности. Между тѣмъ, мы видимъ, что вся личная и семейная жизнь японцевъ, т. е. та область человѣческихъ отношеній, которая наиболѣе удалена отъ вліянія новыхъ историческихъ факторовъ, дѣйствующихъ нынѣ на островахъ „Страны Восходящаго Солнца“,—міровой торговли и міровой политики,—отличается высочайшей самостоятельностью и оригинальностью. Японцы здѣсь оказываются глубоко преданными своимъ историческимъ традиціямъ, устанавливая въ своей душѣ какъ-то два совершенно самостоятельныя теченія, изъ которыхъ одно управляется сложной и запутанной вѣрой въ боговъ, другое регулируется научными данными и здоровымъ практическимъ разумомъ народа. Вѣра и разумъ оказываются совершенно разобщенными, религія и практика не мѣшаютъ другъ другу. Но за то эта вѣра крѣпка и устойчива и, пока исторія не успѣла выдвинуть для широкихъ народныхъ массъ новыхъ могучихъ идеаловъ, эта вѣра спаивала и спаиваетъ сорока милліонный народъ японскій въ компактную массу, даетъ ему одно общее патріотическое сердце. связываетъ его крѣпкими узами съ далекимъ прошлымъ и создаетъ изъ него крѣпкій политическій монолитъ. Вѣра, — говоримъ мы, — не мѣшается въ общественную практическую жизнь: она не претендуетъ ни на школу, ни

на политику; она раскрываетъ свои объятія лишь тѣмъ, кто ищетъ утѣшенія, кому хочется подѣлиться своими радостями или обрѣсти надежду въ тяжелыя минуты жизни.

Однако, есть уголокъ жизни этого народа, гдѣ религія японцевъ оказываетъ значительное вліяніе на практическія отношенія японской дѣйствительности. Это семья и семейныя отношенія. Мы видѣли, что вся конструкція семьи опредѣляется здѣсь культомъ предковъ, составляющимъ первооснову всѣхъ религіозныхъ взглядовъ японской націи. Цѣлость семьи, ея непрерывность въ возможно далекомъ будущемъ и ея глубокая преданность своему прошлому—вотъ на чемъ, главнымъ образомъ, и зиждутся всѣ семейныя отношенія. Эти принципы такъ сильны, что въ жертву имъ приносятъ интересы личности отдѣльныхъ ея членовъ. И дѣйствительно, въ очень многихъ случаяхъ и государство признаетъ за живую единицу не индивидуума, а семью; этотъ принципъ во многихъ случаяхъ проводится съ такою послѣдовательностью и жестокостью, что приводитъ прямо въ изумленіе представителей западной — индивидуалистической культуры. Вотъ что пишетъ по этому поводу американка Алиса Беконъ: „для насъ, американцевъ, которые живутъ подъ сѣнью обычаевъ и законовъ, по коимъ каждый изъ нихъ является общественной единицей, а семья—союзомъ такихъ единицъ, трудно понять такой общественный строй, въ которомъ личность значитъ мало или не значитъ ничего, а семейство есть общественная единица, признанная какъ закономъ, такъ и обычаемъ. Въ Японіи мужчина — просто членъ семейства, и его обыденныя дѣла, вступленіе въ бракъ и т. п., находятся болѣе или менѣе подъ контролемъ главы семейства или семейнаго совѣта. Только глава семейства имѣетъ право жениться безъ чьего-либо согласія“... Мы видѣли далѣе, что право эмигрировать получаетъ лишь тотъ, кто заручится согласіемъ на это своихъ родителей, какого бы возраста ни былъ самъ эмигрантъ. Мы укажемъ еще, что отецъ и мать, достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, сохраняютъ тѣмъ не менѣе за собой въ семьѣ властное и почетное положеніе, которое дѣлаетъ иногда весьма тяжелой жизнь молодой свекрови. Отчкованье новой семьи при наличности старой обставлено со стороны закона тяжелыми условіями, по крайней мѣрѣ, для привилегированныхъ классовъ общества: такая новая семья теряетъ всѣ свои сословныя и общественныя преимущества, какъ бы ни былъ значителенъ родъ, отъ котораго она происходитъ.

Если таково положеніе мужчины, то положеніе женщины является еще болѣе безправнымъ и закабаленнымъ по отношенію къ семьѣ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ полной силѣ остается мораль „Великаго поученія для женщинъ“, труда, еще въ XVII ст. написаннаго японскимъ моралистомъ Кайбарой.

Главной обязанностью женщины Кайбара считаетъ выходъ ея замужъ и устройство своего семейнаго уголка. Къ этой задачѣ и должны готовить ее ея родители. „Если они, отъ избытка нѣжности, позволятъ ей вырости самовольной“, — говоритъ названный моралистъ:—„то она неминуемо окажется капризной въ домѣ своего мужа и, такимъ образомъ, оттолкнетъ отъ себя привязанность; воспитанная такъ дѣвушка, если ея свекоръ будетъ человѣкомъ надлежащихъ принциповъ, найдетъ ярмо этихъ послѣднихъ невыносимымъ. Она возненавидитъ и будетъ проклинать своего свекра, и результатомъ этихъ домашнихъ разногласій будетъ изгнаніе ея изъ дома мужа, и тѣмъ самымъ покрытіе ея позоромъ“. А потому качества, единственно приличныя женщинѣ: кроткое послушаніе, цѣломудріе, состраданіе и спокойствіе. Такимъ образомъ, полное, сознательное и добровольное подчиненіе мужу и его родителямъ — программа замужней женщины, любовь и почтеніе къ своимъ отцу и матери—задача дѣвушки. И тутъ требованія, которыя, по мысли Кайбары должны предъявляться къ женщинѣ, можно сказать, безграничны „Почитая своихъ собственныхъ родителей“,—говоритъ онъ: „она ни секунды не должна переставать думать о родителяхъ мужа. Женщина не должна переставать ни днемъ, ни ночью отдавать имъ должное почтеніе. Никогда не должна она отказываться ни отъ какой работы, совершеніе которой они потребуютъ отъ нея; должна исполнять со всѣмъ почтеніемъ приказанія своего свекра и никогда не возмущаться противъ нихъ. Во всемъ она должна спрашивать позволенія свекра и свекрови и слѣдовать указанному ими направленію... Женщины, если даже они найдутъ удовольствіе ненавидѣть тебя и оказывать надъ тобою насиліе, то не сердись на нихъ и не ропщи на нихъ!..“

Еще выше, конечно, берется тонъ по отношенію къ мужу. „Женщина должна смотрѣть на своего мужа, какъ на господина, и должна служить ему съ благоговѣніемъ и почтеніемъ, никогда не позволяя себѣ думать о немъ съ неодобреніемъ или легкомысленно. Великій долгъ женщины во всю ея жизнь, есть послушаніе. При обращеніи къ мужу, какъ выраженіе лица жены, такъ и манеры ея должны быть вѣжливы, скромны и кротки, и отнюдь не своенравны и сварливы, не грубы и не притязательны. Объ этомъ женщина должна заботиться прежде и главнѣе всего. Когда мужъ

дѣлаетъ распоряженія свои, жена никогда не должна ослушаться его и послушно слѣдовать его указаніямъ. Если когда-либо мужъ обратится къ ней съ вопросомъ, она должна внимательно и точно отвѣчать ему. Необдуманный отвѣтъ есть признакъ грубости. Если когда-либо мужъ разгнѣвается, то жена должна слушать его со страхомъ и трепетомъ, а отнюдь не сердиться на него и не озлобляться противъ него. Жена должна смотрѣть на своего мужа, какъ будто онъ само небо, и никогда не уставать думать о томъ, какъ лучше подчиниться ему и тѣмъ избѣжать небесной кары"...

Дѣйствительно, такія требованія дѣлали бы положеніе женщины совершенно невыносимыми, если бы только самая жизнь японскаго народа не была насквозь пропитанной самой тонкой вѣжливостью и обходительностью. Грубое обращеніе съ женщиной считается въ семьѣ недопустимымъ. Едва ли кому либо изъ японцевъ придетъ на умъ побить свою жену; и если бы это онъ сдѣлалъ, онъ покрылъ бы себя несмываемымъ позоромъ: ему не простило бы этого никогда общественное мнѣніе, объ этомъ не забыли бы никогда его сосѣди. И тѣмъ не менѣе обычай и законъ, вѣрные указаннымъ традиціямъ „Великаго поученія для женщины", оставляютъ женщину совершенно беззащитной. Мужу чрезвычайно легко развязаться съ нелюбимой женой; для этого у него имѣются слѣдующіе общепризнанные поводы къ разводу: 1) непослушаніе свекру или свекрови, 2) безплодіе, 3) прелюбодѣяніе, 4) ревность, 5) проказа или какая нибудь другая болѣзнь, 6) сварливость или болтливость, мутящія добрыя отношенія между родственниками и вообще нарушающія миръ въ домѣ 7) наклонность къ воровству. Мы видѣли, какъ широко и неопредѣленно формулированы всѣ эти поводы, и какой просторъ предоставляется мужу во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Надо помнить, что жена, уходящая отъ мужа или имъ прогнанная, теряетъ всякія права на своихъ дѣтей, что она должна возвратиться въ свою старую семью, которая смотритъ на нее теперь съ неудовольствіемъ, какъ на лишній балластъ, по отношенію къ которому были исполнены всѣ обязательства. Особенно тяжело положеніе женщины среднихъ классовъ. Въ простомъ народѣ каждая женщина цѣнится какъ рабочая сила, а потому серьезныя экономическія соображенія заставятъ каждаго мужа подумать о своемъ рѣшеніи, прежде чѣмъ отослать свою жену къ ея прежней семьѣ. Точно также и прежней своей семьѣ разведенная жена легко сумѣетъ сдѣлаться полезной и нужной. Не то въ среднихъ классахъ, гдѣ японская женщина въ настоящее время совершенно лишена всякихъ средствъ заработка, и какъ разъ

въ этихъ-то именно среднихъ классахъ особенно часты случаи развода. Въ аристократическихъ кругахъ разводовъ вообще избѣгаютъ, ради устраненія скандальныхъ толковъ и разговоровъ. Но, впрочемъ, этимъ мало облегчается зависимое положеніе женщины. Дѣло въ томъ, что японскіе нравы относятся весьма снисходительно къ такъ называемымъ побочнымъ семьямъ. Семейный человѣкъ съ легкимъ сердцемъ обзаводится часто „наложницей“. Онъ приводитъ въ свой домъ новую женщину, съ которой не связываетъ себя узами брака, но съ которой живетъ, какъ съ законной женой. Мы видѣли, что ходячая мораль очень строго осуждаетъ всякую ревность со стороны женщины, а потому законная хозяйка должна въ глубинѣ души затаить всю горечъ обиды и внимательно отнестись къ своей соперницѣ. Даже болѣе того, она, въ силу обычая, должна вести себя любовно и по отношенію къ ея дѣтямъ, которыя обладаютъ тѣми же правами, что и дѣти отъ законнаго брака. Вотъ почему одна японская пословица съ затаенной грустью утверждаетъ: „крестьянки и работницы счастливѣе жены дайміоса“.

Но даже и сюда, въ эти удаленные и крѣпко запертые религіозными предразсудками уголки японской жизни, начинаетъ проникать сознаніе необходимости заставить каждаго мужа быть и осмотрительнѣе, и внимательнѣе въ своихъ требованіяхъ и прибѣгать въ вопросахъ о разводѣ къ суду. Въ случаѣ добровольнаго соглашенія на разводъ женщина, по новому закону, имѣетъ право хлопотать, чтобы на воспитаніе ей была отдана часть дѣтей; если же дѣло дойдетъ до суда, то только судья можетъ сдѣлать постановленіе о томъ, какъ должны быть распредѣлены между родителями ихъ дѣти.

Также и по отношенію къ собственности, новые законы ставятъ женщину въ болѣе благопріятное, чѣмъ прежде положеніе. Законъ измѣняетъ свое отношеніе къ женщинѣ въ зависимости отъ того, она ли входитъ въ семейство мужа или мужъ дѣлается членомъ ея семьи (нашъ „пріймакъ“). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ (что встрѣчается сравнительно очень рѣдко) главой семьи является какъ бы жена; она считается отвѣтственной за долги семьи и можетъ распоряжаться и пользоваться даже имуществомъ мужа. Но неизмѣримо чаще жена вступаетъ въ семью своего мужа, и тогда мужъ получаетъ право распоряжаться имуществомъ жены. Жена, такимъ образомъ, не теряетъ права собственности на свое имущество, но ограничивается въ правѣ распоряженія имъ. Впрочемъ, она можетъ вести и свое самостоятельное дѣло, и тогда весь чистый доходъ отъ этого предпріятія будетъ опять-таки ея собственностью. Во всѣхъ же спорныхъ слу-

чаяхъ, когда нельзя точно опредѣлить, кому должно принадлежать имущество, оно считается собственностью главы дома,—будетъ ли то женщина или мужчина все равно. Таковы законодательныя нормы. опредѣляющія отношеніе жены къ семейному имуществу. Обычай внесъ въ эти нормы значительныя поправки: такъ, въ дѣйствительности, въ области распоряженія семейнымъ имуществомъ, женщина въ Японіи пользуется большой свободой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о распоряженіи той частью средствъ, которая затрачивается на домашнее хозяйство.

Отвоевываетъ понемногу себѣ японская женщина, самостоятельность и въ области интеллигентнаго заработка. На поприщѣ народнаго образованія, медицины и литературы мы все чаще и чаще встрѣчаемъ женскія имена. Все это, конечно, еще больше раскрѣпощаетъ личность, какъ женщины, такъ и мужчины, отъ узъ той семейной конструкціи, которая передана настоящему времени въ наслѣдіе отъ далекаго прошлаго.

Впрочемъ, и общественной мысли, и общественнымъ новымъ условіямъ много еще прійдется поработать прежде, чѣмъ новыя формы семейныхъ отношеній отвоюютъ себѣ достаточно крѣпкіе устои въ сознаніи народа. Дѣло въ томъ, что вся психика народа приспособилась къ конструкціи той семьи, которая является производной культа предковъ. Единство семьи все еще высоко цѣнится японскимъ народомъ для того, чтобы онъ легко могъ отказаться отъ тѣхъ или другихъ семейныхъ традицій, сдавливающихъ свободныя движенія личности; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что эта же самая семья, эти же самыя семейныя традиціи привносятъ въ національный характеръ, наряду съ нежелательными, особенностями, черты весьма симпатичныя. Любопытны въ этомъ отношеніи замѣчанія Алисы Бэконъ. „Чувство, столь сильное въ Америкѣ“,—говоритъ она, — „что зависимость сама по себѣ тягостна и что ея поэтому надо бояться, кажется совсѣмъ страннымъ для японца. Только что женившійся сынъ не заботится о томъ, чтобы ввести свою жену въ свой собственный, независимый домъ и обезпечивать пропитаніе ей и ея дѣтямъ своимъ собственнымъ трудомъ или доходами со своихъ капиталовъ, но поселяется въ домѣ отца своего и отнюдь не считаетъ стыдомъ, что его семья живетъ на средства родителей. Но въ свою очередь, когда родители пожелаютъ отдохнуть отъ трудовъ жизни, сынъ безропотно беретъ на себя бремя содержанія ихъ, и хлѣбъ, который родители кушаютъ при такихъ условіяхъ, отнюдь не менѣе сладокъ для нихъ, чѣмъ тотъ, который они обрабатывали сами. На выраженіе столь

чтимаго нашимъ временемъ убѣжденіе европейца, что молодой человѣкъ долженъ быть независимымъ и предпріимчивымъ съ ранняго возраста, для того чтобы успѣть сдѣлать сбереженія на старость, японецъ отвѣтитъ, что дѣтей въ Японіи учатъ любить своихъ родителей, больше, чѣмъ покой и роскошь, и что тамъ забота о будущемъ не является необходимостью, какъ это бываетъ въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ деньги цѣнятся выше всего на свѣтѣ,—даже сыновней любви. Это направленіе мысли можетъ объяснить крайній недостатокъ сбереженій для будущаго и отсутствіе накопленія богатствъ, часто поражающее иностранца въ Японіи. Японецъ считаетъ, что его „сбереженія на будущее“ сдѣланы, когда онъ поднялъ и воспиталъ надлежащимъ образомъ большую семью дѣтей“.

СОЦІАЛЬНЫЯ МАССЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНІИ.

I.

Японія до настоящаго времени является страной земледѣльческой по преимуществу. Двѣ трети всѣхъ налоговъ падаютъ на землю. Двѣ трети вывоза приходится на продукты сельскаго хозяйства. Въ 7.806,369 хозяйствахъ, зарегистрированныхъ во всеобщей переписи 1891 г., земледѣліе было отмѣчено основнымъ занятіемъ для 3.462,124 хозяйствъ и побочнымъ для 2.027,506 хозяйствъ, т. е. въ земледѣліи непосредственно заинтересовано значительно больше половины всего населенія Страны Восходящаго Солнца.

Что же представляетъ изъ себя земледѣльческое населеніе японскаго архипелага? Напомнимъ въ двухъ словахъ ближайшіе историческіе моменты, касающіеся земледѣльческаго класса Японіи. Японскій крестьянинъ никогда не зналъ личной крѣпостной зависимости; но тѣмъ не менѣе онъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, такъ какъ государство за круговой порукой небольшихъ мѣстныхъ общинныхъ организацій требовало съ него аккуратной уплаты податей и повинностей. Земля считалась собственностью микадо, а потому купля—продажа ея была стѣснена до крайности цѣлымъ рядомъ законодательныхъ нормъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ актовъ эпохи великихъ реформъ было признаніе (въ 1868 г.) права собственности держателей земли на воздѣлываемые ими участки (право это впрочемъ не было распространено на крупныя лѣсныя владѣнія и монастырскія имущества). Такимъ образомъ всѣ землепашцы превратились въ землевладѣльцевъ. Эти участки земли были такимъ образомъ прямо подарены крестьянству, ихъ воздѣлывавшему, такъ какъ не было назначено никакого выкупа для полученія этой земли въ право собственности. Затѣмъ въ 1872 г. было разрѣшено свободное отчужденіе имущества всѣмъ классамъ народа, а въ 1875 г. были отмѣнены ограниченія, полагавшія извѣстный предѣлъ раздробленію по-

земельныхъ участковъ. Разрѣшены были слѣдовательно всѣ операціи съ землей, за исключеніемъ лишь наслѣдственной аренды. Вмѣстѣ съ водвореніемъ полной свободы частной земельной собственности наносился существенный ударъ и общинному землевладѣнію.

Каковы же результаты, которые получились въ области землевладѣнія, благодаря всѣмъ этимъ реформамъ? Процессы, намѣтившіеся въ землевладѣніи, приняли два направленія: съ одной стороны началось быстрое и сильное дробленіе, почти распыленіе земельной собственности въ рукахъ самихъ землепашцевъ, съ другой—скупка и концентрація ея въ рукахъ наиболѣе имущихъ классовъ населенія „Тридцать лѣтъ", писалъ оффиціальный отчетъ, представленный правительствомъ на всемірную парижскую выставку 1900 г.: „прошло со времени политической реформы, доставившей желающимъ, право собственности на ихъ земли, и уже большинство мелкихъ собственниковъ, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, заложило свои земли, а частью дошло даже до необходимости продать ихъ, чтобы удовлетворить своимъ повседневнымъ нуждамъ или чтобы добыть средства къ безпутной жизни". Несомнѣнно, что и въ этой послѣдней жалобѣ была доля правды. Надо помнить, что съ самаго начала реформъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ японское правительство употребило всѣ силы, чтобы свести страну съ пути натуральнаго хозяйства на путь денежнаго хозяйства: къ этому былъ направленъ и цѣлый рядъ чисто экономическихъ реформъ и вся конструкція податной системы. Но къ новому,—денежному,—строю хозяйства страна должна была привыкнуть, должны были выработаться новые хозяйственные взгляды, новая хозяйственная психика. Естественно, что на переломѣ двухъ системъ,—натуральной и денежной,—нашлось не мало лицъ,—которыя, потерявъ точку опоры въ прежней хозяйственной системѣ, не нашли ея и въ новой. Такія жертвы переходнаго времени были вездѣ. Ихъ знаетъ въ большомъ количествѣ и наша Россія, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земство и правительство думали быстро, безъ соотвѣтственной подготовки населенія, насадить новѣйшія формы кредитныхъ операцій. Къ этой неприспособленности населенія къ новой системѣ необходимо прибавить и быстрый, и энергичный напоръ вновь насаженнаго и привившагося въ странѣ капитализма. Въ результатѣ такого положенія вещей, дѣйствительно, получилось то, что множество участковъ, подаренныхъ правительствомъ землепашцамъ, перешло въ руки болѣе или менѣе крупныхъ капиталистовъ. Параллельно съ процес-

сомъ разъединенія земли съ ея работникомъ шли и процессы измельчанія участковъ и путемъ наслѣдованія, и путемъ продажи части земли. Въ настоящее время, въ силу указанныхъ причинъ, мы находимъ въ Японіи, во-первыхъ, чрезмѣрно мелкое землевладѣніе, а, во-вторыхъ, крайнее развитіе аренды: свыше двухъ пятыхъ землепашцевъ состоятъ арендаторами чужой земли. Замѣтимъ, что бытовая обстановка аренды чрезвычайно неблагопріятна для арендаторовъ: преобладаетъ фактическая аренда изъ года въ годъ, а также сроки отъ 3 до 5 лѣтъ; болѣе долгосрочная аренда практикуется рѣдко; уплата производится натурой, при чемъ на долю землевладѣльца приходится $^1/_2$ до $^2/_3$ урожая. Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ нѣкоторую защиту интересовъ и помощь доставляетъ высоко развитое чувство солидарности среди крестьянъ.

Насколько измельченнымъ, распыленнымъ оказывается въ Японіи землевладѣніе видно изъ того, что въ среднемъ на семью изъ пяти душъ здѣсь приходится 0,8 дес.; размѣры крестьянскаго землевладѣнія рѣдко доходятъ до 2—3 десятинъ. Вообще крупныхъ имѣній сравнительно очень мало. Въ промежутокъ съ 1889 г. по 1900 г. избиратель депутатовъ въ парламентъ долженъ былъ уплачивать прямыхъ налоговъ не менѣе 15 іенъ въ годъ; главнымъ налогомъ былъ налогъ поземельный и эти 15 іенъ приходились въ среднемъ съ такого имѣнья, въ которомъ было $1^1/_2$ гектара рисовыхъ и 5 гектаровъ другихъ полей. И, не смотря на эти скромные размѣры земельнаго ценза во всей Японіи нашлось лишь 517,130 человѣкъ, которые удовлетворяли бы его требованіямъ, что составляло лишь $16^1/_2{}^0/_0$ всего числа землевладѣльцевъ. Очень большія имѣнья встрѣчаются еще рѣже.

Конечно это чрезмѣрное измельчаніе крестьянскаго хозяйства въ значительной мѣрѣ опредѣляется еще и тѣмъ, что земель собственно годныхъ для запашки на островахъ японскаго архипелага очень мало; вся площадь обработываемыхъ полей едва достигаетъ $17^1/_2{}^0/_0$ всей площади имперіи, что объясняется слишкомъ горнстымъ рельефомъ страны. Правда благодаря жаркому климату южной половины Японіи, здѣсь собирается по нѣскольку жатвъ въ одинъ годъ съ одного и того же поля, а потому и площадь, находящуюся подъ различными земледѣльческими культурами, надо признать больше площади обработываемыхъ полей, а именно ее можно считать равной 6,063,000 дес. (или 6.679,509 хо) изъ которыхъ нѣсколько больше половины представляютъ топкія низкія мѣста, занятыя рисовыми посѣвами.

Прокармливаться съ такихъ мелкихъ участковъ японская

семья можетъ, только благодаря чрезвычайной интенсивности полевого хозяйства. Полеводство здѣсь собственно совершенно отсутствуетъ, а его замѣняетъ огородничество: такъ тщательна обработка земли, такъ внимателенъ уходъ за отдѣльными растеніями. Большинство крестьянства здѣсь совсѣмъ не держитъ рабочаго скота, и потому трудъ землепашца оказывается особенно тяжелымъ. По разсчету проф. Краснова, на 1 хо при системѣ японскаго хозяйства требуется не менѣе 300—500 рабочихъ дней, и, такимъ образомъ, на обработку средняго японскаго крестьянскаго хозяйства затрачивается годовой трудъ не менѣе 2—3 человѣкъ.

Такъ какъ скотъ въ японскихъ деревняхъ почти отсутствуетъ, то поля разбрасываются прихотливыми и небольшими участками вокругъ всей деревни. Пашня, какъ мы уже говорили, раздѣляется на заливную и сухую. Первая отводится, главнымъ образомъ, подъ рисъ, но тамъ, гдѣ это удобно, воду спускаютъ, убираютъ рисовую жатву и поле засѣваютъ рапсомъ или другими хлѣбами. Необходимость снимать нѣсколько урожаевъ въ годъ съ одного и того же участка опредѣляется тѣмъ, что одна рисовая жатва даетъ валовой доходъ въ 72 руб. съ хо, что составляетъ 15% кадастровой стоимости земли: податей же приходится платить 17,2 руб. съ хо, т. е. 23,9% урожъя. Но интенсивность культуры, позволяющая брать съ одного и того же клочка земли по нѣскольку урожаевъ или снимать сразу урожай нѣсколькихъ растеній, опредѣляется системой удобренія и рядовой черезполосной культурой нѣсколькихъ растеній. Соотвѣтственно климатическимъ и почвеннымъ условіямъ выработана и смѣна посѣвовъ. Такъ напр., довольно часто наблюдается такое чередованье: 1-й годъ—рапсъ и рисъ, 2-й годъ— хлѣба и рисъ или 1-й годъ хлѣба и табакъ, 2-й годъ—хлѣба и рисъ.

Мы знаемъ, какъ глубоко любитъ японецъ окружающій его растительный міръ; мы знаемъ, въ какой зависимости находится отъ урожая японецъ на своемъ крошечномъ участкѣ,—и потому мы не будемъ удивляться, что японецъ въ своемъ полеводствѣ путемъ опыта дошелъ до многихъ положеній рациональнаго земледѣлія, которыя европеецъ открылъ только въ послѣднее время при помощи научныхъ анализовъ. Мы позволимъ себѣ здѣсь привести характеристику японскаго земледѣлія, сдѣланную искусной рукой проф. Краснова.

„Японцы давно замѣтили, что различныя растенія требуютъ

неодинаковыхъ питательныхъ веществъ отъ почвы, и ввели помимо плодоперемѣнной системы еще систему совмѣстной культуры растеній, не мѣшающихъ другъ другу во время развитія.

„Культура злаковъ и бобовыхъ оказалась наиболѣе совмѣстимой, вотъ почему чаще всего вы видите, что пшеница садится рядомъ съ соею. Конечно, подобная культура возможна только при рядовомъ посѣвѣ. Но въ Японіи практикуется не только рядовой посѣвъ, но и рядовая посадка. Растенія, не исключая и нашихъ хлѣбныхъ злаковъ, садятся рядами. За рядомъ пшеницы садится рядъ сои, затѣмъ опять рядъ пшеницы и т. д. Когда созрѣваетъ пшеница, отцвѣтаетъ соя. Поле не остается послѣ жатвы мертвой пустыней. Оно зеленѣетъ отъ цвѣтущей сои, и скоро вновь готово къ жатвѣ этого бобоваго растенія,

„Въ противоположность намъ японецъ эксплоатируетъ не почву, а растенія. Онъ не грабитъ землю, засѣвая ежегодно сотни десятинъ однимъ и тѣмъ же растеніемъ, высасывающимъ изъ груди ея всѣ питательные соки, чтобы бросить ее потомъ истощенную подъ понасъ. Нѣтъ, въ Японіи почва скорѣе мѣсто прикрѣпленія для растенія, которое откармливаетъ и отпаиваетъ японецъ сложной системой удобренія. Въ его распоряженіи громадный выборъ этихъ послѣднихъ. Каждое растеніе требуетъ здѣсь своего удобренія, послѣ каждой культуры кладется особое, и кромѣ того растеніе удобряется во время своего роста по нѣскольку разъ. Первое мѣсто между удобрительными средствами въ Японіи занимаютъ безспорно человѣческія извержения и моча. И тѣ, и другіе собираются здѣсь особенно тщательно.

„Экскременты переносятся на поле, гдѣ ихъ помѣщаютъ въ большіе, зарытые въ землю резервуары, помѣщаемые по краямъ полей. Здѣсь ихъ разжижаютъ въ 2—3 раза большимъ объемомъ воды и употребляютъ въ дѣло—лѣтомъ дней черезъ 5—6, зимой дней черезъ 10, послѣ того какъ они начнутъ разлагаться и выдѣлять амміакъ. Свѣжіе экскременты и особенно мочу употреблять вредно. Почва не поглощаетъ ихъ, и они, скопляясь на извѣстной глубинѣ, вызываютъ явленія выгорания растеній. По мѣрѣ надобности особыми черпалками экскременты подливаются къ удобряемымъ растеніямъ“.

Кромѣ человѣческихъ экскрементовъ для удобренія употребляютъ конскій помет и вообще извержения животныхъ; отбросы, получающіеся при приготовлении саке, сои; жмыхи, остающіеся отъ различныхъ маслянистыхъ сѣмянъ; золы, зеленое удобреніе отъ разно-

образныхъ растеній, морскія водоросли, гнилую рыбу и, наконецъ, въ самое послѣднее время суперфосфаты и известь,

Вспашка, или вѣрнѣе сказать, перекопка земли принята здѣсь мелкая, но зато пахатный слой разрыхляется чрезвычайно мелко, что обезпечиваетъ особую силу за всѣми процессами провѣтриванія.

Переходя теперь къ различнымъ стадіямъ обработки земли, мы прежде всего должны отмѣтить почти повсемѣстное отсутствіе плуга: взрыхленіе почвы въ громадномъ большинствѣ случаевъ производится ручнымъ способомъ, при помощи особаго инструмента, называемаго по-японски куба и представляющаго родъ мотыги. Тамъ же, гдѣ въ дѣло идетъ плугъ, то и этотъ плугъ достался населенію отъ далекой старины и по своей конструкціи сильно напоминаетъ плугъ египтянъ эпохи фараоновъ. Бороны почти всегда бываютъ деревянныя. Телѣгъ, повозокъ и другихъ экипажей въ крестьянскомъ японскомъ хозяйствѣ совсѣмъ нѣтъ: все переносится и перетаскивается самими людьми. Прибавьте сюда цыновки, корзинки, нѣсколько глиняныхъ горшковъ, большую каменную ступку, въ которой съ помощью деревяннаго песта толкутъ рисовыя зерна, просорушку и вѣялку, и вы будете имѣть почти полный наборъ сельскохозяйственныхъ орудій, необходимыхъ японскому земледѣльцу.

„Отсутствіе скотоводства и дойныхъ животныхъ и молочнаго хозяйства замѣчаетъ проф. Красновъ“: „сокращаетъ болѣе чѣмъ на треть число земледѣльческихъ орудій и домашней утвари. Во дворѣ японскаго мужика вы не увидите ни хлѣва, ни стойлъ, не услышите ржанія коня или мычанія коровы. Только пѣніе пѣтуха напомнитъ вамъ, что вы въ деревнѣ. Нѣтъ обычныхъ горшковъ и маслобоекъ. стоговъ сѣна и грудъ испачканной навозомъ соломы, въ которой роется своимъ рыломъ свинья. Здѣсь все дѣлаетъ и за все отвѣчаетъ человѣкъ, привыкшій сокращать потребности свои до minimum'а“...

Трудъ японскаго крестьянина распредѣляется въ теченія всего года равномѣрно. Онъ не знаетъ тѣхъ спазматическихъ приступовъ работы, которые сопряжены съ нашей страдою и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаетъ тѣхъ глухихъ полосъ вынужденнаго бездѣлья, которыя связаны у насъ съ долгой зимой, закутывающей деревни и поселки сугробами снѣга Кропотливая работа безъ помощи со стороны домашнихъ животныхъ сдѣлала его трудолюбивымъ и трудоспособнымъ. Но эта же самая работа, приковывшая его вниманіе не къ широкимъ равнинамъ, на которыхъ колышется море хлѣбовъ. а къ каждому отдѣльному растенію, чуть ли не къ каждому отдѣльному листику, къ от-

дѣльному сѣмячку, сдѣлало его въ работѣ чрезвычайно мелочнымъ. Надъ какой нибудь бездѣлушкой, надъ какой нибудь мелочью онъ способенъ просидѣть часы и дни для того только, чтобы выполнить ее артистически. Правда, здѣсь на его характерѣ отражается не только вся организація его вѣковой работы, но и его чуткое ко всему красивому сердце, но это дѣлаетъ его еще болѣе расточителемъ его времени и труда.

Но если отсутствіе домашнихъ животныхъ дѣлаетъ японца кропотливымъ и мелочнымъ въ своей работѣ, то съ другой стороны та же причина даетъ возможность ему сохранить свою душу мягкой и чуткой, такъ какъ многіе считаютъ, что обращеніе съ домашними животными вызываетъ въ человѣкѣ нѣкоторую огрубѣлость чувствъ. Далѣе, отсутствіе животныхъ опять-таки даетъ возможность съ большей легкостью сохранять ту чистоту, которая такъ поражаетъ въ японской деревнѣ каждаго туриста.

Подводя итогъ сказанному, мы видимъ что земледѣльцу сравнительно нетрудно было бы вести здѣсь свое хозяйство: небольшой клочекъ земли своими обильными жатвами кормитъ всю семью, орудія производства въ большинствѣ случаевъ самыя дешевыя, въ скотъ не приходится вкладывать капитала, построекъ много не нужно. Одна—бѣда: цѣны на землю, годную для земледѣльческой культуры, очень высоки. Почти десять лѣтъ тому назадъ когда по Японіи путешествовалъ проф. Красновъ, хо рисоваго поля въ среднемъ стоилъ около 465 руб. а сухой пашни 144 руб Мы видѣли, что экономическіе процессы, связанные съ коренными перемѣнами въ политической жизни, происшедшими въ концѣ только что минувшаго вѣка, привели къ тому, что множество крестьянскихъ семействъ потеряли свои земли, которыя перешли въ руки буржуазіи. Эти безземельные крестьяне теперь живутъ въ большинствѣ случаевъ на положеніи арендаторовъ и лишены всякой надежды стать самостоятельными хозяевами, особенно въ виду чрезвычайнаго роста цѣнъ на пашню. Ростъ городовъ и фабрично-заводской дѣятельности отвлекаетъ теперь значительные кадры этихъ пролетаріевъ изъ деревень, но тѣмъ не менѣе связь съ деревней у этихъ исконныхъ земледѣльцевъ разрывается нелегко. И фабричнаго отъ станка, и прислугу тянетъ назадъ къ себѣ въ деревню, куда время отъ времени и отправляются многіе, хотя бы на короткую побывку.

Конечно, разложеніе деревни и переходъ земель въ руки капитала можетъ быть задержанъ и даже остановленъ путемъ развитія кооперативнаго движенія и всевозможныхъ организацій, служащихъ

дѣлу взаимопомощи. Въ этомъ отношеніи Японія,—по крайней мѣрѣ. нѣкоторые изъ ея земледѣльческихъ округовъ — издавна обладаютъ весьма оригинальнымъ учрежденіемъ. Оно называется *Hotokousha*. Это собственно товарищество, составленное изъ мѣстныхъ жителей и имѣющее своею цѣлью оказывать всяческую помощь земледѣльческому классу. Оно старается прививать крестьянамъ понятія о бережливости и умѣренности, а также приходить оказывать денежную помощь, какъ отдѣльнымъ хлѣбопашцамъ, такъ и цѣлымъ селеніямъ, когда ихъ постигаетъ какое нибудь стихійное бѣдствіе въ родѣ пожара, наводненія, урагана, землетрясенія; оно же даетъ ссуды на различныя производительныя предпріятія; понуждаетъ населеніе къ обработкѣ заброшенныхъ земель, къ облѣсенію подходящихъ участковъ земли, къ проведенію оросительныхъ каналовъ, къ постройкѣ дорогъ, насыпей и водоотводовъ. Оно ставитъ своей задачей также пропаганду своихъ идей. по возможности, среди широкихъ круговъ японскаго населенія.

Для открытія *Hotokousha* въ той или другой сельской мѣстности достаточно, чтобы въ ассоціацію согласились поступить семь членовъ. Отъ участника требуется, чтобы онъ не былъ безбожникомъ, не считался врагомъ династіи микадо и не былъ эгоистомъ, способнымъ трудиться только для самого себя. Каждый членъ *Hotokousha* даетъ обязательство быть умѣреннымъ и всѣ излишки отъ своихъ доходовъ или заработковъ, не употребленные на необходимыя нужды своей семьи, вносить въ ассоціацію. Всѣ должностныя лица ассоціаціи выбираются на общихъ собраніяхъ членовъ и должны служить обществу безвозмездно.

Для всѣхъ ссудъ, которыя выдаются этими ассоціаціями, требуется поручительство двухъ лицъ а иногда и особыя обезпеченія. Въ большинствѣ случаевъ подобныя ссуды погашаются періодическими взносами. По всѣмъ ссудамъ, выдаваемымъ Hotokousha, и по всѣмъ вкладамъ, имъ принимаемымъ, процентовъ не платится.

Капиталы такой ассоціаціи составляются изъ земельныхъ участковъ, подаренныхъ обществу правительствомъ и частными лицами, изъ суммъ, выдаваемыхъ центральной Hotokousha своимъ филіаламъ въ видѣ авансовъ и, наконецъ, изъ членскихъ взносовъ. Затѣмъ идутъ общіе вклады, представляющіе собой небольшія суммы, удѣляемыя каждымъ членомъ изъ своихъ ежедневныхъ расходовъ и подлежащія возврату по требованію ихъ собственника; далѣе особые вклады, поступающіе на опредѣленное время и являющіеся единственными суммами, на которыя общество начисляетъ проценты

и, наконецъ, добровольныя пожертвованія, которыя обыкновенно состоятъ изъ суммъ, вносимыхъ каждымъ членомъ при окончательной уплатѣ долга сверхъ занятой суммы.

Hotokousha основываются обыкновенно на шестьдесятъ лѣтъ. Когда общество въ силу тѣхъ или другихъ причинъ прекращаетъ свое существованіе, его собственность и управленіе его дѣлами переходитъ къ центральной ассоціаціи.

Къ сожалѣнію, эти прекрасныя учрежденія, какъ свидѣтельствуетъ Дюмоляръ, въ послѣднее время начинаютъ работать съ меньшей энергіей, такъ какъ ихъ общинный духъ стоитъ въ противорѣчіи съ индивидуалистическими тенденціями новаго времени. Но зарожденіе кооперацій новаго типа, быть можетъ, оживитъ и старыя симпатіи къ Hotokousha, а въ свою очередь найдетъ въ нихъ и для себя источникъ новыхъ силъ. Въ странѣ за послѣдніе годы начинаетъ появляться много, какъ коммерческихъ, такъ и производительныхъ земледѣльческихъ синдикатовъ. Съ 1897 г. синдикаты эти взяты закономъ подъ особое покровительство.

Несмотря на свои старинныя земледѣльческія орудія, которыя достались японскому крестьянину изъ далекаго прошлаго и почти не измѣняются съ тѣхъ поръ, японскій крестьянинъ подъ вліяніемъ широко поставленнаго народнаго образованія довольно легко усваиваетъ въ своей жизни многія даже весьма сложныя новинки современной европейской цивилизаціи. Такъ, напр., во многихъ деревняхъ въ домѣ даже самаго бѣднаго крестьянина вы найдете электрическое освѣщеніе: оказывается, что деревня пріобрѣла въ складчину данамо-машину и воспользовалась силой сосѣдняго горнаго потока для того, чтобы обезпечить себя электрическимъ освѣщеніемъ. Почти каждая деревня устраиваетъ у себя водопроводъ; громадное большинство деревень связано съ наиболѣе важными и населенными изъ сосѣднихъ пунктовъ телеграфными и телефонными проводами; въ очень многихъ деревняхъ можно встрѣтить сейсмологическій приборъ, предсказывающій приближеніе и начало землетрясенія. Наконецъ, лучшимъ зданіемъ въ деревнѣ всегда является школа на которую мѣстное населеніе не жалѣетъ затрачивать своихъ силъ. При наличности этихъ данныхъ есть полныя основанія надѣяться, что прогрессъ земледѣльческаго населенія въ концѣ концовъ все же выйдетъ на широкій путь.

Однимъ изъ тормазовъ этого совершенствованія деревенской жизни является исчезновеніе мелкой земельной собственности. Крупные землевладѣльцы предпочитаютъ не вести самимъ хозяйство, а

раздаютъ свои земли мелкими участками многочисленнымъ арендаторамъ. Мы видѣли, каково положеніе японскаго арендатора: онъ вынужденъ часто отдавать большую половину своей жатвы въ издольную уплату, онъ не можетъ почти никогда разсчитывать на долгосрочную аренду. Все это, конечно, совершенно лишаетъ арендатора всякой возможности вкладывать какой-либо капиталъ въ мелиоративныя предпріятія. Однако, вопросъ объ улучшеніи земельныхъ угодій, даже несмотря на указанныя неблагопріятныя условія, сдѣлалъ за „вѣкъ просвѣщенія“ значительные шаги впередъ. Такъ за время революціи (съ 1868 г.) наблюденіе за потоками спасло широкое пространство земли отъ наводненій; затѣмъ при помощи паровыхъ помпъ осушены обширныя болотистыя мѣстности. Насколько энергично въ этомъ направленіи производится раобта, можно судить потому, что въ одной только области годовой работой этихъ помпъ было обсушено 1,000 гектаровъ, которые въ первомъ же году дали 45,000 гектолитровъ рису.

Новыя культуры, хотя бы только въ побочныхъ областяхъ земледѣлія начинаютъ также прокладывать себѣ путь въ крелетъянскомъ хозяйствѣ. Особенно это замѣтно въ области садоводства. Крайне влажный климатъ Японіи сдѣлалъ ея природные фрукты слишкомъ водянистыми и маловкусными. Но уходомъ за плодовыми деревьями за послѣднее время достигнуто очень многое. Яблони теперь даютъ большой доходъ не только на Хоккаидо, но и въ сѣверо западной части Ниппона. Апельсины вывозятся и въ Россію, и въ Сѣверную Америку. Крутые склоны горъ, не годные ни для пашни, ни для пастбища засажены въ настоящее время во многихъ мѣстахъ плодовыми деревьями. Хлопчатобумажныя плантаціи нѣсколько уменьшаются, а за то увеличивается воздѣлываніе шелка. Скотоводство разростается и укрѣпляется, благодаря тому, что населеніе обратило серьезное вниманіе на высокіе, нагорные луга, дающіе достаточный кормъ скоту. Напомнимъ, что количество скота въ Японіи очень не велико: въ 1901 году лошадей приходилось лишь 31 голова на 1,000 душъ населенія, а рогатаго скота всего лишь 26 на ту же тысячу душъ. Но потребность въ мясѣ начинаетъ уже сказываться въ населеніи: изъ года въ годъ увеличивается число боенъ и число закалываемыхъ животныхъ. Это теченіе замѣчается и на развитіи свиноводства, которое за послѣднее время принимаетъ все большіе и большіе размѣры и на числѣ рогатаго скота: въ 1888 г. быковъ и коровъ насчитывалось во всей Японіи 1,011 тысячъ головъ, а въ 1901 г. уже 1,282 тыс. Вмѣстѣ съ этимъ

расширяется употребленіе молочныхъ продуктовъ, а также и употребленіе кожи, тогда какъ раньше кожаный товаръ былъ очень рѣдокъ и даже на обувь, какъ мы видѣли выше, употреблялось почти исключительно дерево и солома. Впрочемъ, потребность въ продуктахъ животноводства настолько выросла, что страна далеко не удовлетворяетъ своими силами всего своего производства: мясо ввозится, главнымъ образомъ, изъ Австралии, а молоко, масло и олеомаргаринъ (въ консервированномъ видѣ) — изъ Европы и Америки.

Укажемъ, наконецъ, что и самый уходъ за землей (напр., примѣненіе фосфатовъ, имѣющее мѣсто съ недавняго времени) и примѣненіе новыхъ способовъ обработки, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ культурамъ иногда весьма значительно подняло производительность земли; такъ, напр., несмотря на то, что площадь, занятая чайными плантаціями, сократилась, производительность этихъ плантацій увеличилась на 17%.

Такимъ образомъ, несмотря на всю неблагопріятную экономическую обстановку, въ которую поставлено современное японское земледѣліе, японскій земледѣлецъ не остается коснымъ, а отвоевываетъ у природы все новыя и новыя области производительныхъ операцій.

II.

Вторымъ промысломъ послѣ земледѣльческаго на островахъ японскаго архипелага является рыбная ловля и, дѣйствительно, въ такой странѣ, какъ Японія, эта отрасль народнаго хозяйства должна стоять на очень большой высотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, море врѣзывается въ самое сердце имперіи микадо; оно переполнено множествомъ удобныхъ бухтъ; береговые лѣса даютъ прекрасный строительный матеріалъ для всѣхъ строительныхъ рыбацкихъ предпріятій. Кромѣ того, прибрежное море представляетъ чрезвычайное разнообразіе условій для жизни рыбъ, а потому обезпечиваетъ и чрезвычайное разнообразіе промысловыхъ животныхъ. У береговъ Японіи мы находимъ воды, отличающіяся другъ отъ друга не только по средней годовой температурѣ, но и по глубинѣ и по химическому составу. Все это, конечно, оказываетъ особенно большое вліяніе на стаи бродячихъ рыбъ, приходящихъ въ огромномъ количествѣ метать икру у береговъ острововъ.

Промысловое рыбацкое населеніе Японіи весьма значительно. Въ 1899 г. считали 907 тыс. рыбацкихъ семей съ 3,339 тыс.

душъ обоего пола; промысловыхъ судовъ по послѣднимъ даннымъ было 420,000. Промысловыя операціи все увеличиваются и увеличиваются и уже въ 1899 г. на рынокъ поступило продуктовъ моря на 72 милл. руб.; причемъ оказалось, что за пять лѣтъ цѣнность продуктовъ лова увеличилась больше чѣмъ въ два раза. Конечно, помимо всей той части улова, которая поглащается рынкомъ, значительная доля его остается на пропитаніе самого рыбацкаго населенія.

Главнымъ предметомъ лова является сардины, за которыми слѣдуютъ боннты, пагры, макрели, треска, акула, лососевыя породы, сельди, затѣмъ разные сорты моллюсковъ, креветъ, устрицъ; далѣе занимаются сборомъ морскихъ водорослей, и въ большей, или меньшей степени процвѣтаетъ и китобойный промыселъ. Рыба, конечно, идетъ прежде всего на пищу человѣку въ самомъ разнообразномъ видѣ: свѣжая, сушеная, соленая, копченая и консервированная. Затѣмъ почти на 10 милл. рублей изготовляется ежегодно удобрительныхъ туковъ. Далѣе изъ рыбы же добывается жиръ, различныя масла и лекарственныя вещества. Все это, конечно, поглащаетъ довольно значительное количество рабочихъ силъ, особенно если принять въ разсчетъ различные побочные промыслы, въ родѣ, напр., добычи соли, въ которой занято до 140 тыс. человѣкъ и которая ежегодно даетъ 600—700 тоннъ (по 62 пуда) продукта. Сообразно съ этимъ Японіей вложенъ въ свои рыбные промыслы весьма значительный капиталъ. Такъ, напр., одни орудія лова и лодки составляютъ цѣнность, не меньше, какъ въ 2.000,000 руб. Развиты и отхожіе рыбные промыслы, хотя сравнительно въ незначительныхъ размѣрахъ: промышленники ѣздятъ и къ берегамъ Кореи и къ Сахалину и къ Канадѣ и попадаютъ даже въ австралійскія воды (незначительный промыселъ по сбору морской капусты и жемчуга). Вся масса продуктовъ морского лова Японія потребляетъ по преимуществу сама; вывозъ ихъ не великъ: приблизительно на $6^1/_2$ милл. рублей и, главнымъ образомъ, въ Китай.

Японія очень внимательно и любовно относится къ своимъ рыбнымъ богатствамъ. Японское законодательство всѣми силами старается охранить ихъ отъ хищничества со стороны промышленниковъ. Въ этомъ правительству много помогаетъ и общественная самодѣятельность. На территоріи японскаго архипелага не мало насчитывается рыболовныхъ и рыбоводныхъ обществъ, которыя своею главнѣйшей цѣлью ставятъ изученіе условій и техники рыболовства. Открытъ цѣлый рядъ спеціальныхъ заведеній, учрежденій,

посвященныхъ вопросамъ данной области: такъ въ 1901 г. Японія насчитывала здѣсь 25 опытныхъ станцій и 24 рыбацкихъ школъ. Кромѣ того, въ Японіи открыто единственное въ мірѣ высшее учебное заведеніе по рыболовству—Суисонъ Кошужіо. Поступать туда могутъ только молодые люди, окончившіе среднее учебное заведеніе. Оно имѣетъ четыре факультета: рыболовства, рыболовной технологіи, рыбоводства и отдѣленіе для подготовки спеціалистовъ для лова въ морѣ на большой глубинѣ. Студентъ остается въ учебномъ заведеніи три года, изъ которыхъ два первыхъ посвящены теоретическимъ занятіямъ, а второй—практическимъ работамъ: въ лабораторіяхъ, на опытныхъ станціяхъ и на водахъ. Съ этой цѣлью при институтѣ имѣется 10 опытныхъ станцій, много рыболовныхъ судовъ и 2 океанскихъ парохода. Работы японскихъ ученыхъ по ихтіологіи и океанографіи выдѣляются и по своему количеству, и по своему значенію.

Большое вниманіе отводится Японіей и рыбоводству. Особенно въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія разведеніе карповъ. Для этого японскіе рыбоводы чрезвычайно остроумно использовали тѣ пруды, которые приходится ежегодно устраивать на рисовыхъ поляхъ. Когда эти поля покрыты водой, туда пускаютъ стаи карповъ, которые не только сами представляютъ доходную отрасль хозяйства, но приносятъ значительную пользу и пашнѣ: они уничтожаютъ вредныхъ насѣкомыхъ и плевелы, а болѣе крупные экземпляры постоянно бороздятъ почву и тѣмъ самымъ подвергаютъ ее какъ бы постоянной бороньбѣ. На зиму же карповъ пересаживаютъ въ особые пруды. Кромѣ того, рыбоводы же занимаются разведеніемъ черепахъ, устрицъ, водорослей (послѣднихъ такимъ путемъ собирается ежегодно на $^1/_2$ мил. руб.).

Но капиталистическое производство, конечно, даетъ себя чувствовать народу тяжелымъ бременемъ, и наемнымъ рабочимъ на рыбныхъ промыслахъ выпадаетъ нелегкая доля.

Изъ другихъ отраслей добывающей промышленности гораздо меньшую роль въ жизни страны занимаетъ горное дѣло. Въ немъ занято около 130.000 рабочихъ (изъ нихъ больше половины на каменноугольныхъ копяхъ). Прежде Японія считалась богатой благородными металлами; въ дѣйствительности же горныя богатства ея ограничиваются углемъ, мѣдью и сѣрой. Особенную цѣнность представляютъ каменноугольныя залежи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развертываются такіе могучіе пласты этого цѣннаго минерала, что они представляются прямо неисчерпаемыми. По качеству своему япон-

скій уголь ниже англійскаго, но зато и дешевле его. Преимущество многихъ японскихъ коней заключается въ томъ, что они подходятъ къ самому морю, и перевозка, и доставка его до крайности упрощается. Близость моря оказываетъ самое благопріятное вліяніе на на эти каменноугольные районы. Ни дыма, ни копоти вы не замѣчаете; всюду зеленѣющія и чистенькія горы и равнины, морской воздухъ и здѣсь продолжаетъ свое оживляющее, волшебное дѣйствіе.

Благодаря мощности угольныхъ пластовъ, въ копяхъ здѣсь мы часто встрѣчаемъ высокія и просторныя галлереи. Главнымъ бичемъ, какъ угольныхъ, такъ и всякихъ другихъ копей въ Японіи является вода. Высчитано, что при добычѣ одной тонны угля приходится выкачивать въ среднемъ 20 тоннъ воды; удаленіе изъ шахтъ воды составляетъ почти треть всѣхъ расходовъ по добычѣ угля и поглощаетъ десятую часть добытаго угля. Нѣкоторыя копи, какъ, напр., на разработкахъ богатаго дома Митсуи, выдѣляются своимъ благоустройствомъ. Здѣсь галлереи освѣщены электричествомъ, повсюду вагончики, приводимые въ движеніе канатами. Общая годовая добыча каменнаго угля въ Японіи равняется 7—8 милльонамъ тоннъ. Недостатки каменноугольнаго промысла, однако, такъ велики, что съ японскимъ углемъ конкурируетъ и австралійскій, и китайскій.

Изъ остальныхъ продуктовъ горнаго дѣла обратила на себя вниманіе мѣдь. Выплавка мѣди возрастаетъ съ каждымъ годомъ; и въ настоящее время Японія не только сама себя обслуживаетъ своею мѣдью, но и вывозитъ значительное количество ея за границу. Дальше идетъ сѣра, добыча которой мѣняется скачками, то повышаясь, то понижаясь, но, во всякомъ случаѣ, и сѣра является предметомъ вывоза.

Но чѣмъ бѣдна Японія, такъ это желѣзомъ и нефтью. И въ томъ, и въ другомъ она находится въ полной зависимости отъ ввоза. Изъ всей добываемой за годъ руды ежегодно въ среднемъ выплавляется около $1^1/_2$ милльона пудовъ металла въ видѣ чугуна, желѣза и стали. Это количество металла составляетъ лишь малую долю того, что требуется страной. Добыча нефти развивается быстро и сильно: за послѣдній десятокъ лѣтъ только что минувшаго вѣка, она увеличилась въ 20 слишкомъ разъ, и тѣмъ не менѣе Японія не удовлетворяется своимъ керосиномъ и другими нефтяными продуктами, ввозъ которыхъ увеличивается безпрерывно.

Добыча золота очень невелика — около 150 пудовъ въ годъ; серебро получается въ большихъ размѣрахъ: 3—4 тысячи пудовъ ежегодно. Кромѣ того въ Японіи добываются весьма значительныя

количества колчедана, свинца, олова, мышьяка, купороса, ртути, графита.

Положеніе рабочихъ въ этихъ отрасляхъ производства, охрана ихъ труда и развитіе самосознанія по существу не представляетъ никакихъ особенностей по сравненію съ тѣмъ, что мы находили въ промышленности обрабатывающей, а потому на этихъ вопросахъ мы и остановимся въ слѣдующей главѣ. Замѣтимъ только, что развитіе каменноугольной промышленности дало могучій толчекъ росту фабрично-заводской дѣятельности.

Горное дѣло въ настоящее время находится подъ значительнымъ покровительствомъ японскихъ законовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство устанавливаетъ за всѣми горными предпріятіями весьма тщательный надзоръ черезъ своихъ горныхъ инспекторовъ. Прогрессу горнаго дѣла въ Японіи много содѣйствуетъ открытое еще въ 1871 г. инженерное училище для изученія горнаго дѣла и металлическихъ производствъ.

III.

Переходя теперь къ обрабатывающей промышленности, мы должны выдвинуть на первый планъ японскаго кустаря. Сдѣлать это необходимо, если не по количеству поглощаемаго кустарной промышленностью капитала и по размѣрамъ производимыхъ ею цѣнностей, то, во всякомъ случаѣ, по численности рабочихъ силъ, занятыхъ ею, и по историческимъ и экономическимъ основаніямъ. Мы видѣли, что культурныхъ земель, не смотря на ихъ высокую производительность, все-таки не хватаетъ для японскаго земледѣльческаго населенія, особенно при значительности тѣхъ налоговъ, которые приходится нести сельскому населенію. Такимъ образомъ, передъ японскимъ народомъ развертывается вопросъ о кустарной промышленности, объ отходѣ и эмиграціи. Займемся сначала кустарной промышленностью.

Еще совсѣмъ недавно Японія была знакома только съ кустарнымъ способомъ производства и совершенно не знала ни фабрикъ, ни заводовъ. Не смотря на небывалое развитіе капиталистической,—фабрично-заводской промышленности,—въ Японіи за послѣднія десять лѣтъ, кустари все еще занимаютъ весьма устойчивое положеніе и изъ нѣкоторыхъ позицій едва-ли когда-нибудь будутъ выбиты новыми теченіями промышленной жизни.

Такими твердынями кустарныхъ промысловъ являются глав-

нѣйшія отрасли старо-японской промышленности. Сюда относятся: лакированныя, бронзовыя, фарфоровыя, фаянсовыя издѣлія, бумага, соломенныя издѣлія, растительныя масла, сахаръ. Въ общемъ занятыми въ этихъ предпріятіяхъ оказывается около 4% всего женскаго населенія.

Особенно безопасной для кустаря является та область, гдѣ отъ работника требуется много вкуса и личнаго почина. Въ этомъ отношеніи эмальированное мозаичное производство (cloisonne) занимаетъ первое мѣсто. Оно до сихъ поръ составляетъ гордость Японіи. Такъ же хороши вышивки шелками по парчѣ, бархату и креповымъ матерьямъ; и здѣсь очень часто попадаютъ высокохудожественныя произведенія. Конечно, эти работы очень дороги, не доступны широкимъ массамъ и не могутъ занимать много рукъ, но не надо думать, что художественное чутье японскаго народа давало себя чувствовать только въ этой дорогой области промышленности, напротивъ, артистическая жилка сказывается почти во всѣхъ работахъ японскаго кустаря. И во многихъ самыхъ дешевыхъ работахъ вы видите и изящество, и тщательность отдѣлки, которыя въ Европѣ доступны только богатымъ людямъ, при покупкѣ вещей въ дорогихъ магазинахъ. „Дешевыя ткани“,— говоритъ г-жа Бэконъ: „синія и бѣлыя полотенца, обычныя чайныя чашки и чайники, большой желѣзный котелъ въ сельской кухнѣ,—все это вещи, обладающія своеобразной красотой и изяществомъ въ такой же мѣрѣ, какъ богатый крепъ, серебряная кадильница, изящный фарфоръ и элегантный лакъ въ богатой обстановкѣ дайміоса“... И художественныя вещи широко распространены среди даже небогатаго населенія. Не надо забывать, что простота домашней обстановки освобождаетъ японское хозяйство отъ пршбрѣтенія цѣлаго ряда предметовъ домашняго обихода: японцу не за чѣмъ покупать столы, стулья, шкафы, кровати, не за чѣмъ тратить деньги на ремонтъ этихъ предметовъ, и у него, такимъ образомъ, остается свободной болѣе или менѣе замѣтная сумма денегъ, которыя онъ тратитъ на покупку какемоно, цвѣтовъ, вазъ и другихъ предметовъ чистой эстетики.

Правительство всѣми силами старается поддержать вкусъ у японскихъ ремесленниковъ. Съ этой цѣлью устраиваются многочисленныя выставки въ разныхъ уголкахъ провинціи. На выставкахъ этихъ можно легко убѣдиться, что вкусъ народа стоитъ высоко и теперь отличается глубокимъ пониманьемъ красоты и изящества.

Къ сожалѣнію, новыя экономическія теченія далеко не поддерживаютъ артистическаго чувства японскаго кустаря въ томъ напряженіи, въ которомъ оно было раньше. Прежде всего исчезли, сметенные исторіей, покровители японскаго искусства въ лицѣ дайміосовъ и богатыхъ самурасвъ; обѣднѣли также храмы и монастыри, лишенные огромной части своихъ богатыхъ помѣстій и являвшіеся раньше хорошими заказчиками на различные предметы роскоши и искусства. Во-вторыхъ, на эти же предметы появился спросъ за границу: между производителемъ и потребителемъ сталъ посредникъ, который больше обращалъ вниманіе на количество товара и быстроту поставки, чѣмъ на художественность исполненія заказа.

Эта необходимость работать не на опредѣленный, мѣстный рынокъ, а вообще на крупный рынокъ являлась новымъ факторомъ, который давалъ чувствовать свою тяжесть всему кустарному міру Японіи. Раньше всюду, гдѣ японскому кустарю приходилось соприкасаться съ крупнымъ рынкомъ, онъ встрѣчалъ извѣстную государственную организацію, которая регулировала производство, покупала товаръ у производителя по установленнымъ цѣнамъ и брала на себя заботу о дальнѣйшемъ сбытѣ. Теперь, конечно, при открытыхъ дверяхъ и новой организаціи государственной власти и новыхъ отношеній, установившихся между нею и народомъ, ничего подобнаго уже не могло быть, и сбытъ кустарныхъ издѣлій попалъ въ руки скупщикамъ, которые и оставляли у себя львиную долю заработка кустаря.

Подобную беззащитность японскаго кустаря устранить нелегко уже въ виду того, что вся эта промышленность цѣликомъ зиждется на мелкихъ семейныхъ союзахъ Добровольные союзы, охватывающіе въ тѣхъ или другихъ частяхъ производства большое количество производителей, при такихъ условіяхъ получить широкаго развитія не могли. Все дѣло шло неизмѣнно традиціоннымъ путемъ: сынъ наслѣдовалъ занятіе отца, дѣльный подмастерье усыновлялся мастеромъ, и такимъ образомъ нерѣдко всѣ пріемы и тайны того или другого производства оставались въ тѣсномъ кругу небольшого числа лицъ. Такое положеніе вещей дѣлаетъ кустаря мало способнымъ къ отпору неблагопріятныхъ для него экономическихъ процессовъ. Нѣкоторые изъ кустарныхъ производствъ не выдержали натиска капитализма и превратились въ домашнюю форму крупной промышленности. Таково спичечное производство, въ которомъ совмѣщаются признаки и мелкаго кустарнаго и крупнаго фабричнаго хозяйства. Деревянныя коробки для спичекъ заказываются окрестнымъ кустарямъ, которые изготовляютъ ихъ по очень дешевой цѣнѣ.

Но тѣ же новые экономическіе процессы и новыя бытовыя особенности, которыя угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на кустарный міръ Японіи, выдвинули вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ новыхъ потребностей, а слѣдовательно и производствъ, которыя въ значительной своей части обслуживаютэя кустарями же. Такъ, въ настоящее время. на территоріи „Страны Восходящаго Солнца“ появились каменщикъ, мыловаръ, стекольщикъ, слесарь, часовщикъ, столяръ,— профессіи, которыя раньше были здѣсь неизвѣстны. Европейскія моди создали заказчиковъ для портныхъ, въ которыхъ раньше въ виду крайней простоты національной, японской одежды потребности почти не было; вмѣстѣ съ европейскимъ фасономъ одежды явилась необходимость въ бѣльѣ, слѣдовательно, развились двѣ новыя профессіи: бѣлошвейка и прачка; наконецъ, въ силу тѣхъ же причинъ, появился сапожникъ.

Но какъ ни глубоки экономическія и бытовыя измѣненія въ обстановкѣ японскаго кустарнаго міра, японскій кустарь все же сохранилъ много оригинальнаго и стариннаго и во внѣшней сторонѣ производства и въ пріемахъ своей работы. Въ былое время различныя ремесла объединялись въ цехи и гильдіи, которые и были податными единицами. Они разселялись поэтому кварталами. Такое же распредѣленіе ремесленниковъ по кварталамъ бросается и теперь въ глаза, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Въ одной улицѣ приготовляются, напр., бочки изъ бамбука, въ другой —красильщики заготовляютъ въ большихъ мѣдныхъ ведрахъ различныя краски: черную, коричневую, красную. Дальше расположились гладильщики, которые растираютъ распоротые киримоны на большихъ доскахъ... Все это мелкія предпріятія, мелкія ремесла съ первобытными орудіями производства, безъ всякаго почти раздѣленія труда.

IV.

Однимъ изъ непосредственныхъ и наглядныхъ послѣдствій развитія фабрично-заводской дѣятельности, какъ и вездѣ, такъ и здѣсь, въ Японіи, является ростъ городовъ. Городская жизнь, дѣйствительно, развернулась здѣсь съ необычайной силой и быстротой.

Есть случаи прямо головокружительнаго выростанія японскихъ городовъ.

Вычислить процентъ всего городского населенія въ Японіи трудно прежде всего потому, что японцы въ своихъ статистическихъ

изслѣдованіяхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ не различаютъ строго городовъ отъ другихъ селеній. Но если даже взять только наиболѣе крупные города (свыше 20,000 нас. въ каждомъ), то и тогда окажется, что городское населеніе составляетъ 14% всего населенія страны (въ Россіи всего городского населенія 13%, во Франціи 37,4%, въ Англіи свыше 50%). Ростъ японскихъ городовъ совершается, какъ на это указываетъ полковникъ Богуславскій, съ такой энергіей, что въ настоящее время она въ этомъ отношеніи уже опередила нѣсколько Австрію и значительно опередила Россію. Такъ, по числу жителей—Токіо сравнялось съ Петербургомъ (1440 тыс.), Осака (825 тыс.) превзошла и Гамбургъ (720 тыс.), и Ливерпуль (690 тыс.), и Бостонъ (500 тыс.), и Бирмингамъ (530 тыс.); древняя японская столица Кіото (355 тыс.) перегнала новую американскую столицу Вашингтонъ (280 тыс.).

Въ какія нибудь 12 лѣтъ Осака, Іокогама, Кобе и Нагасаки выросли въ 2—3 раза. И этотъ ростъ городской жизни въ значительной мѣрѣ обязанъ своей интенсивностью развитію фабрично-заводской дѣятельности. Самый наружный видъ этихъ большихъ городовъ говоритъ за истинность этого утвержденія. „Надъ домами“ описываетъ Вейлерзо городъ Осаку, „выше большихъ соборовъ Хонгванджа, выше валовъ дворца, выше сосенъ и кедровъ, выше самой пагоды—подымаются прямыя, большія, расположенныя въ одинъ громадный кругъ, трубы новой Осаки, у ногъ которыхъ расположились рабочія предмѣстья, надъ бѣлой и черной мозаикой города разносятся бѣлыя и черныя тучи пара и дыма“. Мы не будемъ здѣсь въ цифрахъ (объ этомъ рѣчь будетъ итти въ другой главѣ) слѣдить за ростомъ японской фабрично-заводской дѣятельности. Для насъ достаточно будетъ привести слѣдующія слова большого знатока японской жизни: „Не проходитъ и мѣсяца, чтобы не открывались новыя фабрики для производства цемента и ковровъ, стекла и мыла, зонтиковъ и шляпъ, спичекъ и часовъ, велосипедовъ; не проходитъ мѣсяца, чтобы не открывались электротехническіе, сталелитейные и машиностроительные заводы всякаго рода...“

Очевидно, что такая лихорадочная фабрично-заводская дѣятельность должна мобилизовать огромную армію рабочихъ. Въ этой арміи уже теперь около полумилліона душъ, занятыхъ только на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ. Общее же количество населенія, занятаго въ обрабатывающей промышленности, конечно, значительно больше. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ распредѣленіе населенія имперіи микадо по роду занятій, какъ оно было зарегистровано въ послѣднюю всеобщую япон-

скую перепись. Тогда оказалось, что въ добывающей промышленности (земледѣліе, горное дѣло и рыболовство,—кустарь въ громадномъ большинствѣ случаевъ является и земледѣльцемъ) было занято около 66% всего населенія: изъ остальныхъ 34% менѣе $^1/_5$% падаетъ на служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ и торгующій классъ; нѣкоторую, болѣе или менѣе значительную, долю отдѣлите на армію и флотъ, а все остальное слѣдовательною будетъ приходиться на рабочую армію въ различныхъ предпріятіяхъ обрабатывающей промышленности.

Ряды этой рабочей арміи пополняютъ прежде всего, по мнѣнію Д. И. Шрейдера, тѣ, кто при новомъ строѣ жизни оказался не у дѣлъ: такъ, почти вся дворня феодаловъ и даже мелкое, захудалое дворянство вынуждены были итти на фабрики и заводы. Но кадры этихъ элементовъ общества, очевидно, быстро должны были исчерпываться. Тогда наступила очередь за крестьянствомъ. Въ деревняхъ появились агенты, которые особенно легко набирали за маленькіе задатки дѣтей и женщинъ. Условія, обыкновенно предлагаемыя этими поставщиками для японскихъ фабрикъ и заводовъ, очень тяжелы. Совсѣмъ недавно въ одной изъ японскихъ газетъ было опубликовано слѣдующее письмо дѣвушки, работавшей въ ткацкомъ производствѣ. Съ четырнадцати лѣтъ она осталась сиротой. Чтобы не умереть съ голоду, она запродала свою рабочую силу за 20 руб. на 10 лѣтъ. Изъ этихъ денегъ 5 руб. она должна была заплатить посреднику, который отыскалъ ей мѣсто, а 5 руб. пошли на могильную плиту ея родителей. Работа продолжается безпрерывно въ теченіе цѣлаго года: въ іюнѣ и январѣ она, правда, пользовалась однимъ свободнымъ днемъ въ мѣсяцъ, а въ остальные мѣсяцы года лишь по половинѣ свободнаго дня. Черезъ каждые три года она получаетъ новую одежду... И такія условія сравнительно не рѣдкость. По этому случаю можно судить, что представляетъ изъ себя названная агентура.

Женскій и дѣтскій трудъ играетъ въ этой рабочей арміи выдающуюся роль. Конечно, въ различныхъ производствахъ онъ участвуетъ въ дѣлѣ въ различныхъ процентныхъ отношеніяхъ. Для удобства обзора этого важнаго въ промышленной исторіи каждой страны элемента японское министерство торговли и земледѣлія разбиваетъ всю обработывающую промышленность на слѣдующіе пять классовъ: 1) всѣхъ родовъ текстильныя производства, 2) машиностроительныя, судостроительныя и литейное, 3) химическія производства (газовое, бумажное, лаковое и т. д.), 4) различныя— въ родѣ табач-

ныхъ фабрикъ, сахарно-рафинировочныхъ заводовъ, заводы для приготовленія минеральныхъ водъ, кондитерскихъ и конфектныхъ заведеній, литографій и типографій, заготовочныхъ для бумажныхъ и кожаныхъ товаровъ и т. п., 5) спеціальные фабрики и заводы, какъ электро-техническіе и металлургическіе. На фабрикахъ перваго класса съ полной увѣренностью можно сказать, что преобладаетъ женскій трудъ, при чемъ многія изъ работницъ находятся въ возрастѣ отъ 14 до 20 лѣтъ. Свыше 20 лѣтъ работницы составляютъ лишь около 40%, но кромѣ того нѣкоторый, хотя небольшой процентъ необходимо отдѣлить на ребятишекъ, которымъ не исполнилось 14 и даже 12 лѣтъ. Во второмъ классѣ фабрично заводскихъ предпріятій мы встрѣчаемся почти исключительно съ трудомъ взрослыхъ мужчинъ; если попадаются и подростки-мальчики, то имъ рѣдко бываетъ меньше 15—16 лѣтъ. Въ третьей группѣ мы находимъ дѣтей, особенно на стеклянныхъ заводахъ, гдѣ ученикамъ часто бываетъ всего 12—13 лѣтъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ принимаютъ даже десятилѣтнихъ; на бумажныхъ же фабрикахъ встрѣчаются мальчики и дѣвочки, которымъ не исполнилось даже и 9 лѣтъ; въ типографіяхъ же наоборотъ преобладаетъ трудъ взрослыхъ мужчинъ, при чемъ подростки съ 14 лѣтъ—сравнительно рѣдкое исключеніе.

Экономическое положеніе японскихъ рабочихъ безотрадное. Самая фабричная обстановка, въ которой имъ приходится проводить свой рабочій день—очень тяжела въ громадномъ большинствѣ случаевъ. „Такъ, напр., въ Кіото“, разсказываетъ Густавъ Экштейнъ: „одна изъ фабрикъ эмали находилась въ мансардѣ подъ кривой крышей Здѣсь стояли цѣлый рядъ низкихъ столовъ, за которыми работали молодыя дѣвушки, часто еще совсѣмъ дѣти, такъ плотно прижавшись другъ къ другу, что открытыя жаровни, служащія для согрѣванія инструментовъ, едва могли помѣститься между ними. И въ такой-то атмосферѣ, въ которой посторонній человѣкъ можетъ пробыть лишь нѣсколько минутъ, эти дѣти работали отъ 12 до 15 часовъ въ сутки. Извѣстныя японскія вазы приходится раскрашивать при помощи лупы. И можно себѣ представить, какое вредное вліяніе оказываетъ эта работа на органъ зрѣнія рабочаго, если онъ работаетъ не только днемъ, но и вечеромъ, при свѣтѣ маленькой, чуть мерцающей керосиновой лампы!..“

„Я“, разсказываетъ другой наблюдатель японской жизни Вейлерзе: „посѣтилъ прядильныя фабрики въ серединѣ лѣта. Въ мастерскихъ стояла невыносимая жара: 110 по Фаренгейту, и мы, лишь случайно проходя ради любопытства, черезъ комнату, моментально

облились потомъ. Несчастныя, маленькія созданья, изнемогая отъ духоты, красныя, потныя, всѣ въ прыщикахъ, отъ лица и до концовъ пальцевъ, съ усталымъ видомъ работали, не поднимая головы.

„Въ мастерскихъ мало воздуха, окна плотно закрыты, вентиляціи никакой. Спрашивается, почему? А просто потому, что порывы вѣтра ломали бы нитки, уносили готовую работу, и во имя этого заставляютъ страдать несчастныхъ, даже не стараясь устранить всѣми видимое зло. Между тѣмъ маленькія, еще не сложившіяся дѣти не въ силахъ сносить при такихъ условіяхъ тяжелый трудъ тѣмъ болѣе, что никакъ нельзя ограничить ихъ поступленіе на фабрику извѣстнымъ возрастомъ постарше. Заводчики берутъ нѣкоторыхъ въ ученье съ раннихъ лѣтъ, а другихъ увлекаютъ ихъ однолѣтки, товарищи, уже работающіе...

„Я до сихъ поръ помню фабричную залу спичечнаго завода въ Осакѣ: надъ огромной грудой голубыхъ и красныхъ коробочекъ, наваленныхъ въ серединѣ сарая, склонились хорошенькія дѣтскія головки. При первомъ взглядѣ у меня въ головѣ промелькнуло сходство съ дѣтскимъ садомъ, но, увы, очень печальнымъ. Въ грязномъ, душномъ, полутемномъ, затхломъ сараѣ, въ атмосферѣ пропитанной фосфоромъ, семилѣтнія и десятилѣтнія малютки работали цѣлый день...

„Бумажная фабрика Оджи около Токіо“, замѣчаетъ тотъ же Вейлерзе въ другомъ мѣстѣ: „вызываетъ изумленіе. Извнѣ она очень внушительна; и внутри бросаются въ глаза машины изъ Огіо и Массачузета. Но очень скоро замѣчаешь, что находишься не въ Америкѣ и не въ Европѣ,—это видно и по грязи, и полутьмѣ, господствующей повсюду; по разбитымъ стекламъ, но дырамъ въ стѣнахъ изъ плохо сколоченныхъ бревенъ; но шуму, производимому дерзкими ребятишками; наконецъ, по ручной доставкѣ угля...“ Конечно есть и прекрасно оборудованные фабрики и заводы какъ напр., типографія Суэйма въ Токіо или папиросная фабрика Мураи въ Кіото. Но таковыхъ, къ сожалѣнію, незначительное меньшинство, и рабочимъ всего чаще приходится проводить свой рабочій день въ самой негигіеничной обстановкѣ.

Къ этому надо прибавить, что рабочій день здѣсь очень продолжительный. Меньше 12 часовъ онъ нигдѣ не бываетъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ доходитъ до 16 и 17 часовъ. Ночная работа очень распространена.

Заработная плата за послѣднее время поднялась очень значительно, особенно въ послѣдніе десять лѣтъ, когда приростъ ея

въ общемъ можно считать въ 10% въгодъ. Съ 70-хъ же годовъ она выросла очень сильно. Такъ, въ Токіо въ 1869 г. плата рабочему въ типографіи колебалась между 20 и 26 сенами (сенъ почти копѣйка), а въ 1901 г. между 41 и 57 сенами. Доковый рабочій получалъ въ 1872 г. отъ 25 до 50 сенъ, а въ 1899 г, поденная плата его поднялась до 1 іена 20 сенъ (іенъ почти рубль). Въ правительственныхъ арсеналахъ средняя заработная плата для взрослыхъ поднялась отъ 12—25 сенъ до 2 іенъ и т. д. Но, къ сожалѣнію, это возрастаніе заработной платы, являющееся признакомъ того, что обрабатывающая японская промышленность становится на прочную почву, далеко не служитъ точнымъ показателемъ соотвѣтственныхъ улучшеній въ положеніи рабочаго класса. Прежде всего приходится учесть колебанія въ цѣнности денегъ. Такъ напр., въ 1877 г. японскій іенъ равнялся 4 маркамъ, въ 1881 г.—2,22 м., въ 85 г.—3,54 м. въ 97 г.—2,07. Затѣмъ сильно измѣнились цѣны на предметы первой необходимости. Такъ і коку риса (14,3 ведра) въ 1875 г. стоилъ въ среднемъ 4,9 іены, въ 98 г.—13,11 іены, коку пшеницы въ 1887 г.—3,9 іены, въ 98—8,78; посѣщеніе общественной бани въ 77 г.—0,7 сены, въ 1900 г.—2,5 сены; мѣшокъ древеснаго угля въ 1877 г.—18,0 сенъ, а въ 1900 г.—28 сенъ и т. д. Но для того, чтобы дать представленіе о фактической высотѣ заработной платы японскаго рабочаго, приводимъ слѣдующую выдержку изъ статьи Густава Экштейна:

„О фактической высотѣ заработной платы до извѣстной степени можно судить по тому количеству пищи, которое полагается въ японской тюрьмѣ на каждаго преступника. Ему выдается 9 го (одинъ коку = 1000 го) похлебки, состоящей изъ риса и ячменя, и три сена на покупку овощей и рыбы. Уже издавна рисъ является главной пищей японцевъ; но въ послѣднее время онъ долженъ былъ отчасти уступить свое мѣсто ячменю, пшену, гречихѣ и даже картофелю. Судя по тюремному масштабу, минимумъ существованія семьи долженъ опредѣляться 27 го риса; кромѣ того, на другіе жизненные продукты должно выходить ежедневно 9 іенъ. Такимъ образомъ изъ заработной платы мы должны вычесть 10% уходящихъ на наемъ помѣщенія; а на всякіе другіе расходы у рабочаго въ 87 г. оставалось 12,4 сена, а въ 98 г.—20,4 сена. Но необходимое для него количество риса стоило (если считать по биржевымъ цѣнамъ въ 87 г.)—12.72 сена, а въ 98 г.—35,4 сена. И такъ заработной платы въ обоихъ случаяхъ не могло хватать на прокормленіе семьи въ три человѣка,

если относить на долю каждаго члена ея такую же порцію риса, какая выдавалась въ японской тюрьмѣ. Удовлетвореніе другихъ потребностей, напр., вопросъ объ одеждѣ, топливѣ и т. д. при этомъ совсѣмъ не затрогивается"... Въ общемъ, если только заработную плату брать со стороны ея денежнаго выраженія, она въ 4—5 разъ ниже обычной европейской нормы. Но, если учесть дешевизну японской жизни, то такой пропасти мы уже не будемъ имѣть.

Мы не будемъ останавливаться на варіаціяхъ заработной платы при расплатѣ помѣсячной, поденной, поштучной. Конечно, все это играетъ весьма значительную роль въ жизни японскаго рабочаго, но не можетъ имѣть мѣста въ нашемъ общемъ и бѣгломъ очеркѣ. Замѣтимъ только, что чернорабочіе и здѣсь, какъ вездѣ, особенно сильно несутъ на себѣ гнетъ капитализма. Именно здѣсь, среди чернорабочихъ, нищета часто достигаетъ возможныхъ для нея предѣловъ. „Въ счастливый день,—говоритъ одинъ изслѣдователь,—японскій чернорабочій, возвратясь домой, принесетъ сикенесъ (четвертакъ). На эти деньги онъ купитъ сейчасъ „miso" (родъ супа), масла, топлива, табаку и, быть можетъ, рыбку, которую, если очень голоденъ, съѣстъ сырою, съ хрѣномъ. Такъ какъ японскій работникъ покупаетъ по мелочамъ, то онъ, какъ и бѣднота въ Европѣ. страшно переплачиваетъ. Если японскому рабочему не посчастливилось, и онъ ничего не добылъ за день, онъ спѣшитъ, послѣ того какъ возвратится домой, къ ростовщику, который всегда поблизости, и получаетъ у него двѣ или три копѣйки подъ залогъ трубки или платья. На эти деньги пріобрѣтаются рыбьи потроха, горсть отрубей или грязь, счищенная съ внутренней стороны бочекъ изъподъ сельдей. Этимъ японецъ и кормитъ свою семью. Зимы въ Японіи сравнительно суровы, между тѣмъ многіе такъ бѣдны, что за всю жизнь не могутъ скопить денегъ, которыхъ хватило бы на пріобрѣтеніе одѣялъ. И вотъ создалась одна форма грубаго эксплоатированія бѣдняковъ: ростовщики за двѣ—три копѣйки въ ночь даютъ семьѣ грязное, вонючее ватное одѣяло".

Сравнительно низкая плата рабочимъ отчасти объясняется нѣкоторыми особенностями самихъ рабочихъ. Такъ, прежде всего, необходимо указать, что сравнительно лишь немногіе рабочіе отдаются всецѣло своей профессіи: многіе не порываютъ своихъ связей съ деревней, особенно это справедливо относительно женщинъ. Громадное большинство ихъ смотритъ на фабричный заработокъ, какъ на извѣстное подспорье, и никакими силами ихъ нельзя удержать на

фабрикахъ. Черезъ годъ, черезъ два работы съ небольшой суммой денегъ, скопленныхъ въ городѣ, онѣ возвращаются назадъ къ себѣ, въ деревню. Едва ли четверть работницъ остается на фабрикахъ и заводахъ больше двухъ лѣтъ.

Другой недостатокъ, чисто національный, у японскаго рабочаго— это неумѣнье дорожить временемъ. Увлекаться работой японецъ можетъ только тогда, когда это—его работа, или когда она представляетъ для него интересъ духовный. Ничего подобнаго фабрично-заводскій трудъ рабочему не предлагаетъ, а потому нерѣдкость здѣсь встрѣтить вялое и лѣнивое отношеніе къ дѣлу; впрочемъ, въ этихъ жалобахъ, раздающихся со стороны фабрикантовъ, несомнѣнно очень много преувеличеній.

Не смотря на то, что фабрично-заводскій трудъ въ Японіи— дѣло совершенно новое, японцы быстро осваиваются со всѣми пріемами и методами новыхъ для нихъ областей обрабатывающей промышленности. Огромнымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи для рабочаго класса являются многочисленныя техническія школы, основанныя правительствомъ.

Такимъ образомъ, рабочая среда японскаго народа характеризуется цѣлымъ рядомъ признаковъ, неблагопріятныхъ для правильно организованнаго рабочаго движенія: недавнее развитіе промышленности, изолированность народныхъ массъ отъ европейскаго рабочаго движенія, небольшое количество рабочихъ, совершенно порвавшихъ съ землею и знающихъ только свою профессію, большое количество женщинъ и дѣтей. И, тѣмъ не менѣе, организованное рабочее движеніе имѣетъ уже мѣсто на островахъ японскаго архипелага.

Первыя попытки организовать рабочихъ были сдѣланы еще въ началѣ 80-хъ годовъ, но они оказались неудачными и прошли для общества совершенно незамѣченными. Но къ концу восьмидесятыхъ годовъ интеллигентное японское общество, благодаря прессѣ, имѣло возможность близко ознакомиться съ ужасными порядками, царившими въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности. Общественная совѣсть была возмущена, интеллигенція начала выдвигать борцовъ за рабочее дѣло Одинъ изъ выдающихся политиковъ того времени Ойи Кентаро, выступилъ въ 1892 г. изъ либеральной партіи и образовалъ свою партію, которая ставила между прочимъ своей задачей и защиту интересовъ рабочихъ.

Тогда начинается образованіе первыхъ рабочихъ союзовъ. Но классовое самосознаніе еще не давало себя чувствовать и среди задачъ, выставляемыхъ этими союзами, мы находимъ такія утопическія,

какъ „поддержаніе гармоніи между трудомъ и капиталомъ“ или образованіе фонда изъ сбереженій рабочихъ для постройки собственнаго завода, на которомъ могли бы отыскивать себѣ занятіе всѣ безработные. Такихъ союзовъ было нѣсколько. Самымъ крупнымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать „Союзъ рабочихъ, занятыхъ въ желѣзнодорожной промышленности“, основанный въ 1889 г. Но всѣ эти организаціи, не имѣя подъ собой реальной почвы, очень быстро распадались.

Новые взгляды были усвоены скорѣе всего, какъ оказалось, рабочими наиболѣе молодыхъ отраслей промышленности, какъ типографское дѣло, сапожное производство. Главнымъ преимуществомъ этихъ рабочихъ было то, что они не были связаны никакими цеховыми традиціями, оставшимися отъ предыдущихъ формъ производства и совершенно не соотвѣтствовавшими новымъ формамъ промышленной жизни. Но пока новые взгляды пробивали себѣ путь, жизнь не стояла на мѣстѣ. Гнетъ капитализма, не умѣряемаго никакимъ организованнымъ противодѣйствіемъ, временами становился совершенно невыносимымъ, поднимались стихійныя безпорядочныя стачки, улицы большихъ городовъ становились свидѣтельницами шумныхъ демонстрацій. Особеннаго обостренія это неорганизованное движеніе достигло въ 1897 г. Но это же безпорядочное движеніе показало рабочимъ, что только организованныя и планомѣрныя стачки приводятъ къ какому-нибудь осязательному результату. Неудачи окончательно прояснили ихъ классовое самосознаніе, и вопросъ теперь былъ уже поставленъ на болѣе прочную и практическую почву. Такимъ выразителемъ новыхъ настроеній японскаго пролетаріата являлся новый „Рабочій Союзъ“, основанный самими рабочими и очень сочувственно встрѣченный въ ихъ средѣ. Эта новая организація главнѣйшей своей задачей считаетъ охраненіе и расширеніе правъ рабочихъ и поддержаніе гармоніи между ними; о гармоніи между трудомъ и капиталомъ теперь нѣтъ уже и рѣчи. Актъ вступленія рабочаго въ союзъ обставлялся нѣкоторыми условіями: такъ для каждаго новаго члена требовалась рекомендація двухъ членовъ, уже состоящихъ въ союзѣ. Членскій взносъ для всѣхъ былъ одинаковъ и равнялся 10 сенамъ; за неблаговидные поступки каждый могъ быть подвергнутъ исключенію изъ союза. „Рабочій Союзъ“ имѣлъ въ виду возможно широкое объединеніе и другихъ рабочихъ организацій; правленіе его не должно было никогда упускать для этого подходящаго случая. Онъ быстро разростался и уже въ 1897 г. имѣлъ около 1.200 человѣкъ, а два года спустя

5.700. Надо замѣтить, что этотъ ростъ „Рабочаго Союза“ совпалъ со временемъ особеннаго разцвѣта японской промышленности, когда „Страна Восходящаго Солнца“ получила огромную контрибуцію съ Китая и употребила ее на устройство внутреннихъ своихъ дѣлъ.

Главное значеніе „Рабочаго Союза“ заключалось въ томъ, что онъ указалъ правильные пути, по которому должно двигаться пролетарское движеніе. Въ 1897 г. образовался, какъ филіалъ „Рабочаго Союза“, союзъ рабочихъ желѣзнодѣлательной промышленности. Его уставъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ урегулированія рабочаго движенія. Вступительный взносъ въ эту организацію былъ назначенъ въ 30 сенъ. Около центральнаго союза группировались мѣстные союзы, слагавшіеся изъ мѣстныхъ рабочихъ, уплачивавшихъ въ свои мѣстныя кассы по 20 сенъ ежемѣсячно. Но мѣстныя организаціи изъ всѣхъ этихъ сборовъ могли удерживать лишь четвертую долю, вся остальная сумма цѣликомъ поступала въ центральную кассу. Если бюджетъ выходилъ изъ этихъ 25% всѣхъ обязательныхъ сборовъ, мѣстная организація могла обезпечить своихъ членовъ сверхсмѣтнымъ налогомъ. Средства, стекавшіяся въ центральную кассу составляли боевой фондъ. Разногласія между рабочими и фабрикантами улаживались при содѣйствіи секретаря мѣстной организаціи; если такимъ путемъ недоразумѣнія не могли быть разрѣшены, вызывался делегатъ изъ центральнаго учрежденія. Въ случаѣ, если конфликтъ затягивался еще дальше, то собиралось правленіе или общее собраніе, которое вырабатывало тактику борьбы, наиболѣе пригодную для даннаго случая. Кромѣ чисто боевыхъ функцій, союзъ пытался проводить въ среду своихъ членовъ и идеи взаимопомощи. Онъ организовалъ успѣшно дѣйствовавшую сберегательную кассу, пытался, правда—неудачно, провести широкіе принципы взаимнаго страхованія. Само собою, разумѣется, что какъ только союзъ рабочихъ желѣзнодѣлательной промышленности сталъ дѣйствительной силой, онъ вызвалъ отпоръ со стороны капиталистовъ. Члены его стали подвергаться различнымъ преслѣдованіямъ; въ результатѣ онъ растерялъ многихъ своихъ сторонниковъ и долженъ былъ сильно ограничить размѣры своей дѣятельности.

Съ большимъ успѣхомъ выступилъ „Союзъ машинистовъ Нипонскаго желѣзнодорожнаго общества“, основанный въ 1898 г. приблизительно на такихъ же основаніяхъ, какъ и союзъ рабочихъ желѣзодѣлательной промышленности. Этотъ союзъ очень быстро объединилъ почти всѣхъ машинистовъ и кочегаровъ Общества, которое эксплоатировало линіи, соединяющія Токіо съ сѣверомъ страны.

Этотъ союзъ быстро накопилъ значительный стачечный фондъ. Наконецъ, наступилъ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій. Союзъ предъявилъ „Обществу“ свои требованія; хозяева прибѣгли къ репрессіямъ: десять человѣкъ машинистовъ, считавшихся наиболѣе опасными агитаторами, были уволены отъ своихъ должностей. Однако союзъ не испугался: онъ тотчасъ же организовалъ стачку почти 400 кочегаровъ и машинистовъ; кромѣ того, онъ угрожалъ распространить эту стачку и на другихъ рабочихъ. „Общество“ тогда пошло на уступки и послѣ пятидневной стачки удовлетворило всѣ требованія союза и приняло обратно восьмерыхъ изъ десяти разсчитанныхъ только-что машинистовъ. Въ первый разъ организованнымъ рабочимъ движеніемъ была достигнута такая крупная побѣда, а вниманіе японской интеллигенціи съ тѣхъ поръ естественно еще больше приковано было къ борьбѣ, которую затѣялъ пролетаріатъ съ капиталомъ.

Правительство, которое въ силу существовавшаго тогда избирательнаго закона, почти всецѣло находилось подъ вліяніемъ буржуазныхъ слоевъ общества, поспѣшило отвѣтить репрессіями. Немедленно въ 1900 г. былъ изданъ „законъ объ охранѣ мира и порядка“, главною цѣлью котораго было нанести, по возможности, непоправимый ударъ профессіональнымъ союзамъ въ той формѣ, въ которую они стали теперь отливаться.

Этотъ законъ грозилъ за призывъ къ стачкѣ, имѣющей цѣлью добиться повышенія заработной платы или сокращенія рабочаго дня, тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до полугода. Чтобы не показать своихъ буржуазныхъ тенденцій, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалъ всякія союзы предпринимателей, ставящіе своей задачей пониженіе заработной платы. Въ это же самое время правительство дѣлаетъ попытки захватить въ свои руки созрѣвшее рабочее движеніе и направить его по болѣе безопасному руслу. Съ этой цѣлью дѣлаются всевозможныя облегченія для устройства сберегательныхъ кассъ, производительныхъ товариществъ, товариществъ для закупки сырыхъ продуктовъ и т. д. Послѣдняя мѣра однако, какъ выяснилось въ настоящее время, не встрѣтила большого сочувствія у рабочихъ. Такъ въ 1902 г. существовало всего лишь 486 товариществъ, основанныхъ въ силу послѣдняго закона; изъ нихъ 314 кредитныхъ товариществъ, 38 потребительныхъ, 72 торговыхъ и только 10 производительныхъ. Ко всему сказанному надо прибавить, что законъ 1900 г. былъ редактированъ въ слишкомъ неопредѣленныхъ терминахъ, давалъ широкій просторъ для всякаго полицейскаго произвола

въ данной области. И, дѣйствительно, полиція повела жестокую и безцеремонную борьбу съ рабочимъ движеніемъ. Ей удалось подорвать окончательно не только „союзъ рабочихъ желѣзодѣлательной промышленности“ но и „Рабочій союзъ“. Впрочемъ послѣдній подорвалъ свой престижъ и своими безрезультатными уличными демонстраціями, которыя онъ организовывалъ съ цѣлью добиться проведенія закона объ охранѣ рабочихъ.

Рабочее движеніе подъ давленіемъ реакціи притихло, но не надолго. Начиная съ зимы 1902—1903 г., разсказываетъ Густавъ Экштейнъ: „профессіональное движеніе стало вновь развиваться. Союзъ рабочихъ желѣзодѣлательной промышленности вновь окрѣпъ; карабельные плотники въ Токіо сумѣли создать такую сильную организацію, что ни одинъ рабочій, не состоящій членомъ ихъ союза, не можетъ получить работы на верфяхъ. Типографщики основали союзъ по образцу рабочихъ желѣзодѣлательной промышленности; даже рабочіе каменноугольныхъ копей, принадлежащіе къ наиболѣе низко оплачиваемымъ категоріямъ пролетаріата, основали два союза; одинъ на крайнемъ сѣверѣ, на островѣ Хоккаидо, а другой на югѣ, на островѣ Кившинъ. Стачки возникаютъ теперь въ разныхъ мѣстахъ Японіи. Къ сожалѣнію, онѣ часто бывали безуспѣшны вслѣдствіе грубаго и жестокаго вмѣшательства японской полиціи. Но несмотря на это, движеніе въ японіи разростается съ каждымъ днемъ, и борьба за повышеніе заработной платы часто влечетъ за собой основаніе новыхъ профессіональныхъ союзовъ“...

Конечно, это рабочее движеніе имѣетъ свою идеологію и свою идейную подкладку. Оно опирается въ этомъ отношоніи на соціализмъ и соціалистовъ. Проводниками въ различные слои образованнаго общества здѣсь является группа профессоровъ, представителей такъ называемаго катедеръ-соціализма; въ широкія народныя массы эти идеи проникали черезъ періодическую печать, брошюры, книги и общества. Въ первое время, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ,—такимъ путемъ пропагандировались идеи Генри Джорджа; съ конца же девятидесятыхъ годовъ въ Японіи стали распространяться идеи Маркса. Въ 1897 г. въ Токіо появилось первое „Соціалистическое Общество“ которое занималось изученіемъ произведеній Маркса и Лассаля. Но общество это первоначально было немногочисленно. Успѣшнѣе дѣло пропаганды соціалистическихъ идей пошло съ того момента, когда распространеніемъ этихъ общественныхъ взглядовъ занялись Катайяма, долго жившій передъ этимъ въ Америкѣ, и проф. І. Аббъ состоявшій преподавателемъ литературы и политической экономіи въ

одномъ изъ учебныхъ заведеній Токіо. Они всѣ силы свои обратили на рабочій классъ. Катайяма много содѣйствовалъ также организаціи профессіональныхъ союзовъ. Однако онъ всегда рѣзко подчеркивалъ ту мысль, что рабочее движеніе ни въ коемъ случаѣ не должно замыкаться въ рамки экономическихъ требованій; успѣхъ въ борьбѣ можетъ быть обезпеченъ только при завоеваніи рабочимъ классомъ и политическихъ правъ.

И, дѣйствительно, политическая жизнь Японіи даетъ въ настоящій моментъ богатый метеріалъ для политической агитаціи. Для этого можно хотя бы обратиться къ японскому избирательному праву, которое отдаетъ весь парламентъ въ руки достаточныхъ классахъ и о которомъ рѣчь у насъ будетъ въ слѣдующей главѣ Далѣе предметомъ агитаціи является финансовая политика парламента, которая оказывается слишкомъ благосклонной къ интересамъ имущихъ классовъ, и, наконецъ, рабочее законодательство, которое нынѣшнимъ парламентомъ и правительствомъ затягивается и откладывается изъ году въ годъ.

„Соціалистическое общество“ руководимое Катайямой и Аббомъ, устраиваетъ множество митинговъ подъ открытымъ небомъ и все больше и больше привлекаетъ себѣ союзниковъ. Однако его работу и ростъ сильно стѣсняетъ его научный характеръ. Поэтому руководители общества выработали новый уставъ и представили его на утвержденіе правительства. „Въ программу новаго союза“, говоритъ Густавъ Экштейнъ: „были включены пункты объ охранѣ дѣтскаго и женскаго труда, о введеніи восьмичасового дня и воскреснаго отдыха, о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, о свободѣ союзовъ и собраній, объ охранѣ арендаторовъ. Въ политической части программы требовалось уничтоженіе верхней палаты, введеніе всеобщаго, тайнаго избирательнаго права, свобода печати, отмѣна косвенныхъ налоговъ и смертной казни“.

Правительство встрѣтило эту новую программу весьма неблагосклонно. Союзъ былъ запрещенъ; лица, ходатайствовавшія о его разрѣшеніи были привлечены къ суду за нарушеніе закона объ охранѣ мира и порядка, а тѣ пять газетъ, въ которыхъ была напечатана названная программа были конфискованы. Съ этихъ же поръ полиціей обращено серьезное вниманіе на соціалистическую пропаганду, и ей ставятъ всяческія препятствія.

Однако рабочее движеніе чернаетъ свои силы изъ слишкомъ глубокаго и чистаго историческаго источника для того, чтобы можно было надѣяться заставить его перемѣнить русло и пріостановить его развитіе.

Конечно, передъ рабочимъ классомъ тяжелая и трудная задача вырвать у буржуазнаго парламента и законодательства законъ, обезпечивающій болѣе сносное существованіе, но настойчивость и интеллигентность японскаго народа является залогомъ того, что рано или поздно онъ отвоюетъ себѣ болѣе широкія политическіе права, которыя и позволятъ урегулировать соціальныя проблемы. Въ настоящее же время рабочій остается совершенно беззащитнымъ отъ расходившаго аппетита капиталистовъ. Правда, сводъ гражданскихъ законовъ 1898 г. посвящаетъ нѣсколько статей договорамъ найма, но стоитъ приглядѣться къ этимъ статьямъ для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что онѣ не обезпечиваютъ интересовъ рабочаго.

Всѣ пункты договоровъ вполнѣ предоставляются доброму соглашенію капитала и рабочаго, а поэтому каждый контрактъ является въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ согласіемъ рабочаго на полное повиновеніе хозяину, а договоръ совершается исключительно въ интересахъ хозяина. Такимъ образомъ указанныя статьи гражданскихъ законовъ, принятыя въ 1898 г., нисколько не измѣняютъ крайней нужды японской жизни въ созиданіи фабричнаго законодательства. Описанное рабочее движеніе, не смотря на всю свою слабость, заставляетъ задуматься объ этомъ и буржуазное японское правительство. Оно дѣлаетъ въ данномъ направленіи первые робкіе шаги, стараясь, по возможности, какъ можно меньше уступить рабочему классу. Проектъ новаго закона выдвигаетъ слѣдующія положенія.

Прежде всего данный фабричный законъ долженъ примѣняться только къ сравнительно крупнымъ фабричнымъ предпріятіямъ, а именно къ тѣмъ, которыя имѣютъ тридцать и болѣе рабочихъ. Точно также для тѣхъ фабрикъ, которыя устраиваются только на время, и тѣхъ, которыя увеличиваютъ число рабочихъ только въ извѣстные періоды, а въ обычное время пользуются меньшимъ количествомъ рабочихъ,—для такихъ фабрикъ будутъ изданы особыя распоряженія.

На устройство или расширеніе фабрики, или возстановленіе закрытой фабрики необходимо получить разрѣшеніе соотвѣтствующихъ властей. Администрація фабрики обязывается исполнять всѣ правила, преслѣдующія задачи защиты жизни и здоровья рабочихъ, и не допускать на своихъ фабрикахъ ничего такого, что противорѣчило бы требованіямъ нравственности и общественныхъ интересовъ. Всѣ фабричныя постройки должны подчиняться требованіямъ строительнаго устава. Паровыя машины не могутъ быть пущены въ дѣло прежде, чѣмъ не будутъ произведены соотвѣтствующія испытанія.

Дѣти, не достигшія одиннадцатилѣтняго возраста къ работамъ не допускаются, *но* временно дѣлаются слѣдующія исключенія: дѣти въ возрастѣ отъ 8 лѣтъ могутъ быть допускаемы на работы въ теченіе двухъ лѣтъ съ того момента, когда настоящій законодательный проэктъ получитъ силу закона; дѣти отъ 9 лѣтъ—въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ десяти—въ теченіе пяти лѣтъ.

Юноши, которымъ не исполнилось еще шестнадцати лѣтъ и дѣвушки и женщины всѣхъ возрастовъ къ работамъ не допускаются между десятью часами вечера и четырьмя часами утра, *но* въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшаются исключенія

Для юношей, не достигшихъ шестнадцатилѣтняго возраста, и для женщинъ и дѣвушекъ всѣхъ возрастовъ рабочій день долженъ быть ограниченъ 12 часами, при чемъ на обѣдъ для нихъ дается не менѣе $1^1/_2$ часовъ. Для данной категоріи рабочихъ предполагаются еще слѣдующія ограниченія: они должны имѣть ежемѣсячно не менѣе двухъ дней отдыха и не допускаются ни къ какимъ работамъ, вреднымъ или опаснымъ для здоровья.

Въ случаѣ, если рабочій получитъ на работѣ какія либо поврежденія, фабрикантъ обязанъ выдать пособіе на лѣченіе и уходъ за больнымъ и уплачивать, по крайней мѣрѣ, половину заработной платы, если болѣзнь требуетъ покоя болѣе, чѣмъ на пять дней, и, наконецъ, вознаградить, по крайней мѣрѣ, двухгодовой заработной платой (однако не свыше 250 іенъ), если рабочій вслѣдствіе увѣчій, полученныхъ на работѣ, становится неработоспособнымъ на всю жизнь. Если же вслѣдствіе увѣчій, полученныхъ на работѣ, послѣдуетъ смерть рабочаго, то фабрикантъ обязанъ принять на себя издержки по похоронамъ (не свыше 20 іенъ), и выплатить оставшейся семьѣ вознагражденіе въ размѣрѣ полуторагодовой заработной платы (но не свыше 200 іенъ).

Таковы основныя положенія новаго проекта японскаго фабричнаго законодательства. Нельзя не признать его болѣе, чѣмъ умѣреннымъ. Нельзя забывать далѣе, что это только проектъ, который еще долженъ пройти черезъ обѣ палаты и который крайне непріятенъ и парламенту и правительству, такъ какъ они всячески оттягиваютъ моментъ проведенія его въ жизнь. Наконецъ, не надо забывать, что и эти первые робкіе шаги дѣлаются оффиціальной Японіей подъ давленіемъ молодого рабочаго движенія.

Присматриваясь теперь къ только-что обрисованному нами положенію рабочаго класса въ Японіи, мы должны сказать, что этотъ огромный экономическій и соціальный переломъ, который приходится

переживать каждой странѣ при переходѣ къ капиталистическому хозяйству, совершается въ Японіи менѣе болѣзненно по сравненію съ другими странами (таково мнѣніе, напр., Леруа Болье). Стоитъ хотя бы вспомнить все то, что пришлось переживать рабочему классу въ Англіи во второй половинѣ XVIII вѣка, когда тамъ въ большомъ масштабѣ появилась крупная промышленность, для того, чтобы согласиться съ только-что сказаннымъ. Кромѣ того, за Японіей приходится признать одно преимущество: ея общительный и интеллигентный народъ начинаетъ быстро усваивать принципы рабочаго движенія культурныхъ странъ, и уже теперь, какъ мы видѣли, капиталисты вынуждены считаться съ давленіемъ рабочей партіи. Политическая свобода, какъ бы ее ни урѣзывало буржуазное правительство, и свобода печати обезпечиваютъ быстрое проникновеніе въ народныя массы потокамъ новыхъ идей. Все это даетъ полную возможность надѣяться, что рабочій вопросъ въ сравнительно непродолжительномъ времени поднимется на ту же высоту, на которой стоятъ нынѣ уже многія отрасли японской жизни, т. е. приметъ размахъ и размѣры европейскаго движенія.

V.

Прежде, чѣмъ перейти къ очерку развитія японской промышленности, мы должны сказать хотя бы нѣсколько словъ о тѣхъ кадрахъ обѣднѣвшихъ крестьянъ и горожанъ, которыхъ въ настоящее время въ Японіи не можетъ поглотить ни добывающая, ни обрабатывающая промышленность, и которымъ тѣмъ не менѣе приходится отыскивать себѣ такъ или иначе средства къ существованію. Здѣсь намѣчается нѣсколько профессій, играющихъ болѣе или менѣе замѣтную роль въ жизни народа. Сюда приходится отнести дженерикшей, или курумовъ, домашнюю прислугу, „жрицъ культа Венеры“ и нищихъ.

Остановимся сначала на курумахъ, или дженерикшахъ. Мы уже знаемъ, что Японія чрезвычайно бѣдна домашними животными, и всѣ операціи по транспорту внутри страны до самаго послѣдняго времени исполнялись при помощи мускульной силы человѣка. Эта особенность японской жизни создала особенный классъ носильщиковъ—кули. Передвиженіе путешествующихъ внутри страны и по улицамъ города совершались при помощи этихъ же кули, которые переносили своихъ пассажировъ и „сѣдоковъ“ въ особаго рода довольно-таки неуклюжихъ и тяжелыхъ паланкинахъ. За послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ въ этой профессіи произошли существенныя измѣненія. Въ обиходѣ страны появились легкія двуколесныя колясочки, которыя бы-

стро привлекли себѣ симпатіи всего рабочаго люда, запятаго въ транспортѣ, и рикши быстро стали вытѣснять паланкины. Въ настоящее время промыселъ дженерикшей—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ промысловъ въ Японіи Въ одномъ Токіо, напр., насчитывается до 80,000 этихъ людей-лошадей. Японія обзавелась фабриками этихъ колясочекъ, и онѣ въ настоящее время являются предметомъ хотя сравнительно и небольшого вывоза въ Китай, Корею, Британскую Индію (въ 1900 г. вывезено приблизительно на 120,000 рублей).

Въ общемъ профессію дженерикшей надо признать тяжелой, въ чемъ легко убѣдиться и по ихъ обыкновенно измученному виду и вспотѣвшему тѣлу, когда, быстро сѣменя ногами, они везутъ „сѣдока“ на своихъ колясочкахъ, снабженныхъ большими колесами и клеенчатымъ верхомъ. Впрочемъ японцы не считаютъ работу дженерикшей особенно опасной, хотя у многихъ изъ джиновъ къ старости развивается одышка и различныя грудныя болѣзни. Въ джины идутъ въ большинствѣ случаевъ лишь неудачники на другихъ поприщахъ жизни, которые чувствуютъ себя достаточно сильными для того, чтобы взяться за эту лошадиную профессію. „Мнѣ“, разсказываетъ г. Танъ: „показывали одного дженерикшу, который нѣкогда былъ студентомъ одной изъ высшихъ школъ, а потомъ замотался, бросилъ ученье, остался безъ гроша денегъ и подъ конецъ попалъ въ извощики. Это напоминаетъ нашихъ босяковъ, которые тоже занимаются самымъ грубымъ трудомъ“.

Очень многіе изъ дженерикшей ѣздятъ отъ хозяина, отъ котораго получаютъ колясочку и которому должны отдавать половину своего заработка, или берутъ колясочку на прокатъ, уплачивая четверть іена въ день. Но большинство однако беретъ колясочки на выплату и въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ ихъ въ собственность. Заработокъ дженерикжей—очень скуденъ: 15 іенъ (коп.) за 1 рн (половина географической мили)—такова обычная такса.

Побочный заработокъ для курумы являются личныя услуги, которыя онъ оказываетъ наиболѣе состоятельнымъ семействамъ города. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны джины въ большихъ городахъ для пріѣзжихъ иностранцевъ: онъ не только сбѣгаетъ въ городъ за той или другой покупкой, не только присмотритъ за домомъ или квартирой въ отсутствіи хозяевъ, но и явится для васъ весьма полезнымъ коммиссіонеромъ и проводникомъ. Однако въ области личныхъ услугъ работа курумы сравнительно не значительна. Совершенно такъ же, какъ область транспортнаго дѣла цѣликомъ нахо-

дится въ рукахъ мужчинъ, такъ главнѣйшіе кадры домашней прислуги слагаются изъ женщинъ.

Какъ къ джину приходится европейцу привыкнуть не сразу, такъ и къ японской прислугѣ онъ приспособится далеко не сразу же. „Ея отношеніе къ господамъ“, говоритъ г жа Бэконъ: „отличается такой свободой, которая у насъ, въ Америкѣ, считалась бы нахальствомъ и такою независимостью дѣйствій, которая во многихъ случаяхъ граничитъ съ прямымъ ослушаніемъ. . Слѣпое послушаніе приказаніямъ не считается добродѣтелью въ японской прислугѣ: она должна думать сама, и если не можетъ понять логики вашего распоряженія, то оно и не будетъ исполнено“... Это типичнѣйшая черта японскаго народа: эта же самая независимость ума и воли дѣлаетъ изъ японца артиста-ремесленника и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ ему сдѣлаться хорошимъ фабричнымъ или заводскимъ рабочимъ. Уваженіе къ своей личности очень развито въ японцѣ, и онъ и въ роли прислуги умѣетъ сохранить свое человѣческое достоинство. „Для всѣхъ, за исключеніемъ своего господина“, замѣчаетъ г жа Бэконъ: „слуга есть лицо, съ которымъ надо обращаться съ почтеніемъ, кланяться ему такъ же низко, какъ и всѣмъ другимъ, говорить съ нимъ на самомъ вѣжливомъ языкѣ. Вы пришли въ японскій домъ, и слуга, впускающій васъ будетъ ждать, что вы обмѣняетесь съ нимъ формальными привѣтствіями. Когда вы остаетесь въ пріемной комнатѣ, пока еще хозяйка не вышла къ вамъ почему-либо, старшія служанки не только подадутъ вамъ чай и печенье, угощая васъ отъ имени своей госпожи, но можетъ быть, если въ комнатѣ нѣтъ никого другого, сядутъ съ вами, занимая васъ разговоромъ, пока не придетъ хозяйка. Прислуга никоимъ образомъ не игнорируется въ обществѣ, но всегда привѣтствуется посѣтелями при входѣ въ комнату и выходѣ изъ нея, и можетъ свободно вмѣшиваться въ разговоры гостей съ хозяевами или между собой, если почему-либо найдетъ, что можетъ бросить какой-нибудь свѣтъ на обсуждаемый вопросъ“.

Это независимое и свободное положеніе прислуги въ значительной степени объясняется самой конструкціей японской семьи. Въ дѣйствительности, между хозяйкой и прислугой даже въ богатой японской семьѣ нѣтъ той пропасти, которая чувствуется такъ часто въ Европѣ. Здѣсь прислуга играетъ скорѣе всего роль помощницы, а не прислуги, такъ какъ хозяйка множество мелкихъ заботъ о своемъ мужѣ и дѣтяхъ, въ силу установившейся традиціи, беретъ на себя. „Служанки работаютъ здѣсь со своей госпожей, какъ со старшимъ товарищемъ, помогая ея по мѣрѣ возможности и считаясь отвѣт-

ственными членами въ домохозяйствѣ, если даже не членами самой семьи".

Въ Японіи держатъ обыкновенно много прислуги даже въ сравнительно небогатыхъ семьяхъ. Дѣло въ томъ, что жалованье прислуги назначается очень маленькое, а содержаніе ея, въ виду дешевизны съѣстныхъ припасовъ и неприхотливости японца къ пищѣ, обходится очень дешево. А потому сравнительно область личныхъ услугъ поглощаетъ въ Японіи довольно большое количество лицъ.

Много поглощаетъ женскихъ силъ и „культъ Венеры". О легкости нравовъ въ половомъ отношеніи мы уже говорили въ одной изъ предъидущихъ главъ. Неудивительно поэтому, что въ каждомъ городѣ вы встрѣтите болѣе или менѣе значительный кварталъ, гдѣ сосредоточены всѣ дома терпимости, которые въ Японіи находятся подъ строгимъ правительственнымъ надзоромъ. Со своей стороны содержатели домовъ терпимости дѣлаютъ все, чтобы придать своимъ учрежденіямъ привѣтливый, изящный и уютный видъ. Поэтому кварталы эти очень часто являются лучшими частями многихъ городовъ. Если къ этому прибавить отсутствіе здѣсь грубости, сквернословія и пьянства, то легко согласиться, что эти пріюты разврата, куда сгоняются тяжелой нуждой толпы молодыхъ дѣвушекъ, съ наружнаго вида не представляютъ ничего отталкивающаго.

Положеніе же этихъ „жрицъ Венеры" очень тяжело. Законъ опять таки всецѣло становится на защиту интересовъ сильной стороны, предпринимателя.— Вырваться изъ когтей публичнаго дома, не исполнивъ контракта, — дѣло очень нелегкое. Полиція не задумается водворить такую бѣглянку въ то учрежденіе, изъ котораго она скрылась. А контракты эти сложны и счеты остаются запутанными, пока дѣвушка не растратитъ всей своей красоты и свѣжести.

Впрочемъ общественное мнѣніе не относится къ проституткѣ съ презрѣніемъ. Многія изъ этихъ жертвъ общественнаго темперамента попадаютъ сюда въ ранней молодости, проданныя своими родителями и родственниками и воспитанныя здѣсь для своей позорной профессіи. Многія также идутъ сюда, чтобы доставить средства своей бѣдствующей семьѣ, или, загоняются нуждой, послѣ невольнаго развода съ мужемъ. Такимъ образомъ дѣвушка продаетъ свое тѣло, а не душу, и потому-то въ японской литературѣ такъ много романическихъ разсказовъ, въ которыхъ видную роль играетъ Іошивара, этотъ классическій кварталъ проститутокъ въ Токіо.

Мы спустились теперь на самое дно соціальнаго японскаго моря. Но если даже и на этомъ днѣ японская жизнь сумѣла сохранить

извѣстный, хотя бы наружный декорумъ, то съ другой стороны намъ приходится въ ней отмѣтить и еще одно интересное явленіе: не смотря на крайнюю нищету, съ которой мы сталкиваемся въ этой области пауперизма, мы найдемъ здѣсь очень мало нищихъ. Обстоятельство это въ значительной степени объясняется опять-таки сравнительной дешевизной жизни, сравнительной эластичностью ея и простотой орудій производства въ цѣломъ рядѣ чисто промысловыхъ дѣйствій. Такимъ образомъ пристроиться къ какой-нибудь работѣ—дѣло не трудное, хотя бы только съ тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ самое скудное дневное пропитаніе. А о большемъ японскій народъ задумывается рѣдко и, благодаря своему легкому, веселому характеру, благодаря чудной природѣ, окружающей его, благодаря мягкости нравовъ общества, въ которомъ онъ живетъ, всѣ эти тяготы земного существованія переносятся сравнительно съ меньшими страданіями. Независимый японецъ предпочитаетъ вести существованіе, полное всякихъ лишеній, чѣмъ протягивать руку за подаяніемъ. Кромѣ того, надо помнить о крѣпкой организаціи японской семьи. Старикъ и старуха, какъ мы уже указывали, спокойно остаются въ семьѣ своихъ дѣтей и окружены здѣсь уходомъ и любовью: ихъ никто не допуститъ итти въ богадѣльню или за сборомъ милостыни, такъ какъ подобнымъ безсердечнымъ отношеніемъ каждый сынъ, каждая дочь покрыли бы себя позоромъ въ глазахъ сосѣдей. Семья является какъ бы организаціей страхованія на случай старости.

Замѣтимъ, наконецъ, что японская жизнь выдвинула цѣлый рядъ профессій, которыя живутъ на счетъ суевѣрій. Всѣ эти прорицатели, которые со своими циновками устраиваются на краю большой дороги и терпѣливо ждутъ себѣ кліента, чтобы за нѣсколько копеекъ приподнять передъ нимъ уголокъ ближайшаго будущаго. Всѣ эти заклинатели, которые переходятъ изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу, изъ города въ городъ, чтобы коротенькимъ своимъ заклинаніемъ защитить населеніе то отъ пожаровъ, то отъ ночного грабежа и т. д. Всѣ эти группы находятся, конечно, на границѣ нищенства, но въ то же время они—отнюдь не нищіе: они не выпрашиваютъ подаянія, они обслуживаютъ извѣстныя общественныя потребности и живутъ на свой гонораръ.

Къ такимъ оригинальнымъ формамъ жизни, которыя освобождаютъ отъ необходимости нищенствовать субъектовъ, обреченныхъ на это экономической и бытовой обстановкой, относятся прежде всего общины слѣпцовъ. Среди ночной тишины уходящаго на покой города вы часто услышите заунывные звуки свирѣли. „На мгнове-

ніе", разсказываетъ г. Шрейдеръ объ одной изъ такихъ встрѣчъ: „свирѣль замираетъ, печальные звуки дрожатъ и пропадаютъ вдали и затѣмъ она снова затягиваетъ свою однообразную, тоскливую, скорбную пѣсню. Ближе, ближе— и изъ сумрака улицы прямо на васъ надвигается силуэтъ человѣка. Онъ идетъ прямо, впередъ, безцѣльно глядя въ темное пространство улицы своими широко-раскрытыми глазами, постукивая своимъ высокимъ бамбуковымъ посохомъ и, наконецъ, исчезаетъ вдали, сопровождаемый все тѣмъ же за душу хватающимъ заунывнымъ напѣвомъ свирѣли. Это слѣпецъ"...

Всякій слѣпецъ здѣсь въ Японіи принадлежитъ къ „слѣпой общинѣ", ордену, пользующемуся огромной властью надъ своими членами и имѣющимъ цѣлую іерархію своего начальства. Главнымъ занятіемъ членовъ этого ордена является массажъ, который и даетъ достаточный заработокъ всѣмъ этимъ обиженнымъ судьбою людямъ. Массажъ—изобрѣтеніе Японіи и получилъ здѣсь широкое развитіе и раціональную постановку; Европа научилась массажу у Японіи.

Когда стемнѣетъ, и трудовое населеніе покончитъ свой тяжелый рабочій день, слѣпой—массажистъ беретъ свою свирѣль и съ обнаженной головой въ длинномъ монашескомъ одѣяніи блуждаетъ по улицамъ города, давая напѣвами своей свирѣли жителямъ знать о готовности пустить въ дѣло свое искусство.

Любопытно между прочимъ будетъ здѣсь замѣтить, что эта „слѣпая община" имѣетъ не только своего главу, но и свои уставы; и эти уставы настолько пользуются общимъ признаніемъ, что слѣпцы совершенно выдѣлены изъ вѣдѣнія и распоряженія свѣтскихъ властей даже въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленія имъ должна угрожать смертная казнь.

VI.

Ростъ обрабатывающей и добывающей промышленности оживилъ и реформировалъ японскую торговлю и вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ большихъ торговыхъ предпріятій.

Прежде всего кореннымъ образомъ начинаетъ измѣняться взглядъ на торговлю самого японскаго общества. Еще совсѣмъ недавно, при старомъ режимѣ, къ торговцамъ относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Правда, чѣмъ ближе время подвигалось къ эпохѣ реформъ, тѣмъ купецъ сталъ подниматься все выше и выше на ступеняхъ общественной лѣстницы. Но высшіе слои общества,—дворянство,—воспитанные вѣками въ пренебрежительномъ отношеніи ко всякимъ торговымъ операціямъ, естественно не могли такъ

быстро перевоспитаться и усвоить новые взгляды которые соотвѣтствовали бы болѣе новымъ потребностямъ общественной жизни.

Такимъ образомъ, съ одной стороны люди, воспитанные въ правилахъ чести, считали не позволительнымъ для себя заниматься какимъ нибудь торговымъ дѣломъ, съ другой же—торговцы, чувствуя на себѣ презрительное отношеніе знати своей страны, не скоро привыкли прислушиваться въ торговыхъ своихъ дѣлахъ къ требованіямъ чести и совѣсти. Вотъ почему въ торговомъ мірѣ въ Японіи установились нравы далеко невысокаго качества. Особенно усиленныя жалобы раздаются со стороны иностранныхъ фирмъ. Имъ слишкомъ часто приходилось получать и фальсифицированный, и неполновѣсный, и неполномѣрный товаръ для того, чтобы жалобы ихъ можно было признать несправедливыми.

Однако къ сказанному необходимо сдѣлать нѣкоторыя поправки. Прежде всего во всѣхъ жалобахъ европейскихъ купцовъ на японскую недобросовѣстность мы выслушиваемъ лишь одну сторону—торговыя фирмы самаго Запада. А между тѣмъ справедливо было бы прислушаться и къ японскимъ торговцамъ, и тогда мы узнали бы, что не только въ первое время торговыхъ сношеній Европы и Америки съ Японіей, но и въ настоящее время представители чужестранцевъ далеко невсегда отличались торговой добросовѣстностью. Такимъ образомъ японская недобросовѣстность являлась до извѣстной степени какъ бы реакціей на недобросовѣстность европейскую.

Затѣмъ торговые нравы за послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ въ Японіи очень сильно измѣнились. И новые, вполнѣ культурные пріемы легко были усвоены большинствомъ крупныхъ торговыхъ фирмъ и акціонерныхъ обществъ. Про эту часть торговаго міра Артуръ Дайоси, большой знатокъ положенія современной японской торговли, утверждаетъ, что „она проявила такую же высокую степень добросовѣстности, энергіи, выдержки и предпріимчивости, какъ обнаружила та же часть торговаго міра на Западѣ“. Несомнѣнно, что въ дѣлѣ измѣненія торговыхъ взглядовъ и пріемовъ японскаго народа не малую роль сыграло и само японское правительство, которое употребило не мало силъ на организацію административныхъ увѣщаній и устройство торговыхъ школъ. Эти послѣднія поставлены здѣсь прекрасно. Высшая торговая школа напр., въ Токіо, по увѣренію того же Дайоси, представляетъ верхъ современнаго совершенства. Но, къ сожалѣнію, торговыхъ школъ въ Японіи все таки мало по сравненію съ тѣмъ ростомъ торговли, который проявляетъ эта страна. Молодые люди, оканчивающіе эти школы,

почти тотчасъ же послѣ выпуска разбираются крупными акціонерными компаніями и большими частными фирмами; на долю болѣе мелкихъ торговыхъ предпріятій подготовленнаго коммерческаго персонала не хватаетъ, а потому здѣсь и нравы измѣняются болѣе медленно и менѣе радикально.

Но подготовка разумнаго коммерческаго персонала—это только одинъ факторъ, расчищающій торговую атмосферу Японіи. О другомъ факторѣ не менѣе могучемъ позаботилась сама жизнь. Капитализмъ создалъ прочную буржуазію, которая засѣдаетъ теперь рядомъ съ родовитымъ дворянствомъ не только въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія, но и въ нижней и даже верхней палатѣ. Эта денежная аристократія во многихъ случаяхъ имѣла возможность породниться съ высокими представителями родовитой аристократіи. Все это научило ее иначе смотрѣть на себя. Она чувствуетъ свою силу; она перестала считать свою профессію чѣмъ-то презрѣннымъ. Теперь это общественное положеніе обязываетъ уже къ нѣкоторой профессіональной порядочности и удерживаетъ отъ такихъ актовъ торговой развязности, которые еще совсѣмъ недавно считались и дозволенными, и терпимыми во всемъ купечествѣ Японіи.

Однако все сказанное относится лишь къ крупнымъ торговымъ предпріятіямъ и очень мало имѣетъ отношенія къ мелкимъ предпріятіямъ, на которыя можетъ быть оказано воздѣйствіе только путемъ поднятія культурнаго уровня всего народа. Несомнѣнно, что и здѣсь проходятъ болѣе или менѣе прогрессивныя теченія, но выступаютъ они далеко уже не такъ замѣтно.

Мелкая (а вмѣстѣ съ тѣмъ коробейная) торговля развита въ Японіи очень значительно. Во всей мелкой и средней японской торговлѣ особенно рельефно выступаютъ двѣ особенности японской жизни. Если въ домашнюю жизнь японца, какъ мы видѣли, такъ легко вторгается улица, то съ другой стороны японскія лавки и магазины съ необычайной легкостью сами выбираются на улицу. Затѣмъ на японскихъ лавочкахъ и магазинахъ вы еще разъ видите, съ какою сравнительно небольшой затратой средствъ организуются здѣсь предпріятія.

Въ самомъ дѣлѣ большинство лавокъ и магазиновъ совершенно не имѣютъ передней стѣнки по фасаду, и слѣдовательно торговля собственно производится прямо на улицѣ. Обыкновенно магазинъ или сколько нибудь значительная лавка помѣщается въ легкомъ деревянномъ домикѣ, состоящемъ изъ одного или двухъ этажей. Въ верхнемъ этажѣ устраивается жилое помѣщеніе для хозяина, въ

нижнемъ—торговое помѣщеніе. Самыя лавки увѣшаны рядами разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарпковъ; съ боковъ спускаются длинныя холщевыя вывѣски съ китайскими надписями. Оконъ въ домѣ нѣтъ. Въ лавкѣ обыкновенно толпится вся семья хозяина, включая до самыхъ маленькихъ ребятъ.

Но въ организаціи японской торговли сказывается до сихъ поръ еще одна особенность японской жизни; это семейная структура очень многихъ предпріятій. Мы видѣли, какую огромную роль играетъ семейное начало въ жизни японскаго народа. Семья, какъ основная ячейка всей дѣятельности японца, даетъ себя чувствовать и на торговыхъ, и на промышленныхъ предпріятіяхъ. Многія фирмы стараются всѣ свои отвѣтственныя функціи обезпечить только лицами, родственными главѣ даннаго предпріятія. Это стремленіе, конечно, накладываетъ опредѣленный отпечатокъ на всѣ внутреннія и внѣшнія отношенія фирмы. Для иллюстраціи этихъ торговыхъ отношеній, приведемъ описаніе одного изъ огромныхъ торговыхъ предпріятій Осаки, со словъ г. Вейлерзе. Это именно торговый домъ Дан-тсіу (полная вѣрность). На службу этой фирмы принимаются исключительно лишь сыновья служащихъ. Ребенокъ поступаетъ сюда съ одиннадцати лѣтъ и съ этого момента совершенно разрываетъ со своей семьей. Все воспитаніе его беретъ на себя теперь торговая фирма. Коммерческое образованіе свое онъ получаетъ на практикѣ днемъ въ магазинахъ, а вечеромъ къ нему приходятъ учителя, которые даютъ ему уроки главнымъ образомъ морали и китайскаго языка. До двадцати лѣтъ онъ долженъ былъ находиться въ полной зависимости отъ фирмы: выходить изъ дому ему разрѣшается лишь съ кѣмъ нибудь изъ взрослыхъ служащихъ и при этомъ къ шести часамъ вечера онъ долженъ быть уже дома. До двадцати же лѣтъ онъ находится на полномъ содержаніи фирмы, но зато не получаетъ ни копейки жалованья. Работа его продолжается круглый годъ, въ которомъ ему дается лишь четыре праздничныхъ дня.

Достигнувшій совершеннолѣтія получаетъ право выходить свободно изъ дому въ свободные часы, которыхъ у него еще суточно восемь. Но онъ не имѣетъ права посѣщать театра и чайныхъ. Наконецъ, фирма подыскиваетъ ему невѣсту изъ среды дочерей своихъ служащихъ и помогаетъ ему обзавестись хозяйствомъ, но даже семейный человѣкъ далеко не освобождается отъ власти фирмы. Ему позволяютъ спать у себя, дома, а не въ магазинѣ, какъ всѣ остальные холостые служащіе, но обѣдать и завтракать ему приходится за общимъ столомъ. „Его настоящій семейный очагъ Дан-тсіу; его

настоящіе предки—основатели этого дома, и онъ регулярно присутствуетъ на ежегодныхъ панихидахъ по нимъ, которыя служатъ съ большою торжественностью буддійскіе священники".

Жалованья собственно они не получаютъ и теперь, даже достигнувъ совершеннолѣтія. Семейнымъ выдается лишь столько, сколько нужно для содержанія, а остальное все вносится на ихъ счетъ въ книги, и часть этихъ суммъ должна быть вложена въ дѣло. Несогласные на это удаляются со службы.

Всѣмъ дѣломъ управляютъ десять старѣйшихъ служащихъ, имѣющихъ наибольшіе паи. Но и эти патроны, какъ и самый послѣдній служащій, должны безпрекословно повиноваться уставу дома, предусматривающему самыя крайнія мелочи даже его личной жизни. Субординація доведена до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, но повышенія даются только по старшинству.

Номинальнымъ владѣльцемъ всего дома является младшій сынъ одного изъ десяти главныхъ семействъ, но такой глава долженъ быть непремѣнно несовершеннолѣтнимъ, для того, чтобы онъ не могъ воспользоваться своими фиктивными правами. Поэтому, какъ только такой глава достигаетъ совершеннолѣтія, онъ тотчасъ же долженъ усыновить младшаго сына той семьи, которая теперь въ этомъ отношеніи стоитъ на очереди.

Но, если служащій поставленъ въ такую зависимость отъ фирмы, то, въ свою очередь, и фирма несетъ весьма значительныя обязательства по отношенію къ нему. Если служащій заболѣваетъ, фирма считаетъ своимъ долгомъ оказывать ему помощь; старикамъ изъ служащихъ продолжается выплата жалованья независимо отъ того, работаютъ они или нѣтъ. По смерти служащаго пенсію получаетъ жена, а дѣти воспитываются заведеніемъ.

Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ личность служащаго находится въ порабощеніи, а самая организація является остаткомъ коммерческаго феодализма. Новыя вѣянія выдвигаютъ совершенно иныя условія коммерческой дѣятельности и подрываютъ эти семейныя организаціи. И коммерческія школы, куда находятъ необходимымъ посылать хотя бы нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ даже и эти старинныя торговыя фирмы, и всеобщая воинская повинность, которая извлекаетъ часть молодежи изъ этихъ коммерческихъ монастырей и даетъ имъ возможность хоть сколько нибудь глотнуть свѣжаго воздуха, все это дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на старинныя фирмы коммерческихъ отношеній и содѣйствуетъ созиданію новыхъ.

Но мы видѣли, какіе глубокіе корни пустило семейное начало въ жизни японскаго народа, какъ эти корни и теперь еще густо окутываютъ народную душу, а потому не будемъ удивляться, что семейное начало чувствуется не только въ такихъ отживающихъ фирмахъ, какъ только описанная, но въ болѣе новыхъ и болѣе живыхъ проявленіяхъ коммерческой дѣятельности. Мы уже говорили, что каждое торговое или промышленное предпріятіе непремѣнно стремится здѣсь замкнуться въ семейную ячейку. Эта тенденція имѣетъ неблагопріятное вліяніе въ томъ отношеніи, что вызываетъ къ жизни и поддерживаетъ множество мелкихъ компаній и, слѣдовательно, мѣшаетъ объединенію капиталовъ, столь желательному для развивающагося здѣсь капитализма. Однако тенденціи капитализма оказались уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильнѣе историческихъ семейныхъ привычекъ и навыковъ. Современная Японія уже знакома и съ трестами, и съ большими акціонерными компаніями въ керосиновомъ, спичечномъ, шелковомъ производствѣ и др.

Замѣтимъ въ заключеніе, что японское правительство очень широко смотритъ на свои задачи въ дѣлѣ развитія правильныхъ взглядовъ на торговлю среди народныхъ массъ. Оно не только устраиваетъ коммерческія училища, но и организуетъ коммерческіе музеи. Таковые учреждены въ Токіо и Осакѣ и могутъ служить образцами коммерческихъ музеевъ. Посѣтитель находитъ здѣсь прежде всего двѣ крупныя группы предметовъ: мѣстные и иностранные. Изъ первыхъ выставлены всѣ тѣ продукты, которые могутъ выдержать конкуренцію съ иностранными товарами и могутъ даже сами служить предметомъ вывоза. Изъ иностранныхъ же продуктовъ выставляются главнымъ образомъ тѣ, которые могутъ служить моделью для мѣстнаго производства; затѣмъ тѣ, которые конкурируютъ съ японскими на заграничныхъ рынкахъ, или тѣ, которые могутъ тамъ побить тѣ или другіе предметы японскаго производства, и, наконецъ, собрано и то, что въ Японіи не производится, но могло бы производиться. Нечего и говорить, что подобные коммерческіе музеи должны оказывать на японскую торговлю огромное вліяніе.

VII.

Крестьянинъ, рабочій, кустарь, коммерсантъ и торговецъ—таковы главнѣйшіе персонажи исторической сцены современной Японіи. Нетрудно замѣтить, что культурная и экономическая обстановка со-

временной дѣйствительности и опредѣляетъ главнымъ образомъ взаимодѣйствіе этихъ элементовъ и ихъ жизнедѣятельность. Но эта новая—чисто-соціальная — перегруппировка общественныхъ силъ далеко не совпадаетъ съ группировкой политической, съ сословнымъ разслоеніемъ японскаго общества. Можно подумать, что это несовпаденіе основного начала съ соціальной группировкой народа не играетъ въ современной исторіи сколько нибудь значительной роли. Оно такъ и было бы, если бы съ этимъ сословнымъ началомъ не была связана организація власти, и если бы эта послѣдняя находилась цѣликомъ въ рукахъ у всего народа, что и обезпечивало бы гармонію между политической и соціальной структурой общества. Однако этого въ дѣйствительности нѣтъ, и потому намъ придется сказать хоть нѣсколько строкъ о сословной организаціи японскаго общества.

На всей сословной организаціи современной Японіи тяготѣетъ рука далекаго прошлаго этой страны. Политическія революціи конца минувшаго вѣка стерли слишкомъ большія различія, раздѣлявшія различныя группы общества, въ значительной степени освободили личность изъ-подъ зависимости этихъ историческихъ пережитковъ и до извѣстной степени приладили сословное начало къ новой соціальной структурѣ страны; но во всякомъ случаѣ эти политическія революціи не довели дѣло до конца.

Въ настоящее время все населеніе Японіи распадается въ сословномъ отношеніи на три группы: квазоку—высшее дворянство (въ большинствѣ случаевъ бывшіе феодальные князья и придворная знать), шизоку—родовое дворянство (бывшее рыцарство, самураи) и хеймингъ—все остальное населеніе, простой народъ. По численности квазоку составляютъ лишь 0,01%, а шизоку 4,6% всего населенія.

По закону и, такъ сказать, теоретически принадлежность къ тому или другому сословію не влечетъ за собою никакихъ привилегій: всѣ прежде всего равны передъ закономъ: всѣмъ одинаково открыты всѣ области правительственной и общественной дѣятельности.

Эпоха реформъ совершенно извратила всѣ экономическія отношенія, которыя раньше вполнѣ соотвѣтствовали сословной группировкѣ государства. Раньше земля принадлежала феодаламъ и монастырямъ; Японія была, слѣдовательно, страной латифундій; крестьяне считались только арендаторами. Реформы отдали землю въ руки крестьянъ; земельная собственность стала мелкой, но зато дворянство, особенно высшее дворянство, получило большія суммы де-

негъ въ видѣ выкупного вознагражденія. Дворянство сдѣлалось представителемъ капитала.

Куда же пошли эти дворянскія деньги? Несомнѣнно, что большая часть этихъ „выкупныхъ платежей“ была проѣдена столь же неразсчетливо и неразборчиво, какъ въ свое время и у насъ дворянами были проѣдены соотвѣтственныя суммы, полученныя при надѣленіи крестьянъ землею и освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ разсчеты японскаго правительства на то, что эти самые капиталы, переданные въ руки дворянства, лягутъ фундаментомъ торгово-промышленной дѣятельности, страны, въ значительной степени не оправдались. Надо вспомнить историческое воспитаніе самурая, которое заставляло его съ презрѣніемъ относиться къ торговлѣ и совершенно игнорировать промышленную жизнь, для того, чтобы согласиться, что надежды японскаго правительства на дворянскіе капиталы и не могли оправдаться въ большомъ масштабѣ. Но если современный капиталистъ въ торгово-промышленной японской дѣйствительности вышелъ не изъ дворянской среды, то и земельная аристократія въ большинствѣ случаевъ не принадлежитъ къ стариннымъ дворянскимъ японскимъ родамъ. Японскій дворянинъ послѣ военной профессіи выше всего цѣнилъ земледѣльческое дѣло, а потому тяга къ землѣ въ дворянской средѣ всегда была весьма значительной. Однако въ спѣшной мобилизаціи земли, которая тотчасъ же наступила послѣ новыхъ политическихъ и экономическихъ реформъ, давленіе дворянскаго капитала чувствовалось очень слабо, и въ результатѣ крупнаго дворянскаго землевладѣнія въ современной Японіи не создалось. Многіе изъ разорившихся дворянъ, правда, ушли на землю, но не въ качествѣ капиталистовъ, а въ качествѣ простыхъ земледѣльцевъ, которые принялись за кирку и лопату и собственными своими руками стали отдѣлывать небольшіе клочки своей земли.

Такимъ образомъ, въ области экономическихъ и собственно соціальныхъ явленій дворянство, а слѣдовательно и сословное начало уже не можетъ играть сколько нибудь значительной роли въ современной Японіи, но въ политической жизни оно заставляетъ чувствовать себя довольно сильно. Да и изъ обычая не стерся цѣлый рядъ предписаній и правилъ, въ которыхъ чувствуются сословные предразсудки. Такъ, напр., по увѣренію Дюмоляра, хотя по закону всѣ граждане японской имперіи должны считаться равноправными, по крайней мѣрѣ, въ области своихъ гражданскихъ отношеній, тѣмъ не менѣе въ обществѣ чувствуется нѣсколько презрительное

отношеніе къ бывшимъ паріямъ — куда принадлежатъ представители нѣкоторыхъ профессій, считавшихся, съ точки зрѣнія буддійскихъ воззрѣній, нечистыми: въ городахъ имъ все еще отводятся особые кварталы; бракъ дѣвушки изъ семьи съ человѣкомъ, принадлежащимъ къ этимъ опозореннымъ профессіямъ (мясники, башмачники и т. д.), считается до сихъ предосудительнымъ, и его по возможности избѣгаютъ. Да и самъ законъ стремится поддержать хотя бы въ слабой степени эти сословныя перегородки. Такъ, напр., каждый гражданинъ долженъ выставлять у дверей своего дома дощечку съ указаніемъ къ какому сословію принадлежитъ хозяинъ. Закономъ 7 іюля 1884 г. правительство стремится установить новую аристократію, которая до извѣстной степени уже порываетъ свои связи со старыми аристократическими родами. Этимъ закономъ, по иниціативѣ Ито, учреждены новые аристократическіе титулы съ китайскими названіями: ко, гаку, ши и данъ; соотвѣтствующими европейскимъ: герцогу, маркизу, графу, виконту. Титулы эти были розданы, главнымъ образомъ, бывшимъ феодаламъ и придворной знати, но впослѣдствіи ими стали награждать и представителей другихъ сословій. О роли этой новой аристократіи въ политической жизни страны рѣчь будетъ ниже, а теперь мы укажемъ лишь, что титулованныя особы имѣютъ право на пенсію отъ императорскаго двора, но зато лишены права вступать въ бракъ безъ оффиціальнаго на то разрѣшенія. „Конечно“, замѣчаетъ по этому поводу г. Коваленскій: „*трудно было бы и ожидать, что воспитанныя вѣками и воспринятыя* съ молокомъ матери сословныя привычки могутъ исчезнуть безслѣдно въ какія-нибудь тридцать лѣтъ. Важно отмѣтить, что привычки эти и не исчезли въ Японіи; демократія и тамъ получила наслѣдіе отъ старыхъ аристократическихъ временъ. Не слѣдуетъ только преувеличивать значенія этихъ переживаній. Положеніе парій все-таки сильно измѣнилось, разъ они по закону признаны равноправными съ людьми другихъ сословій. Точно также не играетъ большой роли твердая память дворянъ о своемъ званіи. Новая же японская аристократія, сложившаяся не путемъ органическаго процесса въ глубинѣ самого общества, а созданная актомъ Высочайшей воли и опирающаяся не на классовое дѣленіе, а на казенную пенсію,—можетъ свободно гордиться своими позолоченными титулами: эти титулы не создали настоящей аристократіи ни среди царедворцевъ римской имперіи, ни въ рядахъ придворной знати наполеоновской Франціи“...

Однако, не только *шитые мундиры и гордость дворянскими традиціями* остались на долю японскаго дворянства; оно обладаетъ

до сихъ поръ кое-чѣмъ и посущественнѣе, — это именно облегченнымъ доступомъ въ бюрократическую среду и къ ея функціямъ, а слѣдовательно и къ политической жизни страны.

Для того, чтобы понять отношенія, сложившіяся въ Японіи въ данномъ направленіи, надо помнить, что жизнь японскаго дворянина въ теченіе многихъ столѣтій проходила въ рамкахъ его клана. Кланы слагались здѣсь подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ и географическихъ причинъ и глубоко пустили корни въ душу японскаго дворянина. Честь и преуспѣяніе клана у большинства японскаго дворянства стояли на первомъ мѣстѣ. Преданность клану замѣняла у нихъ преданность отечеству въ широкомъ смыслѣ этого слова. Члены клана чувствовали себя связанными какъ бы родственными узами; они считали поэтому своимъ нравственнымъ долгомъ оказывать другъ другу всяческую поддержку. Новая Японія, очевидно, не сразу была въ состояніи отдѣлаться отъ этихъ крѣпкихъ традицій. И, когда въ самомъ началѣ этихъ реформъ во главѣ правительства оказался цѣлый рядъ блестящихъ самураевъ, они вѣрные своимъ историческимъ традиціямъ стали заполнять персоналъ бюрократическаго механизма по преимуществу изъ тѣхъ клановъ, къ которымъ они принадлежали сами. Наиболѣе сильными кланами въ заключительномъ періодѣ феодальнаго строя Японіи были кланы Сатзума, Хошіу, Тоза и Хизенъ. Эти-то кланы и подѣлили между собой различныя области административнаго управленія. Дѣло дошло до того, что въ той или другой области государственной жизни совершенно нельзя было достигнуть сколько-нибудь выдающагося положенія, если данное лицо не принадлежало къ опредѣленному клану. Такимъ образомъ, не только дѣйствительная политическая власть находится въ рукахъ дворянъ, но изъ современнаго строя имперіи они почерпаютъ весьма значительныя средства для своего существованія. Въ самомъ дѣлѣ, составъ японской администраціи исчисляется въ 73 тыс. человѣкъ, содержаніе которыхъ стоитъ государству свыше 20 милл. іенъ; управленіе и офицерство въ арміи составляетъ 12 тыс. человѣкъ, и нѣсколько тысячъ во флотѣ... Замѣтимъ кстати, что вся администрація и размѣры ея вознагражденія остаются совершенно независимыми отъ парламента въ силу существующей конституціи. Такимъ образомъ, дворянство японское чувствуетъ подъ своими ногами еще весьма прочную почву. Получается оригинальная картина. „Народное хозяйство Японіи“,—говоритъ г. Коваленскій, — „дѣлаетъ колоссальные шаги впередъ, земледѣліе растетъ и крѣпнетъ, торговля и промышленность развиваются не по днямъ, а по часамъ, — и надъ

всѣми этими, обработанными, какъ сады и огороды, полями, и надъ всѣми дымящими и грохочущими фабриками, поѣздами и пароходами, командуетъ стародавнее дворянство, не имѣющее ни фабрикъ, ни земель, имѣющее только казенное содержаніе, да, можетъ быть, получающее доходъ со вложенныхъ въ банкъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и ничѣмъ больше не связанное съ хозяйствомъ Японіи. Оторванное отъ почвы, съ оборванными корнями, это „непроизводительное“ больше дворянство держитъ въ своихъ рукахъ всю Японію, а само виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ“.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНІИ.

I.

Основныя черты государственнаго механизма современной Японіи опредѣляются главнымъ образомъ ея конституціей конца XIX вѣка. Исторію этой конституціи мы подробно изложили въ другомъ мѣстѣ (см. „Очерки по исторіи японскаго народа“) и здѣсь возвращаться къ ней не будемъ, а попытаемся дать только общую характеристику ея.

Остановимся сначала на тѣхъ положеніяхъ этой конституціи, которыми опредѣляются предѣлы свободы личности японскаго гражданина. Всякій японскій гражданинъ прежде всего пользуется правомъ свободно жить и передвигаться на территоріи японской имперіи. Подвергнуть задержанію или заключенію въ тюрьму японскаго гражданина можно лишь въ силу постановленія соотвѣтственнаго судьи. Исключеніе дѣлается для тѣхъ случаевъ, когда преступленіе совершено на глазахъ у полиціи или на глазахъ у потерпѣвшаго. Но и о такомъ арестѣ немедленно сообщается судьѣ, который можетъ разрѣшить замѣну ареста денежнымъ залогомъ. Эти цѣнныя права, гарантирующія личность японскаго гражданина отъ произвольныхъ административныхъ взысканій, заключаютъ §§ 13 и 14 конституціи, гласящія: „ни одинъ японскій подданный не можетъ быть задержанъ, арестованъ, подвергнутъ допросу или наказанъ иначе, какъ только согласно закону“ и „не можетъ быть лишенъ права быть допрошеннымъ передъ своимъ законнымъ судьей“. Далѣе японская конституція провозглашаетъ неприкосновенность жилища (§ 25 „въ домъ японскаго подданнаго можно войти или произвести тамъ обыскъ только въ случаяхъ опредѣленныхъ закономъ“) и неприкосновенность почтовой корреспонденціи (§ 26 „тайна писемъ японскаго подданнаго неприкосновенна, за исключеніемъ только закономъ опредѣленныхъ случаевъ“).

Противъ посягательствъ со стороны администраціи на эти основныя права личности японскаго гражданина предусматриваются особые суды „административной юстиціи“, которые обязаны разсматривать жалобы частныхъ лицъ на нарушеніе интересовъ ихъ незаконными дѣйствіями правительственныхъ властей, но вмѣстѣ съ тѣмъ указано, что „дѣянія, подлежащія вѣдѣнію исключительныхъ судовъ, должны быть опредѣлены закономъ“.

Однако всѣ эти гарантіи, равно какъ и дѣйствіе всей конституціи можетъ быть пріостановлено императоромъ въ случаѣ войны или народнаго волненія и тогда онъ пользуется по своему усмотрѣнію всей верховной властью (ст. 31-я).

Но японская конституція ограждаетъ не только физическую неприкосновенность японскаго гражданина, она обезпечиваетъ въ болѣе или менѣе значительной степени и моральныя права человѣческой личности. Въ § 29 конституціи японскому гражданину предоставлена „свобода рѣчи, печати и журналистики, публичныхъ собраній и союзовъ“.

Свобода печати въ Японіи явленіе совершенно новое. Первые дѣятели эпохи великихъ реформъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ только что минувшаго вѣка даже и не останавливались на мысли о свободѣ слова. Съ непокорной печатью расправлялись быстро и строго. Такъ, напр., еще въ 1875 г. въ одномъ только Токіо сразу отбывало тюремное заключеніе тридцать журналистовъ. Первое смягченіе законовъ о печати имѣло мѣсто въ 1897 г.; въ 1900 г. законодательство пошло въ этомъ направленіи еще дальше. Теперь же, „настойчивость въ печатаніи того, что запрещено, оскорбленіе особы императорской фамиліи, критика существующихъ учрежденій, нарушеніе общественнаго порядка и нравственности, подвергаютъ виновный органъ печати *судебному преслѣдованію*, которое можетъ закончиться полнымъ прекращеніемъ выхода въ свѣтъ изданія“,—такъ развертываетъ въ болѣе точныхъ терминахъ положеніе японской печати извѣстный знатокъ японской жизни Чемберлэнъ. Въ общемъ надо признать положеніе печати довольно свободнымъ, и въ газетномъ листѣ или въ журнальной статьѣ постоянно можно встрѣтить очень рѣзкую критику существующаго порядка и правительственныхъ дѣйствій. Однако въ области военныхъ и иностранныхъ дѣлъ оставленъ просторъ даже для административнаго вмѣшательства. Такъ министры военный и морской имѣютъ власть запретить всякую газету, которая окажется виновной въ разоблаченіи военныхъ тайнъ; а министръ

ностранныхъ дѣлъ можетъ запретить печатаніе всего того, что можетъ повести къ конфликту Японіи съ другими государствами. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, повторяемъ, кары могутъ быть налагаемы только по судебному приговору. Однако въ виду буржуазнаго состава палаты, въ виду сословнаго характера чиновниковъ и судей (см. выше) уже теперь намѣчаются нѣкоторыя области жизни, гдѣ нынѣшнія рамки свободы японской печати оказываются узкими. Такова вся область рабочаго движенія, сталкивающагося съ интересами буржуазнаго общества. Примѣры закрытія соціалистическихъ и рабочихъ органовъ печати были приведены нами въ предыдущей главѣ.

То же самое приходится сказать и относительно свободы союзовъ и собраній. Суды въ достаточной степени гарантируютъ такую свободу буржуазнымъ классамъ общества и оказываются весьма услужливыми въ дѣлѣ подавленія и распущенія рабочихъ организацій. Наконецъ, мы видѣли, что буржуазный парламентъ въ 1900 г. издалъ законъ, направленный опять-таки спеціально противъ свободы союзовъ и собраній у пролетаріата.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о свободѣ совѣсти. Правда § 28 конституціи выражается въ данномъ отношеніи довольно сдержанно, обѣщая „свободу религіозныхъ вѣрованій, поскольку они не нарушаютъ мира и порядка и не противны обязанностямъ подданнаго“, но, зная чрезвычайную вѣротерпимость японскаго народа, мы можемъ быть увѣрены, что и этой редакціи вполнѣ достаточно для полной гарантіи свободы совѣсти японскаго гражданина.

Но, какъ извѣстно, всякіе параграфы конституціи лишь постольку являются реальной силой, поскольку они оказываются подъ охраной независимаго суда. Въ этомъ отношеніи японская конституція поступила весьма осмотрительно, обезпечивъ публичность судебнаго производства и несмѣняемость судей (§§ 58 и 59-й). Смѣщеніе судей можетъ производиться только по постановленію суда. Весьма также важно отмѣтить, что въ силу § 57 конституціи вся организація судебныхъ учрежденій должна регулироваться закономъ.

Японія до сихъ поръ не знаетъ суда присяжныхъ. Всѣ наиболѣе тяжкія обвиненія разсматриваются коллегіей изъ трехъ судей, остальныя—однимъ судьей. Наиболѣе тяжкими считаются преступленія противъ государства или же императорской фамиліи, а также посягательства на государственный кредитъ, народное здравіе, внутренній миръ и т. д.; ко второй категоріи относятся преступленія

противъ личности и имущества, и къ третьей—тѣ, которые вѣдаются мировыми судьями. Преступленія первыхъ двухъ категорій раздѣляются на обыкновенныя и тяжкія; за послѣднія могутъ быть назначены смертная казнь, каторжныя работы и ссылка (обыкновенно на Іезо, гдѣ ссыльныхъ заставляютъ иногда работать въ рудникахъ). Мировые судьи вѣдаютъ лишь самыя незначительныя дѣла, о чемъ можно судить по тѣмъ наказаніямъ, которыя они имѣютъ право налагать на виновныхъ: штрафъ не свыше 2 руб. и арестъ не больше 3 дней. Процессъ ведется путемъ состязанія сторонъ. Поэтому японскіе суды обладаютъ довольно развитой прокуратурой и адвокатурой. Чины судебнаго вѣдомства должны обладать спеціальнымъ образованіемъ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ они назначаются министромъ юстиціи, и лишь очень немногіе—императоромъ. Къ адвокатурѣ допускаются лишь лица съ спеціальнымъ образованіемъ,—окончившіе въ одномъ изъ юридическихъ училищъ (каковыя имѣются въ Токіо, Кіото и Осакѣ); но выпускной экзаменъ еще не открываетъ доступа въ адвокатскую среду: необходимо подвергнуться спеціальному испытанію при министерствѣ юстиціи, и только послѣ этого молодой адвокатъ прикомандировывается къ какому нибудь суду на жалованье въ 30—35 іенъ въ мѣсяцъ. Наиболѣе даровитые очень быстро переходятъ къ частной практикѣ и дѣлаютъ себѣ хорошую карьеру.

Въ настоящее время Японія имѣетъ одинъ верховный кассаціонный судъ, семь апелляціонныхъ судовъ, 49 окружныхъ судовъ и около 1.200 единоличныхъ мировыхъ судей. Работа апелляціонныхъ судовъ весьма значительна, такъ какъ всякое судебное рѣшеніе по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи можетъ быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ по существу дѣла. Къ предварительной защитѣ адвокатура не допускается.

Присяжные повѣренные организованы въ сословіе по французскому образцу. Судьи и прокуроры получаютъ очень ограниченное вознагражденіе, а потому наиболѣе способные быстро выходятъ въ отставку.

Свидѣтели приводятся къ присягѣ, но клятва замѣнена торжественнымъ удостовѣреніемъ, которое не связано ни съ какими религіозными обрядами.

II.

Обращаясь теперь къ тѣмъ процедурамъ, при помощи которыхъ устанавливаются законодательныя нормы современной Японіи, мы

конечно, прежде всего должны будемъ остановиться на японскомъ парламентѣ.

Конституція японской имперіи была обнародована въ 1889 году. Но оказалось, что параграфы ея не включаютъ закона о выборѣ представителей. Этотъ законъ былъ изданъ отдѣльно и такимъ образомъ не вошелъ составною частью въ японскую конституцію. Выгоды такого положенія обнаружились весьма скоро. Дѣло въ томъ, что японская конституція поставлена въ крайне невыгодное положеніе по отношенію ко всѣмъ измѣненіямъ, которыя оказалось бы необходимымъ произвести въ ея параграфахъ; иниціатива въ области такихъ предложеній принадлежитъ исключительно только одному императору. А разъ законъ о составѣ палаты не является частью японской конституціи, то онъ, слѣдовательно, можетъ быть предметомъ обсужденія въ палатахъ и помимо желанія императора; въ немъ легче добиться всяческихъ измѣненій; онъ эластичнѣе всей конституціи. И, въ самомъ дѣлѣ, едва прошло 10 лѣтъ съ момента обнародованія перваго закона о выборахъ народныхъ представителей, какъ въ 1900 году палатѣ удалось провести въ этой области новый законъ, построенный на болѣе демократическихъ началахъ.

Самые выборы депутатовъ въ палату производятся путемъ прямой, равной и тайной, *но не всеобщей* подачи голосовъ. Въ прежнемъ законѣ были установлены мелкіе выборные округи, изъ которыхъ каждый посылалъ по одному депутату; теперь же округа сдѣланы большихъ размѣровъ, и наиболѣе крупные изъ нихъ должны посылать въ палату по нѣсколько представителей. Для того, чтобы обезпечить въ палатѣ возможно большее представительство и отъ меньшинства, принята система Томаса Хэра, при которой значительная величина выборныхъ округовъ комбинируется съ относительнымъ большинствомъ голосовъ. По мнѣнію японскаго министра юстиціи, и эта система является „наиболѣе совершенной методой для того, чтобы доставить представительство въ палатѣ депутатовъ и сравнительно небольшому числу избирателей".

Выборные округи совпадаютъ съ административнымъ дѣленіемъ страны: фу (городъ) и кенъ (уѣздъ), которые однако въ данномъ отношеніи представляютъ совершенно самостоятельныя единицы. Города, населеніе которыхъ превышаетъ 30.000 душъ, составляютъ самостоятельные выборные участки; въ тѣхъ же случаяхъ, когда городъ имѣетъ населеніе, не достигающее по количеству указанной нормы, то онъ сливается въ одинъ участокъ со своими пригородами. Но если населеніе города превыситъ 30.000 душъ послѣ изданія этого послѣд-

няго закона, то пригороды отдѣляются и образуютъ свой собственный участокъ. Въ настоящее время всѣ города превратились въ самостоятельные выборные участки.

Число депутатовъ, посылаемыхъ въ палату отъ того или другого изъ округовъ, зависитъ отъ количества жителей этого округа, а именно, на каждыя 130.000 душъ должно приходиться по одному депутату, а затѣмъ на каждыя 65.000 должно быть избрано еще по одному депутату. Слѣдовательно, всѣ выборные округи, насчитывающіе не свыше 194.999 душъ, избираютъ одного депутата; округи съ количествомъ душъ 195.000 –324.999 избираютъ двухъ; съ 325.000—454.999 душъ—трехъ и т. д. Такіе важные острова, какъ Хоккаидо и Окинава, выдѣлены въ независимые выборные округи, что оправдывается и дальностью ихъ отъ главнаго острова, и бытовыми и экономическими особенностями мѣстнаго населенія. Надо замѣтить, что эти острова поставлены въ нѣсколько особыя условія относительно выбора депутатовъ: такъ, число ихъ представителей не находится въ зависимости отъ нормъ, опредѣленныхъ общимъ закономъ затѣмъ въ то время, какъ пересмотрѣнный законъ во всѣхъ остальныхъ округахъ считается вступившимъ въ силу съ момента соотвѣтствующаго императорскаго приказа, этимъ островамъ предоставлено самимъ обнародовать соотвѣтственный законъ, когда они найдутъ это нужнымъ, и потому до сихъ поръ вмѣсто восьми депутатовъ Хоккаидо и Окинава посылаютъ въ палату лишь трехъ представителей изъ трехъ городскихъ округовъ Хоккаидо. Такимъ образомъ вмѣсто 381 депутата, которые должны были бы засѣдать въ нижней палатѣ, тамъ въ настоящее время лишь 376 членовъ. Вся процедура выборовъ передана въ руки мѣстнаго самоуправленія: городскихъ головъ и общинныхъ представителей въ деревняхъ. Къ ихъ обязанностямъ относится: 1) указаніе мѣстностей, гдѣ должна производиться самая процедура выборовъ; 2) открытіе и закрытіе выборнаго присутствія; 3) рѣшеніе вопроса, съ какого момента должна быть прекращена подача выборныхъ бюллетеней; 4) сохраненіе протоколовъ выборовъ; 5) передача выборныхъ урнъ, протоколовъ и списковъ избирателей; 6) сохраненіе порядка въ выборномъ присутствіи.

Бюллетени такимъ образомъ подаются отдѣльно въ каждомъ городѣ и каждой деревнѣ на особыхъ выборныхъ пунктахъ. Съ этихъ пунктовъ они доставляются въ опредѣленное мѣсто, гдѣ имъ производится подсчетъ Операція эта исполняется опять-таки лицами, указанными въ законѣ. Такія подсчетныя станціи обнимаютъ или цѣлый гунъ, или цѣлый ши, и необходимыя при этомъ операціи совершаются

соотвѣтственными органами мѣстнаго самоуправленія. Мы уже говорили, что Японія обладаетъ прямымъ, тайнымъ, равнымъ, но не всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Дѣйствительно, выборщиками, по старому зѣкону, являлись тѣ, кто уплачивалъ въ годъ 15 іенъ налоговъ; выборщикъ далѣе долженъ былъ имѣть 25 или больше лѣтъ. Въ настоящее время возрастный цензъ сохраненъ прежній, но имущественный пониженъ до 10 іенъ. Кромѣ того, избиратель долженъ имѣть въ данномъ округѣ осѣдлость въ теченіе, по крайней мѣрѣ, одного года. Отъ депутата же новый законъ не требуетъ годовой осѣдлости въ округѣ, избирающемъ его. освобождаетъ отъ имущественнаго ценза, но повышаетъ возрастный цензъ (до 30 лѣтъ).

Двумя первыми нововведеніями облегчается доступъ въ палату болѣе демократическимъ элементамъ страны, хотя, конечно, не слѣдуетъ забывать, что во всякомъ случаѣ депутаты въ общемъ являются отраженіемъ своего круга избирателей. А данный цензъ допускаетъ до урнъ лишь дворянъ-землевладѣльцевъ, крупные, средніе и даже мелкіе круги торгово-промышленнаго класса и болѣе или менѣе состоятельное крестьянство; весь же городской и деревенскій пролетаріатъ не можетъ вліять на составъ парламента. Такимъ образомъ парламентъ японскій является строго-буржуазнымъ.

При старомъ выборномъ законѣ, депутатовъ въ нижней палатѣ было 300. Около половины всѣхъ депутатовъ принадлежало къ землевладѣльцамъ. Шесть послѣдовательныхъ выборовъ давало ихъ 129, 144, 137, 155, 143, 145: коммерсантовъ, банкировъ, промышленниковъ соотвѣтственно было 26, 31, 31, 37, 41, 37, адвокатовъ—20, 22, 28, 21, 22, 24. Затѣмъ, хотя среди избирателей дворянство составляло (по Леруа Болье) всего лишь 5%, среди избранныхъ дворянство оказалось преобладающимъ. Въ первомъ парламентѣ 1890 г. почти всѣ депутаты нижней палаты, по словамъ Л. И. Бородовскаго, принадлежали къ самураямъ, даже въ 1900, какъ указываетъ Леруа Болье, самураи здѣсь все еще составляли большинство. Замѣтимъ еще, что въ первыя десять лѣтъ въ парламентѣ очень слабо были представлены городскіе жители,—ихъ было всего 6%. Такимъ образомъ въ первое десятилѣтіе конституціонной жизни Японіи парламентъ по своему составу представлялъ главнымъ образомъ интересы болѣе крупнаго землевладѣнія и стараго дворянства. Подобный составъ парламента, конечно, наложилъ свою опредѣленную печать на всю политику парламента. Преобладаніе самураевъ объясняетъ до извѣстной степени воинственный задоръ нижней палаты, а преобладаніе землевладѣльцевъ—его слишкомъ

внимательное и осторожное отношеніе къ поземельному налогу: всякая попытка министерства въ этомъ направленіи встрѣчала упорное сопротивленіе со стороны палаты. Съ новымъ закономъ характеръ представительства нѣсколько измѣнился. Такъ, прежде всего городскіе депутаты въ палатѣ заняли 20% всѣхъ мѣстъ: число ихъ возросло съ 17 до 61; такое расширеніе городского представительства являлось, конечно, побѣдой новой Японіи, но побѣда эта, какъ мы видѣли, является все еще очень скромной; избирательное право попрежнему осталось въ рукахъ землевладѣльческаго класса, такъ какъ поземельный налогъ—основной изъ прямыхъ налоговъ Японіи, открывающихъ доступъ въ число избирателей. Во всякомъ случаѣ японскій парламентъ и при новомъ выборномъ законѣ остается вѣрнымъ защитникомъ интересовъ имущихъ классовъ, въ чемъ мы и могли убѣдиться на его борьбѣ съ рабочимъ движеніемъ.

Новымъ закономъ, какъ было показано выше, облегченъ доступъ въ парламентъ людямъ неимущимъ (не надо забывать впрочемъ, что уничтоженіе имущественнаго ценза для избираемаго было на руку дворянству, такъ какъ оно все больше и больше теряло свои земельныя владѣнія), но пассивнаго права избранія были лишены попрежнему, во 1-хъ, всѣ натурализованные въ Японіи иностранцы (это право дается только императоромъ по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ) и, во 2-хъ, нѣкоторыя изъ должностныхъ лицъ. какъ чины министерства императорскаго двора, судьи различныхъ вѣдомствъ, совѣтники-референдаріи государственнаго контроля, сборщики податей, комиссары или агенты полиціи, исправляющіе должность священниковъ при шинтоистскихъ и буддійскихъ храмахъ, священники, проповѣдники, учителя начальныхъ школъ, тѣ оффиціальныя лица, которыя имѣютъ дѣло съ выборами (конечно, въ своемъ округѣ). Нѣкоторыя лица совершенно лишены и активнаго, и пассивнаго права избранія, какъ, напримѣръ, состояніе на дѣйствительной службѣ въ арміи и флотѣ, главы фамилій kwazokou (высшее дворянство), несостоятельные должники и лица, лишенныя гражданскихъ правъ.

За нарушеніе выборнаго закона налагаются различныя наказанія, и нельзя сказать, чтобы случаевъ подобнаго нарушенія было много. Не смотря на то, что новымъ выборнымъ закономъ были разработаны весьма тщательно карательныя мѣры за нарушенія правилъ выборовъ, въ послѣдніе выборы 10-го августа 1902 г. до судебнаго разбирательства дошло всего лишь 1,082 дѣла; изъ нихъ 177 кончилось оправданіемъ, 102—приговоромъ къ тюремному заключенію,

803—приговоромъ къ денежному штрафу. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что самыя наказанія не отличались строгостью: тюремное заключеніе не свыше 2—3 мѣсяцевъ, денежные штрафы не больше 10—15 іенъ. И тѣмъ не менѣе Японія въ настоящее время все-таки страдаетъ отъ подкуповъ избирателей. Впрочемъ, если съ этимъ зломъ приходится считаться даже въ Англіи, то относительно Японіи, открывающей доступъ къ избирательнымъ урнамъ сравнительно незначительному количеству своихъ гражданъ и сдѣлавшей лишь первые робкіе шаги въ области конституціоннаго режима, удивляться не приходится. Радикальнымъ средствомъ для излеченія этого зла должно быть расширеніе избирательнаго права на все населеніе и поднятіе культурнаго уровня его.

Въ заключеніе не можемъ не указать, что настоящая, чисто буржуазная, конструкція парламента, все больше и больше удаляетъ его отъ народа. Уже и теперь интересъ къ данному парламенту падаетъ даже среди самихъ выборщиковъ: и число участниковъ на выборахъ уменьшается, и самые выборы проходятъ при все ослабѣвающей агитаціи.

Палата избирается на четыре года, но подлежитъ и досрочному распущенію. До сихъ поръ ни одна палата не кончила своего существованія естественной смертью. Съ 1898 г. депутаты получаютъ среднее вознагражденіе въ 2.000 іенъ. Впрочемъ, лица, состоящія на государственной службѣ, не получаютъ никакихъ діетъ во время засѣданій палатъ.

Депутаты на все время сессіи пользуются личной неприкосновенностью и за высказанныя въ парламентѣ мнѣнія не подлежатъ преслѣдованію; арестъ депутата можетъ состояться только съ согласія палаты,—исключеніе представляютъ случаи задержанія на мѣстѣ преступленія или совершенія преступнаго дѣянія, „грозящаго спокойствію государства“.

Но парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней и нижней палаты. О послѣдней у насъ только что была рѣчь. Конструкція верхей палаты или палаты пэровъ, насчитывающей въ настоящее время около 300 членовъ, опредѣляется соотвѣтственнымъ императорскимъ указомъ. Въ первомъ его параграфѣ мы читаемъ: „Палата пэровъ будетъ составлена изъ слѣдующихъ членовъ: 1) члены императорской фамиліи; 2) князья и маркизы; 3) графы, виконты, бароны, которые будутъ назначены членами изъ соотвѣтствующихъ корпорацій; 4) лица, спеціально назначенныя императоромъ за заслуги, оказанныя государству, или за знанія и опытность; 5) лица, избран-

ныя по одному члену отъ каждаго города (Fou) и отъ каждой префектуры (кеп) изъ среды гражданъ, платящихъ государству наибольшія суммы прямыхъ налоговъ: поземельныхъ, промысловыхъ или торговыхъ; избраніе этихъ гражданъ будетъ утверждаться императоромъ". Изъ дальнѣйшихъ параграфовъ того же указа мы узнаемъ, что члены императорской фамиліи вступаютъ въ палату пэровъ по достиженіи совершеннолѣтія. Князья и маркизы по достиженіи 25-лѣтняго возраста. Графы, виконты и бароны могутъ подлежать избранію тоже лишь съ 25-лѣтняго возраста, при чемъ они допускаются въ верхнюю палату съ соизволенія императора и съ такимъ разсчетомъ, чтобы число ихъ тамъ не превышало одной пятой всѣхъ дворянъ этого ранга; избраніе дѣйствительно на семь лѣтъ. Члены остальныхъ двухъ группъ палаты пэровъ не могутъ попадать въ эту палату раньше, чѣмъ достигнутъ тридцатилѣтняго возраста. Лица, назначаемыя туда императоромъ за свои заслуги, остаются членами пожизненно. Представители капитала избираются на семь лѣтъ. Для того, чтобы съ ростомъ капитализма дворянство не оказалось въ палатѣ пэровъ въ меньшинствѣ, указъ требуетъ, чтобы представители отъ дворянъ никогда не составляли менѣе половины числа всѣхъ членовъ этой палаты. Всѣ спорные вопросы относительно правъ того или другого члена на участіе въ засѣданіяхъ палаты господъ, разрѣшаются самой палатой, тогда какъ выборы депутатовъ нижней палаты могутъ быть кассированы не только палатою депутатовъ по выслушаніи заключеній коммисій, но и по рѣшенію имперскаго суда (при чемъ въ послѣднемъ случаѣ палата не имѣетъ права даже оспаривать рѣшеніе суда). Члены, исключенные изъ палаты пэровъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, для обратнаго своего вступленія въ палату пэровъ должны испросить разрѣшеніе императора. Члены палаты подвергаются за свои проступки аресту или обанкротившіеся подвергаются по императорскому приказу исключенію. Президентъ и вицепрезидентъ палаты пэровъ назначаются императоромъ на семь лѣтъ, въ то время какъ въ палатѣ депутатовъ они избираются императоромъ изъ числа лицъ, представленныхъ на его усмотрѣніе самой палатой. Всѣ дальнѣйшія измѣненія въ конструкціи палаты пэровъ могутъ происходить только съ согласія самой верхней палаты. Таковы общія черты, характеризующія современную японскую палату пэровъ.

Маркизъ Ито въ своихъ комментаріяхъ къ конституціи такъ объясняетъ назначеніе и функціи верхней палаты: „Если палата пэровъ выполнитъ, какъ слѣдуетъ, свои обязанности, такой составъ

ея будетъ чрезвычайно цѣлесообразенъ для поддержанія равновѣсія между политическими властями, для ограниченія нежелательной партійности, для огражденія вредныхъ тенденцій, свойственныхъ сужденіямъ неотвѣтственныхъ лицъ, и для обезпеченія устойчивости конституціи. Она является средствомъ для поддержанія гармоніи между правительствомъ и управляемыми и для обезпеченія безопасности страны и счастья народа. Смыслъ существованія палаты пэровъ состоитъ не только въ томъ, чтобы допустить участіе высшихъ классовъ при обсужденіи законодательныхъ мѣръ, но также и въ томъ, чтобы организовать представительство изъ людей благоразумныхъ, опытныхъ и выражающихъ духъ народа; изъ людей, оказавшихъ государству видныя услуги; изъ людей практичныхъ и богатыхъ".

Едва ли можно согласиться съ этими комментаріями. Цѣль палаты пэровъ совершенно ясна: если палата депутатовъ конструирована такъ, чтобы исключить вліяніе пролетаріата на государственныя дѣла, то палата пэровъ поставлена такъ, чтобы ее можно было совершенно изолировать отъ вліянія среднихъ круговъ общества, предоставивъ въ ней мѣста исключительно высшему дворянству и наиболѣе сильнымъ представителямъ капитала. Широкія народныя массы пока совершенно обойдены. Но мы уже видѣли, что они выражаютъ неудовольствіе по поводу такого положенія вещей, что борьба уже началась, а исторія, повидимому, подготовляетъ и побѣду. Однимъ изъ залоговъ такой побѣды слѣдуетъ считать чрезвычайный ростъ народнаго образованія, о которомъ у насъ рѣчь будетъ ниже.

Остановимся нѣсколько на законодательной процедурѣ японскаго парламента. Прежде всего намъ необходимо отмѣтить, что парламентъ крайне стѣсненъ въ формахъ производства, которыя могли бы ему показаться цѣлесообразными въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Въ противоположность европейскимъ парламентамъ онъ въ этомъ отношеніи по рукамъ и ногамъ связанъ параграфами конституціи. Японская конституція предусматриваетъ почти весь распорядокъ внутренняго производства дѣлъ въ палатахъ: выборы должностныхъ лицъ, порядокъ засѣданій, учрежденіе коммисій, отношеніе обѣихъ палатъ другъ къ другу и даже внутреннюю дисциплину каждой палаты. Мы уже видѣли, что японская конституція отличается очень малой эластичностью, а потому подобнаго рода предписанія со стороны ея очень мѣшаютъ работѣ парламента

Ни одна изъ японскихъ палатъ не можетъ начать своихъ работъ или принимать какія либо рѣшенія, если на лицо имѣется меньше одной трети числа членовъ данной палаты. Рѣшеніе принимается простымъ большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя палаты.

Предсѣдатель каждой палаты утверждаетъ порядокъ занятій и сообщаетъ его палатѣ. На первое мѣсто при этомъ выдвигаются всегда проекты правительства. Для того, чтобы проектъ которой нибудь изъ палатъ могъ быть поставленъ раньше правительственныхъ проектовъ требуется согласіе на это правительства.

Законопроекты вотируются въ трехъ чтеніяхъ; но если какой нибудь законопроектъ принятъ при первомъ чтеніи большинствомъ двухъ третей присутствующихъ членовъ, то по требованію правительства или десяти членовъ парламента, онъ можетъ быть освобожденъ отъ второго или третьяго чтенія.

Проекты, представляемые правительствомъ, обязательно проходятъ черезъ коммисію; это правило не соблюдается только въ исключительныхъ случаяхъ по требованію правительства.

Предложеніе отдѣльнаго члена палаты принимается ею къ обсужденію только въ томъ случаѣ, если оно поддержано не менѣе, какъ двадцатью другими членами палаты. Правительство имѣетъ право во всякій моментъ взять назадъ свой уже представленный проектъ или произвести въ немъ тѣ или другія измѣненія.

Всякій законопроектъ долженъ быть представленъ императору черезъ министра президентомъ той палаты, которая вотировала его послѣдней. Законопроекты, вотированные обѣими палатами, представленныя императору и санкціонированныя имъ должны быть опубликованы до открытія слѣдующей сессіи парламента.

Отношенія между палатами опредѣляются въ законѣ такъ: всѣ проекты правительства, кромѣ бюджета, вносятся первоначально въ ту или другую изъ палатъ безразлично. Когда палата приняла проектъ правительства или измѣнила его, она должна передать его другой палатѣ; если эта послѣдняя присоединяется въ вотуму первой палаты или отвергаетъ проектъ, она обязана извѣстить палату, отъ которой она получила проектъ, о своемъ рѣшеніи одновременно съ сообщеніемъ о томъ же правительству. Если палата отвергла проектъ, представленный другой палатой, она сообщаетъ объ этомъ послѣдней.

Если палата А внесла извѣстныя измѣненія въ проектъ, представленный палатой Б, она возвращаетъ его этой послѣдней; если

палата Б соглашается съ поправками палаты А, она должна сообщить объ этомъ этой послѣдней одновременно съ представленіемъ своего вотума императору; если же палата Б не приметъ поправокъ палаты А, она можетъ потребовать открытія конференціи двухъ палатъ, и въ этой ей не можетъ быть отказано. На конференцію сходятся делегаты, избранные обѣими палатами, но въ количествѣ не свыше десяти человѣкъ отъ каждой.

Когда проектъ вотированъ конференціей, то палата, получившая проектъ отъ правительства или представившая его, призывается высказаться объ этомъ проектѣ первой, съ тѣмъ, чтобы передать его второй палатѣ. Никакія измѣненія со стороны палатъ въ проектахъ, вотированныхъ конференціей, не допускаются. Засѣданія послѣдней бываютъ закрытыми.

Вотумъ въ конференціи обѣихъ палатъ производится закрытой баллотировкой; въ случаѣ равенства голосовъ, преимущество дается голосу предсѣдателя. Предсѣдательствованіе въ конференціи принадлежитъ двумъ лицамъ. Одно избирается делегатами одной палаты, другое—делегатами другой. Жребій рѣшаетъ, кто долженъ предсѣдательствовать въ первомъ засѣданіи конференціи, а затѣмъ въ каждомъ засѣданіи они чередуются другъ съ другомъ.

Засѣданія обѣихъ палатъ происходятъ публично; но по требованію правительства или въ силу рѣшенія палаты они могутъ происходить и при закрытыхъ дверяхъ. Предложеніе о закрытіи дверей засѣданія палаты,—если оно вносится въ палатѣ,—дѣлается или со стороны предсѣдателя палаты или со стороны десяти членовъ ея. Дебатовъ по этому предложенію не бываетъ. Отчеты о засѣданіи не публикуются.

Министры и представители правительства имѣютъ право всегда присутствовать и въ той и другой изъ палатъ и требовать себѣ голоса. Но они не принимаютъ участія въ голосованіи, если только они въ то же время не принадлежатъ къ членамъ палаты. Министры и представители правительства извѣщаются о порядкѣ занятій въ засѣданіи палатъ одновременно съ членами палатъ.

Когда палата передала проектъ коммисіи, то министрамъ и представителямъ правительства предоставляется право явиться въ коммисію въ любой моментъ ея засѣданія для того, чтобы изложить тамъ свои взгляды. Коммисія имѣетъ право потребовать объясненій отъ представителей правительства только черезъ предсѣдателя. О времени каждаго засѣданія коммисій предсѣдатель сообщаетъ соотвѣтственному министру и представителямъ правительства. И тотъ,

и другой могутъ равнымъ образомъ присутствовать и на засѣданіяхъ конференціи.

Японскій парламентъ работаетъ очень энергично, пересматривая за каждую изъ своихъ короткихъ сессій цѣлый рядъ законопроектовъ. Впрочемъ главная работа исполняется въ комиссіяхъ, на засѣданія которыхъ и уходитъ большая часть времени каждой сессіи.

Нрава японскаго парламента оказываются значительными лишь въ области законодательства. Ни одинъ законъ, по японской конституціи, не можетъ быть изданъ прежде, чѣмъ онъ не будетъ принятъ обѣими палатами и утвержденъ императоромъ. Такимъ образомъ императору приходится осуществлять свою законодательную власть совмѣстно съ парламентомъ. Правда, мы видѣли, что въ случаѣ той или другой особенно грозной опасности для государства, императору предоставляется пріостанавливать дѣйствіе конституціи, но всѣ распоряженія правительства, выходящія изъ рамокъ уже существующихъ законовъ, должны быть представлены на утвержденіе въ ближайшую сессію и если такового не послѣдуетъ, то подлежатъ отмѣнѣ. Но и законодательная иниціатива японскаго парламента, какъ мы тоже уже видѣли, оказывается не полной: всѣ законопроекты, касающіеся измѣненія конституціи, могутъ вноситься въ палаты только съ согласія императора. Императору однако не предоставлено по собственной волѣ дѣлать какія либо измѣненія въ конституціи, такъ какъ всякое измѣненіе основного закона можетъ быть принято только по рѣшенію, постановленному большинствомъ двухъ третей голосовъ въ засѣданіи, въ которомъ присутствуетъ не менѣе двухъ третей всѣхъ членовъ парламента.

Но если въ области законодательнаго творчества японскій парламентъ все же пользуется сравнительно большимъ просторомъ дѣйствій, то вліяніе его на бюджетъ стѣснено гораздо значительнѣе, что вообще ослабляетъ воздѣйствіе народныхъ представителей на правительство. Такъ въ § 62 конституціи имѣется требованіе, чтобы взиманіе новыхъ податей или измѣненіе размѣровъ существующихъ сборовъ опредѣлялось закономъ, т. е. имѣло мѣсто непремѣнно при содѣйствіи парламента; но въ томъ же параграфѣ конституціи указано, что парламентъ не обладаетъ правомъ исключать изъ бюджета всѣ тѣ поступленія, которыя носятъ характеръ возмѣщенія расходовъ управленія, или тѣхъ сборовъ, которые состоятъ въ вознагражденіи за услуги государству. Въ § 67 же подобныя требованія

оказываются еще болѣе повышенными. Здѣсь прямо высказано парламенту запрещеніе отклонять или измѣнять безъ согласія правительства всѣ тѣ, „уже существующія выдачи, которыя, согласно конституціи, подлежатъ исключительно власти императора, или возникаютъ на основаніи силы закона, или обусловливаются законными обязанностями правительства“. Все это отнимаетъ у японскаго парламента одно изъ самыхъ могучнхъ средствъ борьбы съ правительствомъ, до крайности ослабляетъ вліяніе народныхъ представителей на ходъ государственныхъ дѣлъ. Справедливость этого замѣчанія выступитъ еще рельефнѣе, если вспомнить § 12 конституціи, въ силу котораго вся организація и численность арміи и флота опредѣляется императоромъ безъ вѣдома парламента, и если имѣть въ виду § 70 конституціи, въ которомъ императору предоставляется право издавать временные указы финансоваго содержанія во время отсутствія парламента, впредь до его созыва. Этими ограничительными особенностями японскій парламентъ и отличается главнымъ образомъ отъ европейскихъ парламентовъ.

Но если японскій парламентъ не обладаетъ законодательной инціативой во всей ея полнотѣ, если его бюджетное право является въ значительной степени иллюзорнымъ, то, въ качествѣ регулятора правительственнаго механизма въ области его административныхъ предпріятій, онъ оказывается и совершенно безсильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, императору предоставлено опредѣлять не только организацію арміи и флота, но и организацію всего гражданскаго вѣдомства, за исключеніемъ лишь судебныхъ учрежденій и государственнаго контроля, регулируемыхъ спеціальными законами. Онъ же назначаетъ жалованье гражданскимъ и военнымъ чинамъ, ставитъ и смѣщаетъ ихъ (за исключеніемъ, какъ было указано выше, судей, которые могутъ быть смѣщены только по рѣшенію суда). Наконецъ, императору же предоставлено право назначать и смѣнять министровъ, которые такимъ образомъ являются отвѣтственными не передъ парламентомъ, а передъ императоромъ.

Не смотря на всѣ эти ограниченія, конституція оставляетъ за парламентомъ право дѣлать правительству представленія по различнымъ вопросамъ и по поводу различныхъ фактовъ государственной и общественной жизни (§ 40), но не принятыя представленія не могутъ быть снова переданы въ ту же самую сессію. Этимъ представленіямъ должны предшествовать интерпелляціи. Ст. 50 закона о палатахъ гласитъ: „получила или не получила палата отвѣтъ министра, члены ея могутъ представить мотивы представленія о томъ

дѣлѣ, которое подало поводъ къ интерпелляціи". Представленія правительству дѣлаются письменно; мотивы, по которымъ выдвигается то или другое представленіе, подвергаются обсужденію въ палатѣ только въ томъ случаѣ, если они поддержаны болѣе, чѣмъ тридцатью голосами. Ни конституція, ни законъ о палатахъ не обязываетъ министровъ отвѣчать или соглашаться съ представленіями, обращенными къ нимъ со стороны палатъ.

Право интерпелляціи или запросовъ предоставлено обѣимъ палатамъ; конституція гласитъ: „если члены палатъ желаютъ сдѣлать правительству какой либо запросъ, то таковой долженъ быть подписанъ не менѣе, какъ тридцатью членами". Запросъ передается президенту палаты съ письменнымъ изложеніемъ мотивовъ и подписями соотвѣтствующихъ членовъ палаты. Президентъ палаты препровождаетъ такой запросъ правительству; министръ же даетъ отвѣтъ или немедленно, или назначаетъ для этого особый день. Если же на запросъ министромъ не дано никакого отвѣта, то каждый членъ палаты получаетъ право обращаться къ правительству съ такимъ запросомъ столько разъ, сколько ему заблагоразсудится.

Обѣимъ палатамъ предоставлено также право обращаться къ императору съ адресами. На практикѣ установился слѣдующій порядокъ: сначала обращаются съ вопросомъ къ министрамъ; если на запросъ не получено удовлетворительнаго отвѣта, то запросъ превращается въ представленіе; наконецъ, если и при помощи этого послѣдняго не достигнуто желательнаго результата, то подается адресъ на имя императора. Онъ представляется письменно; подачѣ его предшествуетъ обсужденіе въ палатѣ; предложеніе же адреса вносится за подписью тридцати членовъ палаты.

Наконецъ, каждая изъ палатъ имѣетъ право принимать петиціи, представляемыя подданными. Тѣ петиціи, которыя были обращены къ кому нибудь изъ членовъ палаты, непосредственно этимъ же членомъ и передаются палатѣ. Въ каждой палатѣ петиціи подвергаются первоначально разсмотрѣнію въ особыхъ комиссіяхъ. Если комиссія признаетъ, что петиція составлена не по нравиламъ, то она возвращается черезъ того члена, которому она была вручена первоначально. Комиссія дѣлаетъ общій обзоръ петицій, который и докладывается палатѣ разъ въ недѣлю. Каждая петиція можетъ быть подвергнута въ палатѣ обсужденію, если это покажется необходимымъ комиссіи петицій, или будетъ поддержано тридцатью членами. Каждая палата можетъ переслать петицію правительству съ привосокуиленіемъ своихъ пожеланій и требованіемъ объясненій относительно

обстоятельствъ, послужившихъ поводомъ къ петиціи. Каждая палата получаетъ отдѣльно петиціи, обращенныя къ ней, и не имѣетъ права вмѣшиваться въ петиціи, вносимыя въ другую палату.

Петиціи не могутъ быть приняты въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если петиція подписана какимъ либо коллективнымъ именемъ, 2) если она касается какихъ нибудь измѣненій въ конституціи, 3) тѣ, которыя не носятъ имени петиціи, или не имѣютъ формы жалобы, 4) тѣ, въ которыхъ встрѣчаются непочтительныя выраженія по отношенію къ императорскому двору или заключаются оскорбленія по адресу правительства и палатъ, 5) тѣ, которыя касаются дѣйствій обыкновенныхъ или административныхъ судовъ.

Необходимо еще упомянуть, что, несмотря на стремленіе японской конституціи предусмотрѣть весь внутренній распорядокъ жизни и дѣятельности палатъ, остается еще цѣлый рядъ мелочей, которыя и регулируются особыми постановленіями самихъ палатъ. Парламентъ, какъ этого требуетъ конституція, долженъ собираться ежегодно. Этимъ требованіемъ (§ 41) значительно нейтрализуется то положеніе конституціи, по которому право созыва парламента принадлежитъ одному императору. Императорскимъ приказомъ для этого назначается опредѣленный день; объявленіе объ этомъ срокѣ должно быть сдѣлано, по крайней мѣрѣ, за сорокъ дней до открытія парламента. Члены каждой палаты собираются въ день, назначенный императорскимъ приказомъ. Сессія парламента открывается позже опять-таки по особому императорскому приказу. Каждая сессія должна продолжаться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Въ случаѣ необходимости, она можетъ быть продолжена особымъ императорскимъ приказомъ. Императору же предоставлено собирать и экстренныя сессіи, если въ этомъ окажется неотступная нужда. Засѣданія парламента могутъ быть отсрочены, но не болѣе, какъ на пятнадцать дней. Открытіе, закрытіе, продолженіе и отсрочка сессій должны происходить одновременно для обѣихъ палатъ. Ни одна палата не можетъ работать безъ другой. Это — очень важный параграфъ японской конституціи, обезпечивающій сохраненіе правъ за нижней палатой. Но гарантіи идутъ и еще дальше: если нижняя палата распущена, то члены новой палаты должны быть избраны императорскимъ приказомъ и созваны въ теченіе пяти мѣсяцевъ со дня распущенія этой палаты. Закрытіе сессіи происходитъ въ силу императорскаго приказа въ торжественномъ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ.

Въ началѣ каждой сессіи императоръ лично произноситъ передъ представителями народа тронную рѣчь. Этому торжеству предше-

ствуетъ рядъ работъ, въ которыхъ исполняются палатой необходимыя формальности: повѣрка полномочій, раздѣленіе на секціи и комиссіи, выборы кандидатовъ на постъ президента и вице-президента палаты.

Парламентъ работаетъ очень энергично, не смотря на краткость своихъ сессій, но главная работа, какъ мы уже указывали, сосредочена въ комитетахъ и комиссіяхъ.

Таковы основныя постановленія японской конституціи, которыми регулируется положеніе японскаго парламента. „Нельзя не видѣть“,— резюмируетъ извѣстный нашъ знатокъ государственнаго права г. Реусъ свой взглядъ на изложенные здѣсь параграфы японской конституціи: „что они чрезвычайно усиливаютъ власть правительства по отношенію къ парламенту, съ одной стороны, и преобладаніе состоятельныхъ классовъ населенія надъ широкими народными массами—съ другой. Японія въ виду этого является менѣе всего парламентскимъ государствомъ, но только—государствомъ конституціоннымъ. Министры юридически совершенно безотвѣтственны передъ народнымъ представительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ независимы и отъ общественнаго мнѣнія страны. Подобно министрамъ Германіи и Пруссіи, они являются слугами монарха, а не народа, и, въ случаѣ конфликта съ парламентомъ и нарушенія конституціи, ничѣмъ не рискуютъ, кромѣ безплодныхъ интерпелляцій. Не менѣе устойчиво они себя чувствуютъ по отношенію къ парламенту въ финансовыхъ и военныхъ вопросахъ: лишенныя бюджетнаго права, палаты не могутъ здѣсь прибѣгнуть къ тому могучему орудію парламентской власти, которое создало изъ Англіи не только правовое, но и парламентарное государство. Даже самому преступному правительству, даже самымъ безчестнымъ и неразумнымъ министрамъ японскій парламентъ не можетъ отказать ни въ одной копѣйкѣ народныхъ денегъ, ни въ одномъ солдатѣ, разъ только императоръ поддерживаетъ министровъ или прибѣгаетъ къ помощи 67-го параграфа конституціи. Роль японскаго парламента въ виду этого въ высшей степени ограничена. Это скорѣе органъ гласной критики и теоретическихъ разсужденій, чѣмъ парламентъ, могущій принять на себя часть отвѣтственности за благосостояніе и развитіе страны. Къ счастью для Японіи, до сихъ поръ ея правительство не измѣняло своему либеральному направленію и не расходилось съ представительствомъ прогрессивнаго японскаго бюргерства и дворянства. Но спрашивается, что будетъ тогда, когда этотъ конфликтъ произойдетъ; какую роль сыграетъ тогда народное представительство, обладающее правомъ самой широкой критики, но лишенное какого бы то ни было вліянія на фактическое положеніе дѣлъ; къ какимъ мѣрамъ

прибѣгнетъ тогда представленный въ палатахъ народъ, лишенный права уменьшить хоть на одного солдата составъ арміи, хоть на пару іенъ народныя тягости и не смѣющій заикнуться объ измѣненіи конституціи, которая обезпечиваетъ и юридическую, и политическую безотвѣтственность правителей страны? Не надо забывать, что тамъ, гдѣ нѣтъ законнаго пути къ обезпеченію народныхъ интересовъ, тамъ ихъ замѣняютъ средства насильственнаго переворота и кровавыхъ междоусобій. Мы не желаемъ Японіи тѣхъ внутреннихъ потрясеній, которыя порождаются полнымъ отсутствіемъ народныхъ правъ при реакціонномъ господствѣ своекорыстнаго и произвольнаго правительства. Ея правительство дѣйствовало до сихъ поръ въ согласіи со своимъ народомъ, но въ японской конституціи безспорно скрываются недостатки, которые тяжело могутъ отразиться на жизни страны въ недалекомъ будущемъ". Какъ важно поэтому обезпечить правильную и широкую постановку народнаго представительства съ первыхъ же его шаговъ въ жизни страны!

Конституціонный режимъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ политическихъ партій, начало которыхъ надо отнести къ серединѣ семидесятыхъ годовъ только что минувшаго столѣтія, когда рѣшеніе правительства разрабатывать проектъ народнаго собранія побудило японское общество организовать цѣлый рядъ ассоціацій для обсужденія политическихъ вопросовъ. Самымъ первымъ политическимъ обществомъ, возникшимъ въ это время, считается Айкоку (патріотическое общество), отъ котораго и произошла впослѣдствіе Джіуто, т. е. либеральная партія. Задачей Айкоку, въ главѣ котораго оказались извѣстные Итагаки Тайсуке и Ето Симпеи, покинувшіе государственный совѣтъ въ виду крайней медленности его работы, было выдвинуто „удовлетвореніе правъ народа и подготовка его къ самоуправленію, свободѣ и независимости". Однако террористическія дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ этого общества и возстаніе, поднятое Ето Симпеи, вызвало преслѣдованіе со стороны правительства. Симпеи поплатился за свою затѣю жизнью, а Итагаки долженъ былъ уѣхать къ себѣ на родину, гдѣ однако вскорѣ основалъ первую провинціальную ассоціацію, получившую названіе *Риссиша* (высшая правда).

Но гоненія правительства не привели ни къ чему. Политическія партіи быстро нарождались одна за другой; вновь открытыя высшія учебныя заведенія давали богатый горючій матеріалъ для этого общественнаго движенія. Быстрый ростъ осложнялъ общественное движеніе еще крайней страстностью и нетерпимостью, которая такъ свой-

ственна вездѣ всякимъ новообращеннымъ. И, дѣйствительно, въ первое время существованія и дѣятельности политическихъ партій, можно было опасаться за будущность конституціонной Японіи, и британскій посланникъ въ Японіи, сэръ Гарри Паркесъ, предсказывалъ даже, что „страна эта въ близкомъ будущемъ уподобится самымъ революціоннымъ южно-американскимъ республикамъ". Однако, словамъ не пришлось сбыться.

Но эта страстность, съ которой пришлось считаться первому японскому парламену подготовлялась и разрасталась въ періодъ, предшествовавшій введенію конституціи. Напрасно думать, что правительство микадо отказалось добровольно отъ части своихъ правъ и прерогативъ; нѣтъ, оно сдѣлало это только послѣ того, когда увидѣло, что путь затяжекъ грозитъ серьезными внутренними осложненіями. „Въ 1880 г.", разсказываетъ историкъ Лэй: „въ Токіо собрались делегаты отъ различныхъ политическихъ партій, какъ представители, избранные 97-ю лицами, которыя дѣйствали отъ 22 префектуръ, 2 городовъ и 87000 народа, и пытались вручить свою петицію сначала *Гадзоквану*, а затѣмъ и *Денро-ину* (высшимъ учрежденіямъ страны). Послѣдняя не была однако принята, на томъ основаніи, что законъ не предусматривалъ никакого учрежденія для для пріема политическихъ петицій. Несмотря на то, вслѣдъ за этой петиціей, нашли путь въ Токіо изъ различныхъ мѣстностей многіе другіе документы подобнаго рода—и утверждали, что къ концу апрѣля семь или даже восемь десятыхъ всего населенія страны подали свой голосъ, съ просьбой объ учрежденіи парламента". Правительство отвѣчало на это движеніе репрессіями, издавало ограничительные законы о митингахъ, запрещало политическія ассоціаціи. Но всѣ эти мѣры не приводили ни къ чему: на мѣсто однѣхъ погибшихъ политическихъ организацій тотчасъ же возникали новыя, болѣе устойчивыя и смѣлыя. „Движеніе въ пользу учрежденія народнаго собранія", продолжаетъ тотъ же историкъ: „оказалось въ десять разъ сильнѣе того, которое повело къ ниспроверженію правительства Токугавы. Тогда только самураи и высшіе классы общества принимали участіе. Теперь все населеніе было въ высшей степени живо заинтересовано въ исходѣ своихъ требованій"... Общественное мнѣніе стало къ тому времени дѣйствительной силой, и правительство подалось подъ его напоромъ. Въ 1881 г. былъ изданъ императорскій указъ съ обѣщаніемъ учредить парламентъ въ 1890 г. Для общества открылся періодъ подготовительныхъ работъ. „Различныя ассоціаціи, разсѣянныя по странѣ и преслѣдовавшія задачи

реформъ и народнаго представительства, видѣли уже близкое осуществленіе ихъ. Теперь надо было позаботься о подготовкѣ выборовъ въ сеймъ, и вслѣдствіе этого въ 1882 г. возникли, частью на счетъ старыхъ партій, серьезныя новыя, которыя существуютъ еще и по нынѣ, хотя названія ихъ измѣнились въ теченіе различныхъ стадій ихъ существованія".

Изъ партій того времени необходимо упомянуть уже названную нами либеральную партію. *Джіуто*, затѣмъ партію конституціонной реформы или либерально-консервативную *Риккенъ-кай-синъ-то* изъ которой впослѣдствіи отдѣлились партіи *Симпото* и *Кенсвихонто*. Девизомъ Риккенъ-кай-синъ-то, находившейся подъ руководствомъ Окумы, было „стремленіе къ англійскимъ парламентскимъ учрежденіямъ во внутреннемъ управленіи Японіи и поднятіе международнаго положенія во внѣшней политикѣ ея". Наконецъ, въ противовѣсъ первымъ двумъ была организована еще третья „конституціонная императорская партія", „Риккенъ-тей-сеи-то", но не смотря на свой консервативный характеръ, она тѣмъ не менѣе была *конституціонной*, и это чрезвычайно типично для настроенія тогдашняго японскаго общества.

Партіямъ за это десятилѣтіе было много дѣла не только потому, что Японія въ это десятилѣтіе готовилась къ новой политической жизни, но и потому, что въ это время шелъ чрезвычайно важный вопросъ внѣшней политики, а именно вопросъ о пересмотрѣ трактатовъ съ европейскими государствами. Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло очень многое въ жизни тогдашней Японіи, и общественное мнѣніе со своими партіями напряженно слѣдило за всѣми дѣйствіями правительства, не останавливаясь передъ активными и рискованными дѣйствіями, когда со стороны правительства, замѣчались колебанія или неправильные шаги. Въ этой борьбѣ за трактаты окончательно выросли и окрѣпли политическія партіи современной Японіи. Страна получила свое политическое крещеніе, выступила значительно подготовленной къ политической жизни.

Мы уже видѣли, что первые годы парламентской жизни проходили въ страшной борьбѣ между партіями и правительствомъ. Эта борьба партій была тѣмъ болѣе напряженной, что ни одна изъ крупныхъ партій (ни Джіу-то, ни Риккенъ-кай-син-то) не располагали въ палатѣ абсолютнымъ большинствомъ. Сравнительно спокойно прошла лишь первая сессія, „главнымъ образомъ", по словамъ Лэя, „изъ почтенія къ императору, горячее желаніе котораго видѣть успѣхъ перваго опыта новаго на всемъ Востокѣ

учрежденія внушили всѣмъ сочувствіе къ нему и духъ умѣренности". Но затѣмъ парламентская борьба до крайности осложнилась, и только 1894 г., когда былп объявлена война Китаю, успокоилъ расходившіяся страсти и отвлекъ силы на общее дѣло. Этотъ періодъ борьбы однако не прошелъ даромъ для жизни партій: совершенствовались ихъ методы борьбы, расширялись и обтачивались программы. Такъ, въ іюлѣ 1895 г. Джіу-то провозгласила свою программу съ той опредѣленностью „выраженія задачъ, какой не привыкли видѣть до тѣхъ поръ въ дѣятельности политическихъ партій въ Японіи"...

Однако программа эта вызвала протестъ среди общества, значительная часть котораго считала уступчивость правительства по отношенію къ требованіямъ Россіи, Франціи и Германіи (вырвавшимъ у Японіи Ляодунскій полуостровъ) преступной и пыталась въ 1896 г. внести въ палату представителей билль о выраженіи порицанія правительству, не сумѣвшему отстоять достоинство отечества. Однако это предложеніе было отвергнуто 170-ю голосами противъ 130.

Движеніе, поднятое противъ либеральной партіи, привело къ образованію новой прогрессивной партіи, Симпо-то, которая сразу зовоевала симпатіи общества, и уже въ 1897 г. имѣла 96 голосовъ, тогда какъ Джіу-то располагала только 88 голосами. Въ этомъ же году была обнародована программа партіи.

Въ результатѣ борьбы этихъ партій выборы 98 г. дали такое соотношеніе силъ: правительственная партія изъ 143 членовъ, изъ которыхъ 99 принадлежали къ Джіуто, въ оппозиціи 130 членовъ, изъ которыхъ 105 относились къ партіи Симпо-то, и 25 независимыхъ членовъ.

Но первые шаги въ практической политикѣ заставили эти двѣ сильныя партіи скомбинировать свои силы для организованной попытки добиться большаго простора политическихъ дѣйствій и освободить правительственный организмъ отъ того исключительнаго вліянія, которое имѣли на него представители различныхъ клановъ. Такъ изъ либеральной и прогрессивной партіи образовалась новая конституціонная – Кен-се-ито.

Дружный натискъ на правительство со стороны Кен-се-ито привелъ къ тому, что микадо попробовалъ въ первый разъ въ жизни японскаго парламента провести партійный кабинетъ. Четыре министерскихъ портфеля достались партіи членамъ бывшей партіи Симпо-то (между прочимъ графу Окумѣ былъ уступленъ постъ

перваго министра), тремъ членамъ бывшей партіи Джіу-то (изъ нихъ Итагаки получилъ министерство внутреннихъ дѣлъ) и двумъ членамъ группы независимыхъ (военное и морское министерство). Относительно этого кабинета можно еще подчеркнуть ту особенность, что въ немъ впервые со времени введенія конституціи члены нижней палаты (въ количествѣ четырехъ лицъ) заняли министерскія кресла.

Однако партійный кабинетъ просуществовалъ недолго, несмотря на то горячее сочувствіе, которое онъ встрѣтилъ въ японскомъ обществѣ. Онъ успѣлъ, впрочемъ, провести нѣсколько полезныхъ реформъ: сократилъ число чиновниковъ, улучшилъ положеніе низшихъ служащихъ и тѣмъ привлекъ на эти должности лучшій подборъ лицъ, чѣмъ это было раньше. Къ сожалѣнію, работѣ кабинета сильно мѣшали партійные раздоры, которые очень быстро поднялись среди министровъ, что вызвало недовольство общества.

Теряя подъ собой сочувствіе широкихъ словъ общества, не умѣя никакъ примирить внутреннія разногласія, партія Кен-сеп-то быстро шла къ разложенію, и партійный скандалъ не замедлилъ разразиться надъ „этой супружеской парой, которая постоянно ссорится, но не можетъ рѣшиться на разводъ“, „надъ этой перерѣзанной надвое змѣей, которая не можетъ двигаться ни впередъ, ни назадъ, ни оставаться спокойной“, употребляя выраженія нѣкоторыхъ газетъ. Подыскивался только удобный случай, и, конечно, найти его было сравнительно нетрудно. Одинъ изъ прогрессистскихъ членовъ кабинета, министръ народнаго просвѣщенія, въ рѣчи, обращенной къ главнымъ начальникамъ по своему вѣдомству, допустилъ слѣдующую фразу: „Нравы портятся, и съ увеличеніемъ благосостоянія, которое всегда слѣдуетъ за экономическимъ подъемомъ страны, мы видимъ, что настаетъ царство денегъ. Кажется, нигдѣ на свѣтѣ деньги не прельщаютъ людей такъ, какъ у насъ; и весьма вѣроятно, что *если черезъ тысячу лѣтъ Японія станетъ республикой*, то она, пожалуй, не задумается избрать себѣ главой какого-нибудь Митсуи или Ивасаки, тогда какъ въ сознающихъ свое достоинство демократіяхъ, въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ, никому и въ голову не придетъ выбирать въ президенты какого-нибудь Вандербильта или Астора“... Фраза, какъ видимъ, сама по себѣ весьма невиннаго свойства, но старые японскіе консерваторы и шовинисты, извращая и передергивая слова молодого министра, подняли крикъ объ оскорбленіи величества.

Этимъ смятеніемъ воспользовались и либералы, чтобы свести свои счеты со своими прежними врагами, а нынѣ невольными союзниками. Однако требованіе отставки, „провинившагося“ министра, предъявленная со стороны самаго графа Итагаки, ни къ чему не повело: прогрессисты рѣшили не уступать своихъ позицій. Правда, въ концѣ концовъ опальному министру все-таки пришлось покинуть свой портфель, но прогрессисты выставили требованіе, чтобы министерство народнаго просвѣщенія все таки осталось за ними. Либералы не хотѣли этого, и разрывъ произошелъ.

Такъ не удалось эта первая попытка сформированія партійнаго кабинета, сыгравшаго во всякомъ случаѣ очень важную роль въ жизни и дальнѣйшей эволюціи японскихъ партій и особенно наглядно показавшаго темныя стороны политической жизни современной Японіи.

Новая партія Кенсеи-хонто очень быстро завоевала подъ руководствомъ графа Окумы первенствующее положеніе въ японской политикѣ, которое и сохраняло до 1900 г. Между тѣмъ политическая борьба продолжалась и на этотъ разъ была перенесена въ провинцію такимъ опытнымъ и выдающимся политическимъ дѣятелемъ, какимъ былъ маркизъ Ито. Уже въ 1900 г. ему удалось основать новую партію *Риккенъ-сейю-кваи* (партію друзей конституціоннаго правительства) или называемую сокращенно *Сейюкваи*. Эта партія оказалась въ послѣднее время наиболѣе могущественной и сохраняетъ господствующее положеніе и понынѣ.

Въ октябрѣ 1900 г. маркизъ Ито, руководитель Сейюкваи, снова былъ призванъ императоромъ къ власти и получилъ постъ министра-президента. Составленный имъ кабинетъ оказался однако непрочнымъ, въ силу частичныхъ своихъ несовершенствъ. Кабинетъ довольно быстро распался, но императоръ снова по совѣту наиболѣе выдающихся дѣятелей страны обратился къ Ито съ предложеніемъ поста премьера. Мотивомъ этого поступка было, по словамъ Лэя, широко распространенное убѣжденіе, что „никто, кромѣ маркиза Ито, не въ состояніи организовать кабинетъ, имѣющій сколько-нибудь надежные элементы устойчивости, вслѣдствіе вліянія маркиза, черезъ членовъ партіи Сейюкваи, на большинство въ палатѣ представителей. Это обстоятельство,—добавляетъ нашъ историкъ,—бросаетъ свѣтъ на мѣсто, которое теперь завоевали политическія партіи“. Но Ито остался непреклоннымъ. Премьеромъ былъ призванъ Катсура, при которомъ кабинетъ принялъ „новую физіономію“. такъ какъ въ составъ его не вошелъ ни одинъ изъ „людей Мен-

жи“, тѣхъ ветерановъ политической борьбы, которые открыли своей работой эпоху великихъ реформъ и на тяжелую руку которыхъ все больше и больше начали раздаваться жалобы въ послѣднее время. Министерствомъ Катсуры прекращается такимъ образомъ владычество клановъ, покрайней мѣрѣ, въ области раздѣленія наиболѣе важныхъ государственныхъ функцій.

Подводя теперь итогъ всему сказанному здѣсь о партіяхъ японскаго парламента, мы прежде всего должны признать, что японскіе политическіе дѣятели сумѣли замѣтить слабыя стороны программъ и направленія дѣятельности своихъ партій. Такъ, напр., послѣдняя изъ наиболѣе могучихъ партій подняла свой голосъ противъ той практики, по которой всякая партія, становясь у власти, стремилась замѣстить всѣ административные посты и должности своими сторонниками Борьба партій оказалась очень полезной, такъ какъ держала вниманіе правительства въ напряженномъ состояніи и заставляла серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ тѣхъ, кто становился у власти, не позволяла разыгрываться произволу и усмотрѣнію. Результаты такого положенія вещей въ значительной степени сказались на подъемѣ культуры страны и на развитіи ея производительныхъ силъ. Наконецъ, мы видимъ, что подъ вліяніемъ борьбы партій демократизуется и высшая административная власть. Такъ, министерскіе портфели стали переходить въ руки членовъ палаты народныхъ представителей, а затѣмъ „молодая Японія“ и совсѣмъ оттѣснила отъ министерскихъ креселъ старыхъ наиболѣе аристократическихъ государственныхъ дѣятелей. Правда, до сихъ поръ министры отвѣтственны только предъ императоромъ, но та же борьба партій заставляетъ императора внимательно прислушиваться къ голосу избирателей и отдавать власть въ руки наиболѣе сильныхъ политическихъ партій.

Но зато съ другой стороны вполнѣ ясно и опредѣленно выступаетъ чисто буржуазный характеръ современнаго японскаго парламента. Перебирая программы, выставленныя наиболѣе могущественными политическими японскими партіями, мы видимъ, что онѣ недостаточно демократичны. Въ самомъ дѣлѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемся съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права. Существующая система представительства народныхъ интересовъ не трогаетъ своей несправедливостью тѣ группы населенія, которые пробили себѣ путь къ избирательной урнѣ. Точно также парламентъ и его партіи почти не заботятся о томъ, чтобы оказать защиту труду противъ капитала; эта сторона соціальныхъ отношеній, по-

видимому, совершенно не интересуетъ борющіяся партіи, поскольку объ этомъ можно судить по такому важному документу, какъ партійная программа. Мы знаемъ, что коррективомъ въ этомъ отношеніи является вновь народившаяся рабочая партія, которая при наличности настоящаго избирательнаго закона не можетъ имѣть своихъ представителей въ парламентѣ, но которая все чаще и настойчивѣе начинаетъ выступать съ активной политикой по отношенію къ существующему положенію вещей.

Японскій парламентъ по составу своихъ членовъ, какъ уже указано было выше,—парламентъ молодой. Пробиваются сюда люди наиболѣе энергичные и настойчивые; дѣло не обходится, конечно, и безъ политиканства, иногда далеко не чистаго вида. Въ борьбѣ за представительство естественно разгораются страсти, и въ обществѣ, не привыкшемъ еще къ широкой политической дѣятельности, нерѣдко пускаются въ ходъ не совсѣмъ опрятныя средства. Неудивительно, что въ этомъ молодомъ парламентѣ члены нижней палаты часто закусываютъ удила и черезчуръ переоцѣниваютъ себя и свои силы. Несомнѣнно, что все это производитъ далеко не благопріятное впечатлѣніе на посторонняго зрителя и дѣйствуетъ на него отталкивающимъ образомъ.

Мы уже упоминали, что нѣкоторыми писателями выдвигаются упреки въ чрезмѣрной подкупности депутатовъ. Особенно въ этомъ отношеніи старается Дюмоляръ, затаившій противъ современной Японіи тупое и невсегда осмысленное раздраженіе.

Но какъ несправедливо, какъ голословно здѣсь огульное обвиненіе, показываетъ судьба Хоши Тору, который внесъ въ практику японскаго парламентаризма пріемы знаменитаго по своей разнузданности американскаго TammanyHall'a. Подкупъ подъ руководствомъ этого своеобразнаго политическаго дѣятеля, дѣйствительно, процвѣталъ на японской почвѣ. Но дорого пришлось расплатиться Хоши Тору за тотъ развратъ, который онъ внесъ въ японскіе нравы: онъ палъ отъ руки Иба Сотаро. Этотъ мститель за поруганную общественную честь былъ уже пожилымъ человѣкомъ. Онъ былъ хорошо обезпеченъ и средствами, и полезной дѣятельностью; его окружала любящая семья. Но онъ рѣшился на убійство Хоши Тору, видя въ немъ какъ бы эмблему паденія общественныхъ и парламентскихъ нравовъ. Своимъ рѣшительнымъ актомъ онъ привлекъ къ печальному явленію общественное вниманіе... Ясное дѣло, что при наличности подобныхъ фактовъ авторъ не имѣлъ права увѣрять читателя въ общей испорченности парламентскихъ нравовъ. Общество несомнѣнно слѣ-

дить за жизнью и дѣятельностью парламента, и борьба партій является порукой тому, что темныя и подозрительныя дѣйствія представителей народа не останутся незаклейменными со стороны общества. Конечно, повторяемъ, если подкупъ нѣкоторыхъ членовъ палаты встрѣчается даже и по настоящее время въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Англія, то тѣмъ чаще онъ долженъ быть въ Японіи, совсѣмъ недавно выступившей на арену политической свободы и сравнительно высокимъ цензомъ отрѣзавшей доступъ къ избирательнымъ урнамъ широкимъ народнымъ массамъ, но во всякомъ случаѣ общественное мнѣніе считаетъ это явленіе постыднымъ и рѣшается бороться съ нимъ даже самыми крайними средствами.

Отрицательное отношеніе къ „политиканамъ“ японскихъ партій опредѣляется отчасти и тѣмъ, что старые политическіе вожди, славные люди Мейджи, все больше и больше оттѣсняются кадрами молодыхъ политическихъ дѣятелей, которые идутъ съ новыми лозунгами, съ новыми пріемами. Эта независимость „молодыхъ“ вызываетъ недовольство у стариковъ, руководившихъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ политикой страны и имѣвшихъ на это право въ силу своихъ выдающихся и умственныхъ и нравственныхъ качествъ. Нѣкоторые (напр., тотъ же Дюмоляръ) видятъ въ этой смѣнѣ одного поколѣнія дѣятелей другимъ паденіе японской политики, но мы совершенно не согласны съ такой постановкой вопроса и вполнѣ присоединяемся къ взгляду, высказанному по этому поводу г-жей Богдановичъ: „Въ періоды крупныхъ историческихъ переворотовъ“,—говоритъ она,—„въ періоды ломки всего стараго и созиданія первыхъ основъ будущаго изъ среды народа обычно выдѣляются самыя сильныя, самыя крупныя личности. Они подготовлялись долгими вѣками политическаго застоя, когда наиболѣе одаренные люди должны были искать выхода для своихъ способностей въ другихъ областяхъ или совершенно заглушать ихъ. Въ моментъ высшаго напряженія политической жизни другія области духовной дѣятельности теряютъ свою притягательную силу, и всѣ лучшіе люди націи отдаются политической борьбѣ. На фонѣ общаго безмолвія едва пробуждающейся страны ихъ смѣлые голоса звучатъ особенно громко, ихъ личности производятъ особенно величественное впечатлѣніе. Но когда героическій періодъ кончается, и жизнь заявляетъ свои права вездѣ, тогда таланты распредѣляются болѣе равномѣрно, и политика перестаетъ быть ихъ исключительной ареной. Вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ одинокихъ прежде вершинъ выростаетъ цѣлый лѣсъ новыхъ дѣятелей, среди которыхъ они уже не кажутся такими великанами, какъ

прежде. Въ этой массѣ новыхъ дѣятелей, конечно, есть люди всякихъ калибровъ, отъ очень высокаго до средняго и, быть можетъ, даже весьма невысокаго. Это вполнѣ понятно, въ массѣ люди не бываютъ героями, но зато это уже не единицы, а масса, и она представляетъ не мнѣніе этихъ единицъ, а дѣйствительное общественное мнѣніе, всегда выражающее собой интересы преобладающей массы населенія". Слѣдовательно, и этого процесса смѣны одного поколѣнія политическихъ дѣятелей другимъ, болѣе широкимъ по составу общественныхъ круговъ, ихъ поставляющихъ, хотя и менѣе крупныхъ, чѣмъ прежніе, — особенно бояться не приходится.

III.

Народное представительство въ Японіи поставлено пока въ тѣсныя правовыя рамки. Тѣмъ шире, конечно, область правовыхъ нормъ, оставленная за верховнымъ представительствомъ исполнительной власти — японскимъ императоромъ. Такое положеніе вещей въ значительной степени объясняется ходомъ реформаціоннаго движенія въ Японіи за послѣднія полъ-столѣтія. Глубоко ошибаются тѣ, кто утверждаетъ, что императоръ *добровольно* отказался отъ цѣлаго ряда своихъ прерогативъ въ пользу конституціоннаго режима. Нѣтъ, онъ уступилъ цѣлый рядъ своихъ правъ изъ абсолютной власти, доставшейся ему отъ предковъ, подъ давленіемъ могучаго народнаго движенія. Но уступилъ мудро, во-время, и отъ этого выиграли только обѣ стороны: за императоромъ осталась все еще огромная власть, а народу не пришлось нести многихъ кровавыхъ, но ненужныхъ жертвъ, хотя, конечно, безъ таковыхъ политическая борьба не обошлась. Посмотримъ же, какой политической властью и силой располагаетъ японскій императоръ въ настоящее время.

Ст. 1-я японской конституціи гласитъ: „Японская Имперія направляется и управляется императоромъ единственной въ вѣчности династіи". Это значитъ, что только одному императору принадлежитъ полнота верховной власти. Мы знаемъ, что въ дѣйствительности это не совсѣмъ такъ, ибо законодательную свою власть онъ не можетъ осуществлять безъ содѣйствія парламента, но тѣмъ не менѣе и въ законодательной власти ему отведено еще широкое поле дѣйствія Категоричность заявленія ст. 1-й настоящей конституціи, противорѣчащая до извѣстной степени дѣйствительному положенію вещей, объясняется историческими традиціями народа.

Микадо въ Японіи всегда былъ носителемъ верховной власти, хотя очень рѣдко приходилось ему осуществлять ее на дѣлѣ; съ

этимъ историческимъ прошлымъ не захотѣла разстаться и японская конституція... Не захотѣла она также опустить и другую историческую традицію объ „единственной въ вѣчности династіи“. По преданіямъ японскаго народа микадо происходитъ прямо отъ богини Солнца и его династія никогда не прерывалась и не должна прекратиться и въ будущемъ .. Этотъ первый параграфъ конституціи усиленно подчеркиваетъ желаніе правительства выставить всю послѣдующую конституцію добровольнымъ даромъ императора народу, актомъ сознательнаго, а не вынужденнаго довѣрія со стороны носителя власти къ широкимъ общественнымъ кругамъ... Эта мысль настойчиво и упорно повторяется во множествѣ императорскихъ указовъ и распоряженій.

Въ слѣдующемъ параграфѣ конституціи устанавливается порядокъ престолонаслѣдія: только прямые потомки мужскаго пола могутъ быть наслѣдниками императора; женщины къ престолонаслѣдію не допускаются, что также освящено историческими традиціями, хотя въ отдаленные періоды исторіи японскій престолъ неразъ переходилъ въ руки императрицъ.

По ст. 3-й особа императора провозглашается „священной и неприкосновенной“; этимъ же параграфомъ подразумѣвается и не отвѣтственность императора, хотя прямо такого положенія конституція нигдѣ не высказываетъ, если не считать ст 55, устанавливающей это положеніе косвенно требованіемъ, чтобы всякій указъ, законъ и распоряженіе, такъ или иначе касающееся государственныхъ дѣлъ, кромѣ подписи императора имѣло еще подпись соотвѣтствующаго министра.

Власть императора въ сферѣ исполнительныхъ фукцій очень велика. Въ разныхъ мѣстахъ этой работы намъ приходилось уже неразъ затрогивать этотъ вопросъ; теперь мы находимъ полезнымъ сдѣлать систематическій и полный обзоръ правъ императора въ этой области. Онъ санкціонируетъ и обнародываетъ всѣ законы, а равно слѣдитъ и за исполненіемъ ихъ. Онъ созываетъ совѣщательныя собранія имперіи, открываетъ ихъ, закрываетъ, пріостанавливаетъ и распускаетъ ихъ. Имѣетъ право издавать въ исключительныхъ случаяхъ декреты, обладающіе силой закона впредь до первой сессіи парламента. Издаетъ указы, необходимые для исполненія законовъ, для поддержанія общественной безопасности и для благополучія подданныхъ. Опредѣляетъ организацію каждой отрасли администраціи, назначаетъ жалованье гражданскимъ и военнымъ чинамъ, ставитъ и смѣщаетъ ихъ (кромѣ судей, которые смѣщаются лишь по суду).

Является верховной главой всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ страны, организація и постоянный составъ которыхъ опредѣляется имъ же. Объявляетъ осадное положеніе, объявляетъ войну и заключаетъ миръ и договоры. Жалуетъ титулы, чины, ордена и другіе знаки отличія. Издаетъ указы объ амнистіи, помилованіи и замѣнѣ наказанія и о возстановленіи правъ. Можетъ принимать временно, впредь до созыва парламента, необходимыя финансовыя мѣры путемъ декрета. Ему, и только ему, наконецъ, принадлежитъ инициатива въ дѣлѣ возбужденія вопросовъ объ измѣненіи конституціи. — Права все, какъ видимъ, настолько огромныя, что въ каждую минуту общественная жизнь могла бы быть поставлена въ періодъ острой борьбы за свои привилегіи, если бы эта власть особенно на первыхъ порахъ попала въ неумныя или нечистыя руки. Такимъ образомъ, та легкость и быстрота, съ которой совершается прогрессъ „Страны Восходящаго Солнца“, до извѣстной степени опредѣляется и личностью нынѣ царствующаго японскаго императора Мутцу-Хито.

Ближайшими помощниками императора въ государственныхъ дѣлахъ являются его министры. Всѣ акты, исходящіе отъ имени императора, должны носить подпись одного изъ министровъ, который и является въ каждомъ данномъ случаѣ отвѣтственнымъ лицомъ. Министры назначаются и увольняются государемъ. Въ настоящее время въ Японіи насчитывается девять министерствъ: 1) иностранныхъ дѣлъ; 2) внутреннихъ дѣлъ; 3) финансовъ; 4) военное; 5) морское; 6) юстиціи; 7) народнаго образованія; 8) земледѣлія и торговли; 9) путей сообщенія. Всѣ эти девять министерствъ образуютъ подъ предсѣдательствомъ премьера кабинетъ. Есть еще десятый министръ,—министръ двора,—но онъ въ составъ кабинета не входитъ.

Кабинетъ разсматриваетъ слѣдующіе вопросы: а) законодательные проекты, бюджетъ и спеціальныя ассигнованія; б) договоры съ иностранными государствами и другіе важнѣйшіе вопросы международныхъ отношеній; в) императорскіе приказы, касающіеся администраціи и исполненія законовъ; г) разрѣшеніе конфликтовъ, возникающихъ между различными отраслями управленія; д) разсмотрѣніе народныхъ петицій, переданныхъ въ совѣтъ министровъ императоромъ или палатой; е) назначеніе, отозваніе, повышеніе, перемѣщеніе чиновниковъ перваго класса, особенно префектовъ департаментовъ; ж) расходы, не включенные въ бюджетъ.

Кабинетъ не несетъ круговой отвѣтственности за дѣйствія своихъ членовъ: всякій за себя отвѣчаетъ самъ. Но для того, чтобы сохра-

нить единство въ политическомъ отношеніи, наиболѣе важныя дѣла каждаго министерства подвергаются обсужденію на засѣданіяхъ кабинета. Глава кабинета долженъ быть достаточно освѣдомленъ о всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствіяхъ каждаго министра,—даже о военныхъ тайнахъ. Объ отношеніи министровъ къ коронѣ и палатамъ говорилось выше.

Къ кабинету министровъ присоединено законодательное бюро, которое должно давать свои заключенія о проектахъ законовъ или приказовъ, объ ихъ исправленіи или отмѣнѣ, когда всѣ эти мѣры исходятъ отъ кабинета или какого либо изъ министерствъ или самого бюро. Подъ контролемъ кабинета находятся бюро токійской полиціи, хоккандское бюро, губернаторы префектуръ и управленіе Формозы, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они представляютъ самостоятельныя учрежденія.

Кромѣ кабинета, при императорѣ находится его личный совѣтъ, подчиненный непосредственно императору. Онъ имѣетъ значеніе исключительно только совѣщательнаго органа. Занимается онъ всѣми вопросами, которые передаются ему императоромъ, но обыкновенно ему предлагаетъ императоръ высказываться по многимъ пунктамъ, касающимся закона объ императорскомъ домѣ, о законопроектахъ и указахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ конституціи, объ осадномъ положеніи, о чрезвычайныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ помимо палатъ, о договорахъ съ иностранными государствами и вообще по вопросамъ международнаго права, объ измѣненіяхъ, желательныхъ въ организаціи этого личнаго совѣта. Совѣтъ въ своихъ служебныхъ функціяхъ совершенно изолированъ отъ остальныхъ административныхъ учрежденій страны. Онъ состоитъ изъ президента, вице президента и 25 совѣтниковъ, которые назначаются самимъ императоромъ. Министры входятъ въ составъ его ex officio.

Кромѣ того, при высшихъ административныхъ учрежденіяхъ имѣется цѣлый рядъ организацій, на которыхъ возлагается содѣйствіе высшимъ исполнительнымъ органамъ по различнымъ спеціальнымъ областямъ управленія. Такъ имѣется кодификаціонная коммисія, центральное санитарное отдѣленіе, коммисія по общественнымъ работамъ, коммисія по высшему народному образованію, высшій совѣтъ по земледѣлію, торговлѣ и промышленности, желѣзнодорожный совѣтъ. Къ различнымъ этимъ административнымъ учрежденіямъ присоединено множество чиновниковъ со спеціальными функціями, но на нихъ останавливаться мы не будемъ.

Въ цѣляхъ мѣстнаго управленія Японія въ настоящее время

раздѣлена на 47 кена, или префектуры. Во главѣ каждаго кена назначается чиджи, или префектъ, находящійся въ прямой зависимости отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Но не вся исполнительная власть на мѣстахъ принадлежитъ чиджи: при немъ находится съ значительными правами совѣтъ префектуры.

Каждая префектура далѣе подраздѣляется на ши, т. е. города или городскіе участки, и на гуны, или сельскіе округа. Гуны заключаютъ въ себѣ чо, т. е. маленькіе городки, и сопы, т. е села. Во главѣ каждаго гуна находится подпрефектъ, чунча. Въ общемъ японская провинціальная администрація является сколкомъ съ таковой же французской.

Къ ши относятся всѣ города, которые имѣютъ жителей свыше 25.000 душъ и были зачислены въ этотъ разрядъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ остальные города будутъ чо. Ши пользуется большими автономными правами, чѣмъ чо, въ которомъ единственной исполнительной властью является мэръ.

Каждое ши имѣетъ исполнительный совѣтъ или санджикуаи, состоящій изъ мэра, или шичо, изъ помощника мэра, или джояку, и совѣтниковъ, или санджиконайинъ. Помощникъ мэра бываетъ обыкновенно одинъ, только въ Кіото и Осакѣ ихъ по два, а въ Токіо даже три. Совѣтниковъ въ городѣ шесть, но опять таки въ Кіото и Осакѣ по 9, а въ Токіо 12.

Мэръ назначается императоромъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представленныхъ муниципальнымъ собраніемъ, о которомъ рѣчь у насъ будетъ ниже. Муниципальное же собраніе назначаетъ ему жалованье. Помощникъ мэра также получаетъ жалованье, но назначается префектомъ по представленію муниципальнаго собранія. И то и другое изъ должностныхъ лицъ могутъ быть избраны и не изъ числа жителей города. Совѣтники избираются изъ гражданъ города, достигшихъ 30-лѣтняго возраста: они жалованья совсѣмъ не получаютъ и не могутъ вообще занимать никакихъ платныхъ должностей.

Мэръ—глава административной жизни города. Исполнительный же совѣтъ подготовляетъ труды для муниципальнаго собранія и слѣдитъ за исполненіемъ постановленій, принятыхъ этимъ послѣднимъ.

Кромѣ только что перечисленныхъ главныхъ органовъ исполнительной власти имѣется еще въ каждомъ городѣ шунгуяку, чиновникъ, завѣдующій финансовой частью городского хозяйства. Онъ избирается муниципальнымъ собраніемъ и утверждается въ должности исполнительнымъ совѣтомъ.

Таковы основныя черты административной машины на мѣстахъ, въ провинціи. Слѣдить за дальнѣйшими деталями мы здѣсь не будемъ; о нѣкоторыхъ же спеціальныхъ ея отрасляхъ намъ придется сказать нѣсколько словъ ниже. Теперь же мы позволимъ себѣ сдѣлать общія замѣчанія о японской бюрократіи и затѣмъ перейдемъ къ системѣ мѣстнаго самоуправленія.

Бюрократическая армія въ Японіи растетъ быстро и неудержимо. За десять лѣтъ въ количественномъ отношеніи она почти удвоилась. Въ 1900 г. насчитывалось 73.517 государственныхъ чиновниковъ. На ихъ содержаніе казна тратила 22.192.433 іенъ. Нельзя не видѣть изъ сопоставленія этихъ данныхъ, что японскій чиновникъ довольствуется очень скромнымъ содержаніемъ. Среднее содержаніе его едва превышаетъ 300 рублей въ годъ. Конечно, какъ и вездѣ, предѣлы въ которыхъ совершаются колебанія этихъ вознагражденій огромны въ зависимости отъ положенія, имъ занимаемаго.

Безъ спеціальныхъ дипломовъ доступъ къ той или другой должности можно получить лишь послѣ того, какъ кандидатомъ будетъ сданъ соотвѣтствующій экзаменъ. Теоретически на государственную службу можетъ поступить всякое лицо, удовлетворяющее извѣстнымъ общимъ требованіямъ; фактически, какъ мы уже знаемъ, ряды бюрократіи сплошь заполняются представителями стараго феодальнаго дворянства. Если японскую бюрократію съ одной стороны упрекаютъ въ заносчивости, то съ другой нельзя не указать на ея чрезвычайную работоспособность и замѣчательную честность: взяточничество въ „Странѣ Восходящаго Солнца“ явленіе рѣдкое.

Но бюрократіи уже давно пришлось уступить часть своей власти общественнымъ элементамъ и въ дѣлѣ мѣстнаго благоустройства жизни. Органы мѣстнаго самоуправленія вошли въ жизнь съ 1885 г. и насчитываютъ за собой такимъ образомъ двадцатилѣтнюю дѣятельность. Работа ихъ дала большіе результаты. Они не только были той политической школой, которая выдвинула цѣлый рядъ достаточно искусившихся въ общественной работѣ дѣятелей, когда въ нихъ назрѣла нужда съ открытіемъ японскаго парламента, но и сдѣлали много для благоустройства мѣстной жизни.

Посмотримъ, какія же силы работаютъ надъ этимъ благоустройствомъ мѣстной жизни. Мѣстное самоуправленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Самыя меньшія изъ этихъ самоуправляющихся организацій являются тѣ собранія, которыя избираются для управленія дѣлами чо или сонъ. Такихъ во всей

имперіи насчитывается 14734. Затѣмъ 653 организацій, выбираемыхъ отъ гунъ и 48 отъ ши; а на самой верхушкѣ мѣстнаго самоуправленія находятся префектуральныя собранія, куда посылаются депутаты отъ кеновъ.

Число членовъ во всѣхъ этихъ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ—пропорціонально количеству населенія. Однако законами установлены нѣкоторые предѣлы въ этомъ отношеніи. Такъ maximum членовъ, избираемыхъ отъ чо и отъ сонъ, равняется 30, minimum—8; соотвѣтственныя цифры для ши будутъ 40 и 15, а для префектуральныхъ (вродѣ нашихъ губернскихъ собраній), указанъ лишь minimum въ 30 человѣкъ. Активное право избранія для выборовъ въ собранія отъ кеновъ и гуновъ опредѣляется уплатою прямыхъ государственныхъ налоговъ въ 3 іена ежегодно, для остальныхъ выборовъ — въ 2 іена. Цензъ, какъ видимъ, очень низкій, позволяющій отхватить большое количество крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ. Такимъ образомъ мѣстное самоуправленіе поставлено въ Японіи на демократическую почву. Пассивное избирательное право, къ сожалѣнію, гораздо выше: чтобы имѣть право быть избраннымъ отъ кена, надо уплачивать ежегодно не менѣе 10 іенъ прямыхъ государственныхъ налоговъ,—отъ гуна 5 іенъ, отъ ши, чо-и-сона 2 іена. Всѣ избиратели отъ чо или сона раздѣляются на два класса; раздѣленіе это производится слѣдующимъ образомъ: избиратели располагаются по величинѣ уплачиваемыхъ налоговъ, затѣмъ отдѣляютъ ту часть высшихъ плательщиковъ, у которыхъ общая сумма прямыхъ налоговъ, составляетъ половину всѣхъ прямыхъ налоговъ, уплачиваемыхъ чо или сономъ; это и будетъ первый классъ избирателей; всѣ остальные—составляютъ второй классъ. Каждый изъ нихъ посылаетъ равное число представителей. Для избранія отъ ши всѣ избиратели такимъ же образомъ раздѣляются на три класса, и каждый классъ посылаетъ равное число гласныхъ.

Отъ избирателя, кромѣ имущественнаго ценза, требуется удовлетвореніе слѣдующимъ условіямъ: онъ долженъ быть настолько грамотнымъ, чтобы собственноручно написать имя кандидата, за котораго онъ вотируетъ; онъ не имѣетъ нрава принимать участіе въ исполненіи общественныхъ работъ или въ исполненіи тѣхъ или другихъ поставокъ для мѣстнаго управленія; не могутъ быть избирателями также чиновники, получающіе отъ правительства опредѣленное жалованье, судьи, священнослужители и ходатаи по дѣламъ, не принадлежащіе къ адвокатскому сословію. Надо приба-

вить къ этому, что когда женщина или законноорганизованная торговая компанія оказываются въ числѣ самыхъ крупныхъ плательщиковъ, то онѣ получаютъ право голоса на муниципальныхъ выборахъ.

Гласные отъ кеновъ и гуновъ избираются на четыре года; отъ ши, чо или соновъ на 6 лѣтъ, при чемъ каждые три года возобновляется половина гласныхъ. Гласные отъ кеновъ съѣзжаются ежегодно на сессіи, продолжающіяся въ теченіе 30 дней; гласные отъ гуновъ ежегодно собираются на четырнадцатидневныя сессіи; гласные отъ ши, чо и соновъ опредѣленныхъ сессій не имѣютъ, а собираются для рѣшенія дѣлъ по мѣрѣ надобности, приглашенные городскимъ головой или старшиной.

Главная задача всѣхъ этихъ собраній это разсмотрѣніе вопросовъ, связанныхъ съ мѣстными финансами: утвержденіе ежегоднаго бюджета; установленіе мѣстныхъ налоговъ, максимумъ которыхъ долженъ быть въ извѣстномъ отношеніи къ государственному налогу. Затѣмъ они распоряжаются имуществомъ, принадлежащимъ мѣстнымъ органамъ самоуправленія, дѣлаютъ представленія министру внутреннихъ дѣлъ, заключаютъ ссуды и т. д. Но въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ они подчинены высшему правительству. Такъ, напримѣръ, они не могутъ подвергнуть уничтоженію предметы, имѣющіе какое нибудь научное, художественное или историческое значеніе, не испросивъ на это согласія министра внутреннихъ дѣлъ, а иногда и министра финансовъ. Точно такъ же подобныя разрѣшенія требуются при заключеніи займовъ, при назначеніи спеціальныхъ налоговъ, при превышеніи нормальнаго обложенія и т. п.

Губернаторъ префектуры облеченъ извѣстной властью по отношенію къ этимъ органамъ самоуправленія. Онъ обладаетъ правомъ ревизіи всѣхъ дѣлъ, предпринимаемыхъ на общественныя средства; онъ предлагаетъ вниманію собранія рядъ вопросовъ; онъ приводитъ въ движеніе всю машину по сбору податей и налоговъ; онъ открываетъ, закрываетъ и отсрочиваетъ сессіи этихъ собраній и т. п. Многія изъ функцій, исполняемыхъ губернаторомъ по отношенію къ префектуральнымъ собраніямъ, передаются въ руки гунчо въ собраніяхъ представителей отъ гуновъ. Гунчо, или подъ-префектъ (вѣроятно, въ родѣ нашего исправника)—чиновникъ, получающій жалованье и находящійся въ зависимости отъ префекта. Всѣ дѣйствія префекта и гунчо подлежатъ обжалованію въ высшія административныя учрежденія. Распущеніе же мѣстныхъ собраній можетъ состояться лишь съ согласія императора,

при чемъ законъ обязываетъ правительство произвести новые выборы въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ. Низшіе органы самоуправленія организованы по образцу высшихъ.

Замѣтимъ еще, что въ гунахъ, чо и сонахъ, гдѣ часть гласныхъ—по выбору, часть по назначенію, предсѣдатели этихъ управъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателями соотвѣтствующихъ собраній. Не то въ городской думѣ. Тамъ президентъ и вице-президентъ избирается самою думой на каждыя 12 лѣтъ. Нечего и говорить, что всѣ засѣданія этихъ собраній гласныхъ происходятъ публично. Съ 1898 г. высшія мѣстныя самоуправляющіяся единицы получили извѣстное право контроля надъ губернаторами, такъ какъ имъ разрѣшено принимать жалобы на дѣйствія этихъ мѣстныхъ представителей высшей администраціи.

Бюджеты этихъ мѣстныхъ самоуправленій растутъ довольно быстро и достигли къ 1900 г. 40 милліоновъ іенъ, почти удвоившись за послѣднія шесть лѣтъ. Главныя расходныя части этихъ мѣстныхъ бюджетовъ идутъ на образованіе, медицину и дорожную часть. Мѣстные налоги падаютъ по преимуществу на землю, дома и патенты. Нѣкоторые изъ нихъ взимаются самостоятельно, другіе должны находиться въ извѣстномъ соотношеніи къ соотвѣтствующимъ государственнымъ налогамъ.

Таковы основныя черты мѣстнаго самоуправленія въ Японіи.

Мы коснемся въ этой главѣ еще организаціи полиціи, войска и флота, какъ такихъ элементовъ общественной жизни, которые составляютъ неотъемлемую часть современнаго государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ ростъ которыхъ далеко не всегда бываетъ связанъ съ общимъ прогрессомъ страны.

Современная японская полиція крѣпко переплетается со всею административной организаціей страны. Общій контроль надъ полиціей принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ. При его министерствѣ находится особое бюро, которое занимается исключительно вопросами полицейскаго права и полицейской практики. Въ префектурахъ главный контроль надъ полиціей принадлежитъ мѣстнымъ губернаторамъ. Въ каждой префектурѣ имѣется, кромѣ того, особое полицейское управленіе съ отдѣльнымъ начальникомъ во главѣ его.

Средства на содержаніе полиціи получаются изъ префектуральнаго бюджета, который утверждается префектуральнымъ собраніемъ; такимъ образомъ мѣстныя самоуправляющіяся единицы

могутъ оказывать до извѣстной степени прямое давленіе и на самую организацію полиціи и на исполненіе ею ея служебныхъ обязанностей. Но часть бюджета, устанавливаемая для полиціи префектуральнымъ собраніемъ,—именно, шестая его доля, — пополняется изъ государственнаго казначейства. Минимальные комплекты служащихъ по полиціи установлены императорскимъ указомъ: одинъ полицейскій чиновникъ (къ числу которыхъ относится здѣсь и и низшій персоналъ, наши полицейскіе служители) долженъ приходиться въ среднемъ на одну-двѣ тысячи жителей.

Въ каждомъ гунѣ имѣется отдѣльное полицейское управленіе съ опредѣленнымъ количествомъ чиновниковъ и подъ начальствомъ полицейскаго лейтенанта. Внѣ города каждому полицейскому указанъ его кругъ, въ которомъ онъ и долженъ проживать. Кромѣ того существуетъ еще цѣлый рядъ полицейскихъ отдѣленій и низшихъ полицейскихъ управленій.

Общій персоналъ полицейской организаціи исчислялся въ 1901 г. въ слѣдующихъ цифрахъ: 2116 полицейскихъ лейтенантовъ и 31833 низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, а всего 33949 человѣкъ; въ среднемъ на одного служащаго по полиціи приходилось тогда 1332 душъ населенія.

Организація полицейской службы принята однообразная на всей площади имперіи. Легкія измѣненія были установлены въ немногихъ случаяхъ, когда этого требовали мѣстныя особенности. Такъ, напримѣръ, организація ея нѣсколько измѣнена въ столицѣ государства Токіо, гдѣ она выдѣлена въ особое учрежденіе и не подчинена мѣстному губернатору; измѣнена она также и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ на Формозѣ, не введены префектуральныя собранія.

Основныя обязанности японской полиціи выражаются, конечно, общими терминами, — „поддерживать общественную тишину и порядокъ“. На нее же возлагаются и нѣкоторыя побочныя обязанности, напримѣръ, слѣдить за исполненіемъ со стороны населенія тѣхъ гигіеническихъ предписаній, которыхъ требуетъ законъ, наблюдать за политическими движеніями и интригами, привлекать къ полицейскому суду тѣхъ, кто занимается запрещенной торговлей и т. п. Но пожарныя обязанности отъ полиціи совершенно отдѣлены и переданы въ руки особыхъ организацій, находящихся однако подъ контролемъ тѣхъ же учрежденій, которыя слѣдятъ за дѣйствіями полиціи и направляютъ ихъ.

Надо замѣтить, что въ общемъ правовое положеніе поли-

цейскаго въ Японіи выше, чѣмъ въ Европѣ. Здѣсь всѣ они считаются на государственной службѣ. Да и самъ личный подборъ здѣсь болѣе высокъ. Дѣло въ томъ, что новый курсъ японской исторіи выбросилъ на улицу множество дворянскихъ семей, молодые люди которыхъ съ жадностью устремились на государственную службу и вскорѣ переполнили всѣ учрежденія сверху до низу. Такимъ образомъ очень многіе изъ низшихъ полицейскихъ чиновъ относятся къ дворянскимъ семьямъ и принесли съ собой дворянскія традиціи. Вы не увидите, какъ увѣряетъ баронъ Суйематсу, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, чтобы японскій полицейскій бросился отворять дверь кареты, только потому, что тамъ сидитъ какой нибудь финансовый или чиновный тузъ; или вы легко обидите полицейскаго, если предложите ему „на водку“ за то, что онъ долженъ былъ вамъ сдѣлать по обязанности.

Какъ и всѣ чиновники въ Японіи, полицейскіе довольствуются очень скуднымъ содержаніемъ: жалованье низшихъ полицейскихъ чиновниковъ колеблется отъ 6 до 15 іенъ (руб.) въ 6 мѣсяцевъ. Но зато повсюду имѣются пенсіонныя кассы для тѣхъ полицейскихъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ оставались на этой службѣ или пострадали при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Говоря объ организаціи полицейской службы въ Японіи нельзя не упомянуть о двухъ оригинальныхъ особенностяхъ. Во-первыхъ, о высшей школѣ въ Токіо для служащихъ по полиціи и тюремному вѣдомству, которая представляетъ изъ себя собственно институтъ, гдѣ чиновники указанныхъ вѣдомствъ знакомятся на практикѣ и теоріи съ своими служебными обязанностями. По окончаніи курса молодые чиновники возвращаются въ свои префектуры. Вторая особенность это условные полицейскіе посты. Если какое нибудь торговое или промышленное заведеніе, частная школа или общество находятъ, что ихъ интересы недостаточно защищены даннымъ распредѣленіемъ полицейскихъ силъ, то они заявляютъ о желаніи учредить въ такомъ-то мѣстѣ полицейскій постъ съ такимъ-то количествомъ служебнаго персонала. Затѣмъ имъ остается только внести сумму на содержаніе этого персонала по разсчету, принятому префектуральнымъ собраніемъ для полиціи. Учрежденіе такого условнаго поста еще не значитъ, что на этомъ посту будутъ находится какія нибудь опредѣленныя лица; нѣтъ, правительство берется держать лишь извѣстное количество лицъ, которыя обыкновенно мѣняются на этихъ постахъ и потому никакихъ

личныхъ связей у учрежденія съ полиціей, благодаря такому порядку, не устанавливается.

Японская полиція считается самой ловкой въ мірѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству Бринкли, едва ли еще гдѣ найдутся такіе вѣжливые одинаково ко всѣмъ классамъ населенія полицейскіе, какъ въ Японіи. Правда, иностранцы часто жалуются на грубую настойчивость полиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда въ такой грубости нѣтъ собственно надобности. Но не надо забывать, что иностранецъ, попадая въ чуждую ему общественную обстановку, нерѣдко совершаетъ невольно такіе промахи, которые не могутъ быть оставлены безъ протеста со стороны блюстителей порядка, а съ другой стороны надо также помнить, что большинству европейцевъ приходится считаться съ японской полиціей на улицахъ портовыхъ городовъ, гдѣ она имѣетъ слишкомъ много всякихъ хлопотъ съ европейскими матросами.

Къ японцу же и не приходится примѣнять особо грубыхъ пріемовъ. Мы видѣли общій изысканный тонъ, котораго держатся въ Японіи въ обращеніи другъ съ другомъ всѣ, отъ малыхъ до старыхъ, отъ богачей до бѣдняковъ, отъ крестьянина или ремесленника до знатнаго вельможи; мы видѣли, какою удивительной вѣжливостью и предупредительностью отличается японская толпа на улицахъ. Такимъ образомъ примѣненіе кулачнаго права здѣсь сокращенно до minimum'а само по себѣ, въ силу бытовыхъ условій страны. Къ тому же японскій народъ, исторически, привыкъ къ послушанію. „Рѣдко", замѣчаетъ г. Вейлерзее: „народъ бываетъ болѣе подчиненъ администраціи и болѣе послушенъ полиціи, чѣмъ японцы". И тѣмъ не менѣе въ той же самой Японіи жизнь выдвигаетъ и въ этой области совершенно своеобразныя явленія. Наряду съ этой прекрасно организованной, образованной и ловкой полиціей, пользующейся въ народѣ значительнымъ авторитетомъ, существуютъ и дѣйствуютъ пережитки отъ „добраго" феодальнаго времени въ видѣ столь же прекрасно организованныхъ и ловкихъ шаекъ баднитовъ, питающихся главнымъ образомъ городскими отбросами. „Гродзуки въ Осакѣ", читаемъ мы у Вейлерзее: „заслуживаютъ вниманія. Это банда „пиратовъ", численностью въ 10,000 человѣкъ, прекрасно организованная, глава которой живетъ какъ министръ и къ которой администрація относится, какъ къ равной. Эти „господа" или, если хотите, бандиты, всегда вооруженные пистолетами и ножами, держатъ въ страхѣ весь городъ. Они нападаютъ на театръ, заставляя директора дать имъ крупную

сумму. Во время выборовъ, они поступаютъ на службу къ той или другой партіи, чтобы насильно ворваться въ залу муниципальнаго совѣта; еще недавно они насильно заставили вотировать, чтобы выставка 1903 г. была устроена въ южной части города. Въ обыкновенное время ихъ главное занятіе разныя вымогательства передъ входомъ въ заводы у главныхъ поставщиковъ товаровъ. Иногда полиція ихъ безконтъ: но банда намѣчаетъ всегда одного, который отдается въ руки полиціи, предоставляя возможность всѣмъ остальнымъ убѣжать. Заводчики предпочитаютъ нанимать за извѣстную сумму „босяковъ“, которые могутъ помѣриться съ ними силами или сойтись съ ними. Иной крупный фабрикантъ платитъ ежегодно 300 іенъ своимъ покровителямъ босякамъ“.

Тюремное вѣдомство причислено здѣсь къ министерству юстиціи. Главныя тюрьмы состоятъ даже подъ непосредственнымъ контролемъ министра юстиціи, тогда какъ контроль надъ провинціальными тюрьмами принадлежитъ мѣстнымъ префектамъ. Фактическій надзоръ за тюрьмами находится въ рукахъ у тюремнаго бюро, представляющаго одно изъ отдѣленій министерства юстиціи. Это бюро состоитъ изъ трехъ департаментовъ, изъ которыхъ одно вѣдаетъ вопросы, связанные съ тѣми или другими актами милости и облегченія участи преступниковъ; другое—финансовую сторону тюремнаго вѣдомства, и третье тюремную статистику. Въ строительномъ отдѣленіи разсматриваются всѣ проекты относительно перестройки и улучшенія тюремныхъ зданій.

Всего въ настоящее время въ Японіи насчитывается 139 тюремъ. Изъ нихъ—четыре главныхъ тюрьмы съ двумя отдѣленіями ихъ; 51 окружная тюрьма съ 82 отдѣленіями. Во главѣ каждой изъ тюремъ находится особый директоръ. Всего при тюрьмахъ служитъ 11,995 чиновниковъ. Содержаніе, получаемое этимъ персоналомъ,—весьма умѣренное: директора отъ 600 до 1,800 іенъ (руб.) въ годъ; секретарей и надзирателей отъ 51 до 75 іенъ въ мѣсяцъ, сторожей отъ 9 до 25 іенъ ежемѣсячно. Въ женскихъ тюрьмахъ женскій персоналъ получаетъ еще того меньше.

Въ самомъ началѣ эпохи великихъ реформъ государство рѣшило перенести содержаніе тюремъ на счетъ мѣстныхъ налоговъ, но съ 1900 г. оно опять взяло все тюремное хозяйство, какъ и бюджетъ его, въ свои руки. Оказалось, что мѣстное общество, жалѣетъ своихъ средствъ на правильную постановку тюремнаго дѣла; многія зданія оказались обветшалыми, многія слишкомъ тѣсными. Ни одна тюрьма не удовлетворяла требованіямъ раціо-

нальнаго тюрьмовѣдѣнія. Съ 1900 г. началась насчетъ правительства постройка новыхъ тюремъ, согласованныхъ съ положеніями науки. Но эта реформа можетъ вводиться лишь постепенно, такъ какъ правительство не располагаетъ большими лишними средствами, а потому и по сей часъ еще многія изъ тюремъ отличаются своимъ прежнимъ оригинальнымъ характеромъ.

Гуманныя начала упорно и послѣдовательно проводятся въ тюрьмахъ новаго типа, которыя съ 1900 г. правительство начинаетъ строить по европейскимъ образцамъ. Личности арестанта вездѣ отводится много вниманія. „На заключеннаго“ свидѣтельствуетъ г. Вейлерзее: „не смотрятъ, какъ на падшее существо, исключенное изъ общества; нравственно, какъ и матерьяльно, между нимъ и всякимъ другимъ японцемъ нѣтъ пропасти!.. Преступнику общество не старается мстить; оно ставитъ скорѣе своей задачей исправить его... Доказательствомъ того, что тюремный режимъ, не смотря на свою военную дисциплину, не гнететъ душу арестанта, служитъ фактъ почти полнаго отсутствія побѣговъ изъ японской тюрьмы, которая въ общемъ охраняется слабо“.

Тюремное вѣдомство, повидимому, очень внимательно слѣдитъ за успѣхами научнаго тюрьмовѣдѣнія и старается, по возможности, вводить новыя раціональныя начала въ отношеніи къ своимъ кліентамъ. Такъ имъ установлена школа по тюрьмовѣдѣнію, куда, для прохожденія курса, посылаются секретари и надзиратели тюремныхъ заведеній по выбору мѣстныхъ префектовъ. Курсъ обученія въ этихъ школахъ годовой. Въ программу входятъ слѣдующіе предметы: обзоръ общихъ вопросовъ права, конституція, различныя отрасли уголовнаго права и процесса, тюремная гигіена, криминальная антропологія, статистика, гражданскіе законы и военная дисциплина. Число учениковъ въ этой школѣ колеблется отъ 80 до 100. Въ 1903 г. экзаменъ за полный курсъ этихъ наукъ сдали 71 лицо. Есть кромѣ того упрощенные курсы для низшихъ тюремныхъ служителей.

Затѣмъ тюремное вѣдомство усвоило систему условнаго освобожденія раньше срока. Освобождаемые при этомъ преступники отдаются на нѣкоторое время подъ надзоръ полиціи Въ тѣсной связи съ этой мѣрой стоитъ практикуемая тюремнымъ вѣдомствомъ система медалей, выдаваемыхъ начальствомъ за хорошее поведеніе и полное подчиненіе тюремной дисциплинѣ. Полученіе каждой медали сопряжено съ нѣкоторыми льготами по содержанію и съ постепеннымъ сокращеніемъ срока пребыванія въ тюрьмѣ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ тюремное заключеніе бываетъ связано, какъ мы уже видѣли, съ принудительными работами. Часть средствъ, выручаемыхъ такимъ образомъ, идетъ въ пользу заключеннаго; другая же—поступаетъ въ собственность тюремнаго вѣдомства. Такимъ путемъ покрывается ежегодно до 25% всѣхъ тюремныхъ расходовъ, которые достигаютъ до шести милліоновъ іенъ въ годъ.

Наконецъ, необходимо отмѣтить и постепенное, но неуклонное усовершенствованіе статистическихъ методовъ японскаго тюрьмовѣдѣнія.

Въ послѣднее время къ вопросамъ тюремнаго быта все больше и больше привлекается вниманіе широкихъ круговъ японскаго общества. Такъ въ 1900 г. насчитывалось 32 общества, которыя ставятъ своей задачей заботиться объ участи заключенныхъ отбывшихъ свой срокъ. Это совершенно новыя организаціи, число ихъ ростетъ изъ года въ годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все шире и шире развертывается и ихъ полезная дѣятельность. За короткое время своего существованія этими обществами была оказана помощь 3358 лицамъ. Это, конечно, немного, такъ какъ число заключенныхъ въ японскихъ тюрьмахъ все-таки очень значительно, достигая до 7 человѣкъ на 2000 душъ населенія, но значеніе этихъ обществъ выяснится для читателя изъ слѣдующихъ словъ г. Вейлерзе: „тюрьма даетъ свободу только тѣмъ, за кого хлопочетъ родственникъ или другъ. Мнѣ разсказывали про одного студента медика 23-хъ лѣтъ, приговореннаго за кражу книгъ къ 60 днямъ тюрьмы, и который едва не остался на всю жизнь въ тюрьмѣ“... Такимъ образомъ эти общества попеченія о заключенныхъ являются весьма существеннымъ дополненіемъ закона, имѣющаго намѣреніемъ обезпечить возможно лучшее возвращеніе преступника въ честное общество.

Въ заключеніе укажемъ только, что общій подъемъ культуры японской жизни уже сказался на паденіи тяжелыхъ формъ преступности. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно выводится изъ нравовъ и смертная казнь.

IV.

Современной Японіи пришлось удѣлить много вниманія и силъ организаціи своей арміи и флота. Она должна была невольно обратить вниманіе на свои военныя силы, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бринкли, уже въ силу того, что весь прогрессъ ея внутренней

жизни не завоевалъ ей того почетнаго положенія на міровой аренѣ, какъ побѣдоносная война съ Китайской имперіей. Эта война убѣдительно показала Европѣ, что съ Японіей приходится считаться очень серьезно, а съ другой стороны она еще глубже толкнула страну Восходящаго Солнца въ самыя пучины современнаго милитаризма.

И, въ самомъ дѣлѣ, маленькая Японія въ своей побѣдоносной борьбѣ съ колоссомъ Китаемъ представляла удивительное зрѣлище. Это было первое испытаніе ея арміи и флоту, и испытаніе было выдержано какъ нельзя лучше. Въ быстро развернувшихся военныхъ дѣйствіяхъ Японія показала, что ея народъ способенъ не только беззавѣтно умирать на полѣ битвы, но и создать и поддерживать огромную организацію. Тотъ же г. Бринкли свидѣтельствуетъ, что вся мобилизація во время этой экспедиціи въ Китай, проходила для страны почти совершенно незамѣтно: безъ шуму, безъ задержекъ, безъ всякихъ стѣсненій для мирныхъ жителей,—такъ все было налажено, пригнано, приспособлено. Всѣ планы, разсчеты были сдѣланы не только на бумагѣ, но и проведены до мельчайшихъ подробностей въ жизнь. Эта огромная и совершенно новая для японской жизни конструкція военныхъ силъ развернула во всю ширь организаторскіе таланты народа.

Въ самомъ дѣлѣ, не надо забывать, что всеобщая воинская повинность была введена въ Японіи лишь съ начала семидесятыхъ годовъ; до тѣхъ же поръ военное дѣло, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, исключительно находилось въ рукахъ дворянскихъ семействъ—самураевъ, а народъ стоялъ отъ военныхъ силъ въ сторонѣ. Вся жизнь страны, всѣ ея привычки и нравы должны были продѣлать очень тяжелый процессъ приспособленія къ совершенно новымъ и чуждымъ требованіямъ, которыя принесла съ собой система всеобщей воинской повинности. Только хорошо зная всю оригинальность японской жизни, можно ясно представить себѣ всю ту работу, которую заставила ее продѣлать въ этомъ отношеніи современная исторія.

„Это превращеніе“, замѣчаетъ г. Гессе Вартесъ: „еще гораздо больше, чѣмъ оно кажется при первомъ взглядѣ. Солдаты здѣсь не просто перемѣнили статское платье на военное, какъ наши рекруты. Они должны были, выражаясь фигурально, сбросить съ себя старую японскую цивилизацію и напялить на себя европейскую, такъ какъ современная военная служба совершенно не отвѣчаетъ прежнимъ обычаямъ, условіямъ и одѣяніямъ.

„Среди прежнихъ самураевъ и дайміосовъ царилъ рѣзко выраженный чисто-азіатскій кастовый духъ, переданный имъ многими поколѣніями и всосавшійся въ кровь и плоть. Когда же они поступили на службу въ новую армію, то многіе самураи неожиданно оказались подъ начальствомъ своихъ прежнихъ подчиненныхъ. Казалось, это было неодолимымъ препятствіемъ для сохраненія военной дисциплины:—преувеличенная, даже смѣшная для европейцевъ вѣжливость японцевъ къ старшимъ, оставшаяся съ прежнихъ временъ, еще до сихъ поръ соблюдается въ Японіи.

„Мужчины, занимающіе различное общественное положеніе, безпрестанно кланяются и говорятъ другъ другу любезности; подчиненный бросается передъ своимъ начальникомъ на колѣни и касается лбомъ земли, когда послѣдній приходитъ къ нему въ домъ. Вчера еще онъ только такъ, и не иначе, встрѣчалъ своего начальника, а сегодня, какъ только онъ одѣлъ солдатскій мундиръ, онъ обязанъ прямо и неподвижно стоять передъ этимъ же начальникомъ и стараться смотрѣть ему прямо въ глаза. Вчера еще весь его костюмъ состоялъ изъ одного свободнаго, перетянутаго на бедрахъ кимоно и сандалій или соломенныхъ туфель. Шея, грудь, руки и ноги были обнажены. Теперь же онъ долженъ носить тѣсную военную форму, съ тугимъ воротомъ и со многими, совершенно непривычными для него и незнакомыми ему пуговицами; вмѣсто легкой соломенной шляпы, онъ носитъ на головѣ тяжелый тшако (шлемъ); вмѣсто маленькаго вѣера, у него въ рукахъ тяжелое ружье; вмѣсто соломенныхъ туфель, самое мучительное орудіе для японцевъ—сапоги съ раструбами, которые для него служатъ тѣмъ же, чѣмъ были когда-то для жертвъ религіознаго фанатизма испанскіе инквизиціонные сапоги.

„Раньше онъ сбрасывалъ съ ногъ свои соломенныя туфли при входѣ въ чей нибудь домъ и ступалъ по красивымъ и чистымъ циновкамъ совсѣмъ босой или въ чулкахъ. Теперь же отъ японца солдата требуется какъ-разъ противоположное:— онъ не смѣетъ снимать сапогъ при входѣ въ чью-нибудь квартиру. Прежде столы и стулья были предметы, ему совершенно незнакомые; онъ сидѣлъ, ѣлъ и спалъ на полу. Теперь же обязанъ спать на кровати, сидѣть на стулѣ и ѣсть за столомъ.

„Изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, что японецъ, при поступленіи въ армію, долженъ навсегда разстаться со всѣмъ своимъ прежнимъ образомъ жизни и со всей своей природой; поэтому самый лучшій комплиментъ, какой можно сказать японской арміи,

*

это тотъ, что она вполнѣ освоилась и безропотно подчинилась этимъ чуждымъ, жестокимъ и даже ненавистнымъ предписаніямъ и что случаи непокорности, нарушенія дисциплины и военной субординаціи здѣсь очень рѣдки"...

Всеобщая воинская повинность, введенная въ имперіи въ 1873 г., построена на слѣдующихъ основаніяхъ. Каждый юноша по достиженіи 20-лѣтняго возраста долженъ явиться въ соотвѣтствующее „воинское присутствіе". Отъ дѣйствительной службы избавляются: главы семействъ, лица духовнаго званія, учителя и учащіеся въ правительственныхъ школахъ, врачи и лица, находящіяся на государственной службѣ, которыхъ на ихъ посту никто замѣнить не можетъ; одинъ изъ двухъ братьевъ, одновремено призванныхъ къ набору; лицо, братъ котораго служитъ или погибъ на дѣйствительной службѣ. Кромѣ того, забраковываются люди, ростъ которыхъ не достигаетъ 4 ф. и $11^1/_2$ д. Эти категоріи лицъ, освобождаемыхъ отъ дѣйствительной службы, составляютъ до 40% всѣхъ призываемыхъ и все же остается колоссальный излишекъ противъ того, что принимается на дѣйствительную службу въ мирное время. Участь молодыхъ людей рѣшается поэтому жеребьевкой.

Призванные на дѣйствительную службу въ теченіе 3 лѣтъ остаются подъ знаменами, затѣмъ $4^1/_3$ года числятся въ первомъ резервѣ, въ теченіе пяти лѣтъ во второмъ резервѣ, а остальное время до достиженія 40-лѣтняго возраста записываются въ территоріальную армію, которая формируется при мобилизаціи изъ людей, окончившихъ уже службу въ арміи и запасѣ и предназначается для обороны предѣловъ государства, замѣщенія или усиленія войскъ постоянной арміи.

Затѣмъ имѣется два разряда сверхкомплектныхъ войскъ. Первый изъ нихъ состоитъ изъ людей, которые, хотя и подлежатъ воинской повинности и годны для службы по своимъ физическимъ качествамъ, но вынули дальніе билеты. Второй разрядъ слагается изъ лицъ того же рода, но вынувшихъ дальніе билеты не только при первомъ призывѣ, но и при первомъ укомплектованіи арміи. Періодъ службы для перваго сверхштатнаго разряда $7^1/_3$ лѣтъ, для второго $1^1/_3$ г., послѣ чего они переводятся въ территоріальную армію. Эти оба разряда служатъ лишь для заполненія выбывающихъ до срока по той или другой причинѣ изъ рядовъ призванныхъ подъ знамена. Но въ мирное время для такого пополненія идетъ лишь первый разрядъ и то лишь въ теченіе перваго года послѣ призыва. Ежегодно призывается свыше 43,000 рекрутовъ; изъ нихъ на дѣй-

ствительную службу принимается около 60,000 а до 130,000 зачисляется въ первый разрядъ сверхкомплектныхъ. При такой организаціи Японія оказывается способной выставить въ военное время армію во много сотъ тысячъ душъ.

Японское правительство относится къ своему солдату съ большою внимательностью и обставляетъ его жизнь возможными удобствами.

Жалованье солдата измѣняется въ зависимости отъ класса, въ который онъ причисленъ, а именно первый классъ получаетъ по 18 іенъ въ годъ, 2-й—по 14 іенъ 40 сенъ, 3-й—10 іенъ 80 сенъ въ годъ.

Право на пенсію даетъ одиннадцатилѣтняя служба, а также полученіе ранъ въ битвѣ или при исполненіи служебныхъ обязанностей; въ случаѣ смерти на полѣ сраженія или при исполненіи служебныхъ обязанностей жена и дѣти могутъ разсчитывать на пенсію отъ 15 до 30 іенъ въ годъ.

Главнокомандующимъ всей арміи считается императоръ; ему же теоретически принадлежитъ и военная власть во всей ея полнотѣ; военное министерство, генеральный штабъ и маршалъ являются лишь главнѣйшими его помощниками. Офицерство поставлено высоко и получаетъ въ спеціальныхъ школахъ прекрасную подготовку; изъ этихъ послѣднихъ особенно выдѣляется военная академія.

Военное министерство обладаетъ обширнымъ собственнымъ хозяйствомъ, находящимся въ образцовомъ порядкѣ и обезпечивающимъ армію всѣми наиболѣе насущными предметами. Такъ два арсенала, находящихся въ Токіо и Осакѣ подъ контролемъ особыхъ военныхъ чиновъ, занимаются заготовкой оружія и амуниціи и слѣдятъ за всѣми улучшеніями въ этой области. Имѣется даже три пороховыхъ фабрики. Съ 1891 г. въ большихъ размѣрахъ изготовляется также на собственныхъ фабрикахъ и шерстяная матерія для нуждъ арміи. Въ 1902 г. на шерстяныхъ фабрикахъ въ Сенжу было занято 318,126 рабочихъ (въ томъ числѣ 173,745 женщинъ).

Въ связи съ санитарной постановкой дѣла въ арміи стоитъ и возникновеніе японскаго Краснаго Креста. Это общество возникло въ 1877 г. при 20 членахъ; въ началѣ же девятисотыхъ годовъ число его членовъ достигло до 28,000 человѣкъ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 70,000 іенъ.

Съ 1886 г. японскій Красный Крестъ примкнулъ къ женевской конвенціи и принялъ своей эмблемой ея христіанскій знакъ—Красный Крестъ на бѣломъ фонѣ.

Японскій военный флотъ не насчитываетъ за собой даже и 50 лѣтъ существованія. Первое паровое судно въ видѣ небольшой яхты японскимъ правительствомъ было пріобрѣтено въ 1858 г. Что представляетъ изъ себя японскій флотъ въ настоящее время, намъ, русскимъ, послѣ гибели всего нашего тихоокеанскаго флота, объяснять не приходится. Скажемъ только, что особенное вниманіе на флотъ Японія обратила послѣ японско-китайской войны. Такимъ образомъ японскій флотъ является самымъ молодымъ флотомъ въ мірѣ, обладающимъ самими усовершенствованными и однотипичными судами, въ чемъ и заключается его главная сила

Раньше Японія заказывала свои суда въ Европѣ. Въ настоящее время она обладаетъ нѣсколькими роскошными доками и арсеналами, выстраиваетъ на своихъ верфяхъ огромные броненосцы и изготовляетъ на своихъ фабрикахъ и заводахъ всѣ нужныя приспособленія, необходимыя для этихъ морскихъ колоссовъ. Само собою разумѣется, что поддержаніе всей этой огромной организаціи морскихъ силъ возможно лишь при большихъ затратахъ средствъ и при наличности широко подготовленнаго и талантливаго служебнаго персонала. На образованіе морского офицера поэтому въ Японіи обращено большое вниманіе.

Конечно, не надо забывать, что вся эта организація даетъ въ руки государста лишь доброкачественныя средства борьбы; но къ нимъ, этимъ средствамъ, надо приложить еще живую силу, безъ которой вся эта сложная техника останется неподвижной и мертвой. Такую живую силу составляетъ энтузіазмъ народа, сознательно любящаго свою родину и сознательно несущаго на ея службу свои интеллектуальныя силы. Развитіе ума и сердца японскаго народа сыграли въ его побѣдахъ такую же существенную роль, какъ и развитіе военно-морской техники. Не одному совершенству орудій истребленія, но и совершенству своего народнаго образованія обязаны японцы своимъ побѣдоноснымъ шествіемъ по полямъ Манджуріи.

ГЛАВНѢЙШІЕ ФАКТОРЫ ПРОГРЕССА СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНІИ.

I.

Какъ высоко цѣнилось японскимъ правительствомъ дѣло народнаго образованія, видно изъ эдикта микадо, изданнаго еще въ 1872 г., въ которомъ впервые провозглашается принципъ всеобщаго обученія для японскаго народа.

Но правительство въ этомъ своемъ стремленіи шло навстрѣчу давно созрѣвшему и осознанному стремленію общества. Если вѣрить нашему соотечественнику — очень вдумчивому и осторожному наблюдателю—Василію Михайловичу Головнину, пробывшему въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 гг., то уже столѣтіе тому назадъ всеобщее обученіе въ значительной степени пробило себѣ прочные пути въ народную среду. Вотъ что онъ писалъ въ своей книгѣ, появившейся впервые въ 1827 г.: „что касается до народнаго просвѣщенія въ Японіи, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, японцы самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной. Въ Японіи нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ читать и писать и не зналъ законовъ своего отечества. Правда, у насъ болѣе наукъ и художествъ, у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ! Но затѣмъ на одного такого звѣздочета мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечесть не умѣютъ... Если же вообще взять народъ, то японцы имѣютъ лучшее понятіе о вещахъ, нежели нижній классъ людей въ Европѣ“.

При такихъ условіяхъ Японія, конечно, очень легко принципъ всеобщности обученія осложнила требованіемъ и обязательности, а разъ введена была обязательность, то закону пришлось установить цѣлый рядъ нормъ, которыя указываютъ, какъ должна быть проведена въ жизнь эта обязательность.

Въ 1873 г. было издано уложеніе о народномъ образованіи; въ этомъ законодательномъ трудѣ, который въ послѣдующіе годы под-

вергался дальнѣйшей разработкѣ и дополненіямъ, имѣется рядъ постановленій, опредѣляющихъ размѣры школьныхъ округовъ, права школьныхъ комитетовъ, организацію инспекціи, участіе органовъ самоуправленія, правила о курсахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ и университетовъ, а также о спеціальныхъ школахъ, о школьныхъ фондахъ, о посылкѣ для усовершенствованія въ познаніяхъ заграницу и т. д., и т. д. Японцы полной рукой при этомъ заимствовали изъ опыта западно-европейской практики. Въ основу всей организаціи они положили систему сѣверо-американскихъ штатовъ, но многое усвоили и изъ жизни Западной Европы: такъ напр., инженерное училище они устроили по британскому образцу, медицинскій колледжъ—по нѣмецкому, военную академію—по французскому, школу искусствъ—по итальянскому. „Въ образованіи“, замѣчаетъ Генри Дайеръ, „какъ и въ другихъ областяхъ жизни, японцы не удовольствовались заимствованіемъ только одной какой-нибудь системы; они постарались выбрать хорошее изъ всѣхъ системъ и теперь выработали организацію своей собственной системы, которая отличается большой полнотой и прекрасно приложена къ потребностямъ страны“. Въ организацію народнаго образованія вложено слѣдовательно японскимъ народомъ много своего творчества. Начнемъ же обзоръ ихъ системы съ низшей народной школы.

„Начальныя школы“, пишетъ министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ отчетѣ за 1903 г.: „раздѣляются на два разряда: первый или высшій и второй или низшій, причемъ полный курсъ такихъ школъ можетъ преподаваться и въ одной школѣ, называемой въ такомъ случаѣ двухъ-разрядной начальной школой. Курсъ въ начальной школѣ низшаго разряда продолжается четыре года; въ школѣ высшаго разряда—еще два, три или четыре года. Предметы обученія въ первой сути: ученіе о нравственности, японскій языкъ, ариѳметика и гимнастика. Согласно мѣстнымъ условіямъ, могутъ преподаваться еще одинъ или нѣсколько слѣдующихъ предметовъ: рисованье, пѣніе, ручной трудъ, а въ школахъ для дѣвочекъ—рукодѣлье. Въ полной начальной школѣ высшаго разряда преподаются: ученье о нравственности, японскій языкъ, ариѳметика, японская исторія, географія, естествознаніе, пѣніе, черченіе и гимнастика; дѣвочкамъ можно преподавать и рукодѣлье. Въ неполной же школѣ высшаго разряда съ двухлѣтнимъ курсомъ могутъ быть исключены изъ курса или естествознаніе и пѣніе, или оба предмета, и можетъ быть прибавленъ ручной трудъ. Въ такой начальной школѣ высшаго разряда, въ которой курсъ продолжается болѣе четырехъ лѣтъ, мо-

жетъ быть исключено изъ курса пѣніе и введенъ въ курсъ одинъ или болѣе изъ слѣдующихъ предметовъ: земледѣліе, коммерція или ручной трудъ, а при четырехлѣтней продолжительности курса—также и англійскій языкъ. Обученіе нѣкоторымъ предметамъ въ начальной школѣ не обязательно для тѣхъ дѣтей, которыя физически не способны изучать ихъ. При начальныхъ школахъ могутъ учреждаться и дополнительные курсы для тѣхъ дѣтей, которыя уже окончили установленный курсъ обученія или въ низшей, или въ высшей изъ такихъ школъ, или вообще какимъ либо образомъ пріобрѣли равносильныя ему познанія. Дополнительные курсы не должны простираться болѣе двухъ лѣтъ, и на нихъ могутъ преподаваться лишь знанія, отвѣчающія мѣстнымъ требованіямъ"...

Присматриваясь къ этой характеристикѣ начальной японской школы, мы прежде всего должны оговориться, что обязательной начальная школа считается отнюдь не во всемъ томъ объемѣ программъ, которыя развертываются въ настоящемъ министерскомъ отчетѣ. Мѣстныя городскія и сельскія общины должны обезпечить свою мѣстность лишь достаточнымъ количествомъ школъ низшаго разряда; школы же высшаго разряда открываются тамъ, гдѣ для этого окажутся достаточныя средства. Конечно, важно уже и то, что законъ отдастъ въ руки мѣстнаго населенія и дальнѣйшее образованіе народа: каждая община безъ всякихъ затяжекъ можетъ открыть у себя не только школу высшаго разряда, но и дополнительные классы къ этой послѣдней, какъ только почувствуетъ себя достаточно сильной и достаточно созрѣвшей для этой цѣли. Это, конечно, огромное благо для мѣстнаго населенія... Это благо пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что между низшей и средней японской школами установлена непосредственная преемственность; въ среднія школы могутъ поступать ученики по окончаніи второго класса высшаго начальнаго училища.

Другой, весьма цѣнной особенностью только-что развернутыхъ программъ является строгое проведеніе принципа свѣтскости начальнаго образованія. Въ этомъ отношеніи оффиціальные документы выражаются какъ нельзя болѣе точно и опредѣленно. „Такъ какъ", говоритъ министерская инструкція 3-го августа 1899 г.: „съ точки зрѣнія администраціи существенно, чтобы общее образованіе было независимо отъ религіи, то этотъ послѣдній предметъ не долженъ преподаваться, и никакая религіозная церемонія не должна совершаться, хотя бы и во внѣклассное время, въ школахъ правительственныхъ, общественныхъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ про-

граммы курса подчинены правительству или общественному контролю". Надо замѣтить, что этотъ принципъ свѣтскости проведенъ былъ съ такою полнотой не потому, чтобы японцы были не религіозны (см. объ этомъ выше), но исключительно лишь въ силу практическихъ соображеній поставить школу въ такія условія, при которыхъ работа ея будетъ наиболѣе продуктивной. Увѣренность что наибольшей продуктивности народная школа достигнетъ только при условіи полной независимости отъ духовенства и религіозныхъ ученій, была такъ велика, что всѣ льготы по народному образованію,—какъ то: право поступленія безъ экзамена въ учебныя заведенія слѣдующихъ степеней и сокращеніе срока по отбыванію воинской повинности, сохраняются лишь за тѣми частными школами, которыя совершенно исключаютъ изъ своего учебнаго плана всѣ религіозные элементы воспитанія.

И такъ японская начальная школа—обязательная, свѣтская и непрерывная.

Устанавливая обязательность начальнаго образованія, законъ долженъ былъ разрѣшить цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ. Прежде всего устанавливается школьный возрастъ: онъ опредѣляется періодомъ отъ 6 до 14 лѣтъ; посѣщеніе школы должно начинаться съ началомъ перваго учебнаго года, послѣ того какъ ребенку минетъ 6 лѣтъ. Требованія закона объ обязательности посѣщенія начальной школы—очень строги; исключенія дѣлаются лишь въ строго опредѣленныхъ случаяхъ; если ребенокъ боленъ или если семья живетъ въ такой нищетѣ, что заработокъ ребенка является существеннымъ подспорьемъ въ существованіи семьи. Эта послѣдняя оговорка къ сожалѣнію, развязала руки нарождающемуся японскому капитализму, который съ жадностью набросился на дѣтскій трудъ. Правда, по законопроекту 1902 г. до 11 лѣтняго возраста нельзя больше будетъ принимать дѣтей на фабрики и заводы; затѣмъ тотъ же законопроектъ рекомендуетъ хозяевамъ предпріятій организовать для дѣтей, работающихъ въ ихъ заведеніяхъ, учебные курсы, но тѣмъ не менѣе, благодаря такому положенію вещей, ускользаетъ отъ народной школы нѣкоторая часть дѣтей школьнаго возраста. Результаты требованія обязательности начальнаго обученія оказались однако огромными. Уже въ 1899 г. среди принятыхъ на дѣйствительную службу совершенно не оказалось неграмотныхъ, а именно 16% всѣхъ рекрутовъ окончили курсъ начальной школы высшаго разряда (или обладали познаніями въ объемѣ его) 41,5% окончили курсъ начальной школы низшаго разряда (или обладали познаніями въ об-

емѣ его), 26% знали нетвердо четыре первыя арифметическія дѣйствія, 16,5% совсѣмъ не знали этихъ правилъ, но были грамотными.

Переходя теперь къ болѣе детальному разсмотрѣнію тѣхъ принциповъ, которыми держится современная японская школа, мы должны признать, что, выдвигая на первый планъ принципъ свѣтскости образованія, японское правительство тѣмъ не менѣе не ставитъ своей задачей одно образованіе ума ребенка. оно вмѣстѣ съ тѣмъ заботится до извѣстной степени и о его сердцѣ, оно не сторонится и воспитательныхъ задачъ школы. Но все воспитаніе японской народной школы направлено къ возможно сильному развитію у ребенка чувства патріотизма, проповѣдь котораго однако иногда переходитъ, къ сожалѣнію, въ шовинизмъ.

Дѣлая теперь общій обзоръ постановки начальнаго образованія въ народной школѣ, мы можемъ поставить въупрекъ лишь развитіе шовинизма и увлеченіе китайскими письменами. Противъ перваго, надо отдать справедливость, борется и само министерство. Въ своей инструкціи 1899 г. оно говоритъ: „высоко чтите культъ предковъ и обращайтесь съ вашими родителями съ теплой сердечностью; но не смотрите ни на кого, какъ на вашего врага, потому только, что онъ — христіанинъ. — Такъ какъ всѣ человѣческія существа суть братья и сестры, то нѣтъ основаній относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ. Смотрите на нихъ, какъ на родныхъ, и дѣйствуйте правдиво во всѣхъ вашихъ сношеніяхъ съ ними. — Остерегайтесь сплачиваться для борьбы противъ иностранца и ненавидѣть его только потому, что онъ — иностранецъ. Надо судить людей по ихъ поведенію, а не по ихъ національности“... При высокой культурѣ японскаго народа, при общей его мягкости характера, можно надѣяться, что эти добрыя сѣмена упадутъ на тучную почву, и репьи шовинизма заглохнутъ въ молодыхъ побѣгахъ болѣе человѣчныхъ чувствъ.

Съ китайскими же письменами японцамъ разстаться гораздо труднѣе. Дѣло въ томъ, что всякій иной способъ начертанія звуковъ, нарушилъ бы „общность письменнаго языка японцевъ съ китайскимъ, корейскимъ, аннамитскимъ, — общность. которою японцы сильно дорожатъ, видя въ ней одно изъ мощныхъ средствъ достиженія вліянія на другіе народы желтой расы“.

Устройство низшихъ начальныхъ школъ возложено на обязанность кеновъ и общинъ: это они должны озаботиться, чтобы мѣстное населеніе было обезпечено достаточнымъ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста количествомъ школъ. Для этого въ городахъ и деревняхъ имѣются школьные комитеты. которые находятся въ тѣсной связи съ

мѣстными органами самоуправленія. Кромѣ того, въ эти комитеты избираются на 4 года мѣстными собственниками особыя должностныя лица, которыя и содержаніе свое получаютъ отъ мѣстныхъ же жителей. Учителя также входятъ въ эти комитеты. Комитетъ долженъ заботиться объ открытіи и содержаніи начальныхъ школъ, слѣдить, чтобы дѣти школьнаго возраста не уклонялись отъ посѣщенія школы и т. п. Тѣмъ не менѣе постановка народнаго образованія сильно страдаетъ отъ бюрократическаго гнета. Дѣло въ томъ, что министерству народнаго просвѣщенія предоставлено слишкомъ много правъ вмѣшиваться въ мѣстную жизнь народныхъ училищъ. Такъ, оно назначаетъ и увольняетъ учителей, указываетъ, какими слѣдуетъ пользоваться въ школахъ учебниками, утверждаетъ программы. Соотвѣтственно этому большая власть предоставлена и мѣстнымъ губернаторамъ, которые являются представителями министерства въ своихъ провинціяхъ. Безъ разрѣшенія губернатора, напр.. не можетъ быть открыто ни одно училище; ему же предоставленъ контроль надъ мѣстными школьными комитетами. Кромѣ того, имѣется широко развитая система инспектуры, которая находится въ распоряженіи министерства. Эта система бюрократической опеки оказывается, конечно, нерѣдко источникомъ весьма нежелательныхъ явленій. Особенно сказываются всякаго рода злоупотребленія въ дѣлѣ утвержденія министерствомъ различныхъ учебниковъ.

Въ обыкновенныхъ начальныхъ школахъ, которыя основываются городскими и сельскими общинами, никакой платы за право обученія не взимается; такая плата назначается только въ исключительныхъ случаяхъ и то съ согласія мѣстнаго губернатора; однако въ городахъ она не должна превосходить 20 к. въ мѣсяцъ, а въ селахъ 10 к. Для высшихъ же народныхъ школъ, для которыхъ нѣсколько школьныхъ округовъ могутъ соединиться въ отдѣльный округъ и имѣть отдѣльный школьный комитетъ, эта плата за обученье не должна превышать 60 к. въ мѣс. въ городахъ и 30 к. въ мѣсяцъ въ деревняхъ. Громадное большинство начальныхъ школъ основано сельскими и городскими общинами и лишь немногія изъ этихъ школъ принадлежатъ частнымъ лицамъ. Въ 1902 г. общее количество народныхъ школъ было 28.381 съ 4.980.604 учениками; въ томъ числѣ 6.351 школа высшаго типа съ 948.777 учениками.

Японскій народъ сумѣлъ оцѣнить значеніе народнаго образованія и не жалѣетъ на него средствъ. Народныя школы въ громадномъ большинствѣ селъ являются, по свидѣтельству г. Сѣрошевскаго, лучшими сельскими постройками, гордостью мѣстныхъ жителей: о пре-

красномъ состояніи школьныхъ зданій свидѣтельствуетъ также на основаніи личныхъ наблюденій уже неоднократно цитированный нами г. Н. П. А.

Японцы—хорошіе педагоги; они обладаютъ отъ природы очень многими качествами, для этого дѣла необходимыми. Они чрезвычайно кротки и терпѣливы и удивительно мягко относятся къ дѣтямъ, и поэтому, пожалуй, совершенно излишними являются тѣ параграфы устава, которые требуютъ, чтобы ни директоръ, ни учителя, ни при какихъ условіяхъ не смѣли пускать въ дѣло тѣлеснаго наказанія.

За весь свой трудъ японскій учитель получаетъ весьма незначительное вознагражденіе, часто даже прямо нищенское. Такъ, напр., помощники учителей, — которые нерѣдко ведутъ преподаваніе самостоятельно, — получаютъ иногда отъ четырехъ до пяти іенъ въ мѣсяцъ. Не смотря на всю дешевизну японской жизни, это — такая плата, на которую нельзя существовать сколько-нибудь сносно даже одинокому человѣку. Такое необезпеченное положеніе учителя въ значительной степени находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что почти всѣ расходы по начальному образованію несутъ на себѣ городскія и сельскія общины, среди которыхъ много есть небогатыхъ. Впрочемъ, правительство все чаще и чаще приходитъ теперь на помощь въ дѣлѣ образованія такимъ бѣднымъ общинамъ. Имъ даже образованъ фондъ народнаго образованія въ 10.000.000 іенъ, выдѣленныхъ изъ контрибуціи, полученной съ Китая. Какъ же велики эти общинные расходы на начальную школу, видно изъ того, что въ 1902 г. всѣми сельскими и городскими общинами было затрачено на этотъ предмѣтъ около 30 милліоновъ іенъ. Замѣтимъ, впрочемъ кстати, что народный учитель здѣсь можетъ разсчитывать на пенсію послѣ 15 лѣтъ. педагогической дѣятельности, и эта пенсія, въ случаѣ его смерти, остается за его семьей.

Въ настоящее время въ Японіи появилась уже цѣлая учительская армія въ 102.700 душъ. Подготовку къ своей педагогической дѣятельности учительскій персоналъ получаетъ въ нормальныхъ школахъ, или, по нашему, учительскихъ семинаріяхъ. Въ министерскомъ отчетѣ по этому вопросу говорится: „Хоккаидо“ (т.-е. островъ Іезо), Фу (столичные города) и Кенъ (провинціи) должны учредить каждая, по крайней мѣрѣ по одной нормальной школѣ, съ присоединенной къ ней начальной школой для практическихъ занятій учениковъ нормальной. Курсъ обученія продолжается четыре года въ мужскихъ и три года въ женскихъ нормальныхъ школахъ. Согласно мѣстнымъ условіямъ, въ дополненіе къ регулярному учебному курсу должны

учреждаться упрощенные нормальные курсы, приготовительные курсы и практическіе—для занятій со школьными учителями и учительницами, а также курсы для подготовки руководительницъ дѣтскими садами".

Въ этихъ нормальныхъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: мораль, педагогика, японскій яз., китайскій яз., исторія, географія, математика, физика, химія, естественная исторія, рисованіе, чистописаніе, музыка, гимнастика. Тамъ, гдѣ возможно присоединяются добавочные предметы: разговоръ на иностранномъ языкѣ, сельское хозяйство, торговля. Въ семинарію принимаются молодые люди отъ 15 до 20 лѣтъ. Право поступленія дается или дипломомъ, или экзаменомъ, въ размѣрѣ не менѣе тѣхъ знаній, которыя требуются отъ помощника учителя.

На содержаніе (столъ и квартиру) учениковъ отпускаются суммы изъ соотвѣтственныхъ мѣстныхъ средствъ, но за это мужчины должны отслужить десять, а женщины пять лѣтъ въ должности народныхъ учителей, причемъ теченіе срока начинается со дня полученія диплома.

Число учениковъ въ этихъ школахъ различно и колеблется отъ 200 до 400 человѣкъ на школу. Въ 1902 г. общее количество этихъ учительскихъ семинарій равнялось 54 съ 11900 учениковъ и 2000 ученицъ; дипломы въ томъ же году были получены 2215 учениками и 503 ученицами. Но пока выпуски такихъ размѣровъ еще недостаточны; считаютъ необходимымъ поднять ихъ до 3600 человѣкъ въ годъ. Общее содержаніе этихъ учительскихъ семинарій, выпускающихъ педагогическій персоналъ низшихъ начальныхъ школъ, обходится въ 3 слишкомъ милліона іенъ. Настоящая организація подготовки народнаго учителя, видимо, вполнѣ удовлетворительна и обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ обезпечить весь необходимый комплектъ народныхъ учителей, хотя въ настоящій моментъ все же приходится пользоваться и недипломированными учителями. Особенно значительный недостатокъ чувствуется въ женскомъ педагогическомъ персоналѣ. Многіе предметы (напримѣръ, изъ области домовѣдѣнія) во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ преподаются мужчинами. Впрочемъ женщина въ Японіи стала выходить на арену общественной дѣятельности, какъ мы видѣли лишь за самое послѣднее время. Но она уже успѣла отвоевать себѣ уваженіе, особенно же въ педагогическомъ мірѣ. Замѣтимъ кстати, что вообще женскому образованію японцы никогда не удѣляли особеннаго вниманія, хотя въ то же самое время никогда не ставили ему и сознательныхъ препятствій.

Только за послѣднее время въ обществѣ окрѣпла мысль, что женское образованіе такъже важно, какъ и мужское, и процентъ обучающихся въ начальныхъ школахъ дѣвочекъ начинаетъ „догонять“ соотвѣтствующій процентъ мальчиковъ. Въ 1901—1902 г. этотъ процентъ для мальчиковъ равнялся 93,8, а для дѣвочекъ—81,8. Лишнее препятствіе въ этомъ отношеніи въ Японіи ставитъ предразсудокъ противъ совмѣстнаго обученія обоихъ половъ. Таковое допускается лишь для первыхъ двухъ лѣтъ низшей школы и то лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отдѣльныхъ школъ для мальчиковъ и дѣвочекъ содержать не представляется возможнымъ.

Разъ мы заговорили о подготовкѣ учительскаго персонала, мы не можемъ здѣсь не упомянуть о томъ, что, кромѣ указанныхъ нормальныхъ школъ, выпускающихъ учителей для низшихъ народныхъ школъ и содержимыхъ на счетъ мѣстныхъ средствъ, имѣются двѣ высшихъ мужскихъ нормальныхъ школы: одна въ Токіо, другая въ Хиросимѣ (1902 г,) и одна высшая женская нормальная школа. Всѣ три этихъ учрежденія содержатся на счетъ казны и выпускаютъ учителей для учительскихъ семинарій и высшихъ народныхъ школъ. Учащіеся во время прохожденія курсовъ получаютъ содержаніе отъ государства, но за это должны отбыть извѣстное число лѣтъ въ качествѣ преподавателей при соотвѣтствующихъ школахъ.

Къ высшей нормальной школѣ присоединенъ токійскій педагогическій музей. Въ немъ мы находимъ три отдѣленія: коллекцій предметовъ, касающихся домашняго воспитанія, дѣтскихъ садовъ и начальныхъ школъ, во второмъ отдѣленіи коллекціи аппаратовъ, инструментовъ, образчиковъ матерьяловъ и картъ по предметамъ физики, математики, астрономіи, географіи, химіи, зоологіи, физіологіи и ботаники. Въ третьемъ же отдѣлѣ—коллекціи аппаратовъ и инструментовъ, связанныхъ съ техническимъ и профессіональнымъ образованіемъ, и образцовыя пособія по рисованію, музыкѣ и гимнастикѣ. Тутъ же въ музѣе имѣется множество образцовъ систематическихъ ученическихъ работъ, затѣмъ спеціальная учительская библіотека съ большимъ наборомъ всевозможныхъ картъ и всяческихъ справочниковъ по вопросамъ педагогіи.

Въ 1903 г. въ токійской высшей нормальной школѣ училось 807 учениковъ, окончило курсъ 140, преподавателей было 88 человѣкъ; содержаніе же этой школы обошлось правительству въ 588000 іенъ слишкомъ.

Заканчивая этотъ очеркъ наличнаго народнаго образованія, мы были бы несправедливы, если бы ни словомъ не обмолвились о дѣт-

скихъ садахъ, гдѣ собираются дѣти дошкольнаго возраста (отъ трехъ до шести лѣтъ). Такихъ дѣтскихъ садовъ, содержимыхъ на средства общинъ, въ настоящее время насчитывается свыше 170 съ 15000 дѣтей (кромѣ того, около 80 частныхъ дѣтскихъ садовъ). Въ этихъ садахъ дѣти за ничтожную плату въ нѣсколько коп. въ мѣсяцъ пользуются присмотромъ со стороны воспитательницъ, проходившихъ спеціальные курсы. Самые сады ведутся по Фребелевской системѣ и поставлены въ тѣсную связь или съ нормальными школами или со школами начальными.

Позвольте, наконецъ, въ заключеніе привести страничку изъ прекрасной работы Рансома. Названный авторъ приступилъ къ составленію карты распространенія начальнаго образованія въ Японіи, отмѣчая болѣе темной штриховкой тѣ области, гдѣ начальное образованіе завоевало себѣ наибольшія права гражданства и сдѣлало наибольшіе успѣхи. „До окончанія своихъ изслѣдованій“, говоритъ нашъ авторъ: „я былъ увѣренъ, что мнѣ придется заштриховать гуще всего тѣ провинціи, въ которыхъ находятся открытые порты, и что этимъ я торжественно иллюстрирую тотъ воображавшійся мною фактъ, что тѣсное общеніе съ иностранцами несетъ для Японіи и свѣтъ просвѣщенія, лучи котораго исходятъ изъ этого центра. Но оказалось, что, хотя современная образовательная система въ Японіи несомнѣнно возникла подъ вліяніемъ иностранцевъ, не имъ въ настоящее время принадлежитъ заслуга распространенія начальнаго образованія.

„Статистика показываетъ, что въ отношеніи этого распространенія Іокогама и Кобе стоятъ только на второмъ планѣ, а Нагасаки еще ниже—въ ряду третье-степенныхъ мѣстностей на островѣ Кіусіу; и это рядомъ съ тѣмъ фактомъ, что Нагасаки—не только одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ по сношенію съ иностранцами открытыхъ портовъ, но и арена наиболѣе успѣшной дѣятельности миссіонеровъ въ Японіи, а именно—французскихъ іезуитовъ.

„Далѣе я ждалъ, что, по крайней мѣрѣ, Токіо современная столица, центръ японскаго просвѣщенія, городъ, въ которомъ имѣется великолѣпный университетъ и цѣлый кварталъ протестантскихъ миссіонеровъ; Кіото-колыбель современной системы образованія, Осака—большой промышленный центръ, что всѣ эти города стоятъ выше всѣхъ другихъ по отношенію къ распространенію въ нихъ начальнаго образованія. Увы, Кіото и Осака оказались только на второмъ, а Токіо еще хуже—на третьемъ мѣстѣ.

„Я обратился за „спасительнымъ“ разъясненіями къ географи-

ческимъ и геологическимъ условіямъ, думая, что въ горныхъ странахъ, какъ болѣе изолированныхъ отъ центровъ вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія, образованіе распространяется съ трудомъ. Ожиданія мои опять не оправдались. Такъ, напримѣръ, Фуджи—высочайшая гора въ странѣ, стоитъ въ центрѣ округовъ съ наибольшее образованнымъ населеніемъ. Затѣмъ оказалось, что островъ Хоккаидо, единственный пріютъ „волосатаго аина", лежащій подъ снѣгомъ и льдомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году и пересѣченный горами, имѣетъ населеніе образованное лучше, чѣмъ въ сосѣдней провинціи Рикоуку на главномъ островѣ. Наконецъ, я изслѣдовалъ числа, относящіяся до провинціи Кіи, гдѣ мнѣ пришлось путешествовать въ теченіе нѣкотораго времени съ цѣлью совѣщанія съ лѣсовладѣльцами относительно того, нельзя-ли будетъ, вопреки нѣкоторымъ географическимъ затрудненіямъ, доставлять отсюда лѣсъ на берегъ моря; здѣсь мой японскій другъ изъ Нагойя столько же затруднялся понимать мѣстный языкъ, какъ и я самъ. и мѣстная пища была такъ плоха, что не удовлетворяла даже и его. И естественно было подумать, что въ этой мѣстности народное образованіе хромаетъ. Опять я ошибся: правительственные отчеты показали. что большая часть названной провинціи можетъ гордиться первокласнымъ распространеніемъ начальнаго образованія въ населеніи.

„Предъ лицомъ всѣхъ этихъ парадоксальныхъ фактовъ, которые потрясаютъ основы установившихся теорій,—такъ какъ даже такой прославленный цивилизаторъ, какъ желѣзная дорога, не имѣетъ здѣсь, кажется, прямого вліянія на ростъ народнаго просвѣщенія,—трудно найти удовлетворительное объясненіе.

„Я могу придти только къ заключенію, что въ Японіи, поскольку дѣло касается народныхъ массъ, образованіе распространяется болѣе успѣшно въ тихихъ и отдаленныхъ отъ центровъ округахъ, которые, говоря практически, не тревожатся иностранцами или современными условіями жизни, въ которыхъ туземная промышленность процвѣтаетъ въ прежней обстановкѣ, не отвлекающей малолѣтнихъ отъ школы фабриками, заводами и другими бичами борьбы за существованіе, и гдѣ наконецъ современное вліяніе чувствуется единственно въ правительственныхъ законоположеніяхъ, настаивающихъ на обязательности обученія дѣтей въ школьномъ возрастѣ".

Наконецъ, замѣтимъ, что въ этомъ поступательномъ движеніи народнаго образованія японское общество принимало участіе не только потому, что его къ этому побуждали законы страны, но и добровольно. Доказательствомъ этого служитъ рядъ добровольныхъ

организацій, отдающихъ свой трудъ и свои средства на дѣло народнаго образованія. Такъ въ 1872 г. въ Токіо было открыто первое учительское общество, а съ 1876 г. повсемѣстно начали основываться общества народнаго образованія. Нѣкоторыя изъ нихъ охватываютъ огромное количество членовъ: въ Японскомъ обществѣ образованія, напр., насчитывается около 4000 членовъ, въ Токійскомъ—около 700 членовъ, японское общество образованія проявляетъ обширную и кипучую дѣятельность: оно имѣетъ богатую библіотеку, издаетъ ежемѣсячный журналъ, выпускаетъ учебники, устраиваетъ на нихъ конкурсы. Общество образованія въ Токіо и нѣкоторыя другія устраиваютъ время отъ времени педагогическія выставки.

Средняя школа поставлена въ прямую связь со школами начальнаго типа: въ нее принимаются лишь тѣ, кто окончилъ два класса высшей народной школы или сдалъ экзаменъ въ размѣрѣ соотвѣтственныхъ знаній. Поступаютъ туда дѣти съ 12 лѣтъ.

Законъ обязываетъ каждую префектуру открыть у себя такую среднюю школу для мальчиковъ. Средства отчасти получаются изъ государственной казны, отчасти—изъ мѣстныхъ налоговъ, отчасти—изъ платы за обученье. Послѣдняя составляетъ, по японскому масштабу, далеко немалую сумму: около 100 руб. съ интернатомъ (въ годъ). Доплата со стороны государства и изъ мѣстныхъ налоговъ достигаетъ тѣмъ не менѣе до 10 милліоновъ іенъ въ годъ, при чемъ изъ мѣстныхъ налоговъ покрывается лишь одна четвертая доля затратъ, сдѣланныхъ на среднюю школу этого типа.

Потребность въ средней школѣ въ японскомъ обществѣ очень велика. Особенно она возрасла послѣ японско-китайской войны: такъ, въ 1893 г. было 53 среднихъ школы, содержимыхъ на общественный счетъ и 15-частными лицами, а въ 1902—3 году первыхъ было 207, а вторыхъ 35 съ 22 отдѣленіями, т. е., количество школъ этого типа возрасло почти въ четыре раза. Но эти цифры не показываютъ еще всего роста средняго образованія въ Японіи: размѣръ самихъ школъ, количество учениковъ, расходы—все это возрасло еще въ большей степени. И тѣмъ не менѣе за флагомъ средней школы остается еще много дѣтей. Такъ въ 1897 г. въ общественную среднюю школу желало поступить 31633 мальчика, а поступило 21967 (т. е. 69%), въ 1902 г. желало поступить 50484, а поступило 29596 (т. е. 59%).

Курсъ обученія шестилѣтній, но послѣдній годъ не обязателенъ; онъ посвященъ слушанію дополнительныхъ спеціальныхъ курсовъ—коммерческихъ, ремесленныхъ, сельско-хозяйственныхъ, которые

проходятся лишь желающими окончить свое образованіе даннымъ типомъ школы (таковыхъ бываетъ около 40% всѣхъ учениковъ).

Слѣдующая таблица даетъ представленія о томъ, какіе предметы проходятся въ этихъ школахъ и какъ эти предметы распредѣляются на протяженіи всѣхъ пяти лѣтъ обученія.

	1 г.	2 г.	3 г.	4 г.	5 г.
Ученье о нравственности	1 часъ въ нед.	1	1	1	1
Японскій и кит. языки .	7	7	6	6	6
Иностранные языки . .	6	6	7	7	7
Исторія и географія . .	3	3	3	3	3
Математика	4	4	4 1 и 2 сем.	4	4
Естественная исторія .	2	2	2 4 сем.	2	—
Физика и Химія . . .	—	—	— (1 и 4 сем. 3 / 3 сем. 4)		4
Элементы права и политической экономіи . .	—	—	—	—	2
Рисованіе	1	1	1	1	—
Пѣніе	1	1	1	—	—
Гимнастика	3	3	3	3	3
Итого . .	28	28	28	30 и 31	30

Главнымъ недостаткомъ только что приведенной программы является ея сложность и слишкомъ долгій срокъ обученія. Въ самомъ дѣлѣ, мальчикъ долженъ провести шесть лѣтъ въ первоначальной школѣ и шесть лѣтъ въ средней, и, выходя изъ средней школы въ лучшемъ случаѣ 18-лѣтнимъ юношей, онъ все таки еще не имѣетъ права поступить въ университетъ, а долженъ пробыть три или четыре года въ высшей средней школѣ. Двери университета слѣдовательно открываются передъ нимъ, когда ему будетъ уже около 22 лѣтъ. Если ему удастся сразу же поступить въ университетъ, то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ окончить своего образованія раньше 26 лѣтъ.

Затѣмъ надо обратить вниманіе на сложность программы, которая для усвоенія требуетъ массы труда. Тѣ 28—31 часъ, которые ученики проводятъ въ школѣ, слишкомъ незначительное время для того, чтобы усвоить все, что требуется отъ питомца средней школы. Ему приходится употреблять на работу много и внѣкласснаго времени. И японскій юноша проявляетъ удивительную настойчивость въ занятіяхъ: недаромъ среди нихъ половина близорукихъ, а добрая треть заболѣваетъ ежегодно „переутомленіемъ“. Сложность программы, конечно, отражается и на прохожденіи курса: преподаватели не

успѣваютъ сообщить ученикамъ все, что слѣдуетъ,— одно пропускается, другое проходится вскользь

Нельзя, наконецъ, не указать и на то, что и въ программахъ и для самихъ японскихъ педагоговъ много неясныхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ: какъ раздѣлить время между исторіей востока (Японіи и Китая) и запада (Европы), какъ сдѣлать болѣе продуктивнымъ преподаваніе европейскихъ языковъ, которые все же усваиваются учениками средней школы въ настоящее время очень слабо и т. д.

Чрезвычайная потребность въ среднемъ образованіи сказалась на переполненіи классовъ. Это послѣднее явленіе отражается на ученикахъ особенно тяжело, благодаря крайней бѣдности обстановки, въ которую, за недостаткомъ средствъ поставлены часто эти школы. Нерѣдко можно встрѣтить такія училища, гдѣ ученики снятъ и занимаются въ одной и той же комнатѣ: деревянныя скамейки, на которыхъ устраиваются ученики днемъ, на ночь убираются, и на полу разстилаются тоненькіе матрацы, на которыхъ мальчики и спятъ.

Юноши, окончившіе полный курсъ гимназіи, пользуются цѣлымъ рядомъ привилегій. Только дипломъ средней школы открываетъ доступъ къ государственной службѣ, даетъ право поступать въ высшія школы и служить добровольцами.

Въ 1902 г. всѣхъ гимназій было 292, изъ которыхъ 34 содержались частными лицами; количество учениковъ во всѣхъ этихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ равнялось 102.304; изъ нихъ 9416 окончили полный курсъ наукъ. Учительскій персоналъ насчитывалъ 4233 преподавателя, изъ которыхъ 1832 не обладали соотвѣтствующими дипломами. Затраты на школы даннаго типа достигли почти пяти милліоновъ іенъ.

Окончившій полный курсъ средней школы можетъ поступить въ высшую школу, въ которой дается подготовка молодымъ людямъ, желающимъ попасть въ университетъ. Этотъ типъ высшей средней школы вызванъ къ жизни особенностями японской дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что японскій языкъ, какъ и японскій народъ, стояли такъ долго совершенно изолированными отъ европейской культуры, что теперь между представленіями европейцевъ и японцевъ лежитъ цѣлая пропасть. Проф. Чемберленъ, читавшій долгое время лекціи въ Токійскомъ университетѣ, указываетъ на то, что „общій фондъ идей“, изъ котораго такъ щедро черпаютъ европейскіе народы, остается совершенно недоступнымъ народу японскому. Юридическія понятія римской имперіи, христіанская терминологія, цѣлый рядъ представленій, созданныхъ феодальнымъ и абсолютнымъ режимомъ,

близость искусства и музыки, родство языковъ въ высшей степени облегчаютъ научныя заимствованія другъ у друга въ Европѣ; Японія же не обладаетъ ни однимъ изъ этихъ преимуществъ. „Ссылки, знакомыя каждому съ одного конца христіанскаго царства до другого, требуютъ цѣлую главу коммептаріевъ для того, чтобы сдѣлать ихъ ясными японскому студенту, который часто даже и тогда не найдетъ въ своемъ языкѣ словъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя онъ хочетъ перевести"... Ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ безъ хорошаго знанія иностранныхъ языковъ нельзя изучать европейскую науку. Вотъ почему юноша, поступающій въ университетъ, долженъ хорошо владѣть хоть однимъ иностраннымъ языкомъ, и высшія школы, удѣляющія по 13 часовъ въ недѣлю на иностранные языки, должны выпускать своихъ питомцевъ не только съ умѣніемъ объясняться на французскомъ, или нѣмецкомъ, или англійскомъ, но и съ основательнымъ знакомствомъ съ литературой одного изъ этихъ языковъ

Курсъ въ высшей школѣ распредѣленъ на три года. Каждый изъ поступающихъ въ нее можетъ выбрать себѣ одно изъ трехъ отдѣленій, имѣющихся при школѣ: на первомъ отдѣленіи молодые люди подготовляются къ филологическому и юридическому факультету, на второмъ для изученія инженерныхъ и сельскохозяйственныхъ наукъ и на третьемъ къ медицинскому факультету. Такимъ образомъ раздѣленіе учащихся по спеціальностямъ начинается только послѣ прохожденія пятилѣтняго курса средней школы, которая является единой и общей для всѣхъ оканчивающихъ народную школу.

Въ настоящее время такихъ высшихъ школъ въ Японіи открыто восемь: въ Токіо, Сендаи, Кіото, Каназавѣ, Кумамото, Окайямѣ, Кагосимѣ и Ямагучи. Всѣ онѣ являются правительственными учрежденіями и поддерживаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и высшія нормальныя школы. Исключеніе представляетъ лишь школа въ Ямагучи, которая опирается главнымъ образомъ на частныя пожертвованія.

Въ 1903 г. учащихся въ этихъ школахъ было 4.781 чел., изъ нихъ 875 окончили полный курсъ и получили дипломы; преподавательскій персоналъ состоялъ изъ 301 человѣка, а содержаніе всѣхъ восьми школъ обходилось свыше милліона іенъ.

Чтобы покончить съ среднимъ образованіемъ, мы должны сказать хотя бы нѣсколько словъ о женскихъ гимназіяхъ, такъ называемыхъ въ Японіи „высшихъ женскихъ школахъ". Въ официальномъ

отчетѣ министра народнаго просвѣщенія, неоднократно нами цитированномъ, мы читаемъ объ этомъ типѣ среднихъ школъ слѣдующее: „курсъ ученья продолжается четыре года, но можетъ быть сокращенъ на одинъ годъ, согласно мѣстнымъ условіямъ. Въ дополненіе къ этому обязательному курсу могутъ быть устанавливаемы дополнительные, при продолжительности не свыше двухъ лѣтъ. Для тѣхъ, которыя желаютъ изучать профессіональныя искусства, необходимыя для женщинъ, могутъ быть учреждены спеціальные курсы, продолжающіеся не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ Равнымъ образомъ, для тѣхъ изъ окончившихъ общій курсъ, которыя пожелали бы изучить шире какіе нибудь изъ общеобразовательныхъ предметовъ, могутъ быть учреждены отдѣльные курсы съ продолжительностью обученія отъ двухъ до трехъ лѣтъ".

Японки рано выходятъ замужъ и даже интеллигентное общество въ Японіи очень долго считало совершенно излишнимъ давать женщинѣ образованіе, которое выходило бы за рамки, намѣченныя въ восьмилѣтнемъ курсѣ начальной школы. Поэтому женскія гимназіи встрѣчались на островахъ Страны Восходящаго Солнца рѣдко. Но въ послѣднее десятилѣтіе въ Японіи возникло усиленное женское движеніе, которое сумѣло приковать вниманіе общества къ дѣлу женскаго народнаго образованія. Въ результатѣ давленія общественнаго мнѣнія въ 1899 г. былъ изданъ императорскій указъ, который требовалъ, чтобы подобныя женскія школы были учреждены на островѣ Хоккандо, во всѣхъ столицахъ и въ главныхъ провинціальныхъ городахъ. Затѣмъ женскія гимназіи предоставлено открывать всюду, гдѣ только найдутся свободныя мѣстныя средства, остающіяся за покрытіемъ всѣхъ затратъ, необходимыхъ для правильной постановки начальнаго обученія.

Въ 1902 г. такихъ женскихъ гимназій въ Японіи насчитывалось 70, изъ нихъ 8 содержались частными лицами; число женщинъ равнялось 17.540; изъ нихъ 3.631 получили свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса гимназій; преподавательскій персоналъ состоялъ изъ 988 лицъ, изъ которыхъ 420 не обладали соотвѣтствующими дипломами. Ассигнованія со стороны правительства и общественныхъ учрежденій достигли въ этомъ году 1.300.000 іенъ слишкомъ.

Мы переходимъ теперь къ вѣнцу всей учебной организаціи въ имперіи микадо—къ японскимъ университетамъ. Въ настоящее время въ Японіи имѣется два университета: одинъ, старый, въ Токіо, другой новый въ Кіото. Первый былъ преобразованъ изъ различныхъ

ученыхъ организацій и окончательно сформировался по императорскому указу 1886 г.; второй былъ открытъ въ 1897 г. и не имѣетъ еще всѣхъ факультетовъ.

Университетскій уставъ 1886 г. такъ опредѣляетъ главнѣйшія задачи японскаго университета:

„I. Императорскій университетъ имѣетъ цѣлью обученіе наукамъ и искусствамъ, знаніе которыхъ признано полезнымъ для развитія государства, а также производство спеціальныхъ изслѣдованій въ области тѣхъ же наукъ и искусствъ.

„II. Каждый императорскій университетъ состоитъ изъ курсовъ ученыхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ предметамъ и изъ извѣстнаго числа факультетовъ и коллегій. Первые имѣютъ цѣлью споспѣшествованіе оригинальнымъ изслѣдованіямъ, а факультеты даютъ высшее теоретическое и практическое образованіе“.

Такимъ образомъ университеты по этому уставу имѣютъ два назначенія: учебное и ученое. Затѣмъ изъ этого же устава видно, что здѣсь въ одной и той же высшей школѣ преподаются рядомъ, какъ теоретическія, такъ и практическія науки, чѣмъ японскіе университеты ближе подходятъ къ типу „большихъ“ американскихъ, чѣмъ обычныхъ европейскихъ университетовъ.

Въ общемъ оба университета далеко не удовлетворяютъ потребности страны въ высшемъ университетскомъ образованіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ сентябрю 1903 г. всѣхъ лицъ съ университетскимъ образованіемъ во всей странѣ насчитывалось немного больше 5000 человѣкъ. Ежегодно же въ настоящее время выдается около 500 университетскихъ дипломовъ. Благодаря этому, оказывается, что изъ 1700 лицъ, занимающихъ различныя судебныя должности (считая въ томъ числѣ судей и адвокатуру) лишь 300 человѣкъ получили университетское образованіе; изъ 3200 высшихъ административныхъ должностей съ высшимъ образованіемъ лишь 400, изъ 4300 преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лишь 300, изъ 40000 врачей и хирурговъ лишь 600; то же самое и въ другихъ профессіяхъ, которыя такимъ образомъ пополняются не кандидатами, выпущенными изъ университетовъ, а питомцами различныхъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Потребность въ университетскомъ образованіи однако такъ велика, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента министромъ народнаго просвѣщенія былъ обѣщанъ еще одинъ университетъ на сѣверо-востокѣ страны, который, вѣроятно, и будетъ открытъ въ непродолжительномъ времени въ Сендаи.

Окончившіе высшую школу поступаютъ въ университетъ безъ экзамена. Но зато поступленіе въ высшую школу затруднено до чрезвычайности. Число вакансій тамъ такъ незначительно, что на трудныхъ вступительныхъ экзаменахъ обрывается обыкновенно до $^2/_3$ всѣхъ явившихся на испытанія. Всѣмъ оставшимся за бортомъ высшей школы остается или направляться въ спеціальныя высшія заведенія или ждать экзаменовъ будущаго года, или же окунуться въ практическую жизнь.

Академическій годъ въ университетѣ состоитъ изъ трехъ семестровъ: первый отъ 11-го Сентября до 24-го Декабря, второй — отъ 8-го Января до 31 Марта и третій отъ 8 Апрѣля до 10-го Іюня. По воскресеньямъ, національнымъ праздникамъ и въ день учрежденія университета лекцій не бываетъ.

Университетъ пользуется большимъ уваженіемъ и со стороны населенія, и со стороны администраціи. Императоръ нѣсколько разъ лично посѣщалъ университетъ. Такъ, онъ былъ тамъ 29 Октября 1886 г., когда осматривалъ аудиторіи, лабораторіи, спальни, госпиталь, библіотеку, ботаническій садъ; 12-го Іюля 1890 г. онъ снова посѣтилъ университетъ, при чемъ особое вниманіе обратилъ на инженерный факультетъ; 22-го Декабря 1899 г. онъ осматривалъ лабораторіи и аудиторіи, приспособленныя для преподаванія и изученія миннаго дѣла, металлургіи, опытной химіи, кораблестроенія, а также естественно научный музей, коллекціи древностей и университетскую библіотеку; 10-го Іюня 1899 г. и 11-го Іюня 1901 г. онъ присутствовалъ на годичныхъ испытаніяхъ студентовъ. Императрица также посѣтила университетскій госпиталь 29 Марта 1888 г. Все это показываетъ, что императорская семья не боится студенчества и не прячется отъ него.

Распредѣляются студенты по факультетамъ, а еще болѣе по отдѣленіямъ крайне неравномѣрно. Въ то время, какъ на судебномъ отдѣленіи юридическаго факультета въ сентябрѣ 1901 г. было 567 студентовъ, на астрономическомъ отдѣленіи и на отдѣленіи по технологіи взрывчатыхъ веществъ было по одному студенту. Общее число студентовъ вмѣстѣ съ оставленными при университетѣ въ Токіо, которыхъ было тогда 449 человѣкъ, равнялось 3.213 чел. По факультетамъ въ процентномъ отношеніи они распредѣлялись здѣсь слѣдующимъ образомъ: на юридическомъ 44,3%, на медицинскомъ 17,9%, на инженерномъ 19,3%, на филологическомъ 12,6%, на естественно математическомъ 2,9%, на сельскохозяйственномъ 3%.

Если по числу окончившихъ курсъ того или другого факультета можно судить о симпатіяхъ общества къ той или другой группѣ наукъ, то слѣдующая таблица можетъ дать читателю весьма цѣнныя показанія. На всѣхъ отдѣленіяхъ каждаго изъ нижеслѣдующихъ факультетовъ окончило

	въ 1897	въ 1902
На юридическомъ	67	141
медицинскомъ	25	94
инженерномъ	78	117
филологическомъ	62	67
естественно-математическомъ	26	12
сельскохозяйственномъ.	16	20
	274	451

Въ этой таблицѣ особенно бросается въ глаза ростъ трехъ факультетовъ: юридическаго, медицинскаго и инженернаго, на счетъ которыхъ происходитъ и вообще ростъ всего университета.

Подводя общій итогъ научной дѣятельности японскаго университета въ Токіо (Кіотскій университетъ открытъ слишкомъ недавно для того чтобы можно было дѣлать какіе либо выводы), мы должны отмѣтить, что, кромѣ цѣлаго ряда выдающихся практиковъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности, университетъ выпустилъ за время своего существованія нѣсколько ученыхъ, завоевавшихъ себѣ всемірную извѣстность. Такъ, напр., бактеріологъ Китазато, знаменитый своими изслѣдованіями по чумѣ и работавшій вмѣстѣ съ проф. Берингомъ надъ противодифтеритной сывороткой; таковъ проф. Шига, изобрѣтатель противодезинтерійной сыворотки; геологи Омори и Секія, сдѣлавшіе такъ много для сейсмологіи; всемірно-извѣстные ботаники Хирозе и Икено; прославившійся за послѣднюю войны химикъ Шимозе. Но наряду съ этими именами, украшающими японскій университетъ, пробивается къ каѳедрамъ немало полныхъ бездарностей. Обстоятельство это отчасти объясняется той спѣшкой, съ которой Японія совершаетъ свои реформы и развертываетъ свои силы, отчасти тѣми бюрократическими тенденціями, которыми проникнута здѣсь вся организація народнаго образованія. Такъ, и объ университетскомъ самоуправленіи можно говорить здѣсь лишь съ большими оговорками: университеты находятся подъ строгимъ контролемъ министерства народнаго просвѣщенія, и администрація позволяетъ себѣ частныя вмѣшательства въ теченіи университетской жизни.

Во главѣ университета находится ректоръ, утверждаемый императоромъ. Этотъ же ректоръ является и предсѣдателемъ университетскаго совѣта. Факультетскія собранія происходятъ подъ предсѣдательствомъ своихъ декановъ. Кромѣ того, въ управленіи университета имѣется еще цѣлый рядъ лицъ, назначаемыхъ администраціей (напр., совѣтники).

Но, съ другой стороны, необходимо отмѣтить и положительныя стороны организаціи: инспекціи совсѣмъ нѣтъ; дѣлопроизводство — устное.

Переходя теперь къ студентамъ и студенческой жизни, мы должны сознаться, что наблюдатели даютъ здѣсь такія пестрыя и такія взаимноисключающія характеристики, что сдѣлать изъ нихъ какіе нибудь общіе выводы представляется совершенно невозможнымъ. Мы остановимся, поэтому, лишь на внѣшнихъ элементахъ жизни японскаго студента.

Прежде всего, значительная доля японскаго студенчества принадлежитъ къ бѣднымъ самурайскимъ семьямъ. Какъ ни трудно бываетъ въ такихъ случаяхъ содержать молодого человѣка въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ сначала въ низшей, потомъ въ средней, далѣе въ высшей школѣ и, наконецъ, въ университетѣ, но оскудѣвшая дворянская семья тянется изъ послѣднихъ силъ и добываетъ необходимыя суммы. Впрочемъ, японцы привыкли съ необычайнымъ благоговѣніемъ относиться къ образованію, и жизнь въ этомъ отношеніи выработала особые формы и пріемы помощи преуспѣвающимъ молодымъ людямъ. О семьѣ студента — повторяемъ снова — и говорить не приходится: она готова на всяческія самопожертвованія для того, чтобы дать возможность своему питомцу окончить университетъ: бывали, напр., случаи, когда сестра отдавалась не особенно уважаемой профессіи гейшъ для того, чтобы регулярно высылать денежную помощь своему брату — студенту. Раньше особую щедрость въ поддержаніи способныхъ молодыхъ людей проявляли княжескія фамиліи Но дайміосы обѣднѣли, благородная же привычка передалась широкимъ слоямъ населенія. Купцы, банкиры, промышленники, — вообще богатые представители торговли и промышленности, — вносятъ большія суммы для поддержанія студентовъ. Офицеры, чиновники, врачи, адвокаты и представители другихъ профессій по силѣ возможности служатъ тому же. Совсѣмъ не богатые люди оставляютъ за студентами должности привратниковъ, посыльныхъ, репетиторовъ и за эти мелкія услуги обезпечиваютъ имъ столъ и квартиру и небольшую сумму карманныхъ денегъ. Въ Токіо и въ большинствѣ крупныхъ городовъ почти всѣ большіе

дома охраняются студентами, которые получаютъ за это небольшую плату.

Особенно много въ этомъ отношеніи дѣлаютъ профессора университетовъ, не смотря на скромное вознагражденіе, которое они получаютъ. Г. Хирнъ (Hearn) говоритъ, что онъ зналъ одного изъ профессоровъ, который велъ буквально нищенскій образъ жизни, затрачивая всѣ свои средства на поддержаніе студентовъ. Онъ вносилъ за своихъ стипендіатовъ плату въ университетъ, шилъ имъ одежду, покупалъ имъ книги и т. д. И это не единичные случаи. Кромѣ того, имѣется цѣлый рядъ обществъ, которыя ставятъ своей задачей оказывать поддержку недостаточнымъ студентамъ. Такія общества носятъ обыкновенно характеръ землячествъ, куда поступаютъ почти всѣ лица, получившія высшее образованіе и проживающія въ данной мѣстности. Выданныя студентамъ деньги обыкновенно возвращаются ими очень аккуратно, но безъ процентовъ. Такія общества насчитываются сотнями, и ихъ помощь дѣлу университетскаго образованія является прямо неоцѣненной.

Впрочемъ японскій студентъ очень неприхотливъ въ своей жизни. Въ университетскомъ общежитіи, гдѣ помѣщается около 500 студентовъ, плата за комнату, столъ и баню—всего 7 рублей въ мѣсяцъ. Правду, пищу они получаютъ здѣсь почти исключительно растительную, но за то самая обстановка общежитія—очень здоровая, „Токійскій университетъ“, читаемъ мы у г. С. Комарова: „занимаетъ громадную площадь ближе къ окраинѣ столицы, чѣмъ къ центру. Этотъ участокъ называется Хонго Мы будемъ близки къ истинѣ если назовемъ весь этотъ участокъ паркомъ или даже садомъ. Всѣ незастроенныя мѣста засажены деревьями, кустами, устроены искусственные холмы и холмики. Почти въ центрѣ университетскаго квартала находится прелестное круглое озеро. Отъ главныхъ воротъ идетъ большая аллея; по обѣ стороны ея расположены зданія факультетовъ и клиникъ.

„Общежитіе находится въ концѣ главной аллеи. Университетскія зданія двухъэтажныя, построены какъ лучшія въ Европѣ. Вездѣ масса свѣта и воздуха и притомъ воздуха, если и городского, то прошедшаго черезъ фильтръ окружающей университетъ растительности“...

Но въ общежитіи, какъ мы видѣли, помѣщается лишь небольшая часть студенчества; остальные размѣщаются въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ полный пансіонъ обходится около 10 руб. въ мѣсяцъ. Но меблированныя комнаты мало приспособлены для студенческихъ

занятій: слишкомъ шумно, нѣтъ ни порядочнаго отопленія, ни порядочнаго освѣщенія; нѣтъ ни стульевъ ни столовъ. Значительное облегченіе въ этомъ отношеніи доставляетъ самъ университетъ: его учрежденія (лабораторіи, музеи, библіотеки) остаются открытыми до поздняго вечера, и такимъ образомъ студентъ можетъ возвращаться къ себѣ домой только для того, чтобы переночевать тамъ.

Въ общемъ японскій студентъ ведетъ очень скромную и умѣренную жизнь: много работаетъ, весьма цѣломудренъ („венерическихъ заболѣваній среди японскихъ студентовъ почти не наблюдается"), къ разгулу склонности не проявляетъ. Темнымъ пятномъ въ его жизни можно признать только шовинистическія наклонности, которыя какъ мы видѣли, развиваются еще въ низшей школѣ. Само собою, разумѣется, что этотъ упрекъ нельзя отнести ко всему студенчеству и что способная и вдумчивая Японія сумѣетъ въ концѣ концовъ справиться съ этимъ своимъ національнымъ недостаткомъ, тѣмъ болѣе, что на него обращено вниманіе со стороны лучшихъ умовъ страны.

Академическая жизнь студенчества дополняется земляческими, курсовыми, гимнастическими обществами. Въ политическую жизнь студенчество со времени введенія конституціи совершенно не вмѣшивается и, если теперь иногда университетъ и дѣлается ареной какихъ нибудь студенческихъ безпорядковъ, то только во время протестовъ студенчества противъ того или другого изъ неудачныхъ профессоровъ. Но и эти безпорядки, по мѣрѣ того какъ каѳедры заполняются все болѣе и болѣе самими японцами, среди которыхъ, какъ было выше сказано, есть выдающіеся ученые,—становятся все рѣже и рѣже, такъ какъ между японцемъ профессоромъ и японцемъ студентомъ очень часто устанавливаются глубоко интимныя отношенія.

Студентъ, окончившій съ успѣхомъ университетскій курсъ, можетъ быть оставленъ при университетѣ и даже посланъ для усовершенствованія въ знаніяхъ за границу. Государство при этомъ довольно хорошо обезпечиваетъ такихъ лицъ, если они попадаютъ на казенную стипендію. Въ послѣднее время такихъ казенныхъ стипендіатовъ за границей было около 200. Кромѣ того около 800 человѣкъ обучались за границей на свой счетъ. Надо замѣтить, что правительство всячески благопріятствуетъ поѣздкамъ за границу съ коммерческими или образовательными цѣлями. Оно видитъ въ этихъ подвижныхъ натурахъ піонеровъ въ дѣлѣ завоеванія мірового рынка и мірового престижа Оно считаетъ ихъ какъ бы на службѣ у государства, хотя они и преслѣдуютъ лишь свои

личныя цѣли. Выдаетъ поэтому всѣмъ имъ льготы по отбыванію воинской повинности: тотъ изъ окончившихъ университетъ, кто уѣзжаетъ за границу съ указанными цѣлями, освобождается отъ воинской повинности, если онъ пробудетъ на чужой сторонѣ до 32 лѣтъ; всѣ остальные по достиженіи 34 лѣтъ. Это правило остается въ силѣ и для тѣхъ, кто проживаетъ въ Кореѣ, на Іезо, на Формозѣ и въ другихъ японскихъ колоніяхъ.

Настоящій очеркъ высшаго образованія въ Японіи мы окончимъ указаніемъ на ученыя учрежденія Японіи, поставленныя въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Здѣсь прежде всего придется назвать японскую академію наукъ, основанную въ 1879 г.; она состоитъ изъ 40 пожизненныхъ членовъ: 15 изъ нихъ назначаются императоромъ, а 25 избираются самой академіей и утверждаются министромъ. Далѣе необходимо отмѣтить Императорскую публичную библіотеку въ Токіо, основанную въ 1872 г. Ростъ ея невольно обращаетъ на себя вниманіе. Въ 1884 г. она насчитывала уже 95 тыс. томовъ и 116 тыс. посѣщеній. Сначала входъ въ библіотеку былъ безплатный, но въ 1885 г. была установлена небольшая плата отъ 2 до 5 коп. за посѣщеніе, смотря по отдѣленію. Эта мѣра сильно понизила число посѣщеній, которое однако затѣмъ начало быстро возростать, и въ 1901—1902 г. было сдѣлано 133.803 посѣщенія, т е. въ среднемъ около 400 посѣщеній въ день, такъ какъ библіотека бываетъ открыта въ году лишь 334 дня. Въ библіотекѣ въ указанномъ отчетномъ году насчитывалось 418.592 тома; посѣтители за годъ затребовали 691.000 томовъ. Кромѣ того, въ особыхъ случаяхъ разрѣшается брать книги на домъ; въ 1901—2 г. такимъ правомъ воспользовалось 3.283 человѣка. „Библіотека“, читаемъ мы у г-жи Хавкиной: „помѣщается среди великолѣпнаго парка Уйено, въ которомъ посѣтители могутъ гулять въ промежуткахъ между чтеніемъ. Старое зданіе уже не вмѣщаетъ всѣхъ книгъ, и теперь строится обширное новое зданіе. Книгохранилище, хотя и деревянное, устроено по магазинной системѣ, т. е. шкафы расположены не вокругъ стѣнъ, а параллельными рядами. Читальный залъ, освѣщенный электричествомъ, обставленъ длинными столами и стульями, но онъ настолько тѣсенъ, что посѣтители сидятъ вплотную другъ подлѣ друга“.

Изъ другихъ ученыхъ учрежденій,—всѣ они, сказать кстати, помѣщаются въ Токіо,—слѣдуетъ назвать бюро по изслѣдованію землетрясеній, которое не только обслѣдуетъ названное явленіе съ геологической точки зрѣнія, но и пытается вырабатывать мѣры для

борьбы съ этимъ бичемъ страны и намѣтить типы наиболѣе устойчивыхъ построекъ. Заслуживаетъ вниманія также центральная метеорологическая обсерваторія, которая руководитъ занятіями и обрабатываетъ матерьялъ, присылаемый 86 мѣстными метеорологическими станціями; а также спеціальная обсерваторія для измѣренія широтъ, которая вмѣстѣ съ геодезическимъ комитетомъ производитъ изслѣдованія по программѣ, намѣченной международнымъ геодезическимъ обществомъ. Есть, далѣе, коммисія по составленію каталоговъ научныхъ сочиненій; она находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ международнымъ обществомъ по составленію научныхъ каталоговъ, центральное управленіе котораго находится въ Лондонѣ; этой коммисіей сдѣлано многое для распространенія въ странѣ самообразованія. Назовемъ, наконецъ, комитетъ общественной и школьной гигіены и національный музей.

На этомъ мы и покончимъ описаніе общаго образованія въ Японіи, которое во всякомъ случаѣ представляетъ изъ себя хорошо продуманную систему, въ значительной мѣрѣ сообразованную съ потребностями и нуждами страны. Но еще большой стройностью, еще большой продуманностью отличается принятая Японіей система профессіональнаго образованія, о которомъ намъ уже не разъ приходилось говорить выше по поводу тѣхъ или другихъ частныхъ случаевъ. По мнѣнію г. Григорьева, одного изъ выдающихся знатоковъ по вопросамъ профессіональнаго образованія, эта система задумана въ строгомъ соотвѣтствіи съ матеріальнымъ положеніемъ большинства населенія. И по пріемнымъ требованіямъ и по продолжительности обученія въ нихъ, эти заведенія доступны людямъ даже съ ограниченными средствами. Огромное вниманіе обращено на практическую сторону дѣла съ тѣмъ, чтобы учащійся могъ всегда обезпечить себѣ заработокъ въ избранной имъ спеціальности. Каждое училище въ своихъ программахъ приспособляется не только къ контингенту учащихся, но и къ мѣстнымъ потребностямъ, чему много способствуетъ то обстоятельство, что большинство этихъ школъ находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ промышленныхъ экономическихъ корпорацій. Поэтому мы считаемъ весьма полезнымъ представить здѣсь въ общихъ чертахъ всю систему профессіональнаго образованія въ Японіи.

Японское правительство держится въ дѣлѣ техническаго образованія такого общаго правила: высшія спеціальныя школы содержатся правительствомъ, низшія — различными органами мѣстнаго самоуправленія: общинами, городами, департаментами, которымъ

разрѣшается устройство различныхъ спеціальныхъ школъ подъ единственнымъ условіемъ, чтобы органы мѣстнаго самоуправленія не уменьшали при этомъ ассигнованій на начальное образованіе. Впрочемъ, какъ и во всѣхъ отрасляхъ народнаго образованія, такъ и здѣсь министру предоставляется право обширнаго надзора. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ имѣетъ даже право принудить органы самоуправленія къ открытію того или другого спеціальнаго училища; въ его распоряженіи также имѣются суммы, изъ которыхъ онъ имѣетъ право назначать такимъ школамъ субсидіи.

Профессіональное обученіе начинается обыкновенно въ дополнительныхъ школахъ, примыкающихъ къ низшимъ начальнымъ школамъ. Въ этихъ дополнительныхъ классахъ и дается первоначальная, но законченная профессіональная подготовка. Въ постановкѣ дѣла, въ выборѣ программъ и размѣрѣ преподаванія оставлено мѣстнымъ людямъ довольно много простора, и они могутъ легко приспособить эти дополнительные классы къ мѣстнымъ своимъ нуждамъ. Болѣе узкую и опредѣленную цѣль преслѣдуютъ школы ремесленныхъ учениковъ, куда принимаются дѣти и подростки уже выбравшіе себѣ ту или другую профессію. Въ такой школѣ ученикъ только совершенствуется въ дѣлѣ, на которомъ онъ хочетъ обосновать свой заработокъ. Въ дополнительныхъ классахъ курсъ ученья продолжается три года. Въ школахъ ремесленныхъ учениковъ онъ можетъ быть уменьшенъ до полугода. Вообще надо замѣтить, что школы эти, имѣя въ виду уже рабочее населеніе, приспособляются, конечно, и къ его образу жизни и запросамъ самой работы. Поэтому преподаваніе какъ въ этихъ школахъ, такъ и въ другихъ школахъ этого типа, можетъ начинаться въ различные сроки, производиться по воскресеньямъ и даже ночью. Преподаваніе морали считается обязательнымъ во всѣхъ низшихъ профессіональныхъ школахъ, а затѣмъ въ программу, по мѣрѣ надобности, могутъ входить: ариѳметика, геометрія, физика, химія, рисованіе и, само собою разумѣется, самые разнообразные практическіе предметы, имѣющіе то или другое отношеніе къ данному ремеслу.

Среднее профессіональное образованіе получается въ школахъ четырехъ категорій: сельскохозяйственныхъ, коммерческихъ, торговаго мореплаванія и техническихъ. При техническихъ школахъ могутъ быть какъ высшіе классы, посвященные той или другой спеціальности, такъ и низшіе приготовительные классы. Школы первыхъ трехъ категорій подраздѣляются на школы низшаго разряда и школы высшаго разряда.

Сельскохозяйственныя, торговаго мореплаванія и коммерческія высшаго разряда, а также техническія школы своими начальными классами примыкаютъ къ второму классу высшей начальной школы, а тѣ же училища низшаго разряда примыкаютъ къ низшей начальной школѣ. Такимъ образомъ неразрывность преподаванія сохранена и здѣсь и, низшую половину средняго профессіональнаго образованія ученикъ можетъ продолжать съ 12 лѣтъ, а высшую — съ 14 лѣтъ. Курсъ въ среднихъ училищахъ низшаго разряда — трехгодичный, только въ школахъ торговаго мореплаванія онъ сокращается до 2-хъ лѣтъ. Въ школахъ же высшаго разряда онъ тоже трехлѣтній, но къ нимъ, какъ и къ техническимъ училищамъ могутъ быть добавляемы и высшіе и приготовительные классы.

О состояніи средняго и низшаго профессіональнаго образованія можетъ дать представленіе нижеслѣдующая табличка, которая относится къ 1902 г.

РОДЪ ШКОЛЫ.	Число школъ. Обществ.	Частн.	Всего.	Число учениковъ.	Выпущено.	Издержки. Іевъ.	Помощь отъ казны. Іевъ.
Промышленныя школы.	23	2	25	2.590	417	508.700	62.330
Школы ремесленныхъ учениковъ	31	1	32	2.192	469	125.799	29.230
Сельско-хозяйственныя школы низшаго разряда	55	2	57	7.146	1.919	1.031.697	110.090
Сельско-хозяйственныя школы высшаго разряда	47	2	49	2.701	572	154.435	
Коммерческія школы низшаго разряда . .	34	7	41	9.882	1.021	611.300	53.210
Коммерческія школы высшаго разряда . .	16	1	17	1.488	573	48.395	
Школы торговаго мореплаванія низшаго разряда	7	0	7	715	93	83.407	13.820
ДОПОЛНИТ. Промышленныя . .	42	1	43	3.042	479		
ДОПОЛНИТ. Сельско-хозяйственныя	482	21	503	22.933	1804	17.564	16.573
ДОПОЛНИТ. Торговыя	69	13	82	4.880	501		
ДОПОЛНИТ. Торговыя мореплаванія	1	0	1	26	6		
ИТОГО	807	50	857	57.596	7.854	2.739.297	285.253

Особенно усиленный спросъ на профессіональное образованіе появился въ обществѣ опять-таки послѣ китайско-японской войны. Такъ школъ торговаго мореплаванія, школъ ремесленныхъ учениковъ и дополнительныхъ школъ въ 1892 г. почти не существовало; число промышленныхъ и торговыхъ школъ увеличилось почти въ 5 разъ, а число земледѣльческихъ болѣе, чѣмъ въ 8 разъ. Что же касается до числа учениковъ, получающихъ среднее профессіональное образованіе, то въ 1892 г. ихъ было 2934 человѣка, а въ 1902 г., какъ мы видѣли 57.596, т. е. увеличеніе произошло чуть ли не въ 20 разъ.

Конечно, не на всѣ школы жизнь предъявляетъ одинаково большія требованія; наибольшій спросъ оказался на учениковъ коммерческихъ училищъ и училищъ торговаго мореплаванія. Наибольшее же разнообразіе по спеціальностямъ наблюдается въ училищахъ техническихъ, при которыхъ открыто много спеціальныхъ отдѣленій: строительныя, металлургическія, кораблестроительныя, электротехническія, плотничныя, столярныя, горныя, прядильно-ткацкія, красильныя, керамическія, фабрикаціи лака, декоративныя и др. Низшія сельскохозяйственныя школы бываютъ посвящены обыкновенно одной какой-нибудь отрасли хозяйства: шелководству, лѣсоводству, ветеринаріи, рыбоводству, земледѣлію. Въ школахъ торговаго мореплаванія имѣются два отдѣленія: отдѣленіе мореходное и отдѣленіе торговыхъ механиковъ. Для того, чтобы преподаваніе носило практическій характеръ при всѣхъ названныхъ училищахъ имѣются соотвѣтственныя мастерскія, опытныя поля, фермы, сады, огороды, пасѣки.

Военному воспитанію Японія какъ мы видѣли, тоже удѣляетъ особое вниманіе, но среднихъ военныхъ училищъ, въ родѣ нашихъ корпусовъ, здѣсь очень мало, и они начинаютъ появляться лишь за самое послѣднее время. Теперь такихъ школъ въ Японіи шесть; поступать туда можно тринадцати лѣтъ; курсъ трехгодичный, а потому уже шестнадцати лѣтъ ученики переходятъ въ центральную приготовительную токійскую школу, гдѣ приходится пробыть два года; затѣмъ молодые люди поступаютъ на годъ въ полкъ въ чинѣ сержантъ-маіоровъ, откуда опять поступаютъ для продолженія курса въ военную школу и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ практическихъ работъ получаютъ чинъ лейтенанта.

Говоря о профессіональномъ образованіи нельзя не упомянуть о профессіональныхъ школахъ съ общеобразовательными отдѣленіями, предназначенныя для обученія слѣпыхъ и глухихъ. Такихъ школъ теперь 16. Каждый ученикъ, по желанію родителей, мо-

жетъ изучать въ нихъ одну или двѣ спеціальности. Слѣпые могутъ избрать себѣ выкалываніе, массажъ и музыку; глухіе—рисованье, токарное, столярное и швейное мастерства. Профессіональный курсъ занимаетъ пять лѣтъ, и только обученіе массажу оканчивается въ три года. Въ этихъ школахъ слѣпыхъ и глухихъ насчитывается въ настоящее время 79 преподавателей и 797 учащихся.

Но среднимъ техническимъ образованіемъ не заканчивается циклъ профессіональнаго образованія. Тѣ молодые люди, которые оканчиваютъ среднюю школу и не попадаютъ въ высшую среднюю, являющуюся, какъ мы видѣли, переходной ступенькой къ университету, могутъ поступить въ одно изъ высшихъ спеціальныхъ заведеній. Таковыхъ имѣется 15 медицинскихъ, 15 юридическихъ и политико-экономическихъ, 6 литературныхъ, 2 естественно-научныхъ и 11 по разнымъ другимъ спеціальностямъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ мы остановимся подробнѣе.

Въ каждой изъ медицинскихъ школъ имѣется два отдѣленія: медицинское и аптекарское, — на первомъ учатся четыре года, на второмъ три. Постановка дѣла вполнѣ удовлетворительная, и громадное большинство врачей, практикующихъ въ Японіи, выходитъ именно изъ этихъ школъ.

Токійская школа иностранныхъ языковъ имѣетъ трехгодичный курсъ. Кромѣ языковъ ученики этой школы могутъ слушать по выбору политическую экономію, государственное право или педагогику. Наплывъ желающихъ поступить очень великъ, а помѣщеніе тѣсное такъ, что ежегодно приходится отказывать свыше 150 человѣкъ. Школа имѣетъ 45 преподавателей, изъ которыхъ 11 иностранцевъ. Въ 1902 г учащіеся избрали себѣ: 57 человѣкъ англійскій яз., 54—французскій, 55—нѣмецкій, 61—русскій, 14—итальянскій, 23—испанскій, 40—китайскій, 17—корейскій.

Для подготовки завѣдующихъ фабриками и заводами имѣется въ Токіо высшая техническая школа, въ которой читаются слѣдующіе курсы: электротехника, химія, промысловая гигіена, промысловая экономія, красильное и ткацкое дѣло. Здѣсь же имѣется отдѣленіе для подготовки преподавателей въ низшихъ и среднихъ техническихъ школахъ. Подобная же школа въ настоящее время устроена еще въ Осакѣ, центрѣ японской промышленности. Вліяніе этихъ школъ на развитіе японской промышленности считается огромнымъ. Такъ, указываютъ на цѣлый рядъ усовершенствованій, введенныхъ питомцами этихъ школъ въ глазированье посуды, въ окраску матерій, въ выдѣлку шелка и т. д.

О высшей коммерческой школѣ, равно какъ о высшей рыболовной и рыбоводной, мы уже говорили въ другихъ мѣстахъ настоящей работы.

Не забыты и искусства. Послѣ изученія вопроса о постановкѣ преподаванія искусствъ въ Европѣ, въ 1888 г. была открыта „Токійская школа изящныхъ искусствъ“. Она распадается въ настоящее время на пять отдѣленій: живописи, техническаго рисованья, скульптуры, архитектуры и промышленныхъ искусствъ. На этомъ послѣднемъ отдѣленіи поставлены гравированье по металлу, литейное дѣло и лакированныя работы. На каждомъ отдѣленіи ученье продолжается пять лѣтъ, изъ которыхъ одинъ годъ уходитъ на подготовительный курсъ, а четыре — на основной, имѣющій дѣло только со спеціальными предметами. Въ 1901—2 г. названное учебное учрежденіе имѣло 41 преподавателя при 313 учащихся.

Немало имѣется также частныхъ учрежденій, посвящающихъ свою работу также преподаванію искусствъ. Наиболѣе важнымъ изъ нихъ слѣдуетъ признать Биджитсуинъ, во главѣ котораго находится Какасу Окакура. Главной своей задачей это учрежденіе ставитъ болѣе глубокое согласованіе европейскаго искусства съ идеалами японской жизни. Наконецъ, учениковъ берутъ и многія частныя студіи.

Въ 1883 г. была открыта въ Токіо же „Музыкальная академія“, гдѣ въ настоящее время имѣется три отдѣленія: вокальное, инструментальное и композиторское. Усиленное вниманіе обращено здѣсь на подготовку учителей пѣнія и музыки въ средней и низшей школѣ. Въ 1901—2 г. здѣсь числилось 331 учащихся при 42 преподавателяхъ Кромѣ названнаго учрежденія, въ Японіи нѣтъ другой школы, гдѣ бы можно было получать систематическое музыкальное образованіе, но зато образовано множество музыкальныхъ обществъ, которыя находятся въ самой тѣсной связи съ токійской музыкальной академіей, вліяніе которой, такимъ образомъ, оказывается весьма значительнымъ. Надо замѣтить кстати, что на музыку и пѣніе въ системѣ общаго воспитанія въ Японіи обращено серьезное вниманіе. а потому музыкальная академія играетъ въ жизни японской школы большую роль.

Мы уже не разъ указывали, что въ дѣлѣ народнаго образованія общественнымъ силамъ въ Японіи, не смотря на докучливый надзоръ со стороны министерства, данъ большой просторъ. Такъ, все

низшее образованіе отдано почти цѣликомъ въ руки общественныхъ организацій; почти все спеціальное образованіе опять-таки находится въ рукахъ или органовъ мѣстнаго самоуправленія, или спеціальныхъ добровольныхъ союзовъ, или частныхъ лицъ. Вліяніе общественныхъ организацій на ростъ средняго образованія очень велико. Наконецъ, и въ высшемъ образованіи общественной иниціативѣ также данъ широкій просторъ. На этой почвѣ выросли здѣсь два замѣчательныхъ учрежденія. Это именно Кейо Гиджику, частный университетъ, основанный еще въ 1858 г. извѣстнымъ писателемъ и общественнымъ дѣятелемъ Юкиши Фукузавой, и сенмонская школа, основанная въ 1882 г. графомъ Окумой, однимъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Японіи. Оба эти учрежденія находятся въ Токіо и стоятъ того, чтобы объ каждомъ изъ нихъ сказать нѣсколько словъ въ отдѣльности.

За все время существованія Кейо Гиджику, черезъ руки его воспитателей прошло болѣе 10.000 учениковъ. Съ самого своего основанія школа эта была проводникомъ западно-европейской науки. „Наша образовательная система“, говорится въ одномъ изъ изданій названнаго учрежденія: „построена на началахъ, принятыхъ нынѣ на западѣ. Японскіе и китайскіе классики не содержатъ ничего, что заслуживало бы вниманія съ точки зрѣнія современной науки. Но такъ какъ для знанія современной родной литературы японецъ долженъ знать китайскіе идеографы, то обученіе имъ введено въ нашу школу“... Вообще, руководители Кейо Гиджику восторженно относились всегда къ западно-европейской наукѣ. „Причина“, писали они еще много лѣтъ тому назадъ: „по которой западная наука заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія, состоитъ въ томъ, что она основана на знаніи природы, что она бросаетъ свѣтъ на человѣчество и даетъ направленіе его жизни. Позитивная, точная и ясная, она достойна того, чтобы ее изучалъ каждый человѣкъ. Въ сущности говоря, это—изученіе природы“...

Эта идея была положена въ основу всей воспитательной системы, созданной знаменитымъ Фукузавой. Еще передъ началомъ шестидесятыхъ годовъ, когда изученіе чужестранныхъ языковъ преслѣдовалось, какъ государственное преступленіе, въ Кейо Гиджику преподавался и англійскій и голландскій языки. Въ 1860 г. она выпустила англо-японскій словарь, но число книгъ на англійскомъ языкѣ было ничтожно; онѣ имѣлись лишь въ двухъ экземплярахъ и жадно переписывались учениками школы. Только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ библіотека Кейо Гиджику сразу обогати-

лась цѣлыми сотнями томовъ американскихъ научныхъ произведеній.

Въ 1889 г. при школѣ открыты были университетскіе курсы и Кейо Гиджику сдѣлалось полнымъ учебнымъ заведеніемъ. Въ нее поступаютъ дѣти, прошедшія два класса высшей начальной школы. Въ теченіи семи лѣтъ продолжается здѣсь курсъ средняго учебнаго заведенія, на университескомъ же отдѣленіи обученіе идетъ въ теченіи лишь трехъ лѣтъ. Такимъ образомъ, попадая въ училище 13 лѣтъ, ученикъ оканчиваетъ полный курсъ ученья къ 23 годамъ, т. е. значительно раньше, чѣмъ въ императорскомъ университетѣ. Затѣмъ, питомцу Кейо Гиджику никогда не грозитъ опасность остаться за бортомъ школы, при переходѣ отъ одной ступени образованія къ другой, какъ это нерѣдко случается съ питомцами правительственной средней школы. И въ этомъ опять-таки заключается огромное преимущество Кейо Гиджику. Это единство системы образованія должно завершиться окончательно, когда, наконецъ, будутъ открыта при Кейо Гиджику, какъ это уже и проектировано ея руководителями, полная начальная школа и дѣтскій садъ. Тогда, ученикъ будетъ имѣть возможность проходить всѣ стадіи образованія, не покидая стѣнъ пріютившаго его учебнаго заведенія. Онъ будетъ поступать туда 3 — 4 лѣтнимъ ребенкомъ, а выходить 23 лѣтнимъ юношей, прекрасно подготовленнымъ къ практической дѣятельности.

Обученіе въ Кейо Гиджику обходится дешево: приходящіе платятъ около 1 іена въ мѣсяцъ; за интернатъ, правда, берутъ, болѣе 10 іенъ въ мѣсяцъ, что, по японскому маштабу, цѣна не маленькая, но для частнаго предпріятія все-таки незначительная, и прекрасное это учрежденіе не могло бы существовать, если бы не получило постоянной поддержки со стороны прежнихъ своихъ учениковъ,

Самая школа расположена въ прекрасной мѣстности. „Съ фасада“, разсказываетъ проф. Вейлерзее: „открывается чудный видъ на паркъ Хибы до самой Чиногавы, а со двора виднѣются за зимними рощами и бѣлоснѣжными сельскими домиками, воздушныя вершины Фуджи“... Но внутреннее убранство школы отличается крайней простотой, не представляющей ни удобствъ, ни комфорта. „Голыя стѣны классовъ, плохо выбѣленныя, грубой работы обстановки. Треть учениковъ состоятъ интернами, и дортуары тѣсны для нихъ и неудобны“.

Самая постановка воспитанія и образованія очень хороша. Программы отличаются большою продуманностью даютъ ученикамъ,

очень многое но вмѣстѣ съ тѣмъ не отнимаютъ у нихъ слишкомъ много времени: лекціи продолжаются не болѣе трехъ-четырехъ часовъ ежедневно. Преподавательскій трудъ оплачивается не многимъ ниже, чѣмъ въ императорскомъ университетѣ, благодаря чему школѣ удалось привлечь хорошія педагогическія силы. Усиленное вниманіе обращено на физическія упражненія. „При школѣ существуетъ спеціальный залъ для стрѣльбы и бокса, громадный участокъ для лаунъ-тенниса, площадка для гимнастики и военныхъ упражненій, а для веселыхъ гонокъ открытое море. Зато результаты воспитанія въ физическомъ отношеніи безукоризненны, такъ какъ почти нѣтъ случаевъ заболѣваній“...

Университетское отдѣленіе состоитъ изъ трехъ факультетовъ: политико-экономическаго или финансоваго, юридическаго и литературнаго.

Большое вниманіе обращено также на практическое воспитаніе учениковъ. Такъ, ученики средняго возраста обязаны сами убирать дортуары, покупать себѣ чернила, перья, бумагу, „чтобы знать цѣну деньгамъ“... Въ старшемъ отдѣленіи имѣются уроки по каллиграфіи, порядку, счетоводству. Съ 1874 г. устраиваются публичныя конференціи для упражненія учениковъ въ публичномъ выраженіи своихъ мыслей. Эти конференціи посѣщаются большимъ количествомъ молодыхъ людей. Замѣтимъ еще, что изъ преподаванія принципіально исключены всѣ религіозные догматы, и все дѣло поставлено на фундаментъ утилитаризма, въ чемъ несомнѣнно и сила, и слабость школы. Оставаясь вѣрнымъ этому принципу, Кейо Гиджику стремится разсѣевать научныя данныя въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Такъ ему принадлежитъ инициатива по устройству вечерней коммерческой школы, гдѣ обучаются грамотѣ приказчики, разносчики и другіе дѣятели торговаго міра.

Сенмонская школа графа Окумы, наоборотъ, школа строго національная: среди преподавателей ея нѣтъ ни одного иностранца, всѣ предметы читаются исключительно на японскомъ языкѣ. Какъ ни трудно проводить въ жизнь это послѣднее требованіе, но оно тѣмъ не менѣе проводится неукоснительно, такъ какъ основатель этой школы одной изъ своихъ задачъ ставилъ выработку японскаго научнаго языка.

Школа стоитъ очень высоко и въ глазахъ общества и въ глазахъ правительства, хотя дипломъ ея не даетъ правительственныхъ правъ и даже права поступленія въ университетъ. Пріемные экзамены въ сенмонскую школу гораздо строже, чѣмъ правительственные

экзамены въ высшее отдѣленіе средней школы, открывающее доступъ въ университетъ. Отборъ учениковъ, благодаря этому, здѣсь очень хорошій. Школа платная, но плата совершенно незначительная; напр., за полный пансіонъ уплачивается 4—5 руб. въ мѣсяцъ. Сообразно съ этимъ и весь строй жизни студента отмѣчается необыкновенной простотой: „молодые люди спятъ въ повалку по 5, 6 человѣкъ въ одной каморкѣ, питаются овощами, 3 раза въ недѣлю рыбой и одинъ разъ мясомъ“. Главной задачей сенмонской школы является подготовка контингента молодыхъ людей къ „политической жизни“, т. е. способныхъ выполнять функціи администраторовъ, депутатовъ, журналистовъ.

И та, и другая изъ описанныхъ здѣсь школъ выпустили изъ своихъ стѣнъ цѣлый рядъ выдающихся общественныхъ дѣятелей. Въ школѣ Фукузавы число учащихся достигаетъ до 2.000, въ школѣ графа Окумы до 3.000 человѣкъ.

Есть и еще цѣлый рядъ частныхъ учебныхъ заведеній, дающихъ своимъ питомцамъ высшее образованіе, если не общее, то спеціальное. Между ними можно назвать Дошиша, основанную въ Кіото въ 1875 г. Дусо Ніндусимой, получившимъ христіанское воспитаніе въ Америкѣ. Въ высшемъ—университетскомъ курсѣ здѣсь имѣются отдѣленія политики, законодательства и литературы. Здѣсь же имѣется богословская семинарія, обыкновенная школа, средняя школа для дѣвочекъ, библіотека, школа для нянекъ и госпиталь. Число окончившихъ университетскую часть школы превышаетъ 1.000 человѣкъ. Заслуживаютъ упоминанія также два буддійскіе университета и множество миссіонерскихъ школъ.

Внѣшкольное образованіе народа поставлено очень слабо. Но въ немъ въ виду широкаго развитія и разнообразія школьной системы, въ виду, какъ мы увидимъ, сильнаго распространенія среди народа періодической прессы, въ виду необычайной легкости, съ которой частными усиліями организуются театры, выставки, лекціи, не ощущается такой большой надобности, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти элементы или отсутствуютъ, или стѣснены до крайности. Впрочемъ, многочисленныя общества народнаго образованія, куда вступаютъ не только педагоги, но и вообще лица, сочувствующія просвѣщенію народа, дѣлаютъ не мало и для внѣшкольнаго образованія народа. Многіе изъ мелкихъ обществъ такого рода соединяются въ союзы, а крупные наоборотъ устраиваютъ

филіалы. Библіотечное дѣло развито слабо: общественныхъ библіотекъ насчитывается не болѣе 50.

Въ виду той роли, которая отведена Японіей въ дѣлѣ народнаго образованія административному воздѣйствію, нельзя въ этомъ очеркѣ не сказать объ организаціи самого министерства народнаго просвѣщенія. Въ административномъ отношеніи оно распадается на семь департаментовъ: казначейство, общественные документы, компиляціи, учительскіе дипломы, учительскія пенсіи, доклады, архивъ. Задачи этого министерства оказываются, поистинѣ, огромными: оно приглашаетъ на службу учителей, слѣдитъ за производствомъ въ чины, перемѣщаетъ преподавательскій персоналъ съ мѣста на мѣсто, даетъ отставки, выдаетъ учительскіе дипломы, разсматриваетъ и одобряетъ книги и карты, занимается составленіемъ и компилированіемъ учебниковъ, назначаетъ пенсіи учителямъ и семьямъ умершихъ учителей—и т. д., и т. д.

Министерство народнаго просвѣщенія представляетъ императору ежегодно отчетъ о состояніи народнаго образованія въ странѣ, и въ этихъ отчетахъ помѣщается много цѣнныхъ статистическихъ данныхъ.

Раньше министерство народнаго просвѣщенія несло расходы лишь по содержанію канцелярій и высшихъ учебныхъ заведеній. Теперь оно принимаетъ участіе въ содержаніи и низшихъ, и среднихъ, и спеціальныхъ школъ. Вообще бюджетъ его сильно возросъ за послѣднее время. Въ 1901—1902 гг. министерство истратило на текущіе расходы 4.740.250 іенъ, на экстраординарные 1.487.999 іенъ, а всего 6.228.249 іенъ. Общій же расходъ по народному образованію достигъ въ томъ же 1901—1902 г.г. до 50 милліоновъ, т. е. больше чѣмъ удвоился за послѣднее пятилѣтіе. Изъ этой суммы на начальное обученіе было истрачено 29.815 717 іенъ. Замѣтимъ, что значительную сумму представляютъ добровольныя пожертвованія. Въ 1890 г. было пожертвовано на дѣло народнаго образованія 457 тыс. іенъ, въ 1896 г.—765 тыс., въ 1901—1902 гг. уже 1.705.000 іенъ. Кромѣ того, жертвуются участки земли, книги и наглядныя пособія. Очевидно, что организація всей постановки народнаго образованія здѣсь такова, что возбуждаетъ къ себѣ полное довѣріе общества, и, несмотря на бюрократическую опеку, все же оставленъ большой просторъ общественнымъ силамъ и большой контроль въ видѣ свободной печати.

Имущества, принадлежащія школамъ. (капиталы, земли, строенія, обстановка) достигаютъ въ настоящее время почтенной цифры въ 81.166.972 іена. Кромѣ того, съ 1899 г. образованъ, по императорскому указу, спеціальный фондъ на дѣло народнаго образованія. Изъ этого фонда отпускаются средства на школьное дѣло городамъ, деревнямъ, союзамъ городовъ и школьнымъ союзамъ. „Хотя", говоритъ оффиціальный отчетъ: „немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ учрежденъ особый фондъ, но онъ уже оказалъ значительную помощь для развитія народнаго образованія, въ частности для оборудованія обыкновенныхъ начальныхъ школъ и изощренія учителей, и далъ возможность каждому фу и кену успѣшнѣе вести просвѣтительную дѣятельность".

Подводя теперь общій итогъ всему сказанному, мы должны признать, что постановка народнаго образованія въ Японіи является во многихъ своихъ частяхъ выдающейся и не уступаетъ наиболѣе культурнымъ государствамъ Европы. Такова вся организація начальнаго народнаго образованія, таково все техническое образованіе, начиная отъ низшаго и кончая высшимъ. Но среднее и высшее общее образованіе все еще оставляетъ желать очень многаго. Но хотя Японія начинаетъ только жить по-новому, она уже показала, что она готова на огромныя жертвы тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о развитіи національной силы. За короткія полъ-столѣтія она успѣла уже дать рядъ выдающихся ученыхъ, сумѣла самостоятельно поставить и развить цѣлую область научнаго знанія (сейсмологію). Нѣтъ основаній думать, что она на этомъ остановится. Напротивъ, всѣ данныя говорятъ за то, что прогрессъ будетъ подвигаться и впередъ съ такою же энергіей; и среднее и высшее общее образованіе сумѣютъ отлить для себя новыя, болѣе цѣлесообразныя формы жизни и дѣятельности.

Но какъ ни сильно мѣняются самыя формы образованія, какъ ни европеизируются онѣ, духъ воспитанія въ Японіи остается прежнимъ. Японецъ въ этомъ отношеніи глубоко вѣренъ себѣ. Въ Европѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Хирнъ, воспитатель стремится развить у своего ученика его индивидуальныя способности и личный характеръ для того, чтобы создать изъ него независимаго и сильнаго человѣка; напротивъ, въ Японіи воспитаніе стремится приготовить человѣка не къ независимой индивидуальной жизни, а развить въ немъ наибольшую способность къ совмѣстнымъ

дѣйствіямъ, къ кооперацiи. Съ ранняго дѣтства, еще въ семьѣ ребенку предоставляется большая свобода подъ единственнымъ условіемъ, чтобы онъ не приносилъ вреда ни себѣ, ни другимъ: его охраняютъ, но не стѣсняютъ; его уговариваютъ, но рѣдко прибѣгаютъ къ принужденіямъ. Наказаніе назначается въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оно является безусловно необходимымъ; но даже и при такихъ условіяхъ весь домъ, не исключая слугъ ходатайствуетъ, по издревле установившемуся обычаю за маленькаго безобразника. Сѣкутъ при этомъ ребенка очень рѣдко и то въ низшихъ, наиболѣе грубыхъ классахъ. Обыкновенно устрашающую боль вызываютъ при помощи прижиганій ватой. Запугиваютъ ребенка бранью или укоризненными взорами считается недопустимымъ: всякое наказаніе должно быть наложено, насколько возможно, совершенно спокойно. Дать подзатыльникъ ребенку за какую бы то ни было провинность, это значитъ показать свою невоспитанность и вульгарность.

Не принято также наказывать ребенка лишеніемъ игры, кушанья или какого нибудь удовольствія. Общепринятая этика повелѣваетъ быть съ дѣтьми терпѣливымъ. Дисциплина начинается въ школѣ, но первоначально она здѣсь такъ легка, что едва ли даже и можетъ быть названа дисциплиной: учитель выступаетъ не столько въ роли учителя, сколько въ роли старшаго брата; кромѣ публичнаго выговора другихъ наказаній не практикуется. Всякое стѣсненіе по отношенію къ ребенку налагается главнымъ образомъ съ согласія общественнаго мнѣнія класса, и искусному учителю остается лишь направлять это общественное мнѣніе. Такимъ образомъ каждый классъ номинально управляется однимъ или двумя маленькими начальниками, избранными за ихъ умъ и характеръ. и когда приходится сдѣлать какое-нибудь непріятное распоряженіе, то оно дѣлается черезъ одного изъ этихъ маленькихъ начальниковъ. Такимъ образомъ уже на раннихъ ступеняхъ школьной жизни начинается дисциплина общественнаго мнѣнія, давленіе общей воли. Въ старшихъ классахъ давленіе это слегка увеличивается, а въ высшихъ по своему положенію школахъ оно оказывается еще сильнѣе, при этомъ правящей силой является неизмѣнно не индивидуальная воля учителя, а общественное мнѣніе класса.

Въ средней школѣ ученики становятся серьезными, и общественное мнѣніе класса достигаетъ такой силы, что даже учителю приходится склоняться передъ ними: иначе ему грозитъ изгнаніе. Каждый классъ въ средней школѣ имѣетъ своихъ выборныхъ, ко-

торые являются носителями и хранителями моральнаго кодекса большинства,—традиціоннаго образа дѣйствія. Здѣсь никогда не бываетъ такъ, чтобы жизнью класса руководили одинъ или нѣсколько коноводовъ; напротивъ все должно быть подчинено общественному мнѣнію класса, которое является здѣсь страшной силой.— Ученикъ, который сознательно или безсознательно оскорбилъ эту силу, внезапно увидитъ себя совершенно изолированнымъ. Никто не перемолвится съ нимъ хоть бы однимъ словомъ даже за стѣнами школы, до тѣхъ поръ пока онъ не принесетъ публично своего оиравданія или своего покаянія. Если ему не удалось примириться съ классомъ, то остракизмъ, на который онъ обреченъ, сохраняется среди товарищей и послѣ школы на долгое время даже тогда, когда обстоятельства совершенно измѣнились, и человѣкъ успѣлъ завоевать себѣ полное довѣріе. И этотъ классный надзоръ товарищей, дѣйствующій въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, заставляетъ юношу отбросить всякую эксцентричность, всякое проявленіе своей индивидуальности, дѣлаетъ его замкнутымъ, молчаливымъ и сдержаннымъ. Черты эти поражаютъ невольно всякаго, кому *приходилось имѣть непосредственныя отношенія съ высшими школами* страны. Такимъ образомъ на всемъ пути своего воспитанія онъ пріучается чувствовать тѣснѣйшую зависимость отъ тѣхъ общественныхъ группъ, среди которыхъ и съ которыми ему приходится жить. И безъ этой привычки ему было бы трудно справляться съ живою дѣйствительностью, когда онъ покинетъ университетъ и выйдетъ на широкое поприще общественной дѣятельности. Тутъ на его волю и личность выступаетъ много настойчивыхъ претендентовъ: семья, партія, правительство, и ко всѣмъ этимъ группамъ личность молодаго японца становится въ положеніе глубокаго подчиненія и преданности въ силу тѣхъ основныхъ идей, которыя привиты ему съ самаго ранняго дѣтства культомъ поклоненія предковъ. Духъ воспитанія такимъ отразомъ не измѣнился, остался прежнимъ, національнымъ, японскимъ.

Мы видимъ, какой огромный трудъ приходится нести тѣмъ молодымъ людямъ, которые мечтаютъ достигнуть и достигаютъ высшаго образованія. Немудрено поэтому, что среди оканчивающихъ университетъ и спеціальныя высшія школы встрѣчается много слабосильныхъ, малокровныхъ, истощенныхъ. Правительство пытается бороться съ этимъ путемъ широкой постановки гимнастики и вообще физи-

ческихъ упражненій, а также начинаетъ усиленно слѣдить за гигіеной школы, но дѣтскій и юношескій организмъ оказывается настолько перенагруженнымъ работой, что всѣ указанныя мѣры являются въ общемъ палліативами. Физическое истощеніе учащихся ложится темнымъ пятномъ на современную японскую школу.

Въ тяжелыя условія далѣе ставитъ учащихся та новая школьная обстановка, которая для большинства школъ заимствована отъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Особенно въ этомъ отношеніи страдаютъ дѣвушки. „Большинство новыхъ школьныхъ зданій“, разсказываетъ г-жа Алиса Бэконъ: „снабжено скамьями и столами, по образцамъ принятыхъ въ американскихъ школахъ. Многія изъ этихъ зданій отапливаются печами и каминами. Ученицы въ большинствѣ случаевъ носятъ японскую одежду, которая зимой достаточно тепла для ношенія ея въ комнатахъ, не согрѣваемыхъ искусственно. Этотъ теплый костюмъ въ натопленной комнатѣ заставляетъ ребенка потѣть и простужаться затѣмъ при выходѣ безъ верхняго платья на свѣжій воздухъ. Уже изъ-за одной этой причины возникаютъ многія болѣзни, которыя могутъ быть предотвращены лишь послѣ того, какъ болѣе продолжительный опытъ научитъ, какъ сочетать костюмы Востока и Запада для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни перваго“... Такимъ образомъ и здѣсь еще предстоитъ японскому обществу огромная работа; но опять-таки нѣтъ основаній думать, чтобы молодая Японія не вышла побѣдительницей и изъ этихъ затрудненій: столько интеллигентныхъ силъ успѣла она мобилизовать за послѣднее время на общественную работу.

II.

За стѣнами школы передъ японцемъ развертывается широкая общественная дѣятельность. Руководителемъ и совѣтникомъ сознательнаго японца является здѣсь главнымъ образомъ періодическая пресса, которая къ данному моменту достигла огромнаго роста и пышнаго разцвѣта.

„Въ Японіи“, говоритъ г. Чэмберленъ: „пресса сдѣлалась нынѣ, къ добру или злу, большою силой и пріобрѣла, можно сказать; значеніе четвертаго государственнаго учрежденія въ странѣ“.

И немудрено: журнальная работа привлекала къ себѣ лучшія силы японской интеллигенціи. Если просмотрѣть біографію японскихъ

государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, то мы увидимъ, что большинство ихъ получило свой общественный закалъ и воспитаніе именно на журнальной и газетной работѣ Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіи многихъ лѣтъ были журналистами и Юкіо Озаки, который былъ потомъ министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь является главой конституціонной партіи въ палатѣ представителей, и баронъ Суематсу, не разъ получавшій въ различныхъ кабинетахъ отвѣтственные министерскіе портфели. Точно также издателями газетъ были и Хара, бывшій министръ путей сообщенія, и Коматсобара, выдвинувшійся затѣмъ въ роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ при кабинетѣ маркиза Ямагата и т. д. и т. д.

Трудно было бы перечислить услуги, которыя были оказаны политической прессой общественной жизни страны. „Можно съ достовѣрностью сказать", заявляетъ г. І. Тебла: „что въ настоящее время ни одна важная реформа, ни одна значительная перемѣна въ политикѣ не обходится безъ инціативы печати или безъ ея поддержки".

Замѣтимъ, кстати, общее признаніе, что задорный и дерзкій тонъ по отношенію къ правительству очень сильно понизился съ тѣхъ поръ, какъ законодательными правилами 1897 и 1900 г. съ японской прессы были сняты послѣднія цензурныя колодки.

Но сила японской прессы заключается не только въ томъ, что ей удалось привлечь къ своей работѣ лучшія силы японской интеллигенціи, но и въ томъ, что она по своей цѣнѣ стала доступной самымъ широкимъ кругамъ населенія. Дѣйствительно, какъ было показано выше, цѣна японской газеты незначительна, а потому почти все городское населеніе читаетъ газеты. Нерѣдко можно встрѣтить съ газетой въ рукахъ даже дженирикшу... Газетныя новости ловятся съ жадностью.

Не только огромная розничная продажа и масса объявленій способствуетъ крайнему удешевленію газеты и проникновенію ея даже въ самые бѣдные слои населенія, но и чрезвычайно скромныя суммы, которыми оплачивается трудъ газетнаго и журнальнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко бываетъ такъ, что „передовики" въ большихъ газетахъ довольствуются 100 руб. въ мѣсяцъ, завѣдующіе отдѣлами около 40 іенъ, репортеры—около 30 іенъ. Бумага выбирается самая дешевая, а наборщикъ получаетъ очень скудное вознагражденіе: не болѣе полъ-іена въ сутки, при чемъ дѣти, помощники его, работаютъ прямо изъ-за одного хлѣба.

Замѣтимъ еще, что на газетномъ и журнальномъ промыслѣ даетъ себя чувствовать та особенность японской жизни, которая позволяетъ

съ необычайной легкостью и съ небольшимъ капиталомъ организовать довольно значительное предпріятіе. Но эта же дешевизна предпріятія способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ появленію цѣлаго ряда крайне неустойчивыхъ дѣлъ. Многія изъ газетъ и журналовъ такъ же быстро исчезли, какъ и появились. „Въ особенности журналы,—замѣчаетъ г. Тебла,—нарождаются цѣлыми роями, какъ микроскопическія мошки ранней весной. Японцы зовутъ ихъ „буйю“ и, по японскому двустишію, они утромъ родятся, чтобы вечеромъ умереть“...

Съ другой стороны, эта легкомысленность и легкость, съ которой образовываются газетныя и журнальныя предпріятія являются причиной того, что на рынокъ выбрасывается немало недоброкачественнаго матеріала.

Однако, благодаря общему высокому уровню культуры страны, благодаря совершенно свободной конкурренціи, обусловленной полнымъ отсутствіемъ цензуры, всѣ эти нежелательныя стороны жизни печатнаго слова не могутъ разростаться до сколько нибудь значительной величины, и свободная пресса Японіи является какъ украшеніемъ родины, такъ и лучшимъ охранителемъ интересовъ широкихъ народныхъ массъ.

Японцы тѣмъ болѣе имѣютъ право гордиться своей періодической прессой, что ростъ ея совершился въ чрезвычайно короткій промежутокъ времени. Еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ не было настоящихъ газетъ. Первые листки, имѣющіе только нѣкоторое подобіе газетъ, появились въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Но уже въ 1878 году въ Японіи насчитывалось уже 260 газетъ и журналовъ, выходившихъ въ количествѣ 28 милліоновъ экземпляровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и предпріятія эти становились все болѣе и болѣе на капиталистическую почву. Особенно сильный ростъ періодической прессы замѣчается съ 1894, послѣ японско-китайской войны. Въ 1899 г. общее число газетъ и журналовъ достигло 978, изъ которыхъ приблизительно половина была посвящена вопросамъ политики, а вторая половина занималась литературой, религіей, наукой. Въ настоящее время едва найдется хотя одинъ городъ съ 10.000 жителей, гдѣ бы не было двухъ-трехъ мѣстныхъ органовъ. Правда, многія изъ провинціальныхъ газетъ поражаютъ не только скромностью своей обстановки, но и крайней нищетой ея.

Военныя событія, конечно, еще больше увеличили интересъ къ газетѣ и журналу. Въ общемъ, еще до войны г. Дюмоляръ считалъ ежедневный выпускъ японскихъ газетъ равнымъ 600—700 тысячамъ

экземпляровъ. Нынѣ же онъ превысилъ, вѣроятно, милліонъ. По сравненію съ Франціей, а особенно съ Англіей и Америкой, этотъ тиражъ нельзя считать большимъ, но если вспомнить, что вся японская періодическая пресса выросла у насъ на глазахъ, то ростъ ея придется признать дѣйствительно колоссальнымъ. Особенный успѣхъ, конечно, выпадаетъ, какъ и вездѣ, на долю сенсаціонныхъ газетъ. Такъ, напр., „Нироку“ расходилась ежедневно въ количествѣ 150.000 экземпляровъ; замѣнившая ее „Іородзу“ каждое утро выбрасываетъ 120.000 экз. Но это исключенія. Обыкновенный же выпускъ серьезныхъ ходовыхъ газетъ 30.000 экземпляровъ въ день. Само собою разумѣется, что тиражъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ падаетъ до 1500 и даже ниже.

Двумя особенностями японской періодической прессы является, во 1-хъ, довольно значительное развитіе англійскихъ изданій на почвѣ страны Восходящаго Солнца, и во 2-хъ, преобладаніе журнала надъ газетой. Англійская печать настолько пріобрѣла въ Японіи права гражданства, что даетъ цѣлый рядъ органовъ, печатающихся на англійскомъ языкъ и руководимыхъ англійскими журналистами, и проникала даже и въ чисто японскія изданія: нерѣдко вы встрѣтите японскую газету, въ которой одинъ или нѣсколько столбцовъ напечатаны на англійскомъ языкѣ.

Вторая особенность японской періодической прессы —чрезвычайное обиліе всяческихъ журналовъ: ежемѣсячныхъ, двухмѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ находитъ себѣ объясненіе опять-таки въ чисто японскихъ условіяхъ жизни имперіи микадо. Мы видѣли, что широкія народныя массы существующей конституціей отстранены отъ политической дѣятельности; вотъ почему не можетъ ихъ захватывать и газета, главная тема которой всегда является политическая злоба дня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли ту могущую просвѣтительную волну, которая за послѣднее столѣтіе прокатилась изъ одного угла страны въ другую. Прекрасно поставленное народное образованіе разожгло любознательность народныхъ массъ, появилось усиленное стремленіе къ самообразованію, къ продолженію своихъ познаній за стѣнами школы. Этой потребности и удовлетворяютъ разнообразные журналы, разсѣивающіеся по лицу Японія во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Крайняя дешевизна этихъ журналовъ облегчаетъ проникновеніе ихъ въ самые глухіе и небогатые уголки страны Восходящаго Солнца. Г. Дюмоляръ даетъ еще другое весьма интересное и правдоподобное объясненіе этому чрезвычайному росту японскихъ журналовъ. Онъ указываетъ на то, что еще пятьдесятъ лѣтъ

тому назадъ, когда Японія находилась подъ властью шогуновъ изъ рода Токугава, всякія общественныя организаціи были запрещены строго на строго. Новый режимъ, конечно, совершенно иначе отнесся къ общественной жизни. „Образовалась масса разнообразныхъ обществъ, изъ которыхъ многія выпускаютъ свои ежегодники, обозрѣнія и т. д“.

Центромъ японскаго журнализма, какъ и центромъ японскаго просвѣщенія является, конечно, столица имперіи Токіо, а потому неудивительно, что именно здѣсь сосредоточились редакціи всѣхъ наиболѣе выдающихся японскихъ газетъ. Такъ, здѣсь мы находимъ оффиціальный органъ Ничи-ничи-шимбунъ (Новѣйшія извѣстія), въ которомъ принимаютъ участіе полтораста человѣкъ сотрудниковъ. Далѣе слѣдуетъ радикальный органъ Дзи-Дзи Шимпо (Наше время) и органъ графа Окумы Хотпи Шимбунъ; либеральная газета Майнитши Шимбунъ (Ежедневныя Новости), свободомыслящая Тшойя Шимбунъ (Парламентскія и Народныя Извѣстія), консервативный Токіо-Демпо (Іеддосскій Телеграфъ) и радикальный Коранъ Шимпо (Общественное мнѣніе).

Книжное дѣло сдѣлало также очень крупные успѣхи. Въ 1900 г. въ Японіи было издано книгъ и брошюръ 18.281 названіе. Изъ нихъ 1.421 были посвящены сельскому хозяйству, 1.594 юридическимъ наукамъ, 348 политической экономіи и статистикѣ, 1.490 торговлѣ и промышленности, 560 географіи, 879—математикѣ, астрономіи и мореходному дѣлу, 469 – естественнымъ и прикладнымъ наукамъ, 610—медицинѣ, 365—исторіи, 270—философіи и морали, 1.230—религіи, 692—педагогическимъ вопросамъ, 1.662—живописи, 667—музыкѣ, 2.130—изящной литературѣ и др.

III.

Могучимъ средствомъ народнаго воспитанія является въ Японіи также народный театръ, который пользуется здѣсь большой свободой. Трудно даже учесть вліяніе этого благороднаго фактора на жизнь Страны Восходящаго Солнца.

„Драматическія сочиненія“, говоритъ баронъ Суематсу: „представленія ихъ въ театрахъ и героическія исторіи, содержащіяся въ

вымышленныхъ произведеніяхъ, такъ же. какъ и тотъ родъ устныхъ разсказовъ о героизмѣ, который извѣстенъ подъ терминомъ *гундань*, сыгралъ большую роль въ созданіи современной Японіи. Доблесть нашихъ моряковъ и солдатъ въ послѣднія войны въ значительной мѣрѣ воспитаны вліяніемъ на японскій народъ именно такихъ произведеній. Конечно, я не игнорирую факта, что, главнымъ образомъ, широкая постановка нашей воспитательно-образовательной системы, а также и традиціи сдѣлали нашъ народъ чрезвычайно лояльнымъ по отношенію къ отечеству и къ императору; но при всемъ томъ утверждаю, что никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду вліянія на этотъ народъ драматическихъ представленій; драматической литературы и романическихъ разсказовъ о герояхъ и героиняхъ.

„Этому есть причина. Въ Японіи авторами вымышленныхъ или драматическихъ произведеній всегда преслѣдуется идея „поощренія того, что хорошо, и наказанія того, что дурно“. Я знаю очень хорошо, что существуютъ противники такого направленія. Они говорятъ, что вымышленныя сочиненія должны преслѣдовать художественную цѣль и обрисовывать лишь реальную природу и реальные характеры. Я никомъ образомъ не претендую на оспариваніе этого мнѣнія; но просто утверждаю, что въ Японіи такъ не смотрятъ на этотъ вопросъ. Вслѣдствіе этого у насъ вымышленныя дѣйствующія лица, выведенныя въ различныхъ литературныхъ произведеніяхъ, всегда несутъ заслуженную долю наказанія и получаютъ заслуженное вознагражденіе, и при этомъ авторы такихъ произведеній или исполнители послѣднихъ на сценѣ всегда ставятъ себѣ цѣлью произвести именно въ этомъ направленіи глубокое внечатлѣніе на умы читателей или зрителей—и всегда почти этого достигаютъ.

„Главными темами, разрабатывающимися авторами для достиженія такихъ эффектовъ, является высокая лояльность, какъ напр., лояльность слугъ по отношенію къ своему господину; большая твердость и настойчивость, которая обнаруживается въ дѣлѣ правосудія и справедливости; готовность переносить тяжкія страданія ради дорогого друга; любовь родителей къ дѣтямъ до самопожертвованія, готовность страдать или даже жертвовать собой со стороны жены для мужа, матери для сына, дочери для отца, съ цѣлью помочь имъ исполнить долгъ по отношенію къ своему господину или хозяину“...

Однимъ словомъ, театръ въ Японіи является школой воспитанія народнаго духа въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Онъ игралъ такую роль еще тогда, когда вопросъ о постановкѣ всеобщаго обу-

ченія еще не выдвигался на общественную сцену, когда періодическая пресса еще не существовала, а литература была въ зародышѣ. Тогда японскій театръ былъ, можно сказать, единственной школой японскаго народа. Вотъ почему, при новыхъ, глубоко измѣнившихся условіяхъ жизни, при сильной европеизаціи многихъ сторонъ повседневнаго обихода, японскій театръ остался безъ перемѣнъ, сохранилъ всѣ свои національныя особенности, проявилъ необычайную силу сопротивляемости по отношенію къ могущественной волнѣ новшествъ, прокатившейся по всей странѣ.

И еще есть одна цѣнная особенность японскаго народнаго театра. Онъ невнесенъ филантропами и сторонниками народнаго просвѣщенія извнѣ. Къ нему не приходится пріучать народныя массы. Нѣтъ, народный театръ здѣсь является дѣтищемъ самого народа и настолько дѣтищемъ его одного, что высшіе классы считали для себя предосудительнымъ посѣщеніе народнаго театра. „Даже въ настоящее время", замѣчаетъ г. Гессе Вартегъ: „ни одному японскому аристократу, офицеру или чиновнику не придетъ въ голову посѣтить какой-нибудь изъ общественныхъ театровъ"... Тѣмъ больше любитъ свой театръ простой народъ и средніе классы городского населенія. Постоянный театръ вы найдете почти въ каждомъ изъ мало-мальски порядочныхъ городовъ. По маленькимъ же городишкамъ, деревнямъ и мѣстечкамъ путешествуютъ странствующія труппы. Вездѣ онъ къ томуже очень дешевъ.

Прямымъ продолженіемъ и упрощеніемъ театра являются *ійозесеки*, или просто *ійозе*, это чисто японское національное учрежденіе. Представьте себѣ наскоро сколоченный досчатый баракъ; украшеній, ни мебели никакой не имѣется; полъ покрытъ циновками, но не раздѣленъ на ложи; посреди — небольшое возвышеніе для актера. Это и есть ійозе, зала, въ которой профессіоналы-разсказчики декламируютъ свои повѣсти изъ исторіи страны (кошаку-ши) или на современныя злобы дня (гапашика). Послѣдняя профессія сравнительно недавняго происхожденія, но первое появленіе на этой упрощенной народной сценѣ кошакуши имѣло мѣсто много вѣковъ тому назадъ. Когда активная жизнь страны принадлежала однимъ самураямъ, событія родной исторіи доходили до широкихъ народныхъ массъ въ видѣ небольшихъ и случайныхъ отрывковъ. Но японскій народъ издавна отличался горячей любовью къ своей родинѣ и жадно прислушивался даже къ этимъ нестройнымъ и случайнымъ обрывкамъ своей исторіи. На этой потребности и выросла профессія кошакуши, разсказчиковъ историческихъ повѣстей. По

общему признанію, эти разсказы съ исторической точки зрѣнія являются довольно правдивыми: событія выбраны, дѣйствительно имѣвшія мѣсто на территоріи имперіи микадо, обстановка передается съ большимъ знаніемъ дѣла; разсказчику — или даже вѣрнѣе его семьѣ, такъ какъ повѣсти эти передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну, — принадлежитъ лишь литературная и поэтическая обработка повѣсти, достигающая нерѣдко очень высокой степени. Каждый разсказчикъ долженъ непремѣнно быть и хорошимъ декламаторомъ. Онъ выходитъ къ своимъ слушателямъ только со своими голосовыми средствами Въ рукахъ у него вѣеръ и бумажная палочка; первымъ онъ пользуется для того, чтобы придать своимъ жестамъ большую выразительность: онъ его то распускаетъ, то складываетъ, то повертываетъ къ себѣ, то обращаетъ къ зрителямъ; палочкой же онъ отбиваетъ тактъ въ тѣхъ мѣстахъ разсказа, гдѣ событія начинаютъ быстро наростать другъ на друга и неудержимо стремятся къ катастрофѣ. Надо только подумать, какую массу историческихъ свѣдѣній несутъ эти тысячи разсказчиковъ. окруженныя ежедневно многими тысячами слушателей, сколько благородныхъ взглядовъ и мыслей успѣютъ привить эти истинные и своеобразные артисты широкимъ народнымъ массамъ, сколько эстетическаго наслажденія они имъ дадутъ. Въ одномъ Токіо насчитывается 180 йозе. Правительство ничѣмъ не стѣсняетъ дѣятельность этихъ оригинальныхъ декламаторовъ; имъ ставится только одно условіе, чтобы въ ихъ разсказахъ не было ничего оскорбительнаго для общественной нравственности. Удовольствіе это обходится японцамъ чрезвычайно дешево: входная плата колеблется отъ $2^1/_2$ до 6 к., посѣтитель также платитъ грошъ за циновку, если онъ возьметъ ее на прокатъ; въ холодную погоду онъ приплачиваетъ $1^1/_2$ к. за ящичекъ съ горячей золой и углями, а за $1^1/_2$ к. получаетъ порцію горячаго чая. Такимъ образомъ за 9 к. онъ съ удобствомъ слушаетъ очень нерѣдко прекраснаго декламатора въ продолженіе 2—3 часовъ.

Гапанпика—тотъ же разсказчикъ только на современныя темы и часто съ сильнымъ, хотя и грубымъ, юмористическимъ оттѣнкомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ газетѣ, журналѣ, театрѣ и своихъ народныхъ декламаторахъ и, наконецъ, свободной политической трибунѣ, Японія обладаетъ могучими средствами внѣшкольнаго образованія и притомъ настолько дешевыми, что они доступны самымъ небогатымъ слоямъ населенія. Благодаря этому, японская интеллигенція могла направить всѣ свои силы на школь-

ное дѣло и во многихъ отношеніяхъ подняла его на такую высоту, на которой мы видимъ его лишь въ старыхъ культурныхъ странахъ Европы.

Но и на этомъ еще не останавливается эстетическое воспитаніе народа, по крайней мѣрѣ, наиболѣе достаточныхъ его классовъ. Японская жизнь обладаетъ еще однимъ чрезвычайно оригинальнымъ институтомъ. Это именно гейши. Представьте себѣ молодыхъ, хорошенькихъ, изящныхъ, остроумныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ съ величайшимъ вкусомъ и граціей. Вы встрѣтите ихъ въ значительномъ количествѣ въ каждомъ городѣ, почти въ каждомъ чайномъ домѣ. Ни одна сколько нибудь достаточная пирушка, ни одна вечеринка не можетъ обойтись безъ гейшъ. Онѣ являются по первому зову со своими симизенами и кошо и танцуютъ передъ гостями свои національныя танцы, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ изображается то или другое историческое событіе, та или другая народная легенда. Это совершенно особые танцы. Они не имѣютъ ничего общаго съ нашимъ балетомъ. Начать съ того, что японская гейша не знаетъ ни декольте, ни трико. Напротивъ, она вся закутана въ свои живописные, художественные костюмы, въ которыхъ всякая мелочь обдумана съ истинно-артистической проницательностью. Да, гейша и должна быть артисткою. Только артистка можетъ исполнить тѣ полныя граціи танцы, въ которыхъ такъ много игры лица, такъ много изящныхъ движеній торса и рукъ. Въ промежутки между танцами гейши подсаживаются къ гостямъ и своими шутками, своимъ изящнымъ задоромъ и остроуміемъ вносятъ въ бесѣду безконечное оживленіе.

Но не смотря на тѣ рискованныя положенія, въ которыя ставитъ такъ часто гейшъ ихъ професія, онѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ представляютъ изъ себя глубоко почтенныхъ женщинъ. Многія изъ нихъ затѣмъ выходятъ замужъ за лицъ, занимающихъ видное общественное положеніе, и ихъ прошлая профессія нисколько не мѣшаетъ имъ играть въ обществѣ значительную роль. Правда, профессія гейши для дѣвушки, какъ и профессія актера для молодого человѣка, до самаго послѣдняго времени не считалась завидной долей. Гейшѣ прежде всего приходится пройти очень суровую школу; ея обученіе начинается съ пяти-шести и даже раньше лѣтъ. Вся эта грація, всѣ эти изящныя и бойкія движенія, все это умѣнье держать себя въ обществѣ съ необыкновенной простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ заразительной веселостью, эта способность такъ

украшать и одѣватъ свое крошечное, хрупкое, но граціозное тѣльце, чтобы оно вмѣстѣ съ плэтьями, шпильками, рисовой пудрой и другими принадлежностями костюма представляло изъ себя дѣйствительно художественную, тонко придуманную вещицу, все дается не даромъ, всему этому надо посвятить нѣсколько лѣтъ самаго серьезнаго изученія, самой тяжелой тренировки.

Но газетой, книгой, театромъ и декламаторами еще не исчерпываются тѣ средства, которыя оказываютъ на душу японскаго народа постоянное воспитательное вліяніе и за стѣнами школы. Душа японца получаетъ, можно сказать, непрерывное эстетическое воспитаніе. Вся обстановка японской жизни полна изящными формами, художественно подобранными красками, прекрасными контурами. Японское искусство, говоря въ широкомъ смыслѣ этого слова, живое искусство. Оно отнюдь не является достояніемъ отдѣльныхъ личностей и привилегированныхъ классовъ; оно принадлежитъ массѣ. Всякій японецъ въ большей или меньшей степени артистъ; у народа въ теченіи столѣтій развивался и окрѣпъ эстетическій вкусъ. Объ этомъ намъ уже приходилось говорить, когда мы разсказывали о цвѣточныхъ національныхъ празднествахъ, въ которыхъ примаютъ участіе всѣ отъ принца до нищаго; когда рѣчь шла о японскихъ ремесленикахъ, которые находятъ особое наслажденіе выпустить изъ своихъ рукъ дѣйствительно художественную вещицу...

Артистическій геній Японіи достигъ наибольшей своей высоты и развитія въ декоративномъ искуствѣ. Въ этой области ни одна нація не можетъ сравниться съ японцами. Необычайно красивые ландшафты, которые такъ непринужденно развертываются въ любомъ уголкѣ Страны Восходящаго Солнца, что кажутся произведеніями одной природы, предоставленной собственнымъ силамъ, въ дѣйствительности являются произведеніями ума и воображенія человѣка, которымъ обдуманы всѣ мелочи. Эти огромныя деревья, поднимающіеся по сторонамъ храма, пріютившагося на склонѣ зеленаго холма и такъ гармонирующаго контурами стѣнъ и крышъ съ пологими скатами; эти ряды цвѣтущихъ вишень, оттѣнки которыхъ сливаются въ цѣлую гамму цвѣтовъ; эти кудрявые кустарники, раскинувшіеся въ видѣ разнообразныхъ и веселыхъ купъ передъ сплошною стѣной высокаго лѣса, все это созданіе рукъ человѣческихъ; надъ всѣмъ этимъ въ каждомъ уголкѣ Японіи трудятся сотни тысячъ добровольныхъ артистовъ, изъ которыхъ почти сплошь и состоитъ все населеніе этого красивѣйшаго уголка земного шара.

Эта страна живого искусства выработала цѣлый рядъ такихъ профессій, о которыхъ въ культурныхъ странахъ Европы и не слыхали. Возьмите, напр., тѣхъ спеціалистовъ, которыя берутся украсить дома и комнаты цвѣтами, и вы увидите, что именно только въ рукахъ настоящихъ артистовъ всѣ эти хризантемы, лиліи, піоны и другіе красавцы растительнаго царства могутъ принимать тѣ непринужденныя, неожиданныя, но вмѣстѣ чарующія позы, которыя имъ придаютъ здѣсь, гдѣ использованы не только яркіе лепестки, но и изящныя очертанія вѣтокъ и смѣлые и опредѣленные контуры листьевъ. Такимъ же художникомъ является и японскій садовникъ, у котораго на изученіе профессіи уходятъ многіе годы упорнаго труда. Нерѣдко ему приходится имѣть дѣло съ задачей развернуть на площади нѣсколькихъ квадратныхъ аршинъ цѣлый миніатюрный паркъ: съ зарослями различныхъ породъ деревъ, съ веселыми лужайками, блестящими прудами, говорливыми ручейками и водопадами, кокетливыми мостами и заманчивыми бесѣдками и гротами.

Разрѣшить эту сложную задачу можно только путемъ истиннаго артистическаго вдохновенія при сильномъ и яркомъ воображеніи. Это же чувство, такъ сказать, декоративнаго такта бросается въ глаза повсюду: и въ одеждѣ маленькихъ дѣтей, и въ нарядѣ гейшъ, и во внутреннемъ убранствѣ дома, и въ уличной обстановкѣ... Декоративное искусство поддерживается здѣсь можно сказать религіознымъ настроеніемъ; безпорядкомъ, грубостью формы, отсутствіемъ изящества оскорбляется здѣсь въ человѣкѣ не только эстетическое чувство, а нѣчто большее: то благоговѣніе, съ которымъ здѣсь относятся къ красотѣ. Эстетическіе таланты японцевъ придаютъ на міровой сценѣ индивидуальныя черты ихъ національному характеру. Пускай они войдутъ въ семью культурныхъ народовъ равноправными членами, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ они удержатъ и всѣ свои индивидуальныя особенности. Отъ этого и міровой прогрессъ и прогрессъ страны Восходящаго Солнца только выиграетъ... Вотъ почему друзья Японіи съ безпокойствомъ приглядываются къ той обстановкѣ, въ которую японское искусство попало съ момента выступленія его на міровую сцену. Мы уже видѣли, что этотъ моментъ принесъ въ японскую жизнь много существенныхъ соціальныхъ измѣненій. Искусство же вездѣ связано тѣснѣйшимъ образомъ съ соціальнымъ строемъ страны... И, дѣйствительно, если съ одной стороны свободныя политическія формы, которыя проведены были въ государственный строй Японіи, должны были благодѣтельно отозваться на личности художника, а слѣдовательно и на его творчествѣ,

то съ другой стороны эта же волна реформъ смыла цѣлый классъ меценатовъ—дайміосовъ. Подъ крылышкомъ этихъ меценатовъ въ странѣ существовали сотни художниковъ, не знавшихъ надъ собою ничего, кромѣ свободнаго личнаго творчества. Теперь жизнь отняла эти богатства у старыхъ княжескихъ домовъ, изъ вѣка въ вѣкъ покровительствовавшихъ художникамъ и ставившихъ фамильной заслугой своихъ родовъ цѣлый рядъ артистическихъ произведеній, появившихся, благодаря помощи, оказываемой ими художникамъ. Теперь центръ экономическаго благосостоянія передвинулся къ другимъ соціальнымъ группамъ, не обладающимъ уже такимъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, не связаннымъ съ роднымъ искусствомъ своими фамильными преданіями. Искусство осталось, такимъ образомъ, безъ могущественныхъ и богатыхъ покровителей. Оно вынуждено было стать лицомъ къ лицу съ требованіями мірового рынка. Рукою артиста начало руководить не то тонкое художественное чутье, которое японская нація выносила въ своей душѣ въ теченіи многихъ сотенъ лѣтъ, а грубый и невоспитанный вкусъ мірового рынка, на которомъ преобладали запросы такихъ нехудожественныхъ націй, какъ Англія и Соединенные Штаты Америки. Ясное дѣло, что такое положеніе дѣла не могло не отразиться невыгодно на дальнѣйшемъ развитіи японскаго искусства и пониженіемъ вкуса, и менѣе удовлетворительнымъ исполненіемъ поставленныхъ художникомъ себѣ задачъ. Однако, это вырожденіе японскаго искусства, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не пошло еще далеко въ глубь японской жизни. Для потребностей мірового рынка; для тѣхъ невоспитанныхъ эстетически націй, которыя не понимаютъ настоящаго искусства, а требуютъ разныхъ поддѣлокъ подъ него, японскій художникъ, конечно, за хорошія деньги готовитъ негодныя со своей точки зрѣнія вещи. Для внутренняго же рынка онъ имѣетъ всегда про запасъ прежніе chef'd'oeuvre'ы своего искусства. Тѣмъ не менѣе опасность приниженія японскаго искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и японской индивидуальности при нынѣшнихъ условіяхъ все еще имѣетъ мѣсто, и сознательные элементы страны позаботились организовать общество, которое поставило своей задачей поддержку и развитіе національнаго японскаго искусства. Появленіе подобнаго общества былъ тѣмъ болѣе современно, что наряду съ только что указанными экономическими причинами, толкавшими японское искусство съ національнаго пути развитія, въ Странѣ Восходящаго Солнца одно время царило особенное пристрастіе ко всему европейскому,

благодаря чему національное искусство опять-таки сильно проигрывало. Само собою разумѣется, что проведеніе въ жизнь принциповъ истиннаго европейскаго искусства, а не его рыночныхъ суррогатовъ, могло бы только благодѣтельно отозваться на ростѣ и развитіи національнаго японскаго искусства подъ непремѣннымъ условіемъ бережнаго отношенія къ этому послѣднему. Такая школа иностраннаго искусства и была организована самимъ правительствомъ.

IV.

Волна политическаго и экономическаго обновленія выбросила въ Японіи на поверхность общественной жизни новую потребность—потребность въ болѣе тѣсномъ общеніи различныхъ частей страны между собой, въ болѣе быстромъ передвиженіи по лицу Страны Восходящаго Солнца, какъ ея обитателей, такъ и продуктовъ производства. Отъ временъ феодализма Японія въ этомъ отношеніи получила очень небольшое наслѣдство. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. правда, были недурныя дороги, но онѣ были почти вездѣ приспособлены больше къ нуждамъ администраціи, чѣмъ къ потребностямъ производительной части страны. Впрочемъ, хорошо развитое прибрежное судоходство, чрезвычайно изрѣзанная береговая линія морского берега до нѣкоторой степени возмѣщали этотъ недостатокъ сухопутныхъ дорогъ. Однако, при ускоренномъ пульсѣ общественной жизни уже не представлялось возможнымъ оставлять внутреннія части страны обреченными на ту изоляцію, въ которой онѣ пребывали безъ хорошо развитой системы внутреннихъ путей сообщенія. Нужда въ этомъ особенно чувствовалась благодаря почти полному отсутствію на японскихъ островахъ сколько нибудь значительныхъ сухопутныхъ рѣкъ. И японское правительство, дѣйствительно, обратило серьезное вниманіе на пути сообщенія въ своей странѣ.

Въ настоящее время прежде всего проведена въ жизнь цѣлая система колесныхъ дорогъ. Такъ, вокругъ каждаго острова имѣется береговая дорога, большею частью мощеная или шоссированная и сопровождаемая телеграфомъ. Затѣмъ установленъ цѣлый рядъ поперечныхъ путей, при чемъ всѣмъ имъ приходится имѣть дѣло съ сильными уклонами. Движеніе по этимъ дорогамъ совершается при помощи вьючныхъ животныхъ, дженирикшей и кули, которые переносятъ пассажировъ въ каго. Это послѣднее представляетъ изъ себя сидѣнье

вродѣ нашего кресла, привязаннаго спереди и сзади веревками къ бамбуковому шесту. Путешественникъ садится туда на икрахъ и, если не отличается слишкомъ маленькимъ ростомъ, то вынужденъ держаться согнутаго положенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему грозитъ постоянная опасность стукаться о шестъ, который своими концами опирается на плечи носильщиковъ.

Колесныя дороги находятся, по свидѣтельству г. Гессе-Вартега, далеко не въ блестящемъ состояніи. Частыя землетрясенія и наводненія производятъ на нихъ большія опустошенія, послѣ которыхъ требуются большія затраты на ремонтъ, а между тѣмъ правительство почти все свое вниманіе устремляетъ на развитіе желѣзнодорожной сѣти, которая и развертывается съ выдающимся успѣхомъ.

Первая желѣзнодорожная линія была открыта въ 1872 г. между Токіо и Іокогамой. Ея протяженіе равнялось всего 27 нашимъ верстамъ. Первыми строителями желѣзнодорожнаго пути въ Японіи были, конечно, иностранцы. Но затѣмъ положеніе дѣла быстро измѣнилось. Теперь все желѣзнодорожное дѣло находится въ рукахъ японцевъ: они проектируютъ линію, руководятъ работами, завѣдуютъ мастерскими, заполняютъ всѣ многочисленныя мѣста желѣзнодорожнаго персонала, изготовляютъ на своихъ заводахъ вагоны, а отчасти и рельсы, и прочіе предметы желѣзнодорожнаго хозяйства. Сначала наростаніе желѣзнодорожной японской сѣти шло медленно. И, дѣйствительно, японское желѣзнодорожное строительство должно было преодолѣть множество всякихъ затрудненій: пролагать частые тунели, содержать большіе мосты на рѣкахъ, подвергающихся частымъ разливамъ и т. д. Но какъ бы тамъ ни было, въ серединѣ 1880 г. эксплоатировалось 110 верстъ пути; къ серединѣ 1885 г.—396 вер., къ концу марта 1890 г. — 1.718 вер , черезъ пять лѣтъ 3.195 вер., еще черезъ шесть лѣтъ 5.579 вер., а въ 1903 г. свыше 6.300 вер. Такимъ образомъ въ среднемъ за шестилѣтіе 1895 —1901 г. ежегодно открывалось для движенія 452 вер.

Первоначально желѣзнодорожнымъ строительствомъ занималось исключительно правительство. Но затѣмъ очень быстро выступаютъ на сцену акціонерныя компаніи. Первая изъ нихъ получила разрѣшеніе на постройку линіи Токіо-Аомори въ 1881 г. Особенная желѣзнодорожная горячка охватила японское общество послѣ японско-китайской войны въ 1896—1897 г., когда появилось множество дутыхъ, чисто спекулятивныхъ предпріятій. Это обстоятельство за-

ставило правительство обратить серьезное вниманіе на желѣзнодорожное строительство. Различныя правила и законы были собраны, пересмотрѣны и приведены въ порядокъ. Въ настоящее время акціонернымъ компаніямъ законъ предъявляетъ рядъ строгихъ требованій.

Акціонерное желѣзнодорожное строительство сдѣлало въ Японіи весьма значительные успѣхи. Почти $^3/_4$ всего желѣзнодорожнаго полотна принадлежитъ частнымъ компаніямъ. Въ японскія желѣзныя дороги вложены только средства японскихъ капиталистовъ. И эти средства по состоянію японскаго денежнаго рынка надо признать весьма значительными. А именно правительствомъ въ желѣзнодорожное дѣло употреблено (1902 г.) 127 милліоновъ іенъ слишкомъ, а частными компаніями 219.709.432 іенъ, а всего 346.877.284 іенъ. Если принять во вниманіе, что во всей имперіи къ указанному времени существовало 8.598 компаній съ общимъ капиталомъ въ 779 милліоновъ іенъ, то мы увидимъ, что наиболѣе богатыя компаніи находятся въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ (въ среднемъ на 1 компанію приходится 8.600.000 іенъ), и что этимъ компаніямъ принадлежитъ почти треть капиталовъ всѣхъ компаній, выступившихъ въ промышленную жизнь страны. Интересно также отмѣтить, что японцы сохранили свое пристрастіе къ дробленію капиталовъ даже въ этой области промышленности, гдѣ, повидимому, особенно выгодной является концентрація капиталовъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже средніе размѣры акціонернаго капитала оказываются весьма незначительными по тому размаху затратъ, которыя требуются въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Еще поучительнѣе располагаются въ этомъ отношеніи цифры, если мы раздѣлимъ компаніи по количеству миль полотна, имъ принадлежащихъ. Оказывается, что громадное большинство желѣзнодорожныхъ компаній (болѣе $^3/_4$) обладаетъ линіями, которыя по своему протяженію не превышаютъ 50 миль. Въ среднемъ же на одну компанію приходится 99 миль.

Постройка различныхъ участковъ и различныхъ желѣзнодорожныхъ линій обходилась въ Японіи далеко неодинаково. Въ однихъ мѣстахъ удавалось выстроить миллю (1,5 вер.) желѣзнодорожнаго пути за 30.000 іенъ, въ другихъ — та же самая стоимость достигала до 440.000 іенъ. Такія огромныя колебанія опредѣляются цѣлымъ рядомъ факторовъ: рыночной цѣной предметовъ, необходимыхъ для оборудованія линіи, заработной платой, которая сильно мѣняется въ зависимости отъ того, проходитъ ли

желѣзная дорога по густонаселеннымъ или по безлюднымъ мѣстностямъ и, наконецъ, главнымъ образомъ, отъ рельефа мѣстности. Въ, общемъ же нельзя не признать, что японцамъ удалось выстроить свою желѣзную дорогу чрезвычайно дешево; въ среднемъ верста обходилась 51.604 руб.

Однако, не смотря на эту дешевизну, дороги оказались оборудованными весьма основательно. „Все-таки“, — замѣчаетъ г. Гессе Вартегъ, — „невольно удивляешься, когда видишь, какъ хорошо функціонируютъ желѣзныя дороги въ Японіи“... Такъ, не смотря на крайне дешевый пассажирскій тарифъ (третій классъ 1 сенъ за 1,5 версты: дешевле, напр., чѣмъ въ Германіи); не смотря на то, что главный заработокъ, желѣзнодорожныхъ линій извлекается изъ пассажирскаго движенія, чистая прибыль въ послѣдніе годы достигла для государственныхъ желѣзныхъ дорогъ 8,4%, для частныхъ 8,2% на затраченный капиталъ. Для того, чтобы понять, насколько это высокая прибыль, надо припомнить, что въ Россіи государственныя желѣзныя дороги даютъ убытокъ; что въ Англіи прибыль получаемая желѣзно-дорожными компаніями равняется 3,41%, во Франціи—4,21%, въ Германіи—6,00%.

Мы уже говорили, что доходы желѣзныхъ дорогъ опредѣляются главнымъ образомъ пассажирскимъ движеніемъ, и въ этомъ отношеніи японскія желѣзныя дороги еще значительно отличаются отъ европейскихъ дорогъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ во Франціи доходъ отъ перевозки товаровъ былъ больше дохода отъ пассажирскаго движенія почти въ 1,8 разъ, въ Англіи въ 1,6, въ въ Германіи въ 2,6 разъ, въ Японіи онъ едва превышалъ половину того, что получалось отъ пассажирскаго движенія. Впрочемъ, за послѣдніе годы онъ проявляетъ ясную тенденцію къ повышенію, т. е. эксплоатація желѣзно-дорожной сѣти все больше и больше принимаетъ характеръ эксплоатаціи европейскихъ дорогъ; вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше сокращается пробѣгъ въ миляхъ, падающій въ среднемъ на одного пассажира, и увеличивается пробѣгъ, падающій въ среднемъ на одну милю. Въ общемъ интенсивность работы японской желѣзнодорожной сѣти будетъ характеризоваться слѣдующими цифрами: на душу населенія приходится въ среднемъ 2,39 путешествующихъ и 40,5 миль, сдѣланныхъ пассажирами по желѣзной дорогѣ; товарное же движеніе даетъ 0,3 тонъ на 1 душу населенія и 16,4 миль, сдѣланныхъ тонной товара.

Къ недостаткамъ движенія можно отнести сравнительную медленность движенія: пассажирскій поѣздъ дѣлаетъ здѣсь въ часъ въ среднемъ 18 миль (приблизительно то же, что у насъ), тогда какъ въ Англіи скорость пассажирскаго движенія колеблется въ предѣлахъ отъ 19 до 28 миль; но не надо забывать, что японскія линіи — узкоколейныя, самой своей конструкціей обреченныя на тихоходность; такъ въ Индіи на такихъ же узкоколейныхъ линіяхъ пассажирскіе поѣзда дѣлаютъ лишь по 16 миль въ часъ. Затѣмъ при движеніи поѣздовъ не соблюдается европейской точности. „Если японцы", — замѣчаетъ г. Гессе Вартегъ, — объявляютъ, что уже „тадейма" или „сугуни", т. е. „пора", то поѣздъ все-таки стоитъ еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ двинуться въ путь; неудивительно поэтому, если поѣзда здѣсь зачастую опаздываютъ"... Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе большое число несчастныхъ случаевъ, происходящихъ на линіяхъ японскихъ желѣзныхъ дорогъ. Число убитыхъ и раненыхъ при желѣзно-дорожныхъ катастрофахъ неуклонно возрастаетъ и относительно гораздо выше того, что мы имѣемъ въ европейскихъ странахъ. Такъ, въ 1901 г. было убито при этихъ катастрофахъ 903 человѣка и ранено 1.030. Но опять-таки есть надежда, что всѣ эти неблагопріятныя стороны желѣзнодорожнаго дѣла постепенно будутъ уменьшаться, такъ какъ японцы очень зорко слѣдятъ за всѣми улучшеніями и усовершенствованіями въ данной области.

Въ общемъ оборудованіе желѣзнодорожныхъ японскихъ линій слѣдуетъ признать вполнѣ достаточнымъ. Въ среднемъ на 100 миль приходится здѣсь 33,5 локомотивовъ, 112,5 пассажирскихъ вагоновъ и 492,3 товарныхъ вагоновъ. Однако, самая сѣть обслуживаетъ территорію имперіи микадо далеко неравномѣрно. Дѣйствительно, на Хоншу на каждыя 100 кв. миль пространства приходится 3,67 миль желѣзнодорожнаго пути, на Кіу-сіу — 3,07, на Хоккаидо — 1,16, на Сикоку — 1,08, а въ среднемъ — 2,75. На 10.000 жителей соотвѣтственныя среднія будутъ 0,74, 0,52, 3,48, 0,20, 0,72. Эта неравномѣрность, конечно, отражается въ значительной мѣрѣ на продуктивности работы всей сѣти японскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Желѣзнодорожное дѣло должно прогрессировать въ Японіи и дальше уже въ силу того, что рѣки Японіи, какъ мы уже говорили, очень рѣдко представляютъ удобные пути сообщенія по своему короткому протяженію, и по своему горному, бурному теченію. Благодаря этому, японскому правительству не столько приходится заботиться о

томъ, чтобы сдѣлать эти рѣки судоходными, сколько защищать населеніе отъ всѣхъ ужасовъ и бѣдствій внезапныхъ наводненій горныхъ рѣчекъ. И мы видимъ, что правительство дѣйствительно, затрачиваетъ ежегодно милліоны іенъ на укрѣпленіе рѣчныхъ береговъ. Впрочемъ, гдѣ возможно, не упускаются изъ виду и интересы судоходства. Образчикомъ такихъ заботъ со стороны правительства является сооруженіе замѣчательнаго канала, соединяющаго воды озера Бива съ рѣкой Камо-гава.

Но, если Страна Восходящаго Солнца бѣдна внутренними водными путями сообщенія, то береговая линія ея богата безчисленными бухтами и заливами и обладаетъ всѣми данными для развитія морской державы. Однако, еще полъ-столѣтія тому назадъ въ Японіи не было морского флота, и законъ въ теченіи цѣлаго ряда столѣтій строго преслѣдовалъ всякую попытку къ постройкѣ большихъ морскихъ судовъ и посѣщенію заморскихъ странъ. Особенно энергично торговымъ флотомъ занялось правительство микадо, послѣ китайско-японской войны. Въ 1895 г. былъ изданъ законъ, по которому казною выдается премія въ 20 іенъ за тонну каждому желѣзному и стальному пароходу, водоизмѣщеніе котораго окажется свыше 1.000 тоннъ и который будетъ выстроенъ японцами и изъ японскихъ матеріаловъ; для пароходовъ же меньшей вмѣстимости премія опредѣлялась лишь въ 12 іенъ за тонну. Благодаря этой системѣ поощренія, японскій флотъ достигъ весьма значительныхъ размѣровъ въ очень короткое время. Въ 1903 г. всѣхъ суд. имѣющихъ свыше 100 т., насчитывалось 1.586; ихъ вмѣстимость была 727 тыс. тоннъ. Въ этомъ числѣ пароходовъ было 544 съ чистою вмѣстимостью въ 366 тыс. тоннъ и общею вмѣстимостью въ 586 тыс. тоннъ. Число парусныхъ судовъ равнялось 1042 вмѣстимостью въ 141 тыс. тоннъ. Половина всѣхъ пароходовъ были стальная. Такимъ образомъ правительственныя субсудіи сыграли свою роль. Онѣ теперь сокращаются, не смотря на то, что по сравненію съ торговыми потребностями страны, судостроенію еще придется и дальше развиваться съ такою же силой. Такъ въ 1902 г. всѣхъ судовъ (свыше 100 тоннъ) въ Японіи было построено лишь 49 съ вмѣстимостью въ 16 тыс. тоннъ; въ этомъ числѣ было 16 пароходовъ съ вмѣстимостью въ 16 тыс. тоннъ. Главнымъ центромъ частнаго судостроенія является Нагасаки на о-вѣ Кіусіу. Доки же для поправки судовъ находятся во многихъ портахъ. Само собою разумѣется, что уже при данныхъ размѣрахъ судостроенія странѣ пришлось вложить въ это дѣло весьма значительные капиталы. Такъ уже въ 1900 г. въ судостроеніи насчитывалось 14 ком

паній съ совокуннымъ паринательнымъ капиталомъ въ 10.627 тыс. іенъ.

Та же система премій установлена была правительствомъ не только въ области судостроенія, но и въ области мореходства. Установлена была система спеціальныхъ соглашеній съ отдѣльными пароходными компаніями, которымъ выдаются ежегодно значительныя суммы (въ 1901—1902 г., напр., 6 мил. іенъ), подъ условіемъ содержанія извѣстныхъ регулярныхъ рейсовъ на пароходахъ, для которыхъ этими же условіями опредѣлена минимальная вмѣстимость и минимальная скорость хода. Благодаря этимъ субсидіямъ, образовалось нѣсколько крупныхъ пароходныхъ компаній, изъ которыхъ Ниппонъ-Юссенъ-Кайса (японское общество пароходства) является однимъ изъ крупнѣйшихъ предпріятій этого рода въ мірѣ (въ 1902 г. оно имѣло 70 пароходовъ общею вмѣстимостью въ 242.174 тоннъ-брутто). Рейсы сначала были установлены съ Азіей, главнымъ образомъ съ Владивостокомъ, Шанхаемъ, Тянь-дзинномъ, Ньючжуаномъ. Затѣмъ, съ 1895 г. японскіе пароходы стали ходить въ Европу (Марсель, Лондонъ, Антверпенъ), а съ 1896 г. въ Америку (Санъ-Франциско, Сіэтль). Впрочемъ, участіе японскаго флота въ сношеніяхъ между Европой и Азіей все же надо считать весьма незначительнымъ: такъ, изъ всѣхъ судовъ, проходящихъ черезъ Суэзскій каналъ, японскія составляютъ лишь около 2%. Да и поддерживаются эти рейсы исключительно только, благодаря щедрой помощи со стороны правительства, которое надѣется со временемъ съ лихвою вернуть свои затраты.

Почтово-телеграфныя сношенія также являются показателемъ замѣчательнаго прогресса Японіи. Основы современной почтовой организаціи стали проводиться въ жизни съ самаго начала эпохи великихъ реформъ, и уже въ іюнѣ 1877 г. Японія присоединилась къ международному почтовому союзу. Японская почта отличается замѣчательной дешевизной: съ 1899 г. закрытое письмо въ предѣлахъ имперіи передвигалось за марку въ 3 сена (около 3 коп. на наши деньги), открытое же письмо стоило $1^1/_2$ сена. Раньше же почтовыя сношенія оплачивались еще дешевле. Ростъ и размѣры почтовыхъ операцій можно видѣть изъ слѣдующей таблички.

	Закрытыхъ писемъ.	Открытыхъ писемъ.	Газетъ и журналовъ.
1892 г. . . .	74.991.639	133.260.804	50.829.871
1897 „ . . .	148.254.148	287.069.246	88.266.273
1901 „ . . .	190.951.188	436.673.345	139.116.263

Прекрасно работаютъ также почтово-сберегательныя кассы: къ концу 1902 г. въ нихъ лежало 27.196.802 іенъ на имя 2.363 335 лицъ.

Телеграфъ также появляется съ самаго начала эры Менджи. Но въ первое время населеніе относилось къ нему даже враждебно; однако съ конца семидесятыхъ годовъ телеграфное дѣло начало развиваться очень быстро, и въ настоящее время телеграфными кабелями связаны всѣ крупнѣйшіе острова имперіи микадо. Телеграфъ проложенъ даже въ Корею. Въ 1902—1903 гг. всѣхъ телеграфныхъ станцій было 2.198, а число телеграммъ, посланныхъ въ этотъ годъ достигло 17.635.461. Японскій телеграфъ воспользовался и пользуется для своей организаціи всякимъ послѣднимъ словомъ науки.

За послѣднія десять лѣтъ большое развитіе въ Странѣ Восходящаго Солнца получила и телефонная сѣть.

Для развитія крупной фабрично-заводской промышленности въ Японіи многое сдѣлало само правительство микадо. Уже въ самомъ началѣ эпохи великихъ реформъ оно начало устраивать заводы по европейскому образцу: были выписаны новѣйшія машины, были приглашены иностранные мастера. Первоначально государство было озабочено лишь тѣмъ, чтобы самому обезпечить свои наиболѣе важныя потребности. Такъ появились государственные оружейные и пороховые заводы, мастерскія для изготовленія одежды и сапогъ для арміи, монетный дворъ, верфи, типографіи. Но оно не ограничилось этой спеціальной задачей. Оно поставило своей цѣлью, по возможности, освободить страну отъ иностраннаго ввоза. Оно основало поэтому цѣлый рядъ стеклянныхъ и цементныхъ заводовъ, бумажныхъ фабрикъ, бумагопрядилень и т. д. Всѣ эти предпріятія, само собою разумѣется, мало по малу перешли въ руки частныхъ предпринимателей. Но инициатива правительства не пропала даромъ для японскаго общества: она разбудила инициативу общественную, она указала капиталистамъ японскимъ, куда слѣдуетъ направить первые шаги въ области крупной фабрично-заводской дѣятельности, она привлекла въ эту сферу дѣятельности частные капиталы. Съ тѣхъ поръ развитіе фабрично-заводской дѣятельности въ Японіи идетъ быстрыми шагами впередъ; особенные же успѣхи она сдѣлала за послѣднее дѣсятилѣтіе послѣ Японско-Китайской войны, когда фабрично-заводское производство увеличилось не только въ количественномъ отношеніи, но и въ качественномъ, и японскіе товары начали понемногу вытѣснять соотвѣтствующіе европейскіе товары.

Но какъ бы ни были велики эти успѣхи по сравненію съ тѣмъ, что на островахъ Страны Восходящаго Солнца было всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе въ семьѣ капиталистическихъ государствъ Европы и Америки Японія все еще занимаетъ очень скромное мѣсто. Такъ число фабрикъ и заводовъ въ 1900 г. было всего 7172 при 4727 паровыхъ машинъ съ 84816 лош. силами. При этомъ было замѣчено, что, не смотря на увеличеніе числа заводовъ и фабрикъ, число паровыхъ машинъ уменьшилось, а сила ихъ увеличилась. Такимъ образомъ малосильныя машины все больше и больше вытѣсняются болѣе сильными машинами, а это обстоятельство является прямымъ доказательствомъ того, что японскій капитализмъ дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи на территоріи имперіи Микадо. Къ этому же убѣжденію приводятъ и движеніе числа рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Концентрація производства сказывается на томъ, что не смотря на увеличеніе числа фабрикъ и заводовъ число рабочихъ одно время замѣтно сократилось. Такъ въ 1896 г. фабрикъ и заводовъ было 6370 при 415520 рабочихъ, въ 1900 же году на 7172 фаб. и зав. было 388298 рабочихъ.

Но концентраціи японскихъ капиталовъ сильно мѣшаетъ національная склонность японцевъ замыкаться при торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ въ рамки семейныхъ отношеній. Благодаря этому въ большинствѣ случаевъ компаніи получаются мелкія съ небольшими капиталами. Характеристику промышленности съ этой стороны можетъ дать нижеслѣдующая таблица.

Въ году.	Было занято мануфактурной промышленностью компаній.	Съ капиталомъ.
1900	2554	216.766.903 іенъ
1899	2253	222.673.634
1898	2164	183.657.046
1897	1881	165.232.633
1890	1367	143.617.530

Оказывается, что въ то время какъ на одну кампанію въ 1890 г. въ среднемъ приходилось около 100.000 іенъ, въ 1900— лишь около 85 000 іенъ. Такимъ образомъ, указанная особенность японскаго характера нисколько не уступила даже передъ натискомъ капитализма.

Изъ отдѣльныхъ видовъ фабрично-заводской промышленности особенно сильный ростъ проявило бумагопрядильное производство. Такъ

Въ году.	Число компаній.	Число веретенъ.	Количество спряденнаго хлопка въ кваннахъ.
1893 . . .	40	381.781	10.666.744
1901	81	1.181.762	33.115.829

Нѣкоторыя изъ промышленныхъ областей выпрядаютъ хлопка на весьма значительныя суммы. Такъ въ Осакѣ ежегодная выработка превышала за послѣднее время 12.000.000 іенъ въ годъ, Хойого около 5 милліоновъ въ годъ, Окайяма около 4 милліоновъ, Токіо, Мійе, Аичи-каждое свыше 2 милліоновъ въ годъ и т. д. Для капиталистовъ эта одна изъ самыхъ выгодныхъ отраслей промышленности, такъ какъ даетъ довольно прочный и высокій дивидентъ. Бумагопрядильная промышленность стала, поэтому, на прочную почву, и вопросъ о сырьѣ для этой промышленности является весьма существеннымъ вопросомъ для Японіи. Вотъ почему Японія, кромѣ ввознаго хлопка (изъ Британской и Голландской Индіи, Китая, Египта и Соединенныхъ Штатовъ), старается все больше и больше культивировать это растеніе и на своихъ собственныхъ плантаціяхъ. Впрочемъ на островахъ японскаго архипелага оказывается сравнительно немного мѣста пригоднаго для разведенія хлопчатника.

Такую же выдающуюся позиціи заняло въ послѣдніе годы и спичечное производство. Въ 1900 г. этимъ дѣломъ занималось 36 компаній съ капиталомъ въ 7.858.000 іенъ. Спички японскіе отличаются необычайной дешевизной (3—4 сена за пачку въ 10 коробокъ) и совершенно завладѣли рынками Дальняго Востока. Громадная доля производства (отъ 75% до 90%) предназначается для вывоза,—главнымъ образомъ въ Индію и Австралію.

Приведенными примѣрами достаточно ясно и конкретно обрисовывается ростъ фабрично-заводской дѣятельности въ Японіи. О различныхъ сторонахъ крупной фабрично-заводской промышленности намъ не разъ приходилось говорить выше по разнымъ поводамъ, и мы здѣсь повторяться не будемъ. Замѣтимъ лишь, что именно эти успѣхи въ данной области и вызвали шумные разговоры о „желтой опасности“. Тревогу впервые забили европейскіе торговцы и промышленники, когда японскіе товары начали вдругъ конкурировать на рынкахъ Дальняго Востока съ товарами европейскими. Несомнѣнно, что во всѣхъ этихъ опасеніяхъ много преувеличеннаго. Если Японія и сдѣлала замѣчательные успѣхи въ области торгово-промышленныхъ предпріятій, то, повторяемъ, ея доля производства въ семьѣ торгово-промышленныхъ государствъ все еще

совершенна ничтожна, и едва ли будетъ такъ скоро страшна колоніальной политикѣ Европы. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Японія постоянно чувствуетъ значительный недостатокъ въ свободныхъ капиталахъ.

По мѣрѣ того, какъ росли и развивались производительныя силы страны, увеличивалась и ея внѣшняя торговля. Такъ въ 1868 г. весь вывозъ изъ Японіи исчислялся въ 15.553.437 іенъ, а ввозъ въ 10.693.072 іенъ, а въ 1903 г. вывезено изъ Японіи товаровъ было на 289.502.442 іенъ, а ввезено на 317.135.517, т. е. первый за 35 лѣтъ увеличился почти въ 20 разъ, а второй въ 30 разъ. Главный вывозъ составляетъ шелкъ (въ видѣ ткани, нитокъ и сырого матерьяла) почти на 114 милліоновъ іенъ, затѣмъ продукты хлопчатобумажнаго производства почти на 40 милліоновъ іенъ, далѣе металлы и металлическое производство приблизительно на 18 милліоновъ іенъ, чай—почти на 14 милліоновъ іенъ. Шелкъ идетъ главнымъ образомъ въ Соединенные Штаты и во Францію, хлопчатобумажная пряжа въ Китай, Гонъ-Конгъ и Корею; каменный уголь—въ Китай, Гонъ-Конгъ и Британскую Индію; мѣдь въ Гонъ-Конгъ, Англію, Германію и т. д. Изъ предметовъ ввоза наиболѣе важными являются машины, желѣзные товары, нефть, сахаръ, хлопчатникъ въ сыромъ видѣ, хлопчатобумажные и шерстяные фабрикаты. Среди машинъ на первомъ мѣстѣ мы находимъ локомотивы и машины, необходимыя въ хлопчатобумажномъ производствѣ.

По внѣшней торговлѣ съ Японіей въ 1903 г. первое мѣсто занимали Соединенные Штаты, оборотъ которыхъ достигъ почти до 129 милліоновъ іенъ (83 мил. вывозъ и 46 мил. ввозъ), затѣмъ идетъ Китай (110 мил. іенъ), Британская Индія (78 мил. іенъ), Великобританія (65 мил. іенъ) и т. д. Европейская Россія же по торговлѣ съ Японіей занимало одно изъ послѣднихъ мѣстъ: вывозъ приблизительно на 1.125.000 іенъ, а ввозъ всего только на 290.000 іенъ; Сибирь, однако, принимала значительно большее участіе: вывозъ приблизительно на 2.240.000 іенъ, ввозъ на 8.268.000 іенъ.

Развитіе всей этой внѣшней торговли очень сильно отразилось на цѣнахъ предметовъ первой необходимости. Такъ за четырнадцать лѣтъ (съ 1887 по 1901 г.) цѣны на рисъ, саке, каменный уголь и дрова болѣе, чѣмъ удвоились, а на остальныя предметы потребленія также возросли весьма значительно.

Но если эпоха великихъ реформъ въ Японіи принесла съ собою развитіе промышленныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное обогащеніе страны, то она же очень быстро заставила поднять и государственный бюджетъ. Еще въ 1893 г. бюджетъ этотъ равнялся всего 85.883.080 іенъ, а черезъ десять лѣтъ въ 1903 г. онъ былъ исчисленъ уже 273.630.876 іенъ, т. е. увеличился больше, чѣмъ въ три раза. Однако по сравненію съ другими государствами обложеніе здѣсь оказывается еще очень низкимъ. Возьмемъ хотя бы Россію. Ея бюджетъ въ 9 разъ больше бюджета Японіи, въ то время какъ населеніе лишь въ три раза больше. Такимъ образомъ, у насъ на душу населенія падаетъ въ три раза больше податей и налоговъ, чѣмъ въ странѣ Восходящаго Солнца. Къ этому надо прибавить, что Японія провела у себя такую фискальную систему, „которой“,—говоря словами извѣстнаго финансиста Роберта Гиффина,—„можетъ позавидовать любая прогрессивная европейская страна. Налоги большею частью прямые и распредѣлены крайне справедливо, а подоходный налогъ—образецъ справедливости“. Нижеслѣдующая таблица даетъ распредѣленіе бюджета по статьямъ.

Налоги:		
поземельный	46,85	мил. іенъ.
подоходный	6,11	
промысловый	6,60	
Акцизъ:		
съ крѣпкихъ напитковъ	63.81	
„ сои	3,33	
Таможенныя пошлины	17,04	
Акцизъ и тамож. пошл. съ сахара	6,08	
Прочіе внутренніе налоги	3,62	
Итого налоговъ	153,44	
Штемпельные сборы	14,30	
Почта, телеграфъ	25,86	
Лѣса	2,92	
Табачная монополія	11,73	
Желѣзнодорожный (чистый) доходъ	8,82	
Прочіе доходы отъ государственныхъ предпріятій и имуществъ	2,50	
		52,81
Всего нормальныхъ доходовъ		206,25

Государственные расходы въ томъ же бюджетномъ году распадались на слѣдующія статьи.

Содержаніе императорскаго двора	3,00 мил. іенъ.
Министерства:	
иностранныхъ дѣлъ	2,28
внутреннихъ	10,58
финансовъ (по госуд. долгу)	39,90
прочіе	21,86
Путей сообщенія	21,17
Военное	38,43
Морское	21,35
Юстиціи	10,84
Просвѣщенія	4,84
Земледѣлія, пром. и торговли	2,95
Итого обыкновенныхъ расходовъ	177.216.494 іенъ.
Чрезвычайныхъ расходовъ	93.208.001
Всего	270.424.495 іенъ.

Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ служатъ свободные остатки, которыхъ въ 1902—1903 г. было около 50 мил. іенъ, и различные чрезвычайные рессурсы: продажа государственныхъ имуществъ, пособія изъ провинціальныхъ бюджетовъ на общественныя работы, представляющія мѣстное значеніе, китайская контрибуція и займы (внѣшніе и внутренніе).

Приглядываясь къ отдѣльнымъ статьямъ вышеприведеннаго бюджета, мы легко убѣждаемся, что обложеніе въ Японіи, дѣйствительно, очень не велико. Такъ, напр., возьмемъ земельный налогъ. Еще совсѣмъ недавно, въ 1899 г., онъ составлялъ всего лишь 3.3% оцѣночной стоимости и едва равнялся 1% дѣйствительной стоимости земли. Если припомнить при этомъ, что землей крестьянство было надѣлено здѣсь безплатно, безъ всякаго выкупа, то нельзя не согласиться, что земельный налогъ здѣсь очень невеликъ. Затѣмъ подоходный и промысловый налоги падаютъ, главнымъ образомъ, на тѣхъ, кто пользуется улучшенными экономическими условіями страны. Далѣе, почти пятая доля всего бюджета (свыше 50 милл. іенъ) государствомъ получается въ видѣ доходовъ съ его предпріятій и собственности: желѣзныя дороги, почта, телеграфы, телефоны, фабрики, лѣса и т. д. и, слѣдовательно, не обременяетъ населеніе обложеніемъ. Наконецъ, косвенные налоги своей тяжестью падаютъ, главнымъ образомъ, на потребителей саке и табака, а эти предметы потребленія, во всякомъ случаѣ, нельзя считать въ числѣ предметовъ первой необходимости. Нижеслѣдующая табличка показываетъ, какъ развивались различныя финансовые элементы страны по сравненію съ ростомъ населенія.

На 1 душу населенія приходилось

	въ 1892—3 г. іенъ.	въ 1902—3 г. іенъ.
Всѣхъ государствен. доходовъ .	3.33	6.16
Всѣхъ государствен. расходовъ .	2.52	6.15
Обложенія	2.15	3.32
Ввоза	2.35	5.93
Вывоза	2.98	5.64

Скажемъ нѣсколько словъ еще о подоходномъ налогѣ. Его взимаютъ лишь съ тѣхъ лицъ, которыя получаютъ дохода свыше 300 руб. въ годъ. Налогъ этотъ прогрессивный и ведется по слѣдующему расчету.

Лица, получающія отъ	300— 1.000	въ одъ платятъ	1%
	1.000—10.000	„ „	1½
	10.000—20.000	„ „	2
	20.000—30.000	„ „	2½
	30.000 и болѣе	„ „	3

Но всѣ тѣ огромныя преобразованія, которыя были произведены японскимъ правительствомъ, потребовали такихъ большихъ средствъ, которыя можно было получить лишь путемъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ. И дѣйствительно національный долгъ Японіи возросъ очень значительно. Въ 1871 г. онъ былъ всего 4.880.000 іенъ, а въ 1901 г. 547.575.950 іенъ. Однако, и при такихъ условіяхъ этотъ долгъ оказывается незначительнымъ по сравненію съ задолженностью другихъ государствъ. Такъ напр., въ австралійскихъ республикахъ на каждую душу населенія приходится свыше 500 руб. національнаго долга, во Францію свыше 300 руб., въ Великобританіи около 200 руб., въ Россіи около 50 руб., а въ Японіи—менѣе 15 руб. Необходимо замѣтить при этомъ, что по многимъ займамъ плательщикамъ не приходится платить проценты, такъ какъ эти займы вложены въ государственныя предпріятія, приносящія чистый доходъ. Да и вообще, большинство займовъ сдѣлано съ производительными цѣлями, а потому и погашеніе ихъ со всѣми ихъ процентами не отражается тяжело на народномъ хозяйствѣ. И богатства Японіи возрастаютъ неуклонно изъ года въ годъ. Въ настоящее время цѣнность имущества, принадлежащаго японскому государству и его гражданамъ, вычисляется въ 11 мильярдовъ іенъ слишкомъ: въ томъ числѣ 7 мильярдовъ въ землѣ, 1.9 мильярдъ въ строеніи, 0.5 мильярда въ рудникахъ, 0.35 мильярда въ желѣзныхъ дорогахъ, 0.25 въ военномъ и торговомъ флотѣ и т. д. Напомнимъ, что статистикъ Mulhall считаетъ всѣ богатства Россіи равными приблизительно 65 мильярдамъ. Такимъ образомъ, оказывается, что государственный бюджетъ

Японіи поглощаетъ ежегодно около 2% ея богатства, въ Россіи же около 3%.

Всѣ эти данныя достаточно ясно показываютъ, что экономическій прогрессъ Японіи идетъ быстрыми шагами впередъ и что опирается онъ на прочную базу широкаго народнаго развитія и разумнаго государственнаго управленія, которое несомнѣнно въ ближайшее же время подвергнется дальнѣйшей демократизаціи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббъ, вождь рабочаго движенія 84.
Административная юстиція 105.
Айкоку (патріотич. общ.) 122.
Аматеразу 32, 34.
Аристократія 101.
Армія и флотъ 145.
Артистическія вещицы 12.
Берега; поднятіе ихъ 3.
Береговая линія 1.
Бракъ 47.
Буддизмъ 38, 43.
Буржуазія 95.
Бушидо 16.
Бюджетъ госуд. 211.
Бюрократія 136.
Ванны ежедневныя 12.
Внѣшкольное образованіе 183.
Воды прѣсныя 4.
Военное воспитаніе 177.
Воинская повинность 146.
Воспитаніе 186.
Всеобщность начальнаго обученія 151.
Вулканы 2.
Выборные округи 108.
Выборныя преступленія 111.
Выкупные платежи 100.
Выставки 71.
Вѣжливость 13.
Гейши 196.
Гетеризмъ 20.
Гимназіи женскія 165.
Гордость 16.
Горное дѣло 68.
Города; ростъ ихъ 73.
Горы 2.
Гохеи 35.
Гродзуки (бандиты) 142.
Губернаторъ 138.
Гунданъ 193.
Гунчо 138.
Гуны 135.
Дворянство 99.
Денежное хозяйство 57.
Дженерикша 88.
Джимму 32.
Джіуто (либеральная партія) 122, 124.
Джояку 135.
Домашнее хозяйство; (его несложность) 71.
Домашнія животныя 62.
Дошиша (частное уч. завед.) 183.
Древесные виды 6.
Дѣйствительная служба 148.
Дѣти; отношеніе къ нимъ 14.
Дѣтскіе сады 160.
„Желтая опасность“ 209.

Желѣзныя дороги 201; акц. комп. 202; доходность ихъ 203; оборудованіе 204; недостатки ихъ 204.
Желѣзо 69.
Женщина 53.
Женскій и дѣтскій трудъ 75.
Жилище 27.
Журналы 191.
Займы 213.
„Законъ объ охранѣ мира и порядка“ 83.
Законы основные 117, 108; избирательные 108.
Законодательное бюро 134.
Заработная плата 78.
Землевладѣніе 56, 99.
Земледѣліе; прогрессъ его 66.
Земельныя мелиораціи 65.
Землетрясенія 3.
Золото 69.
Игрушки 15.
Изанаги, Изанами 32.
Императоръ 131; его исполнительная власть 132; его неотвѣтственность 132; его личный совѣтъ 134.
Интенсивность труда 18.
Искусство 197; преподаваніе его 179; декоративное 197.
Ійозе-секи 194.
Каго 201.
Кайбара 51.
Каменный уголь 68.
Капитализмъ 208.
Катайяма 84.
Катсура 127.
Квазоку 99.
Кейо-Гиджику—частный унив. 180.
Кенсаихонто 124.
Кены 135.
Китайскія письмена 155.
Кимоно 28.
Климатъ 4.
Клавы 102.
Книжное дѣло 192.
Конференція 116.
Конфуцій 37.
Космогонія 32.
Костюмъ 28, 30.
Красота природы 1.
Красный крестъ 149.
Крестьянинъ; аренда 56, 58; рабочій годъ 61; хозяйство 61.
Культурная площадь 58.
Культурныя растенія 7.
Кустарь 70, 73.
Куро-Сиво 4.
Лѣса 4, 5.
Массажъ 93.
Мелочность 62, 18.
Меценаты 199.
Министерство 149; кабинетъ 133.
Министры 133.
Мореходство 206.
Морскія животныя 8.
Музеи коммерческіе 98.
Музыкальная академія 179.
Налогъ; земельный 212; промысловый 212; подоходный 213.
Народное образованіе; министерство 156, 184; самодѣятельность общества 180; пожертвованія 184; расходы 157; уложеніе 152.
Народный учитель 157.
Населеніе 22—26.
Настойчивость 16.
Насѣкомыя 7.
Начальное обученіе; свѣтскость 153.
Начальная школа 152.
Неприкосновенность жилища 104; почтовой корреспонденціи 104.
Нефть 69.
Нищіе 92.
Оби 29.
Обязательность нач. обуч. 151.
Ойи Кентаро 80.
Обученіе; плата за него 156.
Общества попеченія о заключенныхъ 145.
Опрятность 12, 28.
Острова 1.
Палата; ея права 112; публичность засѣданій 116.
Парламентъ; его составъ 110; бюджетное право 117; права его 117; открытіе и созывъ его 120.
Патріотизмъ 15.

Пассажирское движеніе 203.
Педагогическій музей 159.
Педагогическія способности 156.
Переселеніе 24.
Переутомленіе учащихся 188, 163.
Петиціи 119.
Пища 30.
Пожары 28.
Пожарные 140.
Полевое хозяйство; его интенсивность 59
Политическіе нравы 129.
Политическія партіи 122.
Политики; новое поколѣніе ихъ 130.
Полиція 139; высшая школа полицейской и тюремной службы 141; условные посты 141.
Поселки 25.
Поѣздки за границу 172.
Почтово-телеграфныя сношенія 206.
Почтово-сберегательныя кассы 207.
Похороны 45.
Пресса 188.
Престолонаслѣдіе 132.
Прислуга 90.
Программы учеб. завед. 163.
Производство бумаго-прядильное 208; спичечное 209.
Промышленность фабрично-заводская 207.
Просвѣщеніе; его геогр. распр. 160.
Проституція 91.
Процедура законодательная 114.
Профессіональное образованіе 177, 174.
Пути сообщенія 200.
Птицы 8.
Пэры 113.
Рабочее движеніе 106, 80.
Рабочее законодательство 86.
Рабочій союзъ 81.
Рабочіе; ихъ положеніе 76.
Разводъ 52.
Распущенность 18.
Растительные пояса 6.
Растительный міръ 5.
Ребенокъ 45.
Религіозность 31.
Религіозная терпимость 32.
Риккенъ-каи-синъ-то 124.
Риккенъ-сейю-кваи 124.
Риккевъ-теи-сеи-то 124.
Риссиша 122.
Рыбная ловля 1.
Рыболовства 66; общества 67; высшее учебное заведеніе 68.
Рыбоводство 68.
Сѣдики 11.
Садоводство 65.
Санджиконайинъ 135.
Самоуправленіе 136.
Самообложеніе 139.
Священнослужители 43.
Свобода личности 104; слова и печати 105; союзовъ и собраній 106; совѣсти 106.
Сенмонская школа 182.
Семейная организація кустарнаго промысла 72; коммерч. предпр. 98, 96.
Семья 25, 50, 27.
Семинаріи учительскія 157.
Симпото 124.
Скотоводство 65.
Слѣпцы 92.
Соны 135.
Сословный составъ общества 99.
Союзъ машинистовъ 82.
Соціализмъ 84.
Соціалистическое общество 84.
Способности 17.
Спеціальныя высш. учеб. завед. 178.
Среднее образованіе 153.
Стыдливость 29.
Студенты 170.
Судоходство 1.
Суды 106.
Суевѣріе 92, 43.
Суетность 16.
Табакъ 29.
Театръ 192.
Техническія училища 177.
Тихій океанъ 2.
Толпа 13.
Торговля 210; мелкая 95.
Торговцы 93.
Торговыя школы 94.
Торіи 34.

Траурь 47.
Тщеславіе 16.
Тюремное вѣдомство 143.
Тюрьмовѣдѣніе 144.
Удобреніе 60.
Укрѣпленіе береговъ 205.
Университетъ 166, 168.
Управленіе мѣстное 135.
Условное освобоженіе 144.
Учащіеся; помощь имъ 170.
Ученые 169.
Учрежденія ученыя 173.
Хара 7.
Hotokoucha 63.
Художественное производство 72.
Хризантема 10.
Христіанство 40.
Храмы 31.
Цвѣты 10.
Цвѣтоводство 10.
Цѣнность имущества 213.
Цѣны на землю 62.
Честолюбіе 16.
Чижи 135.
Чо 135.
Чунча 135.
Шизоку 99.
Шинто 32—41.
Шичо 135.
Школа высшая средняя 164.
Школа средняя 162.
Школьные комитеты 155.
Школы для слѣпыхъ и глухихъ 177.
Школьный возрастъ 154.
Шовинизмъ 15, 155.
Шунгуяку 135.
Факультеты 168.
Фауна 8.
Физическій обликъ японца 21.
Флотъ 150, 205.
Фуджи-яма 2.
Ши 135.
Языки иностранные 165.
Японское искусство 199.
Этетическое чувство 10.
Этикетъ 13.